

Екатерина Владимировна

Понять,
простить,
любить

И Мелом,
и Душой

Двое, предназначенные друг другу самой Судьбой... или Бездной — обреченные вечно стоять на краю. История Лены и Максима Колесниковых, брак которых должен был стать счастливым, но превратился в вечную борьбу с собой, обстоятельствами и прошлым. Не уйти и не отпустить, не остаться и не хранить. Но время расставит случайности по своим местам, заставив каждого из них заглянуть в себя.

Психодрама со множеством внутренних монологов героев.

«Я любовь узнаю по боли...»

Марина Цветаева

«Кто сказал, что любить легко?...»

Вероника Тушнова

Пролог

Холодным было это утро, а она никогда не любила холод; у нее постоянно мерзли ноги. За это он называл ее лягушкой, а она не обижалась, прощала ему это. Как всегда прощала все.

И сегодня застывшие на стеклах разнообразными узорами капли дождя впивались в сердце сотнями острых иголочек, пронзая, казалось, каждую частичку ее полуразрушенного существа. Бередили раны, оставляя новые порезы и зарубцовывая ее вновь. Жадно выпивая до дна всю ее, не оставляя ни капли даже на единственную возможность выжить в агонии собственного безумия.

Сегодня было особенно холодно.

Она сидела в кресле, поджав под себя ноги, и невидящим взглядом смотрела на печку, в которой со звучным хрустом потрескивали дрова.

Руки тоже замерзли и к тому же дрожали, поэтому она спрятала их в длинные рукава шерстяной кофты.

Она закрыла глаза. Ресницы мгновенно задрожали, по щеке скатилась одинокая слезинка и коснулась губ. Она слизала ее языком и тихо всхлипнула.

Страшно... Больно... Одиноко...

Как же ей теперь жить со всей этой болью?! С одиночеством?! Со страхами и сомнениями?!

Как теперь жить... без него?!

Она уткнулась головой в подушку, зажатую между локтей, спрятала щеки, по которым покатались соленые капли боли и отчаяния, в широких рукавах огромного свитера. И заплакала, не сдерживая слез. Никто не увидит ее слез. Никто не услышит громких стонов ее горечи и криков безумия.

Она сама все решила.

А теперь не знала, как с этим жить.

Она сжалась в комочек, поджала под себя ноги сильнее и, откинув голову на подлокотники кресла, тяжело вздохнула. Сердце словно бы разрывалось на части. А из легких будто бы выкачали весь кислород.

Хотелось не сдерживаться больше, не мучить себя. Закричать. Громко. Надрывно. Резко. Заявить миру о всей своей боли. Но она не могла... Она научилась скрывать боль.

И к тому же... кто мог подумать, что будет ТАК больно?!

Она приоткрыла глаза и невидящим взглядом уставилась в потолок.

Она сама все решила. И никто уже не мог ей помочь.

Он никогда не хотел детей. Он не любил детей. Не умел с ними обращаться. Когда видел чужого малыша, обязательно отворачивался в сторону, словно не замечая его.

А она хотела. Желала ребенка. Просто жаждала держать своего малыша на руках и убаюкивать его, петь ему колыбельные и шептать на ушко какие-то сладкие слова, целовать его перед сном, касаясь губами мягкой нежной кожи и зажимать маленькую ладошку пальцами.

Она отчаянно хотела от него детей.

Слезы вновь коснулись уголков ее губ, оставляя во рту противный солоноватый привкус.

Теперь уже поздно о чем-либо думать. Слишком поздно.

Она тяжело вздохнула и покосилась на дверь ванной комнаты.

Почти полчаса прошло. А она так и не зашла туда.

Боялась. Очень боялась. Того, что там увидит. Или не увидит...

Страшно.

Холодно.

Она обхватила себя руками, передернув плечами.

Заставила себя приподняться, встать на ноги. Дрожа и обхватывая себя руками, она прошла в ванную комнату и закрыла дверь на ключ. Прислонилась к стене, боясь подходить к полке, на которой лежало сейчас блюдо ее жизни. Но все же сделала шаг вперед, осторожный и размеренный.

Руки дрожали, когда она холодными пальцами подхватила белую полосочку.

Закрыла глаза, словно собираясь с силами, широко распахнула их.

Мир вспыхнул миллионами разноцветных огней... и тут же погас.

Он никогда не хотел детей.

А она отчаянно в них нуждалась.

1 глава

«Я, словно бабочка к огню
Стремилась так неодолимо,
В любовь, волшебную страну,
Где назовут меня любимой...»

Марина Цветаева

Лена часто приходила сюда. Уединенный уголок старого городского парка, будто спрятанный от посторонних глаз разросшимися кустами орешника и дикой малины, утешал и успокаивал, в отличие от неугомонной суеты и толкотни большого города. Нелюдимый, пустой, заброшенный.

Такой же, как и она, — брошенный когда-то.

Наверное, кроме этого места, не было на свете другого такого, где она чувствовала бы себя спокойно. Где она могла бы отдохнуть душой. Забыть про обиды и боль, таившиеся в сердце. Засевшие туда занозой много лет назад и теперь отчаянно гноящиеся, бередящие старые раны, вызывающие новую боль, которая разрывала на части еще сильнее, чем прежде.

Потянувшись за пакетом, Лена достала из него горсть золотистых зерен и рассыпала на асфальте рядом с собой.

Голуби радостно загукали, потревоженные звуком посыпавшегося угощения, и, легко взмахивая крыльями, опустились около ее ног, чтобы полакомиться кормом.

Лена мимолетно улыбнулась, наблюдая за тем, как сизый голубь с пушистым брюшком, отгораживая от захваченных им зерен своих друзей, припасает их для белой важной голубицы с «кружевным» хвостиком.

Она любила приходить сюда и из-за них тоже. И радовалась, как ребенок, когда они подлетали к ней, садились около ног и с радостью хватали приготовленное для них лакомство.

Она откинулась на спинку лавочки и тяжело вздохнула.

Максим не любил приходить сюда.

Она уже и забыла, когда они в последний раз просто так гуляли где-нибудь, так давно это было.

Просто гуляли. Не для того, чтобы на публике Макс смог показать, «какая у него замечательная жена», а для того, чтобы просто побыть вместе. Пройтись по старой аллее, шурша золотистой и багряной листвой, запутавшейся в ногах. Держась за руки, как влюбленные друг в друга подростки. Смотреть друг другу в глаза и улыбаться, замечая косые, словно бы смущенные, взгляды своей второй половинки. И кормить вместе голубей. Сыпать им корм и следить за тем, как они стайкой слетаются у ног, заведя угощение. И смеяться. Искренне, а не натянуто, словно лишь для того, чтобы не обидеть собеседника. Смеяться над мелочами. Хотя бы над тем, как этот пузатый голубок заботливо подкармливает свою голубицу, защищая ее от нападков своих друзей.

Лена уже забыла, что значит — искренне смеяться. Она помнила у себя на лице лишь натянутую гримасу вместо улыбки и огоньки боли и обиды, а не блеск радости.

Когда они с Максимом просто так гуляли по парку? Было ли такое вообще?..

В груди что-то дрогнуло, отзываясь новой болью в висках.

Было. Много лет назад. Девять лет назад.

Очень многое изменилось с тех пор, как они поженились. С тех пор, как они встретились!

Лена опустила голову, невольно наблюдая за тем, как голуби, доедая зерна, начинают разлетаться в разные стороны. И они тоже бросают ее. Они всегда улетали. Как и он. И так же, как и он, они всегда возвращались. Потому что она давала им новое лакомство каждый раз. Не давала бы — она бы их больше и не видела.

А вот почему возвращался Максим, она сказать затруднялась. Почему он до сих пор оставался с ней, тоже было для нее загадкой. Он мог покончить с их браком еще девять лет назад. Когда он свершился. Он мог бы все прекратить, мог бы открыть доступ к кислороду, который она невольно ему перекрыла. И который он невольно перекрыл ей. Он мог бы уйти, бросить ее. Прекратить этот фарс. Освободиться от обязательств. Но не сделал этого.

На это была лишь одна причина. И Лену она не обнадеживала. Он просто не хотел перемен. Он ненавидел перемены. Они приносили неприятности, он это прекрасно знал. Помнил. И он их боялся, наверное. Боялся, что они так же, как и девять лет назад, испортят ему жизнь.

А потому просто терпел ее присутствие рядом с собой.

И она терпела. Потому что знала, что жить без него уже не сможет.

А он бы смог. Она это знала. Он смог бы! Просто не хотел. Ему было УДОБНО быть с ней.

А она не могла иначе.

Почувствовав горячую слезу, пробежавшую струйкой по щеке, Лена смахнула ее пальцами и втянула в себя воздух.

Она плачет?.. Боже, да она плачет.

Девушка горько усмехнулась.

Вновь плачет, скрывая свои слезы за натянутыми улыбками. Сколько фальши, сколько лжи!

Она привыкла прятать боль, скрывать ее ото всех. Потому что показывать ее было некому. У нее никого не было. Только Максим... Но и его у Лены, по сути, не было.

Сегодня утром она обнаружила, что потеряла обручальное кольцо. И побоялась сказать ему об этом. Она прекрасно знала, что он скажет. И от этого чувствовала себя еще более ненужной ему.

«Я куплю тебе новое!».

Но разве это она хотела бы от него услышать?! Хотя бы слово, единственное слово утешения или сожаления?! Ведь он прекрасно знал, КАК она ко всему этому относится! И как дорого ей все, что связывает ее с ним! Но он не скажет слов утешения. Потому что полагает, что ей они не нужны.

Свое же обручальное кольцо он носил постоянно. А мог бы не носить. Ведь никогда не считал их брак настоящим. Но он носил золотой ободок с выгравированным на внутренней стороне именем — ее именем! — словно оковами связывающий его с ней.

Носил, словно специально напоминая ей о том, почему ему пришлось его надеть.

Он никогда не скрывал, как относится ко всему, что они пережили. И она понимала его. Ей даже не приходилось просить объяснений, она все прекрасно понимала и сама. Он

никогда ничего от нее не скрывал. У него бы и не получилось. Она давно научилась читать по его глазам.

И ей было больно каждый раз, когда он напоминал ей том, что было.

Ей было больно, но она терпела. Скрывала боль. Потому что любила. Любила его, как сумасшедшая, так отчаянно, так сильно, так безгранично и неистово, так безнадежно. Так безумно и безудержно, что могла простить ему все. И прощала. Каждый раз прощала. Вновь и вновь.

И он всегда возвращался к ней. Всегда.

А она ждала. И он, знал, что она ждет.

Это был замкнутый круг.

Они девять лет ходили по замкнутому кругу, не находя выхода... которого не было.

Лена часто задышала, приоткрыв рот, вдыхая теплый воздух бабьего лета. Ощущая носом запах осенней листвы и аромат малины, щекочущий ноздри своей сладостью и пряностью.

Голуби уже почти все разлетелись с надеждой на то, что скоро получат новое лакомство.

Лена убрала пакет в сумку, торопливо справляясь с молнией.

В кармане завибрировал телефон. Она вздрогнула, посмотрела на дисплей. Максим.

Он всегда звонил, когда ей было плохо. Всегда, словно чувствуя, что что-то не так. Словно проверял ее.

— Да? — проговорила она тихо, стараясь, чтобы дрожащий голос звучал спокойно и размеренно.

— Где ты?

Вот так, без предисловий, слов приветствия! В этом был весь Максим. Она уже привыкла. За девять лет.

— В парке, — тихо ответила она. — Кормлю голубей.

Молчание и тяжелое дыхание в трубку, чтобы она слышала его, чтобы чувствовала, что он недоволен.

— Ты мог бы тоже присоединиться, — тихо предложила Лена, мгновенно пожалев о своих словах.

Тихий едкий смешок стал ей ответом.

— Нет уж, избавь меня от этого! — сказал он почти грубо, а потом, почти без паузы выпалил: — Сегодня в семь ужин у родителей, ты не забыла?

Разве она могла об этом забыть?! Она никогда не забывала о том, что касалось его.

А вот он не мог похвастаться тем же.

— Я помню, — прошептала Лена и закрыла глаза. — Помню...

— Ты хорошо себя чувствуешь? — раздраженно спросил Максим. — У тебя голос словно бы нездоровый!

Лена сглотнула. Все-то ты чувствуешь! Не чувствуешь только, как мне больно он твоего равнодушия!

— Со мной все в порядке.

— Точно?

Пришлось солгать еще раз.

— Точно.

Молчание, долгое и мучительное. Разрывающее тишину старого парка своей звонкой

тишиной.

Он ей не поверил.

— Хорошо, — растягивая слова, проговорил мужчина. — Значит, в семь? Ты помнишь?!

— Я помню, Максим.

— Отлично, — раздраженно бросил муж. — До вечера!

— До вечера, — натянуто повторила она и отключилась.

Позже, чем это сделал он, и она успела услышать лишь глухое равнодушное молчание телефона.

До вечера...

Лена еще некоторое время просто смотрела на зажатый в руке телефон, а потом положила его в сумку.

Максим умел подавлять ее, всегда и во всем. Да она всегда сама себя подавляла. Стараясь ему угодить.

Поэтому и сейчас быстро закинула сумку на плечо.

Почему она не может остановить себя от того, чтобы каждый раз ему подчиняться, когда он требует подчинения?! Нет, он никогда не подавлял ее физически, никогда такого не было. Но порой он говорил таким голосом и смотрел в глаза таким взглядом, подавляющим ее волю, способную, казалось бы, к ничтожным попыткам сопротивления. И она сдавалась. Мгновенно перегорала, как спичка.

Он привык к тому, что она всегда делает то, что он говорит.

А она привыкла к тому, что всегда пытается ему угодить.

Лена привстала с лавочки и, засунув руки в карманы бежевого плаща, направилась к выходу из парка медленными, но уверенными шагами.

Максим, Максим, Максим... За что ты так со мной? Ведь я тебя так сильно люблю!

Девушка опустила голову, упираясь взглядом в носки своих темных полусапожек, и улыбнулась, слушая восхитительное шуршание сухих листьев под ногами.

Она любила это место. Особенно осенью.

А Максим его почти ненавидел. И у него на это были причины. Как, впрочем, были они и у нее.

Зачем она предложила мужу приехать сюда? Ведь знала же, что он разозлится. Он никогда не любил парки. А этот — особенно. О многом он ему напоминал. О том, о чем Максим вспоминать не хотел. Но о чем постоянно напоминал ей. Он не забыл. Да такое и не забывается! И до сих пор не простил ее.

И она чувствовала свою вину.

Если бы не Лена, тогда девять лет назад... Если бы так не получилось...

— Мамочка! Мамочка! Посмотри на меня!

Лена вздрогнула, напряглась. Но не подняла головы, не остановилась, сдержалась.

Послышались детские голоса... Веселый смех... Лай собаки... Снова смех...

Лена сжала руки в карманах плаща, но не обернулась. А так хотелось!

Она стиснула зубы и ускорила шаг.

Было слишком больно.

Может быть, именно поэтому она и приходила на старую лавочку в заброшенной части парка, скрытую от всеобщего взгляда? И от собственного взгляда, способного увидеть нечто запретное, — тоже.

Потому что было слишком больно. До сих пор — больно.

Но она постоянно приходила сюда, не могла не приходиться. С этим местом было связано слишком много.

Однажды Максим уже просил ее больше не посещать этот парк, не терзать себя, забыть то, что было. И он действительно просил, а не назидательно уговаривал. Но она не подчинилась. И он сдался. Больше слова ей не сказал, но... Лена видела неудовольствие на его красивом лице и раздраженный блеск в синих глазах, когда она говорила, что вновь приходила сюда. Или слышала стальные нотки в голосе... Как сегодня...

И он по-прежнему продолжал ее контролировать. Опасался?.. Совершенно напрасно.

В сумке вновь завибрировал телефон.

Нащупывая его пальцами, но, не глядя на дисплей, Лена уже знала, кто звонит. Максим.

— Да?

— Ты все еще там?!

Лена сжалась. Вновь вместо приветствия требовательные вопросы.

— Уже уйду.

— Я говорил тебе, что ты должна быть дома в пять? — мгновенно сменил он тему.

— Нет, не говорил...

— Ну, так говорю сейчас! — отрезал он. — Приезжай, я тоже скоро буду.

— Хорошо...

И он отключился. Она так и не успела сказать ему что-нибудь еще.

Обида застыла в горле соленым комком слез, но Лена не позволила ей вырваться из груди.

Сглотнув и поджав губы, она положила телефон назад в сумку.

Так было всегда. Он звонил, оставляя за собой последнее слово, а она потом молча глотала слезы от невозможности что-либо ему ответить.

Лена знала, что он звонил лишь с одной целью. Убедиться в том, что она ушла.

Преданная, безвольная, ждущая и безумно любящая его. Слабая в своей безграничной любви женщина.

Он всегда контролировал каждый ее шаг. Уже девять лет подряд, изо дня в день.

И она позволяла ему это делать.

Тяжело вздохнув, Лена свернула к выходу и быстрыми шагами направилась к остановке.

Максим тяжело выдохнул и уставился на телефон, с силой зажатый в руке. Глаза потемнели, а губы сжались так, что на скулах заходили желваки.

Он. Опять. Это. Сделал. Позвонил ей!

Не для того, чтобы напомнить об ужине у родителей — это была лишь отговорка, и он это понимал. Лена никогда ни о чем не забывала. А для того, чтобы проверить, чем сейчас занимается жена. Хотя и без этого прекрасно знал, что она сейчас в том самом парке кормит голубей. Но ему нужно было убедиться. Услышать ее голос, подтверждающий это. А потом еще раз услышать его, чтобы узнать, что она уходит.

И он был просто в гневе на самого себя от бесконтрольного желания подчинить ее себе. Знать, где она и с кем. Что делает и чем думает заниматься потом. Он бесился, когда не мог до нее дозвониться, телефон ли был отключен, или же Лена просто не ответила. А потом срывал свою злость на ней! Говорил пару слов раздраженным голосом, чтобы она слышала его злость, и отключался сам. Всегда первый. Чтобы она не успела заметить и понять, — что злится он на себя, а не на нее.

Максим отбросил телефон в сторону, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

А сейчас Лена едет домой. Он тоже скоро поедет. К пяти будет дома, как и обещал...

Максим резко выпрямился в кресле, посмотрел на часы. Половина третьего.

Стиснул зубы и чертыхнулся себе под нос.

Рано заканчивать рабочий день.

Максим нахмурился. Плевать на все! Это его фирма, черт побери!

Он наклонился над столом и связался с секретаршей.

— Марина, я еду домой. Встречи перенеси на понедельник, позвони Маркову и скажи, что совещание переносится, тоже на понедельник. Если будет звонить Кожан, проси перезвонить мне на мобильный. Если придет Петя... Петр Михайлович, я перезвоню ему сам, завтра. Все ясно?

Марина, ошарашенная заявлением, вначале промычала что-то невразумительное, а потом выдавила:

— М-да, Максим Александрович. Я все сделаю.

— Отлично. Я буду на связи, если что, — он хотел отключиться, но Марина вдруг воскликнула:

— Эээ... А как же Нуварова?

Максим чертыхнулся в голос и стиснул зубы.

— А что Нуварова?

— Она же... она приходила к вам, вы о встрече договаривались, — пробормотала Марина. — Вечером. И столик в ресторане на девять.

Максим вновь чертыхнулся, уже громче. Навалился на стол всем телом.

— Я сам ей позвоню, — он привстал с кресла. — Это все?

— Д-да... вроде бы, д-да...

— Отлично, — и отключился.

Через десять минут оделся, выскочил из офиса, запрыгнул в машину и на всей допустимой скорости помчался домой.

Когда Лена пришла, Макс был уже дома.

Она еще не видела его, но чувствовала, что он здесь. Она всегда знала, что он где-то рядом.словно электрический разряд пронзал ее тело миллионами вольт, посылая импульсы к сердцу, к каждой клеточке ее тела, к каждой частичке ее души. Он рядом.

Лена прошла в прихожую, поставила сумку на стул и повернулась к вешалке, снимая с плеч плащ.

И тогда он подошел к ней сзади. Совсем неслышно, словно передвигался по воздуху. Она не слышала его передвижения.

Ее сердце предательски дрогнуло. Как дрожало всегда в его присутствии.

Она знала, что он подошел. И что стоит теперь в дверном проеме и смотрит на нее, наблюдает из-под немного опущенных век за ее движениями. Возможно, скрестив руки на груди, или небрежно засунув их в карманы джинсов. Прищурившись, осматривает ее с ног до головы и не произносит ни слова.

Порой для общения им не нужны были слова. Они все понимали и без слов.

— Ты дома? — проговорила она, так и не повернувшись к нему лицом, потянувшись, чтобы повесить плащ.

Он вздохнул, выдавая свое присутствие, о котором она и так уже знала.

— Да. Ушел пораньше, — проговорил он и двинулся к ней.

Лена замерла. Пораньше? Да еще только четвертый час!

— Еще и четырех нет, — проговорила она тихо и повернулась к нему лицом.

Почему хватает и одного взгляда на него, как ее бросает в дрожь? Эти правильные черты лица, волевой упрямый подбородок, пронзительные синие глаза, казалось, заглядывающие внутрь ее существа, и плотно сжатые губы, словно сдерживающие поток слов, которые он хотел бы произнести.

Самый красивый мужчина на свете. И он был ее мужем.

Только на бумаге. Только штамп в паспорте. Никакой любви.

— Ты не рада тому, что я пришел раньше? — раздраженно спросил Макс, скривив губы.

Лена покачала головой.

— Я думала, у тебя много дел, — выдавила она из себя. — В следующую субботу благотворительный вечер.

Макс поморщился и посмотрел в сторону.

— Я помню, — сказал он сквозь зубы.

Он был зол. Вновь зол. Лена чувствовала это каждой клеточкой души, для которой он стал воздухом. И могла поклясться, что сейчас его руки, спрятанные в карманах джинсов, сжались в кулаки.

— Ты долго, — сказал Максим вдруг.

Так вот что его беспокоит! Когда он позвонил, ей нужно было, оказывается, тут же хватать такси и мчаться домой, чтобы, как верной преданной жене, дожидаться его тут?!

Когда он ожидал от нее ТАКОГО подчинения, что-то внутри кричало о том, чтобы она воспротивилась.

Лена подхватила сумку и уставилась на него.

— Прости, пробка на дороге.

Он смотрел на нее долго и пристально. И молчал. Ни слова не произнес. Но она видела читала по его глазам, что что-то горит внутри зрачков, что-то, что хочет вырваться наружу, он хочет что-то сказать, выкрикнуть, возможно. Но он молчал, упрямо поджав губы и стиснув зубы.

Лена вздохнула и прошла мимо него в гостиную.

— Ты поел? — спросила она.

Она не видела, но знала, что он медленно повернулся к ней и все таким же упрямым пристальным взглядом смотрит сейчас ей в спину, словно призывая ее остановиться, обернуться к нему.

И она обернулась. Встретила его грозный взгляд.

— Еще нет, — ответил он на ее вопрос и совершенно без паузы: — Ты ничего не забыла сделать?

Лена уставилась на него. Сглотнула, не совсем понимая, о чем он говорит. Покачала головой.

Темные брови мужа взлетели вверх.

— Не поцелуешь мужа хотя бы в щечку? — спросил раздраженно.

Руки у нее затряслись от тона его голоса. Она чуть не выронила сумку.

Облизнула пересохшие губы и сделала нетвердый шаг к нему.

Как только вошла, она хотела сделать именно это. Но не решилась.

Она подошла к нему, потянулась к лицу, намереваясь поцеловать в щеку. Но Максим

мгновенно одним резким движением притянул ее к себе и заставил смотреть в глаза. И Лена испуганно смотрела.

Он молчал, пристально изучая ее лицо, а затем жестко прижался к ее губам грубым поцелуем. Его язык скользнул ей в рот, жадно исследуя его сладость, словно в который раз оставляя на ней свою метку. Хотя это и было глупо. Она итак принадлежала ему. Сколько бы он этого не пожелал. А он все терзал и терзал ее своими губами, пробегая по ним языком и вновь возвращаясь в рот. Сдерживая ее руки, прижимая ее к себе все крепче, все сильнее...

Лена застонала. И Максим вдруг отстранился. Заглянул ей в глаза, тяжело дыша, и прошептал:

— Никогда об этом не забывай. Ясно?

Лена кивнула. В глазах стояли слезы.

Зачем он так? Почему?..

Максим отпустил ее локти и отступил на шаг. Вновь засунул руки в карманы джинсов.

Уставился на нее так, словно ничего не произошло.

Лена молча стояла и смотрела на него, а потом и сама отступила, выдохнула и прохрипела:

— Я пойду в душ.

— Хорошо, — просто согласился он.

Она отвернулась.

— Не запирай дверь, — услышала она его приказывающий голос.

Она вздрогнула, передернула плечами, но кивнула.

— Хорошо.

Она знала, что он придет. Когда он так говорил, он всегда приходил. И она всегда ждала его.

Чего у них всегда было достаточно, так это секса. Где, как и когда он этого хотел. Максим знал, чем может сломить ее попытки к сопротивлению, если такие в ней зарождались. Стоило ему к ней прикоснуться, и она сгорала, словно спичка. Быстро, почти мгновенно.

Так всегда было. Все девять лет, начиная с той самой первой, роковой ночи.

Но сегодня хотелось воспротивиться, не подчиниться ему, запереть дверь ванной.

И она даже сделала это!

Дрожащими пальцами защелкнув замок, и горячим лбом прислонившись к дверному косяку, она еще верила в то, что может сопротивляться. Сможет отказать ему, сможет выстоять, не пасть. Сопротивляться. Хотя бы попытаться... Просто попытаться... Но не смогла.

Все так же дрожащими пальцами щелкнула замком, открывая дверь. Закрыла глаза от собственного бессилия и почувствовала, как щеки коснулась слеза, скатившись в уголок губ и попав на язык противной соленой каплей.

Теперь Максим придет совершенно точно.

Он всегда проверял ее. И сейчас тоже. Слышал щелчок замка. И догадался, что она задумала.

На нетвердых ногах Лена встала под горячие струи воды, смывая недавние следы слез.

Сердце грохотало в груди, как сумасшедшее, и она дрожала мелкой дрожью. Ожидая прихода Макса.

И он пришел. Распахнул дверь душевой кабинки и протиснулся в нее, резко прижимая

жену к стене.

— Ты хотела закрыть дверь, — проговорил он, лаская ее щеки своим тяжелым дыханием.

Врать не имело смысла.

— Да, — прошептала она, глотая теплые струи воды губами. — Хотела.

Макс приподнял ее над полом, налегая на девушку всем телом.

— Совершенно напрасно, — выдавил он, прежде чем прижаться к ее губам в дерзком, вновь порабошающем ее поцелуе и сжать ее тело своими крепкими руками.

Лена не успела и вскрикнуть. Он проглотил ее крик своими губами.

Руки прошлись вдоль ее тела, проворные пальцы нащупали напряженный сосок и захватили его в плен. Губы терзали ее рот, язык слизывал с нее горячие капли воды, приказывая ей подчиниться, вновь и вновь убеждая ее в том, что она не может сопротивляться ему. И не сможет никогда.

Он приподнял ее за ягодицы, вынуждая обхватить себя кольцом ног, и она сделала это. Всхлипнула, когда его пальцы, нащупав жар и влагу женского естества, проникли внутрь, словно проверяя, какая она там, и стали медленно и размеренно двигаться. Вынуждая ее прогибаться им навстречу, желать большего, совершать конвульсивные движения, побуждающие бы их проникнуть еще глубже.

Максим прошелся губами по ее щеке, захватил мочку уха, облизнул ее языком.

— Ты все еще хочешь, чтобы я ушел? — прошептал он прерывисто.

Лена выгнулась сильнее, прижимаясь к нему всем телом, желая лишь одного в этот момент, чтобы он, наконец, наполнил ее своей плотью. Скорее, скорее... Сейчас!

— Хочешь? — настойчиво шептал он, терзая губами ее ушко, и продолжая двигать пальцами внутри нее.

Лена откинула голову на стену и закрыла глаза. Замотала головой, прикусила зубами нижнюю губу. Вцепилась руками в его волосы и потянула на себя.

— Или ты хочешь чего-то другого? — протянул он прерывисто и хрипло.

Она чувствовала, что он готов взять ее, его член застыл у входа в ее лоно, жаждущего его внутри себя. Но он медлил. Не делал последнего рывка, не давал успокоения и удовлетворения.

Ждал от нее повиновения ему.

— Ле-ена-а... — протянул он, касаясь языком ее виска. — Моя Лена... Скажи мне...

И эти его слова, его тихий стон ей в ухо. Она сдалась. Зачем только сопротивлялась, спрашивается?!

— Я хочу тебя! — выкрикнула она.

— Как сильно хочешь? — выдохнул он, подхватывая ее и почти насаживая на себя.

— Очень... очень хочу! — выдохнула она, двигая бедрами ему навстречу. — Пожалуйста... Максим!

Он толкнул ее на стену и вонзился в тесные глубины.

Лена застонала, он тоже. И прижался лбом к ее виску. Затем поцеловал в уголок губ и стал двигаться. Четко, размеренно, глубоко проникая в нее с каждым новым толчком. Снова и снова доказывая свое превосходство над ней. Сильнее, жестче, с каждым выпадом подавляя ее. Двигался резко, стремительно, не останавливаясь, придерживая ее руками под ягодицы, и не давая ей упасть.

Ее ноги почти разжались, готовые соскользнуть с его бедер, но он удержал ее, вонзаясь

в нее еще сильнее, еще глубже. Испивая ее до дна своими толчками.

Ее пальцы запутались в его волосах, она потянула их на себя, наверное, делая ему больно, прижимая к себе его лицо, касаясь ладонями щек. Она ощущала это не просто необходимость, но потребность касаться его кожи своими ладонями. Лена застонала, когда он прижал ее к стене плотнее, почти распластав на ней, последний раз толкнулся и излился в нее с таким же сладостным стоном, что и у нее.

Тяжелое дыхание оглушало. Сердца стучали в унисон. Капли воды стирали жар и следы желаний.

— Никогда так не делай, — прошептал Макс, уткнувшись носом ей в шею. — Никогда...

Тяжело дыша, он уткнулся носом ей в шею, лизнул выступившую трепещущую жилку, поцеловал.

А Лена безвольно кивнула не в силах что-либо сказать.

Она всегда ему подчинялась.

2 глава

«Ты чужая, но любишь,

Любишь только меня...»

Иван Бунин

Чета Колесниковых жила за городом, в часе езды от дома Максима и Лены. Они перебрались туда чуть больше года назад, когда отец Макса, преуспевающий врач гинеколог Александр Игоревич, решил оставить свое место в городской больнице и перебрался за город, чтобы, как он выражался, «наслаждаться прелестями пенсионной жизни».

Его, как одного из ведущих специалистов города, пытались удержать руками и ногами, и, конечно же, отпускать не желали, предлагая всевозможные премии и надбавки к зарплате. Но Александр Игоревич был непреклонен в своем решении, как и в решении любого вопроса, который бы перед ним не стоял, а потому удержать его в городе так никто и не смог.

Максим и Лена, конечно, не настаивали на том, чтобы он остался, прекрасно понимая, что даже малейшая попытка сделать это, будет обречена на провал. А его жена Лидия Максимовна изначально не была против того, чтобы перебраться за город. Тем более что в тот же год решила, словно «в ответ мужу», оставить место преподавателя в средней школе, где работала учителем русского языка и литературы.

Они нашли и купили двухэтажный дом, где теперь обитали постоянно, изредка навещаясь в город, и наслаждаясь загородной жизнью «в тиши и покое».

— За городом лучше, чем в городе, — постоянно утверждал Александр Игоревич, ничуть не пожалевший за этот год, что сюда перебрался. И Лена всегда понимала, что он имел в виду, когда и сама приезжала сюда.

Чистый, свежий воздух, без задымления и грязных пятен пыли, словно наполнял легкий кислородом, а не той дрянью, которая летала в городском удушливом угаре. Здесь даже дышать было легче.

Лена вдыхала ароматы осени, щекотавшие ее нос своей пряностью, спелостью и свежестью, полной грудью и закрывала глаза от наслаждения и странного ощущения, наполнявшего каждую клеточку ее тела осознанием, что жизнь прекрасна!

Максим свернул на повороте и посмотрел на нее.

Она почувствовала его взгляд, пробежавший по ней, словно раскаленный провод. Замерла на сиденье, боясь даже пошевелиться, и слушая удары своего сошедшего вмиг с ума сердца.

Максим перевел взгляд на дорогу, сжал руль сильнее.

— Где твоё кольцо? — резко спросил он, заставив Лену вздрогнуть.

Она нервно сглотнула, не глядя на него.

Вот она так и знала, что нужно было самой ему обо всем рассказать!

— Потеряла, — выдавила она из себя.

— Где?

Лена пожала плечами.

— Не знаю. Я искала дома, но не нашла, — она опустила голову, уставившись на свои сжатые пальцы — Может быть, где-то в другом месте...

Макс тяжело выдохнул и поджал губы.

— Я даже знаю — где! — сказал он раздраженно. — В парке.

Лена промолчала, по-прежнему не глядя на него. А что она могла увидеть в его взгляде?! Раздражение? Осуждение? Опять желание подчинить ее?!

— Я просил тебя не ходить туда, — тихо проговорил Максим.

— А я сказала, что все равно буду туда ходить, — отрезала Лена и сама себе удивилась.

Как это она могла такое произнести?! Она почувствовала, как мгновенно напрягся Максим от этих слов, как сузились его синие глаза, как брови сошлись на переносице, как губы сжались в плотную линию. И как тяжело он вздохнул и вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев.

Но они ведь уже разговаривали об этом! И решили, что, даже несмотря на его нежелание, она все равно будет ходить в парк и подкармливать голубей!

Почему же он злится?! Потому что не смог настоять на своем? Потому что попытался вновь «уговорить» ее принять его точку зрения и не смог? Или причина иная?

Лена вздохнула и тихо проговорила:

— Я всего лишь подкармливаю голубей, — она посмотрела на мужа. — И все.

Максим перевел на нее недовольный взгляд. Долго и пристально смотрел прямо в глаза. Вновь хотел ее подавить? А потом выдавил:

— Я знаю. Но мне все равно неприятно, что ты туда ходишь.

Губ Лены коснулась легкая улыбка. Сердце забилось чаще, отдаваясь в ушах.

Неужели он беспокоится о ней?! Неужели боится, что она может натворить глупости?! Волнуется и переживает за нее?! И все эти девять лет тоже переживал?..

Горячий, просто огненный шар стал разгораться в ней, все нарастая. Шар радости, переполнявший сейчас все ее существо. Хотелось петь, танцевать, смеяться! Только вот...

Почему Максим так грозно смотрит теперь на дорогу, сузив глаза и поджав губы, почему так крепко сжимает руль, почему так напряжены его плечи, и спина натянута, словно струна?

Он вновь был зол.

И улыбка Лены мгновенно сошла с лица, превратившись в унылую гримасу.

— Я куплю тебе новое, — сказал он вдруг.

Лена уставилась на него. Хотя прекрасно поняла, что он имел в виду.

— Кольцо, — пояснил Макс, бросив на нее быстрый взгляд и вновь возвращаясь им на дорогу. — Я куплю тебе новое, не переживай так.

Лена просто кивнула, не желая что-либо отвечать. И отвернулась к окну.

Разве не этого она от него ждала? Такие простые слова — «Я куплю тебе новое!». Не такие обидные, такие... бесчувственные! Сказал, словно отрезал. Вроде бы ничего особенного, а ей было больно! Больно, черт возьми, от его равнодушия! И было больно всегда. Все девять лет ее любовь была смешана с болью. Сама ее любовь постепенно превращалась в боль, разъедая ее кислотой. И она не могла ничего с этим сделать. Потому что уже зависела от нее, как от воздуха.

Вдали показался дом Колесниковых, и Лена вздохнула.

— Тебе так неприятно мое общество? — раздраженно спросил Максим, не глядя на нее. — Ты так вздыхаешь, словно готова выскочить из машины на ходу!

— Мне... просто нехорошо, — солгала Лена, мгновенно придумав «оправдание».

Максим ничего не ответил, но Лена видела, как сжались его губы.

Естественно, он ей не поверил. Но переубедить его или доказывать свою правоту, Лена была не в состоянии, и просто промолчала, наблюдая за тем, как Максим подъезжает к воротам, останавливаясь.

Александр Игоревич, увидев подъехавшую машину сына, привстал с лавочки, на которой сидел, читая книгу, снял очки и направился к ним навстречу.

Максим выключил двигатель и следом за Леной, стремительно выскочившей из салона, вышел из машины. Щелкнул кнопкой, устанавливая сигнализацию, и направился к дому.

Лена позволила Александру Игоревичу осмотреть себя со всех сторон и поцеловать в обе щеки, и рассмеялась на его заявление о том, что она «стала еще красивее с последней их встречи».

Подошел Максим, поприветствовал отца и обнял Лену за талию, прижимая к себе.

Лена вздрогнула от этого прикосновения, но не отшатнулась и не перестала улыбаться свекру.

— Я рад, что вы, наконец, соизволили приехать, — сказал Александр Игоревич словно бы нравоучительным тоном. — А-то все вам некогда! — он с укором посмотрел на сына.

Максим закатил глаза и засунул свободную руку в карман джинсов.

— Пап! Ну, ты же знаешь, что у меня дела!

Колесников-старший прижал книгу к груди и покачал головой.

— Ну да, ну да! У тебя дела! — он ткнул рукой с зажатыми между пальцами очками в Лену. — А Лена-то не работает! Чего она дома сидит? Отпустил бы ее к нам на недельку-другую, пока с делами не управишься!?

Максим мгновенно напрягся, втянув плечи, брови сошлись на переносице, взгляд уперся в пространство.

Лена почувствовала, что рука, лежавшая на ее талии, сжала ее еще сильнее, еще крепче прижимая к его большому телу. И сама напряглась.

А ведь и правда! Максим никогда не отпускал ее куда-то одну, будь то поездка за город к его родителям или же встреча с одноклассниками из института. Только вместе с ним. Всегда. Все девять лет.

Лена сглотнула. Почему?.. Все еще боится за нее? Но это ведь глупо! Или же причина в другом?

— Знаешь... нет, — проговорил сын задумчиво. — Лена мне нужна в городе. У нас скоро благотворительный вечер, и...

— Понятно, понятно, — отмахнулся Колесников-старший, словно ожидая чего-то подобного. — Она тебе нужна, — он посмотрел на сына в упор. — Хорошо хоть вообще приехали! — усмехнулся он и, отступая на шаг, проговорил: — Ну, пойдете в дом. Лида там картофель с мясом тушит. Между прочим, по своему фирменному рецепту, ни у кого, как у нее не получается! — он подмигнул Лене и прошептал громким шепотом: — Максим от него в восторге, скажу тебе, Леночка, по секрету!

Максим закатил глаза и усмехнулся, а Лена улыбнулась.

— Так что, если хочешь, можешь попробовать у Лиды этот рецептик выпросить, — все тем же громким шепотом продолжил Александр Игоревич, а потом добавил шутливо-

серьезно: — Хотя, сомневаюсь, что что-то из этого выйдет. Трепетна она очень в отношении кухни.

Лена вновь улыбнулась и вместе с Максимом, обнимающим ее за талию все так же крепко, прошествовала вслед за Колесниковым-старшим в дом.

Ужин, как и всегда это было, прошел в дружеской, семейной обстановке.

Именно — семейной...

Это слово ласкало Лене слух, как никакая наисладчайшая музыка не смогла бы этого сделать.

Все, что Лена в этой жизни ценила больше всего, была семья. И значила она для нее всегда очень много.

Ее семья. Лидия Максимовна и Александр Игоревич... Максим...

Семья, о которой она всегда мечтала.

За это Лена и любила проводить вечера в компании четы Колесниковых. Она чувствовала себя своей в такие моменты. Что она — часть этой семьи, этого дома. И словно не было обид прошлого и сожалений, не было боли и непонимания. Словно бы Максим любил ее...

Сама она выросла без родителей. Мама умерла через несколько месяцев после родов, а отец, когда ей было три. Воспитывалась она бабушкой Маргаритой Ивановной. От нее получала все тепло и всю ласку, заботу и любовь. И никогда не ощущала на себе мужского внимания и заботы.

Сейчас, оглядываясь назад и пытаясь анализировать события прошлого, Лена понимала, что и влюбилась в Макса именно потому, что видела в нем своего мужчину — единственного, чье внимание хотела на себе ощутить. Она, можно сказать, стремилась к тому, чтобы он ее этим вниманием одаривал. Невольно, против самой себя отчаянно желала, чтобы был для нее всем. Отцом, другом, любовником, мужем... Всеми ими одновременно, совмещая в себе все те мужские начала, которых она была лишена.

Она по природе своей не могла не влюбиться в него. Сильно, безумно, безнадежно. Безгранично отдавая ему свою любовь, которая была уже не просто любовью, а необходимостью — видеть его лицо и смеющиеся глаза, следить за тем, как появляются морщинки в уголках его губ, когда он сердится. Слышать его голос, мужской голос, с будоражащей кровью хрипотцой и жесткими нотками волевого человека.

Максим Колесников.

Сильный, целеустремленный, решительный... В нем явственно ощущался внутренний стержень, который не давал ему сломиться и пасть перед силой обстоятельств. Он бы никогда не позволил обстоятельствам взять над собой верх. Потому что привык сам вершить эти обстоятельства.

Она знала, что будет чувствовать себя вместе с ним, как за каменной стеной. Она понимала так же, что он всегда будет доминантой, подавляющий мужчина, мужчина-собственник, мужчина, который будет брать, отдавая лишь тогда, когда сам посчитает нужным. Но она хотела именно этого. Желала, чтобы рядом с ней был именно такой. Способный защитить ее, взять управление ею на себя. Чего никто не делал ранее.

Он был старше нее на девять лет! Когда они встретились, ей было всего восемнадцать, первокурсница, девчонка для двадцасемилетнего мужчины!

Наверное, тогда девять лет назад, кто-то на небесах просто посмеялся над ними. Решил

поиграть с их судьбами, сведя их вместе. Но если бы они заглянули в чашу судьбы, то поняли бы, что это была и не судьба вовсе, а рок.

Эта встреча и оказалась роковой.

Для них обоих.

Связала их тугим узлом, смазанным сумасшествием и одержимостью друг в друге.

Девять лет вместе.

Девять лет безумия и безысходности. Поиска оправдания своим поступкам и подавления своих инстинктов, кричащих о себе и вырывающихся из-под контроля разума. Непринятия того, что есть, и плача по тому, что могло бы быть. Девять лет ада. Или непонятого рая?..

Девять лет слепой безграничной любви и бега по кругу в бесплотной попытке решиться на что-то. Забыть обиды прошлого, может быть? Или простить?.. Себя — в первую очередь!

Можно было бы сойти с ума...

Если бы сумасшествие еще не завладело каждой клеточкой их тел, пропитанной, словно наркотиком, ощущением присутствия их друг рядом с другом.

Каждый раз оказываясь в кругу любящих друг друга родителей Макса, Лена спрашивала себя, почему у них с Максом не получилось создать такую же семью? Семейю, которой она безгранично завидовала. Почему до сих пор они так и не забыли прошлого, оставив его тлеть в их сознании лишь воспоминаниями?

Поэтому было что-то гадкое и нестерпимо болезненное в том, как любили друг друга Колесниковы-старшие, не боясь выражать свои чувства, и как не могли этого показать Лена и Максим, скованные теми обстоятельствами, которые Макс спланировать не смог.

Время ужина подходило к концу, а Лена сидела, словно на иголках. Не в силах даже дышать ровно! Постоянно контролируя свое сердце, звучавшее в ее груди барабанной дробью, и свое тело, чувствовавшее присутствие мужа рядом с ним и почти взрывавшееся от прямой сладости, которая от того исходила.

Макс все время ужина косо поглядывал на нее, она чувствовала на себе его взгляд и смущалась. Когда его ладонь замерла на ее ноге и медленно поползла вверх, сердце гулко застучало в висках, отдаваясь во всем теле нервной дрожью.

Но приходилось по-прежнему беззаботно улыбаться и отвечать на вопросы, легко улыбаться и хвалить приготовленный Лидией Максимовной ужин. В то время как хотелось сорваться с места и бежать, бежать... прямо в жаркие объятия мужа, словно в наказание соблазнявшего ее своими касаниями.

Когда Лидия Максимовна предложила выпить чаю, перебравшись в гостиную, Лена чуть ли не подпрыгнула от радости на стуле. А вот Макс нахмурился и поднялся из-за стола с явной неохотой, вынужденный отпустить жену из столь сладостного плена своей руки.

Мужчины, о чем-то перешептываясь и косо поглядывая на своих женщин, заявили, что выпьют чаю позже, конечно же, не забыв полакомиться свежими булочками Лидии Максимовны, и, заговорщески перешептываясь о чем-то, удались в кабинет Александра Игоревича.

Лена и Лидия Максимовна остались в столовой одни, убирая со стола посуду.

Лена чувствовала на себе взгляд свекрови, а потому боялась поднимать на нее глаза. Боялась, что та начнет задавать вопросы, на которые она не сможет дать ответа. Будет расспрашивать о том, что происходит в их с Максом жизни. А Лена не сможет ей ничего сказать. Она боялась ее все понимающих глаз, глядящих на нее так, словно бездна

заглядывала внутрь ее существа. Все понимая, все зная...

Но оказалось, что той и не требуется смотреть в глаза, чтобы по ним что-то прочесть.

Лена стояла спиной к Лидии Максимовне, расставляла посуду на верхние полки шкафчика, но отчего-то напряглась, когда та тихонько кашлянула, словно привлекая ее внимание.

Напряжение прошлось вдоль тела оголенным проводом, пронзая насквозь каждый миллиметр кожи, натягивая его, как струну.

— Лена, девочка моя, — проговорила Лидия Максимовна заботливо. — У вас с Максом ничего не случилось?

Лена вздрогнула от этих слов, хотя и ожидала чего-то подобного. Передернула плечами, облизнула пересохшие вмиг руки, на мгновение закрыла глаза. И поблагодарила Бога за то, что сейчас стоит к Лидии спиной, и та не может прочесть, что она чувствует, по ее лицу.

— Нет, с чего вы взяли? — проговорила она, стараясь придать голосу былую веселость. — У нас все хорошо.

Когда говоришь таким тоном, словно каждое слово, как очередной шаг по битому стеклу, кто тебе поверит?! Уж точно не учитель русского языка и литературы с многолетним стажем, задача которого как раз читать по лицам и голосам! Лене не удалось бы обмануть свекровь, даже если бы она этого захотела.

Лидия молчала некоторое время. Словно не хотела давить, просила поделиться своими печалью без натиска и нравоучений, пустых слов о том, что делать, и как лучше. Она просто ждала. И Лена спиной чувствовала на себе ее напряженный взгляд.

Лена не позволяла себе расслабиться. И тут...

— Я тебе не верю, Леночка, — проговорила Лидия тихо.

Лена сглотнула, стиснула зубы и закрыла глаза, наклоняясь над столом, словно удерживаясь за него, как за единственную опору. Ноги могли подвести ее, став ватными, она это знала.

И почему же она не может врать с достоинством, так, чтобы поверили, что она говорит правду?!

Лена слышала тихие шаги за своей спиной. Хотела взмолиться, чтобы Лидия не подходила, но не смогла, из горла не вырвалось ни звука.

— Как только вы вошли, я поняла, что что-то произошло, — проговорила Лидия.

Лена закусил губу.

ЧТО-ТО произошло уже девять лет назад.

Все началось еще тогда. А продолжалось сейчас. Как в кошмаре.

— Девочка моя, — слышала она голос Лидии за своей спиной. — Я же вижу, что что-то произошло!

Лена вздрогнула, как от удара, почувствовав прикосновение теплой руки к своему плечу.

— Это... из-за прошлого? — тихо спросила свекровь, поглаживая девушку по плечу. — Да?

Как бы Лене хотелось сейчас исчезнуть! Раствориться в воздухе, превратившись в дымку! Просто забиться в угол и ждать там, пока ее не оставят в покое.

Как больно! Воздуха мгновенно стало мало.

Как больно вспоминать! Как больно переживать все вновь! Как больно... жить рядом с любимым человеком девять лет и знать, что на то была воля судьбы, а не его собственное

желание!

— Леночка, — позвала Лидия, обхватывая девушку за плечи, трясущиеся от рвущихся рыданий. — Лена! — сказала она громче и повернула ее к себе, вынуждая посмотреть себе в глаза. Поймав растерянный взгляд темно-карих глаз, она твердо, выделяя каждое слово, произнесла: — Пора забыть то, что было! Слышишь?! Пора забыть!

Лена все же не сдержалась. Губы предательски задрожали, и из глаз ринулись горькие слезы.

— Нет... — прошептала она, всхлипывая. — Он никогда не забудет...

— Девочка моя! — воскликнула Лидия Максимовна, прижимая Лену к себе, укачивая ее, как ребенка. — Леночка...

— Он никогда не забудет! — прорыдала Лена, не сдерживаясь, прижимаясь к свекрови все сильнее, а потом тихо добавила: — И не простит.

— Объяснишь, что с тобой творится в последнее время?! — с ходу выпалил отец, едва они оказались в его кабинете.

Максим не успел и шага ступить, уставился на него с непониманием в глазах.

— О чем ты?

Александр Игоревич подошел к нему вплотную.

— Прикрой дверь! — сказал он и, Макс исполнил просьбу.

— Я о тебе и твоём отношении к Лене, — проговорил отец, подходя к столу.

Макс помрачнел, губы сжались в плотную линию.

Вот о чем, о чем, а об его отношениях с Леной он говорить не желал! Это его дело! Егс и Лены. И больше никого касаться не должно! Касалось девять лет назад, а теперь — уже нет.

Максим прошел вперед и остановился в центре комнаты, не глядя на отца, смотрящего на него в упор.

— У нас все хорошо, — выдавил он из себя. — Что тебя волнует?

— Почему ты запретил ей приехать к нам погостить? — напрямую спросил отец

Макс засунул руки в карманы брюк. Вот так и знал ведь, что припомнит он ему это!

— Она нужна мне в городе, — он сделал несколько шагов в сторону, словно стараясь найти уголок, где можно было бы спрятаться от этого пугающего чувства страха оттого, что отец обо всем догадается. — У нас благотворительный вечер в следующую субботу!

— Тогда после этого твоего вечера! — упорствовал отец, не желая отступить. — После у тебя никаких вечеров нет в планах?

Руки Макса сжались в кулаки, а на скулах заходили желваки.

Какого черта отец вообще затеял этот разговор?! Неужели неясно, что он никуда не отпустит Лену без себя?! Что тут непонятного?! Не хочет он этого! А вот почему не хочет... Это уже другой вопрос.

И Макс помрачнел от мыслей, захвативших его в водоворот.

— Скажи лучше прямо, что не хочешь отпускать ее от себя и на шаг! — воскликнул вдруг отец.

Максим мгновенно устремил взгляд на отца. Глаза сузились, в уголках губ появились морщинки. Он сильнее сжал руки в кулаки.

Нет, это не так! Кричало что-то внутри него! Рвалось наружу, выплескиваясь из него потоком бранной ругани и неконтролируемой злости. Не так!

Хотелось доказать не только отцу, но и всему миру... Что?! Что доказать, черт возьми?!

— Я могу! — сквозь зубы выдавил Макс.

Колесников-старший уставился на него.

— Можешь, — согласился Александр Игоревич. — Но не хочешь!

Макс буквально взревел. Ярость загорелась внутри огненным пламенем, раскаляя дотла всего его. Синие глаза превратились в черные точки, брови сошлись на переносице. Он тяжело задыхался. Из горла не сорвалось ни слова.

Сейчас ему больше всего на свете захотелось разнести все в пух и прах! Руки так и чесались съездить кому-нибудь по физиономии. А рядом, как назло, только отец, провоцирующий его своим прямым взглядом в упор и выражением дьявольского понимания всего, что с ним творится, на лице!

Макс заметался по кабинету, как тигр в клетке, удерживая руки в карманах брюк, чтобы ненароком не разбить что-нибудь. Не глядя на отца, не желая что-либо отвечать ему. Правду или ложь... Неважно!

Он просто не желал об этом говорить, вот и все!

Только бы сдержаться! Только бы сдержаться!

— Я жалею, что заставил тебя это сделать, — проговорил вдруг отец с тяжелым вздохом.

Макс резко остановился и, тяжело дыша, пропыхтел:

— Что сделать?

— Заставил тебя жениться.

Макс поджал губы и, как ни странно, стал остывать.

Девять лет назад, он бы подтвердил слова отца. Сказал бы, что да, зря!! Что он испоганил всю его жизнь, послал к чертовой матери все его мечты и надежды, отнял у него право выбора, заставил его подчиниться обстоятельствам. Дважды!

Но сейчас... Сейчас это уже...

— Теперь это уже неважно, — проговорил Максим, поворачиваясь к отцу спиной. Чтобы тот не увидел странного блеска в глазах, полыхнувшим синим пламенем?

— Ты делаешь ей больно, — тихо проговорил Колесников-старший и посмотрел на сына.

О ком говорит отец, можно было и не угадывать.

Макс поморщился.

— Нет.

Александр Игоревич двинулся на него.

— Да что я говорю, — проговорил он, сведя брови. — Ты сам себе больно делаешь!!

Макс молча смотрел на него, сжав зубы. Слова отца, словно ножи впивались в сердце. Вновь бередили те раны, которые, он думал, уже залечило время. Неужели девяти лет оказалось недостаточно?!

Макс раздраженно повернулся к нему спиной, сдерживая себя, чтобы не закричать.

Не собирается он слушать эту чушь! Отец ничего не понимает! Никогда не понимал! И сейчас не должен... не имеет права просто...

Александр Игоревич приподнял подборок и заявил:

— Ты просто не хочешь признавать очевидного!

Максим резко повернулся к нему, пронзил его глазами.

— И что же ты понимаешь под очевидным?!

Они так и стояли, глядя друг на друга, испепеляя друг друга этими взглядами, возможно, но, не отводя их. Два упрямы, два привыкших подавлять мужчины, два меча, скрестившихся в бою.

Александр Игоревич тяжело вздохнул и сказал:

— Ты уже не сможешь ее отпустить, — не отводя взгляда от глаз сына. — И это ненормально, Макс.

Максим поджал губы, стиснул зубы. Не сдержался, чертыхнулся в голос, громко и грубо.

Грудь сковало злостью. На отца, на самого себя. От бессилия. От осознания правоты отца во всем.

Макс наклонился вперед, словно нависая над отцом неприступной скалой, с диким желанием в груди доказать ему СВОЮ правоту!

— Я смогу! — сказал, словно выплюнул он, и резко, обернувшись, двинулся к двери. — Смогу, ясно?! — у двери он вдруг остановился, задумчиво посмотрел на отца в упор. — И ты прав, не нужно мне было жениться... Но раз уж я женат... — он не договорил, но эта недосказанность была яснее и понятнее любых слов. И ему самому, и Александру Игоревичу.

Макс наклонил голову и посмотрел в пол.

— Зря ты затеял этот разговор, он ничего не меняет, и ты это понимаешь, — проговорил он, поднимая глаза на отца. — И я смогу обойтись без нее, если захочу! — сказал он твердо, с какой-то слепой уверенностью и затаившейся в голосе злостью и раздражением, и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Александр Игоревич закрыл глаза и покачал головой.

— Не сможешь... Потому что не захочешь никогда.

3 глава

«Не вернуть, не исправить хотя бы на миг

Недопитую грусть позабытых ночей.

В страшной жизни один несмолкаемый крик -

Непонятной любви пересохший ручей!»

Елена Горина

Макс злился на отца. Очень сильно. Даже больше, чем просто очень сильно. По правде говоря, так он не злился на него с того самого года, девять лет назад, когда тот заставил его жениться на Лене!

И эта его злость также не могла сравниться с той, что он чувствовал тогда! Ни на долю!

Черт! Сейчас было гораздо... хуже! Да, именно хуже. Чертовски плохо! Так плохо, что хотелось пойти и с кем-нибудь подраться! Или напиться до мертвецкого состояния! Чтобы слова отца, точно острые кинжалы, отравленные истиной, не врезались в его плоть, разъедая и уничтожая его. Всего его. Разбивая вдребезги все его принципы и убеждения. Вновь вынуждая его падать ниц перед обстоятельствами!

Еще раз! Он не мог допустить это еще раз!

И он не мог смириться с тем, что отец... был прав.

Боже, как он был прав! Даже тошно становилось!

Макс провел дрожащей рукой по волосам, глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Хотелось вообще исчезнуть. Просто раствориться в неизвестности, и все! Никаких правил, никаких требований, никакого подчинения обстоятельствам, никакой боли...

Макс распахнул глаза и сделал пару шагов в сторону, застыл, засунув руки в карманы.

Черт, отец заявил, что он причиняет Лене боль! Боль!

Макс стиснул зубы.

Да что он вообще понимает в том, что такое боль?! Какого хрена он в этом смыслит?!

Она ЕГО разъедает каждый день! Каждый гребаный день, когда он сидит в своем кабинете и, как придурок, смотрит на телефон, ожидая часа, когда уже можно будет позвонить жене и узнать, где она! Спросить, как у нее дела. Просто для того, чтобы узнать, что с ней все в порядке. Чтобы голос ее услышать!

Макс чертыхнулся сквозь стиснутые зубы. А затем втянул в себя воздух и поднял глаза в полуночное небо. Тяжело выдохнул, выпуская изо рта белесый парок. Нахмурился, поджал губы.

Отец был прав! И в этом тоже, черт побери! Прав просто... утопически.

Макс качнул головой, словно отгоняя от себя подобные мысли. Но они уже разъели его кислотой. И то и дело упрямо твердили, как твердил отец. Одно и то же, сводя его с ума, вынуждая поддаваться безумию, на которое он не собирался себя обрекать, подводя к бездне

и вынуждая делать последний шаг в пропасть.

И от этого ему уже никуда не деться. Не избавиться.

Он уже зависел от жены. Почти как наркоман. Только тому нужна была доза героина, а ему просто позвонить Лене и узнать, как она проводит день. Чем занимается, и пусть он прекрасно об этом знал. Знать, что она думает, что говорит... Видеть шоколадно-карие глаза и слышать тихий голос.

И еще самая малость, — знать, что она принадлежит только ему одному.

Макс передернул плечами, и понял, что не от осеннего холода, захватившего его в кольцо, а от досады, от бессилия, от безысходности. И раздражения. Да, он был раздражен. Он был почти в бешенстве!

Этого. Не должно. Было. Повториться!

Он не должен был слушать отца. Не должен был подчиняться ему. Не должен был вновь поддаваться обстоятельствам! Снова. Как девять лет назад. Но почти сдался... Почти признал, что отец был прав.

И то, что его негодование вылилось во внешнюю браваду не в счет. В душе он прекрасно понимал, что лжет. Самому себе в первую очередь.

И что это меняет?! всю его жизнь! всю его гребанную жизнь, черт побери!

Еще раз?! Ну, уж нет!

Макс резко метнулся от двери, пролетел расстояние в три ступеньки одним прыжком и стремительно направился к машине.

К черту все! Он ни за что не сдастся! Ни за что он не позволит кому-то вновь решать за него!

Макс забрался в салон, громко хлопнув дверью, и откинулся на сиденье, тяжело вздохнув.

Почему его, наконец, не оставят в покое?! Почему даже по прошествии девяти лет его по-прежнему пытаются нравоучать, наставлять на путь истинный, пытаются манипулировать им и управлять?! Пытаются ему доказать, что он живет неправильно?! Что причиняет Лене боль!? Что сам страдает!! Да какого черта?! У него все отлично, мать вашу! Отлично! И Лена тоже не жалуется!

Так почему отцу вдруг вздумалось нравоучать его?! Ему просто надоело так жить!

Всю жизнь, как по заезженной колее! Вновь и вновь, как по кругу!

Он зависим от того, что скажет или подумает отец, как на все отреагирует мама. Черт!

Макс вцепился руками в руль, сжимая его сильнее.

Он даже от Лены стал зависим! Против своей воли стал зависим.

И тут отрицать этого даже не имеет смысла. Зачем?.. Ему важно знать, где она и с кем. Как проводит время. Важно знать, что она ждет его, и всегда будет ждать. Простит ему его бесконечные выходки. Важно знать, что когда он придет, она встретит его у дверей и ни о чем не спросит, хотя он мог бы ей так много рассказать! И вот... черт! В ее глазах он прочитает столько боли! В ее чудесных шоколадно-карих глазах — столько боли! Как она только может там помещаться?!

И он, конечно, обзовет себя кретином и недоумком в который раз. Будет винить себя и корить. А смысл?.. Никакого!

В следующий раз он поступит точно так же, заставив ее страдать вновь.

Он был себе противен в такие моменты, не хотелось даже в зеркало на себя смотреть. Но... признать то, что он... Как там сказал отец?! Он не сможет ее отпустить?! Черт, как это

пафосно звучит!

Он. Не сможет. Ее. Отпустить?!

Это кто сказал?! Отец?! А ему-то откуда знать?! Он что, заглядывал в Книгу Судьбы?!

Он сможет, если захочет! Сможет! Просто... зачем?! Зачем ему ее отпускать?... Да она и сама не захочет уйти! Несмотря на тот факт, что он ведет себя, как последний козел, она его любит. Любит! Все эти чертовы девять лет любит! И будет любить всегда. Если бы не любила, то давно ушла бы, ведь так?!

Он сжал руль еще крепче.

Не ушла бы. Не ушла! Потому что любит...

А он устал. Устал, чтобы его к чему-то принуждали! Девять лет назад он поддался убеждению отца. Женился. Второй раз поддался уговорам гребанной совести, проснувшейся в его сердце очень некстати. А теперь... Теперь он больше не повторит ту же ошибку! Ни за что не поддастся. Ни за что не уступит!

И Лену отпустит, если захочет! Только этого все равно никогда не произойдет.

Макс приподнялся на сиденье и потянулся к телефону, лежащему в кармане джинсов. Набрал нужный номер, с силой нажимая на кнопки.

— Я ни от кого не завишу, ясно? — прорычал он себе под нос. — И я это докажу!

Ему ответили после первого гудка.

— Да? Макс?

— Лика? — проговорил он быстро. — Это я, да.

На том конце раздался непонятный звук. А Макс скривился.

— Я думала, ты сегодня занят.

Макс вцепился свободной рукой в руль, сжав его так, что побелели костяшки пальцев.

— Так и было, — сказал он, начиная раздражаться. — Ужин у родителей. Марина тебя предупредила?

— Предупредила, — согласилась девушка. — И что? Ты освободился раньше?

— Мы можем встретиться?! — не отвечая на ее вопрос, выпалил он.

Он думал, что молчание убьет его, пройдясь по его нервам раскаленным проводом.

— Ты этого хочешь? — прямо спросила Лика.

— Да! — рыкнул Макс. — Через два часа у тебя! Я буду!

— Хорошо, буду ждать, — согласилась девушка.

— Отлично. До встречи!

Она не успела ничего ему сказать, как он отключился. Яростно запихнул телефон в карман джинсов и пробормотал со злостью в голосе:

— Я смогу без нее, ясно?! Смогу!

Лена не понимала, в чем дело, но обратная дорога в город, была крайне напряженной.

Она сидела в машине, вжав в себя плечи, с натянутыми, как тетива, нервами, и не могла позволить себе расслабиться ни на мгновение, словно бы поджидая подвох. Атмосфера в салоне машины накалилась до предела. Казалось, что сейчас вот-вот вспыхнет искра, из которой разгорится настоящий пожар.

И ее в себе поглотит.

Максим после разговора с отцом вернулся в гостиную, словно сам не свой. Стремительно метнулся к ней и зашептал на ухо, что им пора уходить, как-то неловко попросил у матери прощения и весьма неубедительно соврал о том, что у них в городе

появились срочные дела. Лидия Максимовна еще пыталась возражать, настаивала даже на том, чтобы они остались на ночь, но Макс просто потянул Лену за локоть, подталкивая ее к выходу, и приговаривая какие-то глупости насчет того, что им нужно возвращаться.

Лена попрощалась со свекровью и без лишних вопросов села в машину. Максим поцеловал мать в щеку, обещал позвонить и сообщить о том, как они добрались, а на отца бросил лишь быстрый грозный взгляд.

Такого его взгляда Лена всегда боялась. Он никогда не предвещал ничего хорошего.

Слишком хорошо она знала своего мужа, чтобы не понять, в чем причина.

И этой причины она боялась больше всего...

Она не хотела бы говорить об этом. Максимум это будет неприятно. Он, возможно, вновь накричит на нее, но... просто сидеть и смотреть на глухую темноту, освещаемую лишь светом фар, она не могла.

— Что случилось? — проговорила Лена, не глядя на мужа.

Тот нахмурился, глаза зло сощурились.

— О чем ты?

Лена сцепила пальцы и устремила взгляд на него.

— Что случилось в кабинете? — проговорила она спокойно. — Ты уходил в хорошем настроении, а вернулся... в таком состоянии, словно хотел бы разнести весь дом по кирпичику.

— Возможно, и хотел, — тихо буркнул Макс, не отвечая на ее вопрос.

Лена вздохнула, не отводя от него глаз.

— Макс, если Александр Игоревич...

— Не нужно об этом! — резко перебил Максим и пристально посмотрел на жену. — Не нужно, Лена, — его взгляд пригвоздил ее на месте, заставив мурашками покрыться тело. — Лучше не стоит.

Лена вздрогнула, кивнула, но промолчала, лишь покачала головой.

Он всегда все скрывал от нее. Не хотел раскрыться, рассказать хотя бы о том, как прошел его день. И не потому, что не доверял ей. А как она догадывалась, не желая делиться с ней этим. Причины она не знала, а потому не могла пробиться сквозь эту броню.

Лена отвела взгляд, уставившись в окно.

— Лидия Максимовна... спрашивала у меня, все ли у нас в порядке, — произнесла она тихо.

Стремительный взгляд в ее сторону.

— И ты?..

— Я сказала, что у нас все просто замечательно.

Проще говоря, она солгала. И Лидия Максимовна прекрасно все поняла и без нее. Не говорить об этом Максимум, когда он итак на взводе, не стоило. Поэтому она и промолчала.

— Я сегодня... — начал Макс немного встревоженно. — Сегодня мне нужно отлучиться... — он посмотрел на жену, не отводя взгляд. — Мне позвонили из фирмы, сказали, что нужно уладить кое-какой вопрос.

Она думала, что задохнется от этих слов.

Это было равно удару бича на обнаженную кожу.

Сердце пронзило острой болью. Словно оголенный провод разрядом в тысячу ватт вонзился в тело, растлевая каждую клеточку ее существа, наполняя его противным убивающим ядом.

Какая глупая, нелепая, совершенно бесполезная ложь!

Воздуха вдруг стало мало. Так мало, словно выкачали его весь из легких, а пространство салона превратили в вакуум. Пульс участился, сотрясаясь в ушах гулким, громоподобным барабанным стуком.

Казалось, что и боль поглотила ее собою. Она чувствовала ее. Она неслась вместе с кровью по ее венам, наполняя ее своим дерзким, удушающим и отравляющим ароматом бессилия и безысходности. Лжи...

Но разве Лене привыкать?..

Она не хотела сейчас смотреть на его лицо. Видеть ложь на его красивом лице, читать ее в синих глазах.

Хотелось исчезнуть, раствориться, убежать! Хотелось умереть....

— В девять вечера? — тихо проговорила она.

Макс перевел взгляд на дорогу, стиснув зубы. Отвечать, а тем более, объяснять что-либо жене не было желания. Да и объяснений у него в запасе не было! Что сказать? Прости, дорогая, я еду не на работу, а чтобы трахнуть девицу, с которой познакомился пять дней назад?! Потому что отец заявил, что я — я, ты представляешь?! — не смогу отпустить тебя! Не смогу выбить тебя из себя! Смогу, ясно?! Смогу!

Такие объяснения не помогут сохранить семью, а развалят ее окончательно.

Почему бы Лене просто не принять все так, как есть?!

— Да, в девять вечера, — резко ответил он, сжимая руль. — Я работаю, если ты помнишь! — Лена метнула на него недобрый взгляд. — И я должен...

— Да, ты работаешь! — выпалила она вдруг, не задумываясь. — А я нет!

Макс мгновенно посмотрел на нее, прямо в глаза, изумленно, внимательно, что-то пытаясь прочесть в них, или вновь подавить ее глупую безнадежную попытку сопротивления?

— Ты запретил мне работать! — выдавила она из себя и отвернулась к окну.

Максу показалось, что она отвесила ему пощечину.

А Лена сжалась в комочек на своем сиденье и даже не смотрела на него больше.

Как она только решилась на подобное?! Как смогла?! Она никогда... почти никогда себе такого не позволяла! Всегда сдерживалась. Привыкла уже, что уж скрывать?

Но эта глупая ложь. Бессмысленная. Неужели он сам этого не понимает?!

И она не смогла удержаться. Что-то внутри восстало, закричало. Забилось в истерике, прося, умоляя, требуя освобождения!

Может быть, потому что она знала, как и знала всегда, что он не на работу поедет?! А к очередной своей подстилке?! Опять вернется, словно насквозь пропахнувший чужими духами?! И вновь уложит ее в постель, стараясь сексом загладить свою вину?! И она вновь сдастся ему?! Не сможет устоять?! А он... к ней... после ТОЙ! Боже, как противно! От самой себя противно! Что позволяет так с собой поступать!

К глазам подступили слезы, губы начали дрожать. Она закрыла глаза и поджала губы.

— Мы обсуждали с тобой это! — услышала она твердый голос мужа, он звучал словно издалека.

О, да! Они обсуждали! Примерно минут пятнадцать!

— Ты сам все решил, — тихо проговорила Лена, не желая сейчас разговаривать.

— Ты не была против!

Когда она вообще была против?!

Лена поджала губы, слизывая с губ соленые капли, и промолчала.

— Хочешь поговорить об этом еще раз? — выговорил Макс недовольным тоном, но грубым, словно делая ей одолжение. — Мы поговорим. Но не сейчас, а завтра!

Лена махнула рукой, ничего не отвечая и даже не глядя на него. Что бы она не сказала сейчас, каждое слово упало бы на сухую почву. Макс все равно не воспринял бы ее слова всерьез. Когда вообще он их воспринимал?!

Это не имело смысла. Никогда не имело смысла.

Оставшуюся дорогу до дома они проехали в немом молчании. Лена, уставившись в окно и пряча слезы обиды, а Макс, раздражаясь и злясь все сильнее.

Просто сумасшествие какое-то!

Лена выскочила из машины так стремительно, что Макс не успел ей ничего сказать, даже за руку удержать не успел. Она думала, что он сразу же уедет, но он проводил ее до дверей квартиры, а на пороге развернул к себе и поцеловал, с жесткостью прикасаясь к губам, в попытке вновь подавить ее, сломить сопротивление, доказать свое превосходство и утвердить свое право на то, что делает, и как с ней поступает. Сопротивление — бесполезно. Подчинение — ее удел.

Он оторвался от ее губ, прижался к ней лбом, захватив одной рукой затылок и удерживая около своего лица, а другой поглаживая щеку, зашептал прямо в губы:

— Я постараюсь вернуться, как можно скорее. Дождись меня, хорошо?

Не кажется ли, что он требовал слишком многого от нее?!

Но все же дождался, когда Лена, покорившись, кивнет, еще раз поцеловал ее в губы и ушел.

Лена едва не упала, когда он выпустил ее из кольца своих рук. Глядя ему вслед, она чувствовала, как ее сердце останавливается, не в силах выдерживать нестерпимую боль, резавшую ножами ее плоть.

Она прислонилась к двери и заплакала, скатываясь по ней вниз и опускаясь на колени.

Не в силах встать и попросить его вернуться, чтобы остаться с ней.

Сжимая руль так, что побелели костяшки пальцев, Макс мчался по ночной автостраде навстречу собственному безумию и неконтролируемой жажде доказать, что был прав. Он почти ненавидел себя в этот момент, чувствуя, как презрение к себе сжимает грудь толстым огненным кольцом, затрудняя дыхание, но все равно лишь сильнее надавил на педаль газа.

Как справиться с этим ужасающим чувством собственного бессилия и безнадежности, засевшим где-то глубоко внутри него?! Как еще, каким способом доказать, что он не нуждается в Лене?! Что в любой момент может заменить ее другой?! Если захочет! Если захочет, он сможет отпустить ее, потому что не зависит от нее! И она... просто его жена, и не имеет над ним никакой власти. Никто не имеет над ним власти. Он сам все решает, он больше не подчиняется обстоятельствам!

Не зависит от мнения отца или матери. Не зависит от Лены.

И докажет это. Докажет, черт возьми!

Макс на мгновение закрыл глаза, словно для того чтобы потом открыть их и вновь заглянуть в лицо истине, которую принимать не желал. Заглянуть в глаза собственному безумию, которое для него могло бы стать и спасением. Но пока не стало. Превращая все вокруг него в постоянный бег за самим собой, за доказательствами собственной глупости и нелепого желания подчинить себе обстоятельства. Превращая всю его жизнь в бесконечный

хаос, который он соорудил своими же руками.

Макс тяжело вздохнул, словно ему не хватало воздуха, сдержал дыхание, пытаясь успокоиться. Или уговорить себя, что поступает правильно.

Опять продолжая лгать самому себе.

Дышать становилось труднее каждый раз, когда он уходил к другой. Вынуждая Лену страдать. И он понимал все это. Но в бесплотной попытке доказать кому-то... себе в первую очередь что-то важное, что, по сути, и не имело смысла, он вновь и вновь причинял боль своей жене.

Но он так старался! Так стремился все объяснить самому себе! Пытался изменить жизнь, избавившись от надоедливого, острого, как клинок, горячего, как пламень, и едкого, как кислота, чувства собственной беспомощности перед тем, что ощущал, когда Лены не было рядом.

Раздражение — потому что не мог видеть ее, слышать ее голос, ощущать ее кожу под своими пальцами.

Злость. На нее — за то, что «обрекла» его на такие мучения. И на себя — за то, что испытывал все это.

Желание. Прижать ее к себе, целовать, ласкать, шептать на ухо разный бред, лишь бы держать ее в руках и знать, что она рядом.

И вновь злость. Бесконтрольную и слепую. На себя. За то, что не смог устоять, за то, что оказался слабым. За то, что почти принял, как факт, что нуждается в своей жене!

Но это было не так! Черт, не так! Не так...

Он сможет избавиться от этого давящего гурда чувства вины за то, как поступает с ней. И сможет, наконец, освободиться от ее давления на него!! Сможет справиться с одержимостью, почти полностью завладевшей им. Он сможет противостоять ей. Сможет, черт возьми! В объятьях новой девицы.

Макс стиснул зубы и свел брови.

Что-то внутри него отчаянно закричало, вырываясь наружу, убеждая его в том, что ничего не изменится. Никогда уже не изменится. И неужели он так наивен, что не может этого понять?!

Ведь не получалось же у него все эти годы? Избавиться от угнетающей зависимости, от желания ощутить под пальцами нежную кожу, целовать мягкие податливые губы и ловить ртом прерывистое дыхание, смешанное со сладостным стоном. Своей жены, а не какой-то почти незнакомки.

От очередной девицы он всегда возвращался к Лене. Всегда.

Так с чего бы у него получится сейчас?! Что такого есть в Лике Нуваровой, чего нет в других, с которыми он спал ранее?! Он знал, что обманывает себя. И едет к Лике лишь для того, чтобы лишний раз убедиться в том, что и после нее вернется к жене. Снова.

И он этого не понимал! Это никак не могло уложиться в его голове!

Что, черт возьми, есть в Лене такого, что он всегда возвращается к ней, с пристыженным чувством собственного сожаления и раскаяния, с диким желанием обнять, поцеловать, прижимая к себе?!

Он порой и сам себе был противен. Что уж говорить о Лене?!

Она знала, что он «ходит налево». Знала определенно точно. И он знал, что она знает. Но они никогда не говорили об этом. Она всегда терпела, а он всегда скрывал, что все понимает. И это порой выводило его из

себя, просто бесило! Почему она молчит?! Может быть, хоть раз выплеснула наружу то, что чувствует?! Хотя бы раз! Но она молчала. А он не знал, как стал бы оправдываться, если бы она начала его обвинять.

Расстояние стремительно сокращалось, приближая его к новому грехопадению. Но Макс не смел повернуть назад. Крепче сжимая руль, он уже старался не думать ни о чем!

В глубине души он знал, что нужно повернуть назад. Наверное, разгоряченным сознанием все же понимал, что поступает крайне отвратительно. Всегда поступал. Более того — вновь и вновь причиняет боль Лене. Но он не мог повернуть. Ему нужно было доказать... Хотя бы попытаться это сделать! И избавиться, наконец, от чувства незащитности, которое испытывал каждый раз, когда не мог дозвониться до жены.

Если ему не было до этого дела, тогда зачем он звонил?! Почему?! Какого черта зажимал телефон в руке и ходил по кабинету, словно ошпаренный?! Почему готов был мчаться домой, лишь бы узнать, что все в порядке?! И почему никак не мог отделаться от ощущения, что его словно тянут за ниточки, как куклу-марионетку, направляя всегда в одну и ту же сторону!

Он должен избавиться от всего этого. Он сможет.

Он всегда надеялся на то, что одна женщина сможет заменить другую!! Не предполагая даже, что этого для него не случится никогда.

Ли́ка встретила его, как и все другие девицы, с распростертыми объятьями, а ему нужно было от нее лишь одно. И он это получил. Как и всегда получал.

Они едва добрались до постели, попутно сбрасывая друг с друга одежду, оставляя след из нее, ведущий в спальню. Макс крепко обхватывал ее руками, словно желая подавить. Он жестко прижимался к ней губами, жадно и дерзко исследуя рот языком. Она же тяжело дышала и отвечала на его поцелуй. Его касания были жесткими, почти грубыми, стремительными и угнетающими, словно наказывающими ее. За что — знал только он. За то, что она была не такой, как ОНА! Не тот вкус губ. Не та сладость! Не такая кожа. Не така нежная, как у НЕЕ! Не та реакция, что у НЕЕ, когда он слегка покусывая, касался зубами мочки уха. Не так дышала, тяжело и протяжно выдыхая его имя, не так стонала под его губами, не так прижимала его к себе и запутывалась пальцами в его волосах. Не так изгибалась, прижимаясь к нему плотнее. Не так стучало ее сердце под его ладонями, накрывшими не ее грудь.

Ли́ка, как и все остальные до нее, все делала не так, как ОНА!

Макс с силой толкнул ее на кровать, прижимая своим телом к матрасу. Его рука коснулась кружевных увлажненных трусиков, потянула и спустила их вниз, прокладывая себе путь к самому интимному месту женщины. Ли́ка сжалась и застонала, а Макс разочарованно выдохнул ей в губы. И ТАМ она была не такой, как ОНА! Он рывком раздвинул ее бедра, устраиваясь между ними, и сделал резкий выпад вперед. Жесткий, стремительный, властный. Желая, надеясь на то, что получит успокоение, докажет свою правоту. Но... Он стал двигать бедрами, прижимаясь к ней теснее, подхватил ее руками под ягодицы, глубже проникая в нее, резче, сильнее, стремительнее. Вот-вот... сейчас... Так, еще, детка... Ты сможешь! Он долбил и долбил ее до тех пор, пока она, сотрясаемая первобытным огнем оргазма, ослепляющего ее, замирала в его руках.

И он замер на ней. Тяжело дыша, слушая глухие удары своего сердца, молотом бьющиеся ему в мозг, прижимая обессилившее тело девушки к постели, и уже больше не двигаясь.

Зная, что больше не придет к ней. Она не смогла. И она тоже. И у нее не получилось. Как и у других.

Он опять остался неудовлетворенным.

Она обещала дождаться его. И только поэтому еще не легла в постель.

Она же, как верная любящая жена, должна была ждать его. После очередной девицы, пошарившей у него в штанах! Она все равно должна была ждать его!

Черт его побери! Черт его побери!

Как мог так поступать с ней?! Снова и снова?! Зачем?! Почему?! Чем она все это заслужила?!

Пять лет безумия. Пять лет боли и страдания. Пять лет мучительного ожидания в холодной постели с нестерпимой раной в груди и кровоточащим сердцем! Пять лет ада, в который она сама себя загнала. Без единой попытки вернуться назад на грешную землю.

Лена сидела в кресле в гостиной, поджав под себя ноги, с закрытыми глазами. По щеке скатилась слеза, коснулась губ, обдавая язык солоноватым привкусом. Лена плотнее сжала губы.

Интересно, у него она каждый раз разная?.. И кто будет на этот раз? Блондинка, брюнетка, рыжая?.. Нет, вряд ли рыжая, он не любил этот цвет волос! Она как-то хотела перекраситься в рыжий, он на нее заорал из-за этого и сказал, чтобы она не смела этого делать.

А какие у нее глаза?.. Немного раскосые, с длинными ресницами?.. Голубые, наверное. Он всегда питал слабость к голубоглазым. А у нее глаза карие...

А духи, которыми он будет пахнуть на этот раз?.. Какими они будут? Приторно-сладкими? Или терпкими? Или будут иметь освежающий цитрусовый привкус? На цитрусы у нее была аллергия!

Целых пять лет он мучил ее своими изменами. Пять лет она знала правду о том, где он проводит те переговоры, по причине которых не ночует дома. Точнее... дома он ночует всегда. Только приходит порой почти под утро, когда она, уже устав его ждать, свернувшись в клубочек, спит на своей половине постели. Он сжимает ее в кольце своих рук, крепко прижимая к себе, нежно целует в губы и засыпает.

И так повторяется из раза в раз. Несколько раз в месяц. Каждый год подряд.

Ее сердце просто разрывается от боли. Но она ждет.

Много раз желая сказать, чтобы он не смел подходить к ней, не смел прикасаться после очередной своей подстилки, но никогда не могла ему противиться. Никогда не могла!

И отлично знала, что не сможет сейчас. Поэтому наилучшим вариантом для нее было бы просто воспротивиться ему и лечь спать, пока он не вернулся. Чтобы не причинять себе боль еще более острую, чем она чувствует сейчас. Но ноги словно бы онемели, она не могла даже свесить их вниз. А сердце стучало так сильно и так громко, что просто оглушало.

Когда же все это закончится?! Когда, черт возьми, все это закончится?!

Она вздрогнула, когда услышала скрежет поворачиваемого в скважине ключа.

Он вернулся.

Лена вздохнула и привстала.

Она слышала, как Макс раздевается в немом молчании. Даже не крикнул ее, не позвал, чтобы привлечь внимание к своему приходу. Затем раздались тихие шаги. Он направился в спальню.

Она хотела остановить его, сказать, что она в гостиной, но язык не повиновался ей, слова застряли в горле. А языка по-прежнему касался ядовитый привкус соли от слез.

Скрипнула дверь. Она услышала тихий вздох.

— Лена!

Она вздрогнула от этого тона.

— Я... здесь! — проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Так, словно ничего не произошло.

Она услышала его быстрые шаги, направляющиеся к ней. Он распахнул дверь, щелкнул выключателем, и через мгновение комната озарилась ярким светом.

А она специально не включала свет, чтобы постараться привыкнуть к миру темноты, в котором жила!

Щурясь, она посмотрела на Макса. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на нее в упор. От этого взгляда у нее даже мурашки прошли по коже. Она сглотнула.

— Почему сидишь без света? — спросил муж, не отводя от нее внимательного взгляда, словно пытаясь разглядеть в ней что-то, чего раньше не видел.

Лена просто пожала плечами не в силах что-либо ответить ему.

Макс просто кивнул, поморщился.

— Я пойду в душ, — проговорил он. — Свари мне кофе, хорошо?

Он хотел повернуться к ней спиной, но она вдруг переспросила:

— Кофе? Уже двенадцать!

Максим пожал плечами, стиснул зубы.

— Все равно я вряд ли сегодня засну, — и скрылся в дверях.

Лена даже не моргала, просто выдохнула. Он ушел в душ.

Теперь она не узнает, какими духами он пахнул в этот раз.

Она поплелась на кухню, едва шевеля ногами. Насыпала кофе в кофеварку. Одна ложка сахара в чашку!

Сколько она вот так простояла, она не знала, не считала минуты, но босые ноги неприятно холодила плитка, которой был уложен пол на кухне. Лена передернула плечами.

— Не стой на холодном полу! — услышала она голос Макса и чуть не выронила из рук чашку.

Она не повернулась к нему лицом, но знала, что он уже прошел вперед и стоит совсем рядом, глядя ей в спину, словно взглядом пытаясь вынудить ее повернуться.

— Мне не холодно, — солгала она тихо.

— Меня-то можешь не обманывать! — сказал Макс, сделав шаг по направлению к ней.

Лена сжала руки в кулаки.

— Тогда и ты меня тоже! — выпалила она, не задумываясь, наливая кофе в чашку.

Макс резко остановился.

— О чем ты?

Может быть, ему когда-нибудь надоест издеваться над ней?! Хотя бы когда-нибудь!

— О том, что ты был вовсе не на работе! — Лена резко повернулась к нему и, едва не задохнувшись от полыхавшего синим пламенем взгляда, поставила чашку на стол — Твой кофе, — повернувшись к нему спиной, она налила кофе себе.

— С чего ты это взяла?

Он стоял за ее спиной. Она это чувствовала. Чувствовала каждой клеточкой

трепещущего тела и каждым ударом взбунтовавшегося сердца. Она не могла ничего с этим поделать, но всю ее словно бы выворачивало наизнанку, когда он был рядом! Оголяя все ее чувства. Все ее желания.

Еще мгновение и он обнял ее сзади за талию, прижимая к себе. Уткнувшись носом ей в шею, проводя по ней губами, вызывая нервную дрожь в теле.

— Ты говоришь глупости, — прошептал он ей на ухо, задевая губами мочку уха и прикусывая ее зубами.

Лена сжалась. Руки затряслись, и она отставила чашку с кофе в сторону.

Его руки двинулись вверх, нежными движениями касаясь шелка ночной сорочки.

— Я обожаю эту сорочку, — прошептал он, двигаясь губами к плечу, в то время как его пальцы, добравшись до бретелек, потянули их вниз.

Другой рукой он уже захватил ее грудь, сжимая пальцами ставшие напряженными соски-горошинки.

Лена застонала и откинула голову назад, предоставляя мужу доступ к шее, чем он тут же воспользовался, вновь и вновь пробегая губами по ней вверх и вниз, покусывая и тут же языком зализывая укусы. Его пальцы спустили сорочку вниз, и та проворно слетела с тонкого тела, обнажив его.

Лена вцепилась пальцами в кухонный стол. Она чувствовала, что Макс готов, чтоб взять ее, его плоть упиралась ей в попку. Она ощущала ее даже сквозь ткань джинсов и тонкое кружево трусиков.

Она уже теряла над собой контроль. Уже теряла!

Черт, как ему удастся разжечь ее за несколько минут?! Секунд?!

Она сжала зубы и прикусила губу, чтобы не закричать, когда одна его рука сжала грудь, теребя разгоряченные соски, а другая двинулась вниз, дотрагиваясь до развилки между ногами.

— Ты влажная для меня... — с благоговением прошептал Макс ей на ухо. — Очень влажная, — его рука проникла под кружево трусиков, захватив в плен ее плоть, теребя ее пальцами, один палец проник внутрь, заставив Лену вскрикнуть.

— Да, моя милая, — прошептал он надрывно и хрипло, проникая в нее пальцами вновь и вновь, поглаживая и лаская. — Кричи для меня, кричи...

И Лена закричала не в силах сдержаться, когда ко второму пальцу присоединился еще один, проворно проникнув внутрь и сводя с ума своими круговыми движениями

— Ты моя хорошая, — не переставая, причитал Макс, касаясь губами ее шеи, захватывая ими мочку уха и языком проникая в ушную раковину. — Моя самая хорошая...

Его рука, оторвавшись на мгновение от сосков, спустилась вниз, к талии, потянула за трусики, и те подались вниз, обнажая ее самое заветное местечко

Лена царапнула ногтями кухонный стол, словно в нем пытаясь найти опору, чтобы устоять на ногах, откинувшись на Макса, и застонала громче, ощутив обнаженной кожей его восставшей плоти, готовой к тому, чтобы ворваться в ее темные глубины.

— Сделай так еще раз, милая... — попросил Макс хрипло, не прекращая круговым движений внутри нее. — Сделай так для меня...

Лена замотала головой, ударяясь ею об его плечо, лаская шелковой вуалью своих волос, наполнявших его легкие приятным запахом свежих яблок. И закричала. Громко, неистово, безудержно. А потом толкнулась на кухонный стол вслед за Максом, и выдохнула с болью в голосе:

— Я ненавижу тебя...

Макс тяжело задышал ей в волосы, щекоча своим дыханием затылок.

— Я знаю, — прошептал он в ответ, поворачивая ее к себе лицом и стягивая с бедер джинсы, и глядя в ее темно-карие затуманенные страстью глаза, выдохнул: — Но любишь все равно сильнее, чем ненавидишь...

Он был прав. Черт возьми, он был прав!

Лена застонала, почувствовав у себя между ног пульсацию его плоти. И дикое, нестерпимое, первобытное желание, чтобы он наполнил ее ею. До отказа. Она нуждалась в этом сейчас. Немедленно!

И он исполнил ее желание.

Свободной рукой убрал со стола все, что там находилось, включая и чашку кофе, посадил Лену на него, резким движением раздвинул ей бедра и навалился на нее всем телом, стремительно врываясь в ее глубину и сладость.

Они вскрикнули одновременно от этого погружения. Лена сцепила ноги у него за спиной. Макс подхватил ее за попку, приподнимая над столом, сильнее, глубже погружаясь в нее, испивая драгоценный нектар ее сущности. Снова и снова врываясь в нее, выходя на мгновение, и снова погружаясь, еще глубже, если это вообще было возможно. Лена сжимала его плечи руками, прижимая к себе, царапая кожу, тяжело и часто дыша, и даже не пытаясь мыслить о чем-либо.

Макс сцепил свои руки на ее талии, словно пригвозждая к месту, фиксируя положения тела, задвигался вновь. Еще и еще. Еще раз... И еще... В глазах что-то вспыхнуло, подобное взрыву, засияло, засветилось в сизой дымке. Он видел лицо Лены с выражением наслаждения в полуоткрытых глазах, ее сцепленные губы вдруг разомкнулись, издавая первобытный стон, и он тоже застонал, вторя ей. Яркие пятна поплыли перед глазами. Он толкнулся в жену еще раз и замер.

Сердце почти остановилось. Дрожь по телу, дрожь внутри. Сладость, разлившаяся по венам. Яркая вспышка, ослепившая его, и долгожданный крик первозданного наслаждения.

Таким было его удовлетворение.

Макс спал. А Лена смотрела на то, как он спит.

Самый красивый мужчина на свете.

Во сне он выглядел спокойным и беззаботным, умиротворенным и словно бы... тихим, обретшим нечто, что давно искал. Темные волосы немного отросли, челка почти касается век, прикрывая ресницы, губы не сжаты в плотную линию, а слегка приоткрыты, сквозь них прорывается его дыхание, а на щеках виднеется уже заметная щетина.

Он выглядел так, словно никакие заботы мира его не тревожат. Словно нет проблем. Нет непонимания и недомолвок в их жизни. Нет всего того, что стоит между ними много лет. Стоит... или ходит вокруг них, сжимаясь с каждым годом все плотнее и плотнее, окутывая их сетями, сжимая в тугое горячее кольцо, и не давая права вырваться из этого круга.

Лена немного приподнялась на кровати, глядя на мужа.

Макс лишь несколько минут назад выпустил ее из плена своих рук, которыми, словно паутиной сплел их тела воедино, прижимая жену к себе и чувствуя кожей ее дыхание.

Лена хотела бы погладить рукой его щеку, колючую от пробивающейся щетины, провести пальцами по волосам, чтобы ощутить их прохладу, или же поцеловать его губы...

Но вместо этого она просто спустила ноги с кровати и встала на пол, касаясь босыми ногами прохлады паркета. Она накинула на себя халат, привстала с кровати и выпорхнула из комнаты, стараясь ступать очень тихо, чтобы не разбудить Макса.

Завязала пояс халата, поплелась в ванную комнату, закрыла за собой дверь и присела на край ванны, уставившись на себя в зеркало. На бледном лице огромными казались карие глаза и алые, припухшие от поцелуев губы, и Лена заметила, как одинокая слезинка застыла в уголках глаз и скатилась вниз, оставляя на щеке мокрый след.

Больно... Снова больно!

Почему она позволяет ему так с собой обращаться?! Приходить после очередной подстилки и заниматься потом с ней сексом, со своей законной женой, словно бы ничего не произошло?! Почему?!

Почему не оттолкнет? Не вырвется? Не уйдет?! Просто не скажет в лицо, что не желает делить его с кем-то еще?! Что просто хочет его... не любви, нет, ее ей никогда не добиться... Но хотя бы элементарного уважения! Человеческого уважения! Неужели она даже его недостойна, по его мнению?!

Лена спрятала лицо в ладонях, вытирая дрожащими пальцами слезы, заструившиеся по щекам.

Она никогда не могла отказать. Она всегда подчинялась.

С самой первой встречи.

У нее не было ни единого шанса на спасение. С того самого первого взгляда.

9 лет назад

Лето было довольно-таки жарким, поэтому в этот день, когда солнце нещадно палило, обжигая кожу горячими лучами, на Лене был простой хлопковый сарафан в голубой цветочек, немного выше колен, который посоветовала надеть бабушка. Светлые волосы собраны заколкой в хвостик, опять же, как посоветовала сделать бабушка, позволив лишь нескольким прядкам спадать вдоль висков по щекам.

Мнение Маргариты Ивановны всегда было для девушки, давно потерявшей родителей и воспитанной бабушкой, решающим. Его она прислушивалась, ему подчинялась, можно сказать. И почти никогда не смела его оспаривать. Потому что ее мнение стало и мнением Лены тоже.

Она потеряла мать еще при рождении, а отец, бывалый моряк, умер, когда Лене было три года. Вся забота и ответственность за малышку, оставшуюся сиротой, легла на плечи Маргариты Ивановны, которая души в своей единственной внучке не чаяла с самого ее рождения. Она ее и воспитала. Стала для нее и матерью, и отцом, и лучшей подругой, и советчицей. Не зная мужского внимания девочка, росла холеная и лелеемая Маргаритой Ивановной, как в цветнике с розами, не способных к выживанию за их пределами.

Нежная и прекрасная садовая роза. Ждущая умелого садовника, который смог бы обрезать острые и колкие шипы, не ранив тонкий стебель.

Аня, лучшая Ленина подруга еще со школы, а теперь и ее однокурсница в институте, обещала прийти к половине второго, но пока так и не подошла, поэтому Лена продолжала сидеть за столиком в летнем кафе под открытым небом и, потягивая из трубочки клубничный коктейль, осматривалась по сторонам в поисках подруги, отличительной особенностью которой всегда было неумение следить за временем.

Они договорились встретиться здесь для того, чтобы обсудить вопрос о том, где и как будут отмечать день рождения их однокурсника Ивана Гурова, а также о том, какой подарок следует ему вручить. У Лены уже имелось на сей счет несколько предложений, но она не была уверена, что они придутся по душе Анечке Титовой, имя которой у всех ассоциировалось с каким-нибудь стихийным бедствием.

Лена опустила голову вниз, нетерпеливо теребя трубочку пальцами, и тяжело вздохнула.

Конечно, за почти двенадцать лет дружбы она привыкла к тому, что Аня всегда и везде умудрялась опаздывать, вызывая своим неожиданным появлением маленький вихрь, но все же... Она ждала подругу уже сорок минут! И это ей уже успело наскучить.

Она вполне могла бы занять это время более важными делами! Можно было бы сходить в библиотеку и взять хрестоматию по правоведению. Или навестить Ирину Анатольевну, чтобы справиться об ее здоровье. Бабушка уже давно хотела узнать, как у той дела. Или можно было бы посетить выставку фотографий начинающего фотографа Игоря Навицкого. Лена давно собиралась сходить, но никак не могла выкроить и минутки свободного времени. А тут... суббота, выходной, каникулы...

Лена вздохнула и поджала губы.

И почему основной недостаток Ани это медлительность и нерасторопность?!

Увлеченная своими мыслями, она даже не заметила, как за соседний с ней столик подсади два молодых человека, сделали заказ и стали о чем-то переговариваться.

Будучи тихой и скромной по своей природе и в силу воспитания, которое ей преподносила бабушка, Лена редко обращала внимание на противоположный пол, а потому очень редко замечала те взгляды, которые бросали на нее порой молодые люди.

Невысокая, стройная блондинка с большими раскосыми глазами темно-карего, шоколадного цвета, и губками с полной нижней губой могли свести с ума любого... Если бы их обладательница этого захотела. Но Лене было все равно.

Взращенная одной лишь бабушкой, обделенная мужским вниманием и видевшая идеал в мужчинах среднего возраста, в большинстве своем уже женатых, которые могли бы заменить ей отца и старшего брата, которых ей всегда не доставало, Лена не обращала внимания на молодых людей своего возраста. В большинстве своем тех, кто не мог стать ей ближе друга или просто знакомого. А те, кто все же завоевывал ее внимание, были мгновенно перенесены в список «недостойных» по иным причинам, которых было предостаточно.

Но что смислила восемнадцатилетняя девушка в отношениях между полами, когда даже мужчины, как примера для того, чтобы этому «поучиться», у нее перед глазами не было?!

Ничего.

И до некоторых пор Лену это мало волновало...

До некоторых пор... До недавних...

До того самого момента, когда она, оторвав, наконец, взгляд от бокала с коктейлем, невольно обратила его на тех самых молодых людей, присевших за соседний с ней столик.

И это был словно удар в солнечное сплетение. Резкий и неожиданный, словно бы вышибающий из легких воздух. Девушка стала задыхаться, грудь сдавило тисками, сердце рвалось наружу, сотрясая грудную клетку глухими резкими ударами, пульс участился, превращая размеренное биение в бег.

Мир пошатнулся. А затем перевернулся.

Оглушаемая нестерпимым шумом, звеневшим в ушах острым нестерпимым гудком удаляющегося поезда, Лена застыла на месте не в силах сделать ни единого, даже малейшего

движения, не в силах даже приоткрыть рот от удивления и шока. Устремив широко распахнутые глаза за соседний столик.

За ним сидел ОН. И Лена поняла это сразу. Другого такого не было и быть просто не могло.

Это был ОН. Он... Кто он?..

Это было неважно для нее. Для нее он в одно мгновение стал всем.

Высокий атлетически сложенный брюнет с волевым упрямым подбородком и странным блеском в бесконечно синих, как море, глазах, когда он, прищурившись и сведя брови, в упор смотрел на своего собеседника, ни на мгновение не отводя взгляда, и словно бы вынуждая того сделать это первым.

Человек, привыкший повелевать.

Подавлять. Подчинять. Управлять.

При чем делать это так, что ты соглашался на подчинение и порабощение сам, не осознавая, когда именно и как дал согласие на это.

Все в нем, начиная от белой рубашки с закатанными рукавами и до носков начищенных туфель, говорило, даже кричало о том, что этот человек не привык уступать и добьется своего в любом случае, чего бы ему это не стоило. Он не привык быть вторым, потому что сам придумал первое место. Для себя.

Не он подчинялся обстоятельствам, а обстоятельства подчинялись ему. Потому что, кажется, не было ничего, чем бы он не мог властвовать.

И именно такой мужчина Лене и был нужен. И она поняла это мгновенно.

Сердце предательски дрогнуло в груди, когда она увидела, как приподнялись уголки его губ, и он улыбнулся своему собеседнику, как зажглись в глазах смешливые огоньки, когда он повернулся к ней полубоком. И почти остановилось в тот момент, когда он, на мгновение опустив глаза, вдруг поднял их вверх... и уставился на нее!

И этот взгляд сказал ей все.

Он окутал ее, словно мягкой, наитончайшей вуалью, заволакивая в свои сети, словно в плен, вынуждая поддаться, склониться, поддаться внезапно вспыхнувшему внутри нее желанию... и отдаться ему.

Потому что это единственное для чего она была рождена.

Быть его. Подчиняться ему. Любить его.

Только его. Потому что кроме него нет никого. А без него все теряет смысл.

Лена застыла недвижимая, не в силах даже пальцем шевельнуть. Сердце барабанило в груди, отдаваясь ударным молотом в ушах и почти оглушая своим четким, размеренным стуком. Кровь мгновенно прилила к щекам, окрасив их в пунцовый цвет. В горле пересохло, а с языка не смогло бы сорваться и звука даже в том случае, если бы от этого зависела ее жизнь. Лена была просто не состояниии это сделать. Казалось, что даже одно произнесенное слово может разрушить это противостояние взглядов.

Она никогда не верила в любовь с первого взгляда. Никогда. Так говорила бабушка, которая, конечно же, знала об этом больше, чем она, да и сама Лена считала это просто сказками. Любви с первого взгляда нет. НО... она влюбилась. С первого взгляда. Почти сходя с ума от того, как растянулись его губы в улыбку, как засветились синим пламенем глаза, как он наклонился над столом, словно бы стараясь стать к ней еще ближе. Или же стараясь подавить ее даже этим малейшим продвижением вперед...

Невозможно было и представить, чтобы он не понимал, что она чувствует в этот

момент. Он знал. Отлично все знал. Об этом говорило все! И те же самые глаза, и эта плутовская улыбка, превратившаяся в откровенную улыбку, легкий кивок головой, словно приветствие ей... И даже поза, в которой он сидел! Склонившись над столом, налегая на него всем телом и подложив руки под грудь. Уставившись на нее!

Лена почувствовала, что воздуха стало катастрофически не хватать. Она просто-напросто задыхалась. Кожу жгло огнем вовсе не от солнца, ее что-то испепеляло изнутри. Может быть, кровь, в которую словно ядом, вошел этот подавляющий взгляд и небрежный кивок, призывающий покориться.

Она сглотнула и откинулась на спинку стула. С усилием отвела глаза в сторону. А кожу все жгло огнем. Тысячи разрядов прошли по телу вдоль позвоночника, протыкая насквозь маленькими иголочками и посылая в кровь новые разряды наркотического воздействия.

Захотелось убежать. Просто встать и... даже не уйти, а убежать. От него!

Потому что так же, как он ее пленил, так же он ее и отталкивал.

Она его боялась. Он будоражил ее кровь, заставлял одним взглядом в ее сторону учащаться пульс, вынуждая сходить с ума от бешеного стука сердца, громом грохотавшего в ушах.

Из-за него она мгновенно почувствовала себя незащищенной. Потому что вся ее защитная броня полетела в тартарары в тот момент, когда она встретилась с ним глазами. Этими дьявольскими синими глазами, не сказавшими ей ничего, но поведавшими ей о многом.

Никогда не испытывая подобных чувств, она не могла преломить в себе все, что было впитано ею годами жизни без него. Не могла переступить через себя и покориться обстоятельствам, столкнувшим их друг с другом.

Что-то в груди упрямо толкало ее к тому, чтобы встать и уйти. Убежать и спрятаться. Потому что она не была уверена в том, что он не пойдет за ней следом. Спрятаться, как можно дальше, в самый укромный, нелюдимый и темный уголок, чтобы он ее не смог найти.

А что-то другое, не менее упрямое, толкалось, брыкалось и, надрываясь, взывало ее к тому, что нужно поддаться соблазну и утонуть в этом новом для нее, неизведанном ею чувстве.

Поддаться ему и стать его.

Потому что всю свою жизнь она ждала, кажется, только его.

Лена опустила голову вниз, все еще ощущая на себе пристальный взгляд незнакомца и чувствуя, как сердце разрывает грудную клетку, готовое вот-вот рвануться к тому навстречу.

Казалось, она сходит с ума.

Безумие. Это просто безумие. Чистое безумие...

На грани... Она уже на грани... И готова уже шагнуть за край. Сделать тот роковой шаг...

Поднять глаза, посмотреть на него еще раз... Сдаться... Поддаться искушению...

Лена мысленно застонала.

Разве такое может быть?! Может?! Только не с ней! Не с ней!

Боже, что же происходит?!

Она не сразу услышала, как в сумке пронзительно зазвенел мобильный телефон, а потом быстрыми, неловкими движениями, дрожащими пальцами стала расстегивать молнию, вынимая телефон из сумки, стараясь даже боковым зрением не смотреть в сторону незнакомца, повергнувшего ее в смятение.

— Да? — проговорила она, чувствуя, что голос звучит по-иному. Дрожит?..

— Ленуль! Родная моя! Дорогая! — запричитала в трубку Аня. — Я опаздываю жутко просто! Прости меня! Можешь сейчас подъехать в парк? Я буду ждать тебя около качелей!

Лена не успела произнести ни слова, как Аня тут же продолжила:

— Ленуль, прости еще раз! Приезжай, а?!

Лена сжала телефон, сглотнула. Все еще ощущая на себе взгляд незнакомца, и покрываясь нервной дрожью от одной мысли о том, что он слушает, что она скажет.

Слова застыли на языке, так и произнесенные ею.

— Ленуль, так ты приедешь?! — послышался в телефоне голос подруги.

Лена заставила себя кивнуть. А затем еще и тихо произнести:

— Д-да, конечно... Приеду.

— Отлично! — обрадовалась Аня. — Буду тебя ждать, Ленуль! Около качелей, в парке, — напомнила она весело, а Лене хотелось провалиться под землю. — Целую, до встречи!

— Целую, пока, — на автомате выдавила из себя и отключилась лишь после того, как это сделала Аня.

Еще пару минут она просто сидела и заворуженно смотрела на зажатый в руке телефон, словно осознавая произошедшее, а потом положила его в сумку.

Нужно уходить. Немедленно!

С нервно стучащим в груди сердцем она позвала официанта и расплатилась по счету. На негнущихся ногах, ставших вдруг ватными, она встала из-за стола и сделала несколько нетвердых шагов к выходу. Затем еще несколько. Еще и еще... Быстрее, быстрее... Убегая... Дальше... Еще дальше от незнакомца с синими глазами...

На выходе не сдержалась... Обернулась... Застыла на месте, словно вкопанная.

Синие глаза прожигали ее насквозь, провожая до выхода.

Лена сглотнула, слушая стук сердца, стремительно повернулась к незнакомцу спиной, столкнулась с кем-то, попутно извинилась, запинаясь, и направилась прочь быстрыми заплетающимися шагами.

Надеясь на то, что больше никогда не встретится с ним.

И молясь о том, чтобы им была дарована еще одна встреча.

4 глава

«Улыбаюсь, а сердце плачет

в одинокие вечера.

Я люблю тебя.

Это значит -

я желаю тебе добра.»

Вероника Гушнова

Звон бокалов и веселый смех оглушали ее, но Лена молча стояла около столика с закусками с зажатым в руке бокалом шампанского и невидящим взглядом смотрела по сторонам, растерянно пробегая глазами по заполненному приглашенными на вечер гостями залу.

Какая роскошь. Какое богатство. Какая изысканность.

Хотелось бежать от всего это великолепия!

Лена брезгливо передернула плечами, словно бы желая стряхнуть с себя пылинки этого изящества.

Спрятаться куда-нибудь! Немедленно, пока вся эта красота не накрыла ее гробовой доской. Убежать, скрыться в темный уголок... и ждать. Того момента, пока Максим не придет и не найдет ее.

Муж отошел к своим друзьям, выпустив ее из кольца своих рук лишь некоторое время назад, и сейчас оживленно беседовал с ними в другом конце зала, то и дело косо поглядывая на Лену, словно бы проверяя, где она и с кем. А Лена невольно смотрела на него, сознанием понимая, что даже когда разговаривала с Лидией Короленко, все равно бросала косые взгляды в сторону мужа, забывая о теме собственной беседы, но не в силах не делать этого. Что-то незримое словно бы притягивало ее взгляд в ту сторону, где стоял супруг. Зачем?.. Чтобы удостовериться в том, что он «отлично проводит время»? Или в том, что наблюдает за ней?

Лена тяжело вздохнула.

Благотворительный вечер, на который был приглашен Максим, длился для нее бесконечно долго. Она не хотела приезжать, никогда не любила подобного рода мероприятия, но как жена Колесникова, обязана была присутствовать.

Они с Максимом приехали в восемь вечера, а сейчас была лишь половина одиннадцатого, — всего-то два с половиной часа! Но все это время Лене казалось, что она находится на каторге.

Надоело натянуто улыбаться и за фальшивыми улыбками прятать неприязнь. Надоело беседовать с мало известными людьми и отвечать на их бесконечные вопросы, на которые

давать ответа не хотелось. Надоело поддакивать знакомым, удостоившим ее кивком головы или восхищенным восклицанием о том, «какая они с Максом замечательная семейная пара»! Или же просто терпеть лестные комплименты из уст друзей Макса, вызывавших на ее лице милую благодарную улыбку, а сердце разрывая на части. Комплименты, которые не значат для нее ничего. Зачем они ей нужны?!

Максим в течение всего вечера держался так, как и следует людям его круга. Уверенно и властно, со слепым уверением в том, что мир принадлежит ему одному. Держась за его руку, Лена чувствовала исходившую от него силу. И знала также, что должна вести себя соответственно.

Но не могла. Лене этот вечер не нравился.

Не нравился зал, в котором проходило мероприятие. Не нравились бокалы, из которых она пила шампанское, которое ей тоже не нравилось. Не нравились люди, с которыми приходилось общаться. Не нравилось даже платье, которое на сегодняшний вечер ее попросил надеть Макс! Темно-синее, — любимый цвет мужа, — с глубоким декольте, на бретельках, оно облегалo ее фигуру, как вторая кожа, лишь от середины бедра спускаясь к ногам изящными складочками. Ее раздражали также и оценивающие взгляды, которыми ее одаривали собравшиеся, и те замечания, которые они делали, и советы, которые давали.

Вскоре ее стало раздражать все!

Лена обвела зал глазами, задержала взгляд на Максе, беседующем с коллегами и друзьями, и со вздохом, невольно сорвавшимся с губ, повернулась к мужу полубоком.

Она хотела сделать глоток и даже поднесла бокал к губам, но отчего-то вмиг передумала и поставила его на столик, так и не сделав глоток.

Хотелось уйти отсюда. Немедленно.

Чужой смех стал давить на нее своей звонкостью, как кислотой по обнаженной коже, от него по коже бегали мурашки, а вдоль позвоночника обжигающей тропинкой пробежал холодок.

Лена вновь нетерпеливо посмотрела на Макса, желая поймать глазами его взгляд, и сказать ему о том, что не может больше здесь находиться, что нужно уходить, или осмелиться попросить его отпустить ее одну, но муж о чем-то увлеченно разговаривал с друзьями, даже не глядя в ее сторону, поэтому Лена застыла на месте, глядя в одну точку.

Тяжело вздохнула, прикрыла глаза, призывая себя успокоиться.

«Нужно уйти отсюда...» — была в голове одна-единственная мысль.

Даже воздух стал давить на нее своей тяжестью и свинцом, оставаясь в легких гадким едким осадком.

Лена хотела сделать шаг по направлению к выходу, чтобы хотя бы на несколько минут покинуть раскаленное помещение, но резко застыла на месте, остановленная дружелюбным вопросом:

— Девушка, а вы уже уходите?

Лена замерла. Нахмурилась, прикрыв на мгновение глаза.

Очень многие обращали на нее внимание, и она это знала. И всегда натыкались на золотой ободок кольца, сковывающий ее пальчик и указывающий на ее принадлежность другому.

Поворачиваясь к мужчине, обратившемуся к ней с желанием попрекнуть его, она, тем не менее, про себя отметила, что голос кажется ей, на удивление, знакомым. Но мгновенно отвергла эту мысль.

Повернувшись же лицом к говорившему, она застыла с приоткрытым ртом, с так и не сорвавшимися с языка отговорками и уперлась взглядом в высокого широкоплечего блондина со светящейся на лице улыбкой, и с ясными зелеными глазами, отливавшими изумрудным оттенком.

И эти глаза нельзя было перепутать ни с какими другими!

Губы Лены невольно стали растягиваться в улыбку.

А блондин широко улыбался и смотрел на нее с нескрываемым восхищением.

— Выпьем? — предложил он, улыбаясь, и протянул ей бокал с шампанским.

Лена, замороженно глядя на него, приняла бокал, так и не сказав ни слова.

— Скажешь что-нибудь? — спросил блондин, по-прежнему улыбаясь широченной улыбкой.

Глаза Лены засветились. Она сделала нетвердый шаг к нему. Губы ее дрогнули.

— Андрей?.. — проговорила она едва слышно. — Это ты?

Тот улыбнулся еще шире, если это вообще было возможно. Отчаянно закивал головой.

— Узнала, значит? — порадовался он и удовлетворенно мотнул головой, откидывая со лба светлые волосы.

Лена вместо ответа просто кивнула, не переставая улыбаться так же широко, как и он, и, понимая, что улыбка ее становится искренней и счастливой.

— А я тебя узнал почти сразу! — воскликнул Андрей. — Такую красавицу, и не заметить?!

Лена смущенно потупила глаза, уставившись ими в пол, покраснела.

— Ты мне льстишь, Андрей! — рассмеялась она.

Тот совершенно серьезно покачал головой.

— Вовсе нет, — он поцокал языком. — Неужели ты не знаешь, что ты — самая красивая девушка в этом зале? Ни за что не поверю, что тебе этого еще никто не сказал! — воскликнул он и осмотрелся по сторонам.

Лена улыбнулась. Ей говорили. И не один раз. Но это были друзья и коллеги Макса, да и сам Макс тоже, но она никогда не принимала подобные комплименты всерьез, всегда списывая их на проявление хорошего тона и желание понравиться.

Слышать же подобное от старого друга было приятно.

— По глазам вижу, что говорили, — проговорил Андрей с легкой обидой. — И не раз, наверное. Что ж, — он всплеснул свободной рукой, — я вновь опоздал! — и тут же повеселел. — Но ничего! Сказать красивой девушке о том, что она прекрасна, никогда не поздно, ведь правда?

Он подмигнул ей, и Лена расплылась в улыбке, смущенная его словами.

В чем Андрею никогда нельзя было отказать, так это в чувстве хорошего тона.

Лена взглянула на Андрея обманчиво придирчивым взглядом.

— А вот ты ничуть не изменился!

Светлые брови подскочили вверх, а уголки губ опустились.

— Все такой же красавец, как и прежде! — закончила Лена мысль и невольно рассмеялась, увидев, какая довольная улыбка расплылась на лице мужчины.

А он осмотрел ее восхищенным взглядом, заставив бешено забиться сердце, и заглянул в глаза.

— Да, что-то с течением времени все же не меняется, правда, Ленуль? — проговорил он с каким-то странным подтекстом в словах и посмотрел на девушку в упор. Пристальный

взгляд, внимательный, проникающий ей в душу, строгий и напоминающий. Об очень многом...

Лена ощутила, как дрожь прошла по телу, обдавая холодом.

И почему же она вдруг вспомнила о том дне, когда Андрей, заикаясь и не находя слов, тупил взгляд в землю и краснел... Тот самый Андрей, которому за словом в карман лезть никогда не приходилось, и на котором девушки висли, как гроздь винограда на ветках...

Этот Андрей Порошин признавался ей в любви на лавочке в старом парке под кустами орешника.

А она отвечала, что он для нее всего лишь друг.

И он настойчиво пытался доказать ей, что станет для нее больше, чем просто другом.

А она упрямо стояла на своем. И краснела, и смущалась, и не находила нежных слов, чтобы смягчить отказ, и все время избегала смотреть ему в глаза.

А он держал ее за руку и говорил слова любви, просил подумать.

А она упиралась, пыталась выдернуть руку, увеличить расстояние, что разделяло их.

А потом просто убежала от необъяснимого смущения и захлестнувшего ее чувства... предательства.

Ее лучший друг — ее любит!

Она убежала.

А он пришел к ней через неделю, бесконечно долгую неделю нервной дрожи вдоль позвоночника, без звонков, напоминаний и приветствий. Пришел и заявил, что уезжает в Новосибирск. Навсегда.

Она просто кивала, когда объяснял ей причину.

Она не остановила его. И он ушел.

Они не виделись почти десять лет!

И сейчас... почему он смотрит на нее так странно строго? Что хочет сказать? О чем умалчивает?

Стало стыдно за те свои почти детские слова, сказанные от изумления и шока.

Лена была уверена, что Андрей все помнит. Потому что сама не забывала об этом никогда.

Андрей кашлянул, словно бы разрывая паутину недосказанности, повисшую в воздухе, и посмотрев в свой бокал, проговорил как бы между прочим:

— Не ожидал тебя здесь увидеть, — он поднял на нее глаза, встретил грустный взгляд.

— Я тебя тоже, — проговорила Лена, потупилась, посмотрела в сторону, затем подняла на Андрея глаза: — Ты даже не сообщил, что вернулся в город...

Она тут же поняла, что ее попытка «завести старый добрый дружеский разговор» провалилась со звонким истерическим треском.

Потому что они не знали друг о друге ничего на протяжении десяти лет.

Андрей усмехнулся.

— Я бы с радостью, — проговорил он, — но не знал, как это сделать, — и вновь этот пристальный взгляд прямо в глаза. — Я вернулся месяц назад.

Месяц назад...

Лена невольно вздрогнула.

Он ходил по тем же улицам, что и она... Возможно, был в парке, у того самого куста орешника, разросшегося за последние годы очень сильно. Или проходил по другой стороне дороги, осматриваясь и узнавая своей город. Проезжал в машине, глядя на знакомые здания

и вспоминая прошлое.

Целый месяц...

Они могли встретиться. Даже случайно, просто столкнуться на улице. А она об этом и не догадывалась.

— Надолго ты приехал? — спросила Лена, поднимая на него глаза.

Андрей равнодушно смотрел на бокал с плескавшейся там желтоватой жидкостью, даже вид которой вызвал в нем какое-то странное отвращение, а потом поднял взгляд на девушку.

— Навсегда.

Это слово легло между ними, словно разбившийся хрусталь.

Лена вздрогнула. Отчего, почему? Сама не знала.

— А чем же плох Новосибирск? — спросила она, старательно пытаясь найти почву для разговора, который не затронул бы «больные темы».

Андрей усмехнулся уголками губ, хмыкнул, качнул головой.

— Я сделал там все, что мог. Дел там для меня не осталось, — помолчав немного, он добавил: — Как и тех, впрочем, ради кого там стоило бы оставаться, — он пристально вонзился в нее взглядом, не отводя глаз. — Приехал вот домой.

Лена почувствовала ком, застрявший в горле, услышав в его словах какой-то двойственный смысл, но все же улыбнулась и кивнула, а Андрей вскинул вверх брови.

— А ты что, не рада, что ли, Титова?! — воскликнул он наигранно с обидой в голосе.

Лена вздрогнула от его слов. Натянутая улыбка сползла с лица.

Титова...

Как удар прямо в сердце, которое вновь начало кровоточить. Оно задрожало в груди, как сумасшедшее, ударяясь о грудную клетку с бешеной силой, и отдавалось в ушах оглушающим эхом. Воздуха стало мало. Так мало, что Лена сквозь стиснутые зубы стала втягивать в себя его крупницы, наполняя легкие спасительным кислородом, чувствуя, как трясутся руки, сжимавшие бокал.

Андрей уловил мгновенное изменение ее состояния. Ему это всегда удавалось без особого труда.

Наигранная улыбка обиды мгновенно сошла с его лица, сменившись изумленной, неверящей, но разочарованной гримасой.

Минуту, или больше... он просто смотрел Лене в глаза, словно в них пытаясь найти ответы на свои невысказанные вслух вопросы, а затем его острый взгляд переместился на ее правую руку, сжимавшую ножку бокала с такой силой, что тот чуть ли не дрожал.

Правый безымянный палец не был скован ободком кольца.

Андрей взглянул на Лену с неммым вопросом в глазах.

Но она все поняла и без слов.

— Я потеряла кольцо, — выдавила она из себя тихо. — Несколько дней назад, — она сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает едкая горечь, и совесть разъедает ее, словно кислотой.

Действительно, стало стыдно. Из-за того, что Андрей не знал о том, что она вышла замуж. Через несколько месяцев после того, как он уехал в Новосибирск.

Андрей не подал вида, что поражен ее словами. Губы его сомкнулись, глаза стали острыми и колючими, как у орла, брови в удивлении взлетели вверх. Он тяжело вздохнул и опустил взгляд. Желая, чтобы она не увидела того, что он прячет в глубине его потемневших зеленых глаз?..

— И как давно произошло сие знаменательное событие? — спросил он, стараясь выдавить из себя улыбку.

Лене стало стыдно вдвойне. Щеки окрасились пунцовым цветом.

— Девять лет назад, — проговорила она и тоже опустила взгляд.

Андрей мгновенно вскинул на нее острые зеленые глаза и застыл в изумлении, не в силах произнести ни слова. Просто смотрел и смотрел на нее, долго и пристально, внимательно, желая разгадать что-то, или просто принуждая ее к ответу.

Мир стал сужаться, превращаясь в тугую жгучую спираль.

Лена слышала, как застучало ее сердце, где-то в ушах отдаваясь молотом. И руки вспотели так сильно, что бокал с шампанским чуть ли не выскакивал из тонких пальцев.

Почему же она чувствует себя такой бессердечной гадкой тварью?!

— А ты... ты был женат? — проговорила она, пытаясь разрядить обстановку.

Андрей отрешенным взглядом посмотрел на нее.

— Ммм... был, — сказал он, и Лена ощутила громкий удар сердца в груди. — Но совсем недолго. Около двух лет, — он вновь опустил глаза в свой бокал и сильнее сжал его рукой. — Мне не повезло... — он поднял на нее прямой, словно бы осуждающий взгляд. — Так как тебе повезло.

Лена вздрогнула от этих слов.

Повезло. Если бы ты знал, КАК мне повезло?! Да моя жизнь рушится!

— Девять лет... — Андрей грустно улыбнулся. — Это очень долгий срок.

Если бы ты знал, НАСКОЛЬКО долгий! Иногда Лене казалось, что прошла целая вечность!

Но какими были эти девять лет... Не знал никто.

Бег по замкнутому кругу. Туда, откуда нет возврата... За тем, чего им с Максом никогда не обрести.

— Да, долгий. Очень долгий, — проговорила Лена задумчиво. — А у тебя почему не сложилось?

Андрей пожал плечами, явно не желая об этом говорить.

— Просто так получилось, — он горько усмехнулся и проговорил: — Считаю, что не сошлись характерами, — он взглянул на Лену, долго смотрел на нее в упор: — Но это было сто лет назад, даже и вспоминать не хочу, — он замолчал, а через мгновение очень серьезным тоном добавил: — Тебе-то повезло больше, чем мне.

Лена покачала головой, чувствуя, как горечь подкатывает к горлу, и кислота разъедает желудок.

Зачем она только выпила это шампанское?!

Повезло... Вновь — ей повезло!

Андрей, Андрей... Знал бы ты правду!

— Да, наверное, — тихо проговорила она без тени улыбки.

А вот Андрей улыбнулся, только невесело.

— Что-то я не вижу радости на твоём лице.

Почему же он такой проницательный?!

Лена горько усмехнулась и отвела глаза.

— Как тебя занесло на благотворительный вечер, лучше мне скажи? — спросила она, не отвечая на его вопрос, и мысленно молясь о том, чтобы он не настоял на ответе.

Просто не желая затрагивать в своей душе те струны, которые итак надрывно дрожали и

нестерпимо болели, кровотока и гноясь. Уже целых девять лет. Зачем терзать их еще больше?!

Андрей не стал настаивать. Но одного долгого взгляда, словно бы расслаивавшего ее на куски, Лене хватило, чтобы осознать, что он все понял. Как и всегда понимал без слов.

— Да так вот... занесло вдруг... — развел он руками. — Бизнес.

— Бизнес? — удивилась Лена. — Ты подался в бизнесмены? Никогда бы не подумала.

Андрей пожал плечами.

— А почему бы и нет, — вновь пристальный взгляд на нее. — Вот я бы тоже никогда не подумал, что...

Он не договорил, и Лена почувствовала, как ее сердце пропустило один тревожный удар, затем еще один... И почти остановилось.

— Что?.. — с придыханием проговорила она.

Андрей же лишь покачал головой, не желая отвечать.

— Ничего. Это я так... — отмахнулся он. — Скажи лучше, что сама тут делаешь?

Лена напряглась, что не укрылось от взгляда Андрея. Его глаза недовольно сощурились, а губы сжались в тонкую линию.

— Я здесь с мужем, — сказала Лена после непродолжительной паузы.

Андрей ничего не ответил, молча разглядывал ее.

Невысокая, по сравнению с ним и его почти двухметровым ростом, так точно. Она всегда едва доставала ему до плеча. Красивая, по-прежнему самая прекрасная девушка на свете. Светлые локоны собраны в высокую прическу, открывая лебединую шею и красивые скулы. Обнаженные руки с тонкими запястьями и длинными пальчиками с ухоженными ноготками. Темно-синее платье облегает стройную фигурку, как вторая кожа. И выглядела она так, словно сошла с обложки журнала...

А вот карие глаза... грустили. В них читалась боль.

И это отозвалось в сердце Андрея собственной нестерпимой болью.

— Ты не хочешь быть здесь, — сказал Андрей без предисловий, чем поверг Лену в шок.

Лена вновь напряглась, передернула плечами, сильнее сжала ножку бокала.

Нервничает...

Оглянулась назад, для того чтобы найти глазами мужа, как предположил Андрей. Боится?!!

И, по-видимому, нашла, так как тут же поджала губы и опустила глаза, словно провинившаяся девочка. Обернулась к Андрею, но, не глядя на него, проронила:

— Прости, Андрей, но... мне нужно идти.

— Идти? — Андрей и сам удивился своему голосу, звучащему так непривычно хрипло.

Лена вновь бросила косой взгляд в сторону, и Андрей проследил за ним. Но так ничего и не увидел.

— Да, — проговорила она и подняла на него глаза. — Я была рада тебя увидеть! — искренне воскликнула она. — И буду рада, если мы встретимся вновь.

Андрей кивнул, словно на автомате, глядя на ее растерянные карие глаза, метавшиеся в поисках того, на чем можно заострить взгляд. На чем угодно, но только не на нем — Андрее!

— Я тоже... — выдавил Андрей из себя.

Лена сделала шаг назад, увеличивая между ними расстояние, как тогда, десять лет назад, в парке, на лавочке, под кустом орешника. И Андрею захотелось приблизиться к ней, чтобы та пропасть, что уже разделяла их, не стала роковой бездной.

Но он устоял на месте, а Лена отошла от него еще на шаг.

Как тогда, когда она не удержала его, когда уходил он.

— Всего доброго, Андрей, — проговорила Лена, заглянув ему в глаза.

— До свидания, Лена, — машинально проговорил Андрей, не узнавая свой голос.

Она еще несколько секунд стояла напротив него, словно бы борясь с желанием остаться, а потом покачала головой, натянуто улыбнулась мужчине на прощание и поспешила прочь.

Едва девушка скрылась в дверях, Андрей поднес бокал с шампанским к губам и осушил его одним большим глотком.

Макс нашел ее почти сразу. Потому что отлично знал, где она может находиться.

Почувствовав, как внезапно проснувшаяся в нем совесть задрожала в груди гулкими ударами сердца, Макс ощутил острое разочарование, граничащее с неприязнью. К самому себе.

Зачем он привел Лену сюда?!

Ей не нравилось данное мероприятие. Все здесь было чуждо ей. Она улыбалась натянуто, отвечая фальшивыми улыбками на не менее ложные улыбки и пожелания всего наилучшего, и старалась не вступать в беседы, которые сопровождалась бы градом неприятных ей вопросов, и двигалась она скованно, словно бы мысленно рассчитывая каждый свой шаг, чтобы не допустить ошибку или не нарваться на замечание или очередной неприятный вопрос. И прятала глаза, чтобы их выражение не выдало ее с головой.

Уже через десять минут после того, как они переступили порог зала, Макс пожалел о том, что принял приглашение и привел жену с собой. Нужно было оставить ее дома.

Она не просила его об этом, да и не попросила бы, ведь это была его Лена! Но ему следовало заметить ее состояние еще тогда, когда она грустно улыбнулась ему и кивнула, когда попросил ее надеть его любимое платье. Или когда она, немного помедлив, словно бы собираясь что-то сказать, остановилась в дверях, оглянулась назад, а потом посмотрела на него. Он не обратил внимания на ее взгляд, поторопил ее, потому что они опаздывали, и поспешил вниз, подхватив ее под руку.

Сейчас он отчаянно ругал себя за такую оплошность. Ему следовало заметить. Он должен был видеть.

Лена молчала всю дорогу, и он, как последний дурак, проигнорировал ее молчание. Она всегда была слишком тихой и спокойной, он к этому уже привык. И это молчание было в порядке вещей...

Но... неужели он не мог заметить, как нетерпеливо и нервно она сжимала тонкими пальцами сумочку?! Как скованно держалась в машине?! Как напряжена была ее спина, словно натянутая струна?! Или как она обернулась к нему, решив что-то сказать, а он перебил ее и сказал какую-то глупость?!

Нужно было повернуть машину назад и ехать домой. Чтобы избавить Лену от необходимости играть роль, которая причиняла ей боль.

Но он понял это уже слишком поздно. Когда уже не мог бы просто так уйти.

Может быть, именно потому, что он понимал, как отчаянно она не желает здесь присутствовать, чувствуя свою причастность к ее состоянию, и пытаясь успокоить ее своим присутствием, он и находился рядом, надеясь на то, что это ее успокоит? И не отпускал ее от себя, настойчиво удерживая за талию и прижимая к себе, или просто держа в руке ее ладонь, чувствуя, как бешеный пульс бьется ему в руку. И наблюдал за ней даже тогда, когда

разговаривал с друзьями, делая вид, что внимательно слушает их, а на самом деле косо поглядывая на жену?!

Он чувствовал, что ей плохо. Он почти явственно ощущал ее боль на себе. Слышал биение ее сердца. Ощущал дрожь кожи даже тогда, когда она стояла в нескольких шагах от него. Он чувствовал ее отчаяние. Ее скованность и замкнутость. Видел ее блестящие отчаянием глаза, сжимая ее дрожащие пальцы в своей руке, и видя лживую улыбку на губах.

И обзывал себя последним негодяем. И злился на себя. И отчаянно негодовал из-за того, что не может уйти с вечера так скоро. И глядя на Лену, отчетливо осознавал, что он — самый ужасный человек на свете.

Когда ему пришлось оставить ее, его сердце дрогнуло и пропустило глухой удар, словно барабанным стуком ударивший ему в мозг, раскалывая его надвое. С желанием остаться и необходимость уйти.

Он не хотел оставлять ее одну. Даже на мгновение. И плевать ему на тот факт, что с ней осталась Лидия Короленко, жена одного из его коллег по бизнесу. Плевал он на это! Она будет с кем-то, но не с ним! И это вызывало в его душе щемящую, непонятную, но обжигающую тревогу.

И в тот момент, когда он хотел заявить о том, что останется с женой, что-то в его груди звонко щелкнуло и настойчиво зашептало...

Зависим... зависим... зависим...

И он, упрямо сжав зубы, последовал вслед за мужчинами, оставляя Лену одну.

И во время разговора с ними он сдерживал порывы, упрямым голосом рассудка заглушал зов своего сердца, стремившегося навстречу Лене и ее внутреннему зову к нему. Он посмотрел на нее лишь пару раз! Желая доказать себя то, что уже не требовало доказательств, потому что рухнуло, как карточный домик... Но все еще непризнанное и отталкиваемое им, как невозможное и, просто напросто, недопустимое.

Зависимость... Одержимость... Любовь...

РЕВНОСТЬ.

Дикая, необузданная ревность... Ослепляющая и превращающая окружающий мир в ничто, оставляя его наедине со своими страхами, сомнениями, желанием разорвать все в клочья и ринуться в объятия собственного безумия. Неконтролируемая разумом ревность и заглушающая все его уверения в том, что он не должен ревновать... Если не зависим...

И он понимал, что ревнует. И понимал, что не должен ревновать. Он убеждал себя в том, что это ничего для него не значит. Но... понимал также, что наивно и глупо обманывать самого себя...

Ревность накрыла его с головой в тот самый момент, когда он увидел, как молодой высокий блондин атлетического телосложения и со слащавой физиономией остановился около ЕГО жены и, улыбаясь до ушей улыбкой кинозвезды, заговорил с ней так, словно бы они знали друг друга целую вечность!

А когда и Лена улыбнулась ему...

Макс думал, что злость и гнев вырвутся наружу, сметая все на своем пути.

Вот тут-то он и не сдержался. Наплевал на все предосторожности, послал к черту все свои недавние уверения, забыл о том, что «не зависим» и... просто ревновал свою жену к этому блондину, плотно сжимая губы в тонкую линию, зло щуря глаза, и испепеляющим взглядом расплавляя незнакомца глазами.

Ирония состояла в том, что за несколько минут до этого один из его коллег заявил

Максу с улыбкой, что у него такая красивая жена, что ее могут попробовать у него увести и попытаться удачу. На что Макс лишь рассмеялся, уверив того в том, что такого никогда не произойдет. И тут... ЭТО!

И сейчас ему было вовсе не до смеха, как несколько минут назад. Ему хотелось разорвать блондина на части, чтобы тому было неповадно приставать к чужим женам! И он уже сдерживался из последних сил, желая ринуться к ним и заявить свои права на Лену, когда она вдруг сама оставила мужчину, стремительно направившись к выходу.

И Макс не знал, что чувствовал в тот момент. Облегчение? Определенно. Что еще?. Радость? Оттого, что разговор с незнакомцем окончен. Или досаду? Оттого, что Лена осталась явно чем-то недовольна.

Он почти пулей ринулся с места, ускользнул от коллег и друзей, сославшись на то, что ему нужно найти жену, что и было правдой, на самом-то деле, но вот причину подобного поступка объясняя немного иначе, нежели все было на самом деле.

И, направляясь следом за ней почти сразу же после того, как она стремительно выскользнула из зала, заполненного гостями, он хотел бы оправдать свои действия и сказать самому себе, уверяя, что это лишь для того, чтобы узнать, как она себя чувствует, справиться об ее состоянии, но умом все же отчетливо осознавая, что идет за ней для того, чтобы узнать, с кем она разговаривала.

И он нашел ее около выхода. Как он и предполагал.

Лена стояла, прижавшись спиной к стене, с закрытыми глазами и ладонями, зажатыми в кулачки. Брови сведены к переносице, губы поджаты, а подбородок предательски дрожит, словно она сдерживает рвущиеся из груди слезы.

Макс невольно стиснул зубы, ощущая, как злость начинает зарождаться где-то в глубине его души, превращаясь в неконтролируемую ярость.

Что, черт побери, наговорил ей этот слащавый блондин?! Чем расстроил ее?!

Кто он вообще такой?!

Макс сделал шаг вперед, и Лена, словно бы почувствовав его присутствие рядом с собой, распахнула глаза и повернулась к нему. Оттолкнулась от стены и уставилась на него, словно бы не узнавая.

Макс почувствовал, как ком встал в горле, мешая говорить, не позволяя произнести хотя бы слово.

Почему у нее такие грустные глаза?.. И губы подрагивают...

Он сглотнул, сделал шаг вперед, глядя на нее в упор.

— С тобой все в порядке? — спросил Макс, не узнавая свой голос.

Что-то новое звучало в нем. Он и сам не знал, что именно.

Лена опустила глаза, словно скрывая выражение грусти и боли, таившееся в них, и тихо произнесла:

— Да, все хорошо.

Нет, нехорошо, Лена! Что-то случилось.

Ты думаешь, что он не видит твою боль? Не ощущает ее каждой клеточкой и своей страдающей души?!

Макс медленно подошел к ней и взял в руки ее дрожащие ладони, заглянул в глаза и спросил:

— Хочешь, уедем?

Лена стремительно подняла на него глаза. В них светились неверие и удивление.

— Правда? — переспросила она тихо и, увидев, как он кивнул, прошептала: — Хочу.

Макс долго и пристально смотрел на нее, словно бы пытаясь увидеть что-то в ее глазах или прочитать на ее лице ответы на свои невысказанные вслух вопросы. А потом проговорил:

— Подождешь меня? Я предупрежу о нашем уходе.

Ошарашенная тем, что он не попросил ее пойти вместе с ним и попрощаться с гостями, Лена просто кивнула. А Макс наклонился к ней, нежно поцеловал в губы, провел большими пальцами по щекам, словно бы стирая с них следы невыплаканных слез, и направился в зал, в душе улыбаясь тому, что Лена больше не встретится с незнакомым блондином.

И уже в машине, не сдержавшись, он позволил себе расспросить ее о том, что так волновало его.

— А с кем ты разговаривала на вечере?

От него не укрылось то, как дрогнули ее плечи от его слов.

Он крепче сжал руль, призывая себя успокоиться.

— Кого ты имеешь в виду? — тихо спросила она, не глядя на него.

Она прекрасно знала, КОГО он имел в виду!

Но Макс объяснил:

— Мужчина, высокий блондин, — он бросил на нее быстрый взгляд. — Я его не знаю.

Лена помедлила, прежде чем ответить. И сердце Макса пропустило резкий удар.

— Это... мой старый друг.

В груди что-то дрогнуло. И Макс сглотнул. Старый друг...

— Как его зовут?

И вновь Лена помедлила. А Макс готов был зарычать.

— Андрей Порошин.

Макс нахмурился и мысленно повторил это имя про себя, вспоминая.

— Я никогда о нем не слышал, — проговорил он, все сильнее и сильнее сжимая руль. И это очень плохо, черт побери, что не слышал! Кто он такой?!

Лена посмотрела на него.

— Я тебе о нем не рассказывала...

Интересно, заметила ли она, как потемнели его глаза, и как плотно сжались губы?!

— Мы вместе учились в школе, он старше меня на два года, — проговорила Лена, а потом тихо добавила: — Десять лет назад он уехал в Новосибирск, и вернулся только сейчас.

Макс помрачнел и пожелал Порошину вообще никогда сюда не возвращаться.

— А надолго вернулся?

— Сказал, что навсегда.

Максим втянул в себя воздух сквозь сжатые зубы, но промолчал. Сердце забилося в груди, настойчиво отбивая бешеный ритм, ладони, сжимавшие руль, вспотели.

Ревность, злость, негодование всколыхнулись в нем огненной волной.

— Ты рассказала ему обо мне?

Лена удивленно уставилась на него.

— Ммм... да, — пробормотала она. — Когда он не заметил кольца, то подумал, что я...

— Не заметил кольца?!

Лена нахмурилась, поджала губы и отвернулась к окну.

— Да. Я его потеряла, забыл?

Макс чертыхнулся про себя и обозвал себя скотиной.

Да, забыл. Забыл, черт возьми!

Как он мог забыть о ТАКОМ?! О том, что указывало на то, что Лена — его!

— Прости, — пробормотал он, глядя на дорогу. — Я куплю тебе новое.

Уголки ее губ приподнялись, она усмехнулась и покачала головой, не произнеся ни слова.

Тогда, когда она сообщила ему о потере, он сказал ей то же самое.

Макс обозвал себя полным козлом, но тоже промолчал.

Всю оставшуюся дорогу они так и ехали, не проронив ни слова. Только когда они выходили из машины, Лена поинтересовалась, не глядя на мужа:

— Ты сегодня свободен?

— Что?.. — не понял Макс и уставился на нее.

Лена подняла на него глаза и объяснила:

— Ты никуда не собираешься уезжать?

— Куда я могу уехать?!

Лена пожалала плечами, грустно улыбнулась.

— Может быть, у тебя дела... в двенадцать ночи...

Намек был слишком прозрачным, чтобы он его не услышал в ее словах.

Макс помрачнел и, выходя из машины, громко хлопнул дверью.

— У меня нет никаких дел! — заявил он злобно. — Тем более в двенадцать ночи!

Лена вздернула вверх брови и кивнула.

А Макс почувствовал себя так, словно об него вытерли ноги или вывалили в грязь.

Он направился следом за ней, а, когда она, войдя в квартиру, сказала, что пойдет в душ, его вдруг осенило. Словно удар в солнечное сплетение.

Он остановился посередине прихожей и воскликнул:

— Я вспомнил!

Лена резко остановилась, замерла, не поворачиваясь к нему, ее плечи дрогнули.

— Мне нужно... кое-что сделать! — заявил Максим.

Она молчала, сдерживая рвущиеся из глаз слезы.

— Сейчас? — она не узнала свой голос. А он заметил его хрипоту?

— Да. Мне нужно это сделать немедленно!

Она не позволила себе расплакаться перед ним, лишь прошептала:

— Хорошо.

— Я скоро вернусь, — сказал Макс и стремительно выскочил за дверь, не поцеловав ее на прощание, как делал всегда.

Лена принудила себя не оборачиваться ему вслед.

Не дрожи сердце, не стучись в груди. Не кричи. И не зови того, кто все равно не услышит твой зов.

Лишь оказавшись в душе и подставляя лицо теплым струям воды, смывавшей следы ее боли и отчаяния, Лена позволила себе разрыдаться.

Купить кольцо в такое время суток не представлялось возможным, но для Максима Колесникова не было ничего невозможного, когда он чего-то сильно хотел. И поэтому он мчал свой автомобиль по ночной автостраде с единственным слепым желанием в груди, горящим в ней ярким пламенем, — добыть золотое колечко и надеть его на палец Лене.

Чтобы всякие Андреи не имели бы и возможности подойти к ней, зная, что она

принадлежит другому!

Макс усмехнулся самому себе.

Эта мысль осенила его мгновенно, словно вспышка молнии. Ударила в мозг и зажглась в нем яркими искрами, ослепляя и заставляя кровь нестись по венам сильнее. Идея, засевшая так глубоко и так прочно в его голове, что теперь не уходила. Словно удар бича, резкий и неожиданный, оставляющий на теле отметины. И Макс уже не мог оставить эту мысль.

Он понимал, что это меньшей мере, глупость. А по большей, — вообще безумие. Нестись в двенадцать часов ночи по городу, отлично зная, что ювелирные магазины уже не работают, а открываются лишь в девять утра, с безумным желанием купить одноединственное золотое колечко. Куда нестись? В неизвестность? К закрытым и поставленным на сигнализацию пустым прилавкам?! Чтобы встать около них и тупо испепелять их взглядами, не в силах что-либо сделать?!

Это было глупо. Совершенно глупо!

Подождать бы до утра...

И Макс отлично это понимал. Разумом, настойчиво твердившим, что до утра Лена никуда от него не денется. Но сердце упрямо твердило обратное, нашептывая на ухо настойчивые сомнения, вынуждая крепче сжимать руль и вдавливать педаль газа в пол.

Нет, нельзя ждать до утра. Нельзя! Макс и сам не понимал, почему, но отчего-то чувствовал, что нельзя откладывать. Он может просто опоздать, если будет медлить хотя бы мгновение. Куда опоздает? К чему? Он не знал. Но неприятное чувство собственной беспомощности не отпустит его, если он сейчас не сделает этого. Не заявит всему миру о том, что Лена его жена.

Как сделал девять лет назад...

Макс сжал руль так, что побелели костяшки пальцев.

Откуда, черт побери, вообще взялся этот Порошин?! Андрей. Андрей!

Макс чертыхнулся в голос.

Старый друг?! А может быть, кто-то больший, чем просто «друг»?!

От этой мысли, пронзившей его, словно ядовитой стрелой, Макс помрачнел, свел брови к переносице и плотно сжал губы, ощущая, как глухие удары сердца рвутся наружу сквозь грудную клетку, настойчиво и надоедливо врываясь в грудь.

Существует ли дружба между мужчиной и женщиной?..

Макс был абсолютно уверен в том, что не существует. Те, кто так полагает, просто не догадываются, что за дружбой скрывается любовь одного из «друзей» к другому. И дружат они лишь потому, что боятся потерять друг в друге друзей. Молчат, делают вид, что ничего не происходит, терзаются сомнениями, но не перестают «дружить». И семьи заводят, чтобы не вызывать подозрений, и даже детей. Говорят «люблю» кому-то постороннему, мечтая услышать это заветное слово от другого человека, наивно полагая, что так не вызовут ни у кого подозрений.

Сумасшествие чистой воды. Сумасшествие и пытка мазохистов.

Макс стиснул зубы.

Какого черта этот Порошин появился в ИХ жизни?! Старый друг?.. Как же, как же...

Почему Лена никогда о нем не рассказывала?!

Макс не хотел об этом думать, но перед глазами вновь и вновь надоедливо вставала красочная картинка благотворительного вечера, на котором Лена и встретила с этим... своим старым другом.

Почему они так мило беседовали?! Улыбались друг другу? Чуть ли не глазки строили! И вдруг... чем Порошин все же умудрился расстроить Лену?! Что такого ей сказал?!

Макс приказал себе не думать об этом, снова и снова приказывал, но мысли неустанно возвращали его к неожиданному гостю из Новосибирска. Вынуждая его вновь и вновь проживать те мгновения, которые он провел в зале, глядя на беседующих Лену и Андрея, и злясь на весь окружающий мир за то, что не может сейчас быть рядом с женой, или на то, что не может просто так подойти к ней и спросить, что происходит. Потребовать объяснений, может быть?.. Или заявить на Лену свои права? Указать этому сопляку на то, что его шансы по завоеванию Лены, если таковые были у него, равны нулю?!

Макс чертыхнулся.

Гость, черт побери! Сидел бы в своем Новосибирске! Какого черта его понесло назад?!

Макс постарался успокоиться и взять себя в руки.

Лена — его жена! Она его любит, он это знал совершенно точно. И никто не сможет ее у него увести. Никакой Андрей Порошин, никто другой! Они расписались в том, что будут вместе, девять лет назад, и теперь, спустя эти годы, никто не в силах что-либо изменить.

Та нить, что связала их, не порвется.

Макс, как его и предупреждал отец, просто-напросто не даст ей порваться.

И пусть Порошин порадовался некоторое время, не заметив на пальце Лены обручального колечка, пусть... Главное, что сегодня, сейчас оно появится на нем вновь!

И он не посмеет смотреть на ЕГО ЖЕНУ так, словно у него есть шансы на то, чтобы быть с нею, если подобные мысли возникала в его голове. Макс отчего-то не верил в то, что не возникали. Не просто так этот Андрей приехал в город через столько лет. Ох, не просто так... Что-то ему тут понадобилось. Но не посмеет он претендовать на Лену! Не посмеет! Потому что она будет носить доказательство того, что у нее уже есть тот, ради кого она живет.

Макс нахмурился, на мгновение прикрыл глаза.

Кажется, у него совсем крыша поехала!

Но идея приобретения кольца для Лены так глубоко проникла в него, засела глубоко внутри, опутала липкими ниточками и сплела воедино его желание сделать это. Она словно слилась с кровью, растворяясь в ней заманчивой перспективой того, что теперь, как и прежде, Лена будет носить на пальце доказательство того, что принадлежит ему.

И почему он, дурак, не сделал этого раньше?! Ведь уже прошло больше недели с того момента, как она потеряла кольцо! И говорила же ему об этом! А он забыл.

Макс сильнее сжал руль и стиснул зубы. Хотелось волком выть. Как Лена, должно быть, обиделась на него! Поэтому и смотрела на него так! Как много можно было прочесть в ее глазах!

Он чувствовал свою вину так же сильно, как чувствовал непреодолимое желание, чтобы ее старый друг Андрей появлялся в их жизни как можно реже, или же не появлялся вообще.

Ему нужно было купить колечко. Надеть его на пальчик Лене. И знать, что она снова — ЕГО.

Ему необходимо было сделать это немедленно. Сейчас, именно сейчас. Чтобы что-то показать. Что-то доказать. Кому-то... Этому внезапно появившемуся Андрею! Лене... Себе... Чтобы вновь закрепить свое право на то, что ему принадлежало. Ведь Лена никогда не будет чьей-то еще...

Макс прищурился, вспоминая слащавую физиономию ее старого друга, его широченную

улыбку... И его перевернуло. Лена ЕГО жена, черт возьми!

И ему нужно было купить кольцо, чтобы показать это, доказать это, заявить на нее свои права...

В двенадцать часов ночи...

Не самое подходящее время для того, чтобы делать подобные подарки... Но Максиму было наплевать на все. Кроме того, что без кольца он домой не собирается возвращаться.

Конечно, пришлось разбудить Романа Еременко, владельца ювелирного магазина, его старого друга, попросить того открыть свой магазин, и выслушать от него в свой адрес очень много неприличного и нецензурного, и заплатить пришлось не только за кольцо, но и за неудобства, доставленные Роману, но в целом, в половине второго ночи, Макс был доволен результатом.

Сейчас заветное золотое колечко в бархатной коробочке приятно тяжелило карман его пиджака.

Он улыбался всю дорогу до дома, представляя, как обрадуется Лена, как улыбнется глазами, что он сможет прочесть в ее глазах. Уже не боль, нет, но радость и счастье. Он так этого хотел!

Он выскочил из автомобиля, едва остановил его, щелкнул сигнализацией, и помчался к подъезду. Запрыгивая в лифт, он улыбался так широко, что и сам себе дивился. И готов был выть волком, когда лифт пополз вверх со скоростью черепахи, желая выпрыгнуть из него и пойти по лестнице, полагая, что так доберется до места быстрее. Когда же тот, наконец, затормозил на нужном этаже, Макс мгновенно выпрыгнул из него, стремительно направляясь к своей квартире.

Открывая дверь своим ключом, он с удивлением понял, что пальцы подрагивают.

Ну, и черт с ними, с пальцами! Поскорее бы попасть в квартиру!

Щелкнул дверной замок, и, заскочив, наконец, в прихожую, на ходу раздеваясь, Макс тихо позвал Лену, полагая, что она, как всегда, не ляжет спать без него.

Почему-то ему и в голову не могло прийти, что она не станет его дожидаться! Ведь всегда ждала.

Но не найдя жену в гостиной, куда он направился в самую первую очередь, Макс почувствовал, как задрожало в груди его сердце, стискивая грудь плотным кольцом ядовитыми тисками. Как участился пульс, он, кажется, слышал, как тот бьется в его венах в запястьях. И как стучит кровь, прилившая к голове

Заветное колечко показалось непосильной ношей, и словно бы тяжелило карман, поэтому Макс достал его из коробочки и взял в руки, стискивая дрожащими пальцами благородный металл.

Что-то в груди снова дрогнуло.

Макс позвал Лену еще раз и, не дождавшись ответа, двинулся в спальню с грохочущим в груди сердцем. Тихонько приоткрыл дверь и сделал шаг вперед.

И застыл, как вкопанный.

Она спала, поджав под себя ноги и свернувшись калачиком на своей стороне кровати.

В его горле встал ком, хриплым стоном вырываясь из полуоткрытых губ. И дрожь прошла по телу, обдавая своим холодом, пробегая дорожкой вдоль позвоночника. Сердце вновь дрогнуло, а потом забилося, как сумасшедшее, где-то в висках, оглушая его своим биением. Руки вспотели.

Макс сглотнул, медленно двинулся вперед и остановился около кровати, наблюдая за

тем, как вздымается грудь под полупрозрачной тканью сорочки, как сквозь полуоткрытые губы вырывается теплое дыхание. Светлые волосы рассыпались по подушке, ресницы подрагивают, а губы немного приоткрыты.

Макс опустил на колени рядом с кроватью не в силах отвести взгляд от жены. Он смотрел на нее и не мог оторвать взгляд, словно замороженный.

Странно, но он почти никогда не обращал внимания на то, как она спит.

Хотя возможностей для этого у него было предостаточно. И Макс отругал себя за подобное упущение.

Он нервно сглотнул, ощущая, как вырос в горле сухой комок. Перевел взгляд на колечко, зажатое в руке. Мимолетно улыбнулся. Посмотрел на Лену, проводя глазами по милому лицу. Дрожащей рукой провел по ее волосам, едва их касаясь, по нежной коже щеки, продвигаясь к губам. И почувствовал, как улыбка расплывается на его лице.

Приподняв ее правую руку, он ловко надел колечко на безымянный пальчик. Казалось, его золотистый блеск ослепили его, и он прикрыл глаза, чувствуя, что широко улыбается.

Что-то большое и яркое вспыхнуло в нем, разгораясь пламенем костра внутри его существа.

Макс открыл глаза, поднес Ленину руку к губам и поцеловал каждый пальчик. Не переставая улыбаться.

Ангел.

Его ангел, которого он никогда никому не отдаст.

9 лет назад

Судьба это была или рок?..

Глядя в темно-карие глаза девушки, стоящей напротив и смущенно глядящей себе под ноги, а не на него, Макс не мог бы сказать однозначно. Но что-то определенно свело их вместе еще раз. Так неожиданно случайно, словно с чьей-то легкой руки... Может быть, самого Создателя?!

Он не хотел идти на день рождения Вани Гурова, брата своего приятеля Ярослава. Это казалось ему глупым, просто нелепым, совершенно идиотичным! Какого черта он будет делать на дне рождения парня, с которым знаком постольку, поскольку?! Практически — совершенно незнакомого парня. Но Ярослав попросил его прийти вместо себя, и Макс по какой-то самому себе неизвестной причине, дал свое согласие. Привез подарок, вручил открытку, поздравил. Выполнил свой «долг»!! И собирался уходить, желая избавиться себя от каких-либо еще обязательств, но Ваня попросил его задержаться хотя бы на пару часов.

И Макс опять же согласился! Какого черта?! Что ему делать здесь?!

Но все же он остался.

Судьба или рок привели его сюда?..

Он почти не помнил о той мимолетной встрече в кафе.

Да и как ему было ее запомнить?! В его жизни перед глазами проходило столько женщин, что и со счета сбиться можно. Блондинки, брюнетки, рыжие... В женщинах у него никогда не было недостатка. И все они были для него почти на одно лицо. Тем более, после единственной мимолетной встречи без знакомства.

Поэтому эту невысокую худенькую светловолосую девушку, которую Иван позже представил, как свою однокурсницу Лену Титову, Макс тоже не запомнил. И не вспомнил

бы о ней вообще...

Но когда увидел ее, идущую под руку с подругой все в том же сарафане, в котором он ее встретил, и о чем-то с той беседующей, что-то заставило его пульс участиться и заколотиться в запястья монотонными ударами. Вызывая в горле хрипоту, в глазах рябь, а в сердце — трепетное биение.

Она улыбалась подруге так искренне и так живо, что и его губы невольно дрогнули в улыбке, в глазах засветился огонек. Ее искренняя улыбка, казалось, озаряла все вокруг.

Грудь сдавило словно тисками. Сердце дрогнуло пару раз и понеслось вскачь, как сумасшедшее.

А она его и не заметила, увлеченная разговором.

До того момента, пока Ваня ее не окрикнул, призывая подойти к нему.

Она, улыбаясь, посмотрела в его сторону, и хотя Макс знал, что смотрит она на своего друга, в его груди все равно что-то предательски дрогнуло... и разбилось, как хрустальный бокал, когда ее шоколадно-карие глаза встретились с его глазами.

И мир перестал существовать.

Она застыла на месте, словно вкопанная. Не отводя от него глаз, кажется, даже не моргая, смотрела и смотрела в одну точку... Уже не на Ваню, а на него, Макса. Так смотрела, что у того в душе все перевернулось. Казалось, небо и земля поменялись местами, и, решив свести его с ума, сердце барабанило в груди, бешеными ударами звеня в ушах и ударяясь в грудную клетку.

Мир вспыхнул огнем факела, затмевая окружающую действительность.

Подруга дернула ее за руку, призывая следовать за собой. И она подчинилась. Сделала несколько нетвердых шагов вперед.

К нему.

Что-то взорвалось в его груди раскаленным шаром, распаяя все внутренние органы, наполняя их вместо кислорода огнедышащей лавой. И словно бы перекрывая доступ воздуха к легким.

Девушка медленно подошла к ним и остановилась в нескольких шагах, опустив голову вниз.

Вот теперь он ее вспомнил. Вспомнил, словно бы они вчера встречались, а не почти неделю назад.

Как он мог вообще забыть?!

Она сидела за соседним столиком, когда он со своим партнером по бизнесу, Петром Беркутовым, пришел в кафе. Она ждала кого-то, в нетерпении теребила салфетку тонкими пальчиками, поглядывала в сторону входа, надеясь увидеть знакомый силуэт, и он мог бы ручаться, что в тот момент ее единственным желанием было поскорее уйти, чтобы заняться более важными, по ее мнению, делами. Очевидно, ожидание раздражало ее.

Он помнил, что эта мысль тогда позабавила его, он растянул губы в улыбке. И она подняла вверх глаза именно в этот момент, посмотрела на него, встретила с ним глазами. И застыла, замороженная.

Он ответил на ее взгляд.

На вид ей можно было дать лет девятнадцать-двадцать. В сравнении с ним, еще совсем девчонка. Очевидно, студентка одного из вузов, а он уже состоявшийся двадцатисемилетний мужчина с собственным строительным бизнесом, который развивается и расширяется. Естественно, он не обратил на нее внимание.

Он усмехнулся тогда, наблюдая за тем, как она отреагировала на его взгляд. Засмушалась, это очевидно. Покраснела от макушки до пят, с трудом опустила вниз глаза, желая, вероятно, убежать, провалиться под землю или спрятаться от его настойчивых глаз цвета неба. Он почти чувствовал, явственно ощущал на себе дрожь, прошедшую по ее телу, обдавшую ее нервы раскаленным проводом по позвоночнику. Блокируя сознание, и не позволяя мыслить здраво.

И он не мог не смотреть на нее. Усмехаясь, улыбаясь, играя искорками смеха в синих глазах, вынуждая себя отвести взгляд и, как ни в чем не бывало, продолжить разговор с Петей, но он не мог не смотреть.

Что-то тогда, парализуя ядом, пронзило все его существо насквозь, словно бы сплетая воедино ниточки его неосознанного и неконтролируемого, безумного, совершенно сумасшедшего влечения к ней, и ее слепого и безудержного, безграничного и добровольного желания ему подчиниться.

Ниточки двух судеб, в один миг слившихся в одну, прочную и неразрывную нить существования.

Неожиданно у нее зазвонил телефон.

И это разрушило священный момент, задуманный судьбой. Разорвало ту нить, что должна была сплестись в одну, нарушило очарование, созданное судьбой, разбило вдребезги хрупкий хрусталь чувств. Не позволило свершиться волшебству.

Она вздрогнула. Он перевел глаза на Петю.

Она разговаривала с кем-то очень тихо, словно опасаясь, что ее могут услышать. А он косо поглядывал в ее сторону, напрягая слух и желая услышать, о чем она говорит. Чувствуя себя при этом полным идиотом, но продолжая прислушиваться.

Через несколько минут она, заплатив по счету за так и недопитый коктейль, резко встала из-за стола и стремительно направилась к выходу из кафе. А он провожал ее глазами, почти невольно пробегая взглядом по легкому летнему сарафану, обрисовывающему ее фигурку.

У выхода она столкнулась с кем-то, извинилась, должно быть, и обернулась к нему, посмотрев на него еще один раз, последний. Желая остаться, может быть?.. И он смотрел на нее, встречая синими глазами ее испуганный замороженный взгляд. Мечтая ее удержать?..

Еще один разряд вдоль позвоночника. Еще один оглушающий удар сердца в грудь. Еще один грохочущий стук в висках. Еще одна ослепляющая тьма, застилавшая глаза.

Еще одна причина для бегства.

Она стремительно покинула кафе. А он остался сидеть за столиком. Забывая о том, что встречал ее.

А сейчас, глядя на ее покрасневшие щеки и в смущении опущенные глаза с подрагивающими ресницами, он не мог поверить, что не запомнил ее. Как?! Почему?!

Милое, очаровательное, невинное существо, скрывающееся за маской красивой блондинки.

— Лена, Аня, — услышал он, как сквозь сон, бодрый голос Вани — Познакомьтесь, это Макс Колесников, мой приятель. Не скажу, что давний, но все же... — Ваня рассмеялся — Макс, это Аня. И Лена.

Макса словно пронзило стрелой. Он напрягся всем телом, сглотнул комок, вставший в горле. Какого черта он не может произнести ни слова? Почему так громко и так сильно стучит в груди сердце?! Слово выбивая в душе единственное имя.

Лена. Лена. Лена.

Оно легко на язык, как медовая сладость, пьянящая и дурманящая его сознание.

ЛЕНА.

Так приятно было проговаривать его про себя, смакуя каждую букровку, словно пробуя ее на вкус.

Ле-ееенааа...

Казалось, мир рассыпался на миллионы крошечных осколков, слился воедино в сплошное разноцветное пятно, блестящее всеми красками радуги. Оставив наедине лишь их двоих.

Аня, миловидная девушка-брюнетка с раскосыми серыми глазами, широко улыбаясь, поздоровалась с ним, что-то сказала, а он поздоровался с ней почти машинально, ничего не отвечая на ее реплику, которую даже не услышал, и глядя лишь на ее подругу, устремившую взгляд в лужайку.

Желая лишь увидеть ее глаза, блестящие и искрящиеся весельем и смехом. Как он себе уже представил.

И вот ее плечи дрогнули, подбородок приподнялся. Она вскинула голову вверх.

И на него посмотрели шоколадные глаза незнакомки, которую он, казалось, знал всю жизнь.

Она смотрела на него испуганно, даже ресницы ее дрожали.

Вспомнила его?.. наверняка, да.

— Лена, — проговорила она почти шепотом и протянула ему дрожащую тонкую ручку.

У него в груди все перевернулось еще раз, выворачивая наизнанку всего его. Сердце задрожала гитарной струной, пробегая по венам, смазанным ядом бичом, и рухнуло вниз, разбившись о ее звонкий дрожащий голосок.

«Какого черта?!» возмутилось что-то в его груди.

Ей и девятнадцати нет, раз она учится с Ваней в одной группе! А ему, черт побери, — двадцать семь! Уже — двадцать семь! Ему бежать от нее нужно. Немедленно, сейчас, пока еще не поздно! Пока он еще может себя контролировать. Пока еще способен мыслить здраво. Пока его не связало с ней нечто большее, чем простое знакомство!

Но этот нежный голос — словно музыка по нервам. Эти глаза — словно крепкий черный кофе по венам.

В его душе все взбунтовалось. Дыхание стало тяжелым, словно бы вмиг стало мало кислорода.

Ведь она, очевидно, девушка, верящая в любовь до гроба. А он, человек, не брезгующий тем, чтобы путешествовать из одной постели в другую. Она верит в вечный брак. А он не планировал жениться раньше тридцати пяти, уже после того, как состоится в карьере. Он знал, что будет верным мужем, но не желал ограничивать себя в чем-то сейчас.

Он планировал свою жизнь на годы вперед. Всегда.

Школа. Институт. Строительная компания, воздвигнутая им и сейчас расширяющаяся.

Друзья, знакомые, женщины. Его поступки, действия, мечты, желания и стремления.

В его жизни все было прописано, словно бы в записной книжке распорядок дня.

Не было прописано лишь встречи с НЕЙ.

И сейчас в нем боролись два чувства, схлестнувшись друг с другом, как огонь и вода. Два подавляющих начала, два противоречия, две неподвластные никому стихии.

Он не хотел, чтобы рухнули все его уверения, все его планы и стремления. Но и

отчаянно желал сжать в объятьях эту маленькую девочку, смотрящую на мир глубокими карими глазами, сжать ее и не отпускать.

Противоречия разрывали его на части.

И он знал, что нужно делать выбор. Выбор...

Судьбоносный выбор. Выбор самой судьбы.

И его крепкая рука взметнулась вверх против его воли.

Разорвавшаяся ниточка единого существования сплелась вновь.

Его рука сжала в себе маленькую женскую ладошку, подрагивающую бешено несущимся по венам пульсом ему в запястья. Теплая, нежная, шелковистая... Его. Только его!

Отпустить ее не представлялось возможным для него. Не сейчас.

Вообще никогда.

5 глава

«Любила ты, и так, как ты, любить -
Нет, никому еще не удавалось!
О Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...»
Ф.И. Тютчев

Парк, как всегда ее успокоил. Или почти успокоил. Было ли сейчас возможным для нее успокоиться? Унять бешено бьющееся сердце и посмотреть на мир теми же карими глазами, которыми она смотрела на него еще вчера?..

Возможно ли поверить в то, что одно утро может изменить многое?.. Такое, казалось бы, желанное. Но такое одинокое, как и прежде. Наполненное счастьем и слезами одновременно?!

Разве можно было заставить сердце не болеть?! Не сжиматься в агонии от кровоточащих ран?!

Ей никогда не удавалось себя успокоить. Она пыталась. Но никогда не могла. Не получалось.

Всегда были они — воспоминания, которые плелись за каждым ее шагом, не давая и шанса на то, чтобы забыть. Она помнила. Всегда помнила все.

Лена откинулась на спинку лавки, с каким-то опустошением внутри тяжело вздохнула и закрыла глаза.

Она была почти счастлива сегодня утром. Так счастлива, как не была счастлива, наверное, все те девять лет, что прожила рядом с человеком, которого любила до безумия. Так счастлива...

Между тонкими бровями пролегла складочка. Губы невольно дрогнули.

Как же она могла забыть о том, что ей не позволено иметь такую драгоценность, как счастье?! Не позволено быть счастливой и мгновенье?! Как она могла позволить себе забыть об этом?!

Какая же тонкая грань существует между счастьем и иллюзией этого счастья!?

Она была почти счастлива сегодня утром. Когда проснулась в кольце рук Максима, обнимающего ее за талию и прижимающего к себе. А ведь это случалось крайне редко!! Когда увидела улыбку на его губах. Такую знакомую, но уже забытую улыбку на его красивом лице! Когда обнаружила золотое обручальное колечко на безымянном пальце правой руки, она думала, что человек может сойти с ума от счастья. Неужели так бывает, что весь мир перестает существовать, превращаясь в тугое скомканное пространство, поглотившее в себе лишь тебя и его?!

Хотелось петь, танцевать, делать глупости. Делать все, что душе было угодно!

Можно было быть счастливой!

Нет, нельзя. Ей — нельзя. Счастье было создано не для нее.

Сегодня утром она слышала, как разбиваются хрупкие, едва зародившиеся, хрустальные надежды и мечты. Как поразительно звонко бьются они о реальность и распадаются на

миллионы крохотных осколков, усыпая, словно розами, хрусталь у твоих ног. Этот звон всегда будет стоять в ее ушах.

Так же, как тот сигнал телефона, оповещающий о входящем вызове. На мобильный телефон Максима.

Она никогда не позволяла себе того, чтобы копаться в его телефоне. Никогда за девять лет. Этот раз был первым. И последним. Потому что звук рухнувших надежд навсегда останется в ее сердце, вновь и вновь зарубцовывая ее болью.

Она всего лишь не хотела будить Макса. Хотела, чтобы спал дольше. Он так много работал в последнее время. Она хотела, чтобы он отдохнул... А получилось...

Лена подошла к столику, на котором лежал телефон, тихо, как мышка. Дрожащие пальцы нажали на «принять вызов» почти против ее воли.

Женский голос обдал ее приторно сладким ароматом, оседая противной сладостью в груди, словно дегтем. И казалось, что он оглушает ее.

Слова, слова, слова... Такие пустые, но такие значащие! Такие грубые и острые, словно клинок.

Слова, которые убили ее надежды.

Она не слышала уже ничего. Ни голоса незнакомки — любовницы Макса. Ни криков самого Максима, все же проснувшегося и бросившегося к ней с упреками и ругательствами.

Он кричал на нее, требовал больше никогда так не поступать, ругался и клял ее на чем свет стоит. Что-то доказывал или в чем-то ее уверял, она не понимала. Просто тупо смотрела в пространство.

Ей было все равно.

В глазах стоял густой туман. В ушах звенел противный голос незнакомки. А в сердце вновь воткнули острый нож с отравленным лезвием.

Как быстро могут рухнуть надежды?.. За считанные секунды!

И золотое колечко на безымянном пальце уже казалось Лене огромным булыжником, который ей насильно повесили на тонкий пальчик.

Так обидно и так горько. Так больно!

А Максим кричал на нее. За что?.. За то, что ответила на звонок его любовницы, с которой итак знала?!

Она ничего ему не сказала. Вообще ничего.

Надоело.

Накинула на себя халат и заперлась в ванной комнате. Переоделась и, ничего не сказав Максиму, ушла из дома. В парк. Тот самый парк, который всегда ее успокаивал, а сейчас, так же, как и все вокруг, был бессилен что-либо сделать...

Лена приоткрыла глаза. В их уголках блеснула слезинка, и она смахнула ее пальцами.

В кармане плаща настойчиво завибрировал телефон.

Она нажала на «отказ», даже не глядя на дисплей.

Макс звонил ей уже раз пятнадцать за то время, что она была в парке. А она не отвечала ему. Прекрасно осознавая, какой разнос он устроит ей вечером, но не собираясь разговаривать с ним сейчас, когда единственное, что ей хочется сказать, это попросить его перестать ее уничтожать.

Зачем он купил ей кольцо?! Зачем поехал за ним ночью?! Надел ей его на палец?..

Лена невольно бросила взгляд за золотой ободок, сжимавший ее пальчик, словно тисками.

Его любовница... Сердце обожгло старой болью.

Интересно, он купил кольцо уже после того, как провел с ней ночь?!

Ее передернуло от отвращения.

Лена спрятала руки в карманы плаща и сжала их в кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Она приподняла глаза вверх, наблюдая за тем, как ветер гонит свинцовые тучи вдаль. Когда-то голубое, свежее небо превратилось в темно-синее и безжизненное за считанные дни.

Как и ее жизнь, когда-то светлая и ясная, превратилась лишь в ее подобие. Месяц за месяцем, год за годом уничтожая ее, подавляя и превращая в ничто.

Еще несколько дней назад начались дожди. Сильные, серые, резкие, сопровождающиеся острыми и колкими порывами ветра. Но Лена по-прежнему продолжала приходить на лавочку в парк. Единственное место, где она могла чувствовать себя свободной и живой.

Как странно, что именно это место стало тем самым местом, которое дарило ей жизнь.

Казалось, что оно должно в последнюю очередь стать таковым. А оказалось...

Но, наверное, одну боль может залечить лишь другая. Поэтому она не ощущала пустоты и смертельной тишины в душе, когда приходила сюда. Потому что та боль, что бушевала в груди сейчас, разрывая ее на части, не могла сравниться с той, что она испытала девять лет назад. Здесь же. В этом самом парке.

Лена опустила голову вниз.

Неужели она многого просит?.. Просто быть счастливой... Кажется, что так мало. Так мало...

Она не услышала шороха листьев под ногами спешащего к ней человека, не увидела боковым зрением очертания его силуэта, а поэтому вздрогнула от неожиданности, когда он окликнул ее по имени:

— Лена!..

Сердце дрогнуло, узнавая голос, и бешено застучало в груди, отдаваясь звонким гулом в ушах.

Она обернулась, зная, кого увидит рядом с собой.

— Андрей!

В черном длинном пальто, без шапки, засунув руки в карманы, стоит и смотрит на нее в упор.

— Что ты здесь делаешь? — удивилась она и хотела привстать с лавочки, но мужчина жестом запретил ей это делать, и она подчинилась.

Он пожал плечами и грустно улыбнулся.

— Да так... Город решил посмотреть, — пробормотал он, глядя на нее и не отводя глаз от ее бледного лица, словно читая что-то в ее карих глазах.

Лена молчала, глядя на него с грустью. Она хотела улыбнуться, но улыбка вышла такой вымученной, что она тут же стерла ее с лица, пожалев о том, что вообще пыталась улыбнуться.

Андрей, естественно, заметил движение ее губ. От его глаз никогда ничего не ускользало.

Но он ничего не сказал ей, пристально глядя на нее, словно прожигая взглядом или вынуждая что-то сказать, слегка прищутив глаза и сведя на переносице брови, он продолжил:

— Гуляю вот по парку. Здесь многое изменилось за время моего отсутствия.

Лена подняла на него глаза, которые отвела минутой ранее.

— Тебя не было в городе десять лет, — проговорила она.

Андрей усмехнулся.

— Да. Глупо было бы надеяться на то, что все останется так, как тогда, когда я уезжал, — его губы скривились, а потом вдруг превратились в тонкую линию. — Только парк такой же, — проговорил он с каким-то скрытым смыслом и посмотрел на Лену пристально и прямо. — Правда?

Лена почувствовала, как легкие наполнились огнем, вытесняя кислород. В груди что-то дрогнуло.

Может, сердце забилось сильнее, тяжело и настойчиво барабанил в грудную клетку глухими ударами?..

— Да, — сипло выдавила она из себя.

Андрей подошел к лавочке и опустился на краешек рядом с Леной. По-прежнему держа руки в карманах, устремил глаза вдаль.

— А ты что здесь делаешь? — спросил он, не глядя на нее.

Лена опустила голову, стараясь не выдать своего смутения. Напрасно, конечно же.

— Я кормлю голубей, — выдавила она из себя.

Андрей бросил на нее быстрый взгляд, затем вновь перевел его вдаль.

— Но не сегодня.

Сердце забилось в ее груди, как сумасшедшее. В голе встал ком, сухой и тугой.

— Почему ты так решил? — спросила она тихо.

Губы Андрея дрогнули, а в глазах, когда он посмотрел на нее, Лена уловила грустный огонек. Ладони ее вспотели, хотя еще недавно были холодными и замерзшими.

— У тебя нет корма для них, — проговорил Андрей так же тихо, как она.

Лена тяжело вздохнула, опустила голову вниз и ничего не ответила.

Как она могла забыть о том, что Андрей всегда читал ее, как раскрытую книгу?!

Казалось, они могли бы молчать вот так вечно, если бы молчание не убивало их, раскаляя до предела атмосферу и прожигая насквозь их тела и души.

— Сегодня... особенный день, — проговорила Лена тихо и подняла глаза вверх, глядя в пространство.

Андрей просто кивнул, не желая допытываться. Не желая, чтобы она лгала ему. Прекрасно понимая, что она будет делать это даже против собственной воли.

Он посмотрел на нее, окинул беглым взглядом легкий серый плащ и нахмурился:

— Почему ты так легко одета? — и не успела Лена и ответить, добавил с гневом: — Куда смотрит твой муж?!

Слова застыли на губах, так и не произнесенные. Лена сглотнула, прикусила язык.

Если бы ты знал правду, Андрей! Если бы ты только знал!

Она хотела бы что-нибудь сказать, ответить, хотела просто поговорить с ним. Как раньше, когда они были друзьями, но не знала, что можно сказать.

И вдруг, накаляя ее нервы до предела, в кармане вновь завибрировал мобильный телефон.

Лена вздрогнула, напряглась.

Андрей заметил все. Нахмурился.

Лена посмотрела на него, он поймал ее взгляд глазами.

— Муж?

Одно-единственное слово легко между ними непреодолимой пропастью.

Не в силах ответить, Лена просто кивнула.

Телефон продолжал звонить.

— Ответишь?

Лена вновь кивнула. На автомате, наверное.

Придется. Придется ответить. Хотя все внутри нее противилось этому, призывая не отвечать, отключиться, бросить телефон куда-нибудь подальше.

Спрятаться в самый дальний уголок вселенной, чтобы Макс не смог ее отыскать!!

Но она достала телефон из кармана, смотрела на него несколько секунд, чувствуя на себе пристальный, обжигающий кожу взгляд зеленых глаз мужчины, сидящего рядом, а потом поднесла его к уху.

— Да?

— Лена?! — закричал Максим. — Лена, чтоб тебя! Где тебя черти носят?! Я с ног сбил, тебя разыскивая! И почему ты не отвечала?! Черт, да ты знаешь, сколько раз я тебе звонил?!

Лена покосилась на Андрея, гадая, слышал ли он слова Максима.

— Не кричи, пожалуйста... — попросила она мужа.

— Не кричать?! — возмутился Максим. — Не кричать, черт возьми?! Да ты представляешь, что я чувствую, а?! Или тебе плевать?!

— Максим... — попыталась проговорить Лена, поворачиваясь к Андрею полубоком.

— Где ты?! — перебил он ее. — Где ты, говори немедленно, я приеду!

Лена прикрыла глаза, успокаиваясь.

— Ты в парке, да?! — не ожидая ответа, выпалил он грозно. — Вновь в этом чертовом парке?!

— Мне нравится здесь гулять, — тихо проговорила она.

— МНЕ не нравится, что ты там гуляешь! — выкрикнул муж.

— А мне все равно! — выпалила Лена неожиданно для самой себя и тут же прикусила язык, испугавшись собственных слов, сказанных в запальчивости.

Максим замолчал, резко оборвав поток грозных слов.

Она слышала его тяжелое, грубое дыхание, оно обдавало ее жаром, оно оглушало ее, оно щекотало ей нервы, натягивало их, как тетиву.

И она сама дышала часто и тяжело, ощущая, как его состояние, словно по ниточке, передается ей.

Ему было плохо. И ей тоже стало плохо.

Она хотела сказать что-нибудь, успокоить его, сказать, что скоро придет, но Макс опередил ее.

— Я просто... волнуюсь, — проговорил он тихо, запинаясь, словно признаваясь в чем-то интимном. — Когда ты приедешь?

Искры взорвались в ее душе, распаяя ее сердце, болезненно сжимавшееся от таких простых слов.

— Скоро.

Она знала, что этого для него не будет достаточно.

— Когда?! — настойчиво повторил Макс.

— Скоро, — упрямо повторила она.

Разьедающее молчание и грубое тяжелое дыхание. Они могли бы свести с ума.

— Я буду ждать, — выпалил Макс гневно, сквозь зубы и отключился.

Я буду ждать... Я буду ждать?!

Лена ошарашенно уставилась на телефон, чувствуя, что дрожат ресницы и трясутся губы. Телефон едва не выскользнул из ее рук, когда она торопливо засовывала его в карман.

Мир словно перестал существовать. Все кружилось вокруг нее в бешеном танце, закручивая и ее в свою сумасшедшую безумную воронку. Вырывая воздух из легких, наполняя вены горячей лавой и обжигая кожу огнем. Разрывая ее напополам.

Она повернулась на лавочке, тяжело дыша... И наткнулась на пристальный взгляд внимательных глаз.

Андрей! Она забыла о нем. Совершенно забыла!

Щеки ее залились румянцем, она опустила голову.

Андрей молчал, Лена тоже.

Что они могли сказать друг другу в этот момент?.. Были ли на свете слова, которые сейчас можно было произнести?! Он прекрасно все понимал и без слов. А она уже так много сказала!

Андрей отвел глаза в сторону, словно бы собираясь и дальше молчать, а потом неожиданно проговорил:

— Может быть, посидим в кафе?

Лена уставилась на него ошарашенно.

— Поговорим... — продолжил Андрей, не глядя на нее. — Мы так долго не виделись...

Последние его слова, словно ножом по обнаженной коже.

Лена вздрогнула, сглотнула, подняла на него затравленный взгляд.

— Прости. Я не могу.

Слова сорвались с ее губ почти против воли. Потому что она всегда так говорила. Отвечала тем, кто предлагал ей это. Всегда. И сейчас тоже...

Андрей прикрыл глаза лишь на мгновение. Но этого мгновения ей хватило, чтобы понять, что он ожидал от нее именно этого ответа. Но все равно оказался к нему неподготовленным.

Он все понял. Всегда понимал.

Даже тогда, когда десять лет назад признавался ей в любви, а она ему в ней отказала.

Лена тронула его за руку, призывая посмотреть ей в глаза. Андрей резко обернулся к ней.

— Мне нужно идти, — тихо проговорила она, почти шепча эти слова. — Прости.

Андрей горько улыбнулся с затаившейся в глазах грустью и кивнул, ничего не говоря.

Лена привстала с лавочки, чувствуя, что если сейчас же не уйдет, то разревется прямо здесь, перед ним. Грудь сдавили невыплаканные слезы, сердце болезненно сжималось в груди.

Она сделала шаг в сторону, намереваясь уйти. Бросила на Андрея быстрый взгляд.

— Еще увидимся, — проговорила она с надеждой.

Боясь, тем не менее, что и эта надежда может рухнуть, как хрустальный бокал.

Андрей не двинулся с места, даже не шевельнулся. Горько усмехнулся.

— Конечно.

Он ей не поверил, и Лена поняла это.

Она быстро отвернулась, повернулась к нему спиной. Сделала несколько шагов вперед.

Убегая.

Боль давила в виски, смущение окрасило щеки в пунцовый цвет. Отчаяние превратилось в острый комок, полосуюя горло словно ножом. Все болело, болело, болело... Нещадно.

Грудь сдавило тисками. Лена открыла рот, жадно глотая воздух, но раскаленная лава жгла огнем все ее существо.

Она резко остановилась. Подняла глаза в почерневшее осеннее небо.

Сделала глубокий вздох. Обернулась к мужчине.

— Андрей! — окликнула она его.

Он поднял на нее глаза резко, не ожидая от нее ничего. Привстал с лавочки, не отрывая от нее взгляд.

Нужно бежать. Бежать от него! Это неправильно. Так не должно быть! Беги, беги!

Он двинулся к ней медленно, но неотвратно.

Поздно.

— Да? — проговорил он, застыл в шаге от нее.

Лена ощущала, как стучит в груди сердце, колотится в грудь громкими ударами. Может быть, Андрей слышит его стук?.. Она подняла на него глаза.

— Давай встретимся когда-нибудь, — предложила она тихо. — Когда ты свободен?

Андрей пожал плечами.

— Когда удобно тебе, тогда и встретимся, — проговорил он взволнованно

Лена сглотнула.

Бежать! Скорее, скорее! Уже поздно...

Дрожащими руками она достала из сумки блокнот, вырвала из него листок. Ручка скользнула по нему, оставляя след. Лена протянула листок Андрею.

— Вот мой номер, — тихо проговорила она. — Позвони мне, хорошо?

Андрей уставился на листок неверящим взглядом, долго смотрел на него, внимательно изучая цифры, а потом взял его из ее дрожащих рук в свои, такие же дрожащие.

Лена мгновенно отступила на шаг, словно ошаренная. Посмотрела на Андрея испуганно.

— Я позвоню, — проговорил мужчина, глядя на девушку.

Лена кивнула, тяжело вздохнула и отвернулась от него. Чтобы он не прочитал в ее глазах того, что она уже жалела о содеянном.

Нельзя было этого делать. Нельзя! Что скажет Максим?! О Боже!

Лена стремительно направилась прочь, ощущая, как в груди что-то рвется на части.

— Лена!

Она резко остановилась, ощущая, что ноги почти не держат ее. Не обернулась. Не смогла.

— Спасибо, — услышала она тихий нежный голос.

Она вздрогнула, закрыла глаза на мгновение, сглотнула. Прижала к себе сумку, словно за ней желая скрыться от всего мира. Такого безумного, сумасшедшего мира, сведшего с ума и ее тоже.

— Не за что, — выдавила она из себя.

И стремительно зашагала прочь, чтобы не вернуться и не отобрать из его дрожащих пальцев заветный листок с номером своего телефона.

6 глава

«Мы совпали с тобой,

совпали

в день, запомнившийся навсегда.»

Роберт Рождественский

Он никогда не думал, что вспоминать о прошлом будет ТАК больно.

Казалось, что он уже перешагнул ту черту, за которой становится горько и обидно за то, что было. Ту черту, за которой он сожалел о том, чего не мог совершить, чего не мог достигнуть, о том, о чем мечтал и чего не исполнил.

Черту, за которой было больно... Так нестерпимо больно, что он думал, больнее уже не будет.

Но сейчас, держа в руках старую фотографию, и глядя в смеющиеся глаза жены, на ее широкую, искреннюю улыбку, которой она улыбалась лишь ему одному, его сердце разрывалось на части от дикой, острой боли, пронзившей грудь.

ТАК она больше не улыбалась. ТАКИМИ глазами на него больше не смотрела. Улыбка слетела с лица, как маскарадная маска. Глаза больше не смеялись и не искрились счастьем. В них стояла боль. Та самая боль, которая пронзила сейчас ядовитыми кинжалами и его сердце.

Макс дрожащими пальцами провел по стеклу, словно бы надеясь оставить на них частичку света и тепла, излучаемого застывшей на фото улыбкой, словно бы вбирая в себя крупицу счастья, искрившегося в шоколадно-карих глазах.

Не смог. Не сберег. Упустил. Ошибся... Нелепо, непоправимо ошибся...

Он поджал губы, сдерживая неконтролируемый рык, рвущийся из груди, поставил рамку с фотографией на полку. Руки непроизвольно сжались в кулаки, на скулах заходили желваки. Он прислонился горячим лбом к стене, опустив руки по обе стороны от себя, закрыл глаза.

Не мог смотреть на фото. Не мог видеть этого счастья.

Не мог просто так смотреть и знать, что он виноват в том, что ЭТИ глаза больше не смеются и не искрятся счастьем. Что в ЭТИХ глазах теперь лишь боль и обида.

И что он виноват в том, что женщина, живущая рядом с ним, уже не та счастливая девушка с фотографии. Уже не та... И прежней уже не станет.

9 лет назад

И опять судьба посмеялась над ними.

Или же это был рок?.. Или простая случайность?.. Или не случайность вовсе?..

Говорить об этом сейчас не имело смысла, как не стоило и думать о том, почему все это

произошло.

Так или иначе, но им была дарована еще одна встреча. Не последняя, как потом уверился Макс. Потому что эту встречу, как и последующие, он организовал сам.

Как и всегда, он взял судьбу в свои руки.

Он привык к тому, что решает все сам, всегда один, всегда главный, всегда первый, всегда лидер, сильный и неподвластный обстоятельствам мужчина. Доказывающий свое превосходство над другими не только словом, но и делом.

С самого детства приученный к самостоятельности, впитавший в себя точность и сдержанность с молоком матери — школьной учительницы и острый ум и холодный расчет с воспитанием отца — врача-гинеколога. Целеустремленный и упрямый, закаленный хваленой «житейской» закалкой двух успешных и предприимчивых родителей, которые старались сделать из своего единственного ребенка первого во всем. Его растили человеком будущего, все планирующего, всего добивающегося, не покоряющегося обстоятельствам, не опускающего голову и всегда идущего только вперед.

Он и стал тем, кого хотели в нем видеть другие, и каким он сам стремился стать. Всегда первый. Лучший мальчик во дворе. Любимчик девушек. Отличник. Золотой медалист. Красный дипломник. Успешный и удачливый строитель-предприниматель. Казанова.

Лидер по жизни. Всегда и во всем — первый.

Но, тем не менее, слабый в своей силе.

Все в его жизни было рассчитано и разложено по полочкам. Все записано и зафиксировано, словно бы в блокнот, на котором можно было смело повесить бирку «Жизнь Максима Колесникова от А до Я». Жизнь, не прожитая еще и на половину. Жизнь, которую нельзя было записать в блокнот. Жизнь, которая имела своей особенностью меняться и... менять судьбы.

В этой записной книжке не было прописано встречи с НЕЙ!

Маленький мальчик, привыкший к тому, что в его жизни все происходит лишь так, как он того хочет, он оказался беззащитным перед лицом глупой и нелепой случайности. Оказался бессильным игроком в игре с самой жизнью. Проигравший в игре судьбы. Тот, кто решился записать ее на бумагу, и наказанный ею за свою самоуверенность.

Бедный маленький мальчик... Проиграл...

ЕЕ и не могло быть записано в его блокноте. Потому что ЕЕ записал не он.

Ее ему прописала сама судьба. Которая просто решила пошутить. Все же это была ОНА...

Маленькая, нежная, просто очаровательная, гордая девочка с шоколадно-карими глазами...

Его девочка. Лена... Леночка...

Он мог бы миллионы раз повторять ее имя про себя, словно смакуя его губами и пробуя языком на вкус.

Или кричать это имя на каждом шагу, срывая голос.

Чтобы все услышали его, чтобы все осознали, как оно прекрасно. Как оно таинственно прекрасно... Для него.

Маленькая девочка. ЕГО маленькая девочка. Леночка...

Когда он понял, что никому не отдаст ее?

В тот момент, когда при второй встрече, она смущенно улыбнулась ему, и он увидел ее очаровательную улыбку, которая почти свела его с ума?!

Или тогда, когда она так трогательно вложила свою дрожащую ладонь в его ладонь, с трепетом в груди и диким биением сердца глядя на него немного испуганными глазами?!

Или в тот миг, когда они шли под одним зонтом, слушая звонкие капли дождя, бьющиеся о плотную ткань, и следя за тем, как они скатываются вниз, разбиваясь прозрачными звездочками у их ног... И она тогда так доверчиво прижималась к нему всем телом?... Тогда?..

Или это произошло задолго до этого?..

В тот самый сумасшедший миг, наверное, когда он впервые сжал ее ладонь и почти явственно ощутил, как электрический заряд в сотни вольт прошелся вдоль тела, поглощая его всего в водоворот безумства и сумасшествия своей невиданной силой и неконтролируемой энергией?!

Когда нить судьбы связала их ладони прочным узлом, не давая ни шанса на то, чтобы вырваться?.. Сплела воедино две судьбы двух людей, которые не должны были сойтись. Но которым была уготована встреча.

Он сотни раз повторил себе, что она не для него.

Тысячи раз пытался прекратить их встречи и прогулки по старому городскому парку.

Он миллионы раз заставлял себя не думать о ней, не вспоминать ее глаза, всегда доверчиво, с нежностью взиравшие на него, смотрящие так, словно заглядывающие в самую душу. Не вспоминать ее улыбку, искрящуюся искренностью и счастьем, улыбку, которой она улыбалась только ему, ему одному даря такую свою нежность.

Он прекрасно понимал, что ничего хорошего из их встреч выйти не может. Потому что он не для нее. И она тоже не для него.

Для таких, как она, существуют принцы на белых конях.

А он — далеко не принц, и никогда не стремился стать им. И был далек от мысли, что когда-нибудь станет им для кого-то.

Покончить бы с этим. Раз и навсегда.

Чтобы не видеть ее, не встречать на улицах и не переходить на другую сторону при виде нее.

Он так и сделал. И честно старался забыть.

Не смог. Не удержался. Набрал ее номер, и чуть не умер от счастья, лишь услышав ее голос. Такой чистый, невинный голос, такой знакомый, такой близкий и родной... Уже — близкий и родной...

Что такого было в этой девятнадцатилетней девочке, что он, искушенный в любовных делах и почти полностью состоявшийся в жизни двадцатисемилетний мужчина, не мог оставить мысли о ней?..

Она как-то особенно улыбалась, искренне и без иронии или насмешки, лишь с невиданной радостью, таящейся в уголках губ?.. Или смеялась по-другому, не так, как другие женщины, звонким хрустальным смехом колокольчика, словно бы оглушавшим его своей чистотой и легкостью?.. Или ее глаза были такими завораживающе шоколадными, что словно бы опьянили его своей темнотой и глубиной, своим невинно порочным блеском и сладкими искрами сокрытого в карей бездне желания?.. Или касания ее тонких пальчиков к его коже, вызывающей нервную дрожь во всем теле и холод вдоль позвоночника, были не такими, как у других женщин, которые касались его, не такими трепетно нежными, не такими невинно страстными, не такими сладкими... Не такими, как у нее.

И он почти сходил с ума. Безумствовал из-за того, что все его попытки забыть о ней,

были ничтожными и мелочными, и всегда приравнивались к нулю. Мысли о ней никогда не отпускали его. И он знал, что стоит ему лишь снова увидеть ее, все начнется заново.

Те же бесконечные встречи. Те же неконтролируемые желания. Все те же звонки среди ночи в надежде услышать ее дыхание и сбивчивый родной голос. Все те же легкие, словно бы совершенные невзначай, касания, вызывающие трепет и дрожь во всем теле. Все те же слова... Все те же мысли... Все та же... ОНА.

Он пытался забыть в работе. Уезжал в другие города. Улетал из страны. Отключал телефон и обрывал связь с внешним миром. Не выходило...

Он пытался забыть в вине и женщинах. Ходил по клубам, напиваясь до потери сознания и надеясь найти там кого-нибудь, кто помог бы ему выкинуть из головы эту маленькую девочку, завладевшую его рассудком, засевавшую внутри него занозой. Но всегда останавливался, ловя себя на мысли, что они все ему не подходят. Потому что они не такие, как она. У них все не такое, как у нее.

Они, просто-напросто, не она. Вот и весь секрет.

И не было на свете ни одной такой, как она.

И он почти ненавидел себя за то, что желает ее так сильно, как никого никогда в своей жизни не желал.

Почти ненавидел и ее тоже. За то, что она одним своим появлением перепутала все его карты. Смешала в кучу все его планы, записанные в книжке жизни, рассчитанные на годы вперед. Его планы были разрушены. Из-за нее. Такой беззащитной, трепетно нежной, гордой маленькой девочки с глазами ангела.

Его рвали на части противоречия и желания.

Неизбежность...

Две стихии схлестнулись в одну мощную неконтролируемую волну, сметающую все границы, которые когда-то были воздвигнуты им, все каноны и запреты, которые он сам же для себя и составил, все те уверения и предупреждения, которые настойчиво вязко шептал ему на ухо голос рассудка.

Он заглушил этот голос.

Послал к черту все правила и запреты.

Плюнул на все, что стояло между ним и его маленькой девочкой.

И... совершил самую непоправимую ошибку в своей жизни.

Он решил, что может построить что-то новое, не меняя своих прежних, уже устоявшихся норм, правил и порядков, выработанных им на протяжении лет. Решил, что сможет быть с той, что, несомненно, любила его, и не давать ей ничего взамен ее любви кроме своего решения остаться с ней. Требуя от нее что-то больше того, что она могла ему дать. И слепо веруя в то, что сможет оставаться с ней прежним, со своими планами и устоями, которые не собирался менять.

Он полагал, что сможет с этим жить. И он смог бы. Не подумал лишь о том, сможет ли так жить она.

Но все обернулось совсем не так, как думали они оба.

И все рухнуло в одночасье, не успев построиться.

В тот день, когда все должно было неисправимо измениться, он как всегда позвонил ей. Это уже стало входить у него в привычку.

Но сегодня он уже в пятый раз позвонил ей!

И вновь нарвался на раздражающий и режущий металлом по нервам голос автоответчика.

«Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети». Какая избитая фраза!

Черт бы тебя побрал! Кого именно, Макс не знал, но ощущал в себе острую, жизненно необходимую потребность кого-нибудь побить. Просто так, не из-за чего-то, а потом, что руки так и чесались это сделать, и он едва сдерживался, чтобы не разнести в пух и прах все, что попадалось ему на глаза. Компьютер?! Да и черт с ним! Дорогой письменный стол?! Отправляйся туда же! Настольные часы, подаренные Петром на день рождения?! Купит себе новые! Хрустальная ваза, которую мама привезла специально для него из Венгрии?! Да и ладно, она ему все равно никогда не нравилась!

Макс резко развернулся, в сердцах отбросил телефон в сторону, словно бы на нем вымещая свою злость и раздражение, сжал руки в кулаки и плюхнулся в кресло, грубо и громко ругаясь на весь кабинет.

Ну, и черт с ним, если кто-то может его услышать! Плевать!

Его секретарша Марина уже давно перестала обращать внимание на него, своего полностью съехавшего с катушек шефа, когда в его жизни появилась Лена. Раньше она заходила в его кабинет, смотрела на него так, словно он только что сбежал из дурдома, и уходила, провожая его таким взглядом, словно бы боясь оставлять его одного. Иногда ему даже казалось, что она вот-вот готова позвонить в скорую. И задерживалась на работе даже дольше, чем от ее требовалось. И, конечно же, все не просто так, а из-за того, что он перестал быть похожим на самого себе! Сейчас уже ничего, привыкла. Даже заходила иногда к нему и приносила чай с мятой для «успокоения». Он обычно благодарил ее кивком головы и хмурым взглядом, брошенным из-под сведенных к переносице бровей. А она уходила, не проронив ни слова. Потому что, похоже, как и все, поняла, из-за кого ее шеф «слетел с катушек».

Макс вновь грубо выругался.

Сейчас, черт возьми, никакой чай с мятой не смог бы его успокоить!

Макс посмотрел на телефон, глаза сощурились в злом прищуре.

Еще немного и он потеряет контроль над собой!

Еще немного, и будет взрыв атомной бомбы!

Еще немного и...

В нетерпении Макс вскочил с кресла, отталкивая его в сторону, и стремительно подошел к окну, опуская кулаки на стену по обе стороны от себя. Сжал зубы и опустил голову. Едва сдержался, чтобы не ударить в стену кулаками с размаху. Боль бы отрезвила его и привела в чувство, заставила бы не волноваться и не сходить с ума от неизвестности и глупого, почти бессмысленного ожидания, но...

Черт возьми, куда она запропастилась?! Почему ее телефон вне зоны доступа?! Что случилось, черт побери!

Это сводило его с ума. Осознание, что он не может услышать ее голос, такой родной голос, такой нежный, такой... немного дрожащий, наисладчайшей музыкой оседавший на ушах.

Как заставить себя не волноваться?! Не переживать?! Не смотреть на чертов телефон и не думать о том, где она сейчас и с кем?! Почему не отвечает на звонки?! Почему ее телефон находится вне зоны доступа?!

Как заставить сердце так бешено не биться?! И не вздрагивать в трепетном и

сладостном волнении?! Или не замирать в искрящимся надеждой ожидании услышать ее голос?!

Как заставить себя не ждать ее звонка?! Не биться нервной дрожью в состоянии, напоминающим самую настоящую истерику?! Как вынудить прохладу не бежать вдоль позвоночника?! Как замедлить биение пульса в запястьях и сумасшедший бег крови по венам, отдающийся гулками ударами в висках?!

Макс приподнял голову вверх и невидящим взглядом уставился в окно. Грубо выругался, но тихо, как-то безнадежно, словно поддаваясь неизбежному.

Как заставить себя забыть о ней?!

Забыть ее имя! Вычеркнуть из памяти навсегда! Забыть ее нежный дрожащий голос, такой звонкий, такой сладкий, словно мед, такой трепетный, сводящий его с ума! Забыть ее глаза. Эти бездонные темно-карие глубины, хранящие в себе какую-то тайну. Такие невинные, но одновременно порочные, соблазняющие его глаза. Эти мягкие губы, немного подрагивающие при поцелуе. Такие порочно сладкие, такие необыкновенно пленительные, такие соблазнительно влажные и гладкие, как высший сорт атласа.

Боже! Как бедному падшему давным-давно грешнику забыть наичистейшего ангела?!

Она его соблазн. Она его искушение. Она его мечта, его фантазия, его самый привлекательный сон.

Но она же и его проклятие! Его кошмар. Его яд, а не лекарство! Его безумие, его сумасшествие. Маленькая черточка на его широкой ладони, поделившая его жизнь на до и после встречи с ней. Черточка, не вписанная им в собственные планы.

Маленькое счастье его жизни, девочка, перечеркнувшая все, во что он когда-либо верил и чем жил.

Как она стала для него так дорога?! НАСТОЛЬКО дорога, что он почти сходит с ума и стоит почти на краю безумства от того факта, что не смог до нее дозвониться?! Настолько близкая, настолько родная, настолько нужная ему, почти необходимая, до сумасшествия, до дурноты, до головокружения и до неконтролируемого биения сердца где-то в груди и пульса до разрыва вен.

Как такое могло произойти?! Так быстро.... Так стремительно и невидимо проникла она в его жизнь, ворвалась в нее маленьким вихрем. Так искусно и ловко возникла перед ним, задела все струны его души, перевернула все с ног на голову. Так неосторожно засела в его сердце занозой, теребя его теперь маленькой ранкой. Вынуждая чувствовать то, что он никогда не чувствовал. То, от чего закрывал свое сердце на протяжении многих лет. То, что никогда не предполагал испытать на себе. То, чему и объяснения подобрать не мог.

Просто она стала для него настолько необходимой, так непостижимо, так стремительно и бесконтрольно, что теперь одно лишь то обстоятельство, что она не отвечает на его звонок, выводило его из равновесия. Словно бы выдергивало почву у него из-под ног. Вырывало воздух из легких. И вынуждало признавать неизбежный, неоспоримый факт. Он становился зависимым от нее. Его маленькой девочки.

В раздражении Макс развернулся и посмотрел на отброшенный в сторону телефон.

Позвонить ей. Позвонить в шестой раз. И в десятый раз позвонить, если она не ответит! И в сотый, и в тысячный! Плевать на предрассудки и мнения окружающих! И пусть он кажется кому-то сумасшедшим, — может быть, так оно уже и есть, — зато он будет твердо уверен в том, что с ней все в порядке.

Он быстрыми шагами пересек кабинет, резко схватил телефон, набрал номер...

И опять все та же избитая фраза!

Макс готов быть взвять от досады и раздражения. Сжал телефон в кулак, до боли стиснул зубы.

Черт побери! Где же ты?!

Он упал в кресло и схватился за голову, не выпуская телефон из рук. Уговаривать себя прекратить все эти «издевательства» над собой не имело смысла. Он бы все равно не прекратил. Не сейчас...

— Черт...

Так, стоп... Мысли здраво! Тебе двадцать семь лет, черт возьми, а не пятнадцать!
Думай, думай...

Домашний телефон. Где же записан ее домашний телефон?!

Горы документов, папок и шелестящих листочков полетели в разные стороны за ненужностью. Отчеты, договора, квитанции, чертежи... Все это было ему ненужно!

И наконец, вот он заветный листочек в клеточку, вырванный из блокнота, потерявшийся на фоне общей офисной документации.

Макс набрал номер, с ужасом осознавая, что пальцы немного подрагивают. Какого черта?!

Он заставил свой голос звучать уверенно, когда услышал голос на том конце провода.

Не ЕЕ голос, но все же...

— Маргарита Ивановна?! — кажется, это она. — Здравствуйте!

— Здравствуйте...

— Маргарита Ивановна, а вы не могли бы позвать к телефону Лену, я не могу до нее дозвониться.

Молчание. Такое тягостное, тягучее, жгучее горькое молчание, почти убивающее его.

— А Лены нет...

— Как нет?!

Он все же совался на крик. Хотя и обещал себе говорить спокойно и действовать с холодным расчетом и умом. Не сдержался...

Лены нет... Эти два слова упали, как камень, как огромный булыжник на его сердце. Задевая его и рняя, перекрывая поток кислорода к венам.

Как это нет?! А где же она?! Куда-то ушла? И с кем?! С подругой? Или с другом?! Почему не отвечает ему? Занята?! Отключила телефон, чтобы ИМ не мешали посторонние?! А в число посторонних входит он, Максим?!

Макс сжал телефон так, что побелели костяшки пальцев. Глаза зло сощурились.

— А где она?! Куда-то ушла?!

Зря он так сказал. Он же никто для нее...

— Да... — проговорила Маргарита Ивановна. — А вы, простите...? Кто будете?

Олух! Идиот несчастный и помешавшийся! Даже не представился.

— Простите... Я Максим Колесников... Возможно, Лена рассказывала обо мне...

Как же в этот момент ему хотелось, чтобы рассказывала. Своей бабушке, единственному близкому и родному человеку рассказывала о нем! Это значило бы, что...

— Ах, Максим... — проговорила Маргарита Ивановна.

Его сердце дрогнуло, дыхание замерло.

— Лена рассказывала мне о вас.

Сотни, тысячи, миллионы бабочек вспорхнули и взлетели вверх в его груди, вознося и

его к небесам.

На лице расплылась идиотская счастливая улыбка. Но плевал он на это.

— Так где же Лена? — повторил Макс вопрос. — Я не могу до нее дозвониться...

— О, Леночка забыла телефон дома, а он, по всей видимости, разрядился... — торопливо объяснила бабушка Лены. — А я даже и включить его не могу. Мне Леночка-то показывала, а я что, запомнила, что ли? Я и не разбираюсь в этом...

Макс поджал губы, начиная раздражаться.

— А где она, вы не знаете? — почти с придыханием спросил он.

Сжал телефон еще сильнее, чувствуя, как в груди сердце начинает новый бег по замкнутой окружности.

— Нет, не знаю. Она с Аней поехала, с Титовой.

Неужели так бывает, что ты чувствуешь, как булыжник, сковавший железными оковами твое сердце, падает вниз и разбивается на сотни и даже тысячи осколков, унося с собой все подозрения и сомнения?! И ты даже слышишь, как он разбился.

Лена уехала с подругой. Не с другом, а с подругой!

Макс готов был прыгать от радости.

— А куда они могли поехать, вы не знаете? — спросил он.

Она задержалась с ответом. Раздумывая над чем-то? Решая, говорить или нет?! А может быть, Лена запретила ей говорить, куда поехала? Запретила говорить это именно ему, Максиму?!

Макс успел пропустить несколько глухих, режущих на части ударов сердца, прежде чем оно почти остановилось в ожидании ответа.

— Они обычно гуляют в парке, — сказала Маргарита Ивановна.

— В парке?

Сколько себя помнил, Макс не любил парки.

— Да, в городском парке, — повторила бабушка Лены. — Они очень часто там гуляют.

— Понятно. Поищу ее там. Спасибо.

— Поищите?..

— Да, — отмахнулся он. — Спасибо еще раз. До свидания, Маргарита Ивановна, — и отключился, не дав ей возможности что-либо сказать.

Он отбросил телефон в сторону и откинулся на спинку кресла.

Значит, парк. Она в парке. Гуляет с подругой.

На его губах расплылась счастливая улыбка.

Облегчение накрыло его с головой. Такое огненное, горячее, густое и сладкое облегчение.

А почти через мгновение место ему уступило дикое, необузданное желание помчаться к ней. В парк, который он так не любил. Чтобы увидеть ее, услышать ее голос, прикоснуться к ней, взять за руку и чувствовать, как ее пульс бьется ему в ладонь, и слышать ее дрожащее, сбившееся дыхание...

Поехать к ней, чтобы знать, что она все еще есть в его жизни. Что она не была лишь плодом его разгоряченного воображения. Что не приснилась ему. Что она реальна. Что она его!

Он стремительно вскочил с кресла, схватил ключи от машины со стола и выскочил из кабинета. Плевать на удивленный, почти дикий взгляд Марины, на ее попытки о чем-либо спросить его. Плевать на все!

— Я уезжаю, сегодня уже не вернусь, — бросил он ей уже в дверях и помчался к лифтам.

Медленно ползущий лифт. Тесный салон автомобиля, неудобные кожаные кресла. Чертовы пробки на дорогах. В три часа дня! Сумасшествие какое-то! Непонятно откуда появившийся светофор. Красный... желтый... зеленый! Резкий упор в педаль газа, визг тормозов. Какой-то придурок, выскочивший на встречную! Крики и ругань, проклятия и грубые чертыханья себе под нос.

И вот он парк. Здесь всегда многолюдно. Гуляют молодые семьи с детьми, бабульки с дедульками, влюбленные парочки. Здесь встречаются друзья и подруги после долгой разлуки. Здесь назначают свидания в первый и в сто первый раз. Здесь гуляют и веселятся, просто отдыхают.

Он бывал здесь очень редко. Никогда не любил это место.

Выскакивает из автомобиля, кликает сигнализацией и мчится в глубь парка.

Где он собирается ее искать, он не знает. Может быть, ее и не было здесь... Но что-то говорило, что-то просто вопиюще кричало ему о том, что она все же здесь.

Сердце стало биться где-то в горле, отдаваясь молоточками в висках. Пульс участился, остро колотится в его запястья. Ладони вспотели, и виной тому не августовская жара. Дыхание прервалось, теплый воздух уже с трудом попадает в легкие, но он от него просто задыхается.

Аллеи, аллеи, многочисленные аллеи... Лавочки, лавочки... И вот на одной из них...

Он замирает на месте, ощущая, что уже не может идти, ноги просто не удержат его. Сердце разрывает грудь, бьется бешеной птицей наружу, хочет закричать на всю вселенную о том, что счастливо.

Лена сидит одна, подставляя лицо теплым лучам солнца, улыбается. На ней простое белое платье из хлопка. Не смотрит в его в сторону, не замечает его появления. Но вдруг, в одно мгновение замирает, вздрагивает, медленно поворачивается к нему.

Всего один взгляд... Всего один поворот головы... Всего одно движение...

Время останавливается. Сердце замирает, перестает биться. Мгновение, два, вечность?..

И Макс уже мчится к ней быстрыми, стремительными шагами. Уже почти бежит, просто не может контролировать движение ног. Грудь разрывается, в ушах шум и гул, в глазах — только она. Лена...

Она резко вскакивает с лавочки, делает шаг в его сторону, еще один... замирает, смотрит на него глазами, полными удивления и восторга, вновь делает к нему несколько шагов. Дрожит, он видит это по тому, как вздымается ее грудь.

Он останавливается в шаге от нее, смотрит ей в глаза. Тяжело дышит, так же, как и она. Что-то внутри него рвется наружу, рвет его на части. Горло сковало железными тисками.

— Я звонил тебе... — выговорил он, наконец.

— Да?..

Удивилась?.. Так нежно, так трепетно...

— Да. Твоя бабушка сказала мне, где ты можешь быть.

— Понятно.

Почему отвечает односложно?! Волнуется?.. Да.... Дрожит, тяжело вдыхает душный воздух, пальцами хватается за платье, как за спасательный круг, смотрит на него удивленно, восторженно, с надеждой.

Молчит. И он молчит тоже.

Слова вдруг перестали иметь значение. Оказались пустыми и ненужными.

Он протягивает руку, сжимает ее ручку в своей, большим пальцем гладит тыльную сторону ладони, ощущая ее участвовавший пульс. Заглядывает в глубины ее глаз. Теряется в них, падает, падает, тонет... И уже не хочет выплывать.

В одно мгновение сжимает ее в объятьях, прижимая к себе ее дрожащее тело. Все ближе и ближе, ощущать ее своей кожей, чувствовать телом, слышать ее теплое сладкое дыхание, щекочущее его шею, и своим бешено несущимся куда-то сердцем ощущать биение и ее сошедшего с ума сердца. Теряясь в ней, ощущая, как и она теряется в нем, тает в его руках. И медленно скатываясь вниз...

— Я никому тебя не отдам, — шепчет скорее себе самому. — Слышишь?.. Никому не отдам тебя...

Мгновение... Два... Минута... Две...

Ее тихий, едва слышимый шепот.

— Я никуда не уйду...

Сердце сжалось в груди, словно наполненное до краев и даже переполненное болью и горечью. Они рвались из него наружу, требуя выхода, всплеска, какого-то безудержного и безрассудного выхода. Сейчас. Именно сейчас!

Макс закрыл глаза, не в силах смотреть на фото.

Почему она больше ТАК не улыбается?.. Как улыбалась тогда, в парке?.. Когда видела его, она всегда... ТАК улыбалась. У него просто сердце замирало от этой улыбки. И в груди что-то словно бы шевелилось, билось в него сотнями, тысячами, миллионами и миллиардами ударов в секунду, рвалось изнутри огненным шаром счастья и безмятежного восторга. Он, наверное, мог бы перевернуть целый мир, чтобы видеть эту улыбку каждый день своей жизни. Как много она значила для него, он стал понимать только тогда, когда она исчезла в никуда.

Но ТАК Лена больше не улыбалась... Из-за него...

Макс вздрогнул и зажмурился еще сильнее.

Это он виноват. Он стер с ее лица улыбку. Он убил в ней улыбку. Такую дорогую, такую милую, такую любимую. Как убил и ее саму тоже...

Не хотелось открывать глаза. Может быть, он просто боялся увидеть правду, резавшую его на части?.. Нет, нет, не поэтому... А потому, что он прекрасно знал, что может увидеть.

Для чего же смотреть?! Чтобы почувствовать вину за содеянное, обиду на самого себя, сожаление и раскаяние, уже никому не нужные, убившие девять лет жизни в его жене!? Чтобы заглянуть в глаза собственному роковому безумию и бесконтрольному бессилию, увидеть нестерпимую боль и отчаяние в глубине своей и ее души и не увидеть ни единого следа надежды на исправление былых ошибок?!

Чтобы лишний раз убедиться в том, что он все же проиграл... Оказался слабым. Не победителем, а проигравшим в этой игре под названием жизнь! Еще один раз проиграть...

Чтобы, заглянув себе в душу, увидеть там постижимо жгучий стыд и убивающую, разъедающую на части соляной кислотой боль?! Боль женщины, дороже которой у него никогда не было. Боль женщины, которую он медленно, но верно убивал все эти годы, расплавляя, как металл, ее любовь, превращая ее в ненависть... Своим откровенным равнодушием, своей неоправданной жестокостью, своим едким, скрытым презрением, которое она все же чувствовала каждой клеточкой своего существа... Своими изменами,

которые были лишь маской для сокрытия собственного бессилия, ширмой и занавесом от истинных чувств, которые были слишком бурными и безудержными, но такими непривычными, что смириться с ними у него не хватало сил. Ее одинокими ночами в пустой квартире, кричавшей от боли и обиды...

Макс глубоко вздохнул, с трудом втягивая в себя воздух. Задышал чаще и тяжелее. Сердце билось в виски громко и настойчиво, монотонно, стуча так же, как стучит поезд, мчавшийся на всей скорости к обрыву. Грудь сдавило. Было больно, нестерпимо больно.

Он распахнул глаза, резко обернулся. Взгляд пробежал по пустой комнате. Какие-то незнакомые стены... Светло-зеленые обои?! Откуда они здесь?! Картины... Зачем, черт побери, они здесь висят?! Мебель... Разве этот диван они купили в прошлом году?!

Пустота... Серые, холодные стены смыкаются вокруг него плотным горячим кольцом, поглощая в себе пространство и его делая лишь маленькой крупинкой в эпицентре мироздания...

Никто, никто... Просто человек.

Темнота и пустота... Все кружится вокруг него, словно в бешеном танце. Кружит в этом беспощадном

несущемся словно вспять вихре и его тоже.

Разноцветные пятна перед глазами... Зеленые, синие, красные, желтые...

Он просто сходит с ума!

ЕЕ улыбка... Свет... Свет в его мире темноты.

ЕЕ боль... Отчаяние, обида, сожаление... И снова боль! Угасающий лучик надежды...

Почему он раньше не видел этого?.. Почему был слепым к ее слезам, молитвам, грустным взглядам и легким касаниям?.. К ее глухому, болезненному молчанию?! Почему не чувствовал такого жгучего стыда раньше?! Почему именно сейчас заметил?.. И слезы, и боль, и молитвы услышал...

И молчание тоже услышал... Оно сейчас было красноречивее любых слов.

Дурак! Какой же ты дурак, Колесников!

Убить тебя мало! Что ты творишь? Кого бьешь плетью, смазанной ядом?! Кого, черт побери! СЕБЯ?! ЕЕ?! Но ОНА не заслужила этого. Не заслужила! А ты режешь ее мечом напополам, бьешь кнутом, снова и снова наказывая за выдуманные преступления, каждый раз причиняешь ей новую и новую боль. Снова и снова вынуждаешь ее плакать. Ты сам превращаешь ее любовь в ненависть...

Пользуешься ее беззащитностью и искренностью! Какой же ты подонок!

Макс в бессилии сделал несколько шагов вперед, тяжело дыша, резко остановился. Наткнулся взглядом на зеркало, висевшее на стене... Застыл, как вкопанный.

Кто ты, незнакомец?! Кто?! Какое право ты имеешь обижать женщину, которая так любит тебя?!

Кто ты?.. Есть ли у тебя право?..

Макс отвернулся от зеркала и стремительно двинулся к двери.

Он всегда знал, что недостойн ее любви. Никогда не был достоин. Но и всегда признавался в этом. Ей, себе признавался... Он же ничего не скрывал. Но...

Но сейчас все обвинения смотрела ему в лицо его же глазами. И его губы настойчиво шептали, а потом кричали ему о том, что он виноват во всем. В боли любимой женщины, в каждой ее слезинке, пролитой из-за него, в каждой морщинке, залегшей в уголках губ, когда она заставляла себя улыбаться, в каждом ее вздохе, когда она словно бы заставляла себя

дышать...

Беспринципный, бессердечный ублюдок, не имевший права называть Лену своей женщиной.

Игрок с судьбой, который все же проиграл...

Макс сделал несколько шагов вперед, направляясь в спальню, и внезапно застыл у самой двери, немного приоткрыв ее.

Что-то изменилось. Что-то непоправимо изменилось... Он не знал, что именно, не чувствовал, ощущал это каждой клеточкой тела. Это словно впилося в него миллионами иголок и настойчиво кололо кожу. Прерывало даже биение его зачерствевшего сердца, но учащало бешено несущийся вперед пульс...

Что-то было не так.

Так же скрипнула дверь... Так же звякнули ключи... Так же стучали часы в гостиной... Все те же слова были сказаны при встрече... Те же легкие, едва слышимые шаги... Но...

Когда Лена пришла... Ее взгляд, наклон головы, морщинка между бровей, слегка приоткрытые губы с вырывающимся сквозь них прерывистыми вздохами, движения рук... Вопросы и ответы... Вроде бы так же, как и всегда, но все было не тем... Сегодня...

Потому что сегодня... Лена солгала ему.

Макс потрясенно выдохнул.

Вот что изменилось.

Нет, это невозможно... Она не могла солгать. Да и в чем?!

Макс покачал головой.

Нет, нет, это просто безумие, бред сумасшедшего! Его бред! Этого не может быть. Не может быть...

Она была в парке, кормила голубей. Как всегда. Как всегда! Она постоянно туда ходит, пусть ему это и не нравится. И этот чертов парк, и эти чертовы птицы... Почему именно туда она приходит, чтобы успокоиться?! Разве ЭТО место может ее успокоить?!

Сегодня все было, как всегда, никакого подвоха... Она говорила правду. Правду!

Макс замотал головой в разные стороны, словно отгоняя наваждение.

Но этот взгляд, едва заметное дрожание губ, нервный вздох...

Она закрыла глаза, словно бы скрываясь от него. И прижала к себе плащ, вешая его на место... Мелочь, но... Не то, совсем не то...

Он просто сходит с ума. Сходит с ума, вот в чем дело.

Макс тяжело выдохнул и...

Тихие шаги, почти невесомые, легкие, как полет бабочки. Лена.

Несколько секунд... Макс почти не дышит... Боится даже шевельнуться...

— Привет... Это я.

Позвонила кому-то.

Макс замер и прислушался. Сердце мгновенно забилося сильнее и грохотало теперь тяжелыми ударами где-то в горле. В висках нестерпимо загудело, в глазах — только туман. Рука, сжимающая ручку двери, вспотела, ладонь скользит по металлу.

Макс сглотнул. Послышался Ленин голос.

— Я дома, да... Только что пришла из парка. Все хорошо, честно, — уверяет кого-то. — Я знаю, что он не хочет этого, — сожаление?! — Он запретил, да... Но я все равно... — обида, может быть?! Не разобрать. — Ты всегда так говоришь... Послушай, кое-что... случилось, — так, так... а это что такое?! — Нет, не по телефону... Давай встретимся? Когда

тебе удобно?.. Завтра? Хорошо. Давай в три. На нашем месте, да?.. Хорошо, не буду. И я тебя люблю. До встречи.

Макс ощутил, как затрепетали его вены, нервно вбиваясь пульсом в его запястья глухими биениями. Дрожь прошла по телу, обдавая ледяным холодом каждую клеточку тела. Что-то болезненно сжалось в груди, стискивая сердце невидимыми путами.

Он сделал нетвердый шаг назад, затем еще один. Тяжело вздохнул и облокотился спиной о стену, сжимая руки в кулаки. Закрыв глаза и до боли сжал зубы.

Он думал, что сошел с ума, несколько минут назад, но горько заблуждался.

Кажется, все его сумасшествие еще впереди.

С кем Лена разговаривала?! Где завтра с этим кем-то встречается?! И о чем хочет ему рассказать, черт побери?!

7 глава

«Иди, иди за мной — покорной

И верною моей рабой»

Александр Блок

Они встретились в стареньком кафе на окраине города.

Маленькое, уютное и недорогое, таких кафе по городу было немного, все стремились к роскоши и дороговизне, всеми способами желая указать на свое материальное состояние. Своей исключительностью и неповторимостью оно словно выделялось среди других. Здесь можно было заказать чашку чая с лимоном или крепкий черный кофе и, присев за небольшой столик в конце зала, беседовать о своих проблемах, обсуждать последние новости или просто делиться сплетнями, как в гостях у приятелей или друзей. Домашняя обстановка уюта и тепла способствовала тому, чтобы «раскрыть душу». Успокаивала и словно бы благословляла на откровение.

Может быть, поэтому для двух закадычных подруг это и было идеальным местом для частых встреч?

Может быть, поэтому вместо лавочки в парке, где они часто гуляли вместе, иногда молча, просто наслаждаясь свежестью и легкостью воздуха, Лена и выбрала именно это кафе?

Потому что нужно было поговорить. Не пытаться спрятаться от проблем, которых в ее жизни, казалось, все прибавлялось, не молчать, вдыхая ароматы листвы и цветов, хотя молчание иногда спасало от слез, рвущихся из-под опущенных ресниц даже помимо воли, и не стараться бесплотно уверять подругу вновь и вновь в том, что у нее все хорошо. Потому что на самом деле ничего хорошего не было. И хотя Аня ей никогда не верила, притворяться и лгать, Лена не желала.

Нужно было найти место, где не пришлось бы лгать и притворяться. Где можно было бы «излить душу» и во всем признаться. И хотя парк по ряду причин был идеальным для этого местом, подруги встретились в стареньком кафе «Карамель» на окраине города.

Осень уже полностью вступила в свои права порывами ветра, косыми стрелами ледяных струй и слизкой противной слякотью. Дождевые капли настойчиво барабанили в окна, словно рвались в тепло и уют квартир и домов, и стуйками-змеяками стекали по стеклу разнообразными узорами. Ветер, сильный и сырой, пробивался, казалось, под кожу, охватывая холодом каждую клеточку тела, вынуждая ее трепетать.

Прощальные дни бабьего лета прошли, уступая место осени, настойчивой хозяйке маскарада, которая правила балом серостью, слякотью и несбывшимися мечтами. Захватывая все в водоворот докучных серых дней, перетекающих из одной недели в другую, осень вривалась в золотистый мир бабьего лета, как на осажденную территорию, стремительно, почти молниеносно, захватывая город в свой туманный плен.

Осень для Лены всегда предвещала падение...

Серый и пасмурный день встретил ее проливным дождем, опрокинувшимся на охваченный сыростью город еще утром и холодными порывами промозглого ветра, от которого не спасало даже теплое пальто.

Выскакивая на улицу, она захватила с собой зонт, большой, белый, с тюльпанами, купленный несколько месяцев назад, но от ливня это ее все равно не спасло. Серая юбка выше колен промокла почти насквозь, как и телесного цвета колготки, сейчас прилипшие к телу и неприятно холодившие кожу, а черные батильоны на невысоком каблучке не спасли ее постоянно мерзнувшие ноги от холода, и Лена, вбегая в небольшое помещение кафе, чувствовала себя крайне раздавленной, поджимала пальцы на ногах и покусывала трясущиеся губы, стараясь не стучать зубами.

Наверное, следовало взять такси...

Лена поморщилась и чертыхнулась про себя.

Когда Макс увидит, что с ней приключилось, он взбесится не на шутку. Возможно, отправит ее к врачу...

Раньше он пенял бы на ее вечно мерзнувшие ноги, на которые тут же напялил бы две пары шерстяных носков, и теплом своего дыхания согревал бы ее холодные ладони, сжимая их в своих руках. И ругал бы ее за неосмотрительность, — ведь теперь она может заболеть!! Повышал бы на нее голос и, возможно, даже кричал, ласково называя лягушкой и сжимая в своих горячих объятьях. Потом приготовил бы чай с лимоном, а перед сном заставил бы ее выпить горячее молоко и напичкал его медом...

Раньше он заботился о ней... А сейчас...

Лена горько сглотнула, мотнула головой, на мгновение прикрывая глаза, словно отгораживаясь от воспоминаний и плохих мыслей, а потом быстрым взглядом окинула зал, разыскивая подругу.

Аня сидела за их столиком в конце зала и при виде Лены улыбнулась, призывая ее подойти к ней.

Расплываясь в ответ искренней светящейся улыбкой, Лена двинулась к подруге.

Интересно, куда же делось плохое настроение?..

В груди громко и настойчиво стучит сердце, Лена может даже посчитать его удары, не прикладывая к груди руки, но разве оттого оно так сильно бьется, что его сковали тиски боли и отчаяния?!

Неужели эта миниатюрная брюнетка с пронзительными, все понимающими серыми глазами способна украсть боль из ее души и хотя бы на время помочь ей забыть?!

Забыть о том, как она несчастна в браке с человеком, которого отчаянно любила и когда-то боготворила.

Продвигаясь к подруге, Лена тяжело вздохнула и на мгновение свела брови.

Ане никогда не нравился Максим.

С того самого первого дня, когда они встретились на дне рождения Вани. Он ее волновал, и она не смогла бы этого отрицать. Максим волновал практически всех женщин, с которыми ему так и или иначе приходилось общаться. Возможно, он ей даже нравился, все же он был красивым пленительным мужчиной, способным покорить любую женщину своей жесткой неприступностью и противоречивой горячей холодностью. И от одного лишь проникновенного взгляда синих глаз ее бросало то в жар, то в холод. Но так и должно было быть. Все же это был Максим... Он умел выглядеть притягательным для всех.

Но Ане он никогда не нравился, как человек. И если раньше она могла простить ему

если не все, то очень многое, то сейчас она никогда не смогла бы простить ему того, что случилось девять лет назад. И особенно того, во что превратилась Лена после случившегося. В серую, блеклую тень самой себя.

Вечная гонка за оправданиями, которым уже не было ни счета, ни числа. Бесполезная, бесплотная попытка отыскать правых и виноватых, в которой она всегда оказывалась проигравшей...

Почти безумная попытка оправдаться перед самой собой, которую Лена всегда предпринимала. Чтобы сбросить с себя бремя вины, давившее на сердце болью и отчаянием, и начать дышать полной грудью, глотая воздух для того, чтобы жить, а не для того, чтобы подтвердить свое право на существование в мире, в котором ей не будет прощения... Чтобы стереть, выбелить до белоснежной чистоты, вывести из себя это предательское, жесткое, неконтролируемое чувство вины, разъедавшее кислотой ее кровь...

Может, поэтому она и приходила в парк?.. Тот самый парк, который должна была ненавидеть?.. Или хотя бы не стремиться попасть туда снова и снова, как одержимая, стремящаяся напомнить себе о боли, о которой нельзя забывать?!

Изо дня в день. Каждый день после того, что произошло. Словно в наказание? Опять — самой себе?!

И за это Аня просто ненавидела мужа подруги.

За то, что он сделал виноватой во всем именно ее, Лену.

И за то, что не дал ей ни единого шанса на то, чтобы оправдаться и вымолить прощение. В котором она, по сути, и не нуждалась.

Приблизившись к столику, за которым сидела Аня, Лена остановилась и улыбнулась еще шире.

— Прости, опоздала.

— Ничего, ничего, — отмахнулась подруга, приподнимаясь со стула, чтобы поцеловать Лену в щеку. — На улице льет, как из ведра, — она бросила быстрый взгляд в окно, словно желая подтвердить свои слова фактами. Стекло исполосовали кривые линии дождевых струй, стекающих вниз вьюнками и змейками, словно стремившихся проникнуть в теплое помещение кафе и нарушить его уют своей осенней прохладой.

Отвернувшись от окна, Аня окинула Лену быстрым взглядом, оглядев ее с головы до ног.

— М-да, моя дорогая, да ты рискуешь, — протянула она, откидываясь на спинку стула и оценивающе глядя на то, как Лена, вешает пальто на вешалку, пытаясь прикрыть руками мокрые пятна на юбке и пригладить пятерней влажные волосы. — Если Максим это увидит... — она вскинула вверх темные бровки и поморщилась, скрещивая руки на груди.

Лена покачала головой, горько усмехнувшись. Села на соседний стул, не касаясь спинки.

— Нужно было взять такси, — тихо сказала она, проигнорировав слова подруги. — Просто не думала, что пойдет настоящий ливень...

Аня внимательно посмотрела на Лену, словно намереваясь о чем-то у той спросить, но промолчала.

Лена сжала руки в кулаки и тяжело вздохнула, не решаясь сказать что-либо.

— Закажешь что-нибудь? — спросила Аня.

— Да, — кивнула подруга — Конечно, — позвала официанта. — Кофе.

— Со сливками? — улыбнулась Аня уголками губ, в то время как глаза оставались

настороженными.

Лена покачала головой, ощущая, как краска заливает ее щеки.

— Черный.

Аня промолчала, лишь вздернула вверх брови, а потом нахмурилась, поджимая губы.

— Мне, пожалуйста, то же самое, — сухо сказала она официанту, глядя на Лену впритык. — Черный, так черный, — пробормотала она тихо и грустно.

Лена почувствовала, как сжалось сердце в груди, словно напоминая о чем-то. О том, наверное, что ее жизнь стала напоминать черный кофе. Без сахара. Горький. Пресный. Противный кофе с привкусом соли на языке. И не избавиться от этого привкуса желчи, не выдавить изнутри горечь, не извлечь яд, смешавшийся с кровью. С ним остается только жить.

Аня смотрела на Лену долго и пристально, словно вновь изучая знакомые черты, пытаясь найти в них что-то новое. Казалось бы, что может быть нового, — они виделись всего пару дней назад! Но нет... Появилась в карих глазах подруги новая обида, новая боль. И эта складочка в уголках губ. И морщинка около глаз. И по-другому облизнула она губы, опустила взгляд, не выдержав напора. И щеки покраснели...

Аня глубоко вздохнула, словно собираясь с мыслями, а потом, вдруг не выдержав, выпалила:

— Что случилось?! Выкладывай!

Лена мгновенно вскинула на нее испуганные глаза.

Она не хотела лгать. Да и какой это имеет смысл сейчас, когда пронзительные серые глаза пронзают ее насквозь словно рентгеном, и, казалось, и так понимают все, а ее губы дрожат, боясь признаться во всем.

Да и не умела она лгать. Никогда не умела.

— Я бы так не сказала... — пробормотала Лена тихо и отвела взгляд к окну, наблюдая за каплями дождя, стекавшими по стеклу. — Просто...

— Ле-ена-а...

Девушка посмотрела на Аню.

Упертая, упрямая, уверенная и решительная. Она не отступится. Никогда не отступала раньше и сейчас не сдастся тоже. Почти непробиваемая, энергичная и импульсивная, она посмотрит на тебя всего лишь раз умными серыми глазами, словно пронзит душу насквозь, и уже не будет шанса на то, чтобы солгать.

Да и смысла что-либо скрывать у Лены не было никакого. Она сама позвонила подруге и попросила о встрече. Это было нужно, в первую очередь, именно ей.

Тогда и ложь становится бессмысленной.

Лена прикрыла глаза, потом взмахнула ресницами, устремив взгляд на Аню, глубоко вздохнула и...

— Андрей вернулся в город.

Сердце забарабанило как сумасшедшее, а пульс мгновенно подскочил вдвое.

Лена задержала дыхание, намереваясь услышать бурную эмоциональную реакцию со стороны подруги, а в ответ услышала лишь свинцовое молчание, давившее на нее своей тяжестью. Молчание... Слово Аня и не поняла, о ком речь.

— Андрей? — вопросительно приподняла вверх брови она, затем нахмурилась. — Что еще за Андрей? Не знаю я никакого Андрея! — хмурится еще сильнее, щурит глаза... и тут выражение ее лица меняется, губы складываются в букву «о», глаза широко раскрываются,

она накидывается на Лену. — Андрей?! Порошин, что ли?! Андрей Порошин?! Тот, который в тебя влюблен был?!

Смущенно потупив взгляд, Лена лишь кивает в ответ, неспособная сделать что-либо еще.

— Ничего себе! — присвистнув, воскликнула Аня и откинулась на спинку стула. — Никогда бы не подумала, что после стольких лет... Он же уехал куда-то. В Сибирь, что ли?

— В Новосибирск, — подсказала Лена, теребя в руках салфетку.

— Ага, — поддакнула подруга. — Да вообще-то без разницы! — отмахнулась она, мимоходом быстро поблагодарила официанта, принесшего заказ, даже не глядя на него, а потом проговорила задумчиво: — Не думала, что он вернется в город, все-таки столько лет прошло. Десять, да? — она покачала головой, поцокала языком, а потом вдруг осеклась и выпалила: — Подожди, а откуда ты узнала об его приезде?

Подозрительный взгляд в ее сторону, и Лена вновь чувствует, как щеки начинают пылать.

— Я встретила его, — пробормотала она смущенно. — На благотворительном вечере, куда мы с Максимом ходили... Помнишь, я тебе говорила о нем?..

Аня напряглась, привстала на стуле, наклонилась над столом.

— Подожди-ка... — пригвоздила Лену взглядом к стулу. — То есть, ты хочешь сказать, что Максим тоже видел его?

Ладони вспотели, и Лена разжала их, покомкала салфетку дрожащими пальцами, а потом выговорила:

— Видел... Но они так и не познакомились...

— И слава Богу! — воскликнула подруга, вновь откидываясь на спинку стула. — А то сейчас твоему Андрею в самую пору было бы заказывать поминальную службу!

— Аня! Что ты такое говоришь?! — возмутилась Лена и вновь зажала салфетку в руках.

— А что? — удивилась Аня. — Ты будто сама не знаешь, что твоему Максиму палец в рот не клади, дай поревновать тебя даже к фонарному столбу! — она скрестила руки на груди и приподняла вверх брови. — А тут, моя дорогая, не фонарный столб. Тут мужик. Реальный такой мужик, маячит на горизонте, светится, здоровается, да еще и друг детства! Кстати, насколько мне память не изменяет, да еще и красивый мужик при том? — вопросительный взгляд на Лену, но та лишь качает головой.

— Это неправда... — бормочет что-то, чтобы защитить Максима, как самка защищает своего детеныша

— Ага, как же! Мне-то со стороны виднее! — настойчиво выговаривает Аня и хмурится все сильнее — Он же контролирует каждый твой шаг, звонит то и дело, проверяет, где ты и с кем, что делаешь... — недовольно поджала губы — Это он только видимость делает, что его ни черта не интересует, а на самом деле...

— Ань, не нужно...

Аня наклоняется над столом, нависает над ним скалой, смотрит Лене в глаза.

— Вот скажи честно, ты ему сообщила, что идешь на встречу со мной?

Прямой вопрос, требующий прямого ответа. Но Лена не может произнести его. Сердце режет ножом.

— Нет?.. — догадывается подруга, настойчиво ловя Ленин взгляд. — А почему?! Потому что прекрасно знаешь, как он отреагирует! В лучшем случае, пойдет вместе с тобой, а в худшем, вообще дома запрет! — Аня горько хмыкнула. — А все почему, знаешь?! Потому

что считает, что я тебя совращаю и побуждаю к тому, чтобы ты от него ушла!

Сердце стучит так громко, что Лене кажется, его стук разрывает виски.

— Ты не делаешь ничего подобного! — воскликнула она.

— Но очень хочу сделать, — призналась подруга, опуская уголки губ. — Потому что вижу, что все девять лет, что вы вместе... — замолкает, не договорив, и это молчание дышит тяжестью недосказанности. Прикусив губу, Аня выговаривает, не глядя на Лену: — Этот брак уничтожает тебя. Максим уничтожает тебя.

И ей хочется возразить. Воспротивиться. Защитить. Но Лена не может этого сделать. Молчит, глядя на Аню затравленным взглядом.

Все внутри нее дрожит хрустальным колокольчиком, сердце бьется в кровь, пронзительно и отчетливо отстукивая каждый удар, как удар в набат. Ладони вспотели, потом задрожали от холода, пронзившего ее ледяной свежестью. А вдоль позвоночника — словно раскаленный провод. В кровь — словно яд медленного действия. В кожу — словно тысячи парализующих иголок.

И уже не удается унять дрожь в теле, Лена до боли в ладонях, до впившихся в них ногтей, сжимает салфетку, словно та является ее опорой. Не удается унять дрожь в груди, дрожь предательски бьющегося сердца. Не удается схватиться за соломинку, чтобы спастись. Остается только падать в пропасть.

Лена поднимает на Аню полный вопросов взгляд.

— Андрей предложил встретиться, — проговорила она. — Я просто не знаю, что мне делать...

Подруга смотрит на нее, удивленно приоткрыв рот.

— То есть? Как это не знаешь, что тебе делать?

Сглотнув, Лена тихо выговаривает:

— Идти ли на встречу? Не будет ли это... предательством? Изменой?

— Ты что, с ума сошла?! — вскричала Аня, не сдержавшись. — Какое, к черту, предательство?! Какая измена?! Рехнулась, что ли?! — Лена втягивает плечи, а Аня продолжает наседавать: — Ты просто сходишь в кафе со старым другом! ВСЕ! — всплеснула руками и покачала головой. — Ничего тут противозаконного нет и быть не может, ясно?! Что ты себе там надумала?! — горько поджимает губы, стискивает зубы и против воли произносит: — Это Максиму можно, значит, гулять направо и налево, а тебе теперь дома под замком сидеть, что ли?!

Сердце сжалось в груди, отдаваясь резкой болью в области горла.

— Прости, — тут же воскликнула Аня, облизывая пересохшие вмиг губы, и, схватив Ленину ладонь, сильно сжала ее в своей руке. — Прости меня! Боже, я не должна была этого говорить! Не должна была...

Лена горько улыбнулась и сжала Анину руку в своей.

Стрела, обильно смазанная ядом, попала точно в цель — в ее наивное глупое сердце.

И опять больно. Как же больно! Просто нестерпимо!

И как противно... Приторный осадок, отдававший гнилью, оседает на языке.

Лена прикрывает глаза, словно стремясь вырваться из окружающего ее мира. Сдерживает слезы.

Уйти, убежать, скрыться! Раствориться в неизвестности, темноте и пустоте. Так проще, так легче...

Как бы хотелось ничего не чувствовать... Не ощущать...

Тогда не было бы больно. Вновь и вновь.

Аня сглотнула, погладила Ленину руку подушечками пальцев и взмолилась:

— Родная, прости. Я не должна была так говорить! Это так больно, я понимаю...

Прости!

Лена приподнимает ресницы, поднимает взгляд на Аню.

— Почему же?.. Ведь это правда...

— Прости!

Лена молчит. Не знает, что сказать. Потому что сказать нечего?.. Кажется, что слов для оправдания уже нет. И слов защиты тоже нет. Нет вообще ничего, что держало бы ее рядом с Максимом...

Только общая трагедия, которую когда-то называли браком. Только общая боль, разрывающая в клочья все то, что когда-то было для них драгоценным.

Его боль?.. Ее боль. Ее отчаяние. Ее вина.

Его попытки поговорить?.. Через девять лет?!

Беспольные, бессмысленные, наивные попытки, которые ведут в никуда! Слишком мало слов, чтобы выразить то, что происходит между ними. Не хватит еще одной жизни, чтобы исправить ошибки прошлого.

Остается лишь бежать. Скрываться. Прятаться.

Но что-то держит. Что-то связывает тугим узлом. Что-то не дает падать, поднимает с колен раз за разом. Вынуждает бороться. Терпеть. Любить. Быть рядом...

Она не могла вырвать клочки воспоминаний из себя, сжечь и развеять пепел по ветру. Не могла.

Слишком много было воспоминаний. Их не сотрешь и не выбросишь. Они навсегда останутся с ней.

Как сквозь сон Лена слышит голос Ани, но слова не сразу доходят до нее. Смотрит на подругу удивленными расширившимися глазами, приоткрывает рот.

— Что ты решила? — повторяет Аня, глядя на Лену внимательно и прямо.

Лена словно не понимает.

— Решила? О чем ты?..

— Ты будешь встречаться с Андреем? — спрашивает Аня. — Ты этого хочешь?

Лена покрывается мелкой дрожью. А в груди начинает загораться красный огонек опасности.

Бежать. Бежать! Нельзя этого делать! Запрещается!

Что скажет Максим, если узнает?! Что он сделает?.. Если узнает... если узнает...

Он не узнает. Ему необязательно об этом знать!

— Он так изменился... — прошептала Лена, словно ни к кому не обращаясь, глядя в пространство. — Стал более спокойным и уверенным в себе, мужественным и еще... рассудительным, — внимательно посмотрела на Аню. — Он меня всегда понимал. Всегда читал по моему лицу... О моем настроении мог догадаться лишь по изгибу бровей, — слабо улыбнулась. — Можешь себе представить?

Аня улыбнулась в ответ.

— Тогда позвони ему, и договоритесь о встрече, — проговорила она.

— Думаешь?

Подруга вздыхает, прикрывает глаза на мгновение, а потом уверенно кивает.

— Тебе необходимо сейчас с кем-то общаться. Максим не может запирать тебя дома, ты

не ребенок...

— Я общаюсь с тобой...

Аня усмехнулась, сверкнула глазами.

— Лен, это же не то. Совсем не то! Ты что, не понимаешь? — стиснула ее руку крепче, покачала головой. — Вы с Андреем когда-то дружили, Лен, а это просто так из прошлого не выкинешь. Он был влюблен в тебя и предлагал встречаться, этого тоже не забыть, так?! И не виделись вы десять лет! Неужели ты не хочешь пообщаться с ним, чтобы... хотя бы узнать, как он провел эти годы?!

Лена задумчиво вздохнула и отвела глаза к окну.

Дождь немного стих, но дождевые капли, гонимые ветром, растекались по стеклу, превращаясь в кривые узоры. Красивые... Но холодные.

Лена вздрогнула, передернула плечами.

— Позвони ему, Лен, — услышала девушка голос подруги. — Позвони ему сейчас.

Лена отворачивается от окна, уставившись на подругу.

— Сейчас?!

— Да. Позвони ему. Назначьте день встречи, — приподняла уголки губ в улыбке, но глаза не смеялись. — В этом нет ничего преступного или предательского, Лен. И измены здесь тоже нет. Это просто... встреча.

Лена с сомнением смотрит на нее, поджимает губы, опускает взгляд, косится в сторону.

Что-то настойчиво шепчет изнутри, чтобы она этого не делала, не совершала ошибку.

А в глазах подруги, словно в насмешку, слепая уверенность в том, что стоит позвонить.

— О Боже! — воскликнула Лена, нерешительно потянувшись за телефоном.

Аня одобрительно кивнула, подбадривая.

— Звони. У тебя же есть его номер?

Лена кивнула. Номер у нее был. Андрей «сбросил» ей его сразу же после расставания в парке. Но лучше бы он этого не делал! Тогда у нее было бы хоть одно оправдание, чтобы не делать этого звонка! Чтобы не мучить сердце, чтобы не вызывать боль в груди и дрожь в крови. Чтобы... не предавать... Максима...

— Лена?..

Она застывает с зажатым в руке телефоном, смотрит на подругу вопросительно.

— Звони, — настойчиво шепчет Аня.

Дрожащими пальцами Лена набирает номер. Туманными глазами смотрит в пространство, прикусывает губу, чтобы не застонать от глупого бессилия, охватившего ее тело.

Звонкие гудки, оседающие в ушах барабанным стуком... Гудки без ответа...

Сердце стучит в ушах, оглушая. Кажется, она вот-вот сойдет с ума от этого стука.

Не отвечает... Не отвечает на звонок...

Лена тяжело выдыхает, прикрывает глаза.

К лучшему. Это все к лучшему. Значит, не стоит. Не следует.

И тут...

— Да?!

Глаза распахнулись и испуганно уставились на Аню, словно в ней пытаешься обрести силу и уверенность.

— Андрей?.. — голос звучит глухо и сипло, какой-то чужой голос, не ее.

Почему сердце так тревожно забилося в груди?.. Словно птичка, пойманная в сеть?!

А внутри стучит набатом: беги!

— Да. Лена? — с надеждой в голосе. — Это ты?

Хотелось отключиться и отбросить телефон в сторону. Слишком горячим он стал для нее.

— Д-да... — пробормотала она. — Как ты?..

Глубокий вздох, с силой втянул в себя воздух.

— Я... хорошо. Ты как?

Словно онемевший, язык не может произнести ни слова. Солгать не может...

— И я... хорошо.

Вновь тяжелый вздох.

— Дожди только настроения портят.

— Да... — задумчиво проговорила Лена. — Я хотела спросить... — быстрый взгляд на Аню.

— Да? — оживился, словно ждал этих слов от нее. — О чем?

Как же это произнести? Когда дрожат не только губы, но, кажется, и язык сковало нервной дрожью?!

— Насчет встречи... Помнишь, ты говорил, что мы могли бы встретиться...

Бежать, спасаться! Не делать глупостей!

Лена лишь сильнее сжала телефон в руке, удерживая себя от того, чтобы отбросить его в сторону.

Молчание длилось минуту. Тяжелое, удушающее, гнетущее молчание.

А потом вдруг...

— Где? Когда? Я буду там, — резко, уверенно, решительно.

Лена сглотнула и прикрыла глаза. Согласился...

Предательница...

— В кафе в центре города... — не хватает воздуха. — Называется «Чайная роза».

Да как ты можешь?!

Сердце рвется изнутри, надрывается и кричит, словно молит не делать этого. Но...

— Хорошо. Когда? — как сквозь туман доносится до нее голос Андрея.

Бросить телефон. Отключиться. Уйти. Убежать от соблазна!

Но нахлынувшее волной чувство вины быстро растворяется в крови под пристальным взглядом подруги.

— Завтра, — дрожащими губами. — Ты сможешь? В половине второго.

Горло режет и саднит, словно наждаком. Роковые слова срываются с губ почти против ее воли.

— Да, смогу. Я буду там, — слышится в трубке голос Андрея, а Лена сбивается со счета, слушая громкие и отчетливые удары сердца, kloкотавшего ей в грудь тяжело и серо. — Завтра. В половине второго, — повторяет, скорее, для нее, чем для себя.

Сквозь боль в горле она шепчет:

— Хорошо...

Предательница! Обманщица!

Виновна... виновна... виновна!

— Я буду тебя ждать, Лена, — мягко проговорил Андрей, и его слова полосонули по ней острием стрелы, смазанной ядом. — Приходи... пожалуйста...

Пожалуйста... Просьба, мольба, почти как молитва!

В переносице противно защипало, в уголках глаз застыли слезинки.

— Да... Я приду, — быстро, решительно, сквозь боль. — До встречи, Андрей.

— До встречи, Лена...

Отключается сразу же, не дослушав слов прощания. А чувство вины все режет и режет по ней клинками.

Зажатый до боли в руке телефон выскользывает из онемевших пальцев, губы подрагивают.

Что же она натворила?!

Поднимает на Аню замороженный взгляд.

— Вот и молодец, — одобрительно проговорила подруга. — Молодец.

Молодец?! Черт возьми, как предательство может быть похвальным?!

Слезы готовы вот-вот рвануться из глаз, а сердце вырваться из груди и упасть к ее ногам.

— Я предала его, да?.. Я предательница?.. — дрожащими губами прошептала Лена.

Аня закатила глаза, начиная выходить из себя.

— О Боже! Кого ты предала?!

— Максима...

Аня тяжело втянула в себя воздух, стиснув зубы, и сжала руки в кулаки.

— Никого ты не предавала! Это просто встреча, Лен! — воскликнула она с чувством. — Ты же не считаешь себя предательницей, когда приходишь на встречу ко мне?! Нет? — она всплеснула руками — Так тут то же самое! Только в роли друга выступает Андрей. А с ним вы знакомы почти сто лет!

Горячая, вязкая лава наполняет легкие, трудно дышать...

— Андрей... он... — прошептала Лена, пытаясь спрятать глаза, а Аня начинает смягчаться. — Он...

— Что? До сих пор любит тебя? — мягко перебив Лену, произнесла подруга.

Лена подняла на Аню затравленный взгляд. Кивнула, поймав губами слезинку, скользнувшую в уголок рта. Ощутила на языке привкус соли и сглотнула комочек боли, застывший в горле.

— Да... — прошептала она. — Мне так кажется...

— Тебя никто не заставляет любить его в ответ, ведь так? — мягко проговорила Аня, сверкнув глазами, а потом недовольно добавила, поморщившись: — Тем более... ты замужем! Для тебя это в принципе невозможно, — любить кого-то еще, кроме Максима. А эта встреча... — Аня вздохнула. — Это просто встреча, Лен, не более. И после нее никто не будет вынуждать тебя на новую.

Лена отвернулась к окну и застыла, глядя на стекла с непроницаемым выражением на лице.

Дождь уже закончился, оставив после себя мокрый асфальт, многочисленные лужи и яркую свежесть.

Лена сжала руки в кулаки, чтобы сдержать внезапно охватившую ее дрожь.

— Максим не плохой, — проговорила она вдруг, задумчиво сузив глаза. — Он подарил мне кольцо... — взгляд тут же метнулся к пальцу правой руки и остановился на золотом ободочке, подтверждавшем ее замужество.

— О! Кольцо! Тогда, конечно, он герой! — саркастически воскликнула подруга, приподнимая брови вверх, но Лена пожелала не заметить этого горького сарказма.

— Я потеряла его, а он мне новое купил, — проговорила девушка, слабо улыбнувшись уголками губ. — Несколько дней назад. Я проснулась утром, а кольцо уже на пальце. Представляешь?

Внимательный взгляд серых глаз обжег ее кожу. Прямой и пронизательный.

Как бы Аня хотела, чтобы этот чертов «жест доброй воли» Максима не имел для Лены такого большего значения! Как бы она хотела, чтобы это чертово кольцо, которое словно оковы повисло на ее пальце, не значило для нее так много! Как бы она хотела, чтобы Лена не любила мужа, как одержимая, как безумная, мирясь с его холодной отчужденностью, безропотно сносив его измены и предательства!

Как бы она хотела, чтобы насмешница-судьба, наконец, образумилась и так же, как свела их когда-то в тот роковой день, так же и разлучила их, заставив идти разными дорогами!! Помогла смириться с потерей, забыть, стереть воспоминания из крови, куда они впитались, как яд.

Как бы она хотела, чтобы Лена была счастлива... Не с Максимом. Ане это казалось нереальным.

Но может быть, с Андреем?..

Аня задумчиво покачала головой, тяжело вздохнула, поднесла чашку с кофе к губам.

— Кофе остыл, — проговорила она, поморщившись. — Нужно заказать другой.

Лена бросила на нее быстрый взгляд, молча кивнула, соглашаясь, и вновь посмотрела в окно.

Ощущая, как дрожь прокатилась вдоль позвоночника холодной противной волной, а потом обдала жаром каждую клеточку тела, Лена сжала руки в кулаки и прикусила губу. Сотни иголок вонзились в плоть, покалывая, удушая, острием ножа вонзаясь в обнаженную плоть, парализуя и обездвиживая.

Сердце замерло, а потом учащенно забилося. Дыхание перехватило.

Невозможно, нереально, противоестественно...

Но глаза не могли ее обмануть.

В паре десятков метров от кафе стремительно тронулся с места, мелькнул молнией черный бампер такого же автомобиля, какой был у Максима, а затем исчез за поворотом, словно растворился в воздухе.

Лена задержала дыхание. Замерло даже сердце, колотившееся в грудь.

Галлюцинация? Мираж? Видение?

Лена покачала головой, прикрывая глаза, и, тяжело выдохнув, опустилась на спинку стула.

Отвернулась от окна, глядя теперь на подругу.

Черный кофе, вот что ей сейчас нужно.

Черный кофе... со сливками.

Она не пила его уже целых девять лет...

Да, это было глупо, неправильно, иррационально.

Это было безумием, сумасшествием, начальной степенью какого-то психического отклонения.

Он следил за собственной женой!

Кто бы мог подумать, что он, вполне здоровый, как физически, так и морально, человек (по крайней мере он никогда не замечал за собой каких-то отклонений) может совершить

подобное?!

Кто бы мог подумать, что когда-либо он сможет опуститься до такой низости?! Слежки за собственной женой?!

Максим тяжело выдохнул, стискивая зубы.

Он прекрасно понимал, что поступает глупо и бессмысленно, когда ринулся из кабинета со скоростью ветра, чем несказанно удивил Марину. Поступает, как психопат, заподозривший верную жену в измене, которую сам же и придумал. Поступает вопреки здравому смыслу, который упрямо и настойчиво твердил, чтобы он оставил все это и не вмешивался.

Но он послал к черту весь свой здравый смысл, на который всегда полагался, запрыгивая в машину и резко давя на педаль газа, и все же поступил, как идиот!

Как маньяк. Как параноик. Как свихнувшийся и полетевший с катушек человек.

Как человек, которому давно уже было заказано персональное место в психушке!

И это Максим тоже понимал, удерживая руль так сильно, что побелели костяшки пальцев, и решительно мчась вперед с такой скоростью, словно за ним гнались адские псы.

Дьявол, он все прекрасно понимал!

Чертыхнулся в голос, поджал губы.

Но как справиться с удушающим чувством, сдавившим горло горячими тисками?! С чувством, которое разрывало грудь и заставляло сердце бешено биться каждый раз, когда он, глядя на телефон, хотел набрать номер Лены и позвонить ей?! С чувством, которое стучало пульсирующей болью в висках, оглушая его?!

Как справиться с чувством, названия которому он так и не смог найти?! Потому что название ему было — ревность. Жгучая, ослепляющая, острая, как бритва, ревность. Бессмысленная и неконтролируемая.

И он неотвратимо падал в бездну, охваченный неожиданно острым, сдавливающим сердце ощущением того, что не может справиться с ней. Ревность ослепляла и уничтожала его, натягивая оголенные нервы. И он не мог противиться порабошающей силе ее воздействия. Он в мгновение ока превратился в беззащитное животное, захваченное в плен древними инстинктами сохранения. Того, что принадлежит ему.

И плевать, прав он или нет, ему нужно было доказать, что его — остается его навсегда!

Даже если для того, чтобы сомневаться, не было ни единой причины.

И это крайне раздражало. Это сводило с ума. И он бесился от осознания того, что сходит с ума. Хотел бы не ревновать, хотел бы уверить себя в том, что ошибся... Но ослепляющая и порабошающая, ревность уже проникла в каждую клеточку его существа наркотиком. Подавляла и уничтожала здравые мысли, преграждала безопасные к отступлению пути, сводила с ума и дурманила разум...

И Максим поддавался ее воздействию, не контролируя свои поступки, выходявшие за ту красную черту, за которой еще можно было остановиться. Но он и ее перешагнул... Ступил за край и... сорвался...

Если бы кто-то пришел к нему и сказал, что — подумайте только! — его жена, разговаривая с кем-то по телефону, договорилась о встрече, а тот взял да и проследил за ней, как параноик, Макс посоветовал бы этому человеку немедленно обратиться к психотерапевту, искренне полагая, что был бы.

Но... Этим человеком сейчас был он, а не кто-то другой...

И он сейчас медленно сходил с ума, гадая над тем, кому Лена назначила встречу, с кем

разговаривала по телефону, и почему, черт побери, скрыла от него все это?!

Множество разнообразных мыслей кружились в его голове. Они раздирали его на части кусочками противоречий и осколками воспоминаний, засевших в памяти на самой ее глубине. И терзали, и гноились, и болели... и нестерпимо, нещадно напоминали о себе. Эти гнилые, сумасшедшие мысли, которые твердили ему, уверяли его так слепо и так уверенно...

Что-то произошло.

Максим прикрыл глаза, откидываясь на спинку сидения в своем автомобиле.

Да... произошло. Девять лет назад.

Тяжелый вздох вырывается из груди сквозь плотно сжатые губы.

Проклятие какое-то!

Не забыть, не вычеркнуть из памяти, как ненужные исписанные листки из блокнота, не вернуть того, что было... Пошрое не вернуть...

Потому что прошлого у них с Леной никогда и не было?..

Девять лет. Девять лет ада на грешной земле.

Куда делись эти годы? Как пролетели? Что изменили? Или не изменили ничего?!

Даже при желании Максим не смог бы вспомнить, как они прошли.

Пролетели, словно птицы, и исчезли в неизвестности.

Однообразные, серые, пустые, бесполезные годы...

Девять лет пустоты и одиночества.

Одиночества вдвоем?!

Каждый день, как по замкнутому кругу, стрелкой пробегает от начала до конца все девять лет, описывает боль, застывшую на острие ножа, и вонзает ее в податливую и неспособную к сопротивлению плоть уже никому не нужным раскаянием и осознанием собственного бессилия.

Каждый новый день, похожий на следующий, как предыдущий. Серый, пустой, бесполезный, наполненный горечью и гнилым осадком от сожженной любви. Жизнь, как река, текущая вперед...

Жизнь в аду, который они устроили на земле...

Острыми иголками вонзились дождевые капли в стекло машины, заставив Макса вздрогнуть и нахмуриться от этого звука, и заструились вниз извилистыми дорожками.

Мужчина поджал губы.

Он не любил осень. На его взгляд, это было самое безобразное время года. Бесконечные дожди, серые туманы, слякоть и грязь повсюду. Потоки машин с хлюпающими «дворниками» на переднем стекле, отгоняющие надоедливые дождевые струи. Люди, спешащие на работу, или ползущие домой с разноцветными зонтиками в руках. Влюбленные парочки, обнимавшиеся на скамейках в парке под шелест желтой листвы старых кленов.

Максим был раздражен лишь тем, что настоящая осень, обдавшая его своей противной сырой моросью и слякотью, только началась, и терпеть ее присутствие придется еще почти два месяца. Или до тех пор, пока не выпадет прочный снег, предвещающий скорую зиму.

А вот зиму Максим любил. Несмотря на суровые морозы, огромные сугробы и снежные метели, он любил зиму. Любил сидеть в тишине гостиной или в кабине огромной квартиры, или смотреть в окно. На то, как падает снег, или бушует ветер, поднимая с земли снег и кружась с ним в свежем морозном воздухе. На то, как дети лепили снеговика или снежную «оборонительную крепость» для игры в снежки. На то, как мамы ругали свои чада за то, что те плохо завязали шарф или надели шапку, грозясь простудиться. Или на то, как

влюбленные подростки, у которых голова кружилась от первой любви, кидались друг в друга снежками, а потом, упав в сугроб, целовались на морозе и смеялись счастливым беззаботным смехом.

Эти неумелые поцелуи и невинные объятия иногда вызвали на лице Макса улыбку. Первая любовь! Беспечная, беззаботная, дурманящая и, конечно же, невечная.

А сейчас стояла хмурая серая осень, которую Макс так не любил, с промозглыми дождями и скользкой непогодой, которые толкали на размышления гораздо чаще, чем он мог себе позволить, и намного острее и яростнее, чем он мог выдержать.

И сидя в салоне автомобиля и уныло глядя на то, как дождевые капли начинают барабанить в стекла, он хмурился, ощущая внутри дикую, безумную потребность оказаться сейчас рядом с Леной. Но он один...

Черт, он всегда один!

Точнее, он не один. Он постоянно окружен людьми: друзьями, родственниками, коллегами по работе и просто сотрудниками компании, знакомыми, многочисленными женщинами, вьющимися вокруг него. Но эта безликая толпа не спасала его. Он все равно ощущал себя одиноким. И задыхался от одиночества.

Потому что та, что находилась рядом и, казалось, должна была помочь ему справиться с отчаянием и болью, охватившими все его существо, страдала.

Потому что она была так же одинока, как и он...

Он сделал ее одинокой. Убил в ней смех. Подавил улыбку. Поработил ее волю.

Максим стиснул зубы и зажмурился.

Сердце понеслось вскачь, как сумасшедшее, болью отдаваясь в висках, и пульс затрепетал, как безумный, нервно постукивая в вены. Грудь сдавило свинцовой тяжестью, удушающей веревкой стягивая горло, в котором застыл острый комок.

Глупец! Негодяй! Ублюдок...

Как же ты мог?!!

Единственная женщина, которая была достойна любви! И которая ее не получила... Из-за него.

Ты не достоин ее. Не достоин, и понимаешь это. Она выше, благороднее, лучше тебя.

Она ангел. А ты заставил ее упасть с высоты небес.

Она ангел... и ты ее не достоин. Но она твоя...

ТВОЯ!

И ты знаешь, что уже никто и никогда не сможет отнять ее у тебя. Ты и сам не сможешь ее отпустить. Как и говорил отец. Он был прав, как всегда. А ты — опять ошибся. Вновь наступил на одни и те же грабли, наивно полагая, что не умеешь ошибаться, и вознося себя на пьедестал.

Но ты ошибся. Боже, как же ты ошибся!!

Ты проследил за ней.

Ты уже смирился с тем, что сошел с ума, поэтому ничего другого, как смириться с тем, что ты психопат, тебе не оставалось. И ты смирился и с этим.

Когда она выходила из дома, чтобы направиться на запланированную встречу, ты уже был около дома и наблюдал за ней. Психопат?! О, да! И даже больше... А потом, словно в доказательство этого, проводил ее до самого кафе, медленно двигаясь вперед за ее удаляющейся спиной, едва удерживая себя оттого, чтобы стремительно выскочить из машины, подбежать к ней, крепко обнять, прижать к себе ее холодное маленькое тело и

согреть поцелуями ее подрагивающие от дрожи губы. Схватить, сжать в объятьях и не отпускать! Никогда не отпускать от себя!

Но он сдержался. Не посмел выдать себя. Не решился заявить всему миру о том, что свихнулся.

Сдерживая боль в груди, проводил ее до самого кафе, грубо чертыхаясь в голос, хмурясь и исподлобья наблюдая за тем, как холодный ветер терзает ее пальто и раздувает светлые локоны в разные стороны.

Лена, в отличие от него, любила осень. Она пребывала в бешеном восторге от того, как кленовые листья осыпаются с деревьев, а потом шелестят под ногами. Она радовалась дождю, как маленький ребенок, которого угостили конфеткой, и любила сидеть в темноте и тишине, слушая, как капли стучат по стеклам; этот звук ее успокаивал. И еще ее глаза загорались светящимся пламенем, когда она видела влюбленные парочки на скамейках в старом парке и украдкой наблюдала за ними. А он наблюдал за ней...

И видел сейчас...

Она больше не радовалась осени, как не радовалась больше унылому дождю.

И сейчас Лена должна была особенно не любить противную осень.

Она промокла. Почти до нитки, хотя и взяла с собой зонт.

Хотелось на нее закричать за такую опрометчивость. А потом...

Черт, она же простудится! Заболеет... Сжать бы ее в горячих объятьях и не отпускать!

Наблюдая за женой из окон своего автомобиля с включенным обогревателем и сжимая руки в кулаки, Максиму отчаянно хотелось выскочить на улицу под освежающе холодные струи дождя, метнуться к Лене, подхватить ее на руки и унести прочь от непогоды. Согреть пламенем горящего огнем тела, успокоить бешеным биением собственного сердца, беспокоившегося о ней, защитить ее от дождя, как не защитил от себя самого.

Сердце предательски дрогнуло. Сухой и твердый комок застыл в горле режущей болью.

Максим сглотнул.

Как много ошибок он совершил!

И, кажется, совершал одну за другой сразу после того, как услышал, что Лена договорилась с кем-то о встрече и не сказала ему об этом ни слова. Хотя раньше... никогда ничего от него не скрывала.

Как же он извелся, ожидая этой поганой минуты! Он чуть не сошел с ума, с болью в груди наблюдая за тем, как ночь медленно переходит в день, встречая его рассветом.

Да, он не сомкнул глаз этой ночью. Просто лежал и смотрел в потолок, на хлеставшие в стекла капли дождя, на черные тени, плясавшие на стенах. И прижимал податливое сонное тело жены к себе, словно боясь потерять ее в любую минуту. Носом проводил по ее шее вверх и вниз, ощущая кожей биение ее пульса и пробуя на язык восхитительный аромат ее тела.

А утром он не хотел идти на работу! Не хотел отпускать Лену на эту встречу! Хотел запретить... Но внутренний голос обвинил его в деспотизме, и Макс сдался.

А в офисе Марина сразу заметила, что что-то произошло, и поэтому не подходила к нему. Принесла горячий чай с мятой и тут же удалилась, очевидно, догадавшись, что его сейчас лучше не трогать.

А он ходил по кабинету из угла в угол, словно меряя большими шагами расстояние, отделявшее его от полного падения в бездну. Отменил совещание, запланированное еще два дня назад, и перенес его на пятницу. Подошел к большому окну и долго, нахмурившись,

смотрел на разыгравшуюся за стеклом непогоду, засунув руки в карманы брюк и сжав челюсть так, что на скулах заходили желваки. Выпил чай, приготовленный Мариной, одним глотком и тяжело опустился в кресло, напряженно втянув плечи и не позволив себе расслабиться ни на минуту. Отменил встречу с Петей, сославшись на занятость, — словно бы он мог обмануть того в этом!! Вновь начал ходить туда-сюда, нетерпеливыми шагами меряя кабинет. Схватил телефон и набрал свой домашний номер... Не дождавшись и первых гудков, сбросил... Зажмурившись, чертыхнулся грязно и пошло... Сел в кресло, закрыв глаза...

А убивающие своей скоростью стрелки неотвратимо ползли вниз, приближаясь к трем часам...

Позвонила Лика, а он, думая, что звонит Лена, схватился за телефон, как за источник жизни, едва не сбросив его со стола. Разочарованно выдохнул в трубку, услышав НЕ ЕЕ голос, проклял все на свете и послал Лику далеко и надолго, не обращая внимания на нотки непонимания и обиды, звучавшие в голосе.

Хотел вновь позвонить Лене... Достал из кармана мобильный и, как дурак, стоял с зажатым в руке телефоном минут десять. Так и не набрав ее номер.

А настенные часы приближались к отметке, за которой уже поздно было бы что-то решать...

И он вдруг вскочил с кресла, накинул на себя пиджак, метнулся из кабинета, не сказав ошарашенной Марине ни слова, кроме «Все потом!» и бросился к машине. Забрался в салон, трясущимися руками засунув ключ в замок зажигания, со всей дури надавил на педаль газа и помчался в сторону дома.

Как безумный, он все же проследил за женой...

А сейчас, когда увидел, с кем именно встречалась Лена...

Что он почувствовал, когда увидел, что Лена подходит к столику, за которым сидит... Аня!?

Облегчение! Ни с чем не сравнимое облегчение, обдавшее своим наркотическим теплом, и растекшееся по венам горячей, расслабляющей волной! Облегчение. Ни с чем не сравнимое облегчение.

А потом вдруг злость на самого себя! Как он мог подумать... заподозрить... усомниться?!

Ведь это Лена! ЕГО Лена!

Вновь хотел позвонить ей, достал телефон из кармана пальто. Набрал ее номер и уставился на дисплей с горящими на нем заученными наизусть цифрами и ее фотографией.

Минута, две, пять...

Отключился... Не позвонил...

Просто не имел права отнимать у нее это время. И хотя Аня ему никогда не нравилась, она была Лениной подругой, и отнимать у них эти минуты, хотя сердце отчаянно и рвалось к ней, он считал неправильным и непозволительным.

Он и так уже отнял у Лены слишком много времени.

Целых девять лет.

8 глава

«От любви твоей загадочной,

Как от боли, в крик кричу,

Стала желтой и припадочной,

Еле ноги волочу»

Анна Ахматова

И все же он ей позвонил.

Она уже выходила из кафе и намеревалась взять такси, чтобы отправиться домой, когда музыкальный сигнал телефона известил ее о том, что звонит Максим. Она знала, что это он. Чувствовала. Ощущала. Каждой клеточкой ослабшего вмиг тела. Каждым тяжелым вздохом, вырвавшимся из ее груди. Каждым неровным биением пульса в запястья. Каждым стуком сердца. Она знала, что это он.

Лена вздрогнула, передернув плечами, и достала из сумки телефон.

На дисплее — его фото. Такой красивый, такой спокойный, такой... свой...

Телефон продолжал настойчиво звонить, а она стояла на выходе из кафе с зажатым в руке мобильником и просто смотрела на знакомые цифры, на дорогое сердцу лицо, слушая музыкальную трель, и не могла нажать на «принять вызов». Просто не могла ответить.

В памяти мгновенно всплыл разговор с Андреем. В груди что-то дрогнуло и болезненно сжалось.

А телефон продолжал звонить.

Еще мгновение... Замолчал, оглушая Лену своей звонкой тишиной, оседающей в ушах осадком вины.

Она сделала несколько шагов вперед, продолжая держать телефон в руках.

Он позвонит. Позвонит еще раз. Он не оставит этого просто так...

Лена тяжело вздохнула, набирая в грудь побольше воздуха.

Телефон затрезвонил вновь. Надрывно, настойчиво, разрываясь.

Дрожащими пальцами Лена нажала на заветную кнопку. Поднесла телефон к уху.

— Да? — проговорила она, ожидая услышать раздраженные крики негодования, но вместо этого...

— Лена?.. — его ли это голос?!

— Да, — прошептала она. — Да, конечно...

Молчание. Убивающее, накаляющее, разъедающее своей тишиной.

— Я... звонил тебе, — сдерживаясь, проговорил Максим. — Минуту назад...

Прикрыла глаза и вздохнула.

— Да... я не успела ответить, — пробормотала она, стискивая зубы от такой явной

лжи. — Извини...

Молчание. Скользкое и противное, словно нанизывает ее на свой оголенный электрический провод.

— Ничего страшного, — проговорил Максим, словно выдохнув эти слова. — Как ты? Где ты?.. С кем?..

— Я встречалась с Аней.

— Ммм?.. С Аней? Понятно.

Лена знала, что Аня ему никогда не нравилась.

— И когда ты... собираешься домой? — спросил Максим словно бы через силу.

— Аня уже ушла, ей Игорь позвонил и попросил приехать, — ответила Лена незамедлительно. — Что-то с Сашкой, вроде бы...

А вот упоминание об Анином муже и сыне было излишним, и Лена это мгновенно поняла.

Максим втянул воздух сквозь плотно сжатые губы, она словно бы видела, как потемнели его глаза.

— Так, значит, ты уже идешь домой?

— Да... наверное.

— За тобой подъехать? Говори, куда.

Лена вздрогнула.

— Нет, нет... не нужно приезжать, — запротестовала она. — Я... наверное, еще погуляю.

— Погуляешь?! — в его голосе слышатся неодобрительные стальные нотки. — На улице дождь!

— Уже нет... Перестал, — прошептала Лена, а потом настойчиво добавила: — Я хочу прогуляться, Максим.

Она услышала, как он тяжело задышал через нос, сдерживаясь, чтобы не закричать.

— Хорошо, — выдавил он сквозь зубы. — Позвонишь мне потом, я приеду и заберу тебя. Договорились?

Лена сглотнула острый комок, вставший в горле.

— А как же твоя работа?

— Договорились, Лена?! — с нажимом спросил он вновь, не обращая внимания на ее вопрос.

Девушка опустила глаза и пробормотала:

— Договорились.

— Вот и отлично, — выговорил Максим удовлетворенно. — Тогда... пока?..

— Пока.

Что он хотел от нее услышать? Ведь что-то хотел, не правда ли?!

Но он промолчал, и она не произнесла ни слова.

— Позвони мне, — бросил он в трубку и отключился.

Она еще с минуту стояла и смотрела на телефон, не решаясь положить его в сумку, словно ожидая, что Максим может еще раз позвонить ей. Но телефон уныло молчал.

Только через минуту она положила его в карман пальто.

Желание ехать домой пропало. Она не смогла бы сейчас находиться там. Да и солгала Максиму о том, что идет гулять. Он был раздосадован и раздражен. Действительно, какая прогулка может быть в такую отвратительную погоду?! Противная морось готова была вот-

вот окутать ее своей прохладой.

Лена передернула плечами.

Оглядевшись, направилась на стоянку такси.

Единственное место, где смогли бы утешить и успокоить, находилось за городом.

Сев на заднее сиденье и назвав таксисту адрес, она облокотилась головой о стекло и закрыла глаза.

Если бы можно было вернуться в прошлое и исправить ошибки?.. Не говорить слова, которые должны были остаться произнесенными?.. Попробовать понять друг друга?.. Что бы сделала она тогда?! Вернулась, чтобы все исправить?.. Избавиться от боли? От разочарования? От расплавленного чувства вины, висящего над ней, словно Дамоклов меч?.. Сделала бы она это?!

Вернулась бы в тот день, когда еще можно было все исправить?!

Изменило бы это хоть что-нибудь?!

Лена опустила голову и прикрыла глаза. Тяжело вздохнула.

Максим не тот человек, который готов был бы исправить прошлое. Потому что он помнил бы о том, что исправил его... А значит, шансов на спасение не было...

9 лет назад

И все же это был рок. Не судьба.

Сейчас Лена понимала это настолько отчетливо, что на глаза против воли наворачивались слезы.

Но что она могла изменить?!. Тогда?.. Сейчас?.. Была ли она способна... была ли она в силах... имела ли она право вмешиваться в давно заготовленный план, составленный не ею?!

Все было решено за нее. За Макса. За них двоих. Решено еще тогда, девять лет назад. А может быть, и гораздо раньше.

Насмешница-судьба посмеялась над ними, подарив встречу. А потом новую встречу. Потом еще одну. А потом третью... Она подарила им много встреч, одна из которых неизбежно должна была стать роковой...

И одна эта встреча изменила все. Превращая улыбки и смех в горечь и слезы. Признания в любви в злорадный кашель. Нежные и чувственные объятия в яростные и словно обжигающие огнем плети касания. Страстные поцелуи в гневные и словно бы клеймящие ожоги губ.

Опуская доверие на самую нижнюю ступеньку взаимоотношений.

Предавая любовь и нежность.

Заключая обоих грешников в замкнутый круг собственных ошибок.

С того самого дня, когда Максим пришел к ней в парк, они почти не расставались. Слишком весомые, слишком искренние, слишком желанные и интимные слова были тогда сказаны.

Он никогда ее не отпустит...

Его слова и сейчас звучали в ушах, отдавались в груди громкими и частыми биениями сердца.

Он никогда ее не отпустит...

Словно бы она смогла уйти от него!

Она отчетливо понимала, что никто и никогда не займет в ее сердце больше места, чем

это сделал Максим. Никто и никогда. И это тоже было прописной истиной, записанной в книге судьбы...

Ворвавшись в ее жизнь стремительно, резко, неожиданно, Максим изменил всю ее сущность. Сокрушил все ее принципы и разрушил стереотипы, показал ей ту сторону медали, которую она никогда не видела, не решаясь на нее взглянуть. Он не просто вошел, а проскользнул в ее маленький статичный мирок и внес в него хаос. Своим появлением одновременно ужасая и потрясая и вознося на вершину блаженства и счастья.

Такой большой... такой взрослый мужчина. Тот, о котором она мечтала, о котором грезила. Мужчина, которого ждала она и ее ранимая нежная душа с самого детства. Ее герой, ее принц. Ее мужчина.

Она понимала, она видела, что он борется с ней. Когда они встретились впервые, потом, когда судьба подарила им еще одну встречу... Она видела ту борьбу, что шла внутри него. Она словно бы ощущала ее каждой клеточкой тела, как от прикосновения бича к и без того исполосованной рубцами коже. Слишком явные, слишком ощутимые, слишком... противоречивые чувства.

Она и сама испытывала их. И думала, сидя в кресле. И лежала в пустой кровати по ночам без сна, гадая над тем, что с ней будет. Она уже не видела своей жизни без него. Он пугал ее и одновременно притягивал, как магнитом. И эта пленительная сила притяжения была сильнее страха.

Ее любовь была сильнее всего, что бы она к нему не испытывала.

Она все для себя уже решила. И если бы он позвал ее, она бы пошла за ним. Закрывая глаза на все его недостатки. Опуская все факты и доводы, говорившие против него, на дно своего сознания, не уделяя им должного внимания. Игнорируя советы подруг и подсказки знакомых, как нужно правильно себя вести. Словно бы они знали, что значит правильно в отношении Максима Колесникова! Словно они понимали хоть что-нибудь, касающееся его!

Никто его не понимал. И Лена тоже. Она знала лишь, что уже не сможет жить без него. Что будет дышать им, что будет грезить им, что будет в каждом встречном видеть его фигуру, и, заглядывая в глаза мужчинам, будет видеть лишь его синие глаза, плотно и яростно засевшие в ее память, с наркотиком вошедшие в ее кровь, завоевателем атаковавшие все ее крепости и укрепления, предстающими перед ней неоспоримым фактом. Ей не спастись. Уже не спастись.

Но она и не хотела этого спасения. Оно ей было не нужно, если рядом был он.

И он был.

Он никогда не отпустит ее. Никогда не даст ей уйти.

Признался, осмелился, открылся... Доверился ей.

Этот его шаг многое изменил между ними. Словно бы поднял их отношения на новый уровень.

Максим заявил на Лену свои права. Права не просто знакомого или друга, а права любимого человека. Он окрылил ее, он заставил ее смеяться, он вернул свет в ее глаза, тот свет, который погас, когда уехал Андрей, а она считала себя виноватой в его отъезде.

Он подарил ей целый мир. Он подарил ей себя. И она приняла этот дар. Ей ничего больше не было нужно. Только быть рядом с ним. Дышать им одним. Целовать упрямую линию губ. Слушать бешеное биение его сердца, когда она, прижавшись к широкой горячей груди, стояла в его объятьях. Или выдыхать его имя. Или признаваться в том искреннем чувстве, которое, знала, пришло к ней вместе с ним. Выросло в самую сердцевину ее сути,

засело в каждой клетке ее существа, проникло в вены пульсирующей болью, надрывно застучало в сердце, и с воздухом проникавшее в ее легкие.

Любовь... Всепоглощающая, безумная, жадная, ненасытная любовь к нему.

Любовь, ставшая роковой для них обоих.

Но она осознала это слишком поздно, когда пути назад уже не было.

Когда оставалось только молить о прощении, стоя на коленях. В искупление своей вины терпеть все обиды. И продолжать его любить, беззаветно, трепетно, уничтожающе. Любить, несмотря ни на что.

Его имя впечаталось в нее ожогом, шрамом, рубцом на теле.

Максим... Максиим...

Она знала, она была уверена, что он именно тот, кого она ждала всю жизнь.

Тот, о ком рассказывала бабушка, когда рисовала в планах принца для своей внучки.

Маргарите Ивановне нравился Максим. Он был решительным, уверенным, самодостаточным. Он уважал Лену и никогда не причинял ей боли. Он не отпускал ее руки даже тогда, когда пропускал ее первой в комнату. Он гладил ее по щеке и шептал что-то на ухо, после чего ее внучка расцветала на глазах. Он словно бы невзначай касался ее руки, вызывая толпу мурашек на ее теле, от чего Лена смущалась и прятала взгляд. Он улыбался ей одной, когда думал, что этого никто не видит. Он иногда хотел скрыть свои к ней чувства, и у него это даже получалось. Но все же... это ничего не меняло.

Да, Маргарите Ивановне Максим, определенно, нравился.

Хотя как-то, всего один раз, в ее словах промелькнула тень сомнения в правильности выбора внучки. Всего один раз. Но Лена не стала уделять этому внимания. А сейчас понимала: зря не уделяла.

Слишком собственник. Сказала тогда бабушка. И если бы она прислушалась к этим словам, подумала бы над ними, поняла истинный их смысл, возможно, еще тогда, девять лет назад, все можно было изменить.

Возможно, сделай она все верно тогда, не было бы так больно сейчас.

Сейчас, анализируя все произошедшее, собирая по крупицам все факты, раскладывая по полочкам все случайности и совпадения, все слова и фразы, брошенные вскользь и невзначай, перебирая в памяти все, что с ними было, Лена понимала, что стоило ей немного, совсем чуть-чуть подумать, взвесить, отодвинуть свои чувства немного дальше, тогда... тогда, возможно, все было бы иначе.

Но тогда думало сердце, отбрасывая на задний план все уверения, все доводы, все сомнения. Тогда она руководствовалась лишь чувствами и эмоциями. Она любила. Отчаянно и беззаботно.

Она и сейчас любила. Любила не меньше, чем раньше, хотя любовь и приносила ей боль и страдания, но после тщательного девятилетнего анализа она осознала, что сама виновата в том, что превратила зарождающуюся любовь Максима в презрение и ненависть.

Виновата сама... И расплачивается теперь сама.

Но тогда, не слушая никого, она просто летала на крыльях от счастья. Она не находила места сомнениям. Она просто любила и считала, что любима. Для счастья ей больше ничего и не было нужно.

Максим был с ней все это время.

Они ходили вместе в кафе и в кино. Гуляли по городу, держась за руки, в дождь катались на машине, и целовались на заднем сиденье, слушая, как скользкие капли стучат в

стекла и стекают вниз. Пару раз они даже прогулялись по парку. Лене все же удалось затащить его туда. На ее вопрос, почему он так не любит это место, Максим просто усмехнулся и просил, чтобы она не принимала все близко к сердцу. И она не принимала... Он приглашал ее в различные поездки с друзьями за город, они вместе проводили выходные. Он встречал ее из института почти каждый день, и она даже сейчас помнила завистливые взгляды подруг и знакомых, когда Максим, такой шикарный мужчина, гордо вскинув голову и распрямив плечи, пронзая пространство взглядом повелителя, выходил из машины и, нежно целуя ее в губы, обнимал за талию и сажал на переднее сиденье рядом с собой.

Он всегда был с ней. Она не могла вспомнить и дня, в котором не было его. Он незримо присутствовал с ней даже тогда, когда уезжал в командировку в Москву или за границу. Она неистово скучала по нему. Он снился ей по ночам, и она просыпалась утром с полной уверенностью в груди, что эту ночь они провели вдвоем. Он настолько крепко привязал ее к себе, настолько яростно вонзился в нее, впитываясь чернилами в кожу, проникая в кровь, забираясь в самые потаенные уголки души, отыскивая тайные ходы, что она уже и не дышала без него, лишь в нем одном находя силы для того, чтобы дышать и жить. Лишь в нем одном просматривая весь смысл своей жизни. Он стал для нее самой жизнью.

И это тоже стало роком. Роком для них обоих.

Но и это она тоже поняла намного позже. Уже тогда, когда ничего исправить было нельзя.

Как много все же значат вовремя сказанные слова! Как много значат вовремя признанные истины.

Жаль, что и это она поняла слишком поздно.

Однажды в кафе они столкнулись с его родителями. До этого они не встречались, Максим не стремился знакомить с Леной с ними, а она, парившая в облаках счастья, не настаивала. И эта встреча в кафе стала шоком для обоих. Неожиданная. Резкая. Острая. Мгновенно перевернувшая весь рациональный Ленин мирок с ног на голову. Смутившая Лену так сильно, что она, спрятавшись за могучую спину Макса, просто стояла и, потупив взгляд, смотрела вниз. А Лидия Максимовна и Александр Игоревич как ни в чем не бывало предложили им вместе посидеть в кафе.

Максим не хотел этого. Лена поняла это по сведенным к переносице бровям и по образовавшимся около губ недовольным складочкам. Но прежде чем она успела отказаться, он дал согласие на совместное мероприятие. Как оказалось, тоже ставшее для них роковым.

Как много все же было случайностей. Роковых случайностей. Случайностей, словно специально запланированных кем-то, чтобы потом подвести все к одной линии, к неоспоримой истине — закономерность. И не судьба это была вовсе, а злой рок... С каждой новой случайностью доказывавший ей, что ничего не происходит просто так. У всего есть цель, есть причина... и есть последствия.

Как же больно от осознания того, что и у этих случайностей были последствия... Последствия, которые они с Максом переживают и сейчас, спустя девять лет...

В тот день, когда все изменилось, Лена была особенно счастлива.

Максим пригласил ее к себе!

До этого дня она никогда не была у него в квартире. Он всегда обходил стороной это место, находя целый ряд причин, по которым не мог пригласить ее к себе, словно оберегая свое жилище от постороннего вмешательства. И сейчас, когда он, наконец, решил привести ее в святая святых, она знала... она догадывалась, чем ей это грозит. Точнее, она

очень надеялась на то, что это именно то, чего она страстно желала, и это вскоре произойдет. Она так страстно этого желала, что надела свое лучшее платье, красное, облегчающее ее точеную фигурку. Это потом она узнала, что любимый цвет Максима синий, а тогда ей казалось, что цвет страсти и огня лучше всего отобразит ее настроение. Она верила тогда, что сможет покорить этого своевольного мужчину. Она надеялась, что ей удастся хотя бы то, чего были лишены ее предшественницы, соблазнить его. Но как же она ошибалась! Так ошибаются только маленькие, наивные, глупые девочки!

Соблазнить Максима Колесникова?! Есть ли идея более глупая, чем эта?!

Но тогда она свято верила в то, что что-нибудь у нее получится.

Желание было огромным, а возможности были ничтожными. И это тоже был рок.

Она могла бы воспроизвести тот день буквально по минутам, если бы ее попросили об этом.

Каждое мгновение, как врезавшийся в сознание и память осколок стекла, засевший в крови, каждый раз доставлял боль.

Ее ошибка, ее вина, ее оплошность... Ее горе.

Она понимала, к чему все идет, когда Максим, едва сдерживаясь, прижимал ее к стене и, лаская своим теплым дыханием шею и языком пробегая вдоль вены, словно пробуя ее на вкус, шептал ей нежные слова.

Она знала, что из всего этого может выйти, когда он, приподнимая сантиметр за сантиметром ее платье, обнажал стройные ножки и тяжело дышал, не в силах уже контролировать дыхание.

Она знала, что именно вонзилось между ее расставленных ног, настойчиво надавливая своей силой и пульсирующей упругостью. И она подавалась навстречу этому неизвестному и магнетическому нечто.

Она сходила с ума от его жарких поцелуев, от дерзкого биения его сердца, смешавшегося с ее бешеным сердцебиением, и лишь жаждала больше, много больше, чем он сейчас давал ей.

Но он неожиданно отстранился от нее, прервал поцелуй, его ладони, до этого скользившие по ее обнаженным ногам и спине, проложили путь вдоль всего ее тела, взметнулись вверх и замерли на ее щеках.

— Милая... дорогая моя, — он сжал ее горячие щеки в своих пылающих огнем ладонях и прижался к ней лбом. — Прости меня...

Одурманенная огнем желания, она не сразу уловила смысл его слов.

— За что?.. — не поняла Лена и уткнулась носом ему в шею. — За что?..

Максим тяжело выдохнул и прошептал, целуя ее висок.

— У меня нет... — он со свистом втянул в себя воздух. — У тебя это в первый раз, верно?..

Она покраснела, спрятала глаза и молча кивнула.

— Я так и думал, — удовлетворенно прошептал он, и она почувствовала кожей шеи его улыбку. — Я это знал... Я так желал этого, милая... — он стал покрывать нежными поцелуями ее кожу, вызывая в ее душе ураган эмоций и чувств, пребывающих в смятении. — Я так этого желал, что даже думать об этом боялся...

Отвечая на его поцелуй, Лена прошептала в его открытые губы:

— Так в чем проблема?.. Я не понимаю...

Максим вновь отстранился и тяжело выдохнул.

— У меня нет с собой... — начал он. — Черт, — тихо выругался и уткнулся носом ей в шею. — Меры предосторожности никто ведь не отменял, правда? — посмотрел на нее, грустно улыбнувшись.

Меры предосторожности?! Слова врезались в нее острой обжигающей бритвой.

Она совсем забыла об этом. Нет, не так... Она об этом и не подумала.

А вот Максим подумал. Подумал и все решил за них двоих.

Но она ведь желала другого! Она хотела, она жаждала, она трепетала от одного лишь его прикосновения. Так как же он может сейчас оставить ее одну?!

Сердце отчаянно забилося в груди, протестуя, негодуя, недоумевая. Внутренний голос взбунтовался и настойчиво твердил не делать этого, но порывы души были стремительны, подобны бушующему морю.

— Это не проблема... — прошептала девушка, стараясь не смотреть на него.

— Хм... не понял... — нахмурился Макс. — То есть как — не проблема?..

Остановиться! Остановиться! Что же ты творишь?!

Но пересохшие губы уже произносили коварную ложь.

— Тебе не нужно... заботиться об этом, — смущаясь, пробормотала девушка, так и не осмелившись взглянуть на Максима. — Я принимаю таблетки...

Какая сладкая, какая желанная, какая восхитительно-прекрасная ложь!

Лена закусила губы, пытаясь сдержать сдавленный стон.

Она никогда ТАК не обманывала. Никогда... А сейчас...

Ядовитой стрелой в тело вонзились осколки предательства. Сердце болезненно сжалось в груди.

Хотела признаться сразу же, но не смогла...

— Таблетки? — удивился Максим и, отстранившись от нее, заглянул ей в глаза, настойчиво ища там ответы. — Ты же говоришь, у тебя никого нет... — пробормотал он. — Так зачем же?..

— Мне прописал гинеколог... — вновь солгала девушка. — Ммм... У меня были кое-какие проблемы... по женской линии. И мне прописали таблетки...

Она никогда не думала, что молчание может быть таким... удушающим. Таким соленым и таким отвратительно пресным, таким гнусным и таким отравляющим.

Таким же, какой была ее ложь.

Признаться. Нужно признаться! Сейчас! Немедленно!

Ведь вот сейчас он смотрит на тебя, он ждет, что ты скажешь правду, что ты признаешься, что ты не предашь его доверие. Ну, давай же, говори!!

— Ты и сейчас их принимаешь? — прошептал Максим, пристально глядя ей в глаза.

Ложь уже жжет глаза кислотой, она не может смотреть на него. Опускает глаза.

— Д-да...

Максим тяжело вздыхает и наклоняется к ней, проводя губами вдоль шеи.

— Солнышко, — прошептал он ей на ухо. — Ты меня не обманываешь?..

Вот, еще один шанс! Еще один. Можно все изменить. Можно ведь признаться! Еще не поздно!

Но...

— Нет... — выдохнула она, сдерживая стон. — Не обманываю...

Максим с силой втягивает в себя воздух, она слышит, как он дышит, как стучит в груди его сердце.

И она чувствует себя обманщицей и предательницей. Она обманула его. Она предала его доверие.

А Максим вдруг приподнимает ее пальцами за подбородок и вынуждает посмотреть себе в глаза. Она боится даже вздохнуть, боится, что ее ложь может всплыть наружу. И тогда она не сможет оправдаться. Не сможет пережить его презрение, его обвиняющий взгляд... Не сможет жить с этим!

Но вместо того, чтобы уличить ее во лжи, Максим начинает говорить тихим голосом:

— Я не смогу измениться. Не сейчас. Может быть, позже... — снова тяжело вздохнул — Ради тебя я готов измениться. Ты мне веришь?

Не задумываясь, она кивает, хотя не понимает смысла тех слов, что он говорит. В виски молотом наковальни ударяет лишь одно: обманщица, предательница.

— Знаешь, — прошептал Максим, губами касаясь ее лба, — мама меня всегда учила, что я должен быть впереди. Всегда первый, всегда лидер... — он горько усмехнулся. — Ты сын учительницы, так как ты можешь отставать в чем-либо, утверждала она. Говорила, что я никогда не должен полагаться на волю случая, должен всегда следовать поставленной цели... Говорила, что лишь тот достигает удачи, кто стремится к тому, что решил для себя уже давным-давно, — заглянул Лене в глаза, ловя ее взгляд. — Я сын гинеколога, говорил мне отец, и должен рационально мыслить и взвешенно принимать решения. Никакой спешки, никаких случайностей, никаких непредвиденных обстоятельств... Каждый шаг должен быть просчитан, а потом реализован. Лишь тот может быть первым, говорил он, кто не верит в судьбу, а тот, кто сам вершит свою судьбу, тот, кто строит свою жизнь сам, — Макс выдохнул. — Может быть, поэтому я такой, какой есть... И таким я могу не нравиться. Кто-то меня даже ненавидит. И я понимаю, что я не идеал. И я не принц для тебя, как бы ты не уверяла себя в обратном. И я никогда не стремился им стать... Даже встретив тебя, даже решив, что ты... достойна того, чтобы я стал им для тебя... — он поджал губы, — я не могу тебе обещать, что стану им. Я не верю в сказки, не верю в исправление и исцеление. И я... не планировал встречи с тобой, понимаешь? Я никогда не думал, что... — он усмехнулся. — Не думал, что судьба так посмеется надо мной! — как-то горько улыбнулся, отведя взгляд в сторону, а потом вновь посмотрел на нее, пронзив этим взглядом насквозь. Серьезный, решительный, уверенный. — Ты примешь меня такого?.. — прошептал он, не отводя от нее глаз. — Со всеми моими проблемами, с тараканами в голове? Я нужен тебе такой?..

Неужели она могла сказать что-то иное?!

Неужели он мог подумать, что она способна отказаться от него лишь потому, что он не станет для нее тем принцем, каким она его считала?! Неужели он верит в то, что она отпустит его?! Своего мужчину!

Лена дотронулась до его щеки и легко провела по ней тыльной стороной ладони.

— Ты нужен мне, — проговорила она тихо. — Такой, какой ты есть...

Быстрый взгляд, приковавший ее к месту.

— Запомни свои слова, — предупредил он ее. — Такой, какой я есть. Даже если не изменюсь?

Лена улыбнулась.

— Даже если ты не изменишься, ты все равно останешься все тем же Максимом Колесниковым, которого я полюбила.

Пристальный взгляд, радость, отразившаяся в глазах, полуулыбка, застывшая на губах. А потом вдруг:

— И я никогда ни с кем не буду тебя делить! Уясни это раз и навсегда, Лена. Ты только моя женщина!

— Я ни на кого и не посмотрела бы, пока ты рядом...

— Вот и правильно, — удовлетворенно пробормотал он, целуя ее в лоб. — Правильно. Потому что я никому тебя и не отдам.

— Я никогда никуда не уйду. Теперь я никуда не уйду...

И она, действительно, не ушла.

Все девять лет она была рядом.

И все эти годы расплачивалась за то, чего слишком сильно этого хотела.

Машина медленно завернула за поворот, и Лена, мгновенно распахнув глаза, увидела возвышающееся впереди двухэтажное строение. Выпрямилась на сиденье и схватилась руками в сумочку.

Сердце пропустило один глухой удар и замерло, оглушая своей молчаливой звонкостью.

И все же... Лена глубоко вздохнула, втянув в себя теплый воздух. Она попала домой.

Еще минут пятнадцать назад пошел дождь, мелкий и противный, быстро переходящий в настоящий ливень. Острые холодные капли хлестали по стеклам машины, отдаваясь в ушах тяжелыми и резкими ударами хлыста, словно желая прорваться в теплое помещение салона и наполнить его своей прохладой.

Водитель такси обернулся к девушке.

— Приехали, — нахмурился, заметив ее неуверенность. — Вам ведь сюда нужно было?

— Да, — прошептала Лена, не глядя на него. — Сюда.

Таксист покачал головой и назвал сумму, которую она ему была должна.

— Вас кто-нибудь встретит? — спросил он, обеспокоенно глядя на то, как она выбирается из теплого салона навстречу проливному дождю. — Дождь сильный.

Лена послала ему благодарный взгляд и легко улыбнулась уголками губ. Ничего не ответила.

Встретят ли ее?... Они не знали о том, что она приедет.

Они ее не ждут. Никогда не ждут одну, без Максима.

Выскользнув из машины и прижав сумку к груди, словно за ней старясь спрятаться, как за каменной стеной, Лена застыла на месте, невидящим взглядом уставившись в пространство.

Дорогие, родные, близкие... Они ее понимали. Они ее любили. Они простили ее. Еще тогда, девять лет назад, простили. В отличие от собственного сына, которому было мало девяти лет на то, чтобы она смогла загладить перед ним свою вину и вымолить прощение.

Слишком мало... Слишком много...

Как же все относительно. Ад и рай... Любовь и ненависть... Терпение и покорение...

Кажется, вот оно счастье, ты держишь его в руках, оно касается твоих ладоней. Но краткий миг — и ты понимаешь, что счастье было лишь иллюзией. И в руках ты держал мечту. Которой не суждено было сбыться. Девяти лет не хватило на ее исполнение. Как не хватило их и на то, чтобы перестать в нее верить.

Почти на негнущихся ногах Лена двинулась вперед. Холодные льдинки дождевых капель хлестали по лицу, острыми иголочками впиваясь в нежную кожу. Хотели стереть следы слез, выплаканных уже давно?..

Лена закрыла глаза, ощущая, как лед дождя проникает вместе с каплями в горячую

кровь, остужая ее.

— Эй, вы бы поторопились, а то промокните! — крикнул ей таксист в открытое окно.

Она вздрогнула, обернулась и улыбнулась ему. Кивнула.

Сделала несколько быстрых шагов вперед, преодолела несколько ступенек и оказалась на веранде.

Застыла, как вкопанная, глядя на деревянную дверь. Сердце заколотилось, как сумасшедшее, дыхание грубыми тяжелыми вздохами вырывалось из онемевшей груди, вдоль тела проскользнула паутина дрожи.

Разве могла она предполагать, что когда-нибудь застынет на пороге именно этого дома, стеснительно и испуганно пряча глаза, устремляя их в пол?!

Сжала сумочку до побелевших костяшек пальцев. Вздохнула, набирая в грудь больше воздуха.

Не успела постучать. Дверь внезапно растворилась сама.

На пороге появилась Лидия Максимовна с застывшим на лице выражением изумления и шока.

— О, дорогая моя! — воскликнула она, протягивая к Лене руки и обнимая девушку за плечи. — Леночка! Что же ты стоишь?! — укоризненно проговорила она, обнимая ее за плечи и прижимая к себе. — Хорошо еще, что Саша заметил машину, а то так и стояла бы, пока не замерзла, — в его голосе слышался явный упрек, но Лена была настолько счастлива слышать его звонкое звучание, что лишь улыбнулась и прижалась к свекрови сильнее, желая ощутить теплоту материнского тела и спокойное размеренное биение ее сердца.

— Простите, — промолвила Лена, закрывая глаза и утопая в мягкости и тепле. — Я хотела постучать. Правда.

Та сжала ее в объятьях и поцеловала в лоб.

— Моя дорогая, — прошептала она с нежностью. — Леночка... Пойдем со мной. Пойдем в дом, — проговорила женщина, увлекая Лену за собой в тепло и уют дома, в котором девушка надеялась найти приют.

Едва лишь за ними захлопнулась дверь, Лена почувствовала умиротворение и покой.

Вот она и дома.

— Лида, кто там?

Александр Игоревич появился в гостиной из библиотеки, с книгой в одной руке и с очками в другой.

— Это Леночка, Саша, — крикнула женщина, не выпуская невестку из своих объятий, и обернулась к мужу.

— Лена?.. — переспросил свекор неуверенно.

Кажется, удивлен, отметила про себя Лена. Посмотрела на него.

— Здравствуйте, — проговорила она тихо. — Простите, что я без предупреждения, просто...

— Поставь чайник, Саша, хорошо? Будем чай пить, — мягко перебив Лену, обратилась Лидия Максимовна к мужу. — Ты же не против чая, родная? — спросила она у Лены, по-прежнему удерживая ее за плечи, будто та могла упасть.

Не в силах ответить Лена просто кивнула.

— Вот и отлично. Я как раз испекла булочки с яблоками, — она улыбнулась. — Как ты любишь.

Лена улыбнулась в ответ и прикрыла глаза.

Спокойствие. Умиротворение. Покой. Прият. Нет боли...

— Что-то случилось? — обеспокоенно проговорила Лидия Максимовна, помогая Лене снять пальто. — Почему ты без Максима?

Лена передернула плечами и, стараясь не смотреть свекрови в глаза, сказала:

— Он на работе.

— И он отпустил тебя одну? — удивилась женщина.

— Он не знает, — виновато опуская глаза, выдавила из себя девушка. — Не знает, что я приехала к вам.

Лидия Максимовна поджала губы и понимающе покачала головой.

— Тогда, может быть, стоит ему позвонить? И сказать, где ты находишься? — предложила она.

Лена активно замотала головой.

— Нет, нет, не стоит, — подняла на женщину умоляющие глаза. — Не сейчас, пожалуйста. Я сама потом позвоню ему.

Внимательный взгляд приковал девушку к месту так сильно, что она не могла двинуться, словно парализованная. Сердце застучало где-то в затылке, а боль в висках удушала.

— Как знаешь, — проговорила Лидия Максимовна тихо. — Просто, — она опустила голову, уставившись в пол, — ты же понимаешь, что Максу это не очень понравится.

О, она понимала! Как никто другой понимала это!

Но разве это что-то меняет?! Она все равно уже здесь.

Здесь она чувствовала себя, как дома. Здесь дышалось легче и свободнее, и боль не сдавливала грудь от несказанных вслух слов и невыплаканных рыданий.

Здесь жила семья. Здесь, а не в той одинокой, пустой, дорого обставленной квартире, куда она каждый день приходила ночевать.

Там жили двое, муж и жена, заверенные в своем положении штампом в паспорте. Муж и жена, чужие друг другу, непонимающие друг друга, за девять лет так не нашедшие времени, чтобы поговорить.

— У вас что-то произошло?... — осторожно спросила женщина

О, да, произошло! Девять лет назад!

— Нет, — произнесла девушка, глядя в сторону. — Все по-прежнему...

Лидия Максимовна тяжело вздохнула.

— Именно это и пугает. То, что все по-прежнему, — взяла ее за руку. — Пойдем, выпьем чаю и поговорим.

Лена кивнула и двинулась вслед за свекровью.

Приготовили чай, взяли корзинку с булочками и пошли в гостиную. Александр Игоревич отказался к ним присоединиться, сославшись на то, что не хотел бы вмешиваться в женские разговоры. Лидия Максимовна весело упрекнула его за это, а Лене на ухо прошептала, что тот бывает чертовски прав.

Им с Леной действительно нужно было поговорить наедине. Наверное, никто не смог бы понять Лену лучше, чем мать Максима, которая знала сына, как облупленного.

Едва присели на диван, свекровь посмотрела на девушку.

— Так почему ты не сообщила Максиму, что собираешься к нам?

Лена смущенно потупила взгляд и поджала губы.

— Я встречалась с Аней, а потом позвонил Максим... — выдавила она из себя. — Я

сказала ему, что пойду гулять, а сама... к вам приехала, — проговорила девушка, поднимая на свекровь глаза. — Вы не против?

Лидия Максимовна улыбнулась и заглянула девушке в глаза.

— Как ты можешь спрашивать? — спросила она. — Конечно же, не против! Я очень рада, что ты приехала, — запнулась, покосилась. — Я лишь боюсь, что Максим будет волноваться.

— Я позвоню ему! — заверила ее девушка. — Я обещала позвонить, как только освобожусь.

— Но ведь он не знает, что ты у нас, — мягко напомнила свекровь.

— Не знает, — согласилась девушка.

Повисло неловкое молчание. Лена сжала в руках чашку с чаем, сдерживая всхлип.

Как рассказать о том, что творится в душе? Что лежит на сердце? Кто сможет помочь?!

— Что-то случилось, милая? — тихо проговорила Лидия Максимовна, пристально глядя на Лену.

Лена заломила руки. Как сказать? И говорить ли вообще?! Стоит ли? Нужно ли?! Можно ли?!

— Максим купил тебе кольцо, — с удовлетворением проговорила свекровь, глядя на Ленину руку.

Лена взглянула на золотой ободок, окольцевавший ее палец, заслонила его пальцами другой руки.

— Да, — выдавила она, не поднимая на женщину глаз. — Купил.

— Дорогая, что происходит между вами? — спросила Лидия Максимовна, вглядываясь в Ленино лицо.

Что между ними происходит?..

Ничего. Ровным счетом — ничего. Потому что все, что могло произойти, уже произошло. Девять лет назад. А сейчас им приходится лишь пожинать плоды прошедших лет.

Лет, прожитых на одной замершей отметке «Люблю — ненавижу». Словно остановленные годы. Девять лет пустоты и тишины. Ни слова, ни фразы — ничего. Не решались поговорить. Молчали. Боялись? Не решались? Не могли переступить через себя? Простить? Забыть? Неужели так сложно?! Неужели настолько... невозможно?! Неужели одна ошибка повлекла за собой девять лет ада?!

И почему все эти годы — ни слова о случившемся, но, тем не менее словно бы во всем было напоминание произошедшего. Пытались забыть или не вспоминать, но помнили — не забывали.

В наказание?! За что?! Неужели так страшна ошибка?! Так злостна вина, что невозможно ее забыть? Что невозможно — простить?! Вылечить, исцелить, исправить. Любовью. Той любовью, которая должна была бы умереть в том девятилетнем аду, в который ее загнали, но которая, несмотря ни на что, все же жила. Развивалась. Не цвела, но и не угасала. Не крепла, но и не становилась меньше.

Безропотная раба, жертва, заложница, любовь была третьей в этом негласном противостоянии.

Почему любила ОНА?! Она должна была перестать любить. По всем писанным и неписанным законам она должна была разлюбить, должна была презирать и ненавидеть за ту боль, что причинял ей любимый ею человек. Должна была сдаться и не бороться больше с

обстоятельствами. Должна была уйти.

Почему ОН не отпустил ее?! Почему мучил и угнетал все эти годы, пытаюсь превратить любовь в презрение и жалость?! По всем писанным и неписанным законам он должен был простить. Он должен был перешагнуть через себя, через свои принципы и через свою гордость. Он должен был все положить на алтарь зарождающейся любви, которая могла бы стать даром небес. Он должен был кричать о своей любви. Он должен был перестать бороться с собой. Он должен был не уничтожать любимую своим равнодушием и бесплотными попытками забыться в объятьях других женщин. Он должен был позволить ей уйти.

Но она молчала. И он не мог признаться.

Она не сдалась и продолжала бороться за те крупинки любви, что еще остались в ее сердце. А он боролся с собой и с каждым мгновением осознавал бесполезность этой борьбы.

За девять лет она так и не смогла уйти. За девять лет он так и не смог ее отпустить.

Оказывается, ад можно устроить и на земле. Собственными руками. Превратив светлое чувство в разрушенный храм из былых обид, сожалений, воспоминаний и надежд.

Лена прикрыла глаза, сжала их сильно, а потом распахнула и посмотрела на свекровь.

— Как вы думаете, — проговорила она тихо, — он, наверное, никогда меня не простит. Да?

Лидия Максимовна тяжело вздохнула, сжала чашку так, что, казалось, та сейчас расколется. Опустила глаза, глядя на плескающуюся в ней жидкость, выдохнула и, не поднимая глаз, проговорила:

— Максим очень сложный человек, Лена, — горько улыбнулась. — Ты это уже поняла. Давно поняла, наверное, — с трудом подняла горький сожалеющий взгляд на девушку. — И самое страшное заключается в том, что мы с Сашей его таким сделали.

Лена хотела возразить, приоткрыла рот, чтобы что-то сказать, но женщина не позволила ей этого сделать, приподняв руку вверх и покачав головой.

— Не возражай, милая, я знаю, о чем говорю.

— Вы не можете быть виноватой, — проговорила Лена. — Да и Александр Игоревич тоже. Вы замечательные родители!

Лидия Максимовна горько улыбнулась.

— Ты так считаешь? — выдавила она из себя, в глазах мелькнула боль. — Разве у замечательных родителей ребенок может поступать ТАК с женщиной, которую любит?

В горле вырос острый ком, и Лена с трудом сглотнула его. Опустила глаза, не зная, что сказать. Как успокоить, как утешить, как приободрить? Какие слова подобрать?!

— Знаешь, Леночка, — проговорила женщина задумчиво. — Мы с Сашей всегда старались сделать для Макса все. Он был поздним ребенком, долгожданным, очень желанным. Мы хотели, чтобы он вырос достойным мужчиной, сильным, уравновешенным, целеустремленным. Чтобы он был уверенным и решительным, чтобы всегда мог найти выход из любой ситуации, — слабо улыбнулась. — Мы научили его всему, что знали сами, всему, чему вообще можно было научить, — посмотрела на невестку затравленно. — Мы лишь забыли научить его... любить.

Острой болью кольнуло что-то внутри, пронзая тело электрическим током.

Лена поджала губы, стиснула зубы.

Только бы рвущиеся из груди рыдания не вырвались из горла стонами и всхлипами!

— И сейчас он любит так... как умеет. Как может любить по своей натуре, —

проговорила женщина.

— Любит?.. — выдохнула Лена с сожалением. — Но не простит. Никогда не простит.

Лидия Максимовна сжала чашку в руках, с шумом выдохнула.

— Знаешь, когда Максиму было лет тринадцать, может, четырнадцать, он тогда еще учился в школе, Саша обещал ему, что если тот выиграет олимпиаду по математике по области, он обязательно отвезет его в Альпы на неделю, кататься на горных лыжах. Ты, наверное, знаешь, как Максим любит этот вид спорта, — Лидия Максимовна улыбнулась на мгновение, глаза ее засветились, а потом в них вдруг мелькнула грусть. — Бедный мой мальчик, он так желал этой поездки, так ждал ее! Собирал плакаты с видами гор, рассматривал фотографии в журнале, все представлял себя на месте лыжников. Как он будет учиться кататься, как потом станет профессионалом и сможет обойти даже самых маститых лыжников, ведь он ничего не делает без желания стать первым. Все смотрел по телевизору спортивные передачи, мечтал. Он так сильно мечтал поехать в Альпы с отцом! Хвастался перед друзьями, гордился отцом, верил, надеялся, ждал, — в глазах женщины мелькнули слезы. — Он дни и ночи проводил за учебниками по математике, ходил на дополнительные занятия и факультативы, забывая про то, что договорился встретиться с друзьями или пойти с девушкой в кино. Даже за завтраком он читал математические пособия и учебники! Я отнимала, конечно, но он все равно таскал их с собой в школу, читал даже на переменах! — Лидия Максимовна глубоко вздохнула. — И все ради мечты, ради Альп. Потому что отец, которому он верил, которого чуть ли не боготворил, обещал ему исполнить его мечту. А он его никогда не обманывал.

Лена слушала, открыв рот и даже не моргая. Сердце трепыхалось в груди пойманной птичкой, грохоча в ушах, оглушая, вызывая боль в груди, в висках, резко проникая внутрь ее существа.

— Олимпиаду он, конечно же, выиграл, — проговорила Лидия Максимовна. — Разве могло быть иначе? А когда пришел к отцу с этой радостной новостью, тот сказал лишь, что он молодец, — глаза женщины засветились от слез. — Саша не смог отвезти его в Альпы, сказал, что не может оставить работу, бросить своих пациентов ради недельного отдыха за границей. Надежды Макса рухнули, рассыпалась мечта. Отец его предал, обманул. Он так ему верил, а тот... его просто обманул.

Обманул. Предал...

Как и она, тогда, девять лет назад, предала и обманула?..

— Максим не мог ему этого простить, — выдавила из себя женщина.

— Не мог?.. — прошептала Лена одними губами.

— Он держал обиду на отца три года, дорогая, — проговорила женщина с горечью. — Три года, ты можешь себе представить?! Не разговаривал с ним, даже словом не перекинулся, полгода! Обида, злость, ярость... — женщина подняла на девушку глаза, блестящие от слез. — И даже по прошествии трех лет, когда, казалось, уже пора забыть, остыть, понять и простить за эту ложь... — тяжело вздохнула, сглотнула. — Мы все чувствовали, что Максим так и не стал относиться к отцу, как раньше. Что-то изменилось безвозвратно.

Лена подняла на свекровь полный боли взгляд.

— И сейчас? — прошептала девушка, едва шевеля сухими губами.

Лидия Максимовна покачала головой.

— Нет, сейчас уже нет, — ответила она. — Но прошел не один год и не два, прежде чем

Максим смог забыть и перешагнуть через это предательство. Понимаешь? — отставив чашку в сторону, женщина нагнулась к Лене и сжала ее холодные ладони в своих. — Максим любил отца, очень сильно любил, и тот предал его. Он оказался не готовым к подобному, чтобы близкий человек, дорогой сердцу, так поступил, — стиснула Ленину руку очень крепко. — Максим любит тебя. И тогда тоже любил. Любил очень сильно. Если бы не любил, ушел бы, забыл о том, что случилось... Он бы и не запомнил этого, если бы ты... была ему не нужна, — встретила наполненный болью и горечью взгляд невестки. — Но ты ему дорога, и твое предательство... Ему больно, понимаешь? — заглянула в самую глубину карих глаз. — Из-за того, что он в тебя верил, а ты... как и его отец, не оправдала его ожиданий.

Сердце оглушительно застучало в груди, разнося сигналы молоточками в каждую клеточку тела.

Максим ее любит...

— Он сможет меня простить? — прошептала она, запинаясь.

— Сможет, — уверенно проговорила Лидия Максимовна и прижала Лену к себе укладывая голову девушку себе на плечо. — Он уже простил.

Девушка замотала головой.

— Нет, не простил. Не простил еще...

— Простил, дорогая, поверь мне, — уверенно проговорила свекровь, прижимая девушку к себе и укачивая ее, как ребенка.

— Тогда почему он так ведет себя?.. — со слезами выговорила Лена, уткнувшись в плечо, чтобы скрыть слезы. А ведь не хотела плакать!

— Потому что его любовь к тебе очевидна лишь для нас, но не для него самого, — сказала женщина тихо. — Ему трудно любить кого-то, это единственное, в чем он не смог стать первым. А то, в чем он не может стать лидером, автоматически делает его проигравшим. А он не привык проигрывать. В этом все дело, — женщина прикрыла глаза, словно собираясь с мыслями. — Ему проще отказаться от любви, чем любить. Вот он и отказывается.

Слишком сложно. Слишком просто. Голова раскалывается от подобных мыслей.

Когда в течение многих лет ты веришь во что-то, то когда тебя пытаются уверить в обратном, очень трудно и тяжело перешагнуть через былую веру и поверить вновь.

Дрожь пронзила стрелой, поглощая собою даже наэлектризованную боль.

Лена вздрогнула, повела плечами, из глаз потекли слезы.

— Мне стоило уйти от него, — прошептала Лена надрывно. — Я должна была его отпустить тогда, он этого хотел, — поджала губы, почувствовав на языке соленый привкус. — Нужно было уйти еще тогда.

— Нет, — покачала женщина головой. — Нет, дорогая. Он бы не позволил тебе уйти. И сейчас тоже не позволит. Это невозможно, — погладила девушку по спине, словно успокаивая, а потом прошептала, умоляя: — Дай ему... время. Еще немного времени.

— Времени? Еще?! — зашептала Лена с горечью. — А девяти лет оказалось недостаточно?!

Лидия Максимовна отстранилась и заглянула в заплаканные глаза своей невестки.

— Недостаточно. Для моего сына недостаточно, — проговорила она уверенно и, увидев боль, отразившуюся на лице девушки, снова прижала ее к себе. — Не уходи от него, он этого не переживет. Не вынесет еще одного предательства. Дай ему еще один шанс. Пожалуйста.

— Я не собиралась уходить! — воскликнула девушка удивленно, прикрыла глаза, и по щеке тут же скользнула слезинка. — Не собиралась... Но и жить так я больше не могу, — распахнула глаза, горящие болью и сожалением. — Я задыхаюсь. Я умираю. Меня словно уничтожают. Моей виной, моей ложью, моим предательством. Я просто... теряюсь, теряю саму себя. И не могу больше так жить, — взглянула на свекровь, та смотрела на нее, не отрываясь. — Для меня девять лет... это слишком много.

Молчание, повисшее в воздухе, можно было поджечь, настолько наэлектризованным стал кислород. А потом вдруг превратилось в вакуум, вынуждая вновь и вновь вдыхать спасительный кислород, но не ощущая насыщения и удовлетворения.

— Что ты собираешься делать? — проговорила Лидия Максимовна дрожащими губами.

Лена опустила глаза, тяжело вздохнула, втянув воздух через нос.

— Я встретила друга детства, — проговорила она и проследила за реакцией свекрови на это заявление, застыла с непроницаемым выражением на лице. — Он предложил мне встретиться. И я согласилась.

Пауза, а затем:

— Максим знает?

— Нет.

Нахмурилась и поджала губы.

— Ты собираешься сказать ему?

— Нет.

Лидия Максимовна выдохнула, Лена видела как эмоции, одна за другой, сменяют выражение на ее лице, она устремила взгляд в сторону и немного наклонила голову вниз.

Лена сцепила дрожащие пальцы и сжала их на коленях.

Молчание снова убивало, уничтожало, травило и парализовало.

Лена так много могла бы сказать, объяснить, заверить, но ни одного слова с языка так и не сорвалось.

Лидия Максимовна посмотрела на нее, пронзив взглядом.

— Делай так, как считаешь нужным, дорогая, — проговорила она медленно. — Я не знаю, что можно тебе посоветовать в этой ситуации. Возможно, ты и права, что согласилась на встречу. Запирать себя в четырех стенах... не стоит.

— Мы просто встретимся с ним, и все, — принялась защищаться Лена. — Поговорим, выпьем кофе, нам много чего нужно оговорить. Мы не виделись десять лет...

Она так наделась, что ее поймут!! А вместо этого...

— Хорошо, — сдержанно выдавила из себя Лидия Максимовна. — Поступай, как знаешь, но не забывай, что Максим любит тебя.

Любит?.. Любит. Слишком призрачная надежда, чтобы оказаться реальностью.

Лена кивнула, но ничего не ответила. Да и вряд ли нужны были слова.

Сердце рвалось на части, обливалось кровью и не заживало. Не могло зажить. Вновь и вновь кровоточило, сочась кровью через незаживающие раны.

Не только Максиму было больно. Эти девять лет страдала и она. Страдала больше и глубже, чем он.

Терпела, надеялась, верила, любила. Ждала признания, прощения, отпущения вины.

Так и не дождалась.

Лена вздохнула и закрыла глаза.

Если Максиму не хватило девять лет, чтобы разобраться в себе, то для нее этого было

больше, чем достаточно.

Слишком много, слишком больно, слишком... одна.

Пришло время что-то менять.

Теперь встреча с Андреем не виделась изменой, Лена смотрела на нее под другим углом и ракурсом.

Всего лишь еще один поворот судьбы. Не более.

Она не сможет уйти от Макса, он не сможет ее отпустить.

Но она должна сделать так, чтобы десятый год ада не наступил в их жизни. Его не переживет ни она, ни он.

9 глава

«Зачем я плачу пред тобой,

И улыбаюсь так некстати.

Неверная страна — любовь,

Там каждый человек предатель»

Марина Цветаева

Уверить себя в том, что это нормально, не стоило и пытаться. Но Лена и не пыталась.

Застыв около кафе и не решаясь войти, она лишь сильнее сжимала руки в кулаки, чтобы унять дрожь в теле и вспотевших вмиг ладонях.

Изменница, предательница, обманщица?..

Из горла рвался стон безысходности, а сердце грохотало в груди так сильно, что почти оглушало ее.

Да, она таковой себя считала.

Вот только к чувству предательства, сжимавшего, словно тисками, ее горло, примешивалось еще и чувство удовлетворения. Глубокого, нежного, обволакивающего словно паутиной, словно наилегчайшей вуалью, трепетное чувство удовлетворения.

Девушка тяжело вздохнула, почти с силой втягивая в себя воздух.

Она не могла понять, почему радуется. Отчаянно, эмоционально, ярко, как маленький ребенок, который ожидает подарок на Новый год от Деда Мороза, или как человек, совершивший благородный поступок и ожидающий теперь награду или хотя бы поощрение за него. Эта радость, такая опьяняющая, такая живая, такая искренняя и светящаяся, подобно огромному огненному шару засела глубоко внутри нее и, взорвавшись, разлетевшись на сотни маленьких искорок, теперь сияет в каждой клеточке ее тела, вселяя в тело невиданную силу, стойкую решительность и уверенность в правильности своего поступка.

Лена на мгновение прикрыла глаза, на губах застыла полуулыбка, озаряя лицо.

Все ведь правильно?.. Правильно, так?! И она не совершает ничего плохого.

Ведь встречу со старым другом нельзя назвать предательством, нельзя назвать ее и изменой?!

Она верная, она не изменяет Максиму, не предает его.

Она просто... старается выжить в этой вечной гонке за жизнь, в этом мире девятилетнего ада, в который сама себя загнала, в этом хаосе, в который ее жизнь превратилась.

А Андрей... он просто друг. Друг, который поможет ей выжить. Он, подобно Ане, станет тем огоньком надежды и лучиком света, который мелькает в конце туннеля, когда уже нет шансов на спасение.

Сердце забилось сильнее, заглушая все посторонние звуки своим частым биением.

И все же, все же... Что-то было не так. Что-то было... неправильным, нелогичным, безнравственным для ее тонкой, ранимой, нежной и верной натуры.

Что-то словно ядом проникало в кровь и, надавливая на болезненные точки, кричало о том, чтобы она не делала этого. Не заходила в кафе. Не встречалась с Андреем. Не делала того, о чем потом будет жалеть.

Лена приоткрыла глаза, улыбка слетела в лица, в уголках губ появились морщинки.

Слишком прозрачной и невзрачной была та грань, что отделяла ее от «правильно» и «неправильно», от «можно» и «нельзя». Слишком прозрачная, почти нереальная...

И перешагнуть через нее было слишком просто, оставляя позади себя сомнения и нерешительность.

Она не могла объяснить, почему вместо стыда за свой опрометчивый поступок, за свое нелепое согласие на эту встречу с Андреем, вместо испуга, страха из-за того, что Максим может обо всем узнать, и разозлится, жутко разозлится, почему вместо острой саднящей боли в груди сердце учащенно и замороженно бьется внутри нее, легко касаясь нервных окончаний, словно крыльями бабочки?!

Почему она не ощущает той опасности, той боли, того сожаления и раскаяния?!

Да она поступала неправильно, и осознавала это.

Но и правильно одновременно.

Разве можно считать неправильной встречу с другом детства, которого не видела десять лет?!

Можно, если ты чувствуешь, что друг претендует на нечто большее, чем дружба.

Губы сложились в узкую линию, Лена стиснула зубы. Кровь понеслась по венам еще быстрее.

Как будет зол Максим, как будет жалеть об этой встрече она сама...

Максим будет очень зол, и она будет жалеть слишком сильно.

Но эта встреча, не просто встреча с прошлым, с тем светлым прошлым, которое было у нее, эта встреча — встреча-спасение. Встреча, которая ничего не могла изменить в ее жизни, в которой уже все было решено, это встреча, которая могла изменить само течение ее жизни.

Сберечь, помочь, приютить, утешить, спасти...

Это была та самая рука помощи, которую протягивают пострадавшему, тот спасательный круг, который бросают утопающему, то зеркало, которое отражает всю правду жизни, не искажая ее и не приукрашая...

Это была встреча, которая была необходима ей, чтобы продолжать жить, не сойдя с ума...

И она согласилась на эту встречу, терзаемая ли муками совести, чувствуя ли, что последует наказание, но согласилась. На встречу, которую теперь принимала не за измену или предательство, а за спасение. И знала, что даже если и поступает неверно, то оправданием этому может служить то, что она спасает себя. Из того хаоса и безумия, из того ада на земле, в которой превратила свою жизнь.

Нужно что-то менять. Нужно искать пути выхода из лабиринта, по которому она блуждала все эти годы. Нужно соскочить с той замкнутой окружности, по которой она мчала себя, разорвав замкнутый круг разочарований и несбывшихся надежд, разорвать кольцевую брака, превратившегося в кошмар.

Потому что девять лет — это слишком много для нее, и что бы ни говорила Лидия

Максимовна, еще немного времени... это слишком мало для него, чтобы понять, чтобы принять, чтобы простить...

Слишком относительно, чтобы рассматривать все, опираясь лишь на время... Девять лет, восемь, семь... Даже если бы это был один год, ничего не смогло бы измениться. Было слишком много причин, слишком много условий, слишком много того, что разрушало их жизнь изо дня в день.

А эти девять лет... они лишь сделали свое дело — убивали привязанности, превращая их в привычки, те злостные привычки, которые и гоняли двух искренне и горячо любящих друг друга людей по тому адскому замкнутому кругу без возможности вырваться из него. Те привычки, которые убивали их изо дня в день, из года в год. Привычки, с которыми с течением времени было справиться все сложнее.

Привычки, неспособности принять и простить, остановиться в этом бешеном беге в никуда...

Не молчать — а говорить, не уходить — а слушать, не таить обиду — а прощать, не терпеть — а любить...

Любить... Как могли бы любить. Как любили в самом начале пути... Остановиться и заглянуть правде в глаза, признаться себе в первую очередь, что бегу по бесконечному кругу собственных ошибок, сожалений, разочарований, обид, несбывшихся желаний, вины и боли пора положить конец.

И первый шаг из адской воронки должен быть сделан.

Если не им — значит, ею.

И встреча с Андреем — тот самый первый шаг.

И сейчас Лена уверилась в этом окончательно.

Она пришла почти на полчаса раньше назначенного времени и сейчас стояла, прижимая сумку к себе и слушая размеренные частые удары сердца, врывавшиеся в грудь, ощущая, что ноги почти не слушаются ее.

Пришлось обмануть Максима. Снова.

Сколько раз за этот месяц она осмелилась сделать это?.. Что это?.. Вызов?!

Она сказала, что хочет навестить подругу, а он предложил подвезти ее на машине. Пришлось отказаться, сославшись на то, что ей хочется прогуляться по свежему воздуху, а ему следует быть на работе, у него важное совещание. Максим расстроился, она видела это по сжавшимся в узкую линию губам и опущенным вниз бровям. Не разозлился, не накричал, хотя она и ждала вспышки возмущения или гнева, но, наверное, тот огонек, что мелькнул в его глазах синим пламенем, назывался сомнением и недоверием...

Что-то почувствовал?.. Заподозрил?.. Понял?!

Даже если и так, то он не подал виду. Оставив ее одну, умчался на работу, поцеловав на прощание и пообещав быть дома не позднее шести вечера. А Лена, закрывая за ним дверь, прислонилась к дверному косяку с желанием догнать его и никуда не отпускать.

Вчера, когда она позвонила ему, сообщив, что находится у его родителей, Максим разозлился, она почувствовала это по тону голоса, по тому, как тяжело он задышал в трубку и по тому, как сдержанно велел ей оставаться на месте, не вызывать такси и ждать его появления.

Прибыл он быстро, не прошло и получаса. Мчался по дороге, как сумасшедший, очевидно, игнорируя знаки дорожного движения и, возможно, нарушая правила. Но чего еще можно было от него ожидать?!

Едва услышав, как около дома затормозила машина, Лена вздрогнула, стискивая зубы. Она приготовила целую речь в свою защиту, но Максим, едва зайдя в гостиную, резко поздоровался с родителями, бросил на жену пронизывающий взгляд и приказал той собираться домой. Лена подчинилась.

В машине они ни о чем не разговаривали.

Лена хотела рассказать, почему отправилась за город, но Максим прервал ее попытки объясниться. Она хотела спросить, как прошел его день, но он отказался рассказывать что-либо. В конечном счете, она перестала спрашивать, а он и не требовал от нее ни вопросов, ни ответов, угрюмо уставившись на дорогу и сжимая руль посиневшими от напряжения пальцами.

В тот вечер они очень мало разговаривали. Максим хотел разговора, Лена видела это по нахмуренному лицу со сведенными к переносице бровями, по сомкнутым губам, по морщинкам около глаз, по напряженным плечам и тяжелым шагам, но он молчал. И сама она нуждалась в том, чтобы высказаться — не рассказать ему правду, не покаяться, не оправдаться, а просто поговорить. Но так и не посмела заговорить.

Утром же она, вновь проснувшись в горячем кольце его рук, поняла, что слова им, как всегда, были и не нужны. Они все понимали без слов.

Все, кроме того, что было так важно для обоих.

А сейчас, остановившись у окна кафе, в котором они с Андреем договорились встретиться, Лена с удивлением обнаружила, что тот уже тем. Сидит за столиком и нервно теребит край салфетки.

Заказал кофе, скорее всего, черный, без сахара...

Лена невольно улыбнулась, ощущая, как тревога, страх и опасение уступают место чему-то иному, светлому, нежному, волшебному...

Было ли что-то неправильное во встрече со старым другом?.. Не было. Все было так, как и должно быть.

Андрей, словно почувствовав ее взгляд, обернулся, отрывая глаза от меню, вглядываясь в пространство, скользнул по стеклу, по ее по-девичьи тонкой фигурке, облаченной в пальто, по светлым волосам, собранным на затылке в хвост, а потом его губы вдруг медленно растянулись в улыбке, освещая лицо. Разгладились складочки на лбу, проглядывались маленькие морщинки в уголках улыбающихся глаз, появились ямочки на щеках.

Он помахал ей рукой, призывая подойти, и Лена двинулась вперед, искренне улыбаясь ему.

Все сомнения, которыми тяготело ее сердце, развеялись в одно мгновение, едва Андрей, приветствуя ее, привстал со стула, встречая ее поцелуем в щеку.

— Я боялся, что ты не придешь, — проговорил он, нежно улыбаясь и помогая девушке снять пальто.

Лена улыбнулась.

— И поэтому ты пришел раньше почти на сорок минут?

— Честно говоря, — проговорил Андрей, смущенно потупив взгляд, — я пришел еще час назад, — поймал ее удивленный взгляд с приподнятыми вверх бровями. — Сидел тут, как полный идиот, — улыбнулся. — Все на меня уже странно поглядывать стали, — почти шепотом сказал он, словно делаясь с ней секретом. — Думают, что я шпион, наверное.

Лена рассмеялась. Впервые за несколько дней.

— Серьезно? Так я, наверное, испортила тебе всю конспирацию?

— Пожалуй, что так и есть, — задумчиво протянул Андрей, отведя глаза в сторону. — Поэтому тебе теперь придется со мной пообедать, дабы искупить свою вину, — брови вопросительно взлетели вверх. — Согласна?

— Ну, если для того, чтобы искупить свою вину, — с улыбкой проговорила Лена, — то конечно, согласна.

Андрей улыбнулся еще шире, с нежностью и благоговением глядя на девушку.

Лена, смущенно потупив глаза, и садясь напротив него, старалась не обращать внимания на этот взгляд.

Так безопаснее, так легче, так проще.

Мужчина, с усилием отпустив ее ладонь из своей руки, сел на стул и посмотрел на Лену в упор.

— Как... отнесся твой муж к тому, что ты пошла на встречу со мной? — проговорил Андрей вдруг, заставив Лену вздрогнуть. Сердце встрепенулось и, громко вскрикнув, пустилось вскачь.

Девушка подняла на мужчину быстрый взгляд, но и той секунды, в течение которой он видел ее виноватые, охваченные раскаянием глаза, хватило, чтобы он все понял.

— Ты ему ничего не сказала? — тихо проговорил он, даже не спрашивая, а утверждая.

Ей бы хотелось все ему рассказать. Покаяться, исповедаться, пожаловаться или попросить помощи. Все, что угодно, ведь он бы понял все. Он ее друг, ее лучший друг. Он всегда понимал ее, как никто другой. И сейчас тоже понял бы. Но... она была уверена, что вмешиваться в тот замкнутый круг, по которому она ходила уже девять лет, в бесплотных попытках стараясь его разорвать, он не должен был. Он не смог бы.

Никто, кроме нее и Максима, не в состоянии были сделать это.

Подняв на Андрея глаза, с застывшей них уверенностью, она проговорила:

— Я думаю, что... нам не стоит говорить об этом, Андрей...

И он все понял. Обреченно вздохнул, нахмурился на мгновение, а потом попытался улыбнуться.

— Хорошо, — медленно проговорил он, не отводя от нее глаз. — Как скажешь.

Лена с благодарностью кивнула, ощущая, как сердце начинает биться размереннее и тише.

Но почему же на языке остался такой горький осадок?.. Осадок недосказанности, осадок невысказанных слов, осадок немого крика, так и не сорвавшегося с губ.

Почему опять это странное чувство... неправильности?!

— Что будешь заказывать? — спросил Андрей, прерывая ее мысли, и не глядя на нее. — Я не решился сделать выбор за тебя. Вдруг у тебя изменились вкусы, — он бросил на нее быстрый взгляд. — Все еще уплетаешь за обе щеки жареную картошку с овощным рагу? — усмехнулся он, весело блеснув зелеными огоньками глаз.

Лена удивленно воззрилась на него, мгновенно почувствовав себя живой.

Уголки ее губ насмешливо дрогнули, а глаза сощурились.

— Да, — гордо приподняла она вверх подбородок, блеснула улыбкой и уставилась в меню, делая вид, что внимательно его изучает. — А ты все еще терпеть не можешь жареную капусту и вареники?

Губы Андрея растянулись в улыбке, а глаза по-доброму сощурились.

— Скажем так, я отношусь к этим блюдам весьма терпимо.

— Вот как? — брови Лены взметнулись вверх. — Твоя жена хорошо готовила, по всей

видимости?

Яркая, ослепляющая вспышка... Гул голосов и разнообразных звуков... Тяжелое дыхание...

Она пожалела о том, что сказала это, уже после того, как слова оказались произнесенными.

Мгновенно приподняла глаза от меню и бросила на друга виноватый, извиняющийся взгляд. И успела заметить, что перед тем, как натянуто улыбнуться, он напрягся и вздрогнул, передернув плечами.

В груди что-то кольнуло, а сердце отчаянно затрепетало. Не нужно было упоминать об этом!

Какая же она идиотка!

— Прости, я не то хотела сказать, — быстро выговорила Лена, стараясь оправдаться. — Просто...

— Да ничего страшного, — мягко перебил ее Андрей, поднимая вверх задумчивый взгляд и глядя в пространство. — Лиза, действительно, хорошо готовила. И даже жареная капуста, приготовленная ею, не казалась мне такой ужасной, — он как-то горько усмехнулся, с грустью в глазах улыбнулся.

А Лена смотрела на него пристально и внимательно, жалея о том, что оказалась такой несдержанной.

— Ее так звали? — тихо спросила она. — Лиза?

Андрей, нахмурившись, вновь напрягся, и девушка осознала, что вновь задела те струны его существа, которые бередили старые раны.

Его жена... Он прожил с ней два года. Возможно, он ее любил...

Что она об этом вообще знает?! Какое право она имеет лезть в его жизнь?!

Она хотела извиниться, но слова застыли на губах острыми иголками. Хотела посмотреть на него, но так и не решилась взглянуть. Сжала меню заледеневшими пальцами, начиная дрожать.

— Почему же «звали»? — слегка нахмурившись, проговорил Андрей вдруг. — Ее и сейчас так зовут.

Лена рискнула поднять на него глаза, почувствовав себя не в своей тарелке. А потом тут же опустила взгляд.

— Да, конечно, — выдавила она из себя. — Вы же развелись...

Быстрый взгляд зеленых глаз в ее сторону. Такой внимательный, такой изучающий, такой откровенно глубокий, такой... проникающий. В самую суть, в самую глубину, доходящий и доводящий до грани.

Приподняв глаза от плясавших перед глазами букв, Лена заворуженно смотрела на Андрея, не в силах даже вздрогнуть, хотя мягкая, нежная дрожь уже накатывала на нее волной, пытаясь поглотить ее своим холодом или огнем.

Время словно бы замерло, готовое растворить в своей пучине и ее тоже.

— Ты помнишь? — тихо проговорил Андрей, словно боясь спугнуть девушку, сидящую напротив. — О том, что я развелся? Помнишь?

Лена приоткрыла рот, собираясь ответить, а потом, почувствовав горький острый ком, врезавшийся в горло, закрыла его, плотно сжимая губы. Опустила глаза вниз, покачав головой.

— Конечно, я помню, — проговорила она медленно, с расстановкой. — Не так много

времени прошло с того дня, когда ты сказал мне об этом.

Андрей как-то грустно улыбнулся и кивнул.

— Да, не так много времени прошло, — задумчиво проговорил он и тихо добавил, не глядя на нее: — А я помню, что тебе повезло гораздо больше. Десять лет, кажется?..

— Девять, — быстро поправила Лена и, ужаснувшись, вскинула на Андрея испуганные глаза. — Девять лет, — повторила она, сглотнув и ощущая, что пальцы задрожали Андрей сжал меня обеими руками и, сводя брови к переносице, выдавил:

— Ну, да, девять лет, — пауза, в течение которой сердце Лены едва не вырвалось изнутри. — Ведь десять лет назад... я уехал из города.

Лена вздрогнула и подняла на него глаза. Встретила его внимательный прямой взгляд и почувствовала, что сердце останавливается, а пульс бьется в кровь туго и тяжело.

Она знала, что этот факт не пройдет мимо него незамеченным. Разве Андрей был похож на глупца, неспособного сложить два и два?! Никогда. Никогда он не был глупым.

Девять лет назад она вышла замуж, десять лет назад он уехал в Новосибирск...

Всего год разделял эти события друг от друга... Всего год.

И сейчас Лене казалось, что она предала. Не Максима, обманув его и придя на свидание к другу детства... Предала Андрея. Предала тогда, десять лет назад.

Когда отказала ему в любви, когда по ее вине (и она всегда чувствовала это) ему пришлось уехать в Новосибирск, когда всего по прошествии года с момента его отъезда, она вышла замуж. Когда обманула его ожидания и предала его любовь к ней.

Любовь, очевидно, так и не прошедшую с течением времени.

Не поэтому ли он так смотрит на нее?.. Слишком много нежности, восхищения, ласки и любви в его взгляде. Неправильно все это, неправильно. История десятилетней давности готова вот-вот повториться.

Лена прикрыла глаза, взмахнув ресницами, устремила взгляд на мужчину. Андрей смотрел на нее.

— Как так получилось, Лена? — спросил он тихо, мягко, не обвиняя, не угнетая, просто пытаясь понять и дойти до сути.

— Что?.. — онемевшими губами спросила она, прекрасно зная, о чем он говорит.

— Как так получилось, что я уехал. Что ты вышла замуж за другого, — проговорил он медленно, негромко, словно надавливая словами на кончики нервных окончаний, острыми иголочками касаясь рецепторов и воскрешая в памяти событий тех дней, которые вспоминать не нужно было

Как же больно... Вновь, снова... Туда возвращаться... Вспоминать...

— Андрей... — выдавила из себя девушка, дрожащими руками стискивая папку с меню. — Не нужно...

Он, словно зачарованный, смотрел на нее, не отрываясь.

— Ведь мы могли быть вместе, — проговорил мужчина, нежным касанием дотрагиваясь до ее холодной руки, с силой стискивающей папку с меню, и сжимая ее в своей горячей ладони.

Лена хотела вырвать руку, отпрянуть, отойти, ведь это неправильно. То, что он делает — неправильно!

Она не сможет дать ему то, что он хочет.

Ведь он, как и десять лет назад, хочет того же, в чем ему было отказано.

Но сейчас их разделяет пропасть еще более глубокая, чем прежде...

Между ними стена, между ними бездна. Между ними Максим и ее безудержная любовь к нему...

Ей бы убежать, воспротивиться, объяснить все... Он должен понять. Она не сможет стать той, кого он хочет видеть рядом с собой...

Но она зачарованно смотрит на его ладонь, сжимавшую ее руку, смотрит на него... и молчит.

— Все могло бы получиться, да? — тихо проговорил Андрей, поглаживая ее руку кончиком большого пальца. — Тогда, десять лет назад. Когда я еще не уехал, и ты не встретила со своим мужем, — какая-то скрытая боль звучала в его словах. Боль от потери, от неизбежности, от безысходности и обиды и сожаления. Боль, которую и Лена ощущала кожей. — Ведь все могло бы получиться, Лена, разве не так?

Что он хотел услышать от нее?! Что она могла ему сказать?!

Уже ничего не может получиться. Ни тогда, ни сейчас... Никогда.

Лена стиснула зубы, сдерживая рвущиеся из глаз слезы. Больно. Черт возьми, ей опять больно?!

Неужели она настолько глупая, настолько наивная, что могла предположить, что ей станет легче?!

Зачем он говорит все это? Разве нужно это сейчас?! Разве стоит вспоминать прошлое?! Будоражить его, колыхать, воскрешать те воспоминания, которые нужно забыть, потому что ничего, кроме боли и отчаяния, они принести не смогут?! Зачем слова?! Зачем боль?! Зачем этот яд, эти кинжалы в сердце?!

Лена прикрыла глаза на мгновение и, стараясь, чтобы голос звучал ровно и твердо, проговорила:

— Того, что было, мы уже не вернем. Нужно жить настоящим.

Андрей горько усмехнулся, его ладонь похолодела.

— А меня не устраивает мое настоящее, — сказал он жестко, но решительно. — Что же мне делать тогда?!

Лена промолчал, отвела глаза, не в сила смотреть на него.

А острый взгляд зеленых глаз пронзил ее стрелой, вынуждая чувствовать его сердцевиной своей плоти.

Зачем это самобичевание?! Чего он хочет добиться?! Больше будет и ему, и ей...

— А тебя устраивает? — неожиданно громко прозвучал для нее его голос.

Лена вздрогнула. Сердце забило сильнее и яростнее, отдаваясь в ушах гулким эхом.

Она посмотрела на него удивленным, подавленным взглядом.

— Тебя устраивает твое настоящее? — повторил Андрей, пристально глядя на нее.

Он уже знал ответ на свой вопрос, в общем-то, вопрос риторический.

И Лена прекрасно осознавала это.

— Это важно? — через силу проговорила она, едва шевеля губами. — Для тебя это разве важно?

Его губы плотно сжались, глаза вспыхнули.

— Для меня это важно, — решительно проговорил Андрей.

— Почему? — дрожащим голосом спросила Лена, чувствуя, что в уголках глаз блестят слезы.

Мужчина наклоняется вперед, сокращая расстояние между ними. Пальцами другой руки нежно касается ее щеки, проводит ими по шелковистой коже, вызывая в ее теле дрожь и

холодок вдоль позвоночника.

Ей бы отпрянуть, убежать, возмутиться, возразить...

Но она молчит, глядя в его умоляющие глаза. А он шепчет, едва разлепляя губы:

— Потому что ты уже не та девочка, которую я оставлял, уезжая в Новосибирск.

Она понимает, что он прав, но согласиться с ним не может.

Болью в сердце оседают его слова, такие пронзительные, такие глубокие, такие откровенные, такие точные слова, попавшие в цель, заглянувшие, казалось, в ее душу и сжегшие все попытки возразить.

Лена может только прошептать, стараясь, чтобы голос звучал твердо:

— Конечно, не та, прошло столько лет...

— Не в этом дело, — перебил мужчина резко, убирая руку с ее щеки, — и ты это понимаешь.

Девушка, набравшись сил, решительно заглянула ему в глаза.

— Нет, не понимаю.

Встретив ее взгляд, Андрей болезненно поджал губы и недовольно сощурился.

В зеленых глазах мелькнул огонек.

— Дело в тебе, — выдавил он почти против воли.

— А что со мной не так? — с горечью проговорила девушка.

Отвернувшись на мгновение и не глядя на нее, Андрей тяжело выдохнул, словно сдерживая поток ругательств, чертыхнулся очень тихо, мотнул головой, сильнее стиснул ее ладонь, а потом вновь устремил взгляд на Лену.

Боже, он не хотел этого говорить. Не хотел, не желал, меньше всего он хотел причинить ей боль...

Но она не оставляет ему выбора. Опять, как и десять лет назад, она не оставляет ему выбора.

— Я, конечно, могу ошибаться, но... — прямой взгляд на нее, взгляд, от которого не скрыться, который приковывает на месте. — Мне кажется, что ты несчастлива в браке.

Как тонко, как четко, как верно.

Слишком пронзительно, как психолог, как так же глубоко страдающий человек, как и она...

Откровенно, безапелляционно, пронизывающе, с болью в голосе, с горечью в глазах...

Он всегда слишком хорошо ее знал, чтобы сейчас ошибиться.

— Ты... ошибаешься, — выдавила Лена из себя, откровенно выдавая ложь. — У меня все... хорошо.

— Кого ты пытаешься обмануть? — громче, чем прежде, как-то вызывающе спросил мужчина. — Меня? Но я слишком хорошо тебя знаю. Себя? А смысл? Ты не сможешь лгать себе всю жизнь!

— Я не лгу... — тихо, уже не пытаюсь оправдаться, уже устав бороться.

— Девять лет, Лена! — воскликнул Андрей. — Девять лет! Ты только представь, как это много!

— Я знаю, сколько это, — отрезала девушка жестко, даже от самой себя такой жесткости и резкости не ожидая, и подняла на него твердый взгляд. — Я знаю, Андрей. Я все знаю!

Казалось, молчание, возникшее между ними, можно поджечь, таким наэлектризованным стал воздух.

— Он... твой первый муж? — выдавил мужчина через силу.

— Что?! Конечно, первый, как ты можешь спрашивать?! — воскликнула Лена ошарашенно.

— Прости, прости! — тут же вскричал Андрей и, пытаясь загладить свою вину, сжал ее дрожащую руку своей рукой еще сильнее. — Но девять лет... — мотнул головой из стороны в сторону, словно отказываясь признавать очевидное, — Черт! Лена, девять лет... — с отчаянием взглянул на нее.

— Я счастлива в браке, — медленно, с расстановкой проговорила она, заглядывая ему в глаза.

Андрей вновь чертыхнулся, уже громче, уже яростнее, намного жестче. Но произнес нежно, тихо:

— Я не хочу, чтобы ты страдала... А ты страдаешь.

— Кто тебе сказал такую глупость?! — возмутилась девушка, недоумевающая.

Кого она пыталась обмануть?!

— Никто не говорил, — тихо сказал мужчина. — Я это вижу. И на приеме, когда ты хотела сбежать, и в парке, когда ты выглядела такой одинокой... И даже вчера, когда ты мне позвонила и назначила встречу! — Андрей, не сдержавшись, несильно ударил кулаком по столу. — Черт возьми, я люблю тебя, Лена! — устремил взгляд на нее, тяжело дыша. — До сих пор люблю. И я вижу все, что творится с тобой! — Лена вздрогнула, ощущая, как стремительно дрожь прокрадывается по телу, проникая в каждую клеточку, в кровь. — Я прочитал на твоём лице, услышал в твоём голосе такую гамму эмоций, что не передать словами! — проговорил он. — Отчаяние, боль, сожаление, обида... страдание. Я не могу смотреть на это...

Лене хотелось умереть. Он все-таки это сказал.

Он не открыл ей глаза, она знала, что он испытывает к ней.

Безумием теперь казалась встреча, которая обязана была спасти ее. Безумием и ошибкой...

— Мне казалось, мы сможем поговорить, Андрей, — тихо выдавила из себя Лена, стараясь вырвать свою руку из захвата его ладони. — Но, наверное, я рассчитывала на нечто большее, чем ты готов был мне предложить, — она опустила взгляд, затем резко подняла его.

— Лена...

— Моя жизнь, — перебила Лена, — равно как и мой брак, тебя не касаются, ты уж прости. А то, что могло быть между нами, или не могло... Это все в прошлом. И этому уже никогда не бывать, — твердый взгляд ему в глаза. — Я замужем, и я люблю своего мужа, очень сильно люблю, что бы ты не говорил по этому поводу. А ты... — она внезапно запнулась, слова замерли, она не решаясь сказать их вслух.

— А я всего лишь друг, — горько добавил Андрей за нее. — Так?..

Он, как и всегда, все понял правильно. Только от этого не было легче ни ему, ни ей...

— Прости, — вымученно проговорила она, заглядывая в его глаза. — Я не хотела, чтобы так получилось. И тогда, десять лет назад... И сейчас... — Лена запнулась вновь, сдерживая слезы.

Она говорила искренне, откровенно, словно обнажая перед ним душу, а ему не нужны были слова, он и так все понимал. Он знал ее всю, сейчас, как и десять лет назад, ничего не изменилось. Он жил ею, он дышал ею... Вот только ее любовь была ей не нужна... Сейчас

так же, как и тогда...

— Наверное, нам не стоило встречаться, — проговорила Лена вымученно. — Нужно было оставить все, как есть, и не ворошить прошлое, — она опустила взгляд, не в силах смотреть на гаснувшие искорки в глубине его зеленых глаз. — Мне жаль, Андрей, — выдавила она. — Мне так жаль, что... что...

— ... что я для тебя всего лишь друг?.. — горько добавил Андрей, сжимая ее холодную руку и не смея ее отпустить из своего захвата, — а он — твой муж.

Лена почувствовала, как по щеке скользнула соленая слезинка и скатилась в уголок губ.

— Прости, но я никогда... никогда...

— Я знаю.

— И десять лет назад я... тогда я...

— Я помню...

Лена сглотнула и, сдерживая рвущийся наружу крик, прохрипела:

— Я не смогу ответить тебе теми чувствами, которые у тебя ко мне остались. Не могу...

На его лице появилось мученическое выражение, губы плотно сжались, напряглись, а глаза потускнели.

— Я знаю, — поглаживая ее руку, прошептал Андрей. — Я все знаю, моя дорогая.

— И тогда не могла, хотя и желала этого... — прошептала она зачарованно. — Не могла...

— Я все понимаю, — тихо ободрил он ее, хотя сердце его готово было разорваться на части.

— Я люблю своего мужа, — проговорила она, — и... ты... ты...

Андрей вздохнул, тяжело вдыхая воздух. Боль пронзила насквозь, остро, но ожидаемо.

На что он мог рассчитывать?.. Заставить любить — это разве возможно?!

— Я смогу быть для тебя только другом? — произнес он тихо и как-то обреченно

Лена кивнула, не поднимая на него глаз.

Он знал, что рассчитывать на что-то большее не стоило и пытаться. Но он и не пытался. Только бы быть рядом с ней и знать, что она счастлива. Но она... она... Она лжет, глядя ему в глаза. Лжет о том, что счастлива. Но он-то видит правду! Ей бы никогда не удалось его обмануть.

И он будет рядом с ней. Другом, спасением, лучиком света. Тем, кем она пожелает, чтобы он для нее был. До тех пор, пока она не скажет ему уйти, или до того момента, когда он сам не поймет, что является лишним в ее жизни.

Андрей нежно провел большим пальцем по ее руке, поглаживая, успокаивая.

— Если я не могу рассчитывать на что-то еще, — проговорил он тихо, — то для того, чтобы просто быть с тобой, я готов стать для тебя только другом.

Полный боли, отчаяния, раскаяния, безнадежности и слепой благодарности взгляд пронзил его, словно стрелой. Он почти задохнулся от тех чувств, которые прочел в этих удивительных шоколадно-карих глазах.

— Спасибо, — прошептала девушка одними губами, и по его телу прошла дрожь. — Спасибо.

Андрей ободряюще улыбнулся ей, сдерживая крик рыдающей и страдающей души.

— Ты можешь рассчитывать на меня, — сказал он ей, вместо того, чтобы сжать в объятьях и со всей нежностью и страстью прошептать «Я люблю тебя!!» — Всегда, — добавил он тише и опустил глаза на ее ладонь, чтобы не видеть ее слез, чтобы не выдать

своих чувств, чтобы не умолять о любви, которую не получит в дар, как получил тот, другой... ее муж...

Лена хотела бы что-то сказать, но слова не шли с языка, а сердце дрожало в груди, настойчиво и мучительно быстро. Она сжала его руку, теперь своими горячими пальцами согревая его холодные пальцы.

Как горько и как больно осознавать всю правду жизни...

Максим. Жесткий, властный, беспринципный, собственник, лидер и поработитель.

Но именно его она любит, отчаянно, безумно, безудержно.

Андрей. Стойкий, отчаянный, верный, защитник, помощник и друг.

И его она не сможет полюбить никогда.

Какая ирония судьбы...

Мы любим тех, кто нас не любит, и губим тех, кто в нас влюблен...

Часы в его кабинете монотонно, тягуче и вязко отсчитывали минуты, медленно ползла по циферблату секундная стрелка, словно специально замедляя свой бег, а Максим едва сдерживал себя оттого, чтобы не позвонить жене. В который раз доказывая себе, какой же он все-таки идиот.

Но руки сами тянулись к телефону, пришлось сжимать их в кулаки, чтобы не сорваться.

Он ходил вокруг стола, нарезая круги один за другим, обходил стул по несколько раз, пытаясь оторвать взгляд от телефона, закрывал глаза.

Иногда получалось, иногда нет...

Злился, конечно же... Заламывал руки, чертыхался в голос, отворачивался к окну, запуская дрожащие от нетерпения пальцы в темные волосы.

Не помогало... Ничего не помогало.

Хотелось подскочить к столу, отбросить к черту все обещания и уверения в том, что так будет лучше, и позвонить Лене. И катись все в тартарары, лишь бы только услышать ее голос, родной и дорогой сердцу.

Черт, как же это, оказывается, сложно?! Пообещав себе не контролировать ее, держать свое слово!!

В сотый раз чертыхнувшись себе под нос, Максим нагнулся над столом, закрывая глаза и тяжело дыша.

А ведь он и не догадывался, насколько сильно и крепко связали его узлом эти постоянные звонки.

Как крепко связала его, привязала к себе Лена...

Разве такое... возможно?!

Тяжелый выдох сквозь плотно сжатые губы, резкий удар кулаком по столу...

Неистовствовал. Безумствовал. Злился... Не на нее. На себя.

Как избавиться от навязчивых мыслей, что возникали в сознании каждый раз, когда он, случайно ли пробежав взглядом, или же пристально смотрел на фотографию в рамке, стоящую на рабочем столе?!

Лена, его дорогая, родная, такая... любимая. Улыбается. Как тогда, девять лет назад...

С кем она сейчас? Что делает? Какое у нее настроение?

Почему она не звонит ему?..

Снова чертыхнулся и, раздраженно взмахнув руками, сел в кресло, развернувшись к окну.

Черт, как же велика сила привычки! Кто бы мог подумать!

Или это не привычка вовсе?..

Максим откинулся на спинку кресла, подложив руки за голову и закрыв глаза.

А если не привычка, то что?..

Ведь слепое и бесконтрольное желание просто знать, что с ней, как она себя чувствует, что делает, это не просто привычный ритуал, который он выполнял каждый день в последние годы. Для него стало важным просто услышать ее голос, ласковый и нежный, такой родной и дорогой сердцу, почувствовать сквозь расстояние ее прикосновение, касание ее губ к его щеке, просто представить, просто вспомнить... Перестать себя накручивать, успокоиться и начать спокойно работать.

Он привык... Привык звонить ей и спрашивать о том, как у нее дела, уточнять, где она находится, следить за ней, даже находясь на другом конце города, и контролировать ее...

Зачем?! Почему?! Лена — не маленький ребенок, ей не нужен его тотальный контроль.

Но сердце отчаянно надрывалось, кричало, вопило, умоляло или даже приказывало.

Позвонить, узнать, услышать, почувствовать... Лена. Здесь, рядом с ним. Все еще — его...

Почему?.. Потому что боялся повторения того, что было девять лет назад?! Но, черт возьми, прошло столько лет! Неужели он мог себя так обманывать, уверяя в том, что звонит ей лишь для того, чтобы проверить, что она не натворила глупостей?! Неужели он мог быть настолько глупым и слепым, уверяя себя в том, что все дело лишь в этом?! Кого он уверял и в чем?! Себя, ее?..

Тогда, девять лет назад, она заставила его поволноваться за себя. Не специально, конечно, он сам себя накручивал и постоянно волновался о том, где она и что делает, выясняя все до последней детали, потому и названивал жене чуть ли не каждые пять минут. Проверял.

Но тогда, девять лет назад, это было необходимо, это было продиктовано обстоятельствами.

И он старался ее поддерживать. Да, вот таким странным способом. Но ведь у него получалось!

Лена успокоилась. Не сразу, конечно, но успокоилась. И глупостей больше делать не будет.

А он... Он сходил с ума и по сей день.

Как быстро его волнение за нее переросло в привычку?! И когда привычка переросла в нечто большее, чем просто глупая и бессмысленная попытка узнать, все ли с Леной в порядке?!

Почему ему было уже не просто нужно, ему было до боли в груди необходимо позвонить ей?!

Максим стиснул зубы и зажмурился сильнее, нахмутив брови.

Это была уже не привычка...

Девять лет слишком большой срок для того, что обычная привычка следовать правилам переросла в закономерность. Или оправдание — самому себе.

Или... нечто большее, чем просто оправдание.

Нечто такое, что не поддавалось разуму, что невозможно было объяснить или осознать.

Это можно было прочувствовать, пропустить через себя зарядом электрического тока, до дрожи в теле, до боли в кончиках пальцев, до частого биения сердца, до онемевших

рецепторов, до жара в ладонях.

Чувство, которое не поддавалось логике, которому были подвластны только ощущения.

Нервозность, апатия, злость... Задыхался, сдерживался, сходил с ума...

Все собственнические крючочки его натуры надоедливо и упрямо дергали за веревочки его ревности...

Где она, с кем, чем занимается?..

А телефон своим глухим молчанием давил на ушные перепонки и сводил с ума этой звонкой тишиной.

Максим снова зло чертыхнулся, обматерил себя с ног до головы, приказал взять себя в руки.

Скоро совещание, а он растекся по кабинету лужицей и пускает слюни по телефону! Черт побери!

Максим одним резким движением вскочил с кресла и бросил ненавидящий взгляд на стол.

Но почему же этот чертов телефон молчит?! Издал бы хоть какой-нибудь звук!

Но из динамиков слышится лишь гробовое молчание.

Мужчина тяжело вздохнул, потом резко выдохнул сквозь плотно стиснутые зубы, сжал руки в кулаки.

Как долго он уже не выходил на связь с женой?.. Как долго она сама не звонила ему?..

Обозвав себя безумцем, которого пора отправлять в дурдом, Максим стремительно подошел к окну.

Нет, он не сумасшедший. Не сумасшедший...

Снова тяжело вздохнул, уткнувшись невидящим взглядом в пол, и опираясь руками на стекло.

Нет, он не сумасшедший. Он просто наркоман, помешанный на жене, как кто-то на героине. Вот и все.

Частое сердцебиение почти оглушает, дыхание вырывается из груди тугими толчками, словно разрывая грудь, а надоедливые мысли терзают мозг своей гадкой навязчивостью.

Просто Лена могла бы позвонить ему, сообщить, чем занимается, рассказать что-нибудь, черт, да просто сказать, как прошел ее день! Ведь это нетрудно... Просто набрать его номер.

Но она молчала.

А он обещал себе, что не станет ограничивать ее свободу больше. Не имеет права. Никогда не имел.

Это ограничение давило на нее.

Не поэтому ли она вчера отправилась к его родителям, ничего ему не сказав? Боялась, что он запретит? А он бы точно запретил! Без него — да где это видано! Он бы придумал кучу разных причин, привел кучу доводов, чтобы не отпускать ее одну. Сорвался бы с работы и помчался к ней, на другой конец города...

Да, казался бы себе еще большим психом, чем он уже казался, но его бы это мало волновало.

Он бы приехал, забрал ее, и они поехали бы к Колесниковым-старшим. Вместе.

Он ограничивал ее свободу. Все эти годы ограничивал... Контролировал, угнетал своим вниманием, четким тоталитаризмом и консерватором. Казался излишне деспотичным, и именно по этой причине, его не любила Аня, лучшая Ленина подруга. Считала его деспотом

и тираном. А он всего лишь... волновался!

Черт побери, ведь изначально, у его контроля были причины! Разве не так?!

Тогда, девять лет назад... Да он чуть с ума не сошел! От страха. За нее.

Поневоле станешь контролировать каждый ее шаг. Чтобы не испытывать страх.

А последующие девять лет сделали свое дело безукоризненно. Не было и дня, чтобы он ни позвонил, чтобы ни написал, чтобы ни спросил о том, как прошел ее день, вскользь, коротко, может быть, грубо... Но он переживал и волновался. А эти звонки — сначала формальность, необходимость, из страха, от волнения, а потом по привычке, как по кругу, потому что уже не мог иначе. А еще позднее по причинам неизвестным и ему самому — потому что это было необходимо ему самому.

Все девять лет, по привычке, как по накатанной колее, вновь и вновь по замкнутому кругу...

А сейчас... вчера... вдруг понял, четко осознал, что больше не может ее контролировать. Ей уже не девятнадцать лет. Она уже не та маленькая девочка, какой была. Она уже не нуждается в его контроле.

Но как же сложно избавиться от привычки?! Как — если ОНА стала ему настолько нужной?!

Не потому ли он сейчас пытается справиться с диким желанием не схватиться за телефон и не набрать наизусть заученные цифры ее номера?! Услышать голос и разорвать от счастья этих звуков весь мир?!

Максим чертыхается в голос, готовый послать все к дьяволу и набрать ее номер, а телефон оглушительно начинает трезвонить.

Максим резко оборачивается. Сердце колотится в груди, как сумасшедшее.

Это не Лена. И Максим, сдерживая ярость, скрипя зубами, медленно двигается по направлению к столу.

Звонит секретарша, и Максим включает громкоговоритель.

— Да? — грубо, наверное, но не этого звонка он ждал, не на него надеялся!

— Максим Александрович, — проговорила Марина осторожно, — вам звонит Лика Нуварова.

— Черт, — сквозь стиснутые зубы выдавил он. Только ее-то ему и хватало!

— Соединять? — медленно, с опаской спрашивает Марина, боясь реакции начальника.

— Соединяй, — коротко бросил Максим, тяжело вздохнув, и, садясь в кресло, поднес трубку к уху

Через минуту на том конце провода послышался звонкий женский голос.

— Алло, Максим?

Мужчина стиснул зубы. Не Ленин голос. Не она...

— Да. Ты хотела о чем-то поговорить? — жестко и равнодушно спросил он.

Лика, очевидно, опешив, некоторое время молчала.

— Эээ... я вообще-то ожидала иной реакции на свой звонок, — проговорила она тихо.

— Да? — Максим нахмурился. — А какой же реакции ты ожидала? Заверений в любви и верности?

И вновь молчание. Глубокое и равнодушное молчание.

Максиму отчаянно захотелось швырнуть трубку на рычаг, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор. Какого черта Нуварова вообще позвонила?!

— Н-нет... — запинаясь, выдавила девушка. — Конечно же, нет. Просто я думала, что

после того, что было...

— Я женат, Лика, — жестко перебил ее Максим. — Если ты забыла.

— Я не забыла, — мгновенно похолодевшим голосом выдала девушка. — Это ты, наверное, забыл об этом, когда приезжал ко мне, чтобы заняться сексом! Твоя жена знала о том, где ты?! Ты ей рассказал?!

Синие глаза мгновенно потемнели и сузились от ярости и злости. Максим наклонился над столом.

— Тебя это не касается, — выделяя каждое слово, выговорил он сквозь зубы. — Ясно?

— Ясно, — коротко бросила девушка. — Сейчас, конечно, не касается, но зато касалось тогда, когда ты...

— Замолчи.

— Думаешь, твоя жена не догадывается ни о чем?! — продолжила девушка настойчиво. — Она вовсе не идиотка, Максим! Сложила два и два, получила четыре, ничего сложного тут нет.

— Замолчи, Лика, — твердо, с яростью выговорил Максим. — И перестань упоминать мою жену.

— Лучше бы ты так заботился о ней, когда приезжал тр***ть меня, дорогой! — грубо выплюнула Лика.

— Заткнись сейчас же, я сказал! — ядовито выкрикнул Максим, едва сдерживаясь, чтобы не заорать, и вскакивая с кресла. — Еще одно слово о Лене, и я не отвечаю за последствия!

Ярость и гнев клокотали в груди, бешеным разъедающим пламенем пробираясь по клеточкам к сердцу.

Как она... эта... смогла, посмела... о Лене?!

Налившиеся кровью глаза сузились, а губы плотно сжались.

— Слушай меня внимательно, Лика, — с угрозой прошипел Максим, выделяя слова. — Я женат уже девять лет. И лучше тебе не вмешиваться в мои отношения с женой, спокойнее спать будешь, — его голос сошел до леденящего душу жесткого шепота. — Да, у нас был секс, одноразовый, не более того. И на повторение тебе лучше не рассчитывать, этого не будет. Посмеешь еще раз позвонить мне или, что важнее, Лене, чтобы «уведомить» в том, чем занимается ее супруг, я об этом узнаю, Лика. И когда я узнаю... — молчание, грубое и тяжелое дыхание. — Лучше тебе не стоять на пути. Я могу сделать так, чтобы твоя жизнь превратилась в ад. Мне это ничего не стоит. Поэтому запоминай: между нами ничего не было. И никогда ничего не будет.

Максим тяжело выдохнул и, схватившись за угол стола, ощущал режущую боль в ладонях.

А сердце грохотало в груди, надрывно и отчаянно, словно пытаюсь вырваться наружу.

— Как же мне жаль твою жену! — воскликнула вдруг Лика после минутного молчания. — Неужели она...

— Разговор окончен! — выплюнул Максим и отшвырнул от себя трубку.

Ярость, злость, ненависть, жгучая и неукротимая. Глаза пылают ярким фиолетовым пламенем.

Как она только посмела, как решилась?!

Да кто она вообще такая, чтобы ему... угрожать?! Да это и звучит смешно.

Максим вскочил с кресла и прошелся по кабинету, меряя его шагами, из угла в угол.

Раскаленная сталь пробежала по венам, жарким пламенем обжигая кровь. Сердце колотилось где-то в висках бешено и гулко. Грудь сдавило ядовитыми путами.

Он почти задыхался, жадно лова ртом воздух, и не мог вдохнуть достаточно кислорода.

Максим резко остановился, сузил глаза, разжал вспотевшие ладони.

Орлиный взгляд устремился на фотографию жены, стоящую на столе.

Никто и никогда не посмеет отнять у него Лену. Никто и никогда.

10 глава

«Только будь, пожалуйста, сильнее всех обид,

И будь крепче всех на свете обещаний,

Научись прощать, когда болит,

Свято верить научись через отчаяние»

Владимир Шляпошников

По дороге домой его застал проливной дождь. Начался он с мелкого, противно морозящего дождичка, но постепенно перешел в настоящий ливень, отчаянно и нетерпеливо барабанивший сейчас по стеклам, в безуспешной попытке проникнуть в уютный и теплый салон автомобиля.

Включив дворники и глядя на дорогу сквозь нависшие белесой пеленой, дождевые капли, стекающие по стеклу, Максим сжимал руль с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

Мужчина нервно выругался. Чертова осень!

Поджал губы и перестроился в третий ряд, где движение, казалось, шло активнее.

Откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза, стараясь успокоиться.

А дождевые капли сводили с ума своим монотонным размеренным отстукиванием по стеклам и крыше автомобиля, отдаваясь гадкой саднящей болью в области висков.

Максим стиснул зубы и тяжело вздохнул.

Как только Лена может любить это время года?! Сплошные дожди, туманы, слякоть и грязь.

Приказав себе успокоиться, мужчина схватился за руль обеими руками, и двинулся вперед.

Интересно, чем сейчас занимается Лена?.. Готовит ужин? Смотрит телевизор? Читает книгу?

Может быть, ждет его?..

Максим чертыхнулся сквозь плотно сжатые губы.

Черт, они и созвонились-то только тогда, когда он выскакивал из офиса, на ходу застегивая пиджак...

Мужчина резко свернул на повороте, обгоняя идущую впереди «восьмерку», послал водителю машины недружелюбный жест, неличеприятно высказался по поводу того, что тот слишком медленно едет, и вновь перевел взгляд на дорогу. Пару раз обернулся назад, негодуя и все еще ругаясь, а потом...

Одного взгляда, вскользь, второпях, быстрого мимолетного взгляда, хватило, чтобы он застыл на дороге, широко раскрыв глаза и приоткрыв рот от удивления.

Перед глазами, как на киноплёнке, так и встала, загораясь яркими красками,

высветилась неоновыми огнями в темноте огромная вывеска на магазине с одним-единственным словом «Цветы».

Сердце гулко забилося в груди, так сильно оно не билось никогда, остро, часто, болезненно.

Вмиг задрожавшими руками Максим схватился за руль и нажал на тормоз.

Резко остановился, свернув к обочине, и выглянул в окно.

Губы медленно расплылись в улыбке, глаза засветились.

Стремительно выскочил из машины под проливной дождь, почти не обращая внимания на то, что капли острыми иголочками мгновенно вонзились в плоть, атаковали, захватили в плен, облепили его, растворяя в ледяном водопаде. Помчался к входной двери и ворвался внутрь с потоком свежего осеннего воздуха и стекающих с одежды дождевых струй. Озираясь по сторонам, пытался высмотреть продавца, а когда обнаружил ее, подскочил к ней с обезумевшими глазами и улыбкой счастливого идиота и выпалил:

— Самый красивый букет. Мне. Сейчас, — а потом, запинаясь, добавил: — Розы есть?

Высокая женщина лет сорока на вид окинула его быстрым оценивающим взглядом и, поправив очки, проговорила:

— Розы? Есть. Какие вам угодно? — еще один быстрый взгляд на посетителя, приподнятые вверх брови.

А Максим смотрит на нее широко раскрытыми глазами и часто моргает, ничего не понимая.

Сердце стучит в груди так сильно, что заглушает посторонние звуки, превратившиеся мгновенно в один большой гудок отправляющегося в путь поезда. Пульс мгновенно учащается, огнем проникая в кровь и покалывая иголочками запястья. В глазах темнота, а в груди дикое бесконтрольное желание. Купить цветы.

Максим вдруг отрывает зачарованный взгляд от продавщицы, в неуверенности и неловкости застывшей в шаге от него, и начинает озираясь по сторонам, как заклинание, бормоча себе под нос:

— Какие?.. Какие... Черт, а они что, разные бывают?.. — взгляд его натывается то на один букет, то на другой, один красивее другого, но пробегает мимо, не заостряя на них внимания. А Максим все смотрит, подходит ближе, чтобы рассмотреть лучше. — Какие, какие... — великолепие ярких красок окутывает его, словно вуалью, изобилие ароматов проникает в кровь, растворяясь в ней адреналином, а Максим все ходит по магазину, пробегая глазами по выставленным на продажу букетам.

— Может, вам помочь?.. — рискнула подать голос продавщица, но Максим, словно не услышав ее, вдруг останавливает замороженный взгляд на красных гладиолусах, строго и благородно выделяющихся из многообразия великолепных букетов.

Женщина подходит к нему и, проследив за его взглядом, говорит:

— Это гладиолусы. А розы... — она делает шаг в сторону, увлекая за собой и Максима. — У нас есть великолепный букет. Очевидно, именно то, что вам нужно. Пройдемте за мной.

Максим подчиняется и следует за ней, провожая глазами длинные стройные стебли.

А букет, предложенный продавщицей, оказывается и впрямь великолепным, даже шикарным.

Лене должен будет понравиться, проникает в сознание мимолетная мысль. А потом скользкая и вязкая...

Интересно, а какие цветы нравятся Лене?..

Максим хмурится и, дрожащими руками забирая букет из рук продавщицы, почти выбегает из магазина.

Странно, но раньше он об этом никогда не задумывался, а она никогда ему об этом и не говорила.

Черт возьми, он не знает о ней даже этой элементарной банальности! Что же он за муж такой?!

Широкими шагами, стремительно рассекая дождевые капли, хлеставшие по лицу, направился к машине. Забрался в салон, аккуратно положив букет на соседнее сиденье, чертыхнулся пару раз, вытирая лицо.

Он весь промок, пока пробежался от машины к магазину и обратно.

Чертова осень! Чертовы дожди!

Откинулся на спинку сиденья и бросил быстрый взгляд на шикарный букет, занявший место пассажира.

Мгновенно вспыхнувшее внутри чувство разочарования сдавило грудь тисками.

Максим отчего-то был не уверен в том, что Лене понравится этот презент.

Дорогой, красивый, роскошный букет. Откуда тогда это разъедающее чувство, что Лена обрадовалась бы обычным красными гладиолусам, которые привлекли его внимание, чем этому великолепию, которое едва помещается в руках?!

Обругав себя и приказав не думать об этом, Максим нажал на газ и помчался вперед.

Он знал, что Лена уже дома. Чувствовал это, ощущал каждой клеточкой встрепенувшегося вмиг тела и, выскакивая из автомобиля, едва сдерживался оттого, что не сорваться на бег.

И в результате не сдержался. Побежал, помчался, не дождавшись лифта, по ступенькам на девятый этаж.

Сердце бешено стучало внутри, словно готовое вот-вот вырваться из груди, в висках отчаянно и резко отстукивали ударные молоточки, тупой болью отдаваясь в затылке. Дыхание, такое частое и прерывистое, сейчас, когда он, дрожащими руками сжимая букет, остановился около двери в квартиру, вдруг замерло.

Что это?.. Страх?! Неуверенность?! Откуда вдруг?.. Почему?..

Сплотнув, сжав букет в трясущихся руках и глубоко вздохнув, открывает дверь и медленно, с опаской, словно что-то проверяя, проходит в прихожую.

Хлопнула дверь, щелкнул замок, а Максим застыл на месте, как вкопанный, будто не имея ни малейшей возможности пошевелиться.

А сумасшедшие удары сердца почти оглушают, в ушах нестерпимо гудит и шумит.

— Максим?

Это Лена. Тихо, нежно, ласково...

А Максим стоит не в силах пошевелиться и лишь смотрит в пространство, сжимая букет обеими руками.

Черт, как это вообще делается?! Как дарить цветы?! Может, стоит что-то сказать?.. Или не стоит?..

А Лена тем временем направляется к нему. Он чувствует это, он ощущает, он слышит...

— А я думала, ты приедешь раньше, — проговорила она, показываясь со стороны кухни. — Пробки на дороге из-за дождя, наверное? — спросила она, входя в прихожую.

А он застыл у двери, даже не снял пиджак, даже не пошевелился. Вздохнул и то с

трудом.

А сейчас стоял и зачарованно смотрел на то, как раскрываются от изумления ее глаза, приоткрываются от удивления губы, как подрагивает подбородок и дрожит верхняя губа.

И молчит. Не знает, что сказать.

Ком, вставший в горле, оказался таким острым и таким тугим, что не произнести ни слова.

Просто стоит и смотрит на нее. А она смотрит на него.

Кажется, что расстояние в пару шагов, что разделяли их сейчас, можно пройти лишь по тонкой ниточке, протянутой над пропастью.

— Что... это? — прошептала вдруг девушка, зачарованно глядя на букет.

Максим сглотнул, улыбнулся, но как-то грустно, тоскливо.

— Это тебе, — резко протянул ей букет, а потом неожиданно: — Тебе не нравится? Вроде бы красивый...

Лена приподняла уголки губ и взяла букет в руки, почти с головой скрывшись за алыми розами.

— Он огромный, — проговорила она изумленно, подняв на мужчину глаза. — А какой повод?

Максим нахмурился, сделал нетвердый шаг вперед.

— А что, обязательно должен быть повод? — спросил он раздраженно. — Неужели я не могу подарить букет жене... просто так?

— Наверное, можешь, — прошептала она и опустила глаза.

Максим обозвал себя ослом. Вот зачем сорвался?!

— Тебе не нравятся розы? — спросил он сдержанно. — В этом все дело?

Ведь знал же, чувствовал, что нужно что-то другое!! Те же гладиолусы, может...

Лена скривилась.

— Розы прекрасные, — прошептала она, вдыхая аромат цветов.

Максим нахмурился, ничего не понимая.

— Тогда в чем дело? — спросил он, сделав к Лене еще один шаг и заглянув ей в глаза.

Но девушка лишь приподняла на него нежный взгляд и проговорила, не отвечая на вопрос:

— Раздевайся, ты совсем промок. Я приготовлю чай с лимоном, — и отвернулась от него, поворачиваясь спиной, словно скрываясь за огромным букетом, который он ей подарил, словно защищаясь

Сердце Максима пропустило удар, затем еще один.

Он мог бы ее остановить, вынудить сказать, в чем дело. Но что-то дрогнуло внутри него, приказывая не делать этого. Не сейчас, не в эту минуту. Потом, потом он все узнает.

И Максим уступил.

— Я в душ, — проговорил он, направляясь в комнату и снимая по пути пиджак. — Ты со мной? — спросил он, обернувшись в дверях и посмотрев на Лену.

Девушка вздрогнула, напряглась. Прижала букет к себе, словно прячась за ним, покачала головой.

Максим нахмурился. А Лена так и не повернулась к нему лицом.

— Нет, пожалуй, нет, — пробормотала она. — Как-нибудь... потом.

И вновь он мог бы попросить ее прийти к нему. Она бы не отказала, он это знал. Но... но... но...

Поджав губы, он просто развернулся и молча скрылся за дверью.

Лена резко обернулась и посмотрела ему вслед.

Сердце разрывалось от желания помчаться за ним, обнять, поцеловать, провести теплыми ладонями по его холодным влажным щекам, ощутить кожей прохладу дождя.

Просто коснуться его или же прижаться к любимому, дорогому, близкому, самому важному человеку в ее жизни и замереть в его объятьях.

Но она, сдерживая слезы, застывшие в уголках глаз, прижала букет к себе еще сильнее и прислонилась к стене, почувствовав, что ноги стали ватными.

Не заплакать, главное, не заплакать...

Впервые в жизни Максим подарил ей цветы...

Впервые за эти девять лет. А она не смогла даже сказать ему «спасибо»...

А Максим, стоя под теплыми струями, почти задышался.

Жадно хватая ртом воздух, он все равно задышался.

Черт, как же раньше он не замечал этого?!

Почему раньше был так слеп и не замечал, что его Лена так сильно, кардинально изменилась?!

Вздрагивает, напрягается, говорит тихо, словно опасаясь, что скажет что-то не то, подстраивается по его настроению, почти не смотрит ему в глаза.

Мужчина чертыхнулся сквозь плотно стиснутые зубы и ударил кулаком по стенке душевой кабинки.

Не обрадовалась цветам. Молча приняла подарок...

Отвыкла от презентов, от подарков, от знаков внимания.

Отвыкла быть счастливой.

Максим опустил голову вниз, ловя ртом спасительный кислород, но так и не почувствовал насыщения.

В висках адской болью, разрывающей сердце на части, стучало, выбивая рубец — «виновен».

В глазах потемнело, и он ухватился за стенку кабинки, как за спасательный круг. Распахнул дверцу, впуская воздух и глотая его глубокими большими вдохами. Душно, тесно... задышался.

Все эти годы задышался. Все девять лет ада и безумия, захватившего в свой плен. Задышался. Без ее улыбки, без ее смеха, без звонкого голоска, нашептывающего ему на ухо ласковые слова.

Задышался без нее. Той, прежней... Улыбающейся, счастливой и любящей...

Задышался... и ее оставлял без кислорода.

Чертыхнулся, грубо и жестко. Наспех накинув на себя рубашку и, напялив джинсы, выскочил из ванной, на ходу вытирая волосы. Отбросил полотенце в сторону и направился на кухню.

Лена не слышала, как он подошел, она просто почувствовала, что он уже рядом, всего в нескольких шагах от нее. Сердце предательски дрогнуло, пальцы стали холодными.

Обернулась. Максим стоял в дверях кухни и пристально смотрел на нее.

Лена, смутившись, быстро отвернулась.

— Я приготовила чай, — проговорила девушка, поставив чашки на стол. — Или, может быть, ты будешь ужинать? Я приготовила...

— Как ты узнала, что я стою рядом? — перебив ее, спросил Максим.

Лена повернулась к нему, удивленно распахнула глаза, губы ее дрогнули, приоткрылись. — Я... просто почувствовала запах твоего мыла, — проговорила она, потупив взгляд.

Максим кивнул и прошел к столу. Не поверил. Была другая причина, о которой она не хотела говорить.

— Я буду только чай, спасибо, — сказал он, садясь за стол. — Посидишь со мной?

Девушка кивнула, так и не взглянув на него.

— Я приготовила кексы, будешь? — спросила она, и Максим согласно кивнул.

Что-то было не так, он это чувствовал. Что-то было не так, и он не мог уловить, что именно.

Он как-то обреченно вздохнул и поднес чашку с чаем к губам.

Лена села напротив него и, пряча глаза, тоже взяла чашку в руки, словно согревая холодные пальцы.

Боль в висках усиливалась, пульс грохотал в такт биению сердца, а перед глазами стояла темнота.

Максим сглотнул и стиснул чашку онемевшими вмиг пальцами.

— В пятницу у нас важный вечер, — проговорил он медленно.

Лена подняла на него удивленный взгляд.

— Что за вечер? Благотворительный?

— Нет, встреча с новыми партнерами.

Лена кивнула и вновь опустила глаза.

— Я тоже должна присутствовать?.. — спросила она тихо.

— По идее, да, — проговорил Максим как-то затравленно. — Как моя жена, ты должна присутствовать... — и, пересилив себя, добавил: — Но если ты не хочешь...

— Я пойду, — сказала Лена так же тихо, а потом более уверенно добавила: — Пойду, — бросила на него решительный взгляд. — Все хорошо. Для тебя же это важно.

Да, для него это было важно.

А ей нужно было пересилить себя, чтобы присутствовать там.

Он хотел сказать, что она может остаться дома, что он придумает какую-нибудь отговорку, но Лена устремила на него очень внимательный взгляд с застывшими внутри зрачков решительными искорками, и он так и не вымолвил ни слова.

— Я бы хотела поговорить с тобой, — проговорила она тихо.

— О чем? — выдавил он из себя. — Я весь внимание.

А Лена вдруг испугалась. Сжала чашку дрожащими пальцами, тяжело вздохнула, опустила глаза вниз, затем вновь подняла их на Максима. Своим взглядом, словно заглянула ему в самую душу.

— Я сегодня видела Аню, она была с Сашей... — произнесла она, и Максим поджал губы.

— Таак, — протянул он и поставил чашку на стол. — Почему мне кажется, что следующие слова мне не понравятся?

Лена пропустила его слова мимо ушей и продолжила:

— Я хочу... то есть, я хотела бы...

Максим почувствовал, как сердце забилось в груди часто и гулко. В висках только боль, острая, резкая.

— Что?.. — прошептал он осипшим вмиг голосом.

Лена заглянула ему в глаза. Как же много он прочитал в них! Страх, испуг, надежду,

веру, неверие...

Он бы выполнил любую ее просьбу за один этот взгляд, полный надежды!

Любую, кроме этой...

— Я хочу... ребенка, Максим, — прошептала она одними губами.

Дыхание замерло, даже сердце, казалось, перестало биться.

— Что?.. — на выдохе переспросил он.

— Я хочу, чтобы у нас был ребенок, — повторила Лена, глядя ему в глаза и не отводя взгляд.

Он почти чувствует, как боль разъедает его внутренности, и как сердце грохочет в каждой клеточке тела, миг ослабевшего.

И опять существующая реальность словно исчезает, растворяясь в секундах, минутах, тех мгновениях, которые разделяют ее просьбу от его ответа.

— Мы говорили об этом, — сдержанно выдавил из себя Максим, сжимая чашку в руках со всей силы

— Нет, — покачала Лена головой, — не говорили.

Максим взглянул на нее, остро и подавляюще.

Она могла просить его о чем угодно. О чем угодно, черт побери!

Но она просила именно о то, чего он не мог ей дать!

— Ты знаешь, что я думаю по этому поводу, Лена, — сказал он холодно. — И мы с тобой обсуждали это.

Кажется, Лена догадывалась, каким будет его ответ, поэтому подготовилась.

— Не только я хочу детей, — воскликнула она в запальчивости. — Твои родители...

— Мои родители уже смирились с тем, что в ближайшее время внуков им не видать! — перебил ее Максим, пронзив острым, как бритва взглядом.

— А я не смирилась! — твердо сказала Лена и заглянула Максиму в глаза, уверенно, непоколебимо, упрямо. — Я хочу детей, — выдавила она из себя. — Мне уже двадцать восемь, Максим...

— Женщины рожают и в тридцать пять, и в сорок!

— А я не хочу, чтобы на моего ребенка показывали пальцем и говорили, какая у него замечательная бабушка! — резко перебила она и тут же замолчала, осознав, что говорила слишком резко.

Максим испепелял ее взглядом, словно стараясь уверить в правильности своего отказа.

Стиснул зубы, поджал губы, тяжело дышал, с силой втягивая в себя воздух через нос.

Но Лена не отвела взгляда, смотрела на него твердо и прямо.

— Я против этого, — проговорил Максим, выделяя слова. — Точка!

— А когда ты будешь НЕ против?! — воскликнула она с чувством.

— Лена... — предупреждающе выговорил мужчина, глядя на нее.

— Я хочу детей, ты должен это понять, — вскричала она со слезами в голосе. — Я не могу сидеть дома просто так и сходить с ума...

— Ты сходишь с ума?

— Я хочу нянчить своего малыша, а не чужого! Хочу, чтобы мне говорили «мама», а не кому-то на улице!

Максим едва сдерживал себя. Она знала, на что идет, когда решала завести этот разговор... Она знала.

И он знал. Что никогда не согласится.

Как бы больно ей не было, как бы больно не было ему...

— Я сказал, Лена, — сдержанно выдавил Максим. — Значит, так и будет.

— Почему ты не можешь понять, как это важно для меня?! — вскричала Лена, не сдерживаясь, чувствуя, что слезы вот-вот вырвутся из глаз. — Почему отказываешь в этом?!

— У нас не будет детей, Лена, — вскочив из-за стола и нависнув над женой, выкрикнул он. — Это ясно?!

— Никогда?.. — сдерживая слезы, прошептала девушка.

Быстрый взгляд на ее дрожащие губы, слезы в глазах.

— Не сейчас... — пробормотал Максим, чувствуя себя последним ублюдком.

— Значит, никогда, — прошептала она и поджала губы.

Максим сжал руки в кулаки, сузил глаза, сведя брови к переносице.

— Ты действительно не понимаешь, или делаешь вид, что не понимаешь? — спросил он жестко.

— О чем ты? — удивилась Лена и сглотнула.

— О том, что было девять лет назад.

Лена сжалась в комочек, поджала губы и отвернулась.

Больно, опять так же больно, как и тогда... И ничем эту боль не заглушить, ничем не вылечить...

— Ты никогда не перестанешь напоминать мне об этом, да? — прошептала она.

— Я ни разу до этого момента не упоминал об этом, — жестко выговорил Максим, выделяя слова

— Но я знала, что ты об этом думаешь! — бросив на него быстрый взгляд, сказала она. — Намного проще, правда, не говорить, но делать все для того, чтобы я помнила?!

— О чем ты? — с подозрением спросил мужчина.

— Ты понимаешь меня, Максим, — четко выговорила девушка. — Ты понимаешь...

Ноги его внезапно стали ватными, и Максим схватился за край стола, чтобы не упасть.

Он понимал. Как никто другой, понимал... Даже лучше, чем она.

Эти девять лет они прожили вместе. В аду.

— То, что тогда было... оно всегда будет стоять между нами, да? — спросила девушка со слезами в голосе.

Максим сглотнул, тяжело выдохнул через сжатые губы, прикрыл глаза.

— Почему ты просто не хочешь понять меня? — с мольбой проговорила Лена, поднимая на него глаза.

— А ты — меня? — внезапно дрожащим голосом произнес Максим, глядя на нее.

Девушка поджала губы и, глотая слезы, выдавила из себя:

— Спасибо, что выслушал, — поднялась из-за стола, даже не взглянув на него. — Пойду отдохну, если ты не против, — двинулась вперед, почти не различая, куда идет.

А Максим, тяжело дыша и плотно сжимая губы, до боли, до крови, закрыл глаза, сдерживая себя, чтобы не закричать на всю вселенную о своей боли и потере.

О своем одиночестве, которое они с Леной делили на двоих. Уже девять лет подряд.

9 лет назад

Лене бы хотелось верить, что на то была воля кого-то свыше, или же просто судьба, которая уже не раз и не два пошутила над ней, но она знала, что всему виной была только ее

ложь. Гнусная и противная ложь.

Ошибка. Роковая ошибка, которую ни исправить, ни вычеркнуть из памяти, ни забыть, ни простить...

Максиму — не простить.

Как же часто мы можем отчаяться на какой-то поступок, считая его совершенно безобидным, совершить какое-то деяние, думая, что оно не будет иметь последствий, сделать нечто нехорошее, вынуждая себя оправдываться перед собственной совестью, которая настойчиво и призывно шепчет «Не нужно»...

Как часто мы можем пойти на то, в чем не видим ничего скверного и нехорошего, и лишь потом, спустя время, понять, как глубоко мы ошибались?!

Разве можно так слепо заблуждаться, так бескомпромиссно идти на поводу собственных желаний, так гнусно лгать и так же гнусно потом оправдывать себя и свои поступки?!

Лена не могла. Именно поэтому и считала себя виноватой.

Одна маленькая ложь, казалось, совершенно безобидная, имела слишком большие последствия для того, чтобы хотя бы попробовать себя оправдать. Но она даже не пыталась.

Пойти на стговор со своей совестью и «договориться»?!

Искать правду и находить ее в своих поступках и словах?!

Оправдать себя хоть в чем-то, чтобы не нести весь груз вины и ответственности только на себе!? Чтобы потом не расплачиваться, чтобы потом не было больно, чтобы можно было вставить хоть один аргумент в свою защиту! Не показаться расчетливой и бескомпромиссной интриганкой.

Сейчас, оглядываясь назад, она поняла, что очень многое делала не так, как нужно было сделать.

Исправить ошибки, вернуться в прошлое, загладить свою вину... Она сделала бы это, если бы был шанс.

Но девять лет утекли, словно вода сквозь пальцы, незаметно, тихо, монотонно и размеренно... Оставляя позади себя лишь годы пустоты и одиночества на двоих, которое навсегда поселилось в их сердцах.

А вернуться назад, туда, на девять лет назад и попытаться все исправить?.. Невозможно.

Можно только вновь испытывать недоумение и боль, вспоминая прошлое, и сожалеть о том, что судьба распорядилась ими по своему усмотрению, не дав им и шанса на то, чтобы попытаться быть счастливыми.

Сейчас, как и девять лет назад, не давала на счастье шанса...

Лена даже не заметила изменений, которые стали происходить в ней. Да и как бы она могла догадаться, когда о подобном могла читать только в книгах, а для себя этого не могла и представить?!

А когда представила... изменить уже ничего было нельзя.

Они продолжали встречаться с Максимом. Все было, как и прежде, но в то же время, как-то... иначе.

От встреч теперь она ждала чего-то другого. Ей не было мало того, что он ей предлагал, да и сама она отдавала ему всю себя без остатка, получая взамен нежность и благоговейную щедрость, но, казалось, что она никогда не сможет насытиться им, насладиться в полной мере, надыхаться. Казалось, что это острое, как клинок, ощущение того, что она его не знает, что стоит на границе дозволенного и запрещенного, колет сильнее, чем стремительно вонзившаяся в плоть стрела, наконечник которой обильно смазан ядом.

Она пыталась запомнить каждую минуту, каждое мгновение, проведенное рядом с ним. Ловила глазами его взгляд и, не боясь, касалась пальцами его губ, поглаживая их и наслаждаясь их мягкостью. Иногда прижималась к нему всем телом, слушая монотонные удары сердца, и дышала им, как воздухом.

Она стала узнавать его. И если раньше имела лишь смутные представления о том, какой он, принимая как факт, что безумно любит этого мужчину, то сейчас что-то незаметно менялось, открывая ей тайны жизни Максима.

Она стала понимать его. Сильный, волевой, бескомпромиссный мужчина. Мужчина, который привык жить по плану, написанному им самим. По правилам, которые установил сам. Он не верил ни в судьбу, ни в рок, он верил лишь в себя.

Именно поэтому Лена и знала, что он не сможет простить ей того, что она натворила. Того, что она сделала. Потому что в планы, которые написал он сам, никто не имел права вмешиваться. Даже она.

В первую очередь — она. Потому что однажды, ворвавшись в его жизнь, она сыграла не по его правилам. И выиграла. Еще одну победу он отдать ей был бы не способен.

Впервые о своей беременности Лена задумалась в тот момент, когда любимые блюда стали отдавать противными запахами, а утренняя тошнота уже стала слишком подозрительной и явной, чтобы пытаться уверить себя в случайности и испорченных продуктах. Убедиться же в том, что ждет ребенка, Лена окончательно смогла лишь тогда, когда месячные, всегда приходившие по расписанию, не пришли ни в назначенный срок, ни через несколько дней по его истечении.

И тогда она поняла, что совершила ошибку. Возможно, роковую, самую грубую ошибку в жизни.

Она решила рискнуть и проиграла...

После шока, когда она с темными кругами под глазами от размазанной туши сидела в ванной комнате и сквозь поток слез смогла-таки рассмотреть злосчастные две полоски на тесте на беременность, тайно купленном в аптеке, к ней пришло осознание того, что она сделала. Вся вина и ответственность легла на ее хрупкие плечи в одно мгновение. Ребенок, незапланированный, случайный... Как растить его одной?!

А потом... как удар грома, как взрыв, как лавина или раскаленная лава, несущаяся на нее жарким уничтожающим пламенем, ее озарила мысль...

Как эту новость воспримет Максим?!

Сжавшись в комочек в углу ванной комнаты, поджав под себя ноги и втянув плечи, Лена громко и надрывно рыдала, глотая соленые слезы и до боли прикусив губу.

Он не примет, он не поймет, он не простит...

Максим не сможет простить обмана, никогда не поймет мотивов и причин.

Он примет сам факт, но никогда с ним не согласится.

В тот день Лена впервые почувствовала себя предательницей.

Она боялась говорить. Она боялась думать об этом. Она боялась отвечать на телефонные звонки, вздрагивала и пятилась назад, словно опасаясь, что Максим может материализоваться перед ней из воздуха.

От бабушки скрыть ничего не удалось. Да и как она смогла бы это сделать?.. Маргарита Ивановна знала и понимала ее лучше, чем кто бы то ни было. Она заметила состояние внучки уже тогда, когда сама Лена ни о чем не догадывалась. Притянув трясущуюся от рыданий девушку к себе, она шептала ей теплые слова и лишь повторяла, что все будет

хорошо, что она никогда ее не бросит, что всегда будет рядом.

И Лена успокоилась. Не сразу, совсем чуть-чуть, но успокоилась.

Маргарита Ивановна отправила ее в больницу на обследование, и Лена, не раздумывая, согласилась.

Ее должна была принять одна из лучших врачей в поликлинике Лилия Лаврова, и ожидая своей очереди, Лена то и дело оглядывалась по сторонам, словно опасаясь увидеть Максима, с обидой и упреком в глазах мчавшегося к ней, постоянно смотрела в сторону выхода, будто желая сбежать, и слушала размеренные и глухие удары сердца, колотившегося в грудь часто и больно.

— Титова Елена?

Незнакомый женский голос прозвучал неожиданно и особенно громко в просторном коридоре женской консультации, и Лена вздрогнула, удивленно посмотрев на подошедшую к ней медсестру.

— Это я, — дрожащими губами прошептала девушка.

Медсестра посмотрела в листок, зажатый в руках, а потом вновь перевела взгляд на Лену.

— К сожалению, Лилия Никитична не сможет сегодня принять вас, — проговорила она. — Вас направили к Александру Игоревичу.

Сердце забило в ее груди, как сумасшедшее, гулом отдаваясь в ушах и болью звеня в висках.

Этот звук оглушал ее, а боль становилась все резче и острее.

— Александру Игоревичу?.. — еле слышно выговорила Лена, запинаясь.

— Да вы не волнуйтесь, — успокаивая, сказала медсестра и улыбнулась. — Александр Игоревич лучший врач-гинеколог в городе. К нему запись на два, а то и три месяца вперед! А вам повезло, Лилия Никитична лично попросила его осмотреть вас вместо себя, — она взяла девушку за руку и потянула за собой. — Пойдемте со мной, он сейчас вас примет.

Все внутри него воспротивилось этому. Нет, нет, нет!

Все в ней кричало, вопило, сопротивлялось, умоляло, уговаривало остаться на месте, а лучше — убежать. Но Лена не вняла внутреннему голосу, встала со стула и на ватных ногах направилась за медсестрой.

Руки отчаянно тряслись, когда она с бешено бьющимся сердцем и молотившим в запястья пульсом открывала дверь кабинета врача и заходила внутрь.

В глаза бросилась надпись, как неоновая вывеска в темноте, как яркий ослепляющий свет...

«Врач: Колесников Александр Игоревич».

Мгновенно стало мало воздуха, грудь сдавило, стянуло узлом, болью отозвалось внутри нее сердце.

Этого не может быть...

Мир закружился вокруг нее в бешеном танце, поглощая в себя и свой сумасшедший ритм.

Огненный вихрь закрутил, завертел ее, опалая, испепеляя, уничтожая...

Звон в ушах усиливался, перед глазами темнота, боль в груди усиливалась, стягивая сердце терновыми путами.

Лена застывает в дверях, хватается за стену, чтобы не упасть.

В виски ударяет спасительная мысль — бежать. Как можно скорее! Прочь, прочь...

Еще меньше воздуха, превратившегося в одно мгновение в вакуум. Девушка открывает рот, чтобы с жадностью ловить спасительный кислород, но понимает, что не чувствует насыщения

— Катенька? — этот голос она слышит уже сквозь шум и гул, стоящие в ушах.

И все еще пытается сопротивляться, бежать, поворачивается к двери лицом, пытаясь нащупать ручку.

— Я к вам пациентку привела, от Лилии Никитичны, — сказала медсестра, обращаясь к врачу.

Лена часто и поверхностно глотает воздух, пытаясь справиться с темнотой в глазах.

— Нет... — шепчут онемевшие губы. — Нет, только не к нему... Не надо, пожалуйста.

На ватных ногах делает шаг вперед, желая выйти.

Уйти, убежать, скрыться. Только бы не у него. Не сейчас. Никогда...

— Так пусть проходит, — слышит она как сквозь сон мужской голос. — Позови ее...

Нет. Нет!

Дрожащие руки не успевают схватиться за ручку двери, Лена медленно оседает на пол.

Последнее, что она успевает услышать, это обеспокоенный крик медсестры:

— Александр Игоревич, она теряет сознание! Скорее...

А потом ее поглощает спасительная темнота.

Она все-таки убежала...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Лена?.. Ты меня слышишь?.. — как сквозь сон слышит она голос Александра Игоревича.

Единственное, что она может сейчас, это покачать головой, не понимая, соглашается с ним или нет.

В нос врзается резкий и отрезвляющий запах нашатырного спирта, и она морщится, отворачиваясь.

— Лена?.. — повторяет мужчина. — Ты в порядке? Ничего не болит?

Девушка опять качает головой, пытается приоткрыть глаза.

Над ней нависает Александр Игоревич в белом халате и в очках, смотрит на нее обеспокоенно.

— Ты в порядке? — повторяет он свой вопрос.

Лена поджимает губы, чувствуя, что слезы вот-вот рванутся из глаз.

Разве что-то сейчас может быть в порядке?!

— Голова больше не кружится? — мужчина тронул ее за плечо. — Как себя чувствуешь?

Она пытается приподняться, но Колесников рукой удерживает ее от этого.

— Хорошо, — разлепив онемевшие губы, пробормотала девушка.

— Тебе сейчас лучше полежать, — сказал мужчина безапелляционно и отошел.

Лене захотелось провалиться сквозь землю, а не просто полежать. Исчезнуть, раствориться, убежать.

Она поджала губы, закрыла глаз и отвернулась к стене.

Кто бы мог подумать, что судьба вновь посмеется над ней?! Вот так!? Снова!

Где спасительная темнота, где тишина и умиротворение?! Откуда это чувство стыда, режущее грудь?!

Лена почувствовала, как слезинка скользнула по щеке, скатившись в уголок губ.

— Мне нужно бабушке позвонить, — пробормотала девушка, слизнув слезы языком.

— Позвонишь, — утвердительно кивнул Колесников. — Ты была без сознания всего две минуты, не более.

Почему же не всю жизнь?! Как страшно здесь, в этом мире... А там, в темноте, не страшно.

Лена смахивает замершие в глазах слезы и пытается приподняться с кушетки, на которую ее перенесли. Получается, даже голова не кружится.

Облокотившись спиной о стену, Лена виновато смотрит на мужчину, застывшего около стола.

— Это ребенок Максима? — наконец, спросил Колесников, не отводя от Лены глаз.

Хотела спросить, откуда он узнал о том, что она беременна, но тут же поняла нелепость своего вопроса.

— Да, — прошептала она и отвернулась не в силах вынести пристальный взгляд синих глаз.

Тяжелый вздох, словно с трудом втягивает в себя воздух. Снимает очки и кладет их на стол.

— Максим знает? — еще один вопрос, который режет ее, словно ножом

Лена отрицательно покачала головой и, закусив губу, опустила голову.

— А ты собиралась сказать ему?

Она дышит тяжело и поверхностно, почти не захватывая воздух, а сердце в ее груди разрывает на части грудную клетку, и все стучит, стучит, стучит... Молотом, набатом, гонгом, отбивая свой ритм в висках.

— Да, — сипло проговорила она, поднимая на Колесникова заплаканные глаза.

Мужчина качает головой и на мгновение прикрывает глаза.

— Ты же понимаешь, что это... неожиданно.

Это выбило почву у нее из-под ног, конечно, она понимала.

Лена не ответила, и Александр Игоревич посмотрел на нее.

— Что ты думаешь делать?

— Я не знаю, — прошептала девушка, пряча глаза, а потом вдруг призналась: — Я боюсь. Что подумает Максим? — подняла на мужчину затравленный взгляд. — Он будет считать, что я сделала все специально, да?

— Возможно, — поджав губы, проговорил Александр Игоревич, не желая ее обманывать.

Его сын всегда был сложным человеком, кому, как не ему, знать об этом?..

Лена грустно кивнула и отвернулась от него, стараясь скрыть слезы вины.

— Ты не собираешься избавляться от ребенка? — спросил вдруг Колесников как-то резко.

— Нет! — воскликнула Лена испуганно и глядя на него широко раскрытыми глазами. — Конечно, нет!

— Это хорошо, — одобрительно сказал мужчина и решительно добавил: — Да я бы тебе и не позволил.

Лена посмотрела на него исподлобья и всхлипнула.

— Нужно сказать Максиму, — проговорил Александр Игоревич осторожно.

— Я знаю, — прошептала Лена через силу хрипло и тихо. — Но как?..

Столько вины, столько надежды и веры, столько невинности и покорности в ее глазах!!

Колесников не мог смотреть на нее и не чувствовать сострадания и обиды, которые

заволокли ее в плен.

— Я поговорю с ним, — сказал он вдруг, а потом уверенно добавил: — Не беспокойся, все будет хорошо.

Лена посмотрела на него и прошептала «спасибо» дрожащими губами.

Наверное, она могла бы ему поверить, если бы речь шла о ком-то другом. Но Максим...

Очевидно, «все будет хорошо» не те слова, которые сейчас могли бы ее успокоить.

Наверное, она уже тогда знала, что хорошо уже не будет. Не в ближайшие девять лет...

Нормального разговора с сыном у Александра Игоревича не вышло.

Да и как могло быть иначе, когда речь шла о ребенке, которого, Колесников-старший знал, его сын сейчас не сможет принять?!

Он позвонил Максиму вечером, предварительно посоветовавшись с женой и рассказав ей все.

Лидия была категорически против этого разговора, считая, что Лена и Макс должны поговорить с глазу на глаз и во всем разобраться сами, но переубедить мужа не смогла.

Александр Игоревич набрал номер сына и без приветствия заявил:

— Сын, мне с тобой нужно поговорить.

Тот, немного опешив, пробормотал:

— А может, позже? У меня сейчас завал на работе, дел невпроворот.

— Это важно, — настойчиво сказал отец, сжимая телефон похолодевшими пальцами.

— А твое «важно» не может подождать до выходных? — взмолился Максим с отчаянием в голосе. — Пап, честное слово, если бы я мог...

— Максим, — оборвал мужчину отец. — Приезжай. Разговор пойдет о Лене. И о тебе.

Молчание, глубокая и затяжная пауза, которая накаляла атмосферу и вынуждала сердце биться чаще.

— О чем ты хочешь поговорить? — сдержанно и, казалось, безэмоционально, спросил Максим, но на самом деле он так сжимал трубку, что посинели пальцы.

— Приезжай, сын, — упрямо повторил Александр Игоревич. — Дома и поговорим.

Максим пообещал приехать через час и отключился, а Александр Игоревич подумал, что сын способен делать все в наикротчайшие сроки, когда дело касается Лены, настолько она стала ему дорога, наверное, он способен был бы подарить ей весь мир, если бы она попросила, но он никогда не сможет принять того, что ему сейчас готова была предложить она.

Максим не обманул, прибыл ровно через час, смог вырваться.

— О чем ты хотел поговорить? — прямо с порога заявил он, проходя в гостиную и снимая на ходу пальто.

— И тебе здравствуй, — недовольно пробормотала Лидия Максимовна, подходя к сыну.

Максим поцеловал ее в щеку и выдавил:

— Прости, мам, — посмотрел на отца, застывшего в кресле с книгой в руке.

— Как ты? — спросила женщина, взяв у сына из рук пальто.

— Хм... хорошо, — не глядя на нее, пробормотал Максим. — Пап, — настойчиво выдавил он. — О чем ты хотел со мной поговорить?! Ты знаешь? — быстрый взгляд на мать, но та лишь опустила глаза, ничего не ответив. — Значит, знаешь, — сдержанно выдавил он и вновь устремил взгляд на отца. — Один я ничего не понимаю?!

— Может быть, пройдем в мой кабинет? — предложил Александр Игоревич,

поднимаясь с кресла.

Колесников-младший поджал губы и подобрался, словно готовясь к прыжку.

— Пожалуй, — проговорил Максим, ощущая, как трясется его сердце. — Если дело действительно, важное...

— Важное, можешь не сомневаться, — оборвал его отец и направился в кабинет.

— Хорошо, — сдержанно выдавил из себя Максим и прошествовал следом за отцом.

— Лида, не мешай нам, — предупредил Александр Игоревич жену и скрылся за дверью.

Максим нахмурился, обернулся к матери, но та лишь покачала головой, ничего не сказав.

Направился в кабинет, и едва дверь за ним закрылась, воскликнул:

— И что это значит?! — сердито свел брови. — Если ты хочешь начать читать мне нотации о том, что Лена мне не пара, или что я не пара ей, то не стоит и пытаться! — предупредил мужчину, сжав кулаки.

— Разговор пойдет не об этом, — поспешно сказал отец. — Хотя об этом тоже не мешало бы поговорить.

Максим застыл около двери, глядя на отца зачарованным взглядом.

Сделал несколько шагов вперед и застыл посреди комнаты.

— Что ты имеешь в виду?

Колкое и неприятное чувство недосказанности повисло в воздухе, вызывая дрожь в теле.

— Лена никогда не подходила тебе, и ты это знаешь, — напрямую сказал отец, обернувшись к сыну.

Максим стиснул зубы.

— И что это меняет?! Мы все равно вместе, — сощурился, выдавил из себя мужчина.

— Я знаю.

— И мы все равно будем вместе, что бы ты ни сказал, — уверенно заявил Максим.

— А вот в этом я и не сомневаюсь, — сказал отец, заглянув Максиму в глаза.

Что-то проскользнуло либо в глазах отца, либо на его лице, либо в тоне и интонации его голоса, что-то, что заставило Максима вздрогнуть и, нахмурившись, уставиться на него в попытке все узнать.

— О чем ты хотел со мной поговорить? — сдержанно выговорил он, чувствуя, как грохочет в груди сердце.

— О Лене, — сказал отец, засунув руки в карманы брюк — И о тебе.

— Что тут можно сказать?! — воскликнул он, взмахнув руками от негодования

— Лена была в больнице... — начал Александр Игоревич.

— Она заболела? — обеспокоенно спросил Максим, застыв на месте. — С ней что-то случилось?

— Случилось, — коротко подтвердил отец, опустив взгляд, и тихо добавил: — Она была у меня на приеме.

Слова врезались в кожу, но так и не проникли под нее, вонзившись в кровь.

— На приеме?.. — как зачарованный, Максим смотрел на отца.

— Да, на приеме.

Максим поджал губы, свел брови.

— У нее какие-то проблемы? — предположил он.

Александр Игоревич покачал головой.

— Я бы так не сказал, — поверхностно проговорил Колесников-старший.

— Тогда в чем дело?! — взорвался Максим и подскочил к отцу, нависнув над ним скалой. — Если ты не...

— Она беременна, Максим, — перебил его Александр Игоревич. — Уже пять недель.

Максим застыл, как вкопанный, глядя на отца в упор и не веря. Слова оглушили его. Словно вырвали почву из-под ног. Выбили весь кислород из легких, вынуждая сейчас стоять и задыхаться.

— Ты меня слышал? — проговорил отец, дотронувшись до плеча сына.

— Что?.. — отрешенно спросил Максим, заглянув отцу в глаза. — Что ты... сказал?..

Звон в ушах стучал и стучал, настойчиво, монотонно, резко.

Он, наверное, неправильно все понял... Не так расслышал. Ведь такого не может быть, чтобы...

— Лена ждет ребенка, — повторил отец, вынуждая сына провалиться в яму собственных заблуждений.

— Это невозможно... — пробормотал мужчина, тяжело дыша и опуская глаза.

— Возможно, уверю тебя.

— Нет, невозможно! — воскликнул Максим, отшатнувшись от отца. — Не с ней. Не со мной!

— Ты не веришь заключению врача?! — саркастически осведомился отец, глядя ему в лицо. — Моему заключению?! — посмотрел на сына пристально и внимательно. — Она беременна, Максим.

— Этого. Не. Может. Быть, — медленно выговорил Максим, словно выплюнул слова, и грубо чертыхнулся в голос. — Она сказала, что принимает таблетки...

— Никакие таблетки она не принимала.

— Что?! — обернулся к отцу с округлившимися от шока глазами и приоткрытым ртом. — Что-о?!

— Я спрашивал, — тихо сказал отец, — она мне ответила, что никогда не принимала контрацептивы.

Мир завертелся вокруг Максима с бешеной скоростью, вырывая почву из-под ног. Воронка становилась все глубже, все больше, она кружилась и кружилась, засасывая его в свой водоворот безумства.

— Но как такое может... Она сказала, что ей прописали, — пробормотал он ошарашенно. — Гинеколог, когда она... — быстрый взгляд на отца, словно в попытке докопаться до истины. — Что это значит?! — вскричал он, сжимая руки в кулаки. А потом, всего через мгновение, осознание случившегося озаряет его вспышкой яркого света. — Она меня обманула?! — сдержанно, холодно, безэмоционально выдавил он из себя.

— Я не знаю, — выдавил из себя Александр Игоревич. — Но...

— Я знаю! — сквозь зубы прошипел Максим, нервно запуская трясущиеся руки в волосы. — Обманула. Обманула, — шептал он, как заведенный, словно не в силах поверить этому, а потом вдруг: — Черт возьми! Как я мог повестись на это?! — посмотрел на отца, застывшего около стола и так и не сделавшего к нему и шага. — Она сказала мне, что ей прописал врач, и она... — поднял голову вверх и выкрикнул: — Черррррт!!!

Александр Игоревич все же сделал по направлению к сыну один шаг, желая его успокоить.

— Максим, — проговорил он, вынуждая того посмотреть на себя. — Это твой ребенок? Ребенок?! Что за ребенок, черт побери?!

Задыхался. Оказался словно запертым в клетке. Без воздуха.

Повернулся к отцу спиной, снова схватился за голову, сделал несколько стремительных шагов.

— Максим?..

— Черт, я не знаю! — взбесился Максим. — Откуда я могу знать?! — повернулся к отцу, ослепленными яростью и гневом потемневшими глазами, вонзившись в него взглядом. — Как я сейчас вообще могу быть в чем-то уверен?! Как?! Когда она, — выделив последнее слово, бессильно поджал губы, — предала меня?!

— Срок пять недель, — тихо сказал отец. — Я послал ее на УЗИ, там скажут более точно возможный срок зачатия.

Пять недель... Пять гребаных недель. Он прекрасно помнил, что тогда произошло.

Глаза потемнели, превратились в узкие щелочки, налились гневом и злостью.

Предала... Обманула... Унизилась...

Что решит УЗИ?! Ничего. Оно только подтвердит и так известную ему истину.

Разве можно было сомневаться?! Разве был у него хоть шанс на сомнения?!

Когда вся партия была разыграна, как по нотам, но без его участия?!

— Максим... — позвал его отец.

— Это мой ребенок, — твердо заявил тот, зажмурившись и не глядя на отца. — Мой.

— Ты уверен?

Он не сможет солгать. Он не такой лжец, как она. Да и ничего не даст эта ложь. Разве сможет она сейчас что-то изменить?! Для него... Для кого-нибудь?!

— У нее не было никого... до меня, — прошептал Максим, в бессилии опуская голову.

Грудь разрывали отчаянные удары сердца, а душа рвалась извне, на свободу, прочь от лжи.

Разве можно так сильно заблуждаться?! Ошибаться в человеке настолько сильно?!

Разве можно верить, слепо, почти безгранично, а потом вот так резко оказаться погребенным под собственными иллюзиями и мечтами об идеале, которого так и не удалось достигнуть?!

Разве может быть больше, чем от предательства любимого человека?!

Разве можно простить подобное предательство, когда оно, словно пробежав свой круг, вновь замкнулось на тебе?!

Максим закрыл глаза, стискивая зубы, прикусил губы так сильно, что пошла кровь, зажмурился.

Попытался вздохнуть, но боль отозвалась в груди, остро надавив на все рецепторы.

— И что ты собираешься делать? — донесся до него голос отца

Максим, сжимая кулаки, уставился на отца, пронзая того раздраженным взглядом.

— А что здесь можно сделать?! — язвительно осведомился он. — Вот ты как врач мне скажи, что здесь можно сделать?!

Александр Игоревич подобрался и твердо встретил его взгляд.

— Как врач я тебе говорю, что есть два выхода решения данной... ситуации, — проговорил он. — Один из которых я даже и рассматривать не стану, поскольку я не только врач, но еще и твой отец.

— И что ты мне предлагаешь?! — сквозь зубы прошипел Максим.

— Что я предлагаю?.. — пожал отец плечами. — Тебе нужно жениться на Лене и воспитывать вашего ребенка в нормальной полноценной семье.

Были ли хоть малая вероятность того, что он вновь ослышался?..

— Жениться?! — вскричал Максим, подсакивая к отцу. — Ты с ума сошел?!

— Не забывай, с кем разговариваешь, молодой человек! — с непроницаемым лицом выдал тот.

— Прости, — бросил Максим сквозь зубы. — Но то, что ты предлагаешь...

— А что ты думал, я могу предложить?! — вскричал отец. — Аборт?! Об этом не может быть и речи!

— Почему?! — с вызовом спросил Максим. — Этот ребенок не нужен ни мне, ни ей!

— Ты не прав, Лена хочет этого ребенка, — возразил Колесников-старший.

— Хочет?! — изумленно воскликнул Максим. — Ей всего девятнадцать, она сама еще ребенок... Она не может... Она... Черт! — схватился за голову, передвигаясь по кабинету стремительно и резко, из угла в угол, как загнанный зверь. — Она это специально сделала?! Все заранее спланировала, да?!

Ярость ослепила глаза так сильно, что Максим, не задумываясь, с размаху ударил кулаком по стене, ощущая, как боль пронзает руку.

— Не перевешивай всю ответственность за произошедшее на нее! — возмутился отец, получив от сына разозленный взгляд. — Ты виноват во всем не меньше, чем она!

— Она солгала мне, что принимает таблетки, — выдавил Максим, стискивая зубы. — Она обманула меня.

Вновь втемяшил кулак в стену и закрыл глаза.

А он ей так верил... Как никому никогда не верил уже много лет. Ей поверил, а она...

— Если бы ты хотел, то позаботился бы о том, чтобы принять и другие меры предосторожности, — заявил отец запальчиво. — Если не сделал этого, значит...

— Ты хочешь сказать, что во всем виноват я?! — возмущенно воскликнул Максим, отскочив от стены.

— А ты хочешь всю вину и ответственность возложить на нее?! — в тон ему возмутился Колесников-старший. — Она и так была в шоке, когда узнала! Она боится тебе говорить об этом.

Максим навис над отцом с непроницаемым лицом, горящими гневом глазами и поджатыми губами.

— Я не женюсь на ней, — выплюнул он сквозь зубы.

— Ты не можешь оставить ее одну в такой ситуации, — заявил отец ему в лицо. — Ты мужчина, а не мальчик! И ты — мой сын! Ты должен отвечать за свои поступки!

— Я не обещал ей того, что женюсь, — жестко выдавил он, глядя на отца сощуренными от злости глазами.

— Ты только что сказал мне, что будешь с ней, что бы ни было!

— Это было до того, как я узнал...

— Ты не имеешь права ее бросить, сын! — вскричал Александр Игоревич, ткнув сына пальцем в грудь.

Максим перевел взгляд на свою грудь, потом посмотрел на отца, пронзая его яростным взглядом.

Отошел от него, сжимая руки в кулаки, и выдавил из себя:

— Зато она имеет право так поступать с нами, правда?!

— Она тебя любит.

— С людьми, которых любят, ТАК не поступают! — закричал Максим, не

сдерживаясь. — Ты понимаешь это?! Так не поступают. Обманывают, предают... Я верил ей, понимаешь?! — воскликнул он в отчаянии. — Я сто лет уже никому не верил! А ей поверил! И она отплатила мне... ложью и предательством!

— Она изумлена не меньше тебя, Максим... — попытался возразить Колесников-старший.

— Я. Не. Женюсь. На. Ней! — выдавил Максим жестко. — Я сказал, значит, сказал! Слова упали между ними разверзнувшейся пропастью.

Глаза в глаза они смотрели друг на друга, каждый отстаивая свою правду.

Пока один из них не заявил, решаясь на отчаянный, безнравственный поступок:

— Если ты не женишься на ней, то можешь перестать считать себя моим сыном.

— Что?.. — изумленно воскликнул Максим. — Вот как, значит?! — глаза его почернели.

— Мужчины семьи Колесниковых не поступают подобным образом, Максим, — твердо заявил отец. — Ты должен признать, что совершил ошибку. Пришло время расплачиваться!

Что ж, расплата не заставила себя долго ждать.

С того дня на протяжении девяти лет каждый день подряд...

Ее они с Леной тоже разделили на двоих.

11 глава

«Кровь у камня не взять, тишину не поджечь.

Кто бы мне подсказал: чем я мог нагрешить?!

В бесполезности всех незаконченных встреч

Вновь и вновь понимал: «Без Нее не прожить...»

Елена Горина

Ему нравилось, как она выглядит. Он наслаждался каждой минутой, каждым мгновением, когда имел удовольствие наблюдать за ней, оторвавшись от нудных и скучных бесед со своими партнерами и обратив внимание на нее.

Она стояла у противоположной стены, около столиков с закусками и разговаривала со знакомыми, улыбаясь и изредка небольшими глотками выпивая шампанское.

Черный шелк обтягивал ее точеную фигурку второй кожей, подчеркивая все изгибы тела, а золотистые локоны, поднятые в высокую прическу, лишь вдоль ушей струились по щекам.

В этот вечер он не настаивал на платье, предоставив ей право выбора. И выбор был сделан гениальный.

Он не мог оторвать от нее взгляд. Такой он никогда еще ее не видел.

Максим с зажатым в руке бокалом стоял у противоположной стены и наблюдал за ней. Она знала, что он смотрит на нее, наверное, уже прожег бы взглядом, будь это возможно, но не подавала виду, лишь изредка бросая на него быстрые взгляды из-под опущенных вниз ресниц.

А ему нравилось, как она краснела, когда он посылал ей улыбку.

Ему нравилось, как дрожали ее губы, когда она улыбалась, отвечая на вопрос или вставляя реплику в беседу.

Нравилось, как локоны светлых волос дрожали, когда она наклоняла голову вниз или набок.

Нравилось, как тонкие пальцы сжимали хрусталь бокала и слегка подрагивали.

Ему нравилось, что эта женщина принадлежит ему.

Ему нравилось осознавать, что знакомые сейчас, возможно, спрашивают ее о том, кто он такой. А она отвечает с гордостью, без стеснения — муж.

Невольно улыбка расплылась на его лице, разгладились складочки на лбу и переносице.

Муж... Такое короткое, но такое емкое слово. Как много вложено в него, если подумать!

Разве он когда-то мог даже просто представить, что будет рад тому, что это слово, произнесенное из ее уст, будет так много значить для него?!

Тогда, годы назад, когда ему казалось, что мир рухнул, что все вокруг враги, что близкие

и дорогие, те, которым он верил, от которых не ждал предательства и обмана, он не верил в то, что такое возможно — радоваться тому, к чему его принудили, заставили, не оставили право выбора. Разбили вдребезги все былые уверения и поставили в тупик громогласным заявлением.

А сейчас...

Максим поднес бокал к губам и осушил его одним глотком.

Стоило признать, что тот факт, что он является ее мужем, а она его женой, вызывал в нем чувство гордости и восторга. И два этих чувства в совокупности вызывали в нем какое-то странное невесомое ощущение собственной значимости и... защищенности. Собственной необходимости.

Не зря. Значит, он женился не зря...

Какого это — осознать, что заблуждался на протяжении стольких лет?! Что упрямо смотрел в одну и ту же серую, блеклую точку, не замечая ярких разноцветных красок пролетающей мимо его жизни?!

Огорчение, обида, злость... На самого себя, конечно же. На кого же еще?!

Максим прикрыл глаза, на мгновение нахмурившись.

Стоило ли быть таким глупцом и слепцом столько лет, чтобы лишь через годы ожидания понять, как ошибался?! Стоят ли слезы и недосказанности этого сегодняшнего осознания?!

Максим распахнул глаза, мгновенно находя среди толпы ее.

Да, стоило. Определенно, стоило...

Лене, хотя и не любила подобные мероприятия, этот вечер нравился.

Максим видел, что она охотно ведет беседу, разговаривает с его партнерами и их женами, улыбается. Сияют ее глаза, появляются складочки в уголках глаз — явный признак того, что смех искренний.

И ему, просто глядя на нее, на то, как светятся ее глаза, как улыбка освещает лицо, ему хотелось улыбаться. Вместе с ней. Ему хотелось замереть и вечно наблюдать за тем, как она улыбается.

Но вдруг...

Максим застыл, оставив позади желание поставить опустевший бокал на стол и подойти к Лене.

Вмиг похолодевшие пальцы сжали хрупкое стекло, глаза сощурились, пристально глядя на то, как высокий светловолосый мужчина в дорогом сером костюме с двумя бокалами шампанского подходит к ней и протягивает один вперед, с улыбкой предлагая его девушке.

Удивленная неожиданным появлением незнакомого (!?) мужчины, Лена вздрагивает, вначале хмурится, делает шаг назад, а потом... лицо ее расцветает, глаза удивленно раскрываются, улыбка озаряет личико.

Максим стремительно переводит взгляд на подошедшего к ней мужчину, гневно шуря глаза.

Он тоже улыбается. Открыто, радостно, как-то... плотядно.

Внутри все холодеет, от ярости подрагивают уголки недавно улыбавшихся губ.

Или он уже сходит с ума?!

Максиму хватает и нескольких секунд, чтобы осознать всю суть происходящего.

Всего полсекунды, чтобы вспомнить.

Это тот самый мужчина, которого он видел рядом с Леной на благотворительном вечере

пару недель назад. Это ее друг. Друг детства. Просто друг?..

Глаза Максима щурятся сильно, недовольно сходятся на переносице брови, губы плотно сжимаются.

Не очень-то похоже, чтобы этот... друг считал Лену просто подругой!

И то, как он поддержал ее за руку. Нежно коснулся ее обнаженной руки пальцами, ощущая тепло кожи.

Максим сжал бокал, стискивая его все сильнее.

Мужчина улыбнулся Лене, о чем-то рассказав, и девушка ответила ему мягкой улыбкой, смущенно потупив взгляд, а потом, вновь посмотрев на мужчину, и что-то сказала в ответ.

Максим почти ощущал, как задрожал бокал в его руках, крепко стиснутый. От гнева, от ярости, от раскаляющего атмосферу чувства, которому он не мог дать определения.

Сердце оглушительно застучало в груди, ударяясь в грудь яростно, настойчиво, больно.

Дышать он и не пытался, потому что необходимость в кислороде словно бы исчезла.

Он просто стоял и смотрел на то, как какой-то... друг непринужденно о чем-то разговаривает с его женой, и чувствовал, как внутри него огненной, неконтролируемой волной поднимается острая волна ярости. Она почти застилает глаза, кровавой пеленой нависая на глаза...

И перед глазами уже мелькают живые картинки, одна ужаснее другой...

Сердце грохочет в ушах набатом, гонгом, ворчит и настойчиво пыхтит, не позволяя другим звукам доноситься до разгоряченного мозга.

Что. Этот. Мужчина. Делает. Рядом. С его. Женой?!

Пульс учащается многократно, усиливаясь и ускоряясь, кровь вонзается в каждую клеточку острыми иглками, больно надавливая на вдруг оказавшиеся незарубцованными раны.

Максим вспоминает, совершенно неосознанно, почти случайно... его имя.

Андрей Порошин.

Старый друг, который появился в ее новой жизни. В ее жизни с ним, Максимом.

Он думал, что больше никогда его не увидит, и тут... Как вспышка, как раскат грома, как удар под дых.

— О чем задумался, друг мой? — послышался рядом знакомый мужской голос.

Такой далекий, этот голос не сразу долетел до разгоряченного сознания Максима, застывшего у столика с плотно поджатыми губами и сведенными бровями, думающего сейчас лишь о том, что его жена общается с человеком, которому Максим дал сразу же определение «опасный».

Соперник, конкурент, захватчик?!

Какая разница, если он был опасным. Не только для Лены, или, скорее, не для Лены, а для него...

В первую очередь, для самого Максима.

Что-то такое было в нем... отталкивающее, раздражающее, негативное. Что-то, что заставляло Максима щуриться, негодовать, готовиться к прыжку, как дикому зверю, защищающему свое.

Слишком легко и непринужденно беседовал он с Леной, слишком просто, без трудностей и препятствий удалось пройти ему через ту стену неприятия, которой она всегда старалась огородить себя и свои чувства.

Слишком явными были его легкие, для постороннего — чужого! — взгляда, казалось,

случайные прикосновения к ее руке. Но Максим видел все!! И блеск глаз блондина, и его заигрывающие улыбки, и нежный взгляд, которым он ласкал девушку на протяжении всего их недолгого разговора.

От ищущего взгляда безумца, который все поставил на карту, не укрылось ничего.

Ревнует?! Прорывается в него скользкая мрачная мысль.

Да, черт побери, ревнует!

— Оо, — послышался вновь голос, — я, кажется, не во время?

Опять этот голос. Знакомый...

Максим обернулся к подошедшему и смерил его колким взглядом.

Петр Беркутов. Кто бы это мог еще быть, как не он?..

Его давний друг и партнер по бизнесу. Вечно ухмыляющийся, саркастичный, критически настроенный ко всем и каждому, единственный человек, который понимал Максима, как никто иной.

— Дааа, Макс... — протянул он, проследив за взглядом друга. — Значит, правду говорят, что ты тут с ума сходишь.

Максим мгновенно обратился в слух и уставился на друга, нахмурившись.

— Кто говорит? — с подозрением спросил он.

Петр лишь пожал плечами, протягивая Максиму бокал с шампанским.

— Да кто только не говорит. Что, из-за Лены опять? — с сочувствием спросил друг.

Максим бросил в сторону жены быстрый взгляд, помрачнел, изменился в лице, кивнул, сжимая губы.

Петр проследил за взглядом друга и, глотнув шампанского, произнес:

— Я не знал, что Лена с ним знакома.

Максим напрягся, в тугую пружину сжались нервы. Он посмотрел на Петра угрожающим взглядом.

— С кем?! — выдавил он сквозь зубы.

Петр нахмурился, ничего не понимая. Бросил в сторону Лены и разговаривающего с ней мужчины быстрый взгляд.

— С этим... как его, Порошиным, — проговорил он, а потом, приоткрыв рот, подозрительно сощурил глаза и, словно догадавшись о чем-то, ошарашенно выдохнул: — Я не понял, ты что, не знаешь?!

Максим напрягся, как гитарная струна. Казалось, его обвели вокруг пальца, не сказали правду, утаили...

Тяжелый, ледяной взгляд на Петра из-под бровей.

— О чем?! — прошипел он сквозь стиснутые зубы.

Петр вздохнул и непроизвольно махнул рукой в сторону Лены и Андрея.

— Потапова сегодня не будет, — сказал Петр. — И я думал, что ты знаешь об этом...

Сердце пропустило глухой удар. Максим втянул в себя воздух.

— Не знаю, — медленно, с расстановкой выдавил он, пытаясь не сорваться на крик. — Кто-то будет вместо него или мы вообще пришли сюда зря?

Петр озадаченно посмотрел на друга.

— Слушай, ты как с другой планеты, — проговорил он с обвинением в голосе. — Ты хоть слушаешь, что говорят на собраниях?! Или просто так их созываешь, чтобы вспомнить, с кем работаешь?!

Максим помрачнел.

Петр был прав, и ему это не нравилось.

В последнее время он был слишком занят Леной, собой, размышления о прошлом, которое давно нужно было оставить в прошлом и жить настоящим, перевернув страницу на чистый лист. Слишком часто подвергал себя анализу и словно выворачивал наизнанку душу в неосознанной попытке выяснить, как и почему их с Леной жизнь превратилась в кошмар.

И за всем этим совершенно забыл о том, что жизнь вокруг него не остановилась, не замерла на какой-то отметке по его желанию, она продолжала идти своим ходом, перетекая из одного дня в другой, сменяясь неделями и месяцами...

И сейчас Максиму казалось, что какая-то важная часть жизни словно прошла мимо него.

— Слушай, Макс, — сказал Петр, с пониманием глядя на друга. — Я знаю, что у вас с Леной сейчас трудный период, переосмысление ценностей и осмысление ошибок, прощение обид и прочее...

Максим нахмурился. Интересно, откуда он это знает?!

— ...Но все-таки, нужно перестать жить только прошлым, — продолжил Петр. — Настоящее, оно вот — рядом, — Петр бросил быстрый взгляд в сторону Лены, потом схватил друга за плечо. — Сейчас стоит и разговаривает с твоей женой.

— При чем здесь это?! — воскликнул Максим, сощурившись.

— Делами Потапова теперь управляет Порошин, — без предисловий выпалил Петр.

Сердце Макса предательски дрогнуло, глаза сузились и потемнели.

Мужчина навис над другом черной тенью.

— Кто?! — прошипел он яростно.

— Порошин. Андрей Николаевич, — охотно и без эмоций повторил Петр. — Ты о нем слышал?

Максим стиснул зубы.

— Лучше бы не слышал, — прошипел он с яростью. — Это старый друг Лены.

Петр закатил глаза и присвистнул.

— Вот, значит, как, — протянул он, глядя на девушку. — Понятно теперь, почему они так общаются, — взгляд на Максима. — И что, просто друг, ничего большего?

Быстрый уничтожающий взгляд в его сторону.

— Да ладно, ладно, что ты сразу! — проговорил он, приподнимая руки. — Я просто поинтересовался. Мало ли, что там было... в прошлом.

— Петя! Ты что, издеваешься?! — взревел Максим.

— Успокойся ты! — вдруг выпалил Петр. — Тебе с ним еще работать! — глаза его вмиг стали серьезными, он похлопал друга по груди. — Лучше тебе взять себя в руки и взглянуть на ситуацию трезво, Максим. Нельзя на все так реагировать, и ты это понимаешь, — нравоучительным тоном проговорил Петр. — Возьми себя в руки и не думай сейчас ни о чем, кроме работы. Лена — твоя жена, в конце концов, а Порошин... — Петр усмехнулся. — Да кто он такой? Просто друг, к тому же из детства. Она поговорит с ним и забудет, — глаза Петра вдруг стали серьезными. — А как партнер, он нам просто необходим, и упускать его мы не имеем права.

Максим кивнул, все еще хмурясь и сжимая губы.

Он не верил в то, что все для Порошина осталось в прошлом. Для Лены — да, но не для него.

Хватало одного взгляда на его светящиеся глаза и широкую улыбку, чтобы это понять.

Максим был уверен, Андрей Порошин еще появится в их жизни.

Но пройти в нее и сломать то, что и так уже едва дышало, он ему не позволит.

Потому что для себя решил восстанавливать разбитую когда-то жизнь. Нужно было сделать это очень давно. Не переходя ту границу, за которой уже было слишком поздно что-либо менять.

Девять лет ада должны были закончиться. Когда-нибудь...

Осталось подвести итог и поставить точку. Чтобы начать жить с чистого листа.

И хотя Лена чувствовала, что этот вечер чем-то отличается от остальных, на которых ей приходилось бывать, она все еще ощущала легкий дискомфорт. Не сравнить, конечно, с другими вечерами, на которых ей приходилось бывать почти против воли, а потому, что так было нужно, но все же, все же...

Многое здесь не очень нравилось ей.

Опять же эта сумасшедшая гонка за нелепыми светскими новостями, которыми ее «кормили» жены или подруги партнеров Максима. Все те же старые добрые факты о том, кто на ком женился, кто с кем развелся, кто кому изменяет, кто кому клянется в любви и верности. Сплошное однообразие! И ко всему прочему, опять этот едкий смех, равнодушные восклицания в попытке показаться учтивым.

Какая-то дышащая фальшью обстановка, от которой Лена всегда задыхалась.

И все же, она чувствовала, что что-то не так. По-другому, иначе, не так, как всегда.

Извинившись перед знакомыми, она двинулась к столику с напитками.

Может быть, все дело в той части дорогого ресторана, где проходил вечер?

Этот зал девушке нравился. Выполненный в восточном стиле, светлого цвета, с красивыми арками, высокими потолками и многочисленными светильниками и бра, увешанными вдоль стен.

Устав от смеха и бесполезных сплетен, которыми ее продолжали снабжать женщины, Лена прикрыла глаза, покачав головой. Сжала ладони в кулаки, почувствовав, что кожа стала влажной и липкой. Разжала руки и бросила быстрый взгляд в сторону мужа.

Чтобы лишний раз убедиться в том, что он наблюдает за ней.

Находясь в противоположной части и о чем-то беседуя со своими партнерами, он смотрел на нее. Весь вечер. И она чувствовала его взгляд. Прямой или искоса, внимательный или рассеянный, чувственный или жесткий. Но она чувствовала его. Всегда.

Эта нервная дрожь, стремительно пробегающая вдоль позвоночника, проникающая, казалось, в каждую клеточку тела. Биение сердца в ребра, сумасшедшее, безумное биение. И пульс врывается в вены, грубо, настойчиво, призывно. А в горле вместе десятка слов, которые она могла бы произнести, лишь тихий стон.

Девушка шумно вздохнула и опустила глаза.

Что-то изменилось в их отношениях с Максимом, и она чувствовала это. Ощущала каждым ударом сердца, бывшего для него одного. Каждым покалыванием острых иголок в кожу. Каждым порывом дрожи, врывавшимся в позвоночник, подобно стихии. Жарко или холодно, стремительно или протяжно...

Она просто чувствовала, она просто знала.

После разговора о ребенке...

Что-то изменилось. Надломилось, треснуло, разбилось...

Разбилась вдребезги прошла жизнь. И девушка не знала, к лучшему это или к худшему.

Действительно ли что-то изменилось или она придумала для себя эти изменения?! Не

из-за того ли, что так сильно хотела, чтобы что-то изменилось?! Не потому ли, что она сама изменилась?!

Или ей просто хотелось верить в то, что она меняется? Просто потому, что так сильно и отчаянно хотела перемен, что поверила в них?! Или же действительно переживала эти перемены?..

Лена прикрыла глаза, поджимая губы.

Максим не говорил ей об этом. Ни разу после того памятного разговора о ребенке. В тот вечер он лег рядом с ней, обнял сзади за талию и, щекоча губами и теплом дыхания ее шею, прошептал, что не может дать ей то, что так отчаянно хотела. Не сейчас, не через год, не через два...

Он никогда не хотел детей. И Лена прекрасно знала об этом.

После событий, что произошли девять лет назад, он никогда не хотел детей. Он даже разговор ей на эту тему заводить запретил. И она покорно молчала, чувствуя свою вину.

А несколько дней назад... не сдержалась, не вытерпела, попросила...

Она подумала, что можно, что негласный запрет снят, что он не отвернется, не отвергнет, что поймет...

Не отвернулся и не отверг. Не понял.

Она так отчаянно хотела ребенка от него! Хотела держать на руках своего малыша и зажимать его маленькую ладошку пальцами, гладить мягкую нежную кожу и целовать его на ночь, напевать ему песенки и улыбаться, слыша его громкий смех, читать сказки на ночь и умиленно смотреть на свое посапывающее чудо. Хотела не плакать больше и не чувствовать острую боль в сердце, когда видела детей в городском парке, и не убегать от реальности в тот самый парк, который когда-то отнял у нее самое дорогое.

Она просто хотела спрятаться от боли, заполнявшей ее сердце, за смехом своего малыша.

Но и в этом Максим ей отказывал.

Может быть, слишком рано она решилась, осмелилась заговорить об этом?..

Брови сошлись на переносице, а губы горько скривились.

Но Боже, девять лет — это разве рано?!

Девять лет прятаться, скрывать, таить в себе боль и отчаяние, теплить в глубине души толику надежды на то, что когда-нибудь и ей улыбнется счастье?! Пытаться уверить себя в том, что поступает правильно?! Обманывать саму себя и по-прежнему оправдывать его?! Винить и корить себя за случившийся в их жизни ад и не иметь ни малейшей возможности сесть за стол и поговорить?!

Может быть, когда-то, несколько лет назад она упустила тот момент, когда еще можно было что-то изменить и исправить, попытаться начать жить заново, перевернув испачканную предательством и виной страницу их судьбы?.. Может быть, тогда, когда нужно было говорить, она молчала?!

А сейчас..? Что же сейчас?... Есть ли у них это сейчас?!

Лена чувствовала, что что-то не так, хотя и не могла сказать, что именно. Наверное, то, что происходило между ними, нельзя было выразить словами, не было таким слов, чтобы выразить состояние, в котором они находились. Его можно было только прочувствовать.

Но в чем причина этих перемен?.. В ней самой?.. Или в Максиме?..

Она стала другой. Нет, нет, не так... Она не смогла бы измениться окончательно, девять лет жизни, полной раскаяния за содеянное и решительное погребение себя под пеплом от

совершенной ошибки, не смогли пройти бесследно ни для Макса, ни для нее.

Просто некоторые вещи для нее стали простыми и выполнимыми. Она стала задумываться о том, как живет. И сколько лет боли и обиды прошло впустую! Столько лет... Девять лет. Она могла бы назвать число месяцев, недель и даже дней того ада, в котором прожила. Ни один не исчез из памяти, хотя они и были серыми, блеклыми и однообразными. Слишком много боли было, слишком много горечи и обиды.

Нужно было меняться. Давно нужно было меняться. Несколько лет назад. А может быть, это следовало сделать еще в самом начале пути в девятилетний ад, просто не вешая на себя ярлык виноватой?!

Как жаль, что для того, чтобы осознать, что ошибалась все эти годы, она должна была их пережить?.. Лишь для того, чтобы прийти к неоспоримой истине — только перемены могут ее спасти.

И первый шаг к ним она уже сделала.

А Максим?.. Максим тоже изменился. Она чувствовала эти перемены в нем.

В тот злополучный день принес ей цветы. Впервые за эти годы — принес ей цветы. А она оказалась такой недалекой идиоткой, что даже не оценила подарка! Даже спасибо не сказала.

Он перестал контролировать ее. Не звонил ей через каждый час, спрашивая, где она, с кем и что делает.

Она была в замешательстве, не зная, что и думать, и нервничала, переживала.

Но эти перемены не могли остаться незамеченными. Особенно на фоне тех лет, что прошли в постоянной гонке за проблемами, гноящимися ранами и ярлыками, которые они вешали друг на друга.

Как сложно все было.

Лена распахнула глаза и вздохнула, покачав головой.

Почему жизнь так сложна?! Или они сами усложняют ее?! Накручивают проблемы, как на катушку, и все сильнее и глубже увязают в водовороте боли и бессилия, заступая за тот край, где уже ничего нет, — только пустота, боль и одиночество.

Сердце дрогнуло, отзываясь эхом боли в груди.

Она почувствовала чье-то присутствие рядом с собой, но не обернулась.

Не Максим. Кто-то другой...

— Девушка? — знакомый мягкий голос, рядом, почти над самым ухом.

На душе потеплело, улыбка почти непроизвольно расплылась на лице.

Лена обернулась к Андрею, глаза ее светились.

Молодой человек, наклонив голову немного набок, подмигнул ей и протянул бокал шампанского.

— Девушка, можно вам угостить? — проговорил он с улыбкой, озарившей его красивое лицо.

Лена, улыбаясь, кивнула и приняла бокал из его протянутой руки.

Странно, но она даже не подумала о том, что скажет Максим. Ведь сомневаться в том, что наблюдает за ней, и, конечно же, видел приближение Андрея, не стоит.

Но почему в тот момент, когда она увидела светящиеся зеленые глаза и радостную улыбку, мысль о том, что мужу может не понравится это общение, проскользнула незамеченной, уступая место обычному желанию поговорить с молодым человеком, к которому, несомненно, питала нежные чувства.

Андрей приподнял бокал вверх, предлагая тост.

— За встречу? — игриво улыбнулся ей, скривив губы, и Лена кивнула.

Держится молодцом, даже, несмотря на сложный разговор в кафе, когда все точки над «и» уже были расставлены и приоритеты разобраны. И Андрею досталось лишь почетное второе место — место друга, пусть и лучшего, а лидирующие позиции, как и прежде, были отдано другому.

Девушка пригубила шампанского и посмотрела на Андрея, улыбнувшись уголками губ.

— Как ты здесь оказался? — проговорила она.

Светлые брови вопросительно приподнялись.

— Как, ты разве не знаешь? — он казался удивленным. — Я теперь партнер «Империи».

Лена ахнула, изумленным взглядом пронзая друга детства и понимая, что улыбается все шире.

— Так ты и есть тот партнер, которого ждал Максим? — воскликнула она.

— Ммм... Максим? — нахмурившись, пробормотала Андрей.

Сердце забило в груди сильнее и громче. Лена выдохнула.

— Эээ, да. Мой муж, — проговорила она смущенно и отвела глаза. — Максим Колесников.

Андрей удивился, она увидела это по его изменившемуся лицу. Брови вопросительно приподнялись, уголки губ опустились, глаза блеснули странным огнем, затаившимся внутри зрачков.

Бокал в его руке дрогнул.

— Значит, вот кто твой муж, — произнес он тихо. — Максим Колесников!?

Лена сглотнула, ощущая себя в чем-то виноватой. Может быть, ей не стоило признаваться?.. А смысл? Не узнал бы от нее, узнал бы позже от кого-то другого. Разве подобное можно скрыть?!

Смирится ли Андрей, вот в чем теперь вопрос. Ведь одно дело, знать, что у нее есть муж, и совсем другое — что теперь они будут вынуждены работать вместе.

Она посмотрела на мужчину, а тот грустно улыбнулся ей, глядя прямо в глаза.

— Знаешь, — проговорил он тихо, тронув ее за руку, — а я не удивлен.

Слишком двоякими были эти слова, и эту двойственность заметила и Лена, вздрогнув всем телом.

Острые иголки мгновенно вонзились в плоть, проникая под кожу и парализуя ее.

— Я не знала о том, что ты наш партнер, — проговорила Лена, надеясь на то, что голос звучит ровно.

— Я тоже об этом не знал, — горько усмехнулся Андрей, стискивая бокал. — Ты работаешь вместе с мужем?

Девушка покачала головой.

— Нет, не работаю.

— Тогда ты, наверное, пошла работать по специальности? — он весело подмигнул, всеми силами стараясь вернуться за ту негласно проведенную черту, которую они уже перешагнули, и вернуть разговор в прежнее беззаботно легкое русло. — Кондитер, насколько я помню?

Лена улыбнулась, глаза ее засветились. Снова.

Интересно, если задуматься и посчитать, насколько чаще она улыбается в общении с Андреем, чем в разговорах с Максимом?.. Статистика ужаснула бы результатами.

— Да, кондитер, — подтвердила она. — Но я не работаю по специальности. Я вообще не работаю, — тихо добавила она, опустив глаза.

Андрей замер, нахмурился, а потом выдавил из себя:

— Почему?

Самый сложный вопрос из всех, которые вообще можно задать, это вопрос почему. Он требует анализа.

Лена пожалала плечами и взмахнула рукой, другой стиснув бокал.

— Не знаю, так получилось, — подняла на него грустный взгляд. — Не устроилась сразу... Потом семья...

— Он тебе не позволяет, да? — напрямую спросил Андрей, внимательно глядя на ее смущенное лицо.

О ком именно говорит мужчина, можно было и не угадывать.

— Нет, — проговорила она, осознавая, что говорит не всю правду. — Максим здесь ни при чем. Просто, — она поджала губы и отвела взгляд в сторону, — так сложилось, что... не получилось.

— А ты хочешь, чтобы получилось? — вновь напрямую спросил Андрей, пронзая ее острым взглядом.

И вновь она смущенно отвела глаза.

— Да, я хотела бы, — призналась она, не смея солгать ему в этом. — Но сейчас сложно устроиться. Я потеряла много лет, да и практики у меня не было. Сейчас это, наверное, уже нереально.

Она грустно вздохнула, и Андрей тронул ее за руку, нежно и легко касаясь шелка кожи, провел по нее большим пальцем, словно успокаивая, а потом проговорил, ласково глядя на нее:

— Не бывает ничего нереального, — уверенно, твердо, со знанием дела.

Она доверчиво заглянула ему в глаза, неуверенно улыбнулась.

— Ты так думаешь?

— Конечно, — с неохотой отпустил ее руку, вздохнул. — Я подумаю, как тебе помочь.

И если ты хочешь работать, то ты будешь работать.

Карие глаза засияли сотнями, тысячами, миллионами звезд. Счастливая улыбка расплылась на лице.

— Серьезно? — проговорила она изумленно. — Ты, правда, можешь?

— Если ты хочешь...

— Я очень хочу! — уверила она его, схватив за руку.

— Тогда, — он посмотрел на застывшую на своем локте маленькую ладошку и накрыл ее своей рукой, заглянул в доверчивые темно-карие глаза, горящие надеждой и верой, — я постараюсь тебе помочь. Обещаю.

Лена сжала его руку, улыбнулась, расцвела, воскресла, воспылала.

А Андрей не отводил от нее глаз, зачарованно глядя на дорогое сердцу и душе лицо.

Лицо, которое даже десять лет не смогли вычеркнуть из его памяти.

— Ты сегодня очень красивая, — произнес он тихо, почти шепотом, одними губами, боясь нарушить атмосферу тепла, уюта, проникновенности и нежности.

Лена выдохнула, приоткрыв губы, и в смущении опустила взгляд.

— Спасибо.

Андрей пожал плечами и поджал губы.

Не его женщина. Не его. Смириться бы, а он не мог.

Странная штука — жизнь, творит, что хочет, сталкивая людей на одной дороге, а потом раскидывая их по перекресткам. Вынуждая страдать, любить, ненавидеть, испытывать нежность... И оставаться на разных ниточках мироздания, бессильных перешагнуть ту невидимую грань, что начертила судьба.

— Я вам не помешал?..

Грозное, предупреждающее, почти злобное. Произнесенное сквозь зубы, на выдохе, жестко.

Сомнений не было, просто не могло быть.

Максим Колесников, собственной персоной.

Андрей понял бы это и по тому, как встрепенулась, вздрогнула, напряглась Лена, мгновенно отдернув свою ладонь от его руки и отойдя от него на несколько шагов назад.

Подняла на подошедшего взгляд, полный... чего-то странного, смешанного, непонятного.

Стиснула бокал в руке, сглотнула.

Такие мелочи, почти незаметные, едва уловимые, но такие отчетливые для Андрея.

Он устремил взгляд на подошедшего к ним мужчину.

Высокий, статный, волевой, жесткий, принципиальный...

А в глазах пылает синий огонь, вырисовывая черные блики искорками негодования и предупреждения.

«Она моя. И я ее никому не отдам!»

И Андрей понял, что с таким соперником бороться бесполезно. Проигравшим неминуемо станет он сам.

12 глава

«Хмурое утро

С холодным дождём.

Горько вдвоём»

Ника Турбина

Пасмурное утро, противное.

Свинцовые серые тучи сгустились над городом, укрывая его, словно саваном, и не пропуская тусклый солнечный свет, стремящийся озолотить верхушки старых елей, сосен и дубов своим сиянием. Накрапывал мелкий морозящий дождь, колкий и гадкий, острыми иголочками бьющий в лицо и скользкими влажными струйками стекающий по бледной коже, вызывая дрожь во всем теле.

Лена вздрогнула, почувствовав охвативший ее озноб, но, словно не обратив на него внимания и плотнее закутавшись в пальто, склонилась над могилой и опустила голову вниз.

Холодный северный ветер развевал выбивавшиеся из-под берета светлые волосы, и они лезли в глаза, в которых застыли слезы. Смахивая слезы замерзшими пальцами, не облаченными в перчатки, девушка закрыла глаза и глубоко вздохнула затхлый запах кладбища, перемешанный с запахом хвои и земли.

Здесь всегда становилось легче, несмотря на то, что слезы всегда против воли стекали по щекам. Сердце билось спокойнее и глуше, дышать было легче и глубже, какое-то блаженное умиротворение и спокойствие окутывали своим теплом, словно щупальцами, и руки не дрожали так сильно.

Лена посмотрела на застывшую на гранитном камне старую, уже пожелтевшую фотографию, и ощутила подступивший к горлу толстый густой комок, сглотнув который, почувствовала боль.

Бабушка... Дорогая, любимая, родная, самый близкий человек на всем земном шаре!

Умерла. Восемь лет назад. Именно в тот момент, когда ее внучке больше всего нужна была ее помощь, поддержка и совет. Именно тогда, когда Лене так хотелось почувствовать ее тепло и яркий свет, сияющий в груди, услышать нежный, ласковый, чуть хрипловатый голос, увидеть морщинистое лицо и потускневшие со временем голубые глаза, ощутить себя нужной кому-то.

Именно тогда, когда Лене так важно быть знать, что она не одна в этом мире, бабушка покинула ее.

Как она скучала по ней! Как молилась восемь лет назад, чтобы она выжила, когда та заболела и слегла в больницу без надежды на скорое выздоровление! Как надеялась, как ждала чуда! Как верила в то, что она не покинет ее в трудный момент, ведь никогда не покидала. Всегда обещала, что будет рядом, что поможет советом, что не уйдет и не оставит ее. Не обманула, — ошиблась.

Если бы тогда восемь лет, она была рядом, возможно, не было бы этих девяти лет ада и кошмара, не было бы раздирающего грудь чувства вины и ответственности за содеянное, не было бы острого комка в горле, слез по ночам, боли в сердце и давящих на грудь сожаления, обиды и горечи.

Она бы не допустила, она бы подсказала, как правильно, она бы не позволила случиться кошмару.

Лена ощутила, что слезы скользнули из глаз и заструились по щекам, проникая в рот и попадая на язык.

Восемь лет без нее. Она их пережила. Вытерпела и выстрадала право на завтрашний день.

Жаль только, что на то, чтобы осознать, как правильно, ей потребовалось много лет боли и обиды. Ей нужно было самой пережить свою боль, чтобы понять свою ошибку и не повторить ее.

Лена шмыгнула носом, дрожащими пальцами смахнула с лица слезы и уставилась на бабушкин портрет.

Только почему-то вместо такой родной приветливой улыбки перед глазами всплыло жесткое лицо с плотно сжатыми губами, сведенными бровями и волевым подбородком. Синие глаза с горящими внутри искорками укора сощурились и смотрят на нее, не отрываясь, словно наблюдают за ней. А острый орлиный взгляд словно предупреждает, словно уведомляет, словно говорит, что ей нигде от него не скрыться.

Лена приподняла уголки губ в горькой усмешке.

Она бы никуда не смогла уйти, даже если бы у нее и было подобное желание. Ей некуда было идти.

А вот Максим... Максим мог позволить себе многое, тогда как у нее прав не было. Она не додумалась за эти годы потребовать от него прав. Она упустила тот момент их отношений, когда нужно было настоять, заставить, отстоять свою позицию и высказать свои интересы.

А теперь оставалось пенять лишь на себя, сетуя на то, что она лишилась того, о чем сама не попросила, чего когда-то не потребовала. Она не могла теперь сделать тот шаг вперед, который увел бы ее в прошлое.

Прошлое нужно было перечеркнуть, перевернуть протертую с годами страницу и начать жить сначала.

Научиться мечтать, надеяться, верить в чудо. Нужно было заявить о том, что и у нее тоже есть права.

А Максиму никогда не нужно было много. Ему нужно было ровно столько, сколько он мог бы снести.

Золотая медаль в школе, красный диплом в институте, собственный бизнес, реализация мечты и успех.

Он всего этого достиг. Потому что всегда достигал поставленной цели.

С некоторых пор ему нужна была она.

И в тот вечер встречи с партнерами Лена отчетливо поняла, словно сквозь приподнятую вуаль увидела, осознала, что Максим никому ее не отдаст. Будь то друг, просто знакомый или случайный встречный.

Не отдаст, и заявил об этом напрямую. Не словами — взглядом, жестом, касанием.

Она не понимала подобной позиции по отношению к себе. Она никогда не давала

повода в себе усомниться, даже если бы у нее и было желание уйти...

Лена покачала головой и закрыла глаза.

Боже, если и нужно было уходить, следовало сделать это еще девять лет назад. Тогда, когда они еще не ступили на роковую дорогу, ведущую в никуда.

Ей нужно было найти в себе силы и уйти от него.

Ему нужно было смирить свою гордость и отпустить ее.

А сейчас... сейчас было слишком поздно.

Слишком поздно что-то решать, что-то менять, что-то осознавать и понимать. Потому что привычка — вторая натура, и очень сложно исправить то, что было заложено в тебя годами, и искоренить это в один миг. Она привыкла жить рядом с ним и быть его женщиной во всех смыслах этого слова.

Он привык к тому, что она всегда с ним, всегда его.

И все же, все же... девять лет это слишком много для того, чтобы принимать устоявшееся положение вещей и не пытаться что-то изменить. Потому что та медлительность и даже статичность, что закутала их в свой кокон, не давая и мгновения, чтобы вздохнуть свежего глотка, вдохнуть полной грудью, не урывками, не украдкой, поработала и угнетала, подводя их к той черте, за которой уже может быть слишком поздно что-то менять. Туда, где уже не будет правых и виноватых — где будут лишь руины оттого, что когда-то еще можно было спасти. Туда, где будет взрыв эмоций, чувств, характеров и положений. Где уже не будет достаточно глухого «прости», где будет мало «люблю». Туда, где жизнь начинается с чистого листа. И где слишком больно и страшно будет замереть в объятиях друг друга, чтобы начать все сначала друг с другом.

Лена наделась, что они не подойдут к этой невидимой грани, что словно бы разделяла их миры, но понимала, что изменения, которые стали происходить в их жизни — резко, стремительно, молниеносно, не смогут не оставить следов, остаться незримыми и блеклыми. Последствия будут носить взрывной характер. Потому что статичность не будет мириться с ворвавшимся в ее мир движением к переменам, она воспротивится, и, в конечном счете, это противостояние дойдет до своего логического финала.

Лена втянула в себя кладбищенский воздух и огляделась по сторонам.

Максима на кладбище еще не было. Он ушел рано утром, не разбудив ее, не предупредив о своем уходе, хотя раньше всегда будил, желая, чтобы она проводила его до двери. Она проснулась в холодной пустой постели и долго еще лежала с открытыми глазами, разглядывая потолок, и сотни раз прокручивая в памяти события вечера встречи с партнерами Максима. Вечера встречи с Андреем.

Она не ожидала, что встретит там его, никогда бы не подумала, что судьба решит посмеяться над ней еще раз. Посмеяться так зло, так подло, так... неоправданно жестоко. Андрей партнер Максима! Даже в самом страшном кошмаре не могло бы привидеться подобного. Максим никогда не должен был узнать о том, что они с Андреем виделись! И он не узнает, Лена верила тому, что Андрей будет молчать. И все же... странное предчувствие неминуемой беды не оставляло в покое.

Хотя, конечно, не стоит лгать себе и утверждать, что она была не рада увидеть его. Совсем наоборот. Среди этого тусклого разнообразия, безразличия, сплетен, равнодушных взглядов и немых вопросов, которые никогда не сорвутся с губ по причине их интимности, Андрей выделялся на этом фоне ярким привлекательным пятном. Он был для нее тем лучиком света, к которому она тянулась, которого ждала эти годы. Тот свет, к которому

нужно идти, чтобы не исчезнуть во мраке пустынных, одиноких, серых улиц вчерашнего прошлого. Человек, которому, очевидно, было не все равно, что с ней происходит.

Она рада была его видеть. И в тот момент ей было действительно все равно, что может подумать Максим, что он скажет ей потом, как он вообще отреагирует на появление рядом с ней старого друга.

Она была счастлива, что на этом островке шумного молчания и глухого равнодушия нашла родственную душу.

Она уважала Андрея. Не только за то, что он пообещал помочь ей с работой, хотя за это была ему отчаянно благодарна, но и за то, что он не пасанул и не испугался встречи с Максимом, хотя она, по правде говоря, был охвачена какими-то противоречивыми чувствами, когда муж подошел к ним.

Андрей держался сдержанно и стойко, ни на миг не поддавшись охватившему его неприятному чувству.

Она увидела по его лицу и глазам, что он понял, кто это, еще до того, как Максим представился. Ей хватило и мгновения, чтобы это осознать, как и ему хватило лишь секунды, чтобы понять, кто перед ним.

Ее словно молнией ударило, когда она услышала голос мужа за своей спиной, и выпрямилась, натянутая, словно гитарная струна, когда увидела его силуэт рядом с собой, его грозное лицо с застывшей на нем каменной маской и угрозой, с глазами, пылающими синим пламенем, она вздрогнула.

Не в силах пошевелиться или что-то сказать, она просто молчала, не отводя от него взгляда.

Андрей застыл рядом, твердо встречая грозный взгляд, направленный на него.

От этого взгляда даже Лену пронзило острой стрелой, но Андрей держался очень стойко.

Минутное молчание стало давить на них тишиной, неопределенностью и горькой слезью. А мгновения все бежали, перетекая из одной минуты в другую.

— Максим Колесников, — проговорил Максим, наконец, сузив глаза, превратившиеся в острые льдинки, и протянул руку вперед. — Муж Лены.

Лена вздрогнула, слушая громкие монотонные удары сердца в грудь.

Как-то странно прозвучало это слово из его уст. Муж...

Андрей долго смотрел на Максима прямо в глаза. Не испугавшись, не отстранившись, не смутившись.

Он не сделал ничего такого, за что ему пришлось бы краснеть, хотя Максим и смотрел на него взглядом хищника, у которого отняли его добычу. Но Андрей... он вел себя по-мужски.

Решительно протянул вперед твердую ладонь, не отводя от Макса твердого взгляда, и проговорил:

— Андрей Порошин, — его голос не дрогнул ни на миг. — Друг Лены.

Максим пронзил его колким взглядом, оценивая противника и последствия его вмешательства в их с Леной жизнь, а потом, плотно сжав его руку, поджал губы и выдавил сквозь зубы:

— Понятно.

Лена повела плечами, окутанная ознобом.

Сухо, коротко, безэмоционально. Она никогда не слышала в тоне его голоса подобных

ТОНОВ.

Максим резко выпустил руку Андрея из своего захвата, сделал уверенный полушаг, что отделял его от Лены, и захватил ее в плен своих рук, обнимая за талию и прижимая к себе.

— Ты не устала? — совсем другим, нежным и ласковым голосом прошептал он, наклонившись к ее уху.

Поборов стеснение, смущение и колючую, но сладкую дрожь, вызванную его теплым дыханием на шею, Лена опустила взгляд в пол и покачала головой.

— Нет, — прошептала она, едва дыша.

Максим уткнулся носом ей в затылок, вдыхая аромат волос и шелковистой кожи.

— Ты уверена?.. — его шепот обжег ее кожу, словно щупальцами захватывая в плен.

— Да, все хорошо, — пробормотала она, поднимая глаза на Андрея.

Боже, как неудобно! Какое острое смущение разливается к щекам! И сердце колотится в груди, словно сумасшедшее! А пульс участился в несколько раз, разнося кровь, наполненную адреналином, по венам.

Почему Максим так поступает? Что он делает и зачем?! Он никогда — никогда за девять лет! — так не поступал, всегда ограничиваясь тем, чтобы подхватить ее под локоть и осведомиться о ее самочувствии или увести с мероприятия. А сегодня... Почему сегодня он решил проявить подобную нежность?!

Лена осмелилась бросить на Андрея быстрый взгляд.

На его лице застыла равнодушная маска. Плотные сжатые губы, сведенные брови, бокал в руке дрожит от сдерживаемых чувств, на щеках легкая краска... Но его глаза! Эти зеленые глубины сказали ей все!

Разочарование, удивление, обида, недоумение, гнев, непонимание и неверие. Тоска. Безграничная тоска.

Проследив за ее взглядом, Максим, поднял глаза на Порошина, зло сощурившись.

— А что, Андрей... Николаевич, — обратился Максим к Андрею с неохотой, — вы здесь представляете Потапова?

Андрей нахмурился, вызывающе поднял подбородок и проговорил:

— Да, Максим... Александрович, верно? — бросил быстрый взгляд на Лену, что не ускользнуло от Максима — Это так. Вас что-то смущает? — усмехнулся, едва заметно скривив губы. — Я хороший партнер, никто раньше не жаловался, можете не беспокоиться.

Лицо Максима помрачнело, Лена почувствовала, что его пальцы стиснули ее талию.

— Надеюсь, и нам не придется.

Он притянул Лену к себе, крепче прижимая ее к себе. Она слышала бешеное биение его сердца, частое дыхание, касавшееся ее волос и щеки, и дрожала от ощущения его такой обезоруживающей близости.

Лена знала, что Максим всегда демонстрировал, какая у него замечательная жена, показывал ее друзьям, как красивую статуэтку, но вместе с тем держался прохладно и отстраненно, словно не желая выносить сор из избы и показывать, какие у них отношения за пределами праздника. Он никогда раньше не проявлял своих чувств по отношению к ней на людях. Редко целовал даже в щеку, и уж конечно же, никогда не проявлял такой всепоглощающей нежности, захватывая в свои объятьях и нашептывая ласковые слова.

Сегодня он был другим, словно убаюкивая и успокаивая своим голосом. И Лена не могла не признать, что подобная перемена, чем бы она не была продиктована, была ей приятна.

Он никогда не запрещал ей общаться с его партнерами и друзьями, с тем же Петром Беркутовым, который, как ей казалось, знал всю правду о том, что между ними происходит, и не потому, что Максим мог рассказать ему об этом, он бы никогда этого не сделал, а потому, что, будучи по натуре очень внимательным и проницательным человеком, он видел и подмечал даже то, что ускользало от других глаз.

Но сегодня, сейчас Максим вел себя странно, неожиданно.

Почему он вмешался в разговор?..

Потому что она разговаривала не просто с его партнером, а со своим старым другом? С Андреем?!

Предположить, что в Андрее Максим заметил соперника, было столь же неожиданно и странно, как и чувствовать его крепкий захват на своем теле и нежные слова, смешанные с теплом дыхания на коже.

Лена знала, интуитивно чувствовала, что Макс никогда не отпустит ее, не позволит флиртовать, если бы она была способна на это, не позволит почувствовать себя уязвленным ревностью... Но никогда до того вечера Максим так открыто не демонстрировал то, что все права на нее принадлежат ему, как мужу.

Неужели действительно все дело в том, что она разговаривала с Андреем?.. Но ведь он просто друг.

Тем не менее, в тот вечер с Андреем она больше не общалась, Максим увел ее в сторону под каким-то нелепым предлогом, и оставшуюся часть вечера провел рядом с ней, вызвав тем самым град удивленных взглядов, направленных на них. А когда они ехали в машине, выпытывал, о чем они с Андреем беседовали, но, наткнувшись на ее нежелание отвечать откровенно, просто замолчал, хмурясь и стискивая зубы.

В тот вечер он, едва они попали в квартиру, поцелуями, скольжениями руки вдоль тела, горчим шепотом в губы и частым дыханием, поднимавшим волоски на ее коже, пытался доказать — ей? или себе?! — что она принадлежит ему, и не отпустил ее до того момента, пока с ее губ не сорвался стон подтверждения...

Порыв холодного ветра, заставший ее врасплох, заставил Лену поежиться и втянуть плечи.

Она тяжело вздохнула и посмотрела на часы. Без четверти одиннадцать.

Приедет Максим или нет?.. Они, даже не договариваясь, в этот день всегда встречались на кладбище.

Потянулась за телефоном, долго смотрела на него, не решаясь набрать заученный наизусть номер, а потом все же рискнула. И стала ждать ответа, слушая монотонные длинные гудки.

— Да? — послышался встревоженный голос мужа. — Лена? Что-то случилось?

Лена опешила, а потом, переборов смущение и удивление, проронила:

— Ты приедешь?

— Куда? — кажется, он озадачен?

— На кладбище, — запинаясь, проговорила она, а потом, взяв себя в руки, добавила: — По бабушке восемь лет, — на мгновение прикрыла глаза и тихо спросила: — Ты забыл?

Молчание, тяжелый вздох. Она почти явственно ощущала его смущение и сожаление. Забыл...

— Я... честно говоря, — пробормотал Максим, — да, забыл.

Лена прикрыла глаза, сводя брови, сглотнула.

— Так ты приедешь?

Она услышала, как он чертыхнулся себе под нос. Сердце в ее груди болезненно сжалось.

— Я не могу сейчас, — пробормотал он. — Черт, Лена... У меня... у меня важные переговоры.

Важные переговоры...

Лена прикрыла глаза, зажмурившись сильнее. Она даже догадывалась — какие именно!

Но почему именно сегодня — в этот день?!

Дрожь обдала ледяным холодом, скользкой змейкой метнувшись в кончики пальцев и ударив в сердце, вынуждая его биться сильнее и чаще.

— Понятно, — прошептала она через силу.

Глубокий вздох, затем тяжелый выдох. Она услышала достаточно, но все еще сжимает телефон дрожащими пальцами не в силах отключиться.

— Лена! — воскликнул Максим встревоженно. — Прости, что я забыл. Черт, я замотался, и... — секундная пауза, а потом: — Я бы приехал, ты же знаешь, просто... —

вновь грязно выругался в полголоса. — Я не могу отменить эти переговоры. Если бы мог, я...

— Все ясно, Максим, — тихо, но настойчиво перебила. — Я все понимаю.

Он вновь чертыхнулся, и она повела плечами, вздрогнув всем телом.

— Черт, Лена!

Она могла бы предположить, что сейчас он, скорее всего, ходит по кабинету, яростно сжимая телефон, ругается, конечно, щурится и злится. Злится на себя, не на нее. За то, что забыл, что упустил что-то из виду, что она сейчас стоит одна на ветру, а он не сможет подъехать и спасти ее от его порывов.

— Что, Максим? — проговорила она, не желая слушать его ответ.

Сердце кольнуло острой болью, отдававшейся в висках.

— Если бы я мог, я бы приехал, — сдержанно выговорил он, очевидно, пытаясь не сорваться.

— Я знаю, — коротко бросила Лена, сжимая руки в кулаки и оставляя на ладонях следы от ногтей.

И тут он взорвался. От ее спокойного, почти равнодушного тона голоса.

— Черт!! Ничего ты не знаешь! — закричал он. — Что ты себе уже напридумывала?!

Не больше того, что есть на самом деле, горько подумала девушка, но промолчала.

— Лена, у меня переговоры с твоим... — он вновь чертыхнулся, сцепил зубы и выдавил со злостью: — С Порошиным.

— С Андреем?

Ему удалось ее удивить.

— Да, — выдавил он из себя, — с Андреем Николаевичем.

Лена покачала головой.

Она может позвонить Андрею и узнать, правда ли это, но... вдруг стало все равно.

— Тебе не нужно передо мной отчитываться, — проговорила она, — я же понимаю, что ты работаешь...

— Лена! — воскликнул он, перебив ее. — Что я слышу? — а потом подозрительно глухо добавил: — Это упрек?

Она знала, что сейчас он, очевидно, застыл посреди кабинета и, щурясь, вглядывается в пространство. Руки сжимает в кулаки, чтобы не втемашить их в стену или не разнести по кусочкам полкабинета, но ей по-прежнему было все равно.

— За что мне упрекать тебя? — проговорила она едва ли не с вызовом. Она могла бы предъявить ему целый список упреков, если он пожелал. Решительно она добавила: — Нам нужно будет поговорить.

Молчание. Ему не понравился тон ее голоса. Вновь. И она поняла это.

— О чем? — жестко выдавил он

— О моей работе.

— Ты нашла работу? — сдержанно выдохнул он.

— Нет, еще нет... — проговорила она тихо. — Просто я подумала, что...

— Что?..

— Я хочу работать, — уверенно заявила девушка. — Не хочу больше сидеть на твоей шее.

Он чертыхнулся, и ее сердце задрожало.

— Ты не сидишь на моей шее! — укоризненно воскликнул Максим.

— Девять лет я не работаю, — словно не обращая внимания на его слова, проговорила Лена. — Эти стены убивают меня. Мне нужно чем-то заняться.

Он тяжело задышал, с трудом втягивая в себя воздух. Данная идея, видимо, не очень-то ему и нравилась.

— Это не твой... старый друг навел тебя на эту мысль? — сквозь зубы выдавил он.

Лена вскинула вверх подбородок.

— Нет. К тому же мы уже говорили с тобой об этом, но ты, как всегда, ушел от разговора, — проговорила она, почувствовав в себе уверенность. — И я сейчас хочу поставить тебя перед фактом: я хочу работать.

Она ожидала взрыва от него, того, что он сорвется, закричит. Возможно, на это его и провоцировала, но так и не дождалась. Он со свистом втянул в себя воздух, а потом зашипел.

— Мы поговорим об этом вечером, — сказал он резко, — когда я приеду.

— Хорошо, — согласилась девушка. — Поговорим.

Вечером, так вечером... Это будет интересный разговор...

— Лена... — выдавил вдруг Максим.

— Да?..

Неужели это его голос, такой неуверенный, тихий, глухой?..

— Да так... ничего, — неуверенно протянул он. — Ничего, — повторил он тише. — Ты же знаешь, что я приехал бы, если бы смог. Маргарита Ивановна была мне так же близка, как и тебе.

Лена опустила голову вниз, надеясь сдержать непрошеные слезы. Подбородок задрожал, а в горле мгновенно пересохло. Она это знала. Так же, как знала и то, что простит ему то, что он не приехал.

— Да, — прошептала она, — я знаю.

— Ты не обижаешься на меня за это? — нерешительно проговорил он.

Удивленная его вопросом, Лена прошептала:

— Все хорошо, не переживай.

— Мы поговорим вечером, — клятвенно заверил ее Максим, а потом виновато: — Прости, мне нужно идти.

Она выдохнула и посмотрела вдаль невидящим взглядом.

— Да, да, конечно, — выдавила она, скривившись. — Иди.

— Хорошо, — пробормотал он, — пока...

— Пока...

Ниточка связи готова была вот-вот разорваться, и вдруг...

— Лена! Подожди! — вдруг воскликнул он громко, настойчиво, заставив ее вздрогнуть.

— Да?..

Молчание, глубокое и затяжное, оно разрывало нервы от напряжения и страха, сковывало, не позволяло дышать полной грудью, вытягивало нервы в одну стройную полоску, напряженную и надрывную.

Лене казалось, что еще чуть-чуть и она упадет в обморок от нехватки кислорода, потому что так и не смогла вдохнуть.

— Я... я... — проговорил, наконец, Максим, сглотнув. — Целую тебя...

Лена прикрыла глаза, чувствуя, как стучит в груди сердце, а потом выдавила из себя:

— Я тебя тоже, — тихо, почти шепотом. — Пока...

— Пока.

И отключилась. Долго смотрела на телефон, не решаясь положить его в сумку, а потом закрыла глаза.

Что-то изменилось. И это не пустые слова, не просто звук. Реальность. Она ощущала изменения в воздухе, в каждом новом глотке воздуха, которые она совершала, в каждом слове и жесте, в том неуютном мире, что окружал ее, а сейчас стал менять, словно по мановению волшебной палочки.

Что-то безвозвратно изменилось.

Накинув сумку на плечо, Лена бросила последний взгляд на надгробие.

— Если бы ты только могла подсказать, что мне делать, — проговорила она, глядя на фотографию бабушки.

Губы ее дрогнули, по щеке скатилась слеза, и она смахнула ее пальцами.

Резко повернувшись, Лена вышла за ограду, прошептала слова прощания и медленно направилась прочь, засунув руки в карманы пальто и низко опустив голову.

Он еще долго смотрел на телефон, зажатый в руке, словно надеясь на то, что он вновь может зазвонить. Затем, поджав губы, мучительно медленно отложил его в сторону, сцепил пальцы и поджал дрожащий подбородок, стараясь унять дрожь, охватившую все тело. Закрыв глаза и тяжело вздохнул.

Как же он испугался за нее!! Боже, он почти чувствовал липкий, удушающий страх, расплзающийся по телу и холодной струйкой стекающий вдоль позвоночника. Ощущал его в себе, в бешено бьющемся сердце, когда отвечал на звонок. Помнил, как кровь стучала в висках, когда увидел ее имя на дисплее телефона!

Он никогда не думал, что сможет когда-нибудь еще раз так волноваться за нее!! Он думал, что все страхи должны были остаться в прошлом, когда они похоронили их девять лет назад. Да и сейчас причин для волнения не было, и все же...

Внутри него все кричало о том, что что-то случилось.

Случилось. Он забыл о годовщине смерти Маргариты Ивановны!

Максим зло чертыхнулся сквозь плотно сжатые зубы.

Как он мог забыть?! Назначил встречу с партнерами именно на этот день!?

Он ощущал, что Лена обижена на него за это. Она не сказала вслух, не произнесла ни слова обвинения в его адрес, не подала это вздохом или всхлипом. Она как-то... равнодушно приняла тот факт, что он не приедет. И он понял — он ее задел. Обидел. Оскорбил память

бабушки. И ему не было оправданий.

Она хотела отключиться, чтобы страдать в одиночку и плакать за его спиной, пока никто не видит, униженная и оскорбленная, но он не хотел, чтобы она страдала! Чтобы плакала — не хотел! Чтобы страдала из-за него — не хотел! И отпускать ее — тоже не хотел! И он сказал... эти слова. Сам не осознал, как они сорвались с его губ, из каких глубин вырвались во вне, обжигая своей искренностью и воздушностью.

Он сказал... и стало легче. На какую-то сотую долю мгновения. Пока Лена, не придя к себе, проговорила в ответ тихое «я тебя тоже».

Он не этого ждал. Не это хотел услышать. Не на это надеялся.

Секундная легкость уступила место тягучему и вязкому чувству разочарования и обмана в своих ожиданиях.

Холодный пот выступил на лбу, и Максим смахнул его пальцами, ощущая скользкую влажность почти так же явственно, как и это гнетущее разочарование.

Мужчина распахнул глаза и невидящим взглядом уставился в пространство.

И сейчас Лена стоит на кладбище. Одна. На ветру, под мелким морозящим дождем, который он уловил взглядом, когда выглядывал в окно. Она смотрит на зажатый в руке телефон несколько минут, а потом дрожащими пальцами кладет его в карман. Плачет?.. Всхлипывает?.. Негодует и обижается?..

Черт возьми, как же он мог забыть о том, что встреча назначена именно на сегодняшний день?!

Встреча с Порошиным. Андреем Николаевичем.

Максим напрягся, натянулись нервы, выпрямился позвоночник.

Встреча с Лениным другом детства. Партнером Потапова. А теперь и его партнером тоже.

Слишком опасный, чтобы держать его на расстоянии.

Слишком опасный, чтобы позволить ему приблизиться к Лене на расстояние вытянутой руки.

Слишком опасный, чтобы забыть о его существовании и пропустить мимо себя те взгляды, которые он украдкой бросал на его жену! Чтобы поверить в то, что он просто друг. Чтобы не усомниться в том, что ему больше ничего от нее не нужно!

Андрей Порошин был самым опасным мужчиной из Лениного окружения, с которым когда-либо приходилось Максиму встречаться. И позволить ему ускользнуть... сейчас, когда велика вероятность того, что он не остановится и не уступит?.. Это было бы самоубийством.

Максим прочитал в его глазах слепую уверенность, решимость, настойчивость. Он не был смущен или сконфужен, хотя и подобрался, едва Максим подошел к ним. Он смотрел твердо, прямо, внимательно, словно оценивая и раскладывая по полочкам следующие шаги по достижению цели...

Максим грубо выругался и вскочил с кресла, метнувшись к окну.

Черт возьми, он просто себя накручивает!

Облокотился локтями о подоконник, опустил голову вниз и прикрыв на мгновение глаза.

Лена любит ЕГО. Только его. Порошин для нее просто друг. И если он хочет рассчитывать на что-то большее...

Максим стиснул зубы, резко поднимая голову и вглядываясь в стекла, заволоченные дождевыми струйками, и сжал руки в кулаки.

Он никогда не получит то, что хочет!! Лена любит его и принадлежит ему. А Порошин... просто друг и, даже если рассчитывает на что-то большее, никогда не получит то, что хочет.

Мгновенный сигнал телефона ворвался в его сознание, заглушая горькие мысли.

Максим, бросив на телефон раздраженный взгляд, с тяжелым вздохом подошел к столу.

— Да, Марина?

— Максим Александрович, все уже собрались в конференц-зале, — проговорила девушка, — ждут только вас.

— Петр Михайлович уже там?

— Да, он появился пять минут назад.

Максим устало вздохнул. Хотелось послать все к черту. Эти переговоры, партнеров, Порошина... Просто послать все к черту и мчаться на всей скорости к Лене. Обнять ее, крепко прижав к груди, заглушить слезы, которые, очевидно, скользят по ее бледным щекам, вдыхать сладкий аромат волос, действующий на него, как наркотик, слушать частое прерывистое дыхание, успокаивать ее и шептать, заверять, кричать о том, что он никогда ее не оставит.

А вместо этого...

— Максим Александрович?..

Мужчина вздрогнул, нахмурился, недовольно посмотрел на телефон.

— Да, Марина?

— Вас тут... просит к телефону Лика Нуварова, — осторожно проговорила девушка. — Что ей сказать?

Чертыхнулся себе под нос. Только ее и не хватало!

Неужели когда они разговаривали в последний раз, она так ничего не поняла?! Идиотка!

— Она уже не в первый раз звонит, — подала голос Марина. — Может, ей что-то...

— Меня нет, — выдохнул Максим с едва сдерживаемой злобой. — Для нее меня нет.

Марина не стала спорить или переспрашивать, сразу все поняла.

— Хорошо, я передам, что вас сегодня не будет, — тихо и спокойно заявила она

— Да, — кивнул мужчина. — И сообщи всем, что я скоро буду.

— Да, конечно, — заверила она его, и он отключился.

Нуварова. Черт ее побери! Как она посмела..? Как она решилась..?

Глаза зло сощурились, но он приказал себе успокоиться.

Набрал в грудь больше воздуха, накинул пиджак, застегнув его на все пуговицы, и вышел в конференц-зал.

Он освободился, как только смог. Почти два с половиной часа потребовалось на совещание. Затем еще пару часов на то, чтобы осмотреть предприятие, уточнить и уладить некоторые детали. Затем пришлось созвониться с поставщиками и уладить вопросы перевозки.

В результате Максим освободился только к пяти.

Дав указания Марине и попрощавшись с Петром, который решил остаться в офисе еще на час, он стремительно выскочил из офиса, подгоняемый порывами хлесткого промозглого ветра, теребящего полы его черного пальто, и направился напрямик к машине, мечтая лишь о том, что через какие-то двадцать минут он окажется в тепле и уюте собственной квартиры, где его ждет Лена.

Его Лена. Его дорогая, родная, самая лучшая женщина в мире!

В глазах блеснул огонек предвкушения встречи с ней, и мужчина ускорил шаг. Утром он не стал будить ее, накрыв одеялом обнаженные плечи, поцеловал ее в висок, затем нежно коснулся губами щеки, шеи, оставил след поцелуя на губах и, на мгновение задержав подрагивающие пальцы в волосах, поразился их гладкости и шелковистости.

Ангел. Его светловолосый нежный ангел!!

Она, конечно же, обиделась за то, что он не пришел на кладбище. Он и сам понимал, что поступил очень плохо. Но черт, он уважал Маргариту Ивановну, действительно, уважал, он считал ее мудрой женщиной, и в тот год, что был знаком с ней, он не мог бы сказать о ней ни одного плохого слова.

Ее внезапная смерть стала ударом и для него тоже, что уж говорить о Лене!? И он бы обязательно приехал «повидать» ее, если бы смог. Но он не смог. Переговоры с Потаповым, а точнее, с Порошиным невозможно было ни отменить, ни отложить. И в этом была, конечно же, его вина. Нужно было заранее выделить место в своем расписании для Лены и Маргариты Ивановны, а он... Черт, он поступил, как бизнесмен, поставив работу на первое место. Сглупил. Тогда, когда семья стояла на грани краха, он должен был ее спасти.

Покачав головой, словно отгоняя от себя дурные мысли, Максим двинулся вперед.

Он приедет домой, поговорит с Леной, все объяснит ей...

Она поймет. Она не осудит, она должна понять.

Он щелкнул сигнализацией, подходя к машине, и тут же застыл на месте, как вкопанный, когда прямо перед ним, словно из ниоткуда, словно из тумана возникла невысокая женская фигурка, облаченная в бежевое пальто, с большим шарфом, без шапки, с распущенными по плечам золотистыми локонами.

Улыбнулась улыбкой, которая ему не понравилась, и Максим побледнел.

— Лица? — выдавил он сквозь зубы, зло сощурившись.

Она скривилась, приподняла тонкие бровки и проговорила:

— Что, не ждал, дорогой? — усмехнулась девушка, внимательно окинув его взглядом. — Спешешь домой к любимой женушке? — ехидно хохотнула, подходя ближе — Ты ей не рассказал про наш маленький секрет?

Максим сжал руки в кулаки, начиная терять терпение, стиснул зубы и выдавил:

— Что ты здесь делаешь?!

Она приторно сладко улыбнулась, легко повела плечами, и, подойдя к нему ближе, почти коснувшись грудью его груди, прошептала, заглянув в глаза:

— А ты разве не догадываешься?

Ему не понравилась хрипотца, звучавшая в ее голосе. И этот блеск в глазах. Частое дыхание и плотоядная улыбка.

Максим с силой схватил девушку за руку и оттолкнул от себя, увеличивая расстояние между ними.

— Нет! — отрезал он, делая резкий шаг к машине. — Не догадываюсь.

Лица схватила его за локоть, вынуждая посмотреть на нее, но Максим не шелохнулся.

— Так я тебе напомню! — выдохнула она злобно. — И женушке твоей тоже напомню. Хочешь этого?

Максим застыл, сжав зубы так, что на скулах заходили желваки, резко обернулся к ней и напрягся всем телом, выпрямилась спина, натянувшись, как гитарная струна, а глаза, злобно сощуренные, пронзили ее адским синим пламенем.

— Что тебе надо?! — процедил он сквозь зубы.

Ли́ка бросила быстрый взгляд на него, потом на машину, потом вновь посмотрела на него.

— Может быть, поговорим в салоне? — пожал плечами, предложила она. — Здесь холодно.

— А мне плевать! — грубо отрезал Максим. — Что тебе нужно?!

Ли́ка поджала губы, обиженная его протестом, светлые бровки взметнулись вверх, уголки губ опустились. Блеснувший в глазах ядовитый огонек обжег его кожу.

— Ну, если ты настаиваешь... — протянула она, делая быстрый шаг к нему. — Ты.

Максим уставился на нее, широко раскрыв глаза.

— Не понял... что?!

Она сделала вперед последний, разделяющий их шаг и застыла, прижавшись к нему грудью.

— Мне нужен ты, — выдохнула она и стремительно прижалась горячими губами к его губам.

Он не успел отклониться или увернуться, не успел даже среагировать на ее резкий, неожиданный выпад, просто застыл, принимая женскую ласку мягких губ, бархатистого языка, пытавшегося исследовать его рот, а потом... резко оттолкнул ее от себя, зацепив губу зубами и почувствовав привкус крови на языке.

— Ты что творишь?! — закричал он, отшатнувшись от нее.

— А что? — невозмутимо воскликнула девушка, смело заглянув ему в глаза. — Тебе это нравится!

— Нравилось! Нра-ви-лось! Уясни, наконец, разницу! — закричал он. — Между нами все кончено!

Ее глаза сощурились, губы насмешливо дрогнули.

— Мне так не кажется, — упрямо заявила Ли́ка и, пытаясь вновь коснуться его руками, приблизилась.

— Зато я знаю это наверняка! — прошипел Максим, грубо отталкивая девушку от себя.

Она застыла рядом с ним, пронзая его гневным взглядом, руки ее сжались в кулачки, губы сомкнулись в плотную линию. Золотистые волосы трепал холодный ветер, вынуждая его вдыхать аромат ее духов.

— А ты не боишься, дорогой?! — выплюнула девушка с издевкой.

Максим напрягся и, не шелохнувшись, с угрозой проговорил:

— Чего именно?

— Того, что твоя очаровательная женушка узнает о том, что ее муж самый настоящий кобель?!

Она не успела отреагировать, сделать хотя бы шаг назад или защититься, он, мгновенно изменившись в лице, схватил ее за локти, одним резким движением прижав к своей груди, впился гневным, прожигающим взглядом в нее и выдохнул страшным голосом:

— Не смей даже заикаться об этом, ясно? — с угрозой прошипел он ей в лицо, спокойно, без крика, а оттого еще более зловещими казались его слова. — Если ты попробуешь, б**ь, сунуться в мою семью, то заплатишься за это! — глаза налились кровью, губы плотно сжались, горячее дыхание обжигало кожу. — Еще раз заикнешься о том, что можешь сообщить обо всем Лене... и, считай, что нажила себе врага в лице меня! — навис над ней. — А это тебе не маленькие мальчики, с которыми ты общалась, помыкая ими, вертела, как марионетками! Ты, б**ь, узнаешь, на что я способен, и, поверь, тебе не

понравятся последствия! — он нагнулся над ней, почти приподнимая над землей и заглядывая в самые глубины глаз испуганных глаз. — У нас с тобой был секс, и не больше, уясни это раз и навсегда. Я не тот, с кем можно шутить подобным образом. Не смей мне угрожать! — он почувствовал ее дрожь, но навис над скалой. — Это ясно?!

Она сглотнула, кивнула, дрожа всем телом, и уставившись на него во все глаза.

Так же резко и стремительно, как схватил, он отпустил ее, и она едва удержалась на ногах, чтобы не упасть, испуганно и как-то затравленно глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Ты просто сумасшедший, Колесников, — прошептала она, отходя от него на достаточное расстояние.

Почти равнодушный взгляд в ее сторону и он, открывая дверцу, забирается в салон:

— Так не стой на пути у сумасшедшего, дорогуша, — захлопнул дверцу, и она услышала, как он холодно добавил: — Это чревато последствиями.

Через мгновение машина рванула с места, оставляя после себя клубы серого дыма и одинокую женскую фигурку, закутанную в бежевое пальто.

Максим был вне себя от ярости, слепившей глаза.

Как она могла?! Как посмела угрожать?! Снова?! Пришла к нему, поджидала на стоянке, решила, что имеет право на то, чтобы ставить ему ультиматумы!? Подлая стерва!

Он мчался вперед, почти не различая дороги, лишь сильнее вдавливая педаль газа в пол. Гнев и ярость застилала глаза, губы сжались в плотную линию, на скулах появились желваки, он сжимал руль так сильно, что побледнели костяшки пальцев. Сердце билось громко, отчаянно, учащенно, оглушающей болью проникая в виски, а кровь пульсировала в венах, разгоняя раздражение и злость по всему телу.

Стерва! Наглая, жалкая, эгоистичная стерва!

Максим голов был разорвать ее в клочья прямо на стоянке, едва сдерживаясь оттого, чтобы не ударить ее, выбивая всю ту дурь, что засела в ее голове.

Она посмела ему угрожать, надо же! Посмела заикнуться о том, что расскажет все Лене! Тварь.

Максим покачал головой в разные стороны, словно отгоняя дурные мысли прочь.

Стерва! Если только она попробует сунуться в его семью, он сотрет ее в порошок, не задумываясь!

В попытке успокоиться он прикрыл глаза, когда остановился на светофоре, сосчитал до пятнадцати, затем до двадцати... Слабо помогло, поэтому, когда светофор мигнул зеленым, он рванулся вперед так резко и стремительно, словно за ним гналась смерть.

Через пятнадцать минут он подъехал к дому, выскочил из машины, щелкнув сигнализацией, и бегом направился внутрь. Пешком, перепрыгивая через две ступеньки, не дожидаясь лифта, поднялся на свой этаж и, на несколько мгновений застыв у двери, успокаивая сбившееся дыхание, позвонил.

Лена открыла через долгие секунды, когда он в томительном ожидании переминался с ноги на ногу.

Распахнула перед ним дверь с застывшим на лице выражением боли, и он понял — что-то случилось.

Сердце глухо забилося в груди. Он сделал стремительный шаг вперед, закрывая за собой дверь.

— Лена? Что-то случилось? — проговорил он быстро и, не снимая пальто, схватил ее за

руку.

Она проследила за его движением, долго смотрела на его ладонь, а потом устремила на него взгляд, полный противоречивых эмоций.

— Как прошли переговоры? — выдохнула она, не отвечая на его вопрос, аккуратно освободила свою руку из его захвата и отошла от него, остановившись в нескольких шагах.

Шокированный ее поведением, Максим застыл на месте не в силах пошевелиться.

— Хорошо, — пробормотал он и, опомнившись, стянул с себя пальто, снял туфли.

Лена молчала, пристально глядя на него, словно изучая. Он подошел к ней и застыл в шаге от ее тепла.

— Что-то случилось? — заглянув в ее глаза, прошептал он и приподнял ее за подбородок, вынуждая не отводить взгляда.

Девушка молча смотрела на него, не отводя взгляда, и он содрогнулся от искр, мелькнувших в ее глазах. Она сглотнула и поморщилась, отшатнулась от него, скрестив руки на груди, и проговорила:

— Ничего, Максим, — опустила взгляд, горько усмехнулась. — Что могло еще случиться?

Ему не понравился тон ее голоса. Он ощущал, что сердце с грохотом стучит в груди, пытаясь вырваться из оков грудной клетки, и он не мог приказать ему стучать умереннее.

Что-то рвало его на части, что-то вопило и кричало о том, что нечто ускользает от него. Сейчас, в это самое мгновение просачивается сквозь пальцы и уплывает в небытие. И он ничего не может с этим сделать.

— Ты злишься из-за того, что я не приехал на кладбище? — тихо спросил он.

Лена внимательно посмотрела на него, вновь поморщилась, раздулись ноздри, вдыхая едкий воздух, поджала губы и повернулась к нему спиной, холодно проговорил:

— Не будем об этом.

То есть как это — не будем?! Он не мог оставить это просто так! Она нуждалась в нем сегодня. Черт, она всегда в нем нуждалась, все эти годы, а он, как слепой, как безумный, не замечал этой ее потребности!

И сейчас он настойчиво и уверенно двинулся следом за ней, направляясь в гостиную.

— Лена, послушай...

— Я все понимаю, — тихо перебила его она, — ты был занят. Все ясно, ты же работаешь.

Он попытался развернуть ее к себе, удержав за локоть, она поддалась, устремив на него тяжелый взгляд.

— Лена, — тихо попросил мужчина, — давай поговорим об этом.

Она отшатнулась от него, и он, поджав губы и стиснув зубы, зло сощурился. Руки сжались в кулаки.

— О чем? — нарочито медленно и словно бы устало выдавила она из себя.

Эта перемена в ее настроении не просто испугала его, она привела его в ужас.

Максим в нерешительности застыл рядом, не зная, что сказать, и лишь глядя на нее взглядом безумца.

Она никогда так с ним не разговаривала. Даже девять лет назад ТАК не разговаривала...

— Обо всем, — проговорил он нерешительно и, запустив пятерней в волосы, провел по ним дрожащими пальцами. — О том, почему я не приехал. О твоей работе...

— О! — воскликнула Лена, глядя ему в глаза. — И что же нового ты мне скажешь?!

Ее язвительность поразила его.

С подозрением он уставился на нее. Неужели Лика..?

— О чем ты?..

— О том, почему ты не приехал к бабушке! — выплюнула Лена, не пытаясь скрыть свое отвращение.

Его глаза сузились, превратившись в щелочки — черные точки.

— Я бы приехал, если бы смог! — воскликнул он, стараясь поймать ее взгляд, и сделал шаг вперед, но она отступила. Он грязно выругался, опуская взгляд, а потом вновь посмотрел на нее. — У меня были переговоры! — воскликнул он в последней попытке защититься.

И тут она устремила на него полный нескрываемого отвращения взгляд.

Он уловил эти изменения.

Она никогда ТАК на него не смотрела.

Максим внутренне вздрогнул. Сердце сжалось до размеров игольного ушка, оглушала пульсирующая боль в висках и груди. Дыхание сорвалось и понеслось вскачь.

— Я чувствую, какие у тебя были переговоры! — выдохнула Лена с презрением, окатив его гневом.

Он нахмурился. Она никогда так не смотрела на него...

— О чем ты? — не понял Макс, делая шаг к ней в попытке схватить за руку.

Лена отшатнулась от него, как от удара, бросила на него острый взгляд, прямой, укоряющий, без испуга.

— Ты пахнешь чужими духами, — выплюнула она и поджала губы.

Сердце перестало биться, а потом забилось, как сумасшедшее.

Максим чертыхнулся в голос. Лика!

Он грязно выругался сквозь плотно сжатые зубы и попытался схватить Лену за руку.

— Лена...

— Ты совсем меня не уважаешь, да?! — воскликнула она с едва сдерживаемой яростью. — Совсем?! — сорвавшись, кричала она, не обращая внимания на его попытки оправдаться. — В годовщину бабушкиной смерти! Как ты посмел?!

— Я могу это объяснить! — воскликнул Макс, пытаясь схватить ее за руку и притянуть к себе.

— Не нужно ничего объяснять! Мне и так все ясно! — воспротивилась девушка, отшатнувшись от него.

Мир начал рушиться, и Максим в бессилии смотрел на то, как он увлекает их в свою бездну.

— Лена!

Она не желала слушать, выплескивая на него все свое негодование и обиду, свою девятилетнюю боль.

Впервые за девять лет она не послушала его.

— Мне надоело быть верной безропотной женой, которая терпит твои измены и закрывает на все глаза! — не сдерживаясь, выкрикнула она. — Надоело, ясно?! — она испепелила его взглядом. — У меня аллергия на цитрусовые, чтобы ты знал! А у твоей любовницы духи именно цитрусовые!

— Лена, послушай...

— Не хочу ничего слушать! Опять ложь! Снова, снова, снова! — истерически закричала она. — Сколько можно?! Сколько ты еще будешь пытаться меня?! Сколько, черт побери,

нужно времени, чтобы ты перестал причинять мне боль?! — кричала она, пронзая его ядовитыми стрелами глаз. — Ты и твои шлюхи хотите свести меня в могилу?!

— В тебя что, бес вселился? — изумленно выдохнул Максим. — Что ты такое говоришь?!

Она не могла остановиться. Обида и боль, накопленные за годы ада, вырывались на свободу против ее воли, и она давала выход эмоциям, бушевавшим в груди, не задумываясь ни о словах, ни о действиях.

— Как бы ты отнесся к тому, если бы я пришла к тебе после другого мужчины?! — с вызовом воскликнула она и сама метнулась к нему.

Пряча слезы, застывшие в уголках глаз, она не заметила, как муж мгновенно помрачнел, насупился, поджал губы, застыл, подобрался

— Что бы ты мне сказал?! — продолжила Лена, пристально глядя на него. — Как бы отреагировал?! Сидел и

ждал моего возвращения из объятий другого мужчины, да?!

Он метнулся к ней навстречу и схватил за локти, притянув к себе.

— У тебя никогда не будет никого, кроме меня, — резко выдавил он.

— Откуда такая уверенность?! — гордо вскинула она подбородок вверх.

Ее острый взгляд обжег даже его внутренности.

— Ты спишь с какими-то девицами уже пять лет подряд, а я?! Чем хуже я?! — воскликнула она неистово и яростно. — Вокруг очень много мужчин, так, может, мне тоже стоит..?

Он резко притянул девушку к себе, приподняв над полом и, злобно, с яростью глядя в глаза, прошипел:

— Не смей так говорить! Ясно?! Ты моя. И никому больше принадлежать не будешь.

Лена тяжело вздохнула, попыталась вырваться из его стальных объятий, что не укрылось от него, и он в ответ лишь сильнее и крепче сжал ее локти. Она забилась в его руках, требуя свободы, но он не отпустил.

Она пригвоздила его к месту удушающим взглядом.

— А ты не задумывался над тем, что своими изменами сам толкаешь меня на достойный тебе ответ?! — выпалила она сквозь зубы.

— Ты ничего не знаешь о моих изменах! — выдохнул он, опаяя ее лицо горячим дыханием, почти касаясь губами ее приоткрытых губ.

Она дышала тяжело и часто, не успевая глотать кислород и насыщаться им.

— Я знаю о них достаточно! — выдохнула она и вновь попыталась вырваться, забившись в его стальных объятиях пойманной птичкой. — Достаточно, чтобы решить для себя, что больше терпеть их не намерена!

— Лена... — с угрозой прошипел он, в глазах загорелся опасный огонек.

— Что — Лена?! — закричала она, ударяя кулачками по его груди и не сдерживая слез, струящихся по щекам. — Вокруг полно мужчин, как и у тебя каких-то шлюх, с которыми я смогу...

— НЕТ! НИКОГДА! — закричал он, прижимая ее к себе. — Ни при каких обстоятельствах ты не сделаешь ничего подобного! Ясно?!

И тут она испугалась. Себя. Своих необдуманных слов. Его реакции на них.

И сжалась в комочек в его руках, тяжело дыша, ртом хватая воздух и не чувствуя насыщения.

— Ты — МОЯ! — яростно прошипел Максим ей в губы. — МОЯ!

И жестко прижался губами к ее губам, глубоко проникая языком в рот, словно стараясь доказать свое превосходство, словно пытаюсь грубым поцелуем доказать, что он прав.

Она вначале застыла в его руках, ослепленная, удивленная, напуганная его напором. Затем попыталась оттолкнуть его, надавливая руками на грудь, ударяя по ней кулачками. А когда его яростный поцелуй проник в кровь, наполняя страстью и желанием тело, она обхватила его руками, прижимаясь к нему сильнее и плотнее, и накинулась на его рот с той же яростью и напором, что и он.

Максим отстранился от нее на мгновение. Их тяжелое дыхание смешалось. Обезумевшие и ослепленные желанием и страстью взгляды скрестились в безумной схватке.

— Никогда не повторяй тех слов, — прошептал он ей в губы и вновь набросился на ее рот.

Он подхватил ее на руки и, продолжая жадно целовать, поглощая своим поцелуем, понес ее в спальню.

Она пыталась воспротивиться, но не смогла. Принимая его поцелуи, как должное, и отвечая на них.

Он сорвал пуговицы на ее блузке, обнажая шелковистую кожу, сдвинул в сторону черное кружево бюстгалтера и припал к возбужденному соску, всасывая его в себя и сминая горошинку губами. Лена застонала, подавшись вперед, к нему, источнику наслаждения и сильнее схватила его за плечи.

Его руки скользнули вдоль ее тела, стаскивая с девушки остатки одежды. Настойчивые губы сминали сначала один сосок, затем другой, оставляли влажную дорожку на теле, касаясь чувствительных точек на груди, шее, предплечье.

Он осторожно уложил ее на кровать, подминая под себя. Рука скользнула к ее трусикам, резко стянула их, и горячие пальцы нырнули вдоль сосредоточия ее женственности, провели по нежным складкам. Один палец скользнул внутрь, и Лена со сладостным криком, вырвавшимся из груди, выгнулась ему навстречу. Совершая круговые движения, палец умело скользил внутри нее, вынуждая цепляться за мужское тело, как за источник удовлетворения желания, повисшего на острие ножа.

Максим тяжело дышал ей в шею, спустился губами вдоль ее тела, поцеловал грудь, спустился к пупку и захватил нежную кожу губами, затем зубами. Лена выгибалась ему навстречу, не в силах контролировать возросшую потребность удовлетворения пламени, разгоревшегося внутри нее.

Максим незаметно избавился от одежды и, продолжая целовать ее тело, наклонился над ней. Широко раздвинул ее ноги, устраиваясь между ними, резко прижался к ее губам, глубоко и жестко погружая в рот язык, и одновременно высунул из нее палец, место которому тут же уступило нечто более горячее и пульсирующее.

Лена застонала, неудовлетворенная и жаждущая ласки, завершения пожара, кульминации, дрожи кончиков пальцев и покалывания кожи.

— Ты всегда будешь со мной, — выдохнул Максим ей в губы. — Повтори.

— Я всегда... буду с тобой... — прошептала она, покачивая бедрами и стремясь навстречу удовлетворению своего дышащего огнем желания.

— Я тебя никому не отдам, — прошептал мужчина, с силой прижимаясь к ее рту, одновременно наполняя ее собою, и поглощая губами первобытный крик ее страсти.

Он двигался резко, быстро, настойчиво, и она выгибалась, желая получить все, что он ей

собирался дать. А потом вдруг замедлил темп, проникая в нее глубоко, размеренно, монотонно. Застывая на входе и резко проникая внутрь. Она извивалась под ним, приподнимая бедра, царапала кожу спины ногтями, пытаясь прижаться к нему еще сильнее. Максим тяжело дышал, продолжая погружаться в нее с неистовым рвением, глубоко, горячо, до конца. Потом совершил еще один резкий выпад, погружаясь в нее на всю длину, и застонал, тяжело задыхался, уткнувшись ей в шею, касаясь губами атласной кожи, и все повторял, как заведенный:

— Ты моя... никому, никогда... моя... Ты меня любишь... Любишь!

А у нее не было сил, чтобы противиться, чтобы сопротивляться, чтобы возражать...

— Люблю... — прошептала она, едва шевеля языком. — Я... тебя люблю...

И на какое-то короткое мгновение они осознали, что значит быть по-настоящему счастливыми.

13 глава

«Только будь, пожалуйста, сильнее горьких слез,

Будь, пожалуйста, сильнее всякой боли,

Если жизнь вдруг полетела под откос,

Ты, поверь, придет тот день, и все отстроим.»

Владимир Шляпошников

И хотя они не договаривались, он позвонил ей на следующий день.

И хотя она не знала, что он позвонит, чувствовала, что он это сделает.

Наверное, лишь в то самое мгновение, когда услышала в трубке его неуверенный, тихий голос, такой родной и такой свой, она осознала, как был он ей необходим все эти годы пустоты и одиночества.

Андрей.

Единственный человек, наравне разве только с Аней, на которого она могла положиться. Которому могла довериться. Который видел ее насквозь, сейчас — как и раньше.

Он словно чувствовал, знал, что нужен ей. Ощущал ту необходимость общения, которая была ей нужна, как воздух. Словно бы на расстоянии прочувствовал, как ей плохо, и как ей требуется поддержка. Именно его поддержка. Ни Анина, ничья другая, — именно его рука помощи.

Почему, отчего именно он?! Почему не Аня?.. Почему именно сейчас? Почему не раньше?! Не пять, не семь, не девять лет назад, — а именно сейчас!? В тот самый роковой момент, когда она, подойдя к черте, готова была сделать последний шаг в бездну и разбиться вдребезги, разлететься на осколки и не воскреснуть вновь после предательства и боли.

Да, именно сейчас, именно он. Тогда, когда был сильнее всего нужен ей.

Андрей. Родное имя, ставшее вмиг спасательным кругом. Друг детства?.. Влюбленный в нее друг детства, который и теперь, спустя годы, рассчитывает на нечто большее, чем просто дружба. Он знал, что она не сможет ответить ему взаимность. Не сейчас, возможно, вообще никогда, и все же... Не отвернулся, не отошел, не бросил. Он понимал ее. Понимал, как никто другой! Десять лет прошло, канув в Лету обрывками воспоминаний, а он все помнил, и все понимал.

Как такое возможно?..

Неужели связь между ними настолько крепка, что ниточка, что соединяла их, еще не успела порваться?..

Хватило одного лишь взгляда, одной мимолетной улыбки. Он просто пришел, вновь

появился, внезапно возник в ее жизни, и она почувствовала, ощутила каждой клеточкой восторженности дрожью сердца, что не одна. Что она больше не одна...

Не оттого ли, что он появился из прошлого?.. Из того самого прошлого, в котором у нее было все?! Где она была не одна. Где она была счастлива! Где была смеющаяся девочка с большими карими глазами, улыбка которой, казалось, могла озарить весь мир, а не разукрашенная пустышка со стеклянным взглядом. Где была бабушка, и где были друзья, а не одинокое существование в мире богатых и успешных людей, которые никогда не смогут стать ее друзьями. Где был сам Андрей, на которого она могла положиться.

И вот он появился вновь. Одним своим появлением растоптав тот мир, в котором она жила, как в аду, переживая каждый новый день, вынуждая, заставляя себя двигаться вперед, — к чему, к кому, зачем?.. Безрассудно и слепо следовать по дороге в никуда. Одной...

Андрей. Ей следовало бы благословить это имя! Он появился вновь, и что-то вдруг изменилось. Былое, прежнее сломалось, разбилось, рассыпалось песочным замком. И не собрать его, как пазл, не построить нового замка. Не сложить вновь кусочки мозаики, которая никогда не была полной. Не вернуться уже в тот мир, который давил на нее своей свинцовой тяжестью. Увидев свет, лучик надежды, возвращаться в темноту и пустоту не хочет сердце. И шаг назад уже не будет сделан.

Лена явственно ощущала, что не вернется назад.

Даже если там, в том нелепом, безрассудном прошлом ее будет ждать Максим.

Андрей... Как вовремя ты появился! Как точно рассчитал тот самый момент, когда был особенно ей нужен. В преддверии больших перемен, в преддверии краха старого, ломки прежних устоев и законов, на черте, по одну сторону которой стояли девять лет пустоты и одиночества вдвоем, а по другую — осознание того, что так больше продолжаться не может и нужно двигаться вперед.

Она бы не справилась без тебя. Не смогла бы выбраться из той крепкой зыбучей топи, в которую сама себя затащила. Она бы не смогла пройти этот путь воскрешения одна.

Но ты вернулся, спустя десять мучительно долгих лет ада на земле ты вернулся к ней. Чтобы помочь ей пройти тот путь, что предназначен ей судьбой? Чтобы помочь ей осознать, чего она действительно достойна? Чтобы показать ему, кого он может потерять? Чтобы напомнить обоим, как они когда-то любили друг друга?! И чтобы самому, излечив две израненные души, освободиться от наваждения и непонятой и преданной давно любви, которая не была ему предназначена?..

Десять лет... Большой срок. Огромный срок! Но воспоминания так свежи в памяти словно бы все происходило вчера. И в том прошлом, которое Лена помнила, Андрей всегда был с ней. И спустя десять лет что-то все еще держит его на расстоянии вытянутой руки от нее. Словно не отпускает.

Ведь, правда, ты все еще чувствуешь, как ей плохо?! Все еще знаешь ее, понимаешь, как никто другой!?! Знаешь не из прочитанной психологической книги, а из слов, которые шепчет тебе сердце, что нужен ей! Потому что, действительно, та тоненькая ниточка, которая связывала тебя и ее когда-то, еще не оборвалась окончательно. А сейчас... Она или станет еще крепче, или же разорвется и разведет вас в разные стороны.

Насмешка судьбы?.. Злая ирония?.. Жестокость и неоправданность?! Разве можно говорить об этом сейчас, когда два страдающий человека, спустя десять лет встретили друг друга вновь!? Разлученные судьбой на долгие годы, страдающие, одинокие и покинутые, два

измученных сердца нашли друг друга сейчас, чтобы, взявшись за руки, осознать весь ужас роковой ошибки. Стать друг для друга спасением. Стать надеждой. Стать тем, кем смогут быть друг для друга. Просто быть рядом, пока будет нужно.

И пока будет эта потребность дружеской близости и единения душ, будет необходимость встречи.

Утром Лена почувствовала себя опустошенной и брошенной. И не потому, что проснулась одна. Максим был с ней. Крепко сжав в объятиях ее маленькое тело, он теплом дыхания ласкал ее волосы и жаром губ исследовал нежность кожи на висках. Она не спала, хотела вид, что еще не проснулась, а он шептал ей какой-то бред на ухо. Она не разбирала слов, но они и не были ей нужны, девушка сдерживала себя лишь того, чтобы не заплакать.

Тепло объятий не грело, а сладость поцелуев не ласкала, вместо нежности даря лишь новую боль.

Максим бы рядом с ней. Но какой одинокой и брошенной она себя ощущала!

Сердце разрывалось от слез, а в груди расплзлась давящая боль, сковывая тело терновыми путами. Хотелось плакать. Громко, в голос, навзрыд. Хотелось кричать, ругаться, биться в истерике, — что угодно, только не молчать, только не терпеть, только не прощать. Вновь! Хотелось отодвинуться от мужа и застыть, сжавшись комочком, на другой половине кровати, пытаясь заглушить саднящую боль в груди.

Он вновь пришел от любовницы, от очередной любовницы. И она вновь почти ничего не смогла сделать.

Как много было женщин в их жизни за эти пять лет?! Если бы Лена считала, то сбилась бы со счета, хотя точно могла назвать дату, когда все началось.

Осенью. 15 октября.

«Скоро юбилей...» с горечью подумала девушка и зажмурилась сильнее.

Он не всегда изменял, не постоянно. Но женщин было много, — всегда разных.

А отвратительный, удушающий аромат цитрусовых его вчерашней любовницы наполнял легкие Лены ядом даже сейчас. В горле встал режущий ком, вызывая кашель.

Она не сдержалась вчера, — не смогла, устала терпеть. Впервые решилась, осмелилась высказать свой протест. Протест, который должна была высказать много лет назад. Тогда, когда все это началось. Даже, наверное, раньше. Тогда, когда девять лет назад Максим после разговора с отцом позвонил ей и попросил о встрече. Ей тогда еще нужно было отказаться, воспротивиться, возмутиться. Нужно было еще тогда бежать, куда глаза глядят. Но она не смогла. Она слишком сильно его любила. Она любила его и сейчас, разве нет?.. Отчаянно, безрассудно, безумно любила, несмотря ни на что. Но той вины, что она ощущала все эти годы, что ощущала девять лет назад, уже не было. Была другая вина. ЕГО вина. И ОН должен был молить о покаянии.

А она... Что она еще могла, кроме как воспротивиться хотя бы сейчас?! Тому унижению, на которое он ее обрек?! Той вине, которую повесил на нее, как ярлык?! Той бесцеремонности, с которой он раз от раза уничтожал ее?! Той незаслуженной обиде, что вылил на нее ушатом горячей воды?!

Он вновь унизил ее вчера. Так больно. И так обидно.

Зачем он так поступил? Бесчестно и несправедливо по отношению к ней?! В годовщину смерти ее бабушки! Поехал к очередной любовнице.

Важные переговоры, черт возьми! С КЕМ?!

Хотелось хохотать и плакать одновременно. От этой гнусной лжи. Оттого, что она

всегда знала правду.

Лена не выдержала, просто не смогла сдерживать себя. Лопнула струна терпения и немного молчания, пролились через край горечь и обида, таящиеся в глубине ее души много лет, и вызывая поток горячих обвинений и острых угроз.

Вспомнилось все. Годы одиночества и пустоты, раздирающий кошмар, в эпицентре которого она стояла совершенно одна, боль, вина, череда измен и предательств. Не выдержало, сломалось, разбилось... Устала.

Да, она его провоцировала. Нарочно, неосознанно, интуитивно, защищаясь, стараясь уязвить и задеть за живое. Она бы не смогла ему изменить. Это он мог, а она — нет. Слишком чистая и правильная для того, чтобы пятнать себя изменой, она могла лишь бросать на ветер угрозы, которые никогда не привела бы в исполнение. Но все эти пустышки подействовали на него, как красная тряпка на быка.

Она и не предполагала, что он может ТАК разозлиться. Он НИКОГДА раньше не принуждал ее к близости, НИКОГДА не призывал ее ответить на страсть. Но вчера... Словно тигра выпустили из клетки. Он набросился на нее. Он твердил лишь одно: она принадлежит ему, никто и никогда не посмеет ее у него отнять, она — ЕГО. Он просил, нет... он требовал подтверждения ее любви!

Он почти вынудил ее прошептать признание. Не вернув его своего...

Но как странно устроено женское сердце, черт возьми! Ей хватило и того мимолетного порыва, когда он, как сумасшедший твердил, что она принадлежит ему, чтобы растаять и потерять голову. Не поверить, но вновь, хотя бы на мгновение, утешить себя иллюзорной надеждой на то, что он тоже любит ее.

Но почему он так поступил с ней?! Пытался усмирить? Доказать свою правоту, которой она все равно не поверит? Уверить и себя в том, что говорит правду? Принудил ее к близости, заставил ее признаться, что он по-прежнему необходим ей, что она любит его? Зачем нужны эти признания?! Нужны ли они вообще?!

Она засыпала с этими мыслями, с этими мыслями она и проснулась.

А когда решилась-таки открыть глаза, Максим тихо пожелал ей доброго утра и улыбнулся, поцеловав в щеку. Она ответила ему вымученной улыбкой и снова закрыла глаза.

Какой-то странный, необычный блеск в синеве его взгляда. Разочарование?.. Боль?.. Раскаяние?!

Он коснулся прядей ее волос кончиками пальцев и нежно заправил локоны за ухо. Поцеловал еще раз, короткими поцелуями пробежавшись вдоль виска к губам, и встал с кровати.

Теперь Лена почувствовала себя поломанной и выброшенной. Как игрушка, как кукла...

Они почти не разговаривали утром. Позавтракали, едва ли сказав друг другу десятков слов, скупо простились на пороге, когда он уходил на работу, коротко поцеловались...

И казалось, что то, что надломилось прошлой ночью, уже не станет целым. Что-то сломалось навсегда.

А во второй половине дня раздался телефонный звонок.

Лена встрепенулась, устремив неуверенный взгляд на телефон.

Максим?.. Она бы не удивилась, будь это звонок от него.

Но нет, это не он. Она знала, что это не муж. Не он, другой мужчина...

С гулко бьющимся сердцем, девушка подняла телефонную трубку.

— Да?

Почему так дрожит голос?.. И вместе с тем, почему уголки губ приподнимаются в улыбке?..

— Лена?

Горячие тиски, сковавшие сердце, разжались, позволяя ей вдохнуть полной грудью.

— Андрей, — выдохнула она с облегчением. Свой, родной человек. — Я... очень рада тебя слышать.

И хотя она не видела, но точно знала, что он улыбается. Казалось, она даже могла представить, как светятся его зеленые глаза. В груди потеплело.

— Как ты?.. — проронил Андрей, тяжело выдохнув.

Наверное, он не об этом хотел спросить, и Лена интуитивно знала это.

— Я... хорошо, — проговорила она, опускаясь в кресло. — А как ты?

— Тоже хорошо, отлично, — слишком поспешно выдал мужчина и запнулся. — Мы подписываем контракт...

— Да, я знаю, — коротко ответила девушка, радуясь лишь звуку его голоса и дыханию в трубку телефона.

— Конечно...

Повисло неловкое молчание. Странное и глубокое молчание, которое, тем не менее не давило ни на нее, ни на него. Легко, несмотря на то, что произнесено было лишь несколько слов. Легко и свободно.

Почему именно с ним ей так легко?.. Даже молчать с ним — легко?..

— В общем-то... — запинаясь, пробормотал он, наконец, — я звоню, чтобы...

— Да?..

— Я хотел предложить тебе встретиться, — выпалил он, не раздумывая, а потом добавил осторожно: — Ты не против?

Сотни, даже тысячи бабочек вспорхнули в ней и вознеслись вверх, окрыляя ее. Улыбка расцвела на ее губах, глаза засветились искорками радости. Ей не нужно было раздумывать над ответом.

— Да, конечно! Где, когда?!

— Эээ... А где бы ты хотела?

Лена улыбнулась шире. Он не ожидал, что она так быстро согласится?.. Боже, какое счастье!

— В небольшом скверике около городского парка, если ты согласен, — проговорила она. — Дождя, вроде бы, нет, и мы могли бы...

— Хорошо, договорились! — стремительно перебил он ее, словно опасаясь, что она может передумать. — Когда?

— Сегодня?.. — неуверенно проговорила девушка, удержавшись от того, чтобы скрестить наудачу пальцы. — В три часа, в четыре... Когда тебе удобно?

— В половине четвертого тебя устроит?

— Д-да... да, давай в половине четвертого.

Она почти видела, что он улыбается. Широко, открыто, искренне, отчаянно счастливый. Как и она.

— Тогда... до встречи в сквере?.. — спросил он после непродолжительного молчания.

— Да. Я обязательно приду, — клятвенно пообещала она. — До встречи, Андрей...

— До встречи, Леночка...

Предельно, безгранично счастливая девушка опустила трубку на рычаг.

Разве можно быть настолько счастливой?! От одного лишь звонка?! Не удивительно ли?..

Все сомнения мгновенно отошли на второй план. Что скажет Максим, что он подумает — не важно. Стоит ли ему вообще сообщать об этой встрече? Нужно ли? Да и зачем?! А если утаить ее, то... Неужели ей вновь придется лгать?!

Но его обмануть ей не удалось. По крайней мере, в том, чтобы попытаться что-то скрыть.

Удивительно, но он, как и Андрей, тоже совершенно точно угадывал ее состояние. А если и не угадывал, то всегда набирал ее номер, чтобы узнать, как она и чем занимается. Возможно, это уже вошло в привычку.

Он позвонил ей. Первым. Как всегда.

Она вздрогнула, глядя на горящий дисплей мобильного телефона. И через несколько секунд ответила.

— Да?..

— Лена?.. — как-то неуверенно проговорил Максим. Неужели запинается? — Ты... Как ты?

Почему задрожали пальцы, сжимавшие телефон?.. И почему ее голос стал непривычно тихим?

— Все хорошо.

— Чем ты занимаешься? Где ты?..

Какой избитый вопрос, Боже! Она всегда отвечала на него глухо и монотонно.

Но не сейчас. Сейчас все изменилось. У нее иные планы, у нее появился секрет.

— Пока ничем, — запнулась она и, сглотнув, добавила: — Пойду в парк, опять.

Он тяжело выдохнул, а потом как-то неестественно, словно через силу, вдохнул.

— В парк... Хорошо, — выговорил он глухо. — Оденься теплее, на улице довольно-таки прохладно.

Лена качнула головой и коротко согласилась с ним.

Что это? Проявление заботы? Чувство вины? Раскаяние, может быть?.. За то, что был вчера? Или за то, что продолжалось уже девять лет?!

Но чем бы его слова не являлись, они уже ничего не могли изменить. Только не ее решимость. Только не ее уверенность в том, что впервые за девять лет она наконец отчаялась поступить правильно. Так, как нужно. Как хотела сама. Как ОНА считала правильным, а не так, как было правильно по мнению мужа.

— Хорошо, как скажешь... — пробормотала она.

Но он отчего-то разозлился.

— Черт, как скажешь?! — воскликнул он с досадой в голосе. — Соглашаешься со мной лишь потому, что боишься, если воспротивишься, я накричу на тебя и обижу?! — Неужели это сожаление и раскаяние смешивается с яростью в его голосе?! — Почему ты вставляешь меня монстром, Лена?!

Она зачарованно молчала, слушая не в силах поверить тому, что слышит. А Максим бесился.

— Я не хочу, чтобы ты простудилась, — тише, но с досадой сказал он. — И это не приказ! Это просьба.

— Я понимаю... — пробормотала она приглушенно.

— Не понимаешь! — сердито выдохнул он и выругался в полголоса.

Она действительно не понимала. Его отношения к ней — не понимала.

Ведь он изменился. Как-то быстро, стремительно, мгновенно. Не увидеть перемен было невозможно.

Но ведь и она тоже изменилась! И уже не станет прежней. Не вернется к той Лене Колесниковой, какой была на протяжении долгих лет. Нет возврата и к Лене Титовой, которую она знала когда-то. Была другая Лена, та, которую не знала и она сама.

Максим тяжело засопел в трубку, справляясь с гневом, но молчал, сдерживая себя. И Лена молчала.

И давящее чувство стиснуло грудь, не позволяя дышать.

— Когда ты вернешься домой? — проговорила она в попытке разорвать рваное молчание, повисшее между ними стеной.

— В половине седьмого, — коротко бросил он, а потом добавил, успокоившись: — У меня есть кое-какие дела... Но если ты хочешь, чтобы я освободился пораньше...

— Нет, нет, что ты!

И почему она воспротивилась так рьяно?! Так стремительно?.. Может быть, не стоило выражаться так резко? Вдруг Максим что-то заподозрит?..

Лена тут же отругала себя. ЧТО он может заподозрить?! Она не совершает ничего противозаконного!

— Лена, мы так и не поговорили о твоей работе... — неуверенно начал Максим. — Ты, наверное, хотела...

— Не нужно сейчас об этом! — испуганно воскликнула она. — Потом, хорошо? Это нетелефонный разговор...

Стиснув зубы, он молчал.

— Хорошо, как скажешь, — вернул он ей ее же фразу, спустя несколько угнетающих мгновений.

Лена закрыла глаза, ощущая, что давление в груди стало усиливаться. Что-то невысказанное витало в воздухе, и она это чувствовала. Что-то горькое, что-то острое и отравляющее. Нужно что-то сказать. Но слов нет. И у нее их быть не может. Не она оказалась виноватой на этой раз. И извиняться тоже следует не ей.

— Лена... — прошептал Максим надрывающимся голосом. — Лена...

— Д-да?.. — сухими губами выдавила она.

Молчание. Пустое, бессмысленное. Трепет. Биение сердца. А в воздухе витает недосказанность. Горько, очень горько... И в висках вновь пульсирует боль, заглушая все звуки. И молчать уже невозможно.

И вдруг... Врывается. Против воли. Отчаянно. С сожалением в голосе.

— Прости меня! Прости! — сошел на шепот. — Простишь?..

Почти не дышит. Боится.

— За что?.. — пролепетала она.

Вязкая тишина. Как болото, засасывает в себя.

— За вчерашнее, — выдохнул он вновь шепотом, запинаясь. — Я не хотел, чтобы... так получилось. Не хотел... Ты мне веришь?.. Я не хотел, правда...

— Понятно...

Руки дрожат, вспотели. Лена сжимает телефон все сильнее. Глаза закрыла, чтобы спрятаться от боли, которая вонзилась в нее острием кинжала.

Максим тяжело выдохнул.

— Прости...

Желает получить ответ. Но она не может его ему дать.

— Поговорим об этом потом, ты не против?.. — голос тоже дрожит.

— Прощаешь?..

— Максим...

— Лена! Прощаешь?.. — с нажимом спросил он. — Скажи мне... пожалуйста. Ты меня простишь за то, что сделал вчера?

И стены медленно начинают двигаться. Прямо на нее.

— Прощаю, — сквозь горечь застывших в уголках глаз слез выдохнула она. — До вечера, Максим.

Он хотел сказать что-то другое, совсем иное, а вместо этого растерянно и рассеянно проронил:

— До вечера, — неужели это его голос так неуверенно дрожит?.. Опять?! — Целую тебя!

Лена распахнула глаза. Почему он терзает ее? Почему мучает? Она должна быть сильной. Обязана!

— Я тебя тоже, — проговорила она. — До вечера, — и, боясь, что может заплакать, стремительно отключилась.

Руки дрожали. Разве стоило ей ожидать чего-то другого?.. Щеки горели, нещадно опалая кожу огнем, и Лена коснулась их холодными пальцами в попытке справиться с жаром, что раскалял ее изнутри. Дышать было трудно, и она, наклонив голову вниз и закрыв глаза, опустила в стоящее рядом кресло.

Так много было в его голосе... нежности?! Неужели это была нежность?! И сожаление, и раскаяние, и боль! Она явственно ощущала ее, как на себе. И все же... Отчего она не чувствует своей вины перед мужем? Почему вместо режущего и давящего чувства предательства она ощущает... пустоту? Безразличие? Равнодушие к тому, что скажет и подумает Максим, если узнает об ее встрече с Андреем?!

Неужели ей стали не нужны его нежные и теплые слова? Неужели они уже не смогут излечить ее израненную душу? Или она просто устала их ждать?.. Они нужны ей так же, как раньше. Просто сейчас она спокойно реагирует на них. Она жила без них девять лет. И вот — ирония судьбы! — в тот самый момент, когда решила, что они ей ни к чему, когда решилась и отважилась на маленькое преступление против совести и чести, она их, наконец, дождалась!

Но ощущала теперь лишь спокойствие.

Ресницы дрогнули, Лена устремила уверенный взгляд на телефон.

Все правильно. Все так, как и должно быть. Она не делает ничего плохого, не делает ничего из того, чего ей можно было бы стыдиться. Раньше были ошибки. Они, словно преследуя ее, шествуя за ней по пятам, не отставали ни на шаг. Все девять лет она совершала одну ошибку за другой. Любила. Страдала. Терпела. Прощала. Молчала. Она не протестовала, не возмущалась, не требовала, не пыталась что-то изменить, слепо повинуюсь тому течению, по которому несла ее жизнь.

Теперь она знала, что поступает верно. Любит, — да. Страдает, — да. Но терпеть и молчать больше не намерена. Равно, как и прощать.

Удивительно, как все может перемениться в одно мгновение!

Глубоко вздохнув, Лена встала с кресла и направилась в комнату.

В половине четвертого она должна быть в парке. У нее назначена встреча. Ее будет ждать Андрей.

Дождя не было. Но мрачное пасмурное небо, заволоченное тяжелыми серыми тучами, вот-вот готово было разразиться сильным ливнем. А ветер, сейчас прохладный и легкий, становился резче и жестче.

Лена, приподняв голову и осматриваясь по сторонам, сделала несколько уверенных шагов вперед и остановилась. Взгляд ее пробежал от одной лавочки к другой, пока она, наконец, не обнаружила того, кого искала. Андрей. Сидел на самом краешке лавки, согнувшись и засунув руки в карманы пальто, и смотрел в противоположную сторону, словно выискивая кого-то глазами.

Лена улыбнулась, сердце трепетно забилося в груди, предчувствуя встречу, и девушка двинулась вперед.

Андрей, словно осознав, что кто-то движется именно к нему, повернулся к ней лицом. Глаза вдруг его засветились, на губах заиграла нежная улыбка, он приподнялся с лавочки и двинулся ей навстречу.

Все сомнения вмиг рассеялись из ее воспаленного сознания, как только Лена увидела эту улыбку.

Андрей — друг, добрый, милый, нежный, близкий друг. Он все понимает, он все чувствует. Он знает ее, наверное, лучше, чем она себя знает. И он может помочь. Лена знала, что он может помочь. Он показал ей тот мир, который мог у нее быть, но которого она была лишена. Он — словно маяк, к которому движется идущий ко дну корабль. Тот свет, которого жаждет сердце, уставшее жить во тьме. Он — мгновение прошлой жизни, в которой она была счастлива. Он эпизод ее счастливого прошлого. Он — надежда на лучшее, светлое будущее.

Как странно иногда получается. Ты живешь, из года в год переживая одну и ту же трагедию, изо дня в день стараясь погасить в душе терзания, муки и удушающее чувство вины, годами разъедающее тебя изнутри, — но ничего не можешь сделать. Ты вновь ошибаешься, когда прощаешь, когда терпишь, когда молчишь, когда любишь безответно, трепетно и безумно, почти сходя с ума от этой любви. И ты уже не живешь, а просто существуешь, вновь и вновь заставляя себя идти дальше, стремясь найти что-то хорошее в завтрашнем дне. Может быть, завтра все изменится?.. Ты слепо следуешь по дороге жизни, накинув на плечи шаль из обид и болезненных разочарований. Ты хочешь что-то исправить, изменить, измениться сама, чтобы жить, чтобы научиться заново жить. Но не можешь. Что-то не пускает, что-то вынуждает снова и снова ходить, как загнанному зверю, по одной и той же окружности, измеряя заученными шагами замкнутый круг, в который ты была увлечена много лет назад. О прошлом ты уже не вспоминаешь. Все твои мысли, все твои боли, все твои терзания и чувство вины — здесь, в настоящем. У тебя нет времени на то, чтобы вспоминать то хорошее, что у тебя было, просто потому, что в хорошее ты уже не веришь. Не веришь, что оно для тебя возможно. Загнанная лань, погибающая от ран, нанесенных тем, кого ты так любишь. Не оглядываешься по сторонам, не слушаешь доводы рассудка, не поддаешься уговорам подруг, чужое мнение не имеет для тебя никакого значения — оно не уменьшит ту боль, которая разъедает всю тебя, оно не изменит ничего в твоей жизни, в которой, кажется, уже все решено за тебя.

И вдруг... иногда хватает одного мгновения, сотой доли мгновения для осознания того,

что правильно, а что неправильно. Это захватывает мозг, это раскрывает глаза, это приоткрывает завесу счастливой и беззаботной жизни, которой ты была лишена, но которой была достойна. Иногда хватает единственного слова, чтобы все понять и осознать. И уже кажется странным, почему раньше, находясь в своем замкнутом, ограниченном пространстве, ты не видела, как опасен, как страшен, как удушающе убийственен тот мир, в котором ты живешь. И ты не понимаешь, как ты могла прожить в нем столько лет, мучительно проживая один год за другим, почему не видела правды раньше, почему позволила загнать себя в панцирь вины и предательства, почему позволила себе жить в разбитой чаше с острыми краями? Сама ли виновата или виновником нужно считать кого-то другого, — это уже не так и важно. Весь этот черный мир расстилается перед тобой, как на ладони. И ты понимаешь, как много было допущено ошибок, они образовали крепкий узел из той боли, в которой ты живешь. Как много было излишних обвинений и угрызений совести, никому не нужных и бесполезных. Как много было неправильно или не вовремя сказанных слов, и как много было нужных и правильных слов, которые так и не были произнесены! Как много было молчания, когда нужно было кричать. Как много было прощения, когда прощать было нельзя. Как много было вины, которую следовало разделить на двоих, и боли, которую нужно было переживать, а не маскировать ее под маску равнодушия и самотерзаний. Как много было ошибок, которые исправить уже нельзя, — поздно.

И как много было моментов, когда нужно было смотреть правде в глаза, а не отворачиваться в сторону в бесплотной, глупой надежде на то, что кто-то, а не ты, изменит все вокруг.

Сейчас, оборачиваясь назад, глядя на то девятилетнее прошлое, не понимаешь лишь одного, — как ты смогла выжить в нем, в этом аду, в этой боли и вине?! Как не сошла с ума, как сохранила в себе то доброе и светлое, что всегда в тебе было, как оно не умерло под остервенелой атакой предательства и обиды?!

Как ты смогла продолжать любить человека, который не ценил твоей любви?! Который требовал любви и, получая ее, не отдавал ничего взамен?! Ты не стала любить его меньше от осознания этой правды, ты просто стала иначе смотреть на свою любовь к нему.

И сейчас, глядя в искрящиеся зеленые глаза человека, который мог бы подарить ей весь мир, если бы она захотела, вся жизнь словно промчалась перед взглядом Лены. Все ошибки, все терзания, чувство вины, боль, разочарование, измены, ложь, непонятая и непринятая любовь. Закольцованный мир непонимания, в котором двое, когда-то так сильно любившие друг друга, молча погибали от собственного молчания.

Лена улыбнулась Андрею, радуясь тому, что улыбка вышла искренней, а не натянутой на лицо маской, и когда она подошел, тихо проговорила:

— Надеюсь, ты не долго ждешь?

Он покачал головой, не решаясь поцеловать ее в щеку или просто коснуться руки.

— Нет, — смущенно ответил он. — Тебя я готов ждать сколь угодно долго.

Лена опустила взгляд, но промолчала.

— К тому же, — добавил Андрей, — ты пришла вовремя, это я спешил к тебе на встречу. И, кажется, перестарался, — улыбнулся он.

Лена посмотрела на него и застыла. Слишком много надежды в его взгляде. Какой-то слепой надежды на то, что могло бы быть, но чего никогда не будет. Слишком много любви, на которую она никогда не ответит той любовью, которую он от нее ждет и которой он достоин. Слишком много нежности и ласки, от которых она отвыкла, к которым она даже не

успела привыкнуть.

Слишком опасно, слишком рискованно. Не стоит ходить по грани, по лезвию бритвы, по краю бездны, в которую они оба могут упасть. Это не может привести ни к чему хорошему.

— Сегодня, — выговорил Андрея, стараясь разрушить стену молчания, — не так холодно.

— Да, — тихо сказала Лена, поднимая глаза вверх, — вот только дождь скоро пойдет.

— Осень.

Лена посмотрела на Андрея грустными глазами.

— Да, осень, — кивнула она. — Не люблю осень.

— Раньше любила, — тихо сказал Андрей, задумчиво наклонив голову и поджав губы.

Лена отвела взгляд в сторону.

— Много изменилось.

Все, что она любила, все, чем она дорожила, все, ради чего готова была жить, украли у нее осенью.

Андрей промолчал, с болью в глазах глядя на девушку и не зная, что сказать.

Он терялся, он растворялся в ее боли, читавшейся на бледном лице и в карих, потухших глазах. Он не мог понять, до сих пор не мог понять, куда делась та смеющаяся девочка, которую он оставил, уезжая. Куда она исчезла, во что превратилась, кем обернулась? Она ли перед ним сейчас? Девять лет слишком долгий срок, но не для того, чтобы до такой степени изменить человека. Вычернить, украсть улыбку, превратить в бледную тень. Она такая же красивая, она такая же чистая и добрая, какой и была, и все же... уже не та. Другая Лена. Трепетная и нежная, любящая и страдающая, всепрощающая и непорочная. Но какая-то... отравленная, словно бы пропитанная болью.

И он хотел бы ей помочь, спасти ее, но не знал, как. Он и сейчас не знал, что ему сказать. Он просто терялся. Он боялся, что скажет что-то не то, обидит ее и причинит новую боль. Он хотел видеть ее счастливой, а не затравленной, загнанной в клетку. Он хотел помочь ей, но у него опускались руки. Потому что спасти ее нужно было от того, кого она любила. От того, от кого она не хотела быть спасенной.

Холодная капля скользнула по щеке, обжигая кожу. Андрей стремительно поднял голову вверх.

— Дождь, — пробормотал Андрей, укрывая Лену от внезапного порыва ветра и бережно хватая ее за локоть.

— Да, — выдавила из себя девушка и подняла взгляд в серое небо. — Дождь, — грустно улыбнулась. — Даже странно...

— Что именно?

— Ты знаешь, что дождь имеет очищающее воздействие? — проговорила Лена, зачарованно глядя вверх и ловя кожей холодные капли. — Странно, что на меня он этого воздействия так и не оказал.

Андрей грустно улыбнулся и посмотрел на нее с нежностью.

— Пойдем в машину? Посидим там?..

Стремительный взгляд на него, немного испуганный и растерянный. А потом с улыбкой:

— Хорошо, — произнесла она. — Пойдем.

Андрей подхватил ее под руку, и они вместе направились к его машине.

— Я обещал, что найду тебе работу, — сказал Андрей вдруг.

— Да, — Лена взглянула на него. — Если ничего не выйдет, не стоит переживать...

— Нет, нет, выйдет! — заверил ее мужчина. — Я разговаривал со своим другом, Маратом Кавериним, может быть, ты о нем слышала? — Лена кивнула.

— Предприниматель из Москвы?

— Да, но он сейчас не живет в столице, — задумчиво проговорил Андрей. — У него жена пропала несколько месяцев назад, м-да... странное дело, — пробормотал мужчина. — Так вот у него есть кондитерская здесь, в городе. Думаю, ты не будешь против работать на него?

Лена приостановилась.

— Против?! Да я только за! — воскликнула она, сверкнув искорками глаз. — Только, боюсь, как бы он не был разочарован. Ты сказал ему, что у меня совсем нет опыта работы?

— Да, я его предупредил. Он заверил меня в том, что тебе будет оказана всевозможная поддержка со стороны уже работающего там кондитера, — Андрей улыбнулся. — Он пообещал, что лично проследит за этим. А если Марат так сказал, значит, так и будет.

Спеша к машине, Лена вдруг взглянула на Андрея, нахмутив брови.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил он и остановился.

— Нет, просто... Ты давно знаешь этого Каверина? — поинтересовалась девушка.

Андрей пожал плечами.

— Да как сказать, довольно-таки давно. Наши родители были близки друзьями, и мы с ним сдружились, — мужчина, увлекая Лену за собой, открыл ей дверцу автомобиля. — Но так как он жил в Москве, мы с ним редко виделись, но все равно поддерживали связь. Даже когда я уехал в Новосибирск, — он посмотрела на Лену с вопросом в глазах. — А что, тебя что-то беспокоит?

— Нет, ничего, — проговорила она неуверенно и смущенно отвела взгляд.

И тут Андрей понял.

— Ты боишься, что эту затею не одобрит твой муж? — нахмурившись, спросил он напрямую.

Лена вздрогнула и, полагая, что Андрей этого не заметил, забралась в салон, стараясь не выдать себя.

Она ничего не ответила, и это молчание было красноречивее любых слов.

Андрей тяжело вздохнул, захлопнул дверцу машины и тоже забрался в салон. Сцепил руками руль, словно собирался тотчас же рвануть с места, и уставился в окно невидящим взглядом.

— Я обещал, что не буду надоедать тебе, но... — проговорил он нервно.

— Да?

Воздух стал рваным и удушливым, оседая в легких дегтем.

Лена заерзала на сиденье, стараясь не смотреть на Андрея.

— Как так получилось, что ты вышла замуж за Максима Колесникова? — напрямую выдохнул Андрей.

Сердце забило в груди заключенной в силки птичкой, и девушка почувствовала, как кровь прилила к вискам, ударяясь в них болью сердечного биения.

— Как так... получилось?... — грустно улыбнувшись одними губами, пробормотала Лена. — А мне и самой интересно, — как, — не глядя на Андрея, сказала она. — Я помню все, что было. До мельчайших деталей могу произвести секунды, мгновения того дня, когда Максим сделал мне предложение, и все же...

— Что?.. — с придыханием спросил Андрей.

— Я люблю его. Я его всегда любила, и тогда, девять лет назад особенно сильно. А он... — она опустила голову вниз, закрыла глаза на мгновение. — Он... Боже, он, наверное, никогда не простит мне того, что я сделала!

Андрей стремительно обернулся к ней.

— Что ты могла сделать?! — воскликнул он запальчиво. — Ты — ангел, что ты могла сделать ему?!

Лена посмотрела на него и улыбнулась.

— Ангел? — прошептала она одними губами. — Нет, я вовсе не ангел. Я обычный человек, просто женщина, которая любит, терпит, ждет, надеется на что-то. Вот уже девять лет все еще ждет и на что-то надеется, — она задумчиво отвела взгляд в сторону. — Знаешь, я иногда саму себя ненавижу. За эту слепую любовь к нему. Так больно бывает, особенно после того, как он... — она запнулась, грустно хмыкнула. — А я все равно прощаю. Идиотка!

Он понял ее без слов. Всегда понимал. И ее боль чувствовал, и тоже страдал.

— Это... так не может продолжаться, — выдохнул он с отчаянием в голосе. — Как ты... — он вдруг запнулся, а потом, слегка касаясь ее локтя дрожащей рукой, с ужасом воскликнул: — Только не говори, что ты живешь так все эти годы! Умоляю тебя, скажи, что это не так!

Лена даже не взглянула в его сторону, лишь сильнее сжала похолодевшие пальцы.

— В это так трудно поверить? — с ироничной грустной усмешкой спросила она.

— Это невозможно! — заявил Андрей. — Ты не можешь... Черт, как он посмел допустить такое?! Ты — ангел, такая светлая, такая добрая... Как он мог уничтожить ту девочку, которую я оставил здесь десять лет назад?

— Андрей... — пробормотала она. — Не нужно...

— И после этого ты все равно любишь его?! — изумленно вскричал он. — Любишь?!

— Я не могу его не любить, — проговорила Лена. — Это... стало сутью, смыслом моего существования. Как болезнь, как патология. Я не представляю себе жизнь без него. Если мне и стоило уходить, то тогда, девять лет назад. Но я не смогла. Я тогда слабее была... Боже, я и сейчас слаба! Я не могу его оставить и сейчас! И это самое страшное, понимаешь? — она готова была рассмеяться от горечи. — Ты думаешь, я не представляла себе этого, убежать, скрыться, спрятаться? Считаешь, за девять лет ни разу не думала о том, чтобы уйти? Думала. Но не смогла, — обреченно выдавила она из себя. — Боже, я его люблю. За что мне эта любовь?! За что эта одержимость? Иногда я проклинаяю себя за нее!

— Лена... — он коснулся кончиками пальцев ее щеки.

— Я не знаю, почему так вышло. Честно, не знаю, — проговорила она в отчаянии. — Я не живу без него. И с ним тоже не живу. Я погибаю в любом случае. Но без него я погибну раньше, чем с ним.

Андрей наклонился к ней, стараясь уберечь ее, желая помочь ей и не зная, как это сделать.

— Ты винишь себя за что-то?.. — прошептал он.

Лена опустила голову вниз и поджала губы.

— Это так? — настойчиво спросил Андрей и, не получив ответа, возмущенно воскликнул: — Но что такого ты ему сделала, черт возьми?! За что он так поступает с тобой?! Девять лет он...

— Самое страшное заключается в том, Андрей, — тихо, но уверенно перебила его

Лена, — что я понимаю его. Девять лет! За эти годы я смогла узнать его так хорошо, что, кажется, пойму даже по движению бровей, о чем он думает. Я понимаю его. И не понимаю одновременно, — с горечью добавила она.

— Он... обижает тебя? — с яростью в голосе спросил Андрей.

— Нет! НЕТ!!! Он презирает насилие, и... Он никогда не обижал меня, — Лена запнулась. — Но делал мне больно, тем не менее. Опять парадокс. Но ведь причинить боль можно и не физически.

Андрей, чувствуя острую, как лезвие бритвы, необходимость успокоить и утешить ее, наклонился к Лене, прижал ее дрожащее тело к себе и стал укачивать, как ребенка.

А она не противилась, не оттолкнула его, не отодвинулась, она сжалась в комочек и доверчиво опустила голову ему на плечо, словно принимая эту нежность и ласку, эту помощь, которую он ей предложил.

— Как же так получилось, что ты вышла за него замуж? — бормотал Андрей ей в волосы. — Как же так получилось, девочка моя?..

А Лена, уткнувшись в крепкое мужское плечо лицом с повлажневшими щеками, закрыла глаза.

Как же не хотелось думать, как же не хотелось вспоминать. Зачем возвращаться в то прошлое, которое давным-давно нужно было забыть? Забыть для того, чтобы жить настоящим, чтобы двигаться дальше.

Забыть, чтобы, перешагнув через него, научиться жить заново.

И осознать, что одной этого сделать будет все равно невозможно. Потому что обреченных на безумие было двое.

9 лет назад

Она знала, что это ее вина. Она всегда это знала и чувствовала. Тогда, намного острее, чем годы спустя.

Потом, анализируя и прокручивая в памяти моменты прошлой жизни, изменившие все навсегда, у Лены было время на то, чтобы все обдумать, решить, осознать, придумать нужное слово. Она знала теперь, когда нужно говорить, чтобы тебя услышали, когда нужно промолчать, потому что слова все равно упадут в пустоту. Теперь она понимала, что поступала неправильно, все ее отношения с Максимом были какими-то неправильными. И она чувствовала, что что-то сломалось, и не построить этого вновь.

Как же ей было не осознавать этого, когда в ней зрел ребенок, явное доказательство вины, когда с каждым днем она все явственнее ощущала последствия своей роковой ошибки, своего опрометчивого поступка, того последнего шага, который она сделала не навстречу Максиму, а от него. Шаг в бездну. Единственный, его хватило, чтобы раздавить ее.

Максим не обвинял ее, он и словом не обмолвился о том, что случившееся произошло именно из-за нее, из-за ее лжи. Она потом читала это во взглядах, в движениях, в интонациях, в звуке голоса, но никогда не слышала прямого обвинения. На протяжении долгих, мучительных лет, в течение которых они медленно умирали на алтаре всеобщих заблуждений и непонимания, он ни разу не обвинил ее в том, что это именно ее вина.

Он сказал об этом лишь раз. Всего лишь раз, но она запомнила слова того разговора на всю жизнь, как губка, впитывающая влагу, они засели в ее памяти, словно комок невыплаканных слез в горле. Она могла бы и сейчас дословно воспроизвести все, что он

тогда говорил. И его слова, эти острые кинжалы, впивались в плоть, пронзая ее насквозь. И в них не было ни слова лжи, все они были истинны, но оттого острее осознание, оттого больнее и унижительнее было слышать их и признавать правоту.

Но она совершила ошибку, роковую, глупую, бездумную, разрушительную по своей силе ошибку.

В тот момент, когда сделала себя жертвой обстоятельств. Жертвой той вины, за которую должны были расплачиваться оба. Максим не ждал от нее этой жертвы, не требовал признания вины, он не просил ничем жертвовать, но она пошла на жертву добровольно. И невольно сделала его жертвой обстоятельств. В тот момент, когда он, как загнанный зверь, метался в клетке, которую называли семьей, не зная, почему все рушится прямо на глазах, куда идти дальше и ждет ли его что-то впереди, разве мог он благодарить ее за эту жертву?! Он мог лишь бессильно смотреть на то, как прежний мир ускользает сквозь пальцы.

Ей не следовало прятаться за маской вины и опускать глаза, опасаясь увидеть гневный взгляд. Ей нужно было воспротивиться, заговорить, не предавать себя анафеме и бороться за счастье. Но она не смогла. Тогда — не смогла. И спустя годы, она тоже не смогла. Она отступала, отступала, отступала... До тех пор, пока не поняла, что больше отступать некуда. И до того момента, пока не осознала, что не была виноватой настолько, чтобы платить за ошибку всю жизнь.

Как много лет потребовалось на то, чтобы расставить по полочкам прописные истины!?

Девять лет не прошли бесследно, они оставили на ней незаживающее клеймо. Но стоило ли ей винить Максима в том, что он таил в душе обиду? Смела ли она обвинять его в том, что он такой, какой есть, и она приняла его именно таким?! Имела ли она право требовать прощения!? Могла ли надеяться на то, что это прощение когда-нибудь получит?!

Боже, она так хотела, чтобы он понял, чтобы он простил, она надеялась на это... Надеяться было нельзя. Слепая вера и глупая, безрассудная надежда только отравляют. И с каждым днем становится все тяжелее, все больнее. Все отчетливее день ото дня осознание того, как все неправильно. И больнее оттого, что сделать с этим ничего нельзя.

Тогда, девять лет назад она была глупее, она была слабее. Боже, она и сейчас была слабой, слабой в своей любви, но тогда она могла многое принять за чистую монету. Она верила тем истинам, которые он говорил, а не тем, что открыла сама. И в этом тоже была ее ошибка. Она слепо верила тому, что он говорил, поэтому вынудить ее признать, как истину, что виноватой является она, ему не составило труда. Хотя у него никогда такого намерения и не было. Единственный раз, единственный разговор, в котором они упомянули об этом, один лишь раз поговорили о том, что ломало, что убивало изо дня в день. А потом... не решились, не отчаялись, испугались, отступили, не забыли — помнили, но молчали. Два безумца!

Он больше не обвинял, но она винила себя. Он старался не причинять боль, но причинял ее, с каждым новым днем все больше разрушая то, что когда-то называли идеальным. Он не понимал, куда идет, а она не понимала, зачем следует за ним, если знает, что эта дорога ведет в никуда. Два глупца!

Бессмысленно и слепо шли навстречу смерти, так и не спросив друг друга, а следует ли туда идти!?

Единственный разговор девять лет назад изменил многое для ее израненной и впечатлительной натуры.

Она боялась его прихода тогда. Александр Игоревич сказал, что поговорит с Максимом, и с того самого момента она боялась встречаться с ним лицом к лицу. Что он подумает? Что

скажет? Боже, страшно даже подумать! Он будет винить ее, и будет прав. Самое страшное и заключалось в том, что у него было это право на обиду, на вину. Она сама вручила ему это право.

Вот была ее еще одна роковая ошибка! Она позволила винить в случившемся лишь себя, снимая всякую ответственность за произошедшее с мужчины, которого отчаянно любила, которого боготворила.

Ошиблась. Снова ошиблась! Совершила самоубийство в тот самый миг, когда возложила на свои хрупкие плечи весь груз вины и боли. И несла этот груз долгие девять лет.

Она не видела его несколько дней. И в эти дни безумные мысли воспаляли ее сознание мучительными фантазиями. Она не могла спать, у нее была бессонница. Она почти не ела, в рот не лез ни кусочек. Она много плакала, оплакивая, наверное, свою дальнейшую жизнь, и все время думала о нем.

Максим знал правду. Он знал правду уже несколько дней. Но не позвонил ей, не пришел, не сообщил о том, что решил делать дальше... Он словно бы растворился, исчез, замкнулся в себе.

А ей было больно, одиноко и страшно.

Несколько раз Лена набирала его номер, желая просто услышать родной голос, но в последний момент всегда не выдерживала и бросала трубку на рычаг. Было больно, было тяжело, и в груди так горько, так холодно, так пусто. Словно жизнь украли, словно сердце вырвали, словно резали, сжимали, давили. Снова и снова. А перед глазами — только его лицо, в ушах только его голос, а тело дрожит от его прикосновений.

И когда она уже потеряла надежду на то, что когда-нибудь еще его увидит, Максим все же пришел.

Осень была теплой, бабье лето, вступив в свои права, уже несколько дней подряд вознаграждало город ласковым и непривычным теплом.

Лена, сжавшись, сидела на качелях, раскачиваясь из сторон в сторону, когда чья-то тень нависла над ней, сжимая плотным кольцом все ее существо в свои цепкие объятия. Сердце задрожало, пульс участился.

Она знала, кто стоит перед ней, хотя он не произнес ни слова. Стоило ли сомневаться?..

Она чувствовала, что это он. Как и всегда при его появлении, трепетно, сумасшедше дрожащее эхо скользнуло по коже, обдавая каждую клеточку горячей смесью и проникая внутрь ее существа.

Лена медленно подняла голову вверх и застыла. В глазах мелькнул огонек, и тут же погас, наткнувшись на равнодушный острый взгляд синих глаз. Грозный, опасный, невозмутимо спокойный на вид.

Она хотела произнести «привет», но с языка не сорвалось ни звука, в горле встал тугой горячий комок.

Они молчали несколько долгих минут, глядя друг на друга в упор и не отводя взгляда.

— Лена, — произнес, наконец, Максим, поджав губы.

— Максим, — проговорила девушка сорвавшимся голосом. — Ты пришел..?

Губы его сжались в плотную линию, брови сошлись на переносице.

— Ты ожидала чего-то другого? — ядовито спросил он. — После того, что сделала.

Ей следовало бы спросить, что именно она сделала, что такого ужасного она сделала, кроме того, что любила, отчаянно любила этого мужчину всем сердцем!? Ей нужно было сказать, что она не виновата, или что виновата не одна она, — это было бы правильным, это

было бы разумным, но она промолчала тогда, и вновь допустила ошибку. Какую по счету?!

Неужели вся ее жизнь была вот таким переплетением ошибок?!

— Отец рассказал мне обо всем, — сказал Максим, глядя поверх ее головы.

— Рассказал?.. Это хорошо, — не нашлась, что еще сказать, Лена.

Максим саркастически хмыкнул, бросил на нее короткий, холодный взгляд.

— Да уж, действительно, лучше не бывает.

Лена поджала губы и опустила глаза, стараясь сдержать рвущиеся изнутри слезы.

За что он с ней так? За что?! Почему так жесток и несправедлив? Именно — несправедлив!? Да, она обманула, но на этом ее вина и закончилась. А он обвиняет, а она... терпит обвинения. Почему так? Ведь она может, она должна сказать что-нибудь в свою защиту, оправдаться! Так почему же молчит?! Почему, срывая голос, не защищает свою честь, свою правду?! Почему не отстаивает свое право на истину, такой, какой видит ее она?! Она опять слепо идет за ним, принимая то, что он ей дает. Слепо, бездумно... Зачем?!

— Ты ходила в больницу? — спросил Максим, продолжая смотреть словно сквозь нее.

— Да, — Лена задыхалась от обиды и невыплаканных слез.

— Когда?

— На прошлой неделе.

— Сдала все анализы? На учет встала? — продолжал допрос Колесников.

Лена покачала головой, не решаясь поднять на него глаза.

— Нужно сделать это немедленно! — заявил он, сведя брови.

Лена кивнула, не поднимая глаз, а Максим раздраженно воскликнул:

— Ты можешь, наконец, посмотреть на меня, не со статуей же я разговариваю!?

И девушка стремительно вскинула на него глаза, подбородок ее затрясся от невыплаканных слез.

Максим поморщился.

— Только я тебя умоляю, пожалуйста, без истерик! И не нужно слез, это совершенно излишне.

— Прости, — пробормотала девушка, смахивая слезинки с ресниц, — просто я...

— Раньше нужно было думать, чтобы сейчас не реветь! — жестко, сквозь зубы выдавил Максим.

Да, он прав. Нужно было думать. Ей нужно было знать, что он так просто не простит ей лжи. Наивная, она надеялась, что сможет изменить его мир! Какая глупая, наивная идиотка! Он ведь предупреждал ее, он словно бы подготавливал ее, а она... она решила, что знает его лучше, чем он сама знает себя!? Он бы принял все изменения потом, через некоторое время. Ему просто нужно привыкнуть, смириться с тем, что у него появилась она. Ему нужно было самому осознать, что она послана ему небесами, чтобы излечить, чтобы помочь, чтобы вернуть к жизни. А теперь... Его вынуждают, его заставляют, ему указывают. И он бесится, он бунтует, он противится, как может. И срывается. На ней.

— Ты вообще собиралась мне сообщить эту... новость? — как-то грубо, раздраженно спросил мужчина.

— Собиралась... — опустив глаза, пробормотала она.

— Когда? — настойчиво осведомился он, сделав шаг к ней. — Завтра? Послезавтра? Через неделю? Когда?!

Требовательно приподнял ее подбородок, вынуждая смотреть себе в глаза.

— Не знаю, — пробормотала она. — Когда узнала бы все наверняка, наверное.

Максим раздраженно поджал губы.

— Наверное, — повторил он себе под нос и стремительно отступил он Лены на пару шагов, тяжело вздохнул, подбоченившись. — Нам, конечно же, нужно пожениться. Чем скорее, тем лучше.

Лена уставилась на него, словно не понимая.

— Ты должна понимать, что этот ребенок... — он смотрел на нее с укором, и она чувствовала его кожей. — Я не хотел его, ты знаешь, и не можешь требовать от меня невозможного. Я не стану лгать и говорить, что безумно рад этому. Нет, не рад! — он втянул в себя воздух. — Можешь считать меня извергом, монстром, кем угодно, но я лишь говорю тебе правду. Я не желал этого ребенка и не желаю!

Лена, тяжело и часто задышав, смотрела на него, широко раскрыв глаза. Слова болью впивались в тело.

Я не желал этого ребенка и не желаю... Не желаю... Не желаю...

— И не смотри на меня так! — воскликнул Максим и грубо чертыхнулся себе под нос. — Дьявол, я никогда не скрывал этого от тебя! Я всегда был с тобой предельно честен и откровенен, разве нет? — он смерил ее острым, как бритва, взглядом. — В отличие от тебя, я никогда не лгал.

Слова защиты замерли на губах, Лена сглотнула и в бессилии отвернулась.

— Молчишь? — сказал Макс, разозлившись. — Отчего же? Нечего сказать? Может быть, очередную ложь?

— Максим, пожалуйста...

— Что, — пожалуйста!? — взбесился он вдруг и подскочил к ней, нависнув над девушкой каменным изваянием. — Что, Лена?! Я тебе верил, я полагал, что могу рассчитывать на тебя, я доверился тебе, понимаешь? Я чуть ли не душу перед тобой вывернул! Я думал, что могу... что ты не обманешь мои ожидания! — он заглянул ей в лицо, словно стараясь достучаться до ее сознания, и она с ужасом увидела в синих глазах боль и обиду. — Ведь ты все прекрасно понимала, все знала обо мне, о том, какой я. Я никогда этого не скрывал. Ты знала, на что идешь, ведь так? — она зачарованно кивнула. — Ты согласилась на мои условия, но решила сыграть по своим правилам!? Это честно? — он взглянул на ее заплаканное лицо. — Это подло. Это — предательство! — его лицо исказила гримаса отчаяния. — Ты знаешь, какого это, — ошибиться в человеке? Знаешь? — спросил он у нее с болью в голосе. — А я знаю! — выплюнул он и стремительно отошел от нее. — Словно воздух из легких вырывают. Словно на части рвут, снова и снова. Словно почва из-под ног, вмиг... раз, и нету. Словно бы весь мир рушится, а ты стоишь и не знаешь, куда бежать, к кому, зачем... Ведь тебя предали, и ты все равно остался один, — он стиснул зубы. — Но я никогда не ожидал, что предать меня сможешь ты. Ты знала, что я могу тебе дать, а чего не смогу дать никогда. Ты знала об этом, я не делал из этого тайны, черт возьми?! Так почему же ты так поступила? Почему со спины, как преступница..? Нож в спину, — почему?!

Она хотела уберечь его от зла, от боли, от предательства. Она хотела бы ему помочь, спасти его, но он не дал ей шанса.

— Максим...

— Я не прощу, — резко перебил он ее. — Не прощу предательства.

Лена затравленно смотрела на него полными боли и отчаянья глазами.

— Максим, пожалуйста...

— Нет!

Слишком гордый, слишком упрямый, слишком сильный для того, чтобы простить чужую слабость, даже слабость женщины, которую любил. Особенно ее слабость...

— И что теперь?.. — прошептала Лена.

— Теперь? — Максим пожал плечами. — А что теперь? Мы поженимся, как я и обещал.

— Из-за ребенка? — проговорила девушка едва слышно. — Только из-за него?

— А ты рассчитывала на что-то еще? — жестко выдавил он. — На заверения в любви, может быть?! После того, что сделала, ты верила, что все будет, как прежде?! — он горько рассмеялся ледяным смехом. А потом резко замер и сказал: — Любящие люди не предают, Лена. Они просто любят, не требуя ничего взамен.

Парадокс, но она и любила. Просто безнадежно сильно, до безумия любила его, отдавая ему всю свою любовь. Как жаль, что он этого так и не понял тогда...

— А ты потребовала от меня слишком многого, прекрасно зная о том, что я не смогу тебе этого дать, — продолжал он гневно, уничижительно. — И ты решила взять это сама!?

Ей нужно было возразить. Нужно было оправдаться. Кричать. Возмущаться. Но не молчать же?! Не сносить вину одной?! Но она не смогла. Слабая, какая же она слабая!

— Мы поженимся, как можно быстрее, — сказал Максим почти равнодушно. — Завтра подадим заявление в ЗАГС, если повезет, распишемся через несколько дней.

— Так скоро? — ошеломленно проговорила девушка.

— А стоит оттягивать неизбежное? Ничего уже не изменить, — он бросил быстрый взгляд на ее пока еще плоский живот, а потом отвернулся, поджав губы: — Все уже решено. За меня.

Лена сглотнула.

— Я заеду за тобой завтра в десять. Будь готова, — и повернулся к ней спиной.

— Хорошо, — кивнула она, поднимая на него полный горечи взгляд.

— Отлично, — бросил он. — Тогда... до завтра.

— Максим?.. — вырвалось из груди против ее воли.

Он остановился, но даже не обернулся, чтобы взглянуть на нее, и она не решилась сказать то, что хотела.

— Нет, ничего, — выдавила она из себя сквозь слезы. — До завтра. Я буду тебя ждать.

Он стоял лишь мгновение, а потом резко дернулся с места, поведя плечами, и зашагал вперед, оставляя позади ее оправдания, сожаления, откровения и признания.

— Я люблю тебя, — прошептала она, глотая соленые слезы своего горя. — Прости меня!

Но он не простил. Он всегда помнил.

Восемнадцатого сентября, в день, когда они поженились, отчет девятилетней муки пошел...

14 глава

«О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепости страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!»

Ф.И.Тютчев

Он никогда не поступал более глупо и опрометчиво. Он никогда даже не задумывался над тем, что когда-либо может позволить себе это... докатиться до подобного, кто бы мог подумать?!

Сидя в городском парке, в который поклялся себе не приходить, Максим, сжимая в руках конверт и слушая шелест листьев, пронзавший мозг наконечниками стрел, невидящим взглядом смотрел в пустоту.

Десять часов. До отъезда еще два часа. Есть время.

Есть время для совершения безумства. Или шанс на спасение, если он захочет спастись.

Но он не хотел. Его разрывали на части сомнения и терзания, самокопания и истязания.

Он сделал свой выбор. Конечно, сделал, если пришел сюда. В этот парк, где условился о встрече.

Почему именно парк, он не понимал. Он не был здесь много лет, намеренно избегая это проклятое место, но, договариваясь о встрече, почему-то не смог придумать ничего иного, как прийти именно сюда. Туда, куда его нога не ступала уже очень давно. Туда, куда он не ходил даже с Леной.

Но сегодня что-то словно тянуло его в глубь пожелтевших кустарников, кустов орешника и малины. Пройтись вдоль лавочек, бесшумно ступая по мощным дорожкам. Шелестеть ногами опавшей листвой. Слушать завывание ветра в кронах сосенок, осин и дубов. И думать, думать, думать...

Сердце требовало, призывало его посетить именно это место. Всегда требовало. Чтобы избавиться от чувств, разъедавших его плоть. От вины, от боли, от злости и бессилия. Он должен был сделать это давно. Очень давно. Но не решался, избегал, игнорировал внезапные порывы и желания. В глубине души старался спрятать переживания и устремления. Хотел обмануть самого себя. Не вышло.

И спустя годы, он все же пришел сюда. Устал убегать.

И сейчас, глядя на редких прогуливающихся в парке прохожих, он удивлялся, как Лена могла гулять здесь почти каждый день!? Девять лет подряд. Как она смогла, как выдержала? После того, что было?!

Утешала свою боль, залечивала раны? Избавлялась от одиночества в этом Богом забытом месте?!

Боже, но почему же именно здесь?! В городе десятки мест, где можно было пережить эту боль. Почему же именно этот парк?! Он никогда этого не понимал. Он презирал, он ненавидел это место. До сегодняшнего дня. Пока не понял, пока не осознал.

Да, парк лечил. Здесь было спокойно и легко. Боль словно бы притуплялась, оставляя

место осознанию.

Только мысли сверлили мозг сотнями рокочущих мошек, проникая в кровь.

Максим тяжело вздохнул, прикрывая на мгновение глаза.

Девять лет...

Как бы он хотел все исправить. Как сильно он хотел, как жаждал все исправить! Или хотя бы часть из того, что совершил! Зачем?! Чтобы оправдаться? Или все же для того, чтобы понять, наконец, что был не прав? Он не знал точно, да и спроси его об этом кто-либо сейчас, он был не дал вразумительного ответа. Но он жаждал все исправить.

Но понимал также, что обманывает сам себя. Это изначально было его утопией.

Ничего исправить было нельзя. Не сейчас. Поздно. Слишком поздно.

Если и нужно было что-то исправлять, то тогда, когда все это и началось, — девять лет назад.

Мужчина втянул в себя воздух и приподнял голову вверх, глядя невидящим взглядом на макушки сосен.

Все девять лет он словно гонялся за истиной, искал доказательства, подтверждения, — чему?! Кому и что он пытался доказать эти годы? Кого наказать хотел? И наказывал ли?! Разве мог он подумать, что его жизнь, как и жизнь Лены, превратится в кошмар?! Он не желал этого. Он искал свою правду и слепо верил в то, что именно она является истиной. Закрывал глаза на то, что пыталась говорить Лена, он просто не слушал ее. И с каждым днем все сильнее заблуждался, все глубже увязал во лжи самому себе.

Девять лет. Он сам загнал себя в них. Невольно, жестоко, насильно. Собственноручно заковал себя.

Сейчас, оглядываясь назад, с высоты глядя на прожитые годы и анализируя, он мог точно сказать, когда именно все пошло не так. Когда он ошибся. Когда ошиблась она.

Как странно... Он никогда не думал о том, что вообще когда-либо об этом задумается. Разве мужчины, уверенные в себе, в жизни, твердо стоящие на ногах, по сути своей несклонные к рефлексии, разве такие, как он, способны спустя годы что-то анализировать и копаться в себе, выискивая ответы на определенные вопросы?! Он бы рассмеялся, если бы несколько лет назад... да что там, если бы всего пару месяцев назад ему сказали, что однажды он проснется с отчетливой мыслью дойти до сути и понять, осознать, почему вся его семейная жизнь превратилась в кошмар.

Когда, — он не знал. Просто однажды это случилось. Не назвать конкретный день и час, не отыскать среди миллиона мгновений то самое, в которое он оглянулся назад и посмотрел на прожитые годы иными глазами. Однажды он просто посмотрел на то, во что превратилась его жизнь и ужаснулся.

Черт возьми, и он, действительно, анализировал, кто бы мог подумать!?! И о том, что произошло девять лет назад. О своих поступках, за которые сейчас становилось стыдно. О своих ошибках, которые невозможно исправить с течением времени. О своих изменах, которым не было числа, потому что он не вел подобного счета, подсознательно зная о том, что все вернется к жене.

О ней тоже думал, — о Лене. Думал очень много.

С вершины совместно прожитых лет он смотрел на нее и видел, своими глазами смотрел на то, как она ломается. Как очень медленно из той девочки, которую он встретил, превращается в подобие себя. Глаза больше не блестят, губы не трогает улыбка, нет того светящегося сияния на лице, когда она смотрит на него. Нет чего-то важного, чего-то

жизненного... Нет словно бы самой жизни.

И тогда он принимался анализировать и это. Как идиот, он думал о том, почему так произошло, и искал причины. Находил их. Самое страшное, что он их находил! В себе. В ней. В том, что произошло годы назад.

Какая трагедия! Все началось именно девять лет назад. Там, в прошлом — корень зла, исток той дороги в ад, по которой они уверенно шагали все это время, источник болезни, одержимости, патологии.

Девять лет назад все началось. Но когда именно?.. В тот момент, когда они встретились, соединив навеки свои судьбы узами гораздо более крепкими, чем брак. Это было единение тел и душ, единение, действительно, соединившее их терновыми цепями. На девять лет?.. О нет, на гораздо более долгий срок.

Разве мог он сейчас представить, что Лены не будет рядом с ним?! Что он не почувствует ее тепло рядом с собой, что не увидит родных черт лица, что не сможет позвонить и спросить, как прошел ее день, злясь на себя вновь и вновь за этот звонок, — ведь обещал себе, что больше звонить не будет!? Разве мог он хоть на мгновение вообразить свою жизнь без нее?! Сейчас это казалось такой же утопией, как и прежние его уверения в правильности своих поступков и деяний.

Тогда, годы назад, он еще верил... он еще надеялся, что может жить без нее, что может ее отпустить.

Разве он не пытался уйти?! Разве не пытался оставить ее?! Дважды.

Боже, если бы он смог! Но тот последний, роковой шаг от нее он так и не смог сделать. Просто не смог...

И от бессилия, от осознания и признания собственной слабости в себе, сильном и уверенном мужчине, от ощущения полнейшей пустоты внутри, от раздражения и злости на себя, и на нее, на весь мир, который не позволил ему ее отпустить, — он медленно сходил с ума. Год за годом. Изю дня в день бессознательно уничтожая и себя, и ее. Кому и что пытаюсь доказать?! Кого и в чем стараюсь уверить?! В тех прописных истинах, которые были известны всем, включая и его самого тоже?!

Какая глупость, какое сумасшествие, просто безумие, девять лет подряд уничтожать себя пустыми наивными доказательствами, которые ничего для него не значили.

Разве можно было выжить в бесконечной гонке за истиной, когда истина была зажата в твою ладонь?!

Девять лет?.. Это слишком малый срок для них. Судьба связала их навечно. Максим был уверен в этом.

Разве смог он уйти? Разве смог отпустить ее? Разве она ушла? Смогла оставить позади прожитые годы боли, обиды и слез и сделать решающие шаги в противоположную от него сторону?!

Разве смогли они разорвать ту нить, что когда-то так крепко связала их?

Он не смог бы ее отпустить и уверить себя в том, что она ему не нужна. Потому что она — нужна. Отчаянно нужна ему! Как воздух. Боже, какая банальность, но это так, Лена была необходима ему как кислород. Он не дышал без нее. Действительно, не дышал. Одна лишь мысль о том, что ее не будет рядом, или что она будет принадлежать другому... И он разом терял голову.

Не потому ли одно лишь ее упоминание вскользь, в гневе, несерьезно, как он сейчас понимал, а как провокация, о том, что она может найти себе кого-то, так подействовало на

него?!

Максим и сейчас яростно сжимал кулаки, шурясь и сдвигая брови к переносице.

Да, он взбесился. Что-то всколыхнулось в нем, затронуло за живое собственные инстинкты, задело нервные окончания каждой клеточки тела, которая вмиг отреагировала на данное заявление.

Никогда. Никому. Только его женщина!

Разве можно было обвинять его в том, что он защищал свое!? И все же...

Он вел себя, как дикарь. Сейчас ему было противно, стыдно за самого себя. Он никогда так не поступал, никогда за эти девять лет. У него и мысли никогда не возникало, что он будет вести себя, как разъяренный, взбешенный, подведенный к черте хищник, у которого вознамерились отнять нечто принадлежащее ему.

Он пытался вымолить прощение, на следующий день принес ей букет цветов. Оказывается, это не так и сложно — выбирать цветы для любимой женщины. Гладиолусы, он выбрал гладиолусы на этот раз. И он увидел блеск в ее глазах в тот момент, когда она принимала он него букет, с удивлением, даже шоком смотрела на цветы, выглядывающие из упаковочной бумаги. Простила?.. Ему хотелось в это верить. Но ощущения такого не было. Он знал, что это его не оправдывает, и его поведение не оправдывает, но...

Неужели нет для него оправдания?! Ведь никогда раньше Лена не делала подобных заявлений! Никогда раньше он и представить не мог, что Лена — его Лена! — может посмотреть на кого-то кроме него. Как-то незаметно, но плотно она взяла его в кольцо своей зависимости, сомкнула жесткие, крепкие объятия вокруг него, не давая повода усомниться в том, что всегда будет рядом. И он привык. Он привык к тому, что она всегда рядом с ним, любит только его. И он привык к этому настолько, что не замечал ни взглядов, которые бросали на его жену другие мужчины, плотоядных, завистливых, горячих взглядов, ни того, что Лена тоже могла смотреть на кого-то такими же взглядами.

Но сейчас... сейчас он не был так уверен в том, что Лена не ответит на это внимание должным образом.

И он просто с ума сходил. Как тигр, загнанный в клетку, метался из угла в угол в попытке докопаться до истины, но не мог. Терзания и сомнения разрывали его на части, просто сводили с ума.

Сейчас он уже ни в чем не был так уверен, как раньше.

Сейчас появился тот, кто претендовал на право попасть под внимательный Ленин взгляд.

Порошин. Андрей Николаевич.

Он был соперником. Максим выявил это сразу же, как только его увидел. Выделил его из толпы возможных воздыхателей и завистников, которые не посмели бы сделать и шага в сторону его жены, зная, что наткнутся на холодность и равнодушие. Но этот мужчина... Он был опасен.

Друг? Нет. Вовсе не друг. По крайней мере, сам он себя просто другом не считает.

Максим ревновал. Как же он ревновал! Он не боялся теперь себе признаться в этом. Не боялся этой немужской слабости, этой зависимости от Лены, от патологической аномалии, когда необходимо, чтобы именно эта женщина всегда была рядом. Да, он ревновал. И боялся. Того, что кто-то будет значить для нее больше, чем он. Что она признается кому-то в том, в чем раньше признавалась лишь ему одному.

И это сводило с ума. Неизвестность, неуверенность, подозрения, тихий шепот за

спиной. Все это кружилось в его мозгу змеиным кольцом, пытаясь подвести его к навязчивой идее. Лена любит другого.

И когда он услышал тот телефонный звонок, все стало еще хуже. Все рецепторы напряглись, готовясь к схватке, в мозг огнестрельной волной ударил адреналин, подводя к черте безумства.

Максим со свистом выдохнул и наклонился вперед, зло щурясь и стискивая зубы.

Вчерашний звонок вынудил его пойти на крайние меры. Он этого не хотел, никогда этого не хотел, но...

Сжимая в руках небольшой серо-желтый конверт, мужчина чертыхнулся про себя.

Черт, разве мог он подумать, что когда-нибудь дойдет до этого?! Безумец, сумасшедший. Он спятил.

Но когда вчера, выйдя из душа и направившись в комнату, он услышал, что Лена с кем-то разговаривает по телефону, он словно потерял рассудок. Он хотел отойти, хотел оставить ее одну и не вмешиваться. Но не смог. Ноги застыли, превратившись в каменное изваяние, а дыхание, казалось, разрывало грудную клетку, настолько сильным и отчаянным оно было. Он хотел приказать себе дышать ровнее, медленнее, тише, но не смог. Все чувства, все рефлексы, все нервные клетки сосредоточенно вникали в суть того, что говорила Лена своим тихим, но звонким голосом.

Не слишком ли тихо?.. Может быть, она боится быть услышанной? Боится, что ее может услышать он?!

Максим в бессилии прислонился к стене, а голосок жены продолжал сверлить его мозг.

— ...Я помню, что ты говорил. Спасибо тебе, — замолчала на мгновение, потом легко, почти неслышно рассмеялась.

И этот смех полосонул его по и так кровоточащему сердцу, разрывая грудь адской болью.

Максим, сдерживая гортанный рык, рвущийся из глубины его существа, зажмурился и сжал руки в кулаки. А боль медленными монотонными движениями продолжала сверлить ему грудь.

— Ты это серьезно? — вдруг воскликнула девушка с радостными нотками в голосе, заставив мужчину вздрогнуть и покрыться кожу липким, слизким потом. — Правда? Уже послезавтра? А это точно? Конечно, я в тебе не сомневаюсь... — смущенно проговорила она, и Максим знал, что ее щеки сейчас покрылись очаровательным румянцем. — Просто... все это так неожиданно... Я и представить себе не могла, а сейчас... Спасибо за этот подарок. Я не знаю, как тебя благодарить... — замолчала, смущенная, словно устыдившись своих слов или того, что ей сказали.

Максим со свистом втянул в себя воздух, а затем резко и шумно выдохнул. Глаза налились кровью.

— Спасибо, — проговорила Лена намного тише, чем раньше. — Я обязательно... — и вдруг смех, звонкий, радостный, обрывающий ее слова. — Ну, конечно, можешь не сомневаться. Я обещаю, — самый лучший. Что?.. — и вдруг, он почувствовал это — напряжение, наэлектризованный воздух давил на легкие свинцовой тяжестью. — Максим?.. Н-нет, его не будет. Нет, я ему не говорила, я не знаю, как он на это отреагирует. Да, я знаю, что нужно сказать. Потом... Когда он вернется, и когда я буду знать все наверняка. Ты не против?.. Спасибо. Конечно, я скажу... Через три дня. Да, у него дела в Москве... Хорошо. Значит, послезавтра? Хорошо. Да... Спасибо еще раз. Пока.

Положила трубку на рычаг.

Меньше пяти минут длился этот разговор, но Максиму казалось, что за это время из него выкачали все силы. Он прислонился к стене, не зная, как пошевелить руками, зажатými в кулаки, как разомкнуть стиснутые зубы, как заставить сердце биться медленнее и размереннее. Боль оседала в груди, разъедая все тело, проникала в кровь и неслась по венам, барабаня в висках и затылке.

С кем разговаривала Лена, черт возьми?! С кем?.. С кем?!

С женщиной. Это точно был мужчина.

И уже одно это обстоятельство бесило Максима. Мужчина... Кто?..

Биение сердца разрывало грудь, тисками сжимая нервы, и набатом молотился в запястьях пульс.

КТО?! Кто посмел?!

И вдруг... тихие, едва слышимые шаги в его сторону. Лена.

Максим напрягся и тяжело задышал. Рой мыслей кружился в его голове, перегоняя друг друга.

Что сказать, как поступить? Признаться в том, что подслушал, предъявить обвинения, — но в чем?

Легкие шаги параллельно со стучавшей в висках кровью барабанили по его душе, вынуждая напрячься.

Он не успел подумать, не успел решить, не успел осознать, что же произошло. Успел лишь, оттолкнувшись от стены, встать в дверной проем с непроницаемым выражением на лице, не выдававшим никаких эмоций, где на него и наткнулась жена, взирая на него, широко раскрытыми испуганными глазами.

— Максим?..

Что это, на ее лице?.. Испуг? Удивление?.. Опасение?..

Покраснела, отметил он про себя, и, внутренне подобравшись, приказал себе оставаться невозмутимым.

— Мне показалось, кто-то звонил?.. — спросил он, покосившись на телефон и вновь переведя взгляд на нее.

Лена проследила за его взглядом, облизнула пересохшие вмиг губы, и проговорила, запинаясь:

— Нет... То есть, да. Это Аня, — выдавила она из себя ложь и посмотрела на мужа. — Мы хотели встретиться завтра.

Максим содрогнулся, передернул плечами, услышал, как разбилось вдребезги раненое сердце.

Ложь. Какая прекрасная искусная ложь! И ведь, если бы он не сам не слышал этот телефонный разговор, он бы поверил. Поверил ей! Ведь она никогда его не обманывала.

Или ему казалось, что она не лжет?.. Неужели это не первая ее ложь?!

Голова закружилась, перед глазами мелькнули блестящие мушки, в горле пересохло.

Максим сглотнул, сжимая кулаки. Сердце отчаянно билось, оглушая своим бешеным биением.

— И что? — сдержанно спросил он, не выдавая себя. — Договорились о чем-то?

Лена опустила взгляд и кивнула.

— Да... Завтра я пойду в парк, немного погуляю, — проговорила она. — А в среду мы встретимся. Ты... когда возвращаешься? — осторожно спросила она, поднимая на него

глаза.

— Я еще не уехал, а ты уже спрашиваешь, когда я возвращаюсь! — разозлился Максим. — Может, я вообще никуда не поеду! — с вызовом воскликнул он и ужаснулся сам себе.

Лена вскинула на него глаза с застывшим в них вопросом.

— Не поедешь?.. — выдохнула она. — Но как же?.. У тебя ведь переговоры и...

— Я могу отправить в Москву Петра, — отрезал Максим. — А сам останусь здесь, с тобой, — он внимательно смотрел на нее, следя за реакцией на свои слова, и разглядывая родные черты лица.

Он не мог поверить. Как он мог в чем-либо ее заподозрить?! Во лжи... Ее! Он не хотел верить.

Разглядывая черты ее лица, пробегая беглым взглядом по подрагивающим губам, по моргающим ресницам, по красным пятнам на щеках, он все еще не хотел верить.

Он пытался отыскать хоть какое-то подтверждение своего заблуждения. Но не находил ни одного.

Лена лгала.

Она смутилась и, сглотнув, проговорила:

— Ну, если ты этого хочешь... — запнувшись, осеклась. — Просто я подумала, что генеральный директор должен присутствовать, и вообще...

— Что — вообще? — прямо спросил он, глядя на нее и не веря тому, что видит.

Ложь. Изворотливость. Уверения... От Лены!

Каменные стены стали двигаться прямо на него. Домовина готова была накрыть его с головой.

— Ничего, — отмахнулась девушка. — Если ты не хочешь ехать...

— Нет, не хочу, — перебил он ее, ощущая, как яд проникает в кровь, отравляя его изнутри. — Но мне придется, — медленно, с расстановкой, сдержанно выдавил он из себя. — Я не могу отправить одного лишь Петра, ты права. Я должен сам присутствовать на заключения договора. Да и подписать все бумаги без меня не смогут. Я должен буду поехать в Москву...

И Боже, что он видит?! Облегчение на ее лице?! Не может этого быть... Он, наверное сходит с ума.

Смотрит и не верит. Не может признать, принять, как факт. Его Лена, его дорогая, родная... Она не могла его обманывать. Неужели он так ошибся?..

Подняла на него быстрый взгляд и легко, беззаботно улыбнулась, а ему хотелось рыдать от боли.

— Когда ты выезжаешь?

Больной тугой комок застыл в горле, мешая говорить.

— Завтра, в двенадцать, — сглотнув, выдавил Максим из себя, не отводя взгляда от ее лица.

Не дай мне в тебе усомниться! мысленно взмолился он. Пожалуйста, не дай мне в тебе усомниться!

— Хочешь, я...

— Нет, не нужно, — перебил он, догадавшись, о чем она хочет спросить: — Не хочу... нарушать твои планы.

Она обратила внимание на его заминку и, побледнев, опустила глаза.

— Ты не нарушаешь! Просто я...

— Мне нужно кое-что сделать перед отъездом, — сказал Максим, не отводя глаз от ее лица.

Он ощущал ту дрожащую струну, что сейчас оказалась натянутой между ними, и не мог ее перешагнуть.

Воздух накалялся, плавился, превращался в пепел, посыпая их серым горячим осадком собственных лжи и предательства. Он молил, он просил, он, умоляя, почти стоял на коленях, но разрывающая душу боль, не проходила, не исчезала, рана становилась все глубже, движения болезненного сверла не прекращались.

Не в силах больше смотреть в ее чистые, казавшиеся такими невинными, глаза, он, зажмурившись, резко наклонился к ней и поцеловал в щеку холодными губами.

Отстранился и, не глядя на девушку, направился в комнату.

— Мне нужно позвонить.

Она не остановила его, ничего не сказала. Просто промолчала. Как всегда.

А он уже принял решение. И уже ничто не смогло бы его остановить.

Ему, действительно, нужно было позвонить. И он позвонил. Договорился о встрече в парке.

И сейчас, нервно постукивая носками туфель по земле и сжимая в руках конверт, Максим ужасался самому себе. Как он мог дойти до такого?! Было ли оправдание его действиям?! Что его вообще может оправдать?!

Подумать только, — он нанял частного детектива! Установил слежку за собственной женой. За Леной!

Разве мог он когда-нибудь подумать, что будет следить за ней?! Уличать ее во лжи и неверности!?

Какой бред, просто безумие. Может быть, он действительно спятил!? А не стоит ли уйти отсюда? Прямо сейчас, пока он еще не отдал конверт сыщику, пока еще не ступил за ту грань, из-за которой не возвращаются в привычный и устоявшийся мир.

Готов ли он услышать то, что ему скажут по окончании расследования?!

Может быть, ему стоит поговорить с Леной и спросить ее напрямик?

Максим стиснул зубы. Разве он не пытался поговорить начистоту? У нее были возможности признаться ему во всем. Но она молчала. Она улыбалась, когда провожала его в командировку, она поцеловала его на прощание, уже не согрев своим поцелуем, а оставив в его душе осадок обиды, она сказала, что будет его ждать, а он уже не верил ее словам.

Мог ли он теперь верить тому, что она говорила и делала, когда однажды она ему уже солгала?! Солгала, глядя ему в глаза!

Его Лена... Обманщица?.. Предательница? Вновь, как и девять лет назад?!

Боже, какой замкнутый круг. Есть ли из него выход?!

Максим тяжело вздохнул и, закрыв глаза, опустил голову вниз, ощущая, как кровь приливает к вискам.

Лучше бы ему не слышать того разговора, не уличать ее во лжи, не разочаровываться.

Но... почему руки так сильно дрожат? Не от холода, вовсе нет. Дрожит все тело, вся душа. В предчувствии потери, в предчувствии правды, которую он не желает знать, но которую требует знать вся его сущность. И он не может отказаться от этого знания.

— Вы Максим Колесников?

Мужской голос заставляет его вскинуть вверх глаза и наткнуться на твердый взгляд

глаза в глаза.

Плотного телосложения мужчина с поседевшими волосами протягивает вперед руку.

— Я — Воркутов. Павел Леонидович.

Максим встает с лавочки, не отрывая от него глаз, как зачарованный пожимает массивную ладонь.

— Вам нужна моя помощь? — спросил мужчина, засовывая руки в карманы пальто.

— Да, — едва слышно и как-то неуверенно выдавил из себя Максим.

Воркутов осмотрел Максима с головы до ног.

— Вы уверены в том, что хотите знать правду? — спросил он, словно догадавшись о его сомнениях. — Не все, знаете ли, хотят ее знать. Или принимать ее такой, какая она есть. В глубине души-то надеются на чудо, а когда сталкиваются лицом к лицу с тем, что есть на самом деле, убегают.

— Я уверен в том, что хочу все знать, — решительно перебил его Максим, абсолютно уверившись в том, что поступает правильно.

Орлиный взгляд серых глаз пронзил его словно бы насквозь.

— Нет, не уверены, — коротко бросил мужчина и отвернулся. — Но слово клиента для меня закон. Если вы дадите мне старт, я дойду до финиша.

Максим замер. Ладони, сжимающие конверт, вспотели. Сердце грохотало в горле, настойчиво и громко.

Вот он — выбор. Ему нужно его сделать. Да... или нет... Есть еще шанс повернуться назад, сдать, поговорить, выяснить. Или этот шанс лишь призрачная надежда и вера в то, чего нет?

— Ну, что вы решили? — повернувшись к нему лицом, спросил детектив.

— Я хочу, чтобы вы проследили за моей женой, — глядя ему в глаза, сказал Максим. — О цене договоримся по окончании расследования, аванс, естественно, получите сразу, — не дрогнул ни один мускул на его лице, когда он это говорил. — Здесь ее фото и координаты.

И решительно протянул Воркутову серо-желтый конверт.

Это не казалось ей неправильным. Может быть, безрассудным или импульсивным, хотя и так ее действия нельзя было назвать, но никак не неправильным. Разве можно было усмотреть что-то неправильное в том, что она хотела работать? По специальности. Она давно мечтала об этом. Когда училась в институте, когда, после брака с Максимом и последовавших через неполных два месяца событий, пыталась спастись в учебе, общаясь со сверстниками и друзьями. Да, она была замкнутой, молчаливой, переживающей свою трагедию в одиночку, но она не лишилась своей доброты, светлости, чистоты сердца, и от нее никто не отвернулся тогда. Все просто с молчаливого согласия самой Лены не подходили к ней, лишней раз ни о чем не спрашивали, тактично обходили стороной те темы, которые могли напомнить ей о том, что произошло.

Но она смирилась. Внешне стала почти той же, что и была. Пережила, встала на ноги, подняв голову, и решительно встала на ступеньку, ведущую в светлое будущее. Если бы она тогда знала правду! Если бы догадывалась, что лишь ее чувствам удастся пройти проверку на прочность. Лишь ее святость останется при ней.

А Максим... он, как и обещал, был с ней. Всегда. На протяжении долгих мучительных лет. Он обещал, что останется с ней, что бы не произошло, и он остался. Вопреки самому себе, своим принципам, чувствам, устремлениям. Он всегда был рядом. Сдержал обещание.

Но лучше бы его слова оказались пустыми. Лучше бы он отпустил ее тогда, когда еще мог сделать это. Когда был способен это сделать. Когда она еще не жила им, не дышала им, как воздухом, не была от него зависима, как от самого острого наркотика. Ему нужно было самому уйти. Собрать вещи, попрощаться, повернуться к ней спиной и сделать тот решающий шаг, что разверз бы бездну между ними. Им нужно было разойтись еще тогда. Он мог уйти. Она могла отпустить. Но... Он не ушел и не отпустил, дал обещание и сдержал его. И она не ушла, не смогла его покинуть, тоже верная себе, своей любви и своим обещаниям.

Лучше бы они оказались предателями и лжецами!

Девять лет — слишком большая плата за то, что когда-то казалось цельным, а потом рассыпалось на части.

Не было у них семьи. Никогда не было. Так и не смогли ее построить. Да и не старались сделать этого.

Она — занятая своими переживаниями, замкнутая в себе, с гипертрофированным чувством вины, с разъедающей болью трагедии в сердце, с жадой любить и быть любимой, но молчащей, ничего не просящей, боявшейся того, что не имеет права требовать или просить. И он — нацеленный на чувство долга, поставивший его выше того, во что верил всю жизнь, наплевав на свои принципы и былые уверения, забыв об обещаниях, данных самому себе во имя исполнения того обещания, которое дал ей.

Они — не должны были оставаться вместе. Нужно было разойтись. Пойти своими дорогами, забыть о том, что было, вычеркнуть произошедшее из памяти и начать жить заново. Чтобы потом, спустя годы, когда был бы готов он, насладившись десятками женщин, сотнями реализованных возможностей и ступившего на путь, который вел бы его только к ней, и когда она, став сильной и самостоятельной, познав боль потери и разочарования и поднявшись с колен после падения с высоты небес, они смогли бы понять друг друга, принять, простить. И вновь сойтись, чтобы никогда больше не расставаться, лишь теперь осознав, что эта разлука, это расставание было необходимо. Для обоих.

Но девять лет прошли, промелькнули мгновением, незаметно и стремительно.

Но она помнила, наверное, каждый их миг, чтобы сейчас с уверенностью сказать, что у них никогда не было брака.

Может быть, первые четыре года? До того, как он ушел. Ушел к другой. Вернувшись домой, к Лене, в ее объятия. До того, как она приняла его. Чужого, неродного, с запахом дорогих женских духов на рубашке. Приняла и простила. Или до того, как она, устав жить с болью в сердце, собрала вещи, чтобы уйти? Но так и не смогла сделать последнего решающего шага за черту. Рыдала, забившись в угол, прижимала колени к груди, молила Бога о силе духа, способной отпустить мужа и уйти от него. Но не смогла. Ни тогда, ни спустя следующие годы.

Без него она не жила. Равно, как и с ним не жила, но без него... вообще не видела смысла жизни.

А сейчас, спустя годы... Появился смысл жизни! Свет в конце тоннеля, лучик солнца, надежда и вера. Появился Андрей, который подарил ей все это. Он просто толкнул вперед то, что лишь ждало момента, выжидающе ждало возможности проявиться, закричать, заявить о себе, вырваться наружу из сковывающих сердце пут. Начать жить новой жизнью! В мире, где была любовь, понимание, поддержка, внимание и уважение. Где ее ценили, где ею восхищались, где ей давали, ничего взамен не требуя, где говорили «Дерзай!» и верила в твой успех.

И она хотела жить в этом мире. Отчаянно хотела в нем жить. Все в ней словно пробудилось, проснулось, возродилось, воспрянуло и взметнулось к солнцу. Все, что спало долгие годы пустоты, одиночества, грязных ошибок и обвинения, смешанных чувств обиды, разочарования, безумной непонятой любви и всепрощения, все, что затаилось внутри нее, забравшись под кожу, в самое основание ее сущности, сейчас проснулось. Готовое действовать. И она подалась навстречу изменениям.

И поэтому ничуть не жалела о том, что сейчас, вместо того, чтобы гулять в парке с Аней, как и обещала мужу, стояла около огромного светящегося зеркальными окнами здания и, высоко подняв голову, улыбалась.

Да, наверное, эта ложь Максиму была единственным, за что она себя корила. Именно корила, но не винила.

Ей не следовало ему лгать. Зачем? Почему? Боялась, что не поймет, испугалась, что воспротивится и не отпустит ее на встречу с Кавериним? Но отчего такие опасения? Не из-за того ли, что он почти никогда не отпускал ее от себя, всегда зная, чем она занимается, где находится с кем, знал все, включая такие мелочи, как то, что лежит у нее в сумочке.

Тотальный контроль? Деспотизм? Недоверие? Привычка? Что бы это не было, она от этого устала.

Ложь сорвалась с уст почти против воли. Она не хотела ему лгать, им нужно было просто поговорить. Все равно придется рано или поздно, этого от Максима не скрыть.

Но тогда... она почему-то не решилась. Сердце билось, как сумасшедшее, и в висках стучало сильно и глухо, и она понимала, что вот-вот признается, расскажет ему всю правду... не горькую, не ужасную, самую обычную правду. О работе, о своей новой работе, которую нашел ей Андрей.

И... так и не решилась, не смогла признаться. Вместо этого выпалив ложь о том, что встречается с Аней.

Лена знала, интуитивно чувствовала, что Максим не примет помощи от Андрея. Он невзлюбил его, несмотря на то, что они стали партнерами. Он чувствовал в нем опасность? Ревность? Собственнические чувства? Он старался держаться в стороне от человека, который посягнул на «его» женщину, и пытался огородить от него и саму Лену?

Девушка и сама чувствовала, что Андрей испытывает к ней не только дружеские чувства. Прошедшие годы ничего не изменили. Он любил, так же, как любил десять лет назад. Наверное, сейчас его любовь была немного другой, она видоизменилась, но сам факт ее наличия, Лена ощущала.

Ощущал ее и Максим. Не мог ее не заметить. И поэтому сторонился Порошина оберегал от него Лену и свою семью, которой, стоящей на краю пропасти, нужно было сделать всего шаг, чтобы рухнуть в бездну. И легкого, едва ощутимого толчка в спину от Андрея вполне хватило бы на то, чтобы разрушить то, что не складывалось на протяжении девяти лет, но застыло, нетронутое и хрупкое, и чтобы сломать это.

Максим насторожился, он чувствовал опасность, он оборонялся и охранял то, что принадлежало ему.

Он бы не понял. Он бы не принял помощи от Андрея. Он бы, скорее, сам нашел ей работу. Но... не успел.

После своего отъезда он звонил ей всего несколько раз за два дня. Утром и вечером. Спрашивал, как она, чем занимается, коротко уведомлял ее в том, чем занимается сам, и, пожелав доброго дня, вытребовав у нее обещание беречь себя, ведь на улице октябрь,

отключался.

Лена удивлялась таким коротким, непринужденным, непривычным звонкам, словно бы звонкам от постороннего, чужого человека, но не решалась спрашивать Максима о них, о причине его... холодности, какого-то напускного безразличия и бесчувственности. Да, да, да, все это казалось ей проявлением именно холодности, равнодушия и бесчувственности!

Она сотни раз повторила себе, что так и нужно. Он пытается, наконец, исправиться и хотя бы спустя девять лет не следить за каждым ее шагом, не контролировать ее действия, не вытягивать из нее слова, а ждать, пока она сама заговорит. Но отчего же тогда она так нервничает и переживает, если днем не услышала очередной от него звонок, не услышала родной голос, пусть раздраженный, но немного взволнованный. Потому что уже привыкла к подобному контролю? Потому что уже не верила в то, что может быть иначе?

Она укоряла себя, одергивала, смотрела на телефон, и, когда тот томительно и угрожающе молчал, сама набирала номер мужа. Но потом резко нажимала «отбой» и, отбросив телефон в сторону, уходила в другую сторону.

Знала бы она, что в другом городе, изнывая от тоски, боли и обиды, раздражения на самого себя и свой идиотизм, сходил с ума, рассекая комнату решительными шагами, заламывая руки и сузившимися до черных точек глазами глядя на телефон и уничтожая его взглядом, такой же потерявший разум человек, как и она.

Если бы она знала... Не пошла на встречу с Кавериним? Нет, она пошла бы. Просто в этом случае не кололо бы в груди сердце, напоминая о той лжи, что она высказала Максиму.

Но, несмотря на это, девушка, глубоко вздохнув, все равно решительно двинулась к раздвигающимся дверям. Уже не думая о том, что сказал бы муж, а просто уверенная в том, что поступает верно.

Поднявшись на нужный этаж, она подошла к секретарю, невысокой девушке двадцатисеми-восьюми лет на вид.

— Чем могу Вам помочь? — с улыбкой проговорила она, обернувшись к Лене.

На бейджике Лена прочитала ее имя «Карина» и почему-то порадовалась этому факту.

Лена подошла ближе и остановилась в шаге от ее стола.

— Мне нужен Марат Александрович, — сказала Лена, улыбнувшись.

— У Вас назначено?

Сердце внезапно забилося громко и сильно, и Лена приказала себе успокоиться.

— Ммм, да... — запнулась девушка. — Наверное, да, я точно не знаю. Встречу назначал мой друг, поэтому я... не знаю.

Карина вздернула вверх светлые бровки и потянулась за телефонной трубкой.

— Как мне Вас представить? — обратилась она к Лене.

— Елена Колесникова.

— Марат Александрович? — проговорила Карина, кивнул Лене в сторону кресла, предлагай той присесть. — Вас тут девушка спрашивает. Да. Колесникова Елена. Говорит, что ей назначено. Друг договаривался, — посмотрев в сторону Лены, присевшей на краешек кресла, скрестив руки на коленях, секретарша обратилась к ней. — А кто договаривался о встрече?

— Андрей, — выдохнула Лена. — Андрей Порошин.

— Андрей Порошин договаривался, Марат Александрович, — сказала Карина Каверину, и тот, по всей видимости, как-то бурно отреагировал, потому что девушка вдруг поморщилась. — Да, конечно. Через пять минут. Хорошо, — повесила трубку и,

обернувшись к Лене, проговорила: — Марат Александрович примет Вас через пять минут. Посидите пока в приемной, — а потом, подскочив с места к полкам, заставленным папками, в сердцах воскликнула: — Черте что творится с тех пор, как Наталья Юрьевна пропала!

Лена сглотнула и, не решаясь спросить о том, кто она такая, просто поджала губы.

— Это жена Марата Александровича, — пояснила Карина, так и не дождавшись от Лены вопроса. — Уже пять месяцев, как в аду живем! — тихо выругалась девушка и повернулась к Лене спиной. — Дурдом!

Теперь Лена вспомнила, что говорил ей об этом Андрей. Действительно, пропала. И даже Марат Каверин, этот мультимиллионер, со всеми своими связями не мог ее найти.

Может быть, она просто не хочет, чтобы ее нашли?.. мелькнула в голове сумасшедшая мысль, но Лена тут же постаралась ее подавить. Не ее это дело! И своих проблем хватает, чтобы вмешиваться в чужую жизнь.

Когда, через пять минут Марат Каверин пригласил Лену к себе в кабинет, девушка, втянув в себя воздух, решительно двинулась вперед, получив от Карины ободряющую улыбку.

Кабинет был большим, почти огромным, она еще успела подумать, что он намного больше, чем кабинет Максима, и зачем вообще он такой огромный нужен, когда незнакомый мужской голос, немного грубоватый, но спокойный, с хрипотцой, поинтересовался из глубины комнаты:

— Вы от Андрея?

Лена, вцепившись в сумочку, заметалась глазами по комнате в поисках говорящего мужчины, и он, словно почувствовав ее неловкость, выплыл из легкого полумрака, подойдя к столу с засунутыми в карманы брюк руками.

— Да, — тихо ответила Лена, глядя на него и рассматривая высокую фигуру в черном костюме, с выпрямленной спиной и напряженными плечами. — Я насчет работы в кондитерской, которую вы открыли...

Марат Каверин нахмурился, жестко сведя брови, отчего его и так глубоко посаженные глаза казались черными и угрожающими. На лице ни тени улыбки, в уголках плотно сжатых губ застывшие складочки и морщинки на лбу.

Но, несмотря на это, его можно было назвать красивым. Не классической, а мужественной, чарующей и словно гипнотизирующей красотой. Он был мрачным, хмурым, казался раздраженным, всем недовольным, но вместе с тем каким-то уставшим, озабоченным какими-то проблемами. Его глаза завораживали так же сильно, как и устрашали, а жесткая линия губ и волевой подбородок говорили о беспринципности этого мужчины. С такими, как он, лучше не связываться и, уж тем более, не стоит пытаться вставать у них на пути. Они просто пройдутся по вам, не заметив и растоптав, и двинутся дальше.

— Проходите, — сказал Марат, указывая ей на кресло напротив стола, — присаживайтесь. Все обсудим.

На дрожащих ногах Лена двинулась вперед, чувствуя, как кровь стучит в висках.

— Андрей говорил мне, — продолжил Каверин, — что вы не работали по специальности?

— Нет, не работала, — покачала девушка головой, и мужчина едва заметно нахмурился.

Лена, опустившись в кресло, осмотрелась, бросив заинтересованный взгляд на стол, уставленный канцелярскими принадлежностями и тремя рамками с фотографиями. Одна стояла полубоком, и Лена увидела изображенную на фото рыжеволосую девушку с серо-

зелеными глазами. Совершенно обычная, не красавица, но довольно-таки милая. Слегка опустив голову, улыбается, едва заметно приподнимая уголки губ, смотрит прямо, не вызываясь, взгляд какой-то... детский, чистый, непосредственный.

Кем бы она не была Каверину, ее внешность никак не вязалась с Маратом Александровичем. Слишком разные. И это видно невооруженным взглядом.

Оторвав взгляд от фотографии, привлекающей ее внимание, Лена подняла глаза вверх и встретила с острым сероглазым взглядом хищника. Пристальный, внимательный, какой-то... подавляющий.

Лена невольно вздрогнула и повела плечами. Неуверенно улыбнулась и, бросив быстрый взгляд на фотографию рыжеволосой незнакомки, тихо предположила:

— Это ваша жена?

Мужчина свел брови.

— Да, это она, — коротко бросил он и резко повернувшись, сел в кресло напротив девушки.

— Я слышала, — сказала Лена, — что она пропала?..

И снова быстрый подавляющий взгляд на нее. Поджал губы, скривился, уголки губ дрогнули.

— Вы слышали верно, — сухо ответил он.

Лена смутилась.

— Я не хотела вас обидеть... — попыталась оправдаться она.

— Вы меня не обидели, — перебил мужчина, садясь в кресло. — Я не люблю говорить об этом, вот и все.

— Я надеюсь, что она найдется в скором времени, — быстро пробормотала Лена, почувствовав, что ступила на опасную зыбкую почву. Это не ее дело, зачем же она тогда вмешивается!?

Мужчина стиснул зубы, помолчал, а потом коротко и резко выдал:

— Я тоже на это надеюсь.

Лена тут же отругала себя за безрассудность и тихо извинилась.

Неужели ей не хватает своих проблем, чтобы взвалить на себя еще и чужие?! Это не ее дело.

Ее дело зарекомендовать себя так, чтобы Марат Каверин взял ее на работу, а уж со своей семьей, со своей женой и ее исчезновением он уж как-нибудь сам разберется. Без посторонних.

— Значит, — начал мужчина, откинувшись на спинку кресла, — вы нигде не работали?

— Нет.

— Только по специальности не работали? — поинтересовался он, сощурившись. — Или вообще не работали?

Лена смутилась, краска ударила в лицо.

— Дело в том, что... мой муж, Максим... он обеспеченный человек, и не было такой необходимости, — проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно и не дрожал.

— А сейчас? — равнодушный и прямо взгляд на нее. — Ваш муж обанкротился?

— Нет! Конечно, нет! — воскликнула девушка. — Просто я решила, что не хочу больше сидеть на его шее.

Уголки его губ скривились, холодные серые глаза блеснули.

— Отличное решение, — похвалил он саркастически, и Лена не поняла, смеется он или

говорит серьезно.

— Мне тоже так кажется! — гордо вскинув вверх подбородок, сказала она. — У меня хороший диплом, и я всегда...

— Мне нет дела до вашего диплома, — резко перебил ее Каверин. — Опуская глаза на то, что сейчас можно купить не только его, но вообще все, что захочешь, лишь бы были деньги, обратим внимание на то, что у вас совсем нет опыта работы, — он, постукивая кончиками пальцев по столу, смотрел на нее, не отводя глаз.

Лена потупилась, а потом вновь подняла на него быстрый взгляд.

— Я свой диплом не покупала! — четко выговорила она. — И, если не желаете нанимать меня на постоянную работу, то хотя бы возьмите на испытательный срок, — она заглянула в серые глаза. — Я докажу, что умею делать.

Мужчина долго и пристально смотрел на нее, словно изучая, молчал, а потом вдруг сказал:

— Знаете, Елена, — голос стал немного мягче, — этими вопросами я не занимаюсь. Все решает директор кондитерской, я только владелец, все остальное не моих рук дело, — он наклонился над столом. — Вы вообще могли меня не застать в городе, я бываю здесь крайне редко, обычно обитаю в Москве.

— И что же?.. — отчего-то вмиг осмелев, спросила Лена.

— Я приму вас на работу, причем на постоянную, а не на какой-то там испытательный срок, — сказал Марат Каверин. — И не потому, что Андрей мой друг. Я не хочу, чтобы считали, будто вы устроились ко мне по знакомству. Просто я дам вам шанс, — он криво усмехнулся. — Я очень не многим его даю, Елена, поверьте, поэтому считайте, что вам повезло. Я посмотрю, на что вы способны, и если вы оправдаете... — он вновь криво усмехнулся, — мои... хм... ожидания, я буду очень рад.

Лена смотрела на него, все еще не в силах ему поверить.

— То есть, вы принимаете меня на работу? — выдохнула она, словно лишившись возможности говорить.

— То есть, да, — сказал Каверин, поднимаясь из-за стола и поворачиваясь к девушке спиной. — Я позвоню директору и скажу, что вы к нему подойдете, — обернулся к ней полубоком. — Когда вы сможете?

— Сегодня, завтра... — поспешно выговорила девушка, — когда ему удобно будет меня принять.

— Ну, сегодня вряд ли получится, — покачал Каверин головой, — а вот завтра... Да, я скажу, что вы подойдете завтра. К двенадцати, он обычно бывает свободен. Адрес знаете? — он посмотрел на нее, резко обернувшись.

Лена вздрогнула, расширив глаза, и отчаянно закивала.

— Вот и отлично, — коротко бросил Марат Александрович. — Подходите и решайте с ним оставшиеся проблемы.

Наверное, этой фразой он хотел показать, что разговор окончен? Повернулся к ней спиной, устремив взгляд в окно, засунув руки в карманы брюк и напряженно выпрямившись.

Лена резко подскочила с кресла, прижимая сумку к себе.

— Спасибо, — проговорила она тихо, а потом громче повторила: — Спасибо вам большое.

Мужчина даже не дрогнул, не обернулся к ней, лишь коротко кивнул, уставившись на стекло со стекающими по нему длинными змейками дождевых капель.

И Лена двинулась к выходу, считая, что разговор с Маратом Кавериным завершен. Он сказал все, что хотел сказать.

Уже у самых дверей она остановилась, бросила быстрый взгляд на фотографию его жены и проговорила:

— Я очень надеюсь, что ваша жена вскоре найдется.

И тут он вздрогнул, напряженно выдохнул, вскинул подбородок вверх и уверенно выговорил:

— Найдется, не переживайте!

Лена вздрогнула, словно бы слыша окончание этой фразы, невысказанное вслух, — «куда она денется».

— До свидания, — проговорила она тихо и, потянув ручку на себя, осторожно и неслышно выскользнула из кабинета.

На душе у нее, несмотря на мрачность и сухость Каверина, было тепло, светло и спокойно.

Со счастливой улыбкой она попрощалась с Кариной и, едва выйдя в холл, смеясь, позвонила Андрею поблагодарить его и поделиться замечательными новостями.

Совсем забыв о том, что в Москве с нетерпением, сводящим его с ума, ее звонка так неистово и отчаянно ждал совсем другой человек.

15 глава

«Всем, что есть у тебя внутри,

Всем, чем может душа согреться,

Всем своим бесконечным сердцем,

Умоляю, меня люби»

Юлия Александр

И все-таки она ему позвонила. В конце дня, вечером.

После того, как Андрей спросил у нее, как отреагировал Максим на то, что она теперь будет работать, она вспомнила о том, что ничего не сказала мужу. Не только о том, что ее приняли на работу, но и о том, что у нее вообще есть возможность работать.

Стало стыдно. Лена даже почувствовала, как щеки залились краской, охватывая огнем, казалось, все ее тело.

Она не позвонила мужу, человеку, которому должна была сообщить обо всем в первую очередь. Забыла? Не подумала о том, что ему вообще стоит звонить? Хотела скрыть от него сам факт работы? Но он бы узнал. Он бы обязательно узнал обо всем. И лучше раньше, чем позже. Лучше от нее, чем от кого-то еще.

Но в тот момент, когда она с радостно бьющимся сердцем выскочила на улицу, сияя улыбкой и светясь от счастья и переполнявших ее эмоций, девушка не подумала о Максиме. Первая ее мысль была о том, что нужно позвонить Андрею. Сообщить о том, что все получилось. Ему. Поблагодарить за помощь. Его.

И сделала она именно это. Потянулась за телефоном и набрала заветные цифры. А, услышав его голос, уже не могла сдерживать радости, бьющей через край ее души.

— Андрей! — радостно выдохнула Лена в трубку. — Андрей, он меня принял! Марат Каверин сказал, что я могу работать у него! — говорила она с улыбкой на лице. — Он меня принял, представляешь?!

Он, наверное, улыбался. Так же, как и она, радовался ее успеху. Восторгался так же, как и она.

— Я же тебе говорил, — обрадовался ее словам мужчина. — Я знал, что Марат не откажет. Хороший он мужик, хотя и со сложным характером.

— Он сказал, что завтра я должна подойти к директору кондитерской и договориться с ним обо всем, — сообщила Лена, почти задыхаясь от счастья и сжимая телефон дрожащей рукой. — Представляешь, уже завтра... завтра я смогу...

Она почти задохнулась, слова горячим комком слез застряли в горле, перебивая дыхание.

— Я смогу работать!.. — проговорила девушка, запинаясь. — Работать, как я и мечтала!.. — и рассмеялась.

Рассмеялась громко, заливисто, задорно и искренне. Вскинув голову вверх, в темно-

синее грозное небо, готовое вот-вот взорваться разрушительным раскатом грома и разлиться на землю проливным дождем.

Но Лена улыбалась. Смеялась. На душе, несмотря на рокочущий ветер, завывающий вокруг нее, захватывающий ее в свой холодный, почти леденящий плен, было тепло и светло. И это горячее тепло разливалось по коже, проникало внутрь ее существа, скользило по венам, несло с кровью к пульсирующим вискам.

Холодный октябрь, наконец, наконец, принес немного счастья в ее дом. В ее личный маленький мир.

Она все еще не верила тому, что произошло. Неужели, правда?.. Завтра, уже завтра она договорится о работе?.. О своей первой работе. Сможет, наконец, оторваться от земли и взлететь, вспорхнуть, вознестись ввысь, не оглядываясь назад и закрывая глаза на то, что когда-то пришлось пережить!?

Она, запинаясь, рассказывала о том, что произошло, сбиваясь, благодарила Андрея за то, что он для нее сделал, а потом опять смеялась, и не могла остановиться. Кружилась в танце желтых листьев и каплях начавшегося дождя, улыбаясь и вызывая недоуменные улыбки на лицах проходящих мимо людей. Улыбалась им тоже, желая поделиться своей радостью со всеми, на кого падал ее взор. Наверное, ее улыбка сейчас, как и раньше, много лет назад, могла осветить весь мир своим искрящимся сиянием.

И все же... все же... Что было не так. Что-то щемило, давило, тоскливо скреблось по коже, рвалось изнутри.

Но она старалась подавить в себе эти неприятные ощущения, которым не могла найти объяснения.

— Спасибо, Андрей! — воскликнула она, неспешно направившись к остановке. — Спасибо большое! Если бы не ты...

— Я же говорил, что все будет хорошо, — услышала она его тихий успокаивающий голос. — Я верил в это.

Такой родной. Добрый, поддерживающий. Всегда ее поддерживающий, а сейчас — особенно! Какие бы мотивы и причины у него не были, он всегда был с ней. Даже пусть надеясь на то, чего она никогда не сможет ему дать, он все равно разбивался в кровь, но старался помочь ей. Верный, щедрый, милосердный и все понимающий. Ее ангел.

Она готова была благодарить его вечно, стоя на коленях, за то, что он подарил ей мечту. А потом... словно громом прозвучал его острый вопрос...

— А как... как Максим отреагировал на эти новости? — поинтересовался Андрей и настороженно замолчал.

Лена притихла, замерла. Остановилась посреди проезжей части. Не обращая внимания на поток машин.

Сердце задрожало в груди крупной дрожью, забилося громко, почти оглушая, пульсируя в висках и в запястьях.

Что сказать?.. Что она забыла, не подумала ему сообщить эту новость? Побоялась?.. Чего?! Того, что он никогда не примет помощи от Андрея?! Что он просто не позволит ей принять эту помощь?!

Звенящий гудок клаксона заставил ее вздрогнуть и двинуться вперед, перебегая на другую сторону дороги.

— Он... — Лена сглотнула острый комок в горле, — он не знает... еще.

Молчание. Окутывающее и стремительное, леденящее молчание. Когда не знаешь, как

подобрать слова, чтобы высказать вслух свои мысли.

Лена подошла к лавочке и присела на нее, вглядываясь в серую пелену начавшегося дождя, перешедшего в ливень.

— Ты ему не сказала? — спросил Андрей тихо, заставив ее сердце забиться сильнее.

— Еще нет, — проговорила девушка, смущенно потупив взгляд. — Он... он же в Москве.

Андрей промолчал. Ей даже показалось, что он нахмурился, немного обескураженный, но разозлился.

— Лена, ему нужно сказать, — проговорил он, наконец. — Он должен знать...

— Я понимаю, — проговорила она, сминая зубами дрожащие губы. — Я скажу. Позвоню ему вечером.

И она позвонила. Вечером, как и обещала Андрею. Долго ходила вокруг телефона, нарезая круги по небольшой комнате, несколько раз подходила к окну, выглядывая на улицу и невидящим взглядом вылавливая капли дождя, полосовавшие стекла, оборачиваясь, смотрела на телефон, словно ожидая, что тот зазвонит. Но телефон молчал.

Максим тоже не звонил ей. За этот день ни разу.

И только сейчас Лена поняла, что ей отчаянно не хватало его звонков. Это стало привычкой или привязанностью, или даже зависимостью... Но она понимала, что может прожить без него несколько часов, но не целый день!

Безумна? Сошла с ума? Возможно. Но она уже понимала, что загнала себя в угол ловушка захлопнулась много лет назад. И теперь нет выхода из нее.

Заламывая дрожащие руки и обхватывая себя за плечи, Лена тяжело дышала, слушая, как стучит в окна дождь, и как бешеное биение ее сердца вторит ему, болью отзываясь во всем теле. И хотелось бы крикнуть на себя, приказать не тосковать, не скучать, но она не могла. Тосковала, скучала, ждала... Дико, неистово ждала его.

Без него все было не так. Даже дождь, который уже успел надоесть за эти дни, был другим.

Закинув голову вверх и глядя на мелькающие на потолке отблески ночника, она не могла решиться. Позвонить, набрать заученный наизусть номер, услышать родной голос. Вновь сойти с ума. Пасть ниц, но и воспарить, подняться к самым небесам от осознания того, что с ним все в порядке. Просто услышать его голос. Она сегодня его не слышала.

Как он там? Что делает? Думает о ней? Или проводит вечер в чьей-то компании?..

Мучить себя напрасными вопросами, на которые не могла найти ответа, Лена перестала к десяти часам ночи.

А когда часы на прикроватной тумбочке показали пятнадцать минут одиннадцатого, она не выдержала и, стремительно подскочив к кровати, схватилась за телефон. Набрала его номер дрожащими пальцами. И с замиранием сердца ждала... Не больше одной сотой секунды. Ей ответили почти мгновенно.

— Да?! — Максим, взволнованный голосом, отчаянный, словно не его, чужой. — Лена!? Лена... это ты?..

Ее сердце остановилось, прервав на мгновение свои спешащие удары.

Разве так бывает, чтобы сердце замирало от одного лишь звука дорогого душе голоса?

— Максим... — пробормотала она тихо и, чувствуя, что ноги не держат ее, присела на край кровати. — Ты не звонил мне... — прикрыла глаза, сильно зажмурилась. — С тобой все хорошо?

Он помолчал, и она думала, что эти пара секунд разорвут ее на части.

— Да, — сдержанно, обманчиво сухо, сдерживая рвущиеся изнутри эмоции и чувства.. — Да, все хорошо.

Замолчали. Словно чужие друг другу, не зная, что сказать, и какие подобрать слова. Мгновение... Или два?..

А потом, одновременно.

— Я не звонил, потому что...

— Почему ты не звонил?..

И вновь замолчали. Обескураженные, взволнованные, потревоженные проявлением чувств, испугавшиеся их.

Тишина давила на слух, что не разобрать ни звука, на голосовые связки, что невозможно было сказать ни слова.

И они молчали. Просто слушая дыхание друг друга. Монотонное биение сердца.

И вдруг...

— Как ты? — спросил Максим, первым. — Как прошел день? Чем ты занималась?

— Я...

Я скучала. Я очень скучала по тебе!

Только сейчас она, кажется, это поняла. Как сильно, как неистово скучала по нему. Кажется, она дышала по-другому, как-то иначе вдыхая воздух и словно бы им не наслаждаясь, не ощущая насыщенности и наполненности. Да, было легче, свободнее, спокойнее. Не сказать, что ей это не нравилось. Нравилось, очень. И улыбаться нравилось, и смеяться, задорно, не стесняясь, не натянуто и приторно, а искренне и вольно. Нравилось ощущать легкость и светлую невесомость, поднимающую ее к небесам. Нравилось дышать, втягивая свежий осенний воздух полной грудью.

Но все было иначе, по-другому. Без него — не так.

И только сейчас, услышав его голос, она это поняла.

Да, ей не хватало его. Отчаянно, яростно не хватало. Хотелось ринуться с места и метнуться к нему. И пусть кричит, пусть молчит, пусть смотрит на нее или не смотрит вообще. Просто, чтобы был рядом. Чтобы ощущать его с собой, чувствовать его присутствие, возможное касание, мгновенное прикосновение руки к руке, шепот, тихое тепло дыхания, морщинки около губ, складочки на лбу, нахмуренные брови. Только, чтобы знать, что рядом, что его сердце бьется где-то здесь, близко, вместе с ее сердцем, так надеющимся на взаимность.

Обманывать себя не стоило. И Лена не пыталась. Больше не пыталась, как раньше придумывать то, чего никогда не было или могло быть, но не стало. Она не хотела новой лжи, в которой, как и в прежней, можно было погрязнуть, как в пучине. Она не лгала себе. Не отважилась, не решилась. Призналась.

Несмотря на радость, обнимающую все ее существо, несмотря на поддержку и помощь Андрея, его искреннюю заботу и доброту, сейчас ей не хватало именно его поддержки! Его одобрения! Хотелось услышать от него те слова, которые помогли бы ей расправить крылья и взлететь, которые вознесли бы ее ввысь и не сбросили на грешную землю.

Ей хотелось, прижавшись к нему, сообщить о том, как она счастлива сейчас, и знать, что он порадует за нее, разделит вместе с ней ее радость. Обнимет, прижмет к себе, прошепчет теплые слова и не отпустит.

Что за безумие? Что за болезнь?!

Знать, что без него тебе будет легче, — ведь уже легче! — и все равно самой не отпускать его!? Радоваться без него, улыбаться, смеяться, шуриться от ослепительного солнца внутри возродившейся из пепла души, когда-то сломанной и покалеченной, даже несмотря на то, что на улице дождь, ливень — льет уже несколько дней подряд. Легко, свободно, вольно, просто... парить над землей и радоваться тому, что осень, что идет дождь, танцевать под холодными струями, бьющими по лицу, и улыбаться.

Без него... Ты возрождаешься, паришь, танцуешь, смеешься, идешь навстречу ветру, полная сил и уверенности в себе, силы воли и решимости. Без него ты живешь.

Но без него... не так. Чувствуешь это. Каждой клеточкой возрождающейся души, каждым ударом сердца, каждым оголенным нервом, врезающимся тебе в пульс.

Разве это возможно, возрождаясь, медленно сходить с ума от чувства потери?! Того, чего, возможно, никогда и не было, но что так не хочется терять, что желаешь сохранить в памяти, запомнив мельчайшую деталь!?

Возможно ли настолько любить, чтобы жизнь в муках и страданиях считать потерей, надеясь, что новая жизнь сжалится, сохранит воспоминания, спрячет их в самый дальний уголок души, чтобы потом, достав, начать все сначала.

Одно мгновение, одно полумгновение...

Его хватило, чтобы понять, насколько все правильно и неправильно одновременно. Встать на ноги, возродиться, воскреснуть. Воспарить к небесам... Но не одной. Нельзя одной! Ведь падали они вместе, взявшись за руки, падали в бездну собственных ошибок, слез, обид и боли! Подниматься нужно тоже вдвоем. Вместе. Так же, взявшись за руки и глядя друг другу в глаза. Только вдвоем. Но не одной. Не одному. Нельзя!..

Делать шаг вперед, меняться, исправлять ошибки и избавляться от боли — вместе. Поговорить, раскаяться, простить и принять, понять и отпустить прошлое — вместе.

Именно поэтому она не чувствовала радости всем существом, всем сердцем, всей душой. Потому что он не мог порадоваться за нее! Наверное, он и не порадует... А если порадует, то сухо и сдержанно. Но даже этой толики его радости ей будет достаточно. Даже этой крохотной надежды на то, что они что-то сделали вместе. Один шаг вперед, рассекающий, резкий, опрометчивый. Первый. Но вместе, вдвоем.

Может быть, поэтому все и рухнуло, так и не успев построиться?.. Из-за того, что она все эти годы жила сама по себе. А он — сам по себе. Отдельно, под одной крышей, но врозь. У них были свои обиды. У каждого своя боль, свое разочарование, свои слезы, даже если и невыплаканные. И они переживали все это в одиночку. Не вместе — по отдельности. Четко разделив границы между тем, где начинается его боль и заканчивается ее страдание.

Как же можно было жить вместе столько лет и не понять, не осознать столь важных причин, этой сути бытия?!

Лишний раз спросить, пусть и не услышать ответ, поинтересоваться, пусть и нарваться на крик, тронуть за плечо, привлекая к себе внимания, словно утверждая, доказывая лишний раз о том, что рядом, что не вместе, что не одному и не одной. Вдвоем. Решать проблемы, мириться с болью, переживать трагедию прожитых лет. Одним лишь словом напоминать друг другу о том, что никогда — никогда, пока они вместе! — никто из них не будет один!

Но не смогли. Рассыпались, распались, разошлись, каждый своей дорогой — в противоположные стороны. С каждым годом отдаляясь друг друга все дальше и дальше. Все тоньше становилась нить, что связала их когда-то, все яростнее ощущалась атака из вне, все тише бились сердца, все неразличимее становился их стук.

Не потерять. Не потеряться! Удержаться. Удержаться!

Позволить пересечься двум параллелям и вместе начать жить заново. Вместе. Только вместе!

Не совершать самую главную ошибку, после которой уже не будет хода. Никуда. Ни вперед — в пустое и безликое будущее Ни назад — в тусклое и дышащее болью прошлое.

Как просто... Как легко. Даже, если будет грустно и горько, даже если не поймет и не примет... Она расскажет ему. Поделится новостями. Потому что так нужно. Потому что это важно. Для нее, для него. Для обоих.

Нельзя продолжать жить по одиночке, как раньше. Нельзя разрушать то, что, возможно, еще можно воскресить из руин. Нужно хотя бы попробовать склеить разбитую чашку прошлого. Ведь если получится...

И сейчас, сжимая в руке телефон, дрожа всем телом от нетерпения и легкой тревоги, Лена понимала, что не может молчать. Слова рвались из нее потоком невысказанных восклицаний и радостных ответов на его молчаливые вопросы и требования. Она хотела поделиться новостями с ним. Именно с ним. И пусть она не сделала этого сразу, забыла, устыдившись этого, но оттого и не была ее радость полной... Потому что она от него все скрывает!

— Лена?.. — услышала его тихий голос. — Ты там? Я тебя не слышу! — нетерпеливо, повышая голос, взволнованно.

— Я здесь, — проговорила она нервно. — Здесь... Просто у меня есть... новости. Хорошие.

Она явственно ощутила, как он напрягся. Почти видела, как сощурились синие глаза, как сдвинулись брови, как сжались губы, образуя тонкую линию.

И улыбнулась. Она знала его. Она изучила его. Столько лет! Их было достаточно.

Он не отнесется к ее словам с той радостью, с теми чувствами и эмоциями, восторгами и трепетом, которые она хотела бы от него услышать, которые могла бы от него ожидать. Но это отчего-то не смущало ее сейчас. Главное, чтобы он разделил ее радость вместе с ней. Каким образом — неважно, важно лишь то, чтобы он узнал.

— Что за новости? — выговорил Максим сдержанно и почти сухо.

— О моей работе.

— Черт! — воскликнул он. — Лена, прости, — перебил ее муж, — но я не смог ни с кем договориться! Времени не было. Такой дурдом на работе, да еще переговоры эти... никак не можем прийти к обоюдному решению... Черт! — он выругался сквозь зубы, а потом сказал: — Прости, что вешаю все на тебя. Не стоило мне...

— Нет, нет, что ты! — воскликнула она, дернувшись. — Мне... интересно, что у тебя происходит. И даже если я не могу помочь, я рада, если ты... поделишься со мной своими проблемами, — тихо закончила она и застыла.

Может, не стоило этого говорить?.. Максим старался ограждать ее от своих проблем на работе. А сейчас, она, воодушевленная тем, что пережила, осознавшая очень много, стремилась узнать о том, чем он живет, чем дышит, что его беспокоит.

Но он не готов был к тому, чтобы рассказать ей об этом.

— Да не стоит тебя нагружать, — отмахнулся муж устало. — Лишние хлопоты, и только. Я обещаю, что как только вернусь, сразу же придумаю что-нибудь насчет твоей работы. Есть у меня один зна...

— Не нужно, — осторожно проговорила Лена, перебив его.

— Что не нужно? — не понял Максим.

Наверное, хмурится сейчас.

— Не нужно работу тебе искать? — спросил он раздраженно. — Ты работать не хочешь? Или что?

Лена распахнула глаза, уставившись в потолок, и тяжело вздохнула.

— Не нужно искать мне работу, — сказала она решительно и, не дав ему заговорить, выпалила: — Я ее уже нашла.

Молчание, повисшее между ними, сводило с ума. Резало и кромсало на части нервы, электрическими зарядами вонзившиеся в плоть, атаковало бьющимся в тело пульсом дрожи, задевая нервные окончания и кусочки души.

— То есть как, — выговорил Максим ровным голосом, — ты ее уже нашла? Где? У кого?

— У Марата Каверина, — сглотнув, выговорила девушка.

— У Каверина?! — изумленно воскликнул муж. — Как же ты?..

И тут он все понял, замолчал на полуслове, тяжело задышал в трубку, и она глотала его дыхание, понимая, что и сама начинает дышать тяжелее и чаще.

— Это он? — сквозь зубы, сдерживаясь, прошипел Максим. — Он... Порошин помои тебе, так? Он?!

Скрывать от него это не имело смысла. Он бы все равно узнал.

— Да, — кивнула Лена, — это Андрей. Он знаком с Маратом Александровичем, и...

— Почему ты к нему обратилась, а не ко мне? — перебил ее мужчина. — Я твой муж, а он... — Максим стиснул зубы. — Кто он такой, черт возьми?! Друг детства?!

— Андрей просто хотел помочь! — заявила девушка, не испугавшись мгновенной вспышки гнева. — И помог!

Зря она это сказала. Да, зря... Но слово, как говорится...

— Ну, конечно, — выплюнул из себя Максим. — Он тебе помог... а я... я оказался не удел, так?

— Нет, не так! — запротестовала Лена, отчего-то почувствовав в себе желание биться до конца за правду. — Ты бы тоже помог, я знаю, — сказала девушка, пытаясь успокоить его, — просто у тебя дела, на тебя так много навалилось, и переговоры, ты же сам говорил, — Максим тяжело дышал, стараясь успокоиться, и она слушала его прерывистое частое дыхание, боясь, что муж может сорваться. — Я знаю, что ты помог бы мне, будь у тебя время. Просто... Андрей...

— Оказался ближе? — сквозь зубы прошипел мужчина. — И смекалистее, да? — его слова били и резали ножами, наполненные горечью и обидой, которую она испивала до дна. — Ну, конечно, я бы не смог договориться о работе для тебя у самого Марата Каверина! Уж прости! — разгневанно воскликнул он, начиная беситься.

— Максим! — воскликнула Лена строго. — Не говори глупости! Я бы пошла на любую работу, какую бы мне...

— И как удачно, что подвернулась работа у Каверина, — поддел ее Максим, злясь и давясь обидой и болью.

— Да, это удача, — согласилась Лена, ничуть не смутившись. — Ты должен понимать, и, я думаю, ты понимаешь, что упускать такой шанс я не буду.

— Ну, еще бы, — яростно выдавил Максим сквозь зубы.

— И я приняла его предложение.

— Я не сомневался.

Лена вздохнула. Прикрыв на мгновение глаза.

— Давай не будем ссориться, — попросила она тихо. — Я думала, что ты порадуешься за меня...

Максим стиснул зубы, она это знала. Он едва сдерживал себя... от того, чтобы не закричать, не бросить телефон, не помчаться к ней, чтобы все выяснить лицом к лицу. От того, чтобы не придушить Андрея, как только того увидит.

— Максим, — тихо проговорила девушка. — Тебе не стоит... обижаться. Андрей по-дружески помог мне, вот и все...

— По-дружески?..

— Да. Порадуйся за меня, — попросила она, приподнимая уголки губ и надеясь, что он почувствует ее ободрение.

— Я рад, — сухо выдавил Максим через несколько секунд. — Порошину не забыла позвонить, уведомить о том, что все так хорошо обернулось!? — едко поинтересовался мужчина, все еще не желая успокаиваться.

Она хотела сорваться и сказать, что позвонила, в первую очередь, но мгновенно опомнилась.

— Сообщу ему завтра, — солгала она, не задумываясь.

Максим стих.

— Хорошо, что так, — выдавил он недовольно.

— Ты успокоился? — спросила она напрямик, но Максим промолчал, а она и не ждала от него ответа. — Как прошел твой день? — спросила она осторожно, словно прощупывая почву.

— Не очень, — неохотно пробормотал муж. — Наверное, мне придется задержаться в Москве. Приеду в начале следующей недели, во вторник, надеюсь.

Лена сникла, опустив глаза вниз.

— Значит, еще почти неделя?.. — едва слышно проговорила она, не рассчитывая на то, что он услышит.

Но он услышал.

— Шесть дней, — коротко поправил ее Максим. — Еще шесть дней... без тебя.

Последние слова.... Тихо, шепотом, на выдохе, нервно, чтобы не услышала...

Но она услышала... и почувствовала, как одинокая соленая слеза скользнула по щеке и скатилась в уголок губ.

Эти шесть дней тянулись бесконечно. Почти. Спасала работа. Ее новая работа, в наличие которой по-прежнему не верилось. Как-то все это было неожиданно, невероятно, словно бы нереально. Мечтой, неисполнимой, несбыточной, далекой. Словно это были моменты не ее мира, не ее жизни. Словно это жизнь была не ее. Словно сказка, но такая чудесная, что не хотелось, чтобы она подошла к концу.

Когда Лена встретила с директором кондитерской, то поняла сразу две вещи.

Во-первых, этот пожилой седовласый мужчина, Иван Игоревич, ей очень понравился. И не потому, чтобы был знатоком своего дела, любящим то, чем занимался, но еще и потому, что умел найти подход ко всем и ко всему, с чем так или иначе соприкасался. А, во-вторых, она осознала, какое удовольствие ей будет доставлять работа. Она никогда бы не подумала, какое это блаженство — заниматься любимым делом, общаться с людьми, делиться с ними

какими-то житейскими историями и слушать их негодующие или одобрительные всплески эмоций.

Она работала всего несколько дней, но уже понимала, что если ее не выгонят, она ни за что не уйдет сама. Наконец, обретя то, к чему стремилась, чего так хотела, она не желала расставаться с мечтой. Может быть, Максим, когда увидит, как она счастлива, как ей приятно работать, тоже смирится? Порадуется за нее?

После того ночного звонка он звонил ей каждый день. Или она звонила ему. Не боялась, теперь отчего-то не боялась. Если хотела услышать его голос, просто набирала выученный наизусть номер и слушала. Его вздох, дыхание, радость или злость, усталость или тоску. Ей нравилось слушать даже его молчание. Они не разговаривали долго, всего пара слов или фраз, но отчего-то сейчас эти пустые и нелепые фразы стали для нее дороже, существеннее, сокровеннее. Они были другими, не такими, как прежде, чем-то отличались от тех горьких разговоров, что они вели раньше. Какие-то близкие, родные, от них веяло... теплом? Она не хотела себя обнадеживать, но очень хотелось верить в перемены.

Максим всегда звонил ей ночью, ровно в одиннадцать, и желал спокойной ночи. Никогда не говорил «люблю» — он ни разу не сказал этого за все девять лет их совместной жизни, но она представляла эти его слова. Мечтала, надеялась когда-нибудь их услышать. И когда он каким-то словно бы дрожащим, взволнованным голосом говорил «До завтра» она мысленно заменяла его фразу теми словами, которые хотела от него услышать.

И всегда засыпала с улыбкой на губах.

Даже не догадываясь о том, как сильно этот человек на другом конце провода хотел сказать ей именно то, что она так желала услышать!..

Лидия Максимовна и Александр Игоревич, когда Лена сообщила им последние новости, обрадовались тому, что она нашла работу. Спросили, как к этому отнесся Максим, а когда узнали, что он был «почти не против» успокоились окончательно. Пригласили ее на выходные к себе, и Лена согласилась. Не смогла отказаться. И дело было даже не в том, что это выглядело бы неудобно, а потому, что она уже давно не виделась с родителями мужа, и к тому же хотела поделиться с ними радостными новостями.

Когда она подъехала, Лидия Максимовна, несмотря на завывающий октябрьский ветер, встретила ее на веранде и, едва невестка, выбравшись из такси, бегом направилась в сторону дома, женщина приняла ее в свои теплые объятия.

— Леночка! — воскликнула мама Максим. — Как я рада тебя видеть! Так давно у нас не была.

— Вы у нас тоже, — улыбнувшись уголками губ, укорила ее девушка.

Лидия Максимовна улыбнулась в ответ.

— Исправимся! — проговорила она и, обнимая Лену за плечи, подтолкнула ее ко входу. — Пойдем, пойдем, холодно.

Женщины направились в дом, и едва ее тела коснулось тепло помещения, Лена улыбнулась.

— Саша! — крикнула Лидия Максимовна с порога. — Саша, Леночка приехала! Да где же ты?

Девушка смущенно потупилась, снимая пальто, и улыбнулась.

— В кабинете? — проговорила она.

— Да, — ответила Лидия Максимовна. — Ты же знаешь, жизни не мыслит без чтения, — усмехнулась уголками губ.

— О чем вы тут шушукаетесь? — появляясь в дверном проеме широкоплечей фигурой, поинтересовался Александр Игоревич. Одет в домашнее, с книгой в руках, приветливо улыбается, глядя на Лену светящимися глазами.

— Здравствуйте, — проговорила девушка, целуя свекра в подставленную ей морщинистую щеку.

— Здравствуй, здравствуй, милая, — обнимая ее за талию, проговорил мужчина. — Ну, что, пройдемте в гостиную?

Она дома. Именно это чувство пронзило ее стрелой. Наконец, дома.

Каждый раз, попадая сюда, в этот уютный, охваченный жаром семейного тепла и счастья дом, она понимала, как сильно жаждет такого же уюта, подобного тепла и такой же полувековой любви. Для себя и Максима.

Как грустно, что за девять лет брака, они с ним так и не смогли построить хотя бы подобия того счастья, что было у его родителей. У них были обиды, боль, вина, непросиение, обещание. Но никогда — семьи. Ее — никогда не было. Это сейчас Лена понимала это со всей отчетливостью. Раньше, глядя на семейные пары, она представляла, что и у них когда-нибудь будет так же, она еще верила, надеялась, мечтала, делала что-то для того, чтобы исправить допущенную когда-то ошибку. Она еще надеялась на заботу, взаимопонимание, прощение, ласку и любовь. А потом, пять лет назад, руки у нее опустились. Оказалось, единственное, что объединяло ее несостоявшуюся семью и те семьи, за которыми она тайно наблюдала, украдкой глядя на украденные поцелуи и слушая счастливый смех, был секс. Больше не было ничего. Пустота, одиночество, мрак и гнусное чувство вины.

И возможно ли сейчас повернуть все назад и вновь встать лицом друг к другу? Чтобы начать все сначала? Хотя бы попытаться сделать что-то для того, чтобы сохранить этот брак? И нужно ли его сохранять?..

Лена нахмурилась, ужаснувшись своим мыслям.

Как она может думать об этом?! О вероятности подобного разрыва?! Уйти от Максима? Спустя девять лет кошмара? Возможно ли? Нужно или необходимо?! Зачем, почему, как такое можно допустить?!

И разве не пыталась она уже один раз сделать это?.. Получилось ли у нее?! Нет, она не смогла уйти.

Лена усмехнулась.

Тогда она была слабее... Хотя, что она такое говорит, она и сейчас слаба! Разве сможет она уйти сейчас?! Нет, не сможет. Как и годы назад, не сможет собрать вещи и оставить того, кого любила больше жизни. Растоптанная и убитая, но по-прежнему наивная и глупая маленькая девочка. Неужели она так ничему и не научилась?! Неужели продолжит молча сносить то, что вокруг нее происходит?! Измены, ложь, предательство, терпеть вину и боль?!

И Лена совершенно ясно осознала сейчас, что не сможет. Не вытерпит, не промолчит. Что-то изменилось. Уйти она не сможет, но и молчать больше не будет. Словно откровением вонзилась в ее сознание эта мысль. Освободительная, спасительная, трепещущая мысль о новой жизни.

Возможно ли что-то изменить? Сейчас — спустя годы ада? Или единственным выходом из клетки, действительно, является побег?! От себя, от него, от любви?..

Нет, она не будет об этом думать! Не станет. Она будет бороться за семью. За семью, которой никогда не было, но которая могла бы быть! И за одну только возможность ее появления она будет биться до конца. Всего несколько шагов навстречу друг другу, всего

несколько слов, правильный, нужных, необходимых, как воздух, спасительных слов. Нежных прикосновений к коже, к волосам, убаюкивающих прикосновений, любящих, ласковых...

Ведь возможно? Еще не все ушло, не потерялось, не заросло. Не умерло!? Или ушло безвозвратно?.. Погибло под палящим солнцем равнодушия и зла?!

Нет, она не станет, не будет, не решится... Она не уйдет. Это не спасет их, а погубит. Оттолкнет обоих к разным полюсам этого мира, разведя на разные стороны орбит. И закружиться в танцующем единении они уже не смогут. Не вместе, только по отдельности, глядя друг на друга и не смея, не имея возможности даже прикоснуться.

Опять выбор. Опять стык. Опять грань, которую не перешагнуть безболезненно. Нужно решиться, отважиться, сделать шаг вперед. Уйти, убежать, скрыться!.. Или же остаться, бороться, спрятать разодранное в клочья чувство, которое когда-то их соединило, и воскресить его в своих заледеневших, гноящихся, зарубцованных болью сердцах?

Опять выбор. Как и девять лет назад. Тогда они его сделали. Остались друг с другом. И страдали девять лет.

Неужели сейчас, для того, чтобы спастись и спасти то, что осталось, нужно..?

— ... так как у тебя дела на работе?

Голос Лидии Максимовны ворвался в мозг оглушительным раскатом набата.

Лена, вздрогнув, уставилась на нее, потом перевела взгляд на свекра. Попыталась улыбнуться.

— Да, вроде бы, все пока хорошо, — проговорила она. — Я и работаю-то пока еще пару дней. Но мне все нравится!

— А как хозяин? Строгий? — кивнув, спросил Александр Игоревич.

— Строгий, — согласилась девушка, глядя на зажатую в руке чашку с чаем. — Но справедливый. Просто так ни на ком зло не сорвет, — усмехнулась уголками губ, подняла глаза вверх. — Но попадаться ему под горячую руку не стоит.

Колесниковы ободряюще улыбнулись. Повисло минутное молчание, прерываемое стуком настенных часов.

И Лена, пребывая в блаженном тепле семьи, хотела забыть обо всех бедах, что свалились на ее голову. Просто заснуть, укрывшись пледом, в старом кресле. И ни о чем не думать.

— А как же ты устроилась на работу в кондитерскую Каверина? — заинтересованно проговорила Лидия Максимовна и, бросив взгляд на мужа, задумчиво добавила: — Мне казалось, что к нему так просто попасть.

— Если это вообще возможно, — проговорил Александр Игоревич.

Лена смущенно потупилась, чувствуя, что щеки начинают алеть.

— Мне... Андрей помог, — выдавила она из себя.

Александр Игоревич нахмурился.

— Андрей? Это кто такой?

— Твой друг детства? — уточнила Лидия Максимовна, внимательно глядя на девушку.

Лена гордо вскинула вверх подбородок, отчего-то ощутив необходимость защитить, обезопасить Андрея.

— Да, это он. Андрей Порошин, — она посмотрела на свекра. — Мы встретились с ним на одном из приемов. Он партнер Максима, вот мы с ним и увиделись, совершенно случайно, — Лена опустила взгляд в чашку с чаем. — Он предложил мне помочь, когда узнал, что я ищу работу, а я... согласилась.

Тугое и жгучее молчание давило на легкие, мешая дышать. Воздух стал спертым и удушливым.

— Хорошо, — медленно проговорил Александр Игоревич, — что еще есть вот такие друзья.

И вновь повисшее молчание уничтожает, разъедает по кусочкам. А Лена не знает, что сказать, грудь сдавило, в горле острый комок из слов, но не одно из них не слетает с языка.

А потом, резко, стремительно, пока не видел отвернувшийся в сторону муж, мама Максима коснулась ее руки.

— Не наддай глупостей, Леночка, — тихо пробормотала Лидия Максимовна, наклонившись к девушке и заглянув ей в глаза. — Обещаешь? — Лена зачарованно кивнула. — Я знаю своего сына, если что-то пойдет не так, быть беде...

Лена тогда не поняла, о чем говорит свекровь. Лишь потом, спустя несколько долгих дней, когда уже успела забыть об ее втихаря от мужа сказанных словах, она поняла их смысл. И пожалела, горько пожалела о том, что не придавала им особого значения тогда, когда трагедии еще можно было избежать.

Андрей. Всею виной был Андрей. Хотя нет, не так. Виновата была она, конечно же, она. Но Андрей... он стал причиной. Ее новой вины, новой ошибки. Ее падения.

Он обещал встретиться с ней после работы, они договорились посидеть в кафе перед тем, как в город вернется Максим.

Если бы она тогда могла знать, чем для нее это обернется, она бы отказалась. Она бы бежала домой со всех ног!.. Но... Когда Андрей позвонил ей, она не отказалась, она согласилась, светясь от счастья новому прожитому дню. Он с сожалением извинился, сказав, что задерживается на работе, попросил ее подойти сразу к кафе. И она опять согласилась, легко, беззаботно, улыбаясь и спеша навстречу запланированному свиданию с другом.

Закутавшись большим платком, уже не глядя под ноги, а, высоко приподняв подбородок, гордо встречая резкие порывы осеннего ветра и ощущая, как тот треплет волосы на висках и затылке. Улыбаясь, проскользнула несколько улочек и переулков, боковым зрением замечая косые взгляды проходящих мимо нее людей.

Несколько шагов вперед, и вот уже за поворотом — то самое кафе, в котором они с Андреем договорились встретиться. Осталось лишь пройти проезжую часть, перейти на другую сторону улицы.

Улыбнувшись предстоящей встрече, девушка сделала решительный шаг вперед.

А потом вдруг... голоса. Ворвались, вонзились в ее одурманенное сознание, оглушили ее своей настойчивостью и вязкой несокрушимостью. Громкие, радостные, искрящиеся смехом и весельем. Детские голоса, заставившие ее остановиться посреди дороги и помутившимися, испуганными глазами вглядываться вдаль.

Где?.. Откуда?..

Блуждающий взволнованный взгляд остановился на кованой ограде, выкрашенной в черный цвет.

Детский сад.

И снова смех, врезающийся в нее осколками когда-то залеченных ран.

Лена резко замерла, часто задышала, стараясь выровнять дыхание, чувствуя бешеные удары сердца в грудь.

— Мамочка!..

Оголенный провод коснулся нервных окончаний, вызывая дрожь во всем теле.

Словно парализованная, сделала неуверенный шаг вперед, неотрывно глядя на играющих на площадке ребятишек.

— Мамочка, посмотри на меня!..

Боль пронзает изнутри, разрывает в клочья, рвет, не щадит, режет, терзает, избивает. Убивает.

Горячими пальцами коснулась ограды, обхватив ее дрожащими пальцами, наклонившись вперед, тяжело дыша.

— Ну, мамочка!.. Смотри...

Слезы рвутся из глаз, касаются переносицы щекочущей болью, дрожат ресницы. Губ касается горькая соль.

— Мамочка, ты за мной пришла?..

— У мамы скоро день рождения, мы с папой ей уже подарок купили...

— Эту шапку мне мама купила. Смотри, какая красивая!..

— За мной мама приехала!..

— А моя мамочка самая лучшая!..

Давит, жжет огнем, обжигает пламенем растленной души, кровоточит сердце, рвется изнутри боль...

Мир начинает кружиться вокруг нее, затаскивает в свой водоворот, свой жуткий болезненный плен.

Черная кованая ограда уже не сможет спасти от падения, все кружится, плывет, шатается, ускользает из-под ног.

— Мама, мама!..

— Лена!..

Голоса смешались в один гулкий, звонкий гудок клаксона. Звук удаляющегося поезда, шумит, надывается...

— Мамочка...

— Лена!..

Знакомый голос. Такой родной... Голос ее сына?.. Ее маленького сыночка?.. Да, она знала, она чувствовала, что он звучит именно так.

— Лена!.. — и снова этот голос.

Да, мой родной, да, мой хороший, говори со мной, разговаривай, даже можешь звать меня по имени, не называя мамой, своей любимой мамочкой, только не молчи. Говори, говори, пожалуйста!..

— Лена!.. Что с тобой?! Лена!

Это не ты?.. Почему у тебя такой странный голос?.. Очень похож на голос...

— Лена, мать твою!?

Она подняла вверх помутившиеся глаза, чувствуя, что тело уже не держит ее.

— Андрей?.. — выдохнула девушка разочарованно, из последних сил.

Он подхватил ее за руки и повернул к себе лицом, приказывая держаться за себя. Очень вовремя, потому что еще мгновение, и она упала бы на землю, потому что ноги ее уже не держали. Слабость сковала ее тело, дрожь, пронзая позвоночник тупой болью и ледяным холодком, вонзилась под кожу.

— Что с тобой?.. — испуганно глядя в ее бледное, перекошенное от боли лицо с горящими слезами глазами, пробормотал мужчина.

Она не могла говорить, язык, словно онемел. Из рта вырывались непонятные стоны и

всхлипы.

— Что с тобой, дорогая моя? Леночка, что с тобой?! — шептал он, обнимая ее за плечи, трогая ладонями висящие плетьюми руки, касаясь холодных щек и губ, наклоняясь к ней все ближе, ладонями сжимая ее щеки, вынуждая заглянуть себе в глаза.

— Андрей... — выдохнула девушка едва слышно. — Андрей!.. — на последнем дыхании вымолвила она и схватилась за него, отчаянно крепко, стискивая руками рукава его пальто, обнимая за шею. — Это ты?.. Боже, это всего лишь ты?..

И разрыдалась. Громко, неожиданно, навзрыд, в голос, не сдерживаясь.

А Андрей, прижимая ее к себе, шептал слова утешения, обнимал за плечи. Наклоняясь ниже, целовал виски, спускаясь к щекам, горячими губами стирал следы слез на нежной коже, скользнув вниз к ее губам, накрыл их своими. Жарко, жадно, яростно впиваясь в ее рот. Слизывая ее боль, горящую в груди, и страдание, разрывающее на части. Испивая до дна ее горе, о котором не знал, но которое чувствовал. Заглушая горькие стоны, рвущиеся из ее груди, глотал их ртом, дышал ими. Не переставая, касался ее губ с новой силой, впиваясь, вонзаясь в ее рот языком лаская раны ее души.

И Лена, цепляясь за него, как за источник спасения, отвечала ему, отдавая боль, уничтожая страдание, делясь с ним своей бедой, своим горем, своей глубокой, так и не зажившей раной.

Два грешника, которые нашли утешение друг в друге в минуту слабости и щемящей тоски.

Один поцелуй. Изменивший очень многое.

Ведь нужно было догадаться, что за двумя грешниками всегда наблюдает кто-то третий...

9 лет назад

Ноябрь в тот год встретил их белоснежной пеленой. Она укутала город, словно вуалью, седой и безликой, какой-то равнодушной и невежественно спокойной, укрывшей макушки деревьев своим белесым кружевом из снега и молчаливо взиравшей на тихий город. В ней таилось зло, немое и беззвучное.

Но снег неожиданно растаял, уступая место переменным, сменяющимся мелкой и противной моросью, невзрачным и серым дождям. Таким же молчаливым и тоскливым, каким был недавно растаявший день.

— Наверное, зимы вообще не будет, — уныло говорил себе под нос Максим, выглядывая в окно и хмурясь при виде яростных порывов ветра и косых параллелей дождя в воздухе. — Что за погода!?

Да, он не любил осень. Никогда не любил. А после этой осени стал ее люто ненавидеть.

Было холодно. По-ноябрьски холодно. И когда он, выбегая из подъезда, втягивал плечи и клонил голову вниз, в попытке спрятаться от ветра, запрыгнул в свой автомобиль и стремительно рванул с места, даже не бросив на окна своей квартиры с застывшим там улыбающимся личиком молодой жены, он думал именно о том, какая отвратительная в этом году осень. Через две недели зима, а на улице черте что творится!

Он даже не бросил взгляд на свой этаж, хотя знал, что жена наблюдает за ним. Каждый раз, глядя на нее, он дивился тому, как человек может испытывать к другому человеку, к женщине, к своей жене столь противоречивые чувства, какие испытывал он к Лене! Любовь

боролась в нем с ненавистью, забота с безразличием, беспокойство о ней с полнейшей апатией. Он презирал, он ненавидел... Ее поступок. Ту ситуацию, в которой оказался, в которую его загнали, как в ловушку. Родители — наставлениями, Лена — ложью и предательством!.. Разве можно одновременно любить и ненавидеть?! Презирать и заботиться!?

Ему казалось, что он просто сходит с ума. Ему было проще не обращать на нее внимания, просто забыть о том, что она существует, что она присутствует в его жизни, представить, как в сказке, что все так же, как и прежде. И его не принудили на ней жениться. И он вообще не женат. И его не поставили перед выбором, в котором не было ни одного варианта, который бы его устраивал. Не было того давления, которое на него оказали. Не было тупика, где горячей красной надписью светились тоскливые мгновения его падения.

И он хотел бы не замечать ее, забыть, просто отрешиться от того, что было. И от чувств, которые к ней испытывал, потому что сейчас они казались оскверненными, испорченными, грязными и порочными. И от ее лжи, которую так и не смог ей простить. И от своего поражения, — от него он желал отрешиться сильнее, яростнее всего! Он никогда не проигрывал, никогда не был слабым. Но чувства к этой девушке убивали в нем силу, веру в победу, уничтожали его самого, того, каким он хотел быть все эти годы до встречи с ней. Не из-за них ли, этих самых чувств, он согласился на этот брак?! Ведь он знал, что тот свяжет его по рукам и ногам, он докажет всему миру, как Максим слаб и беспомощен, что он, как и все, может проиграть. Он не желал проигрывать снова! А потому хотел отбросить в сторону то, что делало его слабым потенциальным проигравшим в этой схватке, в этой борьбе без правил.

Но отбросить в сторону не получилось. Из-за него... Из-за ребенка. Его и Лены малыша.

Он, наверное, даже любил его. Да, любил. Как назвать то чувство, которое он испытывал к этому еще не родившемуся существу, если не любовью?! И он боялся этого чувства. Он боялся, что Лена его заметит. Он боялся вновь оказаться слабым и беспомощным, скованным обстоятельствами, чувствами теперь не только к своей жене, но и к нему... своему ребенку. Он не хотел этого, не желал. Он не хотел и этого ребенка тоже. Раньше. А сейчас, когда видел его развитие, наверное, даже ощущал ту связь, что появилась между ними, он не мог отмахнуться от тех чувств, ощущений и эмоций, которые преследовали его каждый раз при взгляде на округлившийся живот жены. И он старался на нее больше не смотреть.

Ребенок — совсем не то, что он желал. И Лена — не то, что ему сейчас было нужно.

Но и Лена, и ребенок стали неотъемлемой частью его жизни. А он не желал менять свой устоявшийся за годы мир, переворачивая его с ног на голову. Он хотел убежать — и убегал. Мчался на машине, рассекая воздух и капли равнодушного дождя, рвавшегося в салон автомобиля, желая избавиться от того, что имел.

В тот день он тоже убегал. Не знал еще, что на этот раз побег почти удастся совершить.

А настроение Лены в тот день не испортил ни дождь, ни даже преднамеренно равнодушный жест со стороны Максима. Сердце сильно билось в груди, отдаваясь в ушах, а руки немного дрожали, когда она со светящейся на лице улыбкой, вызвав такси, спускалась вниз, ловя ртом свежий ноябрьский воздух и глотая капли дождя, ощущая их прохладу на языке.

Сегодня. Она узнает своего малыша уже сегодня.

Ей сказали, что нет стопроцентных гарантий. И хотя данное обследование может показать результат уже и на пятнадцатой неделе беременности, процентное соотношение таково, что вероятность ошибки анализа очень велика. Ее заранее предупредили, что это лишь предположение, слишком не точное, чтобы выбирать имя будущего ребенка. Но Лена была непреклонна. Она хотела знать, кто у нее родится.

И когда врач, ласково улыбнувшись ей, проговорила:

— Это мальчик...

Лена думала, что расплачется от счастья.

Она закрыла лицо ладонями и рассмеялась, громко, не стесняясь. Потом еще долго благодарила врача за оказанную ей услугу, а когда, выглянув в окно, увидела, что дождь перестал, почти расцвела.

В тот день, когда Лена узнала эту новость, она, возвращаясь из больницы, улыбалась так ослепительно, что прохожие с удивлением смотрели ей вслед. Закутавшись в меховой воротник пальто, девушка ни на кого не обращала внимания, словно окружающего мира и не существовало вовсе.

Мальчик! У нее будет мальчик. Их с Максимом сынишка! Можно ли было мечтать о большем!?

Не поделиться этой новостью с мужем она просто не могла. Задыхаясь от счастья, она набрала его рабочий номер, едва попала домой, в надежде услышать радостное восклицание на свою новость.

— Максим?..

— Да, — ответил почти мгновенно. — Что-то случилось? С тобой? С ребенком?!

Лена невольно улыбнулась, услышав беспокойство в голосе мужа. Несмотря ни на что, ни на боль, ни на обиду, ни на разочарование в ней, ни на ее ложь и предательство, Максим любил их еще не родившегося малыша. Она знала это, она это чувствовала каждой клеточкой тела, всем своим существом ощущала эту безграничную любовь отца к своему ребенку.

И ему не удалось бы ее обмануть или убедить в обратном, даже если бы ему этого захотелось.

И это казалось странным. Ведь Максим заявлял вполне серьезно, что ему не нужен их малыш. И тогда, когда он произносил те злые, сказанные запальчиво, со злости, слова, она ему поверила. Она плакала, винила себя, у нее сердце болело так сильно, что, казалось, грудь разорвется от боли. А потом... спустя месяцы... она усомнилась в собственных выводах.

Он любил своего ребенка. Пусть и не признавался в этом, но любил. Так же сильно, как и она.

Было что-то особенное, волшебное, даже благоговейное в том, как он смотрел на ее уже округлившийся живот, как, подходя к ней со спины, словно бы случайно касался ее кожи, будто желая ощутить невидимую связь со своим малышом. Или в том, как осторожно гладил ее волосы, спускаясь нежными касаниями к шее, плечам и, наконец, опуская пальцы на ее животе, когда думал, что она спит и ничего не видит.

В этом было что-то... чудесное. И Лена парила. Она летала в облака от счастья. Даже несмотря на то, что Максим по-прежнему не простил ее предательства, ее лжи, несмотря на то, что она еще не смогла искупить перед ним свою вину, девушка знала, Максим любит их малыша. А это для нее было самым важным!

Он почти никогда не показывал ей своих чувств. Ни к ней самой, ни к их не родившемуся ребенку. Но она знала, что когда тот родится... все изменится. Все, возможно,

станет иначе. Ребенок, который едва не развелих в разные стороны, станет тем ключевым звеном, которое свяжет и вновь. Навеки.

Сын. Их с Максимом сын! Ее малыш... Лене хотелось петь от счастья.

Как они его назовут?.. Они об этом даже не думали. Муж старался избегать подобных вопросов, он вообще редко заговаривал с ней о малыше, словно того и не существовало. А она... она была поглощена своей виной и сожалением, чтобы думать об этом. Но теперь... теперь все изменится! Должно измениться.

Набрав в грудь больше воздуха, и не переставая улыбаться, девушка выдохнула.

— Максим, — проговорила Лена, запинаясь, — я хотела сказать...

— Лена, а это не может подождать до вечера? — нетерпеливо перебил ее мужчина. — У меня очень важный совет сейчас, — она почти видела, как он смотрит на часы. — Нельзя ли отложить наш разговор?..

Ей показалось, что ее ударили кулаком в живот, выбив из груди весь воздух.

Разноцветные краски счастья стали медленно угасать, превращаясь в серые, блеклые тона обыденности.

— Да... — тихо проговорила она. — Да, конечно... Вечером, так вечером.

— Это что-то срочное? — спросил он резковато. — Если так, то я...

Лена горько усмехнулась, прикрыв на мгновение глаза.

— Да нет, не очень срочное, — проговорила она. — Поговорим вечером и все обсудим.

Он молчал довольно-таки долго, словно борясь с собой, а потом сдался. Выдохнул.

— Хорошо, — согласился Максим. — Тогда до вечера. Пока.

И Лена с ужасом услышала в трубке короткие телефонные гудки. Слезы закололи в глазах.

Неужели она ошиблась? И ему все равно?!

Нет. Нет, такого просто не может быть. Те чувства, которые она видела в нем, нельзя сыграть. Это невозможно!.. Или возможно?.. Боже, помоги!..

Она медленно опустилась на колени, облокотившись о стену и закрыв лицо руками. Не плакала. Отчего-то слез не было. Лишь дрожала, сильно, крупной дрожью, сотрясаемой все тело. Вдруг стало очень холодно и зябко, и Лена поежилась, передернув плечами и обхватив себя руками.

Через мгновение набрала номер бабушки, надеясь услышать слова поддержки и обещания приехать, но вместо родного, дорогого сердцу голоса, который мог бы ее спасти, услышала лишь длинные гудки.

Прислонилась головой к телефонной трубке, стиснув зубы и сильно зажмурившись.

Куда-то ушла... Именно тогда, когда была ей так нужна, необходима!

Лена медленно положила трубку на рычаг и, откинув голову, посмотрела в потолок.

Она не знала, кому позвонить. С кем разделить свою одновременную слепящую радость и острую боль?!

То, что она испытывала, невозможно передать словами. Боль, разочарование, негодование, обиду, снова боль. Все плыло, все кружилось перед глазами, поглощая ее в этот бурлящий поток щемящей жалости к себе и удушающей безысходности. Она почти ничего не видела вокруг, поднимаясь на ноги и подходя к стеллажу, заваленному папками с работы Максима, книгами и фотоальбомами.

Она и потом не могла объяснить, почему поднесла к стеллажу стул и, пошатываясь, забралась на него. Зачем потянулась за альбомом со свадебными фотографиями и почему,

вместо того, чтобы спуститься, она раскрыла его и стала рассматривать.

Всего несколько фото, на которые согласился Максим. Улыбается всего на одной фотографии.

В глазах Лены застыли невыплаканные слезы, перед взором мутная пелена.

Сердце забилось, оглушая биением, руки задрожали, в висках застучала резкая боль.

Альбом выпал из рук, рассыпались по полу фотографии... Стук часов стал оглушающим... Стеллаж вместо коричневого мгновенно стал серым, а затем прозрачным... Стук часов забился набатом в ушах...

В одно мгновение мир пошатнулся, закружился вокруг нее в бешеном танце, накренился и... девушка, потеряв равновесие, стараясь схватиться за воздух и скользя слабыми ладонями по дереву, полетела вниз, в зияющую пустоту и, ударившись о стул, бессильно распласталась на полу.

Боль пронзила все ее тело, казалось, до самых кончиков пальцев на ногах. Голова закружилась, когда она попыталась подняться, в висках стучало и билось, нещадно колотилось в нее бешеное сердце. В животе отдалась резкая острая боль, и девушка, потянувшись к нему, чтобы обнять и успокоить своего малыша, через секунду осознала, что между ног сочится что-то липкое.

Она хотела закричать, но не смогла выдать из себя и слова, судорожно сжимая бедра и не позволяя крови струиться по ногам. Попыталась встать, но боль пронзила ее тело стрелой, и девушка откинулась на пол. Слезы коснулись ее глаз снова, едкие, горькие, горячие слезы боли. Тяжело задышала, успокаиваясь.

Переборов боль, села на полу, не разжимая бедер и поглаживая живот нежными касаниями.

— Все хорошо, мой хороший, — говорила она, нашептывая ему нежности. — Все хорошо, мой золотой... Вот видишь, какая твоя мамочка нерасторопная, — схватившись за опрокинутый стул, морщась от боли, поднялась на ноги. — Прости меня, мое солнышко, — шептала она, корчась от боли и делая вперед шаг за шагом. — Прости, зайка... Все будет хорошо, все будет хорошо... Мамочка с тобой...

Медленно и нерасторопно, с силой сжимая ноги, она прошла в ванную комнату. Морщась, разделась, не переставая разговаривать со своим малышом.

— Сейчас, сейчас, мой хороший... Мамочка только смочет с себя всю эту... гадость... И все будет хорошо...

Почувствовав резкую боль, схватилась за край ванной и, зажмурившись, тяжело задышала.

Когда распахнула глаза и бросила быстрый взгляд на свои сведенные ноги, осознала, что кровь, не останавливаясь, продолжала струиться по ногам.

В ушах зазвенело, перед глазами снова встала едкая, дымящаяся пелена.

Мир закружился вокруг нее в безумной танце, и Лена, погруженная в этот дикий водоворот, с тихим криком отчаянья осела на пол, через мгновение погрузившись в зияющую пустоту и немую тишину.

— НЕТ!..

Очнулась, казалось, спустя вечность. Болело все тело, боль разъедала, казалось, даже внутренности. Кровь продолжала сочиться из нее, и Лена, бессильно откинувшись на стену, зарыдала.

Кое-как, преодолевая боль, добралась до телефона и вызвала скорую, умоляя лишь о

том, чтобы они успели и спасли ее малыша. Он должен жить!.. Это она виновата во всем, а не он. Только она!..

Ей казалось, что ее раскроили, такой сильной и раздирающей была боль, пронзившая ее с ног до головы.

Когда прибыли врачи, она едва нашла в себе силы открыть им дверь и, рыдая, упасть прямо на них.

— Пожалуйста, — умоляла она, не сдерживая рыданий, — пожалуйста!.. Спасите, спасите его... Мой мальчик! Он не виноват!.. Пожалуйста, спасите его!..

Ее подхватили сначала на руки, а затем переложили на носилки.

— Нужно сообщить родственникам, — сказал ей словно издали мужской голос. — Как связаться с ними?

— Спасите моего малыша... — словно не слыша его, шептала Лена в беспамятстве.

— Как связаться с вашим мужем? — повторил врач, потрогав ее за щеки. — Нужно сообщить ему...

Она, едва разлепив губы, прошептала им телефон и погрузилась в спасительную темноту с миллионом различным жужжащих звуков где-то вокруг себя. Но даже тогда она смогла разобрать слова врачей.

Их итог был неутешительным. Выкидыш. Срочно на операционный стол, иначе возможен летальный исход для матери.

Лена противилась одному лишь этому слову. Мотала головой в разные стороны, дергала руками, пытаясь сорваться с места, и сильно сжимала бедра, словно так смогла остановить кровотечение. Задержать своего малыша внутри своего тела. Плакала, рвалась, выкрикивала ругательства, перемешанные с мольбой.

Она до последнего не верила, что это конец. Еще утром, совсем недавно, все было так безоблачно!..

Она умоляла врачей совершить чудо и, даже когда ее положили на стол и сделали общий наркоз, она продолжала шептать и молить о помощи и спасении своего мальчика.

Но спасти ребенка не удалось.

Она очнулась совершенно одна в пустой палате и, еще не осознавая, где находится, первое, что сделала, это потрогала свой живот, желая успокоить малыша и сказать ему, что все хорошо.

Ее живот был плоским. Как и раньше, четыре месяца назад.

Она потрогала его еще раз, и еще. Откинула одеяло, приподнялась и осмотрела его, расширившимися от ужаса глазами, глядя на это изменение. И лишь через минуту осознав, что это изменение означает, она дико закричала, забилась в истерике, разрыдалась, свернувшись калачиком и отвернувшись к стене.

Для нее все было кончено...

У Максима было совещание. То самое, важное, из-за которого он предложил перенести их разговор на вечер, но, едва ему сообщили о том, что его жена в больнице, он бросил все дела приехал к ней.

Когда узнал последние новости, думал, что сердце разорвется от боли и отчаяния прямо там, в коридоре.

Он никого не подпускал к себе почти час, метаясь из угла в угол, заламывая руки, запуская дрожащие пальцы в волосы, чертыхаясь и ругаясь в голос, не сдерживаясь, посылая проклятия всему миру. А потом, оставаясь все таким же непреклонным, с показным

равнодушием поинтересовался, как это произошло.

Он спрашивал, но, видимо, не требовал ответа, потому что почти не услышал его.

Как такое могло произойти, он не понимал. Еще сегодня ночью он гладил Ленин округлившийся живот. А сейчас ему говорят, что малыша, его ребенка, больше нет. Выкидыш. Какое страшное слово!

— ... очевидно, нужно было раньше вызвать «скорую», — донесся, как издали голос врача. — Возможно, ребенка еще можно было спасти. Когда мы прибыли на место, о жизни ребенка речи уже не шло, — боль пронзила его насквозь, проникая в самую сердцевину его существа. — Нужно было спасти жизнь матери, — Максим пошатнулся, едва не упав. — Мне очень жаль...

Нужно было раньше вызвать «скорую»... О жизни ребенка речи уже не шло... Нужно было спасти жизнь матери...

В голове зазвенело, отдаваясь болью в ушах, забило в груди сердце. Мир наклонился вбок...

Едва разлепив сухие губы, он прошептал:

— Как... моя жена?

— Вы можете навестить ее, — сказал врач. — Она в палате. И уже очнулась от наркоза.

Он кивнул, невидящим взглядом всматриваясь в пустоту, мелькавшую перед глазами.

Он решил направиться к ней лишь спустя полчаса после беседы с врачом. Боль разъедала кислотой.

Осторожно раскрыл дверь палаты, в которой находилась девушка, и заглянул внутрь.

— Лена?.. — окликнул он ее, но девушка не шевельнулась.

Он сделал несколько шагов вперед и застыл, глядя на бледное лицо с безжизненными глазами на нем.

— Лена...

Он внезапно почувствовал тошноту в груди и, глубоко вздохнув, подошел к койке, на которой лежала девушка, пустым взглядом рассматривая потолок.

— С тобой... все порядке, — проговорил он тихо, ощутив внезапный комок боли в горле и груди. — Врач говорит, что через пару дней тебя можно будет выписывать и переводить на домашнее лечение.

Лена молчала. Лишь тяжело дышала, стискивая губы и силясь не расплакаться. Но он видел на щеках застывшие следы уже выплаканных слез.

— Скажи что-нибудь, — попросил он ее слабым голосом.

Она повиновалась. Тихо, изломанным голосом с раскаянием, отчаянием тоской внутри.

— Сын, — прошептала Лена, не глядя на него. — Это я хотела тебе сказать тогда, — быстрый измученный взгляд на Максима, низко наклонившегося над койкой. — У нас должен был родиться сын.

Максим сжал руки в кулаки, стиснул зубы так сильно, что на скулах заходили желваки. Опустил голову вниз, затрясся его подбородок, он зажмурился, сдерживая себя, чтобы не сорваться.

Когда он поднял на нее горящие ураганом чувств и эмоций глаза, Лена испуганно сглотнула.

— Почему ты сразу не позвонила мне? — спросил он хрипло. — Почему сразу не позвонила?!

— У тебя было совещание, — проговорила она, стараясь не встречаться с ним

глазами. — Ты сказал, что...

— Плевать на совещание! — воскликнул он яростно, а потом вдруг стих, взяв себя в руки. — Плевать на совещание, когда случилось... это! Ты понимаешь, что могла спасти... его?! — он стиснул зубы, нахмурился. — Я бы приехал и отвез тебя в больницу. Почему ты ждала так долго, черт побери!? Почему не позвонила, если не мне, то в больницу, сразу?! Почему, черт побери!?

Болезненно зажмурившись, Лена отвернулась от мужа и заплакала.

— Прости меня...

— Ты могла его спасти, ты понимаешь!? — хриплым, ломаным голосом выдохнул Максим. — Ты могла...

— Прости, — пробормотала девушка, глотая слезы. — Прости...

Мужчина отвернулся, посмотрел в сторону, стиснул зубы еще сильнее, потом наклонился к ней, сильно зажмурившись. С минуту стоял над ней, не произнося ни слова и не раскрывая глаз, а затем поцеловал ее в лоб и отшатнулся от девушки, словно обжегшись.

— Я приду вечером, — сказал он тихо, больше на нее не взглянув. — Отдыхай.

И Лена не успела ему ничего не ответить.

Кажется, все закончилось не только для нее, но и для него тоже. И она уже не могла его в этом винить.

Дни потянулись медленно и словно бессильно. Наконец, в начале декабря выпал снег, наступили холода.

Лена переживала один день за другим, чувствуя, что так же медленно сходит с ума. Врач назначил ей сначала успокоительное, а затем и антидепрессанты. Она слышала, как он переговаривался с Максимом, но не подала виду, что слышала их разговор. Доктор настоятельно рекомендовал Максиму не спускать с нее глаз, так как она сейчас, как никогда, может сорваться и совершить глупость.

Максим следовал наставлениям врача и звонил ей каждый день по несколько раз. Иногда лишь для того, чтобы узнать, чем она занимается, и не забыла ли пообедать. Короткие разговоры, всего пара фраз, словно ежедневный ритуал, иногда превращавшийся в раздраженные крики и восклицания с обеих сторон. Но неизменный и повседневный. Жизнь превращалась в какую-то бешеную скачку, гонку за несбывшимся и одновременно в монотонное перескакивание с одного дня на другой без видимых следов жизни.

Середина декабря встретила их сильными морозами, а вот конец месяца, в самом преддверии Нового года, наоборот, не по-зимнему аномальным теплом.

В тот день Лена, как всегда, даже не задумываясь, отправилась в старый городской парк.

Этот парк всегда ее убаюкивал, утешал, рассказывая красивые сказочные истории о любви и верности.

Он вылечивал ее. По-своему лечил от потери, от боли, от чувства вины.

Но сегодня... что-то было не так. Иначе. Иначе дышала зима, крадучись следя за ее продвижением.

Лена отключила телефон, зная, что Максим должен будет ей позвонить. А если он позвонит, она не сможет... она струсит, отступится, не решится пойти навстречу к своему мальчику. К своему сыночку. Она откажется от этой встречи и уже никогда — никогда! — его больше не увидит и не услышит!

Сегодня, всегда разговаривающий с ней парк, яростно молчал немой тишиной.

И сегодня это ее успокаивало еще сильнее, чем его разговор.

Вглядываясь вдаль, Лена опустила на колени, утопая в сугробах. Не замечая морозного холода, обдавшего все ее тело, Лена всматривалась в пустоту пустыми, безумными глазами.

А там вдали... Он. Ее малыш. Ее сыночек. Ее солнышко, свет ее мрака.

Он такой маленький. И его ладошку можно взять одним лишь пальчиком. У него темные волосики. Он пошел в папу. Нет, сейчас волос у него, конечно же, нет, но она знала, чувствовала, что они будут темными. А глазки... глазки ее. Шоколадно-карие. И он улыбается ей. Беззубой, счастливой, совершенно беспечной улыбкой. Потом будет смеяться, радоваться ее появлению. Он будет шалопаем и хулиганом, но она души в нем не будет чаять. Он будет ползать по кровати, а потом переберется на пол. Когда он начнет ходить, она станет гоняться за ним по всему дому и не сможет уследить за своим сорванцом.

А когда он пойдет в школу...

Слезы коснулись кончиков ее губ, и она только сейчас осознала, что плачет.

Она хотела к нему. Рядом с ним. Вместе с ним. Без него — уже не хотела.

Таблетки, прописанные врачом, лежали в ее сумочке, и девушка достала пузырек, высыпав на ладонь все, что в нем было. Проглотила одну, затем вторую... Третью...

Скоро, скоро, мой милый, мой родной! Очень скоро мамочка будет с тобой! Не бойся, она не оставит тебя. Никогда не бросит. Это она виновата, что ты ушел. И она исправит свою ошибку. Она обещала, что все будет хорошо, ты помнишь?.. И все будет хорошо! Вот увидишь... Мамочка тебя не бросит.

Только не исчезай. Разговаривай с ней. Говори. Зови ее за собой. И она придет!..

— Лена!?

Она вздрогнула, но не обернулась.

Этот знакомый голос... такой родной, такой дорогой сердцу... словно издалека. Откуда-то из той жизни. Той пустой и унылой жизни, в которой не было больше ее малыша. Она не хотела в нее возвращаться.

Четвертая таблетка... Пятая...

— Лена, твою мать!?

Грозный, даже яростный голос...

— Ты что творишь, бл**?! Ты что творишь?!

Девушка зажмурилась, схватившись за голову, замотала ею в разные стороны, отчаянно сопротивляясь, не желая откликаться на этот возмущенный зов. Этот грозный, яростный натиск. Не желая выныривать на поверхность из объятий своего волшебного сна.

Мамочка тебя не оставит, дорогой, никогда не оставит!..

— Лена, не смей!!!

Не внимая этому настойчивому натиску, она решительно поднесла дрожащую ладонь с таблетками ко рту, намереваясь проглотить их все, как вдруг... что-то стремительное, почти молниеносное, дернуло ее ладонь, отшвырнуло девушку набок, схватило за плечи, приказывая наклониться вперед и, насильно раскрывая рот, вынуждало вызвать рвоту.

— Идиотка!!! — заорал голос ей в затылок. — Выплювай, ну! Живо! — мужчина потряс ее за плечи. — Давай же! Немедленно! Идиотка! — орал голос. — Сколько ты уже выпила, сумасшедшая!? Сколько, я спрашиваю!?

Лена закашляла, изо рта пошла пена. Казалось, ей не хватает воздуха, и она вот-вот задохнется.

Она замотала головой, забрыкалась, забилась в стальных объятьях своего врага.

— Давай!!! Давай же! — орал голос, надавливая на нее сверху и нажимая на шею.

Мир вертелся вокруг нее, засасывая, поглощая, бросая из стороны в сторону.

А потом... ее сынок, это чудесное, волшебное видение исчезло.

— НЕТ!!! — выкрикнула она, ринувшись вперед, но крепкие руки, сжавшиеся стальными путами ее плечи, удержали ее на месте.

Она рвалась, билась, брыкалась, стремилась вперед, туда — к своему малышу. Но ее не пускали.

Она плакала, громко и отчаянно, кричала, умоляла, рыдала навзрыд, металась в мужских объятьях, как дикая кошка. Но ее так и не отпустили.

— НЕТ!.. Нет, пожалуйста... Он уходит!.. — она протянула вперед руки, пытаясь схватить видение за ручку. — Он уходит!.. Нет, пожалуйста, не покидай меня снова!.. НЕТ!.. Отпусти... Отпусти меня к нему!.. К моему сыночку, он такой маленький!.. Ему одиноко, ему страшно!.. Я должна быть с ним!

— Лена, успокойся!.. — решительно сказал голос, такой знакомый и родной, кажется, самый родной голос на свете, и ее встряхнули вновь.

Но девушка продолжала метаться в его руках.

— Нет! Пусти, пусти меня!.. Я не хочу... Я не хочу без него!.. — кричала она истерически. — Я теперь совсем одна! Совсем одна осталась!.. Как я без него?.. Нет... Нет!..

— Лена... — снова сказал голос. — Посмотри на меня! Посмотри! — уже потребовали от нее, схватив за подбородок и повернув к себе лицом.

Лена изумленными, широко раскрытыми глазами уставилась на мужа. Так это ты...

— Максим... — выдохнула она, едва шевеля губами.

— Успокойся, Лена...

— Он уходит, Максим, — проговорила она, запинаясь. — Наш сын, мой сыночек... Он уходит. Я хочу с ним!..

— Лена!.. — бессильно выдохнул он, падая на колени рядом с ней и прижимая к себе ее дрожащее тело.

— Не отпускай его, Максим!.. — выдохнула девушка ему в шею. — Не позволяй ему уйти!.. Не позволяй!..

И рыдалась вновь. Руками хватаясь за мужа, цепляясь за него, словно за соломинку. И плакала, как заведенная, не в силах остановиться.

А Максим прижал ее к себе и, укачивая, как ребенка, прошептал в волосы, касаясь губами висков:

— Все будет хорошо, все будет хорошо, родная... — он закрыл глаза и выдавил: — Я люблю тебя...

И Лена застыла в его руках, замерла, успокоилась. Обняла его за шею, прижавшись к нему всем телом.

Три слова, ради которых она могла бы отдать душу самому дьяволу.

Три слова, которые в тот день, в то мгновение сыграли роковую роль, решив все за них.

16 глава

«Только будь, пожалуйста, сильнее всяких мук,

Ненависть не лечит боль утраты,

И сильнее будь ты всех разлук,

Всех, кто предал и любил когда-то»

Владимир Шляпошников

Пальцы, сжимавшие конверт, неестественно и неожиданно для него задрожали. Раскаленным разрядом в сотни вольт пронзило тело, посылая в сердцевину обессиленного существа электрические заряды.

Максим с силой втянул в себя воздух. Казалось, что и это сделать для него сейчас было невыносимо.

От тупой боли в груди можно было сойти с ума. И, наверное, он уже медленно и падал в бездну безумия.

Сколько минут он уже вот так просидел в машине, просто сжимая конверт замерзшими пальцами? И сколько он здесь еще просидит, не решаясь его открыть?!

Тяжело вздохнув, Максим наклонился вперед, касаясь лбом руля, прохлада которого не остудила обжигающей огнем кожи его лица. Сильно зажмурившись, мужчина снова с силой втянул в себя воздух, ощущая, как кислород, проникая в легкие, обжигает их огнем.

Распахнул глаза, уставившись в пустоту промозглого серого дня.

Нет, он не откроет этот конверт. Не сейчас.

Не в это самое мгновение, когда он еще чувствует ее в салоне своего автомобиля. Ощущает ее запах, — он наркотиком проникает под кожу. Слышит ее голос, — он звучит в голове звонким колокольчиком. Чувствует кожей бархатистость ее кожи, — он, кажется, и сейчас сможет сказать, какова она на ощупь...

Нет, он не откроет этот конверт сейчас, когда все его рецепторы напряжены настолько сильно, что все внутри него кричит о ее принадлежности ему. И об ускользающей возможности этой принадлежности в дальнейшем.

Это безумие, заключенное в дикой и необузданной принадлежности Лены ему, лишало его воли.

Он сходил с ума уже оттого, что чувствовал, — что-то изменилось.

Да, что-то было не так. Внутри него разгорался большой огненный шар, который, поглощая его собой, настойчиво шептал, повышая голос, что Лена стала другой. Он чувствовал в ней эти перемены.

И он не знал, хочет ли их замечать.

Черт, раньше, намного раньше... когда-то тогда, в той, другой жизни, девять, пять лет

назад, он бы все отдал за то, чтобы эти перемены произошли. Он бы, наверное, и Богу душу отдал за то, чтобы Лена тогда вела себя, как сейчас! Разве не просил он этого, не умолял, не требовал?! Он ждал, он верил, он надеялся...

Но теперь, когда он, наконец, дождался... Это стало давить на него подобно домовине.

Почему тогда, когда он не просто просил, а требовал от нее перемен, она молча сносила эти требования, оставляя их без внимания? Почему тогда, когда, вероятно, все еще можно было исправить, она сломалась окончательно и позволила ему все решать за них!? Сдалась и свалила всю ответственность на него!?

Черт возьми, ведь он и решил! Все решил за них.

Изменился сам, не дождавшись от нее перемен!

Чуть было не ушел от нее. Черт побери! Во второй раз он чуть было не ушел.

Но так и не смог переступить через себя и совершить последний роковой шаг. Казалось, сделать это так легко. Собрать вещи, попрощаться, отпустить ее, отпустить себя... Проститься раз и навсегда! Если и нужно было уходить, то последний шанс он потерял именно пять лет назад, когда в погоне за изменениями, пошел не по тому пути, по которому следовало идти.

Да, он изменился. Он выживал. Так, как мог, как умел. Неправильно и глупо, бессмысленно и нелепо, пытаюсь доказать себе то, что не требовало доказательств. Он ошибся тогда. Но разве думал об этом тогда, когда делал безумный шаг в противоположную от жены сторону?!

Нужно было уходить. Но он остался, изменившись и изменив то, что было вокруг них окончательно.

Он столько лет ждал перемен и от нее. Столько лет!.. А потом устал ждать, привыкнув к тому, что у него было. Перестал мечтать, надеяться, верить. Перестал ждать. Привык.

А сейчас... дождался.

Ее изменила работа. Кто бы мог подумать? Так просто, так ожидаемо... И он не догадался об этом.

Лене нравилось работать в кондитерской Каверина. И как бы Максим не противился, он не мог просто закрыть глаза на то, что жена стала выглядеть... счастливой. Как в первый день их встречи, до того рокового момента, когда жизнь перестала для них существовать, замерев на мертвой точке невозврата в прошлое и недвижения вперед. В тот самый день, когда он в последний раз проявил слабость. И остался с ней в тот миг, когда особенно был ей нужен.

Переживал ли он? По началу, да. Слабость всегда раздражала его, просто бесила, выводя из себя.

Четыре года безысходности и гонки за тем, что они так и не смогли догнать. А потом еще пять лет ада, в который они превратили свою жизнь. Вдвоем. Вместе. Как друг другу и обещали тогда. Девять лет пустоты и одиночества. Не ужасно ли?! Не обидно ли!? Сдержав обещание, они, тем не менее, предали самих себя. Обещанием, единственным обещанием, которое нужно было оставить невыполненным. И уйти. Разойтись.

Осознание того, как неправильно он жил все эти годы вдруг, как сиянием молнии, озарило его.

Неправильно, неверно, подло, грубо и жестоко. Не так, как нужно было. Не так, как должен был.

Неужели виновата была лишь она? Лена никогда не просила больше того, что он ей

давал. Никогда, хотя имела на это полное право. Она, как никто иной, могла потребовать от него другого отношения. Но молчала. И первые четыре года. И последующие пять. Терпела, прощала, любила. Никогда не возражала, не кричала, закрывала глаза на измены и вынужденную ложь. Знала о них, но молчала!..

Каким же неправильным было все это. Эти годы пустоты и одиночества вдвоем.

За чем гнался он? Чего ждала она? И неужели это стоило того, чтобы превратить жизнь вдвоем в ад!?

Он подчинил ее себе, и она поддалась ему, — подчинилась. Кто виноват в этом? Он — что заставил ее уступить!? Или она — что заставила себя сломаться!?

Или же оба — что поставили друг друга перед выбором!?

Кто виноват в том, что сейчас он так же, как и годы назад, требует от нее повиновения во всем?! В том, что желает, чтобы она по-прежнему принадлежала ему одному?! В том, что не представляет и малейшей вероятности того, что ее не будет рядом с ним?! Кто виноват в том, что он не отпускает ее?! И в том, что она не уходит?! На протяжении девяти лет они ходят по одному и тому же кругу, описывая окружность за окружностью не в силах вырваться из замкнутого круга судьбы!?

Кто виноват в том, что он медленно убивал ее, а она так же медленно убивала себя сама? И кто виноват в том, что теперь, когда она решила вырваться, он не позволяет ей сделать этого, привыкнув к тому устоявшемуся миру и не желая перемен?! Сопrotивляется, борется, дичится, бьется о камни и убивает себя. И ее тоже убивает. Своей необоснованной грубостью, жесткостью, порой переходящей в жестокость, ревностью и маниакальной зависимостью от нее! Знает, что поступает неправильно, но разве в силах он сейчас изменить то, что складывалось на протяжении девяти лет безумия!?

Слишком долгий срок... Слишком долго он убивал ее, слишком долго она позволяла ему это.

Сейчас требовать от него объективности, понимания реальности, а не мнимости, было бессмысленно. Он бы увидел, услышал, почувствовал лишь то, что хотел бы увидеть, услышать и почувствовать. То, что уже нарисовало для него его болезненное воображение, которое складывалось и развивалось в эти годы.

Но Лена... От нее никто ничего не требовал. И она, наконец, созрела до того, чтобы понять реальность и принять ее такой, какой она была на самом деле, а не той, которую нарисовал для нее Максим и она сама.

И она увидела. Она изменилась.

Когда он вернулся из Москвы, он думал, что сойдет с ума от одного лишь взгляда на свою жену. Он никогда не думал, что ТАК скучал по ней, пока не увидел ее, стоящую рядом с собой.

Ему хватило и мгновения, чтобы, поймав ее замороженный взгляд, стремительно подскочить к ней и, сжав в объятьях, ощутить ее трепет кожей.

И тогда он понял, чего ему не хватило в столице. Ее. Ему не хватало Лены.

В воздухе витал аромат ее тела, звук ее голоса заглушал все посторонние звуки, и ее образ мелькал перед глазами. Он не мог без нее. Он ощущал какую-то подавляющую все остальные желания потребность видеть, слышать, чувствовать ее. Хотя бы услышать ее голос. Он силился не звонить ей, выключая телефон и переживая, что в его отсутствие ей может позвонить кто-то другой. Включал телефон, набирал ее номер и смотрел на дисплей невидящим взглядом, так и не решаясь нажать «Вызов».

Самыми невыносимыми были для него первые и последние дни командировки. Когда он сходил с ума от разлуки и явственно ощущал, что что-то навсегда уплывает. Лена уплывает от него... К другому?..

Звонки Воркутову с попытками узнать, как продвигается расследование, ничего ему не дали, потому что детектив отказался отвечать на вопросы до завершения работы. И Максиму пришлось сдаться.

Что-то по-прежнему держало его за горло и давило на грудь, сжимая ее тисками. С каждым днем все сильнее и сильнее. А когда Лена позвонила и сообщила о том, что Порошин нашел ей работу, Максим думал, что впервые в жизни совершит глупость, плюнет на переговоры и рванет назад. К ней. Чтобы оградить свою женщину от этого мужчины! Друга детства, чтоб ему гореть в аду...

Его пыл охладил Петя, вынудив остаться в Москве до завершения переговоров. И он сдался вновь.

Когда увидел сияющее радостью при виде него лицо жены, он подумал, что поступил верно, и, сжимая ее в объятиях, целуя красные щечки, нежные изгибы шеи и мягкие губы, все еще верил в то, что его опасения и догадки были плодом воспаленного воображения. Ощущая кожей ее страсть и испивая ее до дна, он отдавал ей то, чего никогда раньше не давал, чего никогда не рискнул бы ей отдать. И на ее крики отвечал ответными криками, и на слова любви, едва не сорвавшись, чуть было не ответил тем же.

И, казалось, что так и должно было. Что-то особенное, волшебное было в этих моментах их близости. То, чего не было раньше. Единения? Взаимности? Чувства?.. Он думал, что счастлив. Почти... До счастья нужно лишь дотянуться. Вот оно, стоит в шаге от него, и он может назвать его по имени... Л-е-н-а...

Но на следующий день он позвонил Воркутову, и они договорились о встрече в парке...

Он подвозил Лену до кондитерской и ощущал, как почти невыносимо сильно билось в груди его сердце. Словно предвещая беду, ощущая ее в парящей тишине спокойствия перед готовящейся бурей.

И он рад бы был не думать о том, какие материалы предоставит ему детектив, хотел бы переключиться на нее, эту дорогую сердцу женщину, без которой он не мог существовать.

И он переключился. Лишь на миг забыл о том, каким должно было продолжиться для него это утро.

Лена, смущенно потупившись, посмотрела на него и покраснела. Что-то такое было в ее взгляде, от чего у него чуть было не снесло крышу. Рыкнув сквозь зубы, он с силой притянул ее к себе и с силой поцеловал.

— Я буду тебя ждать после работы, — прошептала она ему куда-то в область шеи. Нежно коснулась кожи горячими губами, вызывая дрожь во всем теле. — После работы. Приходи...

Стискивая зубы, и едва сдерживаясь, у него хватило сил лишь на то, чтобы кивнуть, замороженно глядя на расплывшиеся в улыбке губы и искрящиеся глаза.

Лена, бросив на него быстрый взгляд, выскользнула из салона автомобиля и поспешила к зданию.

А он, как идиот, смотрел на ее удаляющуюся фигурку не в силах сдвинуться с места. Минут двадцать или даже полчаса. Пока не осознал, что опаздывает на встречу с Воркутовым.

Тот откровенно не был настроен на оптимизм или дружелюбие, и это не вызывало

радости в Максиме.

Брови его были сдвинуты, губы поджаты, говорил сдержанно и сухо.

— Вот, — проговорил он, протягивая Максиму большой увесистый конверт, — здесь фотографии.

И Максим понял, что его руки дрожат лишь тогда, когда конверт коснулся горячей кожи его пальцев.

— Здесь, — проговорил он сухим голосом, — здесь вся информация?

Воркутов, не глядя на него, кивнул. Засунув руки в карманы пальто, он поднял глаза вверх.

— Хотел бы вас попросить, — сказал он тихо, — перед тем, как вы откроете этот конверт.

Сердце бухнуло вниз, дыхание перехватило.

— Да?

— Очень прошу вас, — сказал мужчина, заглянув Максиму в глаза, — не делайте поспешных выводов. Это, конечно, не мое дело... я всего лишь частный детектив, который добывает информацию за деньги, но... я не хочу, чтобы вы совершили ошибку.

— Ошибку? — пробормотал Максим, стиснув зубы.

— Я сделал свою работу безупречно, можете не сомневаться, — коротко бросил Воркутов. — Просто хочу предупредить вас... — быстрый взгляд Максиму в глаза. — Не спешите делать выводы. Иногда, хотя и очень редко, слова стоят гораздо выше того, что мы можем увидеть.

Он тогда не понял, о чем говорил частный детектив. А сейчас банально боялся открывать конверт, чтобы понять их смысл. Ведь он понимал, что суть кроется именно там, за этой желтоватой шершавой бумагой. В этих фотографиях. Что он может там увидеть?! Что ужасного совершила Лена?.. Или же не совершила, и он просто себя накручивает?! Придумывает то, чего нет?.. Может быть, и не стоит думать об этом, а просто открыть конверт, избавив себя, наконец, от беспомощной слабости, сковавшей тело?..

Неожиданно зазвонил телефон. Незнакомая мелодия... Или все же знакомая?..

Максим нахмурился, пытаясь осознать, что его потревожило. Осмотрелся.

Острый темный взгляд замер на соседнем сиденье.

Лена оставила свой мобильный телефон в его машине. Забыла!

Он даже улыбнулся, радуясь тому факту, что у него осталась ее маленькая частичка.

Дрожащими пальцами он взял телефон в ладонь... И его глаза злобно сощурились.

На дисплее высветилось имя звонившего. Андрей.

Максим стиснул зубы так сильно, что на скулах заходили желваки. Порошин!

Наверное, ему не стоило отвечать. Конечно, не стоило!

Но, черт возьми, разве мог он просто проигнорировать этот звонок?!

— Да!?! — рявкнул он в трубку.

Молчание. Долгое, томительное, убивающее... И его нервы начинают лихорадочно трястись.

— Я вас слушаю! — сказал он громко и твердо.

Электрические разряды вонзились в него со всей своей силой.

— Кто это? — услышал он в трубке знакомый мужской голос, и едва не зарычал.

— Муж! — протиснул он слова сквозь сжатые губы.

Руки сжались в кулаки. Хотелось погромсать нарушителя спокойствия на кусочки.

— Мне... мне нужно поговорить с Леной, — сказал, наконец, Андрей. Тихо, но твердо. Максим нахмурился.

— Нет, тебе не нужно с ней разговаривать, — заявил он решительно, тяжело дыша. — Тебе не стоит с ней встречаться, не стоит даже смотреть в ее сторону!

— Не понимаю...

— А что тут непонятного, Порошин?! — почти закричал Максим, беспокойно заерзав на сиденье. — Я не желаю, чтобы Лена виделась с тобой! Это ясно?!

— А Лена знает об этом? — совершенно спокойно осведомился Андрей. — О том, что ты этого хочешь?

Максим яростно вцепился в телефон.

— Послушай, ты!.. — сдержанно выдавил он из себя. — Если ты не оставишь мою жену в покое!.. Я не знаю, что я с тобой сделаю, ты понял? Не смей и близко к ней подходить. Не вздумай ей звонить, забудь этот номер! Забудь о том, что вы вообще знакомы. Ты меня понял?

— Мне кажется, это не тебе решать, — заявил наглец. — Лена уже взрослая женщина, и она...

Максим взбесился.

— Я ее муж, и запрещаю...

— Именно потому, что ты ее муж, я и не оставлю ее одну! — выпалил Андрей решительно.

— О чем ты? — сквозь зубы выдавил он.

— Ты знаешь, о чем я! — коротко бросил Андрей. — Я не оставлю ее, я буду с ней ровно столько, сколько ей будет нужна моя помощь и поддержка.

— Моей жене не нужна помощь от тебя! — едва не задохнулся Максим от ярости.

— Я не позволю тебе ее убивать и дальше, это ясно?!

— Да какое ты имеешь право?.. Ты, сосунок!? Кто ты такой, откуда взялся?! Пока ты не приехал, у нас с Леной все было хорошо!..

— Да если бы я не приехал, Лена сошла бы с ума от жизни с тобой! — перебил его Порошин.

От правды закололо щеки, а сердце забилося в висках.

— Не лезь в наши отношения, — с угрозой предупредил Максим, сузив от злости глаза. — Это не твое дело.

— Это мое дело! Лена дорога мне...

— Она моя жена! — взревел Максим, не сдерживаясь. — Не смей и пальцем до нее дотронуться, понял меня?!

— Я буду рядом с ней до тех пор, пока она не скажет мне уйти, — стоял на своем Андрей. — А она не скажет этого, потому что ты убиваешь ее, а со мной она такая, какой и была десять лет назад!

— Я предупреждаю тебя, Порошин, — сквозь зубы прошипел Максим, едва сдерживаясь, — если ты не оставишь Лену и нашу семью в покое...

— У вас нет семьи! — перебил тот.

— Не подходи к ней, — упрямо заявил Максим. — Если ты не уйдешь сам, мне придется тебя заставить.

— Я не оставлю ее...

— Тогда молись! — яростно выкрикнул Максим. — Молись, потому что она моя, и

будет принадлежать мне! Третьему лишнему не место в наших отношениях!

— Ты сумасшедший, Колесников!.. — с изумлением выдохнул Андрей, тихо охнув.

Максим гортанно, зло рассмеялся.

— Вот и не связывайся с сумасшедшим! — сказал он с угрозой. — Я предупредил тебя,

Порошин. Я предупредил!

И отключился, отшвырнув телефон жены на заднее сиденье машины.

Да как он посмел?! Этот... этот... Порошин, мать его! Позвонил Лене, не постеснялся не побоялся.

Максим с силой ударил рукой по рулю, почувствовав боль в запястье, но не обратил на нее внимания.

Конверт, зажатый в ладони, стал давить на нервные рецепторы дрожащих от гнева пальцев.

Быстрый взгляд на него... Потемнели глаза, превратились в узкие черные щелочки...

Открыть. Увидеть. Подтвердить или опровергнуть!.. Он боялся. Как же он боялся увидеть там, что уже в его воображении красочно рисовало ему сознание. А еще этот звонок!..

Максим чертыхнулся в голос и снова ударил по рулю, но уже менее болезненно.

Что он почувствует, если увидит представшее перед его глазами доказательство своих подозрений?!

Трясущимися пальцами он сжал конверт сильнее, а потом, зажмурившись, разорвал его сбоку.

Он, наверное, слышал, как сердце, гортанно вскрикнув, рухнуло вниз, а потом, взлетело вверх, застыв в горле и надрывно настукивая громогласную мелодию его кончины.

Пальцы так сильно дрожали, когда он доставал фотографии из конверта. Так неистово билось где-то в горле сердце, когда он невидящим взглядом смотрел на то, что предстало перед ним. Так безудержно рвалась в виски тупая боль, раскалывая сознание надвое. Верить или нет...

Молился ли он в это мгновение? Да, наверное, молился. О том, чтобы те подозрения, которые атаковали его мозг миллионами настойчивых жужжащих насекомых, оказались лишь подозрениями.

И он думал, что ошибся. Он хотел ошибиться! Впервые в своей жизни он хотел ошибиться.

Но... фотографии ему не лгали. Жадным взглядом он пробежал от одной к другой, улавливая детали.

Вот Лена идет по тротуару, низко опустив голову... Почему не покрыла голову? Ведь заболеть может!..

А вот улыбается, глядя в грозовое, охваченное свинцовыми тучами небо... И ему так захотелось в это мгновение разделить ее радость!..

Вот она выходит из высокого, светящегося зеркальными окнами здания... Ходила к Каверину!..

А потом... Бежит навстречу... к нему!.. К Порошину!

Максим стиснул зубы, ладони сжались, глаза налились кровью...

А потом... вновь Лена. Идет на работу... Садится в такси... Прижимает к себе закрывшийся зонт...

И Порошин!.. Снова. Рядом с ней... В кафе... На улице... В парке!..

Все слилось в одно большое пятно. Сознание помутилось... На скулах заходили желваки, дыхание многократно участилось, и дышать стало болезненно тяжело, почти невыносимо...

Сердце оглушало своим бешеным биением, настойчиво рвалось в мозг, разъедало его ударами набата.

А перед глазами... Лена... Порошин!.. Лена... Порошин... Лена! И Порошин!..

На последней фотографии... уже не просто рядом... уже...

Он понял, что почва ушла из-под ног, земная ось накренилась и потянула его за собой...

Ведь на последней фотографии...

Он не мог поверить!.. До сих пор не мог поверить.

Смотрел, видел, даже разглядывал, каждую деталь, каждую мелочь. Какое на ней пальто, какой шарфик, сапожки... И волосы опять не прикрыты шапкой. Он сосчитал каждую складочку на лбу, в уголках губ, родинку у виска, небольшой шрам на подбородке, светлую прядь волос, упавшую на глаза... Он признался себе в том, что эта женщина самая красивая, которую он когда-либо в жизни видел!.. Она была его женой...

Но его мир медленно стал рушиться.

Ведь на последней фотографии его жена стояла в объятьях другого мужчины!.. В объятьях Порошина!

Дыхание стало разрывать грудь, Максим ощущал ту ноющую боль, что сковала его сердце.

Ярость застилала глаза, ослепляла, делала его безумным, почти сумасшедшим...

Порошин... этот наглый, самоуверенный мальчишка!.. Посмел, осмелился, рискнул!.. Поцеловать его жену... А Лена?.. Что же она? Как она посмела позволить сделать ему это?! Нет, она не могла... Не могла!..

Скрежеща зубами, резко отбросил кипу фотографий на соседнее сиденье. Глубоко вздохнул, сильно зажмурившись. Стиснул зубы и яростно ударил ладонями по рулю автомобиля, почти не ощущая боли, пронзившей руки. Отчаянно зарычал, издавая по истине звериный рык, снова яростно забарабанил ладонями по рулю, матерясь про себя, а потом и в голос. Не сдерживая эмоций, ярости, гнева, раздражения, обиды и бессилия.

Тяжело дыша, наклонился вниз, уткнувшись в руль горячим лбом.

Стремительно выпрямился, схватил фотографии в руки и поднес лицу. Поморщившись от неприязни и вмиг охватившего его омерзения, рассмотрел фотографию еще раз.

Как и предупреждал его Воркутов, он увидел лишь то, что желал видеть. Что уже нарисовало его воображение, чего он ждал, чего боялся, во что верил и не верил одновременно. То, что казалось невыносимым, но что оказалось правдой, истиной, сейчас представшей перед его взором.

Максим снова зажмурился, не желая видеть свою жену в объятьях другого мужчины.

Оказывается, это было больно. Так больно, что, казалось, грудь не выдержит этой боли и разорвется.

Лена, его Лена, которая обещала любить, хранить верность, не предавать и лгать!.. Предала и солгала!?

Он стиснул зубы, тяжело выпуская воздух сквозь плотно сжатые губы.

Возможно ли для него было поверить в то, что рисовало воображение и доказывали эти фотографии?!

Возможно ли для него было простить еще одно предательство?!

Возможно ли было сейчас отдать Лену кому-то другому!?

Отбросив фотографии в сторону так сильно, что те рассыпались по полу салона, Максим, уставившись на дорогу яростным взглядом, наполненным злобой и отчаянием, нажал на газ и рванул вперед.

Для него все уже было решено.

Наверное, даже тогда, когда, сжимая руль посиневшими ладонями, мчался вперед, вдавливая педаль газа в пол, он еще не верил. Не верил в то, что это могло случиться с ним. С ней. Только не с ней!

Он не верил... или не хотел верить в то, что она — именно она! — предала его. Снова. Солгала!..

Он, наверное, еще верил в то, что, если он спросит ее о том, правда ли это... то, что он увидел на этих фотографиях, она возмутится, закричит, обвинит его в ложных подозрениях! Он бы простил, он бы понял ее упреки и возгласы, он бы даже радовался им. Пусть кричит, сорвется, обидится, обвинит его в неверии и мнительности, но не покраснеет, не опустит взгляд, не уйдет от ответа. Это было бы красноречивым свидетельством того, что она виновата. И этой правды он вынести не мог. Она просто сводила его с ума.

Сжимая руль дрожащими пальцами и тяжело дыша, он весь день колесил по городу, помутившимися глазами вглядываясь в дождевую зябь пронесившихся мимо улиц. А перед внутренним взором его разгоряченного сознания всегда одна и та же картинка, как застывший, ежесекундно прокручиваемый кадр старого кинофильма. Лена в объятьях Порошина.

Злость, ярость, отчаяние, бессилие... Ревность, жгучая и отравляющая его нутро ревность. И он вновь мчался навстречу дождю, ветру, сотням встречающихся ему пешеходов, скрывающимся от стихии октября.

И не знал, как успокоиться, как смириться, как забыть... как выбелить из сознания недавнее видение!?

Забросил работу. Марина названивала ему на мобильный, но он сбрасывал ее звонки. Петя пытался до него дозвониться, но Максим мысленно посылал друга к черту и лишь сильнее вдавливал педаль газа в пол.

Поехал к месту ее работу. Невольно как-то, необдуманно, интуитивно. Остановился на стоянке перед двухэтажным зданием, выстроенным из красного кирпича, с высокими резными окнами и черепичной крышей. Это была большая кондитерская, уютная, шикарно обставленная изнутри, лучшая из тех, что были в городе. Но Максим сомневался, что у Каверина было хоть что-то, не кричащее о наличии у него денег.

У него были десятки причин, по которым он мог бы пойти сейчас к жене. Хотя бы для того, чтобы отдать ей телефон, чтобы договориться о встрече сегодня после работы, или попросить пообедать вместе. Десятки причин и столько же возможностей сделать это.

Но он просто сидел, опершись на руль, и, тяжело дыша, смотрел через влажное стекло на деревянную дверь, которая в этот миг разделила его от Лены стеной отчуждения.

Пятнадцать минут, двадцать, полчаса... Стрелки неспешно и вяло ползут дальше.

Он так и не зашел внутрь.

Не попросил позвать Лену, чтобы поговорить с ней. Чтобы обвинить ее!

Черт, ведь он имеет на это право! Сейчас, в это самое мгновение, когда на соседнем сиденье лежат доказательства ее обмана и ее неверности, у него было право злиться,

кричать, требовать у нее...

И вдруг... неожиданными отрывками их прошлых разговоров в памяти всплывали ее слова... Жесткие, грубые, сказанные назло ему, такие редкие от нее слова обвинения и откровенности...

Вспомнилось все. Девять лет ада, как картина кисти мастера.

И в центре всего этого хаоса мыслей и воспоминаний... Он. В объятьях другой женщины.

Бессильно прижался горячим лбом к рулю и закрыл глаза.

Идиот!.. Дурак!.. Ничтожество!..

У нее было намного больше поводов для ревности, чем у него. Девять лет ада, пять из которых он изменял ей с другими женщинами. Она не сказала ни слова, молчала. Терпела, верила... или делала вид, что верит. Единственное, что она так и не сделала — это не поговорила с ним. То, чего он ждал от нее больше всего. Она не сказала ему ни единого слова, когда он ждал от нее целого града кричащих обвинений и угроз. А сейчас... колесо судьбы, когда-то запущенное им, мгновенно повернулось в другую сторону, направив на него всю мощь своей ярости и беспощадности. Разбив вдребезги иллюзии о прочности и вере.

Но он не будет молчать, как молчала она. Не станет. Он разберется во всем. Поговорит с ней!

Но он так и не выбрался из машины. Даже тогда, когда в широком окне, захваченном в плен мелкими змейками дождя, мелькнула ее статная фигурка, облаченная в белый рабочий костюм. Он стоял так близко, что видел, как она улыбнулась кому-то, а потом растворилась в зеркальных бликах оконного стекла.

Сердце забилось в груди так громко и так сильно, что ему казалось, он задохнется от избытка биений.

Он приподнялся с сиденья, хотел открыть дверцу и помчаться к ней. Прижать к себе или застыть, глядя в изумленные карие глаза, и читать на ее лице признаки правды или лжи. Просто поговорить. Сейчас, в эту самую минуту. Обвинить? Увериться в своих подозрениях? Заклеймить позором?..

Но не осмелился. Побоялся.

Он был не меньше виноват в том, что произошло. Разве своими многочисленными изменами не давал ей повода? Разве сам не подвел ее к той черте, за которую она ступила, едва появилась возможность? Он отпустил ее всего на миг, краткий миг неизбежности... И она сделала роковой шаг. Оступилась?..

Черт побери! Он не имеет права обвинять ее. Не имеет права... Или же это право дает ему статус мужа?!

Он верил... черт побери, он все еще верил в то, что это обман зрения, и все, что он видел... ложь, ошибка, недоразумение... Что угодно, кроме правды!

С гортанным криком откинулся на сиденье, сильно зажмурившись. Боролся с собой, с шумом дыхания, вырывающегося сквозь цепко сжатые губы, со своими чувствами, переполнявшими его, как заполненная до краев чаша с ядом, с громким сердцебиением и участвующимся пульсом, с отчаяньем и желанием вырвать из груди раздирающую на части боль.

А через мгновение взревел мотор, и Максим, оставляя после себя поток серых брызг, рванул прочь.

Хотел набить морду Порошину. Даже руки сжались в кулаки при воспоминании о

старом друге жены. Сдержался. Каким-то чудом сдержал себя от того, чтобы связываться с ним, хотя даже направил машину в сторону, где находился офис их партнера. Но, взвизгнув тормозами, повернул в противоположную сторону.

Он его почти ненавидел. Соперник. Появившийся ниоткуда и невольно ставший слишком значимым звеном в их с Леной жизни. Пиком их отношений, гранью, чертой, точкой невозврата, точкой отчета.

И у Максима было сотни причин для того, чтобы его ненавидеть. И он ненавидел.

Глядя на желтый конверт, лежащий на соседнем сиденье, его охватывала ярость, и он помутившимися глазами вглядывался в дорогу, мечтая лишь о том, как сильно он расквасит этому мерзавцу физиономию. Он уже почти ощущал удовлетворение от этого удара, разливающееся по телу тепло и волшебный экстаз. Но через минуту успокаивался, уговаривая себя, что это не решит проблемы, и хотя остудит на мгновение его пыл и усмирит гнев, ничего не изменит.

Он колесил по городу, пронзая движением дождь и ветер осени, много часов подряд, на работу приехал уже после трех. Марина тут же кинулась к нему с вопросами и какими-то бумагами, Петр, встретивший его в приемной, накинулся на него с упреками и увещеваниями. А Максим, молча, ни на кого не глядя, стеклянным взглядом прожигая пространство, без единого звука прошествовал к своему кабинету и с силой захлопнул дверь прямо перед носами следовавших за ним людей.

Петр и Марина изумленно переглянулись, не успев произнести и слова, и дверь вдруг резко раскрылась.

Потемневшие синие глаза начальника прожгли насквозь обоих.

— Ни с кем не соединять, никого не впускать, меня не было и не будет, — отчеканил Максим сквозь зубы.

Марина ошарашенно кивнула, прижимая к себе кипу каких-то бумаг.

— Эээ, а с тобой все в порядке?.. — осмелился спросить Петр, обеспокоенно глядя на друга.

— Нет, — коротко бросил тот и стремительно захлопнул перед ним дверь своего кабинета.

Отбросил пиджак, расстегнул воротничок рубашки, тот стал отчаянно сдавливать горло, прошелся из одного угла в другой, выглянул в окно на проезжую часть. Постоял минуту, одной рукой удерживаясь о мокрое стекло. А затем стремительно преодолел расстояние от окна до шкафчика, дрожащими пальцами достал стакан и, налив желтоватой жидкости, осушил его одним большим глотком.

Время тянулось катастрофически медленно. Он сотни раз думал и передумывал, что ему делать и как поступить. Ругаться с Леной, кричать на нее и обвинять? А имеет ли он на это право после того, как и сам много раз оступался? Или поехать и набить морду Порошину, чтобы неповадно было уводить чужих жен?

Казалось, все те часы, что он сидел в кабинете, закрыв глаза и откинувшись на спинку кресла, или бродил по нему, меряя шагами комнату со стаканом виски в руке, он думал о том, что произошло. И мысли, надоедливым роем кружащиеся у него в голове, сводили с ума.

Он следил за медленным и скучным бегом стрелок часов, ожидая момента, когда подойдет к концу рабочий день жены, и радовался тому, что сможет, наконец, с ней поговорить.

Но долгожданная встреча с Леной невольно для него и совершенно неожиданно

превратилась в пытку.

Она подбежала к нему, стуча каблучками модных сапожек, сияя улыбкой, счастливая и довольная, а ему вместо того, чтобы порадоваться этому, подивиться ее дивной красоте, хотелось едко осведомиться, не Порошин ли является причиной ее хорошего настроения.

Какая глупость! Какое редкое отклонение!..

Но кто сказал, что ревность не будит в нас безумие во всех его проявлениях?..

Он застыл на сиденье с мрачным лицом, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться. Отвернулся от нее.

Лена потянулась к нему для того, чтобы поцеловать, но он не позволил ей этого сделать. Отстранился и, не глядя на нее, завел мотор. Машина мгновенно рванула с места.

Лена ошарашенно смотрела на него, не понимая причины столь явного равнодушия и отстраненности.

— Что-то случилось? — проговорила она, бледнея.

— Нет, — коротко бросил Максим, все еще не глядя на нее. Боялся, что, если посмотрит в ее глаза, то увидит в них правду. Ту правду, которую ни видеть, ни слышать не хотел.

— Но я же вижу, — опустил глаза, сказала девушка. — Что-то на работе?..

— Нет, не на работе, — с расстановкой выдавил из себя Максим и сильнее сжал руль. А потом, не выдержав, добавил: — Ты забыла телефон у меня в машине сегодня утром.

Лена улыбнулась уголками губ и посмотрела на него.

— Да, я знаю, — кивнула она. — Я хотела тебе позвонить, но не нашла его в сумке, — глаза ее блеснули. — Мне кто-нибудь звонил?

Плечи мужчины дрогнули, спина напряженно вытянулась, губы сжались.

— Звонили, — жестко выдавил из себя. — Наверное, тебя это порадует, — помолчал. — Тебе звонил Порошин.

Лена вздрогнула и отшатнулась, как от удара. Отвела взгляд потухших глаз к окну и спросила:

— А почему это должно меня порадовать?

— Потому что он твой... друг, — сдержанно сказал Максим. — Разве звонок друга не должен радовать?

Лена промолчала. Сердце ее стучало так громко, что она боялась, что его стук может быть услышан.

— Андрей очень хороший человек, — проговорила она. — Он помог мне с работой, я его знаю много лет. И он не сделал ничего плохого, чтобы заслужить такое к нему отношение.

«Кроме того, что соблазнил мою жену?!» хотелось закричать Максиму, но он лишь стиснул зубы.

— Какое отношение? Он лишь мой партнер и твой... приятель, — фыркнул он. — Или я чего-то не знаю?..

И тут он решился. Стремительно перевел взгляд на нее. Вызывающий, сковывающий, колкий взгляд.

Лена сжалась и, сглотнув, смотрела на него не в силах отвернуться. Все внутри нее дрожало.

— Что ты хочешь знать? — спросила она, вскинув подбородок.

— Все.

Она вздохнула и откинулась на сиденье.

— Ты и так знаешь все, — коротко бросила она и отвернулась к окну. — Андрей твой партнер и мой друг.

Он смотрел на нее долго и пристально, изучая, улавливая изменения на ее лице, в глазах, в подрагивании ресниц и шевелении губ. А потом отвернулся.

Он хотел ей верить, хотел бы знать, что она говорит правду и быть уверенным в этом. Но все твердило, кричало и вопило о том, что он заблуждается. Что-то изменилось в ней. Слова и тон голоса, повороты головы и касания рук, пустота и наполненность чувствами глаз, вздернутый подбородок...

То, как она говорит, как двигает, как вздрагивает, как дышит... Все, все, все стало иным!

И он хотел разобраться, понять, выслушать... Может быть, все можно вернуть? Сделать прежним?.. На круги своя возратить то, что, кажется, уже стало потерянным и забытым?..

Но сделать этого оказалось не под силу обоим.

Чувства — хрупкое дорогое стекло. Стоит совершить одно неверное движение, и они могут разбиться.

И на следующий день все для них рухнуло окончательно.

Уже в тот миг, когда Максим вернулся из Москвы, Лена поняла, что что-то изменилось. Для них изменилось, для их отношений. Изменился их мир, ее и его. Словно когда-то оттолкнутые друг от друга, теперь они вновь стремились, летели навстречу своим чувствам. Но вновь падали, сокрушенные их силой.

Она понадеялась на то, что все еще можно исправить, вернуть, склеить разбитую когда-то чашу горечи, наполнив ее искрящимся счастьем. Она еще верила, она еще надеялась. Как оказалось, напрасно.

Было что-то волшебное, дающее эту слепую надежду. В том, как он тогда смотрел на нее, как говорил, нашептывая ее имя задыхающимся от переизбытка чувств и эмоций шепотом, зарываясь лицом в ее волосы и с шумом вдыхая их колдовской аромат. И в том, как он сжал ее в своих руках, таких теплых, по истине, любящих объятьях, тоже было что-то волшебное. Она парила тогда, она летала на крыльях счастья. Светилась, сияла, наконец, впервые за столько лет боли почувствовав себя счастливой, за столько лет одиночества ощутив себя нужной и любимой.

Но что-то вновь треснуло, пошло по швам, рухнуло. В один миг, в единое мгновение.

Почему так нестабильна, так непостоянна и переменчива жизнь?! Кажется, что вот оно — счастье, твоя рука держит его в ладони, и вдруг... это уже не счастье. Это новая боль, еще более злобная и ужасающая по своей разрушительной силе.

Они молчали всю дорогу до дома, когда Максим забирал ее с работы. Ни слова не сказали друг другу, хотя им так много нужно было друг другу сказать. Им нужно было кричать! Они должны были поговорить!

Но Максим упрямо смотрел лишь на дорогу, не обращая на жену внимания, словно не замечая ее. А Лена, задумчиво глядя в окно, думала о том, что могло так резко перемениться за какие-то пару часов.

Она понимала, что все дело в этом звонке. Звонке от Андрея. Максим ревновал ее к нему. И она знала, почему. Андрей надеялся на нечто большее, чем просто дружба, и Максим чувствовал это в нем. Ощущал, исходившую от этого мужчины опасность. Потому что с Андреем она была той прежней Леной, а с Максмом лишь пыталась выжить на руинах

того, что осталось от их семьи.

Но она не могла отказаться от дружбы с ним окончательно. Не смогла бы предать эту дружбу вновь, как уже сделала однажды, это было бы наивысшей подлостью и предательством. Но и объяснить Максиму ту правду, которая была на самом деле, она не могла. Он бы не стал ее слушать. Оказавшись словно между двух огней, ей пришлось выбирать. И она сделала выбор в пользу мужа.

Андрею в этот день она так и не позвонила.

Если бы она только знала, как заблуждается, как ошибается в людях!..

Они в немом молчании преодолели расстояние до дома, молча поднялись на свой этаж, молча открыли дверь, молча вошли внутрь, словно чужие друг другу люди. Она потрясенно дрожала, не зная, что сказать и как сгладить эту безумную и сводящую с ума атмосферу отрешенности, горящую пламенем невысказанных вслух признаний и откровений. А когда муж внезапно остановился, Лена резко обернулась к нему, впервые посмотрев на него за те несколько минут, в течение которых они добирались до дома.

Взгляд, встретивший ее удивление, был тяжелый, дышащий невысказанными вслух словами и горящий искрами противоречий, терзающих душу.

Лена пошатнулась и часто заморгала.

— Мне, пожалуй, нужно проветриться, — проговорил Максим, отступив к двери. — Я недолго.

Она смогла лишь зачарованно кивнуть, глядя на то, как он растворяется в полумраке лестничной клетки, и вздрогнув от легкого хлопка закрывшейся двери. Через мгновение она оседает на стоящий у стены стул и, закрыв глаза, решает ни о чем не думать. Но ни о чем не думать не получается. Сотни мыслей режут мозг. Где он и с кем? Чем сейчас занимается и кому дарит свое тепло?

Ревность почти сводит ее с ума, когда она, слоняясь по квартире, словно тень, то и дело подходит к окну и выглядывает на подъездную дорожку в надежде увидеть там автомобиль мужа. А его все нет и нет.

Только в половине одиннадцатого Максим пришел домой.

Она сидела в кресле и пыталась читать книгу, а при звуке открывающейся двери застыла.

— Почему ты не спишь? — устало спросил Максим, проходя в комнату и на ходу снимая пиджак.

— Я ждала тебя, — привстав в кресла, сказала Лена. — Ты будешь есть? Я подогрею...

— Нет, — отказался он вновь усталым голосом. — Эээ, я в душ, а потом спать. День какой-то... — он запнулся, а потом выдавил: — Сумасшедший.

Глядя на его удаляющуюся напряженную спину, девушка думала о том, что он прав. Сумасшедший...

Нерешительно сделав несколько шагов в сторону ванной, она последовала за ним, желая почувствовать на теле тепло и нежность его прикосновений, осознать, что она принадлежит ей одной, как вчера, когда он вернулся из Москвы. Ведь она чувствовала тогда, что он принадлежит лишь ей. Ей одной. И задыхалась от горящего внутри нее счастья, растворяясь в Максиме и отдавая себя ему без остатка.

Но сегодня муж, казалось, удивившийся ее внезапному порыву, в замешательстве покачал головой.

— Не сегодня, Лена, — сведя брови, проговорил он. — Извини, — и захлопнул дверцу

душевой кабинки.

Горячий и тугой комок рыданий застыл в ее груди, и она, ничего не понимая, вышла из ванной, ощущая соленый привкус слез на языке. Ощущая себя совершенно потерянной и разбитой.

Когда Максим вышел, она уже лежала с закрытыми глазами в постели, делая вид, что спит. И муж, не сказав ни слова, просто лег рядом с ней, не прикоснувшись к ней, даже поцеловав на ночь.

Утро они встретили порознь. Максим уехал, когда она еще спала, и Лена, проснувшись одна в пустой постели, была обескуражена и изумлена. Раньше он никогда так не поступал. Только сейчас. Зарывшись с головой в одеяле, Лена еще долго лежала в кровати, приходя в себя.

На работе в этот день ничего не клеилось. Все валялось из рук, она была медлительной и нерасторопной. На нее косо поглядывали, этично осведомляясь о том, хорошо ли она себя чувствует, а она качала головой.

— Лена, — обратился к ней директор, по-дружески тронув за плечо, — может, тебе стоит отпроситься? Мне кажется, ты себя неважно чувствуешь.

Но девушка наотрез отказалась, пообещав прийти в себя и полноценно приняться за работу. Почти получилось. Работа приносила так нужное ей в тот момент удовлетворение и успокоение. Хотя сегодня все и было иначе, чем всегда, и от беспокойства хотелось лезть на стену, стирая колени в кровь.

Максим не звонил ей весь день, а его телефон находился вне зоны доступа. О том, где он, не знали и на работе. Она звонила туда пару раз, но Марина изумленно отвечала, что не знает, где находится Максим.

Ее же мобильный сегодня накалился от звонков. Не от того человека, чей голос она жаждала услышать.

Весь день ей названивал Андрей. Но она ответила ему лишь раз. Попросила больше ей не звонить. По крайней мере, не в ближайшее время, попросив подождать, пока все успокоится.

И мучаясь угрызениями совести, прижималась спиной к стене в бессильной попытке не упасть.

С болью в сердце она ждала окончания рабочего дня и, когда, не дозвонившись до мужа и во второй половине дня, выходила из кондитерской, спешила домой с тяжелым сердцем.

Чувствовала — что-то случилось. Или должно было случиться.

Она не ожидала встретить у своего подъезда Андрея, где угодно, но только не здесь, а потому испуганно отшатнулась, когда его высокая фигура выплыла из-за кустов сирени, росших под окнами многоэтажки.

— Андрей? — глаза ее изумленно расширились, и девушка застыла. — Что ты здесь делаешь?

Он сделал к ней несколько шагов. Вид мрачный, помятый, словно не спал всю ночь.

— Тебя жду, — он неопределенно махнул рукой. — Ведь ты запретила мне звонить тебе. И я пришел.

Лена оглянулась назад, на двери подъезда, чтобы удостовериться в том, что их никто не видит.

— Я не хочу, чтобы ты звонил, — сбивчиво проговорила она. — И приходить тебе тоже не стоило.

— Но почему?! — воскликнул мужчина, делая еще один шаг вперед и пытаясь схватить ее за руку. Поджал губы. — Это из-за него, да? Из-за Максима?

— Он мой муж!

— Он изверг, — безжалостно возразил Порошин. — Чего-то иного я о нем не знаю.

Лена задохнулась от возмущения.

— Андрей!

— Что?! — жестко выкрикнул он. — Ты этого не знаешь? Хочешь сказать, что будешь притворяться?! Не подтвердишь, что он тебя убивает?! Уже девять лет подряд! Черт побери, Лена!.. — Андрей сделал к ней быстрый шаг и захватил в плен ее тонкие запястья, прижав несопротивляющуюся девушку к себе. — Что ты творишь, подумай... Неужели не видишь всей правды? — его голос стал тихим и почти умоляющим. — Неужели будешь лгать мне, самой себе, окружающим?.. Ради чего или ради кого? Ради него?! А стоит ли он этого!? Стоит ли твоих страданий, слез и боли!? Стоит?! — он встряхнул ее, но девушка так и не пошевелилась, зачарованно глядя другу в лицо.

— Я люблю его, — прошептала она горланно. — Это меня оправдывает.

— Да не любовь это! — не выдержал Андрей и, заметив, что Лена испуганно вздрогнула при его словах, усмирил свой гнев. — Не любовь. Неужели ты не понимаешь?.. Зависимости какая-то, болезнь...

— И от нее нет лекарства, — грустно подтвердила девушка, опуская подбородок. — Ведь так?

Андрей тяжело задышал и вдруг низко наклонился к ней, она чувствовала его дыхание на своих щеках. Коснулся рукой выбившихся из-под шапки золотистых прядей и заправил их за ухо, провел тыльной стороной ладони по бархатистой матовости кожи лица, пальцем коснулся ее губ.

— Я могу тебе помочь, — шепотом проговорил он. — Если ты мне позволишь... если ты только позволишь мне быть с тобой рядом... Я буду. Я никогда тебя не оставлю, никогда не обижу. Только позволь мне... — его шепот превратился в сдавленное дыхание, вырывающееся сквозь приоткрытые губы, а уже в следующее мгновение Андрей наклонился к ней и завладел ее губами, нежно касаясь их поцелуем.

Опешив на несколько секунд, девушка просто стояла не в силах пошевелиться, а когда осознала, что происходит, зашевелилась, возмущенно застонала ему в рот и попыталась отстраниться. Забилась в его руках, стараясь оттолкнуть мужчину от себя.

Его пальцы скользнули по ее щеке и подбородку, губы все еще хранили отпечаток ее поцелуя, и он не собирался ее отпускать так просто. Он навис над ней и отчаянно зашептал:

— Лена, послушай меня... Я сделаю так, как ты хочешь. Все будет лишь так, как ты скажешь, я не пойду дальше, если не получу разрешения от тебя...

— Отпусти меня, — выдавила из себя девушка, испуганно озираясь по сторонам.

— Пойми, — настойчиво шептал Андрей, не выпуская ее из плена своих рук, — ты не будешь с ним счастлива. Девять лет ничего не решили, что могут решить последующие?! Он просто уничтожает тебя... Я не могу смотреть на это. Ты достойна лучшего, большего... Самого лучшего!..

— Отпусти!..

— Я могу дать тебе это, — словно не слыша ее, продолжал говорить Андрей. — Клянусь, я сделаю все от меня зависящее, чтобы ты была счастлива. Я горы для тебя сверну, если будет нужно... Никогда не позволю, чтобы ты плакала, чтобы ты страдала... Разведись

с ним, он тебя погубит. Останься со мной...

— Отпусти меня! — выкрикнула Лена, вырываясь из рук объятий. — Отпусти!

И он отпустил. Зачарованно смотрел в ее лицо а потом отступил.

— Он мой муж, — дрожащим голосом проговорила она. — Я люблю его. Да, может быть, это болезнь, я не знаю... Но того, что мы вместе, уже ничто не изменит, — она всхлипнула, зажав рот ладошкой.

Андрей тяжело вздохнул, затем резко выдохнул, поднял разгоряченное лицо вверх и выкрикнул:

— Почему он, черт побери?! Почему он, а не я?! Ни тогда, ни теперь!.. Почему не я?!

Лена затряслась.

— Я не достойна твоей любви, Андрей, — тихо сказала она, отступая к двери. — Ни тогда была не достойна, ни теперь, — повернулась к нему спиной, ощутив, как задрожали плечи. — Уходи, Андрей. Пожалуйста, уходи... Ты ничего не изменишь.

— Лена!.. — попытался остановить ее Порошин.

— Уходи! — выкрикнула она нервно и, схватившись за ручку, скрылась в подъезде.

Ноги почти не держали ее, она прижалась спиной к стене и закрыла глаза. Тяжело задышала, стараясь выровнять дыхание и унять бешено колотившееся сердце. Стиснула зубы и слушала, как вырывается сквозь плотно сжатые губы громкие вдохи и выдохи. Сглотнула и раскрыла глаза.

Отчего, откуда это ужасное, подавляющее чувство бессилия?.. Предательства?..

Пошатываясь, она добрела до лифта. Руки дрожали, когда она открывала дверь квартиры.

Андрей, Андрей, Андрей!.. Как же ты был прав, как прав! Но подумала она об этом лишь потом.

Почему она не почувствовала дурманящего чувства опасности, сковавшего горло, когда входила внутрь? Почему не ощутила ее кожей, не почувствовала ее удушающе приторный запах? Почему, прислонившись лбом к холодному металлу и закрыв глаза, не ощутила скользкие пальцы беды на своих плечах, — они сжимали ее плотным кольцом. Почему не обратила внимания на трепещущее сердце и колотившийся в ушах пульс?..

— Где ты была?

Резкий окрик заставил ее встать и резко обернуться назад.

— Максим?..

Ее изумлению не было предела. Он дома?! Но почему, как?.. Она звонила ему весь день...

— Ты еще помнишь, как меня зовут, — холодно процедил он, — просто замечательно!

Сердце задрожало в груди, трясущиеся руки сжали связку ключей. Лицо горело, как горело и все тело.

— Ты дома? — пробормотала она, растерянно пробегая глазами по комнате и стараясь не смотреть на него.

— Как видишь, — коротко бросил он и скрестил руки на груди. — Но ты не ответила на мой вопрос.

Лена часто и тяжело задышала. Что-то в ней надломилось в этот момент. Чувства пересекли допустимый предел, а эмоции готовы были рвануть изнутри ее существа фонтаном жидкой лавы.

Опасность, беда, несчастье, трагедия... Она летала в воздухе, ее можно было попробовать

на вкус.

— Где ты была, я спрашиваю? — жестко повторил Максим, окинув ее острым уничтожающим взглядом.

Еще один шаг в пропасть. Еще один толчок в спину. Еще одно обвинение, которое она не будет терпеть.

— На работе, где я еще могла быть, — сказала она устало и дрожащими пальцами расстегнула пальто.

— На работе...

— Да, я работаю, если ты помнишь, — проговорила она, избегая его взгляда, и, повесив пальто на вешалку, шагнула вперед. Ноги стали ватными и вот-вот готовы были подкоситься. Но плотина, хранящая чувства от потопления, вот-вот готова была прорваться.

— Ну, конечно, — сказал муж, и яд тона его голоса заставил ее застыть, — такая работа отнимает все время!

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, часто и поверхностно задышав.

Не стерпит, не вынесет, не промолчит... Не сейчас, когда все в ней горит и пышет пламенем.

Максим шагнул к ней и навис над девушкой ледяной скалой жестокости и безжалостности.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

Время застыло. Ее сердце рвалось изнутри раненой птичкой. Она подняла на него твердый взгляд.

— Нет, — покачала она головой и сделала шаг вперед, обходя Максима стороной, — не понимаю.

Он молчал, когда она отступала, молчал, когда продвигалась к спальне, когда на подкашивающихся ногах прошествовала мимо него. Он ни слова не произнес. Но она чувствовала его обжигающий взгляд на своей спине. От него замирало сердце и сводило судорогами тело.

А через мгновение муж бросился за ней следом.

— Что, твой любовник отнял так много сил, что ты не в состоянии даже поговорить с мужем?

Лена застыла, как вкопанная, и резко обернулась, взирая на Максима широко раскрытыми глазами.

— Что?!

Он сделал стремительный шаг вперед, сокращая возникшее между ними расстояние.

— То, что слышала!

Она не сразу заметила лежащий на столе желтый конверт, лишь, когда Максим, сверкая язвой взглядом, схватил его и сунул ей в лицо, она удивилась, как не обратила на него внимания.

— Что это?.. — она и не поняла, что ее голос сошел на шепот.

— Смотри сама, — жестко бросил Максим.

И она развернула конверт.

Когда фотографии коснулись ее пальцев, она тихо вскрикнула.

— Что, не ожидала такого? — гневно продолжал мужчина. — Смотри, смотри, все самое интересное впереди!

И она смотрела. Смотрела, видела и не верила... Все это не укладывалось в ее сознании.

Обжигающие пути сомкнулись вокруг ее горла, вынуждая постанывать и всхлипывать вместо того, чтобы кричать. Вопить, протестовать, возмущаться подобному беспределу. Стрела боли пронзила насквозь, отозвавшись эхом в каждом волоске на ее теле, в каждой клеточке ее существа.

Она подняла на омраченное яростью лицо мужа изумленный, ошарашенный взгляд.
— Это... что?.. — произнесла она надрывно. — Ты... ты что, следил за мной?..

Чтобы сдержать рвущийся изнутри стон, девушка прикрыла рот ладонью.

Не верила. Не хотела верить в то, что такое вообще возможно. Своего рода предательство!

Тело наполнилось новой болью и проткнуло ее до основания. Яркая вспышка негодования сверкнула в ней и загорелась обжигающим костром возмущения.

Как он посмел?! Лицо ее исказилось, губы поджались, брови сошлись на переносице.

Фотографии выпали из ее заледеневших рук и рассыпались возле ног.

— Следил? — повторила она дрожащим, но уверенным голосом.

— Да, следил! — заявил Максим. — А что мне еще оставалось?! Ты крутила шашни с каким-то мужиком...

— Я не крутила никакие шашни! — выкрикнула она в ответ, уже не сдерживаясь. — Никогда, никогда...

— А это тогда что?! — безжалостно указал он на фотографии. — Что. Это?! Недоразумение? Ошибка? Что?!

Лена ощутила, что ей не хватает воздуха. От предательства, от подлости обвинения, от обиды за себя и свою любовь, которая берегла, как драгоценность, как реликвию многие годы ада.

— Это подло, — прошептала она, сглотнув комок остроты в горле. — Как же это подло!..

Она изумленно воззрилась на него. Неужели он смог, неужели осмелился, отважился так поступить с ней? С ними?! Но как, почему?.. Она никогда не давала ему повода! Никогда... Никогда за эти годы!

— И как долго это продолжалось? — спросила она, поднимая на него быстрый взгляд. — Месяц, два, три?!

Поток раскаленной лавы хлынул изнутри нее, поглощая все обещания и былые уверения жаром обмана.

— Когда я был в командировке, — бросил Максим с вызовом. — Я нанял частного детектива.

Лена задохнулась от возмущения и обиды.

— Частного детектива?! Черт возьми, — выругалась она, — да ты не поскупился!

И она истерически рассмеялась от злости и обиды.

— Я не хотел этому верить, — сказал Максим, не оправдываясь, но желая объяснить. — Хотел поговорить, все выяснить... Но ты... — глаза его мгновенно сузились, руки сжались в кулаки, он ступил к ней и застыл. — Ты не оставила мне выбора! Сегодня, — тон его голоса стал жестким почти жестоким. — Когда обнималась со своим любовником прямо под окнами нашего дома! — и слова вонзились в нее наконечником копья. — Ты считаешь это нормальным? Приемлемым? Достойным? О чем ты вообще думала, черт возьми?!

И она не выдержала. Большой шар обиды взметнулся в ее мозг и взорвался, ослепляя ее

своим светом.

Защищаясь, она вызывающе вздернула подбородок, стремясь заглянуть мужу в глаза.

— А о чем думал ты, когда спал со всеми девицами в своем окружении?! Занимался с ними сексом, а потом приходил ко мне! — Лена в отчаянии заломила руки. — Ты думал о том, как мне было больно?! Думал?! Да у меня душа болела, меня всю выворачивало, когда ты меня касался после них! Почему ты не подумал обо мне тогда?! И что ты считаешь достойным и приемлемым в этом случае?! — глаза ее яростно блеснули.

— Это другое... — вымолвил Максим, шагнув к ней. — Совсем другое...

— Другое?! — изумленно воскликнула девушка. — В чем же другое?! Ты изменял мне пять лет! Целых пять лет. Ты хоть представляешь, как это много?! И полагаешь, я этого не знала?! Да я думала, что задохнусь! — она словно выплюнула эти слова. — Я уйти от тебя хотела, да только не смогла. Считала, что все еще может получиться, все еще вернется назад, ведь можно как-то все склеить, подшить, забыть... — она вздохнула. — Нет, черт возьми! Андрей был прав, нельзя! Нельзя уже ничего склеить!

При упоминании имени Порошина Максима передернуло, глаза его потемнели и налились кровью.

— Нельзя ничего вернуть. Нельзя исправить. Нельзя быть дальше вместе! — она ткнула пальцем в кипу фотографий, лежащих у ее ног. — После этого — нельзя.

Глаза Максима сощурились.

— Что ты имеешь в виду? — с подозрением, жестко осведомился он.

Лена гордо вскинула подбородок и поджала губы.

— Мне надоело быть все терпящей, все понимающей и прощающей женой самого отъявленного мерзавца на планете! — выплюнула она едко. — Надоело, черт побери! Не буду больше терпеть. И прощать не буду! — она заглянула ему в глаза. — Я ухожу. Перееду к твоим родителям, надеюсь, они не откажутся меня принять у себя на некоторое время...

— Что. Ты. Делаешь? — по словам переспросил Максим, становясь мрачнее тучи, и стремительно метнулся к ней, подойдя к ней почти вплотную.

— Ухожу. От тебя, — повторила она. — Ты говорил, что нам нужно поговорить, ну так вот мы и поговорили.

Она резко повернулась к нему спиной, дрожа от гнева и несдерживаемой ярости. Ее колотило, сердце билось громко и отчетливо. Руки тряслись, грудь сдавило, и девушка стала задыхаться. Из горла рвались стоны и рыдания, но она не издала ни звука, упрямо стиснув зубы и зажмурившись.

— Пойду соберу вещи, — прошептала она и решительно сделала шаг вперед.

И в это самое мгновение Максим грубо дернул ее за руку, вынуждая повернуться к себе лицом.

— Ты не уходишь, — сказал он жестко, сжимая ее плечи. — Я тебя не отпускаю, это ясно? Не отпускаю.

— А мне не требуется твое разрешение! — вызывающе бросила она ему в лицо, попытавшись увернуться.

— Я твой муж, черт побери, и ты...

— Нужно было думать об этом, когда залезал под юбку каждой встречной девице, а не сейчас!

Он сжал ее руки и притянул девушку к себе. Она испуганно вскрикнула, увидев ярость, исполосовавшую его мрачное лицо.

— Ты не уйдешь, я сказал!

— Отпусти меня!..

— Ты моя и моей останешься! То, что было между нами, нельзя просто так перечеркнуть!

— Ты не уважал то, что было между нами, значит, оно ничего для тебя не значит! — выпалила Лена, и когда захват его рук стал грубее, она дернулась и выкрикнула снова: — Отпусти меня!

— Ты пойдешь к нему? — сквозь зубы, гневно выдавил он. — К Порошину, да?

— Андрей мой друг!

— А я твой муж!

Он стиснул ее еще сильнее, причиняя боль и оставляя следы на нежной коже, но уже не обращал на это внимания. Единственное, к чему он сейчас стремился, это сломить ее волю, ее сопротивление, доказать ей ту истину, которую считал единственно верной. То, что она должна принадлежать только ему.

— Отпусти меня! — из последних сил выкрикнула Лена, попытавшись вырваться и оттолкнуть Максима от себя, но не смогла, он навис над ней, не давая возможности вырваться из железного захвата своих рук.

— Никогда! — яростно прошипел он ей в лицо и стремительно прижался ртом к ее приоткрытым губам, сменяя их порабощающим властным поцелуем.

Лена, вначале опешившая, мгновенно опомнилась и стала вырываться с еще большей силой. А когда его дерзкий язык по-хозяйски проник в ее рот, она дернулась и задела губы мужа зубами. Тут же ощутила на языке привкус крови. И задохнулась от ужаса.

Максим отстранился и пронзил ее насквозь острым, как бритва, взглядом. Лена застыла на краткий миг, пораженная и скованная страхом. Таким она мужа никогда не видела. Попыталась вырваться, но не смогла.

Мужчина, не произнося ни слова, вновь накрыл ее губы своими, грубо и жестко, словно оставляя на ней свою метку. Горячие руки коснулись одежды и рванули ее на себя. Блузка подалась мгновенно, обнажая кружевной бюстгальтер. Его ладонь накрыла полушарие груди и, нащупав сосок, стала его поглаживать.

— Нет!.. — смогла выкрикнуть Лена, но тут же была прижата к мужской груди.

Максим стремительно развернул ее и толкнул к кровати. Потеряв равновесие, девушка упала на нее, а он накрыл ее своим телом, не выпуская из своих тисков. Он продолжал насиловать ее рот языком в то время, когда одна рука стянула с Лены кружево бюстгальтера, а вторая грубо рванула юбку вверх, обнажая ноги, облаченные в черные чулки.

Лена попыталась вскрикнуть и воспротивиться. Она билась и вырывалась, всем своим существом показывая, что не желает того, что должно было произойти. Грубое насилие. В ее голове билась одна единственная мысль — спастись!

Ее била дрожь, холод прошелся вдоль позвоночника, в ушах звенело, пульс врывался в запястья и эхом отдавался в горле, а предательское тело отвечало на грубые ласки насильника. Горело, пылало, ждало...

Рука Максима скользнула между ее сведенных, крепко сжатых ног, и Лена закричала.

— Отпусти меня!.. Максим!.. Отпусти!!!

Он не подчинился, продолжая свои действия и движения. Но в какое-то мгновение он не смог ее удержать, и ее рука, взметнувшись вверх, коснулась его лица резким и оглушительным ударом пощечины.

Застыли оба. Лена, тяжело дыша, полуобнаженная, с разорванной блузкой и приподнятой до талии юбкой. И Максим, возбужденный, горячий и жаждущий получить то, чего хотел, желая доказать свою правду. И не намеренный ее отпустить.

В мгновении ока он наклонился над ней, и Лена почувствовала его руки на своих бедрах. Испуганно вскрикнула и попыталась защититься, сведя ноги, но Максим одним движением стянул с нее трусики и коснулся руками сосредоточия ее естества.

От стыда и страха на ее глазах выступили слезы. Она попыталась вырваться еще раз, хотя и понимала, что это делать бесполезно. Сбросить с себя тело мужа не удалось.

Отчаяние разорвало ее грудь.

Она слышала звук расстегиваемой молнии, а еще через пару секунд почувствовала его горячую плоть у входа в свое лоно. Все в ней встрепенулось и взорвалось ярим протестом и криком негодования. Она забилась под ним, пытаясь уйти из-под захвата, но уже через несколько секунд ощутила, как он стремительно врывается в нее, невзирая на ее протесты и возгласы.

И ей уже не хочется ничего. Она застывает под ним, подавленная и раздавленная. Порабощенная.

Максим ускоряет движения, превращая насилие в какой-то бешеный марафон. Двигается быстро, резко, почти грубо, доставляя ей боль своими движениями. Захватывает ее волосы и наматывает их на кулак, дышит в шею прерывисто и тяжело, постанывает ей в ухо, не переставая при этом наращивать темп. Еще мгновение, краткий миг стыда и одиночества, Максим стонет в голос, сжимая Лену обеими руками до боли во всем теле, а потом, совершив последнее, ключевое движение, падает на ее недвижимое безжизненное тело с гортанным криком, вырвавшимся из груди. Целует ее в шею, проводит губами до подбородка.

Но помутненным сознанием понимает, что это конец. Лена ему этого никогда не простит.

17 глава

«Прощай,

позабудь

и не обессудь...»

Иосиф Бродский

Сколько человек может выдержать? Каков порог его терпения? Его верности своим идеалам и убеждениям?

Сколько может вынести любящая женщина ради того, чтобы попытаться сохранить то, что еще осталось от ее любви?.. Измены, повторяющиеся из раза в раз, как пробег стрелки часов по кругу. Презрение любимого, ставшее уже привычным. Чувство вины, которое с годами настолько вросло в нее, что стало необходимым, как воздух. Предательство?.. Но что может считать предательством женщина, которая и так уже простила и вытерпела слишком многое?! Она думала, что готова ко всему. Но оказалась неподготовленной к тому удару, который нанесла ей жизнь.

Подобное предательство не смогла вынести и простить, как прощала всегда.

Лена думала, что пойдет на все, чтобы удержать на краю ладони хотя бы шанс на ту любовь, которая была все жизни лишь краткий миг. Думала, что выдержит все, что преподнесет ей судьба, ведь она никогда ее не баловала. Ни разу — за эти девять лет, и Лена уже привыкла к тому, что ее постоянными спутниками стали боль, вина, терпение и всепрощение. Один раз решив уйти, но так и не найдя в себе сил сделать последний шаг, девушка думала, что теперь пойдет до конца. До любого конца. Главное, что весь этот путь она пройдет с Максимом. И в печали, и в радости...

Как же она ошибалась!

Оказывается, даже ее терпение оказалось безграничным. Этого вытерпеть она не смогла. Этого простить не смогла бы никогда. И не простила.

Как хорошо мы знаем людей, которые живут рядом с нами? Можем ли мы с уверенностью сказать, что они сделают в тот или иной момент, как поступят, что скажут?.. Мы так долго, казалось, целую вечность, живем бок о бок, но все равно остаемся чужими людьми. Скованными одной бедой, одной трагедией, обоюдной сделкой, общей тайной или взаимной любовью. Но мы все равно — чужие. Как бы близки не были. В этом заключался весь парадокс. Невозможно до конца прочесть того, кто сам не может читать себя, как открытую книгу.

Как это странно и грустно... Мы можем знать о предпочтениях и вкусах, о симпатиях и антипатиях, о привычках и нравах, о настроениях, которые читаем по лицу, и о желаниях, которые пылают в глазах. Кажется, мы можем подобрать любимые духи или заказать понравившееся блюдо, поддержать в деловом начинании или смириться с вредной привычкой. Можем понять малейшее изменение по блеску глаз или сдержанной линии губ.

Но мы никогда так до конца и не поймем, что представляет из себя человек, которого мы любим. И никогда не сможем сказать, что знаем его.

Ведь ничто не вечно.

Вкусы и предпочтения меняются вместе с тем, как развивается и взрослеет человек. Симпатии и антипатии проявляются временем. Привычки искореняются, а нравы скрываются. Настроение подобно вспыхнувшей и вмиг потухшей спичке, а желания по мере их исполнения заменяются другими.

Какова же всеобщая ошибка, общественное заблуждение, что мы знаем кого-то так же, как и себя!

Лена была уверена в Максиме, думала, что знает его. Но, как выяснилось, ее знаний оказалось недостаточно для того, чтобы защитить себя и свою любовь. Казалось, она знает его достаточно хорошо для того, что судить, как он отреагирует на то или иное ее действие или слово. Но она вновь ошибалась.

Оказывается, она совершенно не знала своего мужа!

Как такое возможно?! Девять лет под одной крышей, но они остались друг для друга чужими людьми!? И, кажется, даже отдалились друг от друга на расстояние, которое уже не преодолеть! Почему так произошло? В чем кроется корень зла, где прячется ответ на вопрос — почему? В прошлом, в настоящем, в искалеченном будущем?.. Почему она не смогла принять его перемен и изменчивости, такой проявляемой и обыденной?! Потому что границы его перемен закончились там, где начались ее границы. И очень жаль, что они не смогли найти общую черту для сосуществования.

Прислонившись горячим лбом к запотевшему стеклу вагона, уносившему ее в ветреный промозглый день октября, Лена закрыла глаза. От боли разрывалось сердце, а от едва сдерживаемых рыданий резало горло. Но плакать она уже устала. За последние дни она, казалось, выплакала все слезы.

Как странно, девять лет назад, когда узнала о смерти своего малыша и едва не сошла с ума от горя, она думала, что вот он — ее конец. Ей казалось, она даже ощущает на себе его холодные руки и проникновенные объятия. Он дышал ей в затылок, грубо обхватывая хрупкие плечи и вынуждая ее подчиниться своей воле и своему безумию. Но Максим тогда спас ее. Тремя словами разрушил ее прежний мир, построив на нем новый. И в тот миг ее мир, сойдя со своей орбиты, стал бежать по чужой траектории, подчиняясь тому миру, в котором она стала лишь гостьей.

Всего три слова. Они тогда, девять лет назад, изменили очень многое.

Не это ли определило все? Не только на те мгновения, но и на последующие годы?! Не это ли внушило ей, что она ему нужна, что он ее не бросит? Не эти ли его признания она хранила, как драгоценность, на протяжении мучительных лет, когда умирала от боли и отчаяния?

Его заветное «люблю»...

Она до сих пор помнила нежность, ласку, тепло, которыми пылали его слова! Девять лет подряд хранила в душе воспоминания, согреваясь ими по ночам. Каждый день надеясь на то, что услышит их вновь. Каждую ночь молясь о том, чтобы это произошло уже завтра. Поэтому она не ушла, осталась рядом с ним. Не смогла предать любовь.

Но в тот день, когда он превратился во врага, она поняла, что лелеяла в душе нелепые отчаяния, которым никогда не суждено было стать реальностью, и когда осознала, что он — именно он — стал предателем их любви, она ушла.

Она никогда не думала, что будет убегать от него, как от преступника. Тайно, спешно, молча...

Лучше бы ей было уйти от него много лет назад, сделать роковой шаг в бездну, страдать, разбиваться вдребезги от боли, сходить с ума от отчаянья, не обманывать саму себя, не верить в невозможное, не пытаться найти исцеление от того, чему еще не придумали лекарства. Ей нужно было тогда, годы назад, учиться жить без него. Когда он был ей просто нужен, а не обходим, как воздух! Когда противоречия и сомнения не рвали на части ее душу, и сердце, раздробленное и разбитое, не лежало у ее ног грудой окровавленных обломков.

Когда ей не было так больно оттого, что он сделал. И она бы сохранила о нем иные воспоминания.

Почувствовав на губах привкус соли, девушка зажмурилась. Слезы... Как странно. Четыре дня подряд она плакала навзрыд, не переставая, а в день, когда решилась уйти, не проронила ни слезинки. И тогда думала, что больше не заплачет, думала, что боль настолько уже въелась в нее, что просто растворится в крови и замрет.

Он никогда не поднимал на нее руку. Никогда не позволял себе грубости и жестокости по отношению к ней. Никогда за эти девять лет. До того дня, когда все изменилось, повернув трагедию к Лене лицом.

Накинулся на нее, как дикий зверь, как безумный, как сумасшедший... Калечил и уничтожал ее вновь и вновь, не щадя и не жалея.

И на этот раз она не простила ему этого уничтожения.

Накопившаяся за годы боль, обида, разочарование, отчаянье и безысходность, — все это ринулось во вне, сметая грани дозволенного и подавляя своей откровенностью и искренностью. Вынуждая смотреть, слушать, чувствовать, но не верить. Оставляя в уголке разбитой и искалеченной души осколок надежды на то, что все еще можно вернуть. Но и он вскоре превращается в пыль под напором пламени безудержного кострища, разведенного безумцем.

Лена никогда и думать не смела, что все для них закончится именно так! Да и как подобное могло прийти ей в голову?! В их жизни было все. Грубость и желчь слов, презрение и обвинение взглядов, жесткость и спешность движений... Но никогда его грубость не переходила в насилие, никогда жесткость не перерастала в жестокость... Никогда... до того самого дня, когда Лена поняла, что не знает своего мужа. И никогда его не знала...

И в тот миг все изменилось. Наверное, что-то щелкнуло внутри нее, загорелась красная лампочка опасности и первобытный инстинкт самосохранений завопил стоном пожарной сирены о том, что ей нужно спастись. Спастись — кто бы мог подумать! — от собственного мужа!

И она бежала. Как раненый солдат с поля боя, побитая, но не сломленная. Выжившая в неравной схватке с тем, кого считала целым миром, и который пошел на нее войной.

Простить? Понять? Вытерпеть?! Не в этот раз. Больше никогда!

Она решила все за мгновение. В то самое, когда увидела в синих глазах бешеный блеск дикого зверя.

Она терпела и сносила все девять лет, отчаявшись вернуть утраченное, надеясь на чудо и не решаясь сделать единственный шаг к отступлению. А сейчас не просто шла, но бежала, стремительно, без оглядки, не сомневаясь и не задумываясь о последствиях. Она знала, что он будет ее искать, Максим был бы не Максимом, если бы не сделал этого, но она была

уверена, что не вернется. И никакие убеждения не смогут вынудить ее изменить решение.

Она бежала от того, кого любила, но которого не знала. От того, с которым больше не могла терпеть, прощать и быть виноватой. Синдром вины растворился в ней, сойдя на нет в тот момент, когда Максим перешел дозволенную грань. В одно мгновение превратив хрупкий хрусталь доверия в осколки преданной любви.

Оказывается, и у ее ангельского терпения был предел.

Она никому ничего не сказала. Даже Ане. Подруга бы накинулась на Максима с кулаками, не взирая на то, что была ниже него на целую голову. Она бы утешила и помогла, Лена знала это, но она не смогла бы скрыться у нее от мужа. Только не там. Даже чета Колесниковых была не осведомлена, что задумала их невестка. Она знала, что Лидия Максимовна будет расспрашивать ее о том, что случилось. А вспоминать весь ужас, что ей пришлось пережить... Она не готова была оказаться в том кошмаре воспоминаний снова!

Андрей... У нее оставался, казалось, единственный шанс на то, чтобы спастись. Именно у него, в том, что он поможет ей, она ничуть не сомневалась. Но наивно было полагать, что Максим не найдет ее и там.

Она хотела скрыться от него, спрятаться, убежать. Куда угодно, только бы быть уверенной в том, что он не найдет ее. Она не готова была видеть его, тем более разговаривать с ним или терпеть его прикосновения после случившегося, хотя он и старался ее не касаться в эти дни.

Она желала лишь одного — сделать все возможное для того, чтобы он не нашел ее.

В один день она рассчиталась с работы, услышала недоуменные возгласы в ответ на свое неожиданное заявление и настойчивые предложения остаться, которые решительно отклонила. Получив заработанное, забросила все самое необходимое в дорожную сумку... и ушла. Куда глаза глядят. На вокзал.

А сейчас, когда разгоряченный недавними событиями мозг, стал воспринимать окружающий мир, она задумалась о том, что сделала. Опрометчиво? Глупо? Безрассудно? Но она не могла иначе! Все внутри нее горело от боли и обиды, рвалось наружу, чтобы раствориться в море обид еще одной каплей несбывшихся надежд, поломанных желаний и преданной любви. Любви, которую она так и не смогла спасти.

Она ничуть не сомневалась в правильности своего поступка. Она знала, что, наверное, впервые за эти годы поступила именно так, как должна была поступить.

Пассажиры вагона, несущего ее прочь от прошлой жизни в едком аду, казалось, и не обращали внимания на девушку, свернувшуюся комочком боли у окна и закрывшую глаза. У них было слишком много своих забот и проблем, чтобы быть причастными к чужому горю.

Поэтому, когда Лена услышала звонкий женский голос, обращенный к ней, вздрогнула от неожиданного вторжения в свои мысли и стала озираться по сторонам в поисках говорившего.

— Хотите яблочко?

Лена обернулась на голос, приподнимая брови. На нее взидала невысокая женщина лет шестидесяти на вид, с пучком черных, уже поседевших волос и с улыбкой на пухлых губах.

Она, улыбаясь, протягивала ей красное яблоко, вроде бы обычный жест, ничем не примечательный, но Лена смущенно потупилась и отрицательно покачала головой.

— Держите, — указала женщина на свою ладонь, — угощайтесь. Сладкие, со своего огорода. В этом году уродилась у меня яблонька.

Слабо ей улыбнувшись, Лена робко взяла яблоко в руки.

— Спасибо.

— Да не за что, — отмахнулась та и, откинувшись на спинку сиденья рядом с Леной, посмотрела в окно. — А вы к нам в края какими судьбами, если не секрет? — спросила она вдруг.

Лена испуганно посмотрела на нее, сильнее сжав яблоко в руках, но, не выдержав пытливого, казалось, все замечающего взгляда, опустила глаза.

— А почему вы решили, что я... неместная? — проронила она.

— Так у нас чужаков издалека видно! — воскликнула женщина так, словно это было очевидно. — Да и знаю я всех в нашей деревне. Мы с ними в одном вагоне часто ездим, а вас я здесь впервые вижу, — наклонив голову набок, с любопытством рассматривая Лену с головы до ног, задумчиво проговорила незнакомка.

Лена грустно улыбнулась и, ничего не ответив, посмотрела в окно.

— Что, — подала голос соседка по вагону, — родственники, может, там? Или подруга? — пожала она плечами.

— Нет у меня родственников, — со вздохом сказала Лена, словно признаваясь в чем-то интимном.

Женщина, казалось, смутилась.

— Простите, я не хотела вас задеть. Я не со зла, — начала оправдываться она, подсаживаясь ближе. — А что же вас в наши края-то занесло? Вы девушка, сразу видно, городская, не место вроде бы там...

Лена поджала губы.

— Не место?.. — покачала головой она и грустно добавила: — Да и в городе места тоже не нашлось.

Женщина задумчиво замолчала, покачав головой. И этот взгляд, пронизывающий насквозь, знал все.

— Что, убежали, что ли, от кого? — с подозрением в голосе предположила она. — От мужа, небось? — с пониманием качнула она головой. — Бабы у нас все такие, чуть что, так деру дают от мужиков. Хотя не мое это дело, вы уж меня извините, — поспешно выговорила она, отсаживаясь от Лены.

Лена вздрогнула, подивившись правильности этой догадки, напряглась, но промолчала.

Незнакомая женщина. Чужая женщина... Но отчего же Лена чувствует в ней... участие и поддержку?!

— О! — воскликнула та, заметив реакцию Лены на свои слова, наклонилась к ней ниже и зашептала с сочувствием: — Что, бил, вас небось?

Сердце забило в груди отчаянно, но глухо. Губы стали сухими и словно онемели.

— Я бы... — чувствуя на языке привкус металла, пробормотала Лена, — я бы так не сказала...

— Защищаешь его? — с пониманием закивала соседка, стремительно переходя на «ты». — Понимаю... — и вдруг: — А жить-то тебе там есть где? В деревне?

Лена вздохнула и отчаянно замотала головой. Покрутила яблоко в руках, ощущая, что те дрожат, и слабо улыбнувшись незнакомке, сказала:

— Некуда мне идти.

Та смотрела на нее с пониманием, и во взгляде этих все понимающих глаз не было ни капли осуждения.

— Мда, — протянула женщина, скривившись. — И что же ты делать собираешься?

Лена пожалала плечами и отвела взгляд на яблоко, вновь покрутив ее в руках.

— На месте разберусь.

— Эээ, куда тебя понесло! — воскликнула незнакомка. — Не разберешься, — с уверенностью заявила она. — Тебя как звать-то? — и, заметив, как Лена напряглась, добавила: — Да не бойся ты. Все равно скоро все о тебе узнают. У нас секреты долго по деревне не ходят.

Девушка сглотнула, ощущая потребность высказаться. Хоть кому-то!..

— Лена, — пробормотала девушка, не глядя на свою попутчицу.

— А меня Татьяна. Михайловна, — представилась женщина и, задумчиво покачав головой, окинув девушку внимательным взглядом, заявила: — Жалко мне тебя, вот что ты делать будешь, как приедешь?

— Не знаю, — вздохнув, проронила Лена и устремила взгляд в окно. — Может, домик кто сдает? Я спрошу.

— Ну да, ну да, — промычала соседка по вагону, задумчиво глядя в сторону. — Ты там поспрошай, может, что и подыщешь. А вообще у нас редко кто дома сдает, заброшенные если только. Но таких у нас хоть и много, но они для житья не годятся.

Лена вновь вздохнула, но промолчала. Она решила, что все равно не сдастся. И не вернется назад!

— Что же ты не узнала ничего? — укорила ее Татьяна, покачав головой. — Совсем это не разумно. Поехала, не зная куда, зачем, да и родных там нет, говоришь, — она окинула Лену беглым взглядом. — Мда, а что ты делать умеешь? Работаешь кем?

— Я кондитер по образованию, — проговорила девушка, отчего-то смутившись. — И работу мне не найти, получается, — грустно вздохнула она и горько улыбнулась.

— Почему же? При желании все можно найти, — возразила новая Ленина знакомая. — Кондитеров у нас в деревне, конечно, нет. А вот продавец местного продуктового магазина, Нинка Сёмина, недавно в город перебралась, так там теперь эти... как их?.. вакансии требуются, — она посмотрела на Лену. — Можешь подойти да и поспрошать, может, Иваныч тебя и возьмет на работу. Если хочешь, конечно, — подозрительно сощурилась она, глядя на девушку из-под сведенных бровей.

— Спасибо, — проговорила Лена заворуженно.

— Да не за что, — отмахнулась женщина, скривившись. — Откуда мне знать, может, ты и не подойдешь ему, — а потом вдруг добавила миролюбиво: — Хотя для Иваныча главное, чтобы санитарная книжка была, да чтобы считать умела, так он на работу кого хошь возьмет, — поджала губы. — Меня вон тоже звал, да только я не могу, у меня спина и варикоз, не могу долго стоять. А ты вроде здоровая на вид. Санкнижка есть?

— Да, конечно... — смущенно пробормотала Лена, краснея под ее внимательным, оценивающим взглядом.

— Ну, вот и отлично. Я тебе адрес дам, по нему сходишь, — заявила Татьяна, вскинув подбородок. — А уж жильё сама себе подыскивай, с этим помочь не могу. Как приедешь, поспрошай у кого, может, повезет.

Лена взметнула на нее изумленные глаза, горящие искрами надежды на бледном осунувшемся лице.

Ей так много хотелось сказать этой славной женщине, которая, сама того не ведая, открыла ей дорогу в новый мир, так много благодарностей хотелось выразить, хоть как-то высказать ей признательность. Но, едва лишь открыв рот и посмотрев на нее, Лена поняла,

что этого не требуется. Женщина уже отвернулась к окну, глядя на проносившийся за окном осенний пейзаж, и не ждала реакции на свои слова.

Как странно, однако. Какие люди в этой провинции! Ни корысти, ни злобы, ни наглости... Лишь слепое желание помочь человеку, у которого опустились руки.

Лена поняла, что ее сердце начало разгораться вновь.

— Мда, какая осень в этом году, однако, — проговорила Татьяна, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Да, — тихо проронила девушка, грустно улыбнувшись и тоже посмотрев в окно. — Да...

Осень. На улице, в душе, в сердце. В жизни. Вечная осень...

Но отчего-то не было грустно. Не сейчас.

Сердце смеялось, душа пела. Всего мгновение, но она была счастлива.

Сжимая в руках яблоко, Лена повернулась к окну полуобком, только стук колес и внезапно начавшийся октябрьский дождь заглушали дребезжащие мысли в ее голове, успокаивая и словно вселяя надежду на лучшее, светлое будущее. Уже — без Максима.

Он начал беспокоиться в тот миг, когда Лена не подошла к телефону. Не в первый раз, не во второй, не в третий. Когда руки, сжимающий телефон, задрожали, непривычно вспотели ладони, затрепетали кончики пальцев, отдаваясь в каждой клеточке разрядом в сотни вольт. Когда сердце, барабана в ушных перепонках, застревало в них колокольными ударами, сводя с ума и надавливая на нервные окончания его онемевших от страха частиц души.

Внутри все сжалось, стянулось, скрутилось в жесткий клубок оголенных электрических проводов, обжигающих током, пронизывающим его до основания, до сердцевины существа, до сути его бытия.

Отшвырнув телефон в сторону, позвонил на домашний. Квартира встретила его глухим, равнодушным молчанием, а потом — запоздало взорвавшимся автоответчиком, сообщавшим, что никого дома нет.

Почему она не подходит к телефону? Что-то случилось?...

Сердце учащенно билось в груди, с каждой новой секундой уверяя его в том, что да, произошло. Не могло не произойти после того, что было. После того, что он сотворил. После того, как он все разрушил до основания. Посягнул на то, что было неприкосновенным и чистым. Ему не было прощения. И глупо было надеяться на то, что можно что-то вернуть, исправить, сделать вид, что ничего и не было. Продолжать жить так, словно ничего не случилось, закрыв глаза на ее боль, витающую в воздухе осадком ядовитых поров, и вдыхать ее, дышать ею и чувствовать разъедающую душу кислоту. Не видеть едкого презрения, которое сквозило в каждом ее движении, в каждом жесте. Все эти четыре дня.

С того дня она ни разу не посмотрела ему в лицо. А он и не требовал от нее этого.

Максим почти сходил с ума. От безысходности, от отчаяния, от ненависти. К самому себе.

Как же он себя ненавидел! Скотина, ублюдок, мразь. Кто угодно, но не нормальный человек. Насильник. Собственной жены. Негодяй, мерзавец!

Как ты мог?! Как осмелился прикоснуться к ней против воли?! Ты имел на это право?!

Да, тебе казалось, что имел. В тот момент, когда она сказала, что уходит от тебя, ты почти свихнулся. Потерял голову, потерял здравый поток мыслей. Да и мыслей как таковых у

тебя уже не осталось. Было лишь желание, ослепляющее, ядовитое, пронизывающее насквозь, разрушающее первобытное желание.

Удержать. Остановить. Не отпустить. Заставить. Принудить. Даже против воли.

Он ослеп. Он оглох. Он перестал чувствовать. Он давился от ощущений, он отвергал мысли. Он желал лишь одного — вынудить ее изменить свое решение. Потому что отпустить ее тогда, да и вообще когда-либо не казалось ему возможным. Вообще никогда! В голове бьющейся мыслью кричало: МОЯ! Только моя!

А все остальное померкло, потерялось, забылось, исчезло, словно его и не было. Он превратился в зверя, в хищника, в безумца, который жаждал получения во власть того, что ускользало от него. Против его воли.

И он ломал, он сминал, он подчинял, он сопротивлялся и боролся с ее сопротивлением, не обращая на него внимания, подавляя и поработывая, видя перед собой единственную цель — доказать свою правду, свою истину, вынудить сдаться, пасть, поддаться, уступить. И чем яростнее она боролась, чем отчаяннее сопротивлялась, тем жестче и грубее становился он, вынужденный ломать преграду за преградой. Ломать до основания, давить и не думать о том, что делает. Во власти желания, ярости, злости, ревности, жажды.

Он сходил с ума. Ненавидел ли себя в этот момент? Нет. Не сейчас. Но потом. Ненавидел до безумия, до боли в сердце, до дрожи, до омерзения.

А она... Лена ненавидела его уже в тот самый момент. Она лежала под ним бесчувственной куклой, уставшая бороться, сломленная и раздавленная, она, казалось, ничего не чувствовала.

Она упиралась, противилась, сопротивлялась. Впервые в жизни возражала ему. Рьяно, трезво, твердо и решительно. Но не смогла сломить его сопротивление. Не смогла заставить его образумиться, отпустить ее, не согрешить... И сдалась. Превратилась в ледяную глыбу, зарождающая в глубине своей души ненависть.

А он, не осознавая всего, уже ступил за край, шагнув в пропасть, упал. Разбился. И она тоже разбилась. Искалеченная, подавленная, раздавленная морально, но... все еще не сломленная. Сильная. Сильнее него.

Тогда она была сильной. По истине, сильной женщиной. И она настояла на своем. Поставила точку.

Он, словно извиняясь, попытался ее обнять, когда все закончилось. Нежно провел дрожащими пальцами по щеке, от виска вниз, к подбородку. Ощутил непривычную влагу на гладкой коже и содрогнулся.

Из-за него. Она плакала из-за него.

Он не больно, но настойчиво стиснул ее подбородок, поворачивая бледное лицо к себе, чтобы заглянуть в ее глаза, такие родные, любимые глаза цвета шоколада. Чтобы увидеть в них погасшее пламя задушенной любви, презрение, обвинение, ненависть. Непрощение. Он оказался достойным только этого.

Лена решительно противилась смотреть на него. Попыталась отшатнуться, воспротивиться захвату его пальцев. А из глаз стремительно хлынули слезы. Уже не сдерживаясь, текли по ее щекам, оседая на языке, а сквозь стиснутые до боли губы вырывались отчаянные стоны и всхлипывания.

А он чувствовал себя последней мразью.

Девушка вздрогнула в его руках, отшатнулась от его настойчивых рук, все еще сдерживающих ее талию. Увернулась от захвата объятий и, несмотря на то, что он крепко

сжимал ее в стальных тисках, попыталась встать. Он не поддался. Не разрешил. Не хотел ее отпускать. Боялся. Что она уйдет, как и грозилась.

Но понимал, что сейчас у нее на это есть гораздо больше причин, чем было до того.

— Куда ты?.. — сипло проговорил он, касаясь сухими губами изгиба ее шеи.

— Отпусти меня.

Холодный, пустой, равнодушный, чужой голос. Не ее.

Он вздрогнул, лишь сильнее сжимая ее горячими руками.

— Нет, — бессильно выдохнул он, уткнувшись носом в область шеи, вдыхая аромат ее волос. словно в последний раз, не в силах им надышаться, запомнить, ощутить каждой клеткой презренной души.

— Отпусти! — громче, яростнее, жестче повторила она. — Отпусти! — уже кричит, почти не сдерживается, вырывается, бьется в его руках. — Отпусти меня!

И он не выдерживает напора. Отпускает. Разжимает объятья, невидящим взглядом следя за тем, как она вскакивает с кровати, беспорядочно поправляя на себе разобранную, сбившуюся в клочья одежду. Порванные чулки, мятую юбку, разорванную блузку. Прикрывая грудь и оголенные ноги.

Руки ее дрожат, сильно, она едва справляется с одеждой. На него не смотрит вообще.

Максим, чертыхаясь в голос, поднимается с кровати следом за ней. Хочет протянуть к ней руку, чтобы вновь прижать Лену к себе, к груди, туда, где взволнованно, отчаянно и громко стучало сердце. Успокоить ее, утешить. Чтобы не видеть ее слез, не чувствовать кожей ее дрожи, не слышать глухого биения сердца, не ощущать этой кричащей, режущей боли в груди.

— Лена...

— Не подходи ко мне! — истерично закричала она, отскочив от него. — Не подходи!

И его рука безвольно повисла вдоль тела.

— Бл**!!! — не стесняясь, выругался он и опустил взгляд.

Виски сдавливают болью, он почти не может ее выносить, разрывает, бьет, колотит. Вворачивает.

— Не подходи... — шепотом говорит Лена, продвигаясь вдоль стены, глядя сквозь него.

Еще мгновение, и он видит, как она трясущимися руками дергает ручку двери, находясь к ней спиной, и выскакивает из комнаты. А еще через мгновение он слышит, как щелкнула задвижка в ванной.

А он, грубо ругаясь в голос, матерясь последними словами, клянет себя на чем свет стоит и не находит себе места до тех пор, пока не слышит ее голос. А не слышит он его долго. Она не отвечает ему.

— Лена? — стучит он в дверь костяшками пальцами. Она не отвечает. — Лена, с тобой все в порядке?..

А ты как думаешь, мерзавец!? Как — она?!

И ненависть к себе вновь пронзает его до основания. Руки сжимаются в кулаки, он налегает на дверь.

— Лена, ответь мне... — шепчет он неустанно. — Ответь. Пожалуйста. Лена!.. — но она по-прежнему молчит.

А он начинает барабанить по двери кулаками, желая достучаться до нее, воззвать к ней, дожидаться ответа. Он себя почти не контролирует, не понимает, что делает даже тогда, как слышит треск деревянной панели и щелчок ломающейся задвижки.

Он сходит с ума от единственной потребности — услышать ее голос. А она молчит.

— Лена!.. — кричит он, лбом касаясь двери, слушая разрывающие виски удары сердца. — Ответь мне...

И она, наконец, отвечает. Всего четыре слова. И они душат его, убивают.

— Оставь меня в покое.

Острый комок в горле мешает ему говорить. Он почти не дышит, пульс бьется в венах. Виски рвутся от гноящейся боли. А в груди зияющая пустотой дыра.

— Давай поговорим?.. — гортанно предлагает он, стискивая зубы.

Знает, что она ему ответит, но ждет, прислоняясь горячим лбом к двери.

— Оставь меня в покое! — громче, жестче, отчаяннее повторяет она. — Уйди!

И он уходит. Круша все на своем пути. Ненавидя себя, презирая.

Она так и не посмотрела на него больше.

И он с этого дня больше не смотрится в зеркало.

А сейчас, беспокойно меряя быстрыми резкими шагами кабинет, теперь казавшийся тюремной камерой, сузившейся до размеров игольного ушка, Максим понимает, что сердце так сильно стучит в груди, что вот-вот, кажется, вырвется из горла окровавленным клочком разодранной души, разбившись около его ног.

Все сливается в одно большое серое пятно, заполняет собой все пространство кабинета, маленького, узкого, наполненного звучной тишиной и бешеными ударами его сердца, готового разорваться на части. Кажется, эта серость заползает вместе с воздухом в легкие, мешая сделать полноценный вдох, и Максим начинает задыхаться, жадно, с силой втягивая в себя кислород. А перед ним ее бездонные холодные глаза, бледное осунувшееся лицо с дрожащими губами и раздирающий душу крик.

И он с новой силой начинает себя ненавидеть. Снова.

Он предал ее. Он ее обманул. Не один раз, и не два. Он делал это всю жизнь. Все девять проклятых лет, когда считал себя, во всей видимости, богом. Когда унижал своими изменами, когда убивал обвинениями, когда, уверенный в своей правоте и безнаказанности, постоянно безвинно наказывал лишь ее.

Она позволяла ему считать себя правым, и он слепо верил в эту истину!

Но это его оправдывает! Ничуть не умаляет его вины, его предательства. Это лишь усугубляет вину.

Боже, как же он виноват перед ней!

Казалось, он задохнется, если сейчас, в эту самую минуту не вдохнет. Галстук и воротник рубашки стал давить, сжимая горло, будто тисками, и Максим дрожащими пальцами, матерясь вслух, стал освобождать путь кислороду, отчаянно дыша и прислонившись напряженной, как тетива, спиной к стене.

Грудь разрывало от огненной боли, взметнувшейся из самой сердцевины его души к кончикам пальцев. Больно. Как же больно!.. Отчаянно и в голос застонав, мужчина отшвырнул галстук в сторону, сначала прислонившись к стене, чтобы не упасть, а затем медленно сползая по ней вниз и опускаясь на корточки.

Что же он наделал... Что же он натворил...

Почему, почему все эти годы, словно слепой котенок натыкался носом в правду, настойчиво и упрямо не желая ее признавать, слышать, видеть перед собой?! Почему уверенно и целенаправленно уничтожая Лену все эти девять лет, он молниеносно и собственноручно завершил это уничтожение?! Убил в ней то светлое, доброе, любящее, что

еще блестело, искрилось в ее потухших глазах, когда она смотрела на него.

Она любила его. А он... он... Отчаянно застонав в голос и выругавшись, Максим скорчился у стены, как от боли, обезумевшими глазами глядя в потолок. Он убил ее любовь.

Разве можно после этого назвать себя разумным человеком, оправдать за совершаемую все девять лет ошибку и заблуждение после того, как он совершил преступление? Разве можно простить его?

За то, что он сделал четыре дня назад, — нет, нельзя.

Он себя тоже не простил. И не простит.

Он навсегда запомнил выражение ее лица. Потому и не простит.

Врываясь в его сознание острой звенящей болью, начинает трещать телефон, настойчиво и громко, а он продолжает сидеть у стены, не в силах приподняться, не в силах понять, что происходит, не в силах даже рукой пошевелить, поглощенный виной, ненавистью и презрением к человеку, которого видел в зеркале. И которого перестал считать человеком четыре дня назад.

Он так и сидит, недвижимый, обескураженный, сломленный, разбитый, пока в мозг не вонзается стрелой острая мысль. Лена. Это Лена! Это она звонит ему. Она. Родная, дорогая, любимая! Леночка... Его Лена!..

Стремительно подскочив и на шатающихся ногах продвинувшись вперед, Максим, облокотившись на стол локтями, хватает в трясущиеся крупной дрожью телефон и, не глядя на дисплей, кричит:

— Да!? Лена!? Это ты?..

В груди все замирает, он, кажется, даже слышит, что сердце больше не бьется. Остановилось. На миг.

— Максим!? — орет в трубку мужской голос. — Ты что, охренел совсем?! Тебя где носит? Почему мне звонят и говорят, что тебя нет на объекте!?

— Петя... — сухими губами выдыхает Максим, бессильно выдыхая боль из груди, и заглатывая новую.

— Да, Петя! — грубо рыкает в трубку Петр. — И я, к твоему сведению, уже давно здесь там, где и ты, должен быть, черт тебя дери! Но тебя тут нет! — зло рычит, а Максим молча и безэмоционально слушает, пытаясь справиться с усилившимся сердцебиением и участившимся пульсом. — Где тебя носит? Ты хоть понимаешь, что я без тебя тут не могу! Даю тебе пятнадцать минут, чтобы через...

— Петя, — сухо, но резко перебивает его Макс. В какой-то момент надоедает его слушать. — Пошел нахрен!

И отключается. А потом, низко наклонившись, тяжело вдохнул, стискивая зубы, и резко выпрямившись, стремительными шагами выходит из кабинета.

— Меня нет и не будет сегодня, — грубо бросает он застывшей в недоумении секретарше. — Отмени все.

И решительно спускается к машине. Вжимает педаль газа в пол почти до упора. Сердце колотится, как сумасшедшее, а он не знает, что сделать для того, чтобы оно перестало биться так сильно. Ему хочется в один момент, чтобы оно перестало биться вообще. Тогда он не чувствовал бы этой разъедающей, ядовитой боли, что пронзала грудь каждый раз, как только он, набирая ее номер, вновь и вновь слышал чужой голос автоответчика.

Недоступна. Не отвечает. Не хочет отвечать!

Он, начиная плевать, озлобленно, но настойчиво продолжает звонить. Он не может

поверить. Все еще не может верить. И звонит, и слышит надоедливый холодный голос, и звонит, и слышит этот голос...

Он знает, что произошло. Чувствует, ощущает. Боится. Потому и не верит, не хочет верить. Все еще на что-то надеется, хотя сердцем, болезненно сжавшимся, уже давно знает ответы на свои вопросы.

А потом, стремительно поднявшись на свой этаж, пешком, по лестнице, перепрыгивая через ступеньку, срывая дыхание, сглатывая острый комок, настойчиво трезвонит в дверь. Один раз, второй, третий. Прислонившись к холодному металлу входной двери, тяжело дышит, пытаясь справиться с дыханием и вынудить сердце хоть на миг перестать биться так сильно, вырывая душу из его груди.

Дрожащими руками ищет ключи. Находит не сразу, матерится и ругается вслух. Плевать на все.

Врывается в квартиру стремительно и резко, как зверь, как хищник... и чувствует это. Пустоту.

Ноги почти не держат его, когда он, резкими шагами меряет расстояние от одной комнаты до другой, добирается до спальни. Телефон по-прежнему зажат в его руках, по-прежнему его пальцы набирают ее номер. Но теперь он слышит... музыку, бьющую в мозг вынашивающими клочками остроты.

Замирает в дверях спальни.

Где на кровати... ее телефон, отчаянно вибрирует и заливается мелодией настойчивой трели его звонка.

Он медленно прислоняется к стене, не веря тому, что видит. А пустота сжимается вокруг него кольцом, плотным, горячим, огненным кольцом бездушья и безысходности.

Не верит. Нет, не верит. Но чувствует.

Пустая квартира. Пустая теперь его жизнь.

И, казалось бы, все так же, как и прежде... Только ее уже не было.

Где?.. Где? Где теперь ее искать? Как вернуть?!

Я уйду... Поживу у твоих родителей...

— Мам!? Привет... — голос резкий, опустошенный. — Все со мной хорошо. С Леной?.. — ошарашен. — А она... она не у вас?.. Я не знаю... Ее нет дома!.. Не знаешь, где она может быть? Она тебе не звонила? Нет?..

И мир начинает рушиться. Снова. Только теперь — окончательно. Погребая его под своими руинами.

— Что?.. У Ани? Ах, да... я не подумал об этом... Да. Конечно, позвоню. Не волнуйся все будет хорошо!..

Нет, не будет. И он это точно знает. Не после того, что было. Не простит. Не примет... Не вернется!..

— Аня?.. это Максим. Я рада, что узнала, — сухо, вяло, почти грубо. — Где Лена? У тебя?.. То есть как, какое мне дело?! Я ее муж! Что значит, решил вспомнить?! — возмущенно и гневно. — Я всегда об этом помнил! Да иди ты!.. — не сдерживается, она выносит ему мозг, а он и так знает о том, какой он мерзавец. — Ты знаешь, где Лена или нет?! Она. Меня. Не бросала! Слушай ты?.. — и замирает. — Что?.. Порошин?!

И глаза его наливаются кровью. Это он. Это из-за него.

Решительно покидает квартиру, мчится вниз и садится в машину. Сердце бьется в виски, разрывая их на части, а руки так дрожат, что ему приходится сильнее сжать руль.

Он найдет этого гада и убьет его! Убьет, Богом клянется. Плевать на все, плевать... Но, как только он доберется до него, как только найдет Лену!..

Ярость застилает Максиму глаза, лицо его с сощуренными злыми глазами бледное, мрачное.

Он почти выскакивает из машины, забывая поставить ту на сигнализацию. Взбирается по лестнице на нужный этаж. А в груди так стучит, бьется, режет и колотит, что он не может выносить этой колющей боли и рези, от которой наружу рвется душа. Дыхание сбивается, рычит, шипит, глотает собственную боль губами, но, лишь забарабанив в дверь кулаками, разрешает себе вдохнуть полной грудью. Чтобы вновь задохнуться от отчаянья.

Едва в дверном проеме возникает ненавистная мужская фигура, облаченная в синие джинсы и рубашку с закатанными рукавами, он прорывается вперед, отталкивая мужчину в сторону.

— Где она?! — рычит Максим грубо, не глядя на Андрея.

Тот в недоумении отстраняется и ошеломленно выдыхает ему в спину:

— Кто?.. Я тебя не понимаю...

— Где Лена, твою мать!? — заорал Максим, сверкая глазами и оборачиваясь к нему. — Где она?! — рычит он и продолжает стремительно прорываться внутрь, как безумный, шаря глазами по всей квартире.

— Колесников, ты с ума сошел?.. — завопил Андрей, следуя за ним и стараясь остановить нежданного гостя. А затем, опешив, застыл на месте. — То есть... Как где?.. Не понял... Она не дома?..

— Нет, не дома! — сквозь зубы выдавил Максим, сжимая кулаки. — Я у тебя спрашиваю, Порошин, где моя жена?! Отвечай! — остановившись, начинает двигаться на него, угрожающе угнетающе.

— А мне откуда знать?! — изумленно воскликнул Андрей, нахмурившись, а потом добавил: — Она что, тебя бросила? Наконец, решилась?..

— Заткнись! — сорвавшись, орет Максим, осознавая, что сейчас сорвется. — Заткнись по-хорошему!

— А то что?! Расквасишь мне физиономию? — с вызовом выступил Андрей.

Максим стиснул зубы, кулаки так и чесались, чтобы вмазать по этому смазливому лицу.

— Так, мне надоел этот цирк! — прошипел он и, решительно повернувшись, стремительно двинулся вперед.

— Эй! Колесников! — заорал ему в спину Андрей. — Ты что, охренел совсем?!

Но Максим, не слушая его, осматривал одну комнату за другой, уверенно передвигаясь по квартире.

— Колесников! Ты что, хочешь, чтобы я милицию вызвал?! — орал ему в спину Андрей.

— Валяй, — грубо бросил он, обходя Порошина стороной и направляясь в сторону кухни. — Телефон дать?

Андрей замер, опешивший и опарашенный.

— Ты с ума сошел?! Ты хоть понимаешь, что творишь!?

— Где Лена? — будто не слыша его, выкрикнул Максим. — Где она?! Я хочу ее видеть! Поговорить!..

— Она ушла от тебя! — это не звучало вопросом. Это было утверждение.

Максима передернуло от этой душераздирающей истины, и он, резко повернувшись, накинулся на врага.

— Не смей так говорить! — прижал Андрея к стене, схватив за грудки. — Понял?! Она не ушла от меня! — говорил и не верил. Самому себе не верил. — Она не могла, — рычит в лицо Андрею, шепотом. — Не могла!..

Андрей, решительно высвобождается из его захвата и отталкивает от себя нависшего над ним Максима.

— Могла, — твердо заявляет он, глядя в синие обезумевшие от отчаянья, негодования и неверия глаза.

— Нет! — взрывается Максим, яростно заорав. — Нет!..

Но Андрей надвигается на него несокрушимо и резко.

— У нее было с десяток причин сделать это! — убивает этими словами. — И она, наконец, сделала.

И Максиму нечего ему возразить. Он молчит. Смотрит сквозь него, не видит ничего, кроме зияющей пустоты, что поглощала его все сильнее с каждым мгновением.

Пустота, которая теперь стала его вечной спутницей теперь.

9 лет назад

Было больно. Сильно. Неистово. Он не знал, он никогда и подумать не мог, что может быть так больно! Так, что от этой ноюще-режущей боли выворачивает наизнанку, крошит, ломает, рвет на части сердце и бросает к ногам растерзанным клочком никому не нужной плоти. Разве такое было возможно? С ним!?

Он никогда не хотел ребенка. И тот факт, что он у него появится, в самом скором времени, очень скоро... бесил, выводил из себя, вынуждая вновь и вновь вспоминать то, что он хотел бы забыть.

Ее ложь. Ее предательство. Корыстный расчет и подлый обман. Разве достойна она была того, чтобы он простил их ей?! Перешагнуть через себя и сделать вид, что ничего не было, просто закрыть на все глаза?

Разве имела она право решать за него?! Когда планировала все это, когда обманывала, когда, уверяя в своей любви и преданности, слепо действовала, нарушая все запреты и стирая грани допустимого?

Разве имела она право от него чего-то требовать?! Сейчас, когда он смирился, сделал так, как она и хотела, — женился на ней, признал факт отцовства, остался с ней. Разве имела она право требовать от него что-то еще, кроме того, на что он сам готов был подписаться?!

Но она и не требовала. Это он, сам, посмотрел на нее иными глазами.

В ней зрел его ребенок. Рос, развивался, креп, с каждым днем осознание того факта, что вскоре на свет появится его плоть и кровь, терзало мозг, нажимая на какие-то неизвестные ему нервные окончания. Его ребенок. Не чужой малыш, которого он мог увидеть на детской площадке, когда ехал домой. И не мальчик из соседнего подъезда, который, упав и испачкавшись, плакал, боясь быть за это наказанным. Его малыш.

И это все меняло. Для него это все рушило. Весь прежний уклад, всю прежнюю жизнь. Это рушило все.

Он не хотел этого. Он даже не задумывался о том, что когда-нибудь станет этого хотеть. С этим нужно было мириться, подстраиваться, привыкать. И он думал, что на это уйдут даже не месяцы, но годы! Потому что сломанное остается сломанным до тех пор, пока ты сам не захочешь возвести на месте руин новое.

Но он, сам того не осознавая, уже стал воспринимать это ни в чем не повинное существо, которое Лена носила под сердцем, как своего. Родного человечка. Прошел не год, не два, но всего пару месяцев.

Как это произошло? Как так получилось, что он посмотрел на все... иначе, под другим углом?

Он не знал, он не мог осознать, поймать тот момент, когда все изменилось, но однажды он просто стал смотреть на все иначе... Стал дольше, чем было положено, поглаживать ее округлившийся живот, впитывая своими ладонями теплоту и нежность. Стал чаще находиться рядом с ней, искоса поглядывая на то, как она перебирает пальцами листы книги, которую читает, или как, думая, что он не видит, нашептывает своему малышу какую-то забавную детскую песенку, которую, очевидно, ей рассказала бабушка. Или как легко, невольно поглаживает свой живот, словно успокаивая и лаская того, кто в нем находился.

И это вызывало в нем бурю чувств и эмоций. Это был взрыв нелогичностей, ураган ощущений, страха.

Он стал привыкать. Действительно, стал привыкать к тому, что через несколько месяцев станет отцом. Подумать только, — отцом! Когда-то он посмеялся бы над одной лишь мыслью об этом, а сейчас настолько реально все предстало перед ним, что он уже не мог от всего отнекиваться, уходить, убегать, не принимать.

Но он убегал, еще пытался бороться с собой, с теми чувствами, что резали его ножом, противоречивыми и обжигающими чувствами, которым он не мог дать названия. Он боялся их, они были незнакомы ему, неведомы. Как он мог подумать о том, что еще не появившееся на свет маленькое существо заставить его... чувствовать?! Все казалось ему предельно точным и ясным, понятным и устроенным, логичным. Но...

Когда они поженились, он не подал виду, что что-то между ними изменилось. Он помнил, как бы ни старался забыть, о том, что было сделано для того, чтобы эта свадьба состоялась. Да, он не сказал Лене ни слова, но видел, знал, что она ощущает его презрение, а сам уже и не мог его утаить в себе. Не мог смириться, хотя и понимал, что нужно. Он стремился к прощению, но не мог переступить через себя.

Разве можно было быть настолько радикально противоположным?! Он ненавидел и любил, он не мог простить, но мирился, он принимал, как данность, но убегал от себя. Запутавшийся, потерявшийся в себе.

Иногда он ловил себя на мысли, что было бы лучше, для него, для Лены, если бы этого ребенка и не было вовсе в их жизни. Не было предательства, лжи, обмана, духовной измены... Был бы он, была бы она. Возможно, были бы и они в будущем. Но не было бы трагедии, беды, пропасти, что разверзлась между ними непроходимой бездной. На целые девять лет глухого, леденящего душу молчания и неспособности не только поговорить, но признать свои ошибки, разорвать обиду, подавить злость и разочарование. Простить.

Мог ли их примирить ребенок? Тот самый, который и развел их по разные стороны этой жизни? Мог ли он справиться с этой непростой задачей? Наверное, мог. Он уже стал справляться с этим. Против воли Максима, без признаков какого-либо вмешательства во все Лены. Он должен был родиться победителем. Той войны, в которой еще до его рождения запутавшиеся родители оказались по разные стороны баррикад.

И в день, когда случилась трагедия, что-то оборвалось, надломилось, треснуло, разбилось. Навсегда. На девять лет.

И Максиму хотелось взвыть от боли, захрипеть от досады, кашляя своей болью и

безысходностью.

Как странно устроен человек, еще вчера он думает о том, как хорошо было бы все изменить, а когда, словно выполняя его желание, или же желая над ним посмеяться, судьбы выполняет задуманное, он плачет, он корчится от боли, он молит Бога вернуть все назад. В ту прежнюю жизнь, в которой не было ничего из того, что он хотел бы иметь, но в ту жизнь, в которой, как оказывается, было все.

Максим не понимал себя. Он не пытался разобраться, на тот момент это казалось ему лишь странным, непонятым, нелогичным и противоестественным. Потом, много позже, годы спустя, он задумался о том, как на самом деле странно все было. Но тогда он просто переживал свою так и не выплаканную боль. Один.

Сегодня, пару часов назад ты думаешь, ты знаешь, ты уверен, что у тебя будет ребенок. Сын, дочка... ты не знаешь, но тебе все равно, потому что ты знаешь, что будет так. И вот мгновение, секунда или даже доля этой секунды, и вот... все рушится, как замок из песка. И ты теряешь все. Резко, неожиданно... навсегда.

Казалось бы, ты должен радоваться ощущению полной свободы? Ведь то, что раньше перекрывало тебе кислород, ушло, исчезло, умерло!? Ты должен радоваться, но вместо этого устраиваешь поминки своей несостоявшейся прежней жизни, которая у тебя могла бы быть, не будь на то воля обстоятельства. И мысли жужжащим роем насилуют мозг, разрывая его на части, рвутся, бесятся, шумят, выталкивают из тебя все иные, посторонние и чужие ощущения, заполняя сознание единственной картинкой той жизни, которая еще пару часов назад казалась реальной, а спустя миг, оказалась погребенной под грудами воспоминаний.

И это кажется таким же далеким насколько и близким. Какие-то доли секунд, когда у тебя есть все, и ты мнишь себя Богом, и вдруг в одно мгновение ты лишаешься всего, что имеешь.

А потом словно волны огненных эмоций, накатывая электрическим током, пронзают суть твоего бытия, проникая под кожу, и давят, жгут, выжигают... Ту истину, ту жизнь, что тебя ожидает. Другую жизнь, иную, постороннюю и словно бы чужую. Ту жизнь, которую в течение нескольких месяцев смирения и непонимания не рисовало картинками твое воображение. Ту жизнь, которая не была твоей. Ей не было места в твоём мире. И ты ее не хочешь, не желаешь, отталкиваешь, убегаешь. Снова.

И Максим тоже убежал. Когда услышал роковые слова, почувствовал, что словно бы воздух выбили из легких, обжигая внутренности кислотой, прожигая те до основания, вызывая жгучую боль.

— Что?.. — он помнил, что мог пробормотать лишь это. Может быть, говорил что-то еще, он не знал. Губы казались ему настолько сухими и недвижимыми, что он сомневался, что с них могло слететь хотя бы еще одно слово.

Кровотечение... Ребенка спасти не удалось... Выкидыш...

И все закружилось, завертелось, заплясало перед ним. Больничный коридор, множество дверей, лицо врача, какое-то бледное и морщинистое. Смешалось, посерело, превратилось в мутную бледную дымку, завесу, пелену, туманную невесомость, которая никак не казалась правдой.

Ложь. Еще одна ложь! Не может быть правдой, не может, черт побери! Ведь как же?.. Как?..

— Я заказал коляску... — пробормотал мужчина тихо, скорее сам себе, чем к кому-то конкретно обращаясь. И на выдохе слабо и безучастно: — Плохая примета...

И, тяжело вздохнув, прислонился к стене, слушая, что сердце начинает стучать резче, и закрыв глаза.

Устал. Устал так сильно, так неистово, словно все силы выкачали из него, морально истощили организм.

А Лена... она сказала, что у них должен был быть сын, малыш. И он, никогда не желавший ребенка, не устававший напоминать об этом ни ей, ни себе, вдруг взбесился. Накричал на нее, сорвался, вышел из себя.

Было больно. Он никогда не думал, что может быть настолько больно. Но было. Резало и рвало, дробило и кромсало, выворачивало наизнанку и пронзало желчью. И эта боль распространилась на многие годы.

Если их жизнь до трагедии была похожа на череду логических закономерностей, перетекающих из одного дня в другой, то после того, как Лену перевели на домашнее лечение, их жизнь превратилась в кошмар. Они почти не разговаривали друг с другом, не общались, замкнулись каждый в своей беде, своей потере и боли, поглощенные чем угодно, но только не друг другом. Отдались, раскололись надвое, умерли.

Он не хотел замечать то, что с ней произошло, или же действительно не заметил перемен?.. Задавая себе этот вопрос потом, Максим понимал, что уделял ей слишком мало внимания. Ему следовало раньше предпринять все, что было сделано тогда, когда они уже подошли к роковой черте, за которой находился, ожидая их в свои горячие объятия, ад. Но тогда он не видел дальше своего носа. Он был близорук и эгоцентричен и не слышал стучавшуюся в их дом катастрофу.

Лене прописали антидепрессанты. Сильнодействующие препараты, чтобы она смогла справиться с потерей ребенка. Она сильнее Максима переживала все, он наблюдал за тем, что она изменилась. Ходила в городской парк, молчала, на вопросы отвечала односложно и порой говорила что-то невпопад. Она словно потерялась в другом измерении, растворилась в той жизни, которой у нее не было, но которую она себе представляла. Это потом Максим, вспоминая, акцентировал внимание на том, что она порой, забываясь, поглаживала свой живот, разговаривая с ним и напевая ему песенки. А тогда... он ничего не видел.

— Мне кажется, что вашей жене следует придерживаться строгого курса лечения, — глядя на Лену, говорил ее врач. — Я беспокоюсь за нее. Многие женщины переносят такую потерю более спокойно, но ваша жена... она словно потеряла смысл жизни, — бросил быстрый, но внимательный взгляд в сторону застывшей в кресле Лены и, повернувшись к Максиму, заглянул тому в глаза. — Я думаю, вам стоит с ней поговорить, поддержать ее. Возможно, она не чувствует вашей поддержки и поэтому находится в таком состоянии?

Нахмурившись, Максим поджал губы. Тяжело вздохнув, спросил:

— Что я могу для нее сделать?

— Просто будьте рядом, много, думаю, и не потребуется. Вдвоем вы должны будете справиться с этой бедой. Только вместе, — на выходе он вдруг остановился и с неохотой проговорил: — И, кстати, боюсь, что если ее состояние не улучшится, мне придется выписать ей более действующие лекарства. А это всегда риск зависимости, — он в упор посмотрел на Максима. — Надеюсь, вы это понимаете?

Он кивнул тогда, согласился, но на самом деле не понимал ничего. И в этом была его еще одна ошибка.

Лене действительно пришлось выписать другие таблетки, и он думал, что это все изменило.

Ему казалось, что ей стало лучше. Он действительно так думал. Потом, осознавая то, что произошло, пытаясь понять, как же он подобное допустил, Максим додумался, что просто не усмотрел за ней, что заиклился на себе, на ее проблемы не обращая внимания. Он лелеял свою ущемленную гордость, свою боль и обиду, закрывая глаза на ее боль, которая по силе была мощнее и сокрушительнее, чем его.

У него был шанс разорвать тот замкнутый круг, который сковал их кольцом недоговоренностей, обид, разочарований и боли. У него был шанс все изменить, исправить содеянное, отпустить ее, освободить от объятий пустоты и зависимости, уйти самому и задыхаться полной грудью.

И в тот роковой день, когда все навсегда для них изменилось, он принял решение.

Лена приняла решение тоже, он просто еще не знал, какое.

Сам же он думал о том, что так больше продолжаться не может. Их больше ничто не связывало. Ничто. Любовь, искаженная и преданная ложью? Нет, он перестал в нее верить. Иллюзия семейного счастья? Но у них никогда и не было семьи. Ребенок, когда-то сведший их в круг ада? Но и его больше не было.

И единственным выходом из ситуации ему казался уход. Ему нужно было отпустить, освободить, уйти.

Направляясь к отцу, он хотел услышать слова если не поддержки, то хотя бы принятия его решения. Но наткнулся вновь на стену разочарованного молчания вначале, озадаченности и апатии после и свирепого, злого негодования в итоге разговора.

— Пап, — начал Максим решительно, — я хочу подать на развод. Так больше не может продолжаться...

— Что, прости?.. — тот приподнялся со стула, с неверием уставившись на сына. — Я не расслышал...

— Ты все услышал! — раздраженно выдохнул Максим, нервно продвигаясь по комнате. — Я хочу подать на развод. И это решение менять не стану, — остановился, взглянув отцу в глаза, повторил: — Не стану!

Острый взгляд из-под сведенных к переносице бровей, тяжелый, тугой.

— Ты здоров? — сухо поинтересовался Александр Колесников. — Мне кажется, что...

— Вполне, — отрезал Максим, засунув руки в карманы брюк. — Наша с Леной семья... — он чертыхнулся в голос, — это и не семья вовсе. Мы просто существуем рядом, под одной крышей, в одном пространстве, но оба замкнуты на чем-то своем, — вздохнул. — Это не может так продолжаться. Мы простой сойдем с ума.

— Ты не можешь ее бросить сейчас! — воскликнул отец, поднимаясь с кресла. — Ты должен...

— Должен?! — резко откликнулся Максим, поворачиваясь к отцу и нависая над ним. — Я ничего никому не должен! — по словам выговорил он сквозь зубы. — Я уже однажды сделал то, что должен был, и что с того?!

— Ты поступил так, как нужно было поступить, — уверенно заявил отец, понимая, куда клонит Максим.

— И кому от этого стало легче?! — вскричал мужчина. — Кому? Лене?! Мне?! Ребенку, которого уже нет!?

Александр опешил, ошарашенно глядя на сына, словно того не узнавая.

— Ты сошел с ума, — выдохнул он, — причем здесь малыш?.. Он ни в чем не виноват!..

Максим зло выругался, запустил пятерней в волосы и потянул те на себя, поморщился.

— Я знаю, я знаю, — выдохнул он сухими губами. — Но если бы не он... Если бы не Лена...

— А ты? — грубо высказал Колесников-старший. — Ты что сделал для того, чтобы не допустить этого?!

— Что — я? — уставился Максим на отца. — Я оказался лишь пешкой в чужой игре без правил. Я не хотел, никогда не хотел того, где оказался! — он резко повернулся к отцу. — Это ты вынудил меня, ты!..

— Пусть так, — сокрушенно согласился тот. — Но ты не можешь сейчас уйти! — настойчиво заявил он. — Не можешь, ясно?! Ты о Лене подумай, если тебе плевать на все остальное. Как она справится одна с этой трагедией?! Ты понимаешь, что она с ума сойдет от горя! Она потеряла ребенка, сын, и если ты уйдешь...

— Я тоже потерял ребенка! — грубо отрезал Максим, повернувшись к отцу полубоком. — Почему же никто не думает о том, как плохо мне? Потому что я мужик и не плачу?! Так правильно, так положено... Бл**, а если мне так же больно, черт возьми?! Но моей боли просто никто не видит! Кому и что я должен теперь?!

Ошарашенно глядя на сына, Александр мог лишь повторить:

— Ты не можешь ее оставить сейчас. Я боюсь за нее, она не вынесет этого... Она сломается...

— Я развожусь с Леной, — твердо и решительно заявил Максим, поворачиваясь к отцу. — Все, я решил!

Максима невозможно было переубедить, как не старался этого сделать Александр, как не пыталась уговорить его не спешить мать. Он все для себя уже решил.

Но он не знал, что судьба вынесла свой вердикт гораздо раньше, чем это сделал он.

Он стал волноваться, когда Лена не ответила на его звонок. На один, на другой, на третий... Сбрасывала.

Дома ее не оказалось, обзванивая подруг, убедился, что и у них Лены нет. И тогда он вспомнил. Парк!

Он твердо был уверен в то, что поступает правильно, когда ехал туда за Леной, он знал, что поговорит с ней, объяснит, она должна будет его понять, она не глупа, и видит, во что превратилась их жизнь. Так продолжаться не может, не должно, им необходимо разойтись, разорвать круг, растянуть пружину, вырваться из плена оков, перешагнуть пропасть.

Они стали чужими, этого скрывать не стоит, их ничто больше не связывает, а существовать и дальше по одной крыше просто не имеет смысла. Нужно смириться, нужно расстаться... Это единственно верно.

Но когда он увидел ее сидящей на снегу, полураздетой, растрепанной, заплаканной... он едва не сошел с ума от страха. За нее. Что-то вмиг перевернулось в нем, сердце бешено заколотилось в виски, участилось дыхание, стало тяжелым, грубым, сиплым. И, казалось, что он сам умирает там, в этом парке на снегу.

Она звала его. Своего малыша. Билась и брыкалась, плакала навзрыд, кричала и звала малыша. Она не слышала Максима, заглядывала одну таблетку за другой, ругалась и плакала, рыдала и кричала.

И страх в нем смешался со злостью. Как она смеет думать о смерти? Когда она — жива!?

И он сказал ей то, что должен был сказать в тот момент. То, что она хотела, то, что ей нужно было от него услышать в тот момент.

— Я люблю тебя... — едва не задохнулся от этих слов, она комком горечи застряла в горле. — Все будет хорошо... Все будет хорошо...

И она успокоилась, замерла, застыла. Поверила.

Но хорошо так и не стало. Ни тогда, ни через пять лет, ни через девять. Хорошо так и не стало. Все лишь бежало по одной окружности, бессмысленно, нелепо, монотонно, продвигаясь не к центру, но к точке невозврата. Невозврата в то прошлое, где он еще мог ей пообещать и выполнить обещание, и где она — еще любила и могла ему все простить.

Ушло. Забылось. Растворилось, будто не было ничего. Не было его. Не было ее. Ничего больше не было.

Осталась только та самая окружность, которую нужно было разорвать в клочья, но ни у одного из них так и не хватило силы сделать это до того, когда все еще можно было изменить.

18 глава

«Только будь, пожалуйста, сильнее всякой лжи,

Только будь, пожалуйста, сильнее всякой боли,

В жизни всякие, поверь, есть рубежи,

Только будь... такой как есть — сама собою.»

Владимир Шляпошников

Деревня, в которую направлялась Лена, была небольшой и, хотя находилась на окраине, почти на отшибе около мелководной речушки, была довольно-таки цельным населенным пунктом. По крайней мере, так считали местные жители, которых насчитывалось, по самым лестным подсчетам, не более полутысячи человек. В таких деревнях обычно все друг друга знали, находясь в близком или дальнем родстве, а потому скрыть факт пребывания в поселке новичка не удалось бы и при желании. Это было делом получаса, не более, и новость о том, что в деревне появилась чужачка, облетит всю округу в считанные минуты.

Татьяна предупредила об этом девушку еще в поезде, когда они, миновав лесную полосу, усеянную багряно-желтой завесой листвы, поравнялись с вагонами, стоящими на путях депо, и медленно под гулкое рычание и стук колес подползли к бледно-серому зданию вокзала.

Выглянув в окно, Лена глубоко вздохнула, втягивая в себя воздух и ощущая, как сжимает грудь.

Что ее здесь ждет? Чужая, немногочисленная деревенька, затерявшаяся на карте России. Здесь она навсегда останется чужой. Правильно ли она поступила, решив уехать? Может быть, стоит бросить все, вернуться?..

— Ты моя! И моей останешься!..

— Уйди от него. Он не достоин тебя! Я все для тебя сделаю, только останься со мной!..

— Он никогда тебя не любил...

— Я тебя никуда не отпускаю! Не отпускаю, я сказал!..

Вздрогнув от пронзивших ее, будто электрическим зарядом, воспоминаний, Лена решительно поднялась со своего места и вслед за своей новой знакомой двинулась к выходу из вагона. Она сделает это. Выиграет. Выживет. Справится. И никто, никогда не сможет заставить ее, принудить... Никогда!..

Деревенька встречала ее незнакомой толпой спешащих куда-то людей и мрачной надвигающейся тьмой.

Сойдя с поезда на холодный и мрачный перрон, приветствовавшей ее туманной дымкой, погружившей худенькую фигуру в свою влагу и серость, Лена, передернув плечами, огляделась по сторонам.

Куда теперь идти? Незнакомые люди, лица, станция, город...

Сглотнув, девушка передернула плечами, словно сбрасывая с себя оцепенение и скованность.

— Эй, Лена, — услышала она позади себя знакомый голос Татьяны и обернулась. Та спешила к ней, сжимая в руках большую сумку, доверху заваленную яблоками. — Ты хоть знаешь, куда идти-то?

Знает ли она? Лена отрицательно покачала головой. Если бы она знала. Но все сейчас представлялось ей мрачным и монотонным, а перед взором — горящие глаза хищника на смуглом лице, спешащего к ней.

Ее жизнь так изменилась, перечеркнув прошлое, которого у нее когда-то было. Все, все пропало, кануло в Лету, растворилось, ушло. Вся былая жизнь. Девять лет, или даже больше растворились в зияющей мгле.

А впереди — неизвестность, пустота, одиночество, неопределенность. Без него. Без него!..

— Боюсь, что я не знаю, куда мне идти, — проговорила Лена, наклонив голову набок.

— Так я и знала, — покачала женщина головой, тяжело вздохнув. — Вот что мне с тобой делать? — развела она руками, оглядывая девушку с ног до головы. — Эх, ладно. Пошли, хоть на автобус тебя посажу.

Смиренно кивнув, Лена поспешила за своей новой знакомой с улыбкой на губах. И все-таки ей повезло.

На остановке они стояли не долго, автобус, ожидавший пассажиров поезда, распахнул перед ними свои двери, и толпа прибывших, сметая все на своем пути, рванула в салон, занимая свободные места и держась за поручни, чтобы не упасть. Лена заняла место в задней части транспорта и, сжимая дрожащими руками ручку своей дорожной сумки, слушала, как отчаянно стучит ее сердце, отдаваясь в висках острой болью.

— Ты держись, держись, — кивнула ей Татьяна, когда девушка, пропуская пассажиров, отошла в сторону. — А то свалишься еще. Дороги у нас почти нет, одни ямы да кочки. А сейчас осень, так вообще бездорожье...

Лена хотела что-то сказать, но внезапно навалившиеся на нее люди, загородили Татьяну от ее взгляда.

Тряслись они так около сорока минут. Лена не считала, да и не могла считать, но ей казалось, что время тянулось, как нуга, медленно и вязко, оседая на ее плечах свинцовой тяжестью.

— Вот, — сказала Татьяна, едва они вышли из автобуса. — Пойдешь по этому адресу, — она протянула Лене белый скомканный листок. — Там, правда, можешь не найти, но, думаю, должна разобраться, — бросила на Лену колкий взгляд. — Ну, если что, спросишь, тебе там укажут. Я бы тебе сама показала, но в другой стороне живу, а тащиться туда с сумкой, сама понимаешь... Так вот, пойдешь по этому адресу, увидишь большое здание, магазин. Там он у нас один продуктовый, так что увидеть должна. Зайдешь, спросишь Николая Ивановича, он хоть мужик строгий и грубоватый немного, но справедливый, — бросив на Лену, сцепившую руки и взволнованно смотревшую на нее, короткий взгляд, Татьяна добавила: — Возьмет он тебя. Главное, чтобы санкнижка была.

— У меня есть, — охотно повторила Лена и улыбнулась.

— Ну, это хорошо. Покажешь ему, думаю, что он тебя в два счета определит. Только ты это... не сбегай никуда, — с подозрением сощурившись, заявила женщина. — Если не

справишься, лучше сразу ему скажи. А то он у нас мужик вспыльчивый, орать как начнет, так и рот хоть не открывай. Ну, — посмотрела она на нее. — Поняла? Найдешь?

— Я попробую, — улыбаясь, проговорила Лена, взяв листок в руки и глядя на плясавшие перед нею буквы.

Татьяна что-то пробормотала себе под нос, но девушка слов не разобрала.

— Ну, а с жильем уж сама как-нибудь, — развела руками она. — И так я с тобой завозилась, — ворчливо отозвалась женщина. — У Иваныча спроси, он, может, что и подыщет тебе. Ладно, Лена, пойду я, и, надеюсь, еще увидимся, — и, подхватив сумку, неспешно тронулась в противоположную сторону.

Лена еще некоторое время смотрела ей вслед, а потом и сама двинулась в нужном направлении.

Минут через пятнадцать пути девушка почувствовала, что стал накрапывать мелкий, противный дождь, заползая холодом в воротничок ее пальто, но Лена, удерживая в руках дорожную сумку, которая сильно натирала ладони, стиснув зубы, шла вперед. Уговаривала сердце не стучать так громко, сильно, не дрожать ладони, терпеть, терпеть. Она справится. И назад не вернется... Не туда, где ее ждала новая боль и обида.

Нет, нет, она не будет об этом думать. Не станет вновь и вновь мыслями возвращаться в тот день и час, когда все рухнуло окончательно, когда ее любовь убила в ней себя, собственноручно занеся кинжал и делая решающий удар прямо в сердце. Когда она, истекая болью и предательством, еще просила, молила о пощаде, хотела, ждала, верила... во что-то. Но как всегда, ошибалась. Предатель превратился в хищника, жаждавшего крови и плоти. Убивая в ней надежду, веру, мечту, любовь... Все живое в ней убивая.

Нет! Сильно зажмурившись, Лена остановилась и тяжело задышала. Она не будет об этом думать! Нет.

Больно, очень больно. Четыре дня ничего не изменили, и поиски оправданий тоже закончились ничем.

Он виноват, он — виновен. И этого ему простить она уже не могла.

Продвигаясь вперед и оглядываясь по сторонам, Лена отметила то, как на нее смотрели люди, внезапно заканчивая свои дела, какими взглядами ее провожали, как шептались за спиной, обсуждая чужачку, но девушка делала вид, что не обращает ни на что внимания. Она сможет привыкнуть и к этому. Сможет. Человек и не к такому привыкает. Будет сложно, очень сложно, никто и не спорит, но она справится с этим.

Закрывая глаза на внимательно-оценивающие взгляды, пробежавшие, и по ее дорогому пальто, и по сапожкам на невысоком каблучке, и по большой дорожной сумке, которую она едва волочила за собой, Лена вдруг наткнулась глазами на здание, которое искала. Она почему-то сразу его отметила. Магазин.

И решительно двинулась туда, застыв напротив холодящей душу таблички на двери «Закрото».

Стиснув зубы, затащила сумку по ступенькам и остановилась у двери, вглядываясь в стекло в надежде увидеть там фигуры продавца или даже самого хозяина. А потом вдруг слегка налегла на дверь и заметила, что та открыта. Неуверенно протиснулась внутрь, вглядываясь в полутьму помещения.

— Э, здравствуйте! — проговорила Лена. — Есть кто-нибудь?

Откуда-то со стороны послышался грубоватый мужской голос.

— Кого там еще принесло?! Я никого не жду!

Лена вздрогнула и повела плечами, словно сбрасывая с себя страх и неуверенность.

— Эээ, а я ищу Николая Ивановича, — проговорила девушка, делая несколько шагов вперед.

— Здесь я! — громко выругался мужской голос, и Лена попятилась. — Кому там я еще понадобился?!

Лена сделала шаг назад, но, взяв себя в руки, замерла, вздернув подбородок.

— Эээ, меня зовут Лена, — сказала она, глядя в темноту и стараясь выхватить из нее мужской силуэт. — Мне сказали... то есть, я слышала, что вам требуется продавец?..

Мужчина появился из соседнего складского помещения неожиданно, вырос невысокой черной тенью, облаченный в потрепанный свитер и синие джинсы и воззрился на Лену, сведя брови.

— Так-так, — поцокав языком, проговорил он, подходя к ней. — Кто это там такое обо мне говорит?

Лена смущенно застыла.

— Слухи... — пробормотала она. — Так... вам нужен продавец?

Он осмотрел ее с ног до головы. Быстрый взгляд, равнодушный.

— А кого ты предлагаешь? Себя, что ли? — и как-то хищно улыбнулся. — Так ты что-то больно худая для работы. Тут, знаешь ли, и товар принять надо, и грузчику подсобить, если что, да и вообще...

— Я бы справилась, — проговорила она уверенно, глядя в глубоко посаженные карие глаза.

— Да ладно тебе! — отмахнулся тот. — Справилась бы она. Кому ты сказки рассказываешь?

Лена сглотнула подступивший к горлу ком и посмотрела на него. Невысокий, наверное, с нее ростом, не щупленький, но казавшийся худым, с поседевшими светлыми волосами, постриженными почти под ноль. Узкая линия губ, нос с горбинкой, очевидно, когда-то сломанный, грубый квадратный подбородок, хмурый взгляд и морщинки в уголках глаз. На вид лет пятьдесят-пятьдесят пять. Настроен весьма не дружелюбно, о чем красноречиво свидетельствовали сведенные к переносице брови и наморщенный лоб.

— Ты откуда вообще? — спохватился мужчина, позволяя Лене себя рассмотреть. — Не видел тебя раньше.

— Приехала вот к вам... в гости, — проговорила девушка, сцепив руки.

— Ко мне? — рассмеялся мужчина. — Вот уж славно, вот уж спасибо. Но не надо, как-нибудь переживу сию честь.

— Я... — покраснев, выдавила из себя Лена, — я... просто к вам в деревню приехала. Не к вам лично...

— Городская же, небось? Чего ты у нас тут забыла? — ощетинившись, воззрился на нее тот. — Вот вечно так, поприезжают тут разные городские, устроятся на работу, а потом ищи свищи ветра в поле! — проворчал он.

— Я не уеду...

— Да как же? — вновь отмахнулся от нее Николай Иванович. — Знаем мы вас.

Лена опустила глаза. Отступить она была не намерена, но и настаивать на своем было непривычно.

— Мне просто... работа очень нужна, — выговорила она тихо. — У меня здесь нету никого, и...

— Вот с этого и надо было начинать! — резко перебил ее мужчина, делая к ней резкий быстрый шаг и замирая всего в шаге, оглядывая ее с ног до головы. — И что ты умеешь? В магазине хоть работала когда? — Лена покачала головой, а мужчина нахмурился. — Ясно. А санкнижка есть?

— Да, есть, — и, потянувшись к сумке, хотела ту достать из кармана. — Показать?..

— Потом, — махнул он. — Я тебя еще не принял никуда. Ты кем работала раньше?

— Кондитером.

— Кондитер!?! — изумленно выдохнул хозяин, присвистнув. — Ничего себе!.. И что же тебя к нам принесло?

Лена молчала, упрямо поджав губы.

— Хм... — задумчиво выдохнул мужчина. — И что же мне с тобой, кондитером, в магазине делать?!

Лена продолжала молчать. А его взгляд вдруг упал на дорожную сумку, стоящую в стороне.

— А это что? Твое, что ли? — указал он на ее вещи.

— Мое.

— И куда ты сейчас? У кого остановилась? — мрачней все сильнее, спросил он.

— Ни у кого. Нету у меня здесь никого.

— Вот же бабы! — выругался Николай Иванович. — А какого... лешего ты сюда приехала, если и жить тебе здесь негде?! Куда ты пойти собиралась?

— Я думала, что кто-то, может, домик сдает...

— Домик сдает, — передернул ее мужчина. — Да уж... И что мне с тобой делать? А вдруг ты мошенница какая? Или аферистка? Что же, мне поверить тебе на слово?

Лена пожалала плечами, не отвечая.

— Мда, видимо, придется на слово верить, — недовольно пробормотал он. — Давай санкнижку, погляжу.

Дрожащими руками Лена достала книжку и показала ему. Он смотрел ее долго, листал, хмурился.

— Что же ты и месяца на новом месте не проработала? — спросил он с подозрением. — Выгнали?

— Нет, сама ушла, — поджав губы, пробормотала она, глядя сквозь него.

— Из таких места сами не уходят! — с видом знатока заявил Николай Иванович. — И что ты у нас в деревне забыла? Чего тебя принесло из города в нашу глухомань? — сощурившись, он вновь ее осмотрел.

— Надо было, вот и принесло! — отрезала Лена, сама себе удивившись, но, тем не менее, продолжала. — Не хотите брать на работу, так и скажите, зачем же время тратить и мое, и ваше?! — закончив свою тираду, девушка сглотнула, не ожидая от себя подобного взрыва эмоций, и устала на хозяина магазина.

— Вон даже как? — задумчиво ухмыльнулся он и улыбнулся. — Ну, ладно, раз так, — бросив на нее еще один быстрый взгляд, коротко кивнул. — Оставайся, завтра оформимся.

— Вы берете меня на работу?.. — изумленно выдохнула девушка. — Правда?

— Кривда! — передернул он ее. — Нет, блин, шучу. Правда, конечно! Что за бабы, что за народ!

Сердце заколотилось в груди, громко, радостно, от счастья.

— Спасибо, — проговорила Лена, улыбнувшись. — А мне... мне когда приходиться?

— А куда ты сейчас? — вместо ответа спросил ее мужчина. — Ты же сказала, тебе идти некуда.

Лена пожала плечами.

— Наверное, до города придется добираться, чтобы там комнату снять...

— А завтра с утра в деревню? — хмыкнул. — Не успеешь. Автобус у нас последний до города в шесть вечера уходит, а уже половина седьмого, — поджав губы, заявил Николай. — Мда... Что за бабы! Что за народ! — вновь выругался он, а потом, после минутного молчания, спросил: — Здесь спать будешь? Не побрезгуешь? — посмотрел он на Лену выжидающе. — А то вы, городские, такие, что где вам не предложи, все не нравится.

— Я бы... я была бы вам благодарна, — проговорила Лена, озираясь по сторонам.

— Ладно, оставайся, коли не шутишь, — махнул он рукой. — В бытовке будешь спать, там диван у нас стоит старый, вон, как знал, что еще стодитя, не выбросил! Завтра сменщица придет, Тамарка, ты с ней познакомишься. До чего же сварливая баба! — себе под нос пробормотал мужчина. — Ну да ладно... Мы в восемь открываемся, но я буду к семи, — предупредил он. — Надеюсь, ты не проспий, мне тут лежебоки не нужны! — и вновь кривым взглядом в ее сторону. — Проснешься? — и, получив от девушки утвердительный ответ, что-то проворчал под нос. — Мне еще дела там надо поделать, а то как Нинка ушла, так все на мою голову свалилось, а ты иди... вон туда, — махнул он в сторону неосвещенной коморки. — Вещи там свои можешь пока поставить, а как найдешь жилье, съедешь. Не брезгуешь? — повернулся он к Лене. — Нет? Ну, тогда ладно, — и Лена молча проследила за тем, как Николай скрылся в другой комнате, оставляя Лену одну.

Оглядевшись по сторонам, она вздохнула. На мгновение прикрыла глаза, чтобы осознать произошедшее.

Вот она какая — ее новая жизнь. Но зато — ее, никому не принадлежащая. Только ее, и она сама будет ею распоряжаться. И никогда, никому не позволит больше... Никогда!..

Только вот мысли вновь и вновь возвращали ее в прошлое. К нему!.. И сердце болело еще сильнее, чем прежде, надрываясь, стучало, кровоточило, сочилось обидой. Но все равно рвалось к нему, предателю, обидчику, хищнику, безумцу, чужому мужчине, которого она, как оказалось, не знала вовсе.

Любовь всей ее жизни, ее мучитель. Сердце звало его к себе, привыкшее прощать, мириться, терпеть.

Лена приказывала ему молчать, не биться, успокоиться, забыть. И у нее почти получилось. Почти... Как всегда. Но не до конца... И никогда уже не будет — до конца. Эта боль в ее душе останется навсегда.

Ночь была беспокойной и напряженной, закутанной в саван мрачных жужжащих мыслей, разъедающих ее мозг. Лена почти не спала, ворочаясь с боку на бок с открытыми глазами, и глядя в потолок на мелькавшие на белой штукатурке темные круги. В коморке, куда ее определил Николай Иванович, было темно, и если бы не лунный свет, пробивавшийся сквозь маленькое окошко под потолком, комнатку покрывала бы беспросветная тьма. Лампы не было, а электропроводку здесь так и не провели, как объяснил девушке хозяин, поэтому ей пришлось все делать на ощупь. Диванчик, на котором она спала, был жестким и очень неудобным, подушка маленькой и растрепанной, но жаловаться на это Лена никогда не подумала бы. Она искренне, от всего сердца была благодарна этому ворчливому, грубоватому мужчине со светлой душой, который не прогнал ее прочь, не выставил на улицу, отвел место для ночлега и принял на работу.

Глядя в его прищуренные в подозрительном, внимательном, все подмечающем прищуре глаза, Лена уже тогда поняла, что, каким бы грубым, может быть, невежественным, и даже мнительным не казался Николай Иванович, человеком он был хорошим. Кто бы на его месте принял незнакомку, чужачку, горожанку под свое «крыло»? Пусть на время, пусть, очевидно, пожалев ее, но кто осмелился бы на подобное? Можно ли ей было рассчитывать на подобную милость не только с его, но и с чьей-то другой стороны? А он уступил.

Но думала она в эту ночь вовсе не о нем. Безграничная благодарность к этому мужчине, какой бы сильной она не была, не могла затмить в Лене иные, более сильные, почти испепеляющие ее дотла чувства.

Как ни старалась она подавить их в себе, так и не смогла.

Отвернувшись к стенке и свернувшись калачиком, поджав под себя ноги, девушка сильно зажмурилась, до боли в переносице, стиснула зубы, чтобы не закричать, сдерживая рвущийся из нее отчаянный крик. Прикусила губу, до боли, до крови, и только когда соленая струйка коснулась языка, зачарованно слизнула ее языком и тихонько застонала, вздрагивая всем телом. Как безумное, стучало в груди сердце, билось о золотую клетку безнадежной, непонятой любви, выстроенную девять лет назад. И молотила в виски кровь.

Как же было больно. От воспоминаний, блеклыми обрывками, мельчайшими осколками, врывавшимися в ее мысли. Они не оставляли ее в покое, преследовали, били, колотили ногами, разрывали на части и вырывали из груди горящее сердце, бросая его к ногам, истерзанное и никому не нужное.

Застонав в голос, и дрожащим кулаком зажав рот, чтобы не зарыдать, Лена зажмурилась сильнее.

Как он мог? Как посмел? Почему — почему?! — так поступил с ней?! Неужели она в чем-то была повинна?

Она считала себя перед ним виноватой, да. Тогда, давно, девять лет назад, словно бы в той другой, чужой жизни она мнила себя виноватой и всю оставшуюся до этого момента жизнь искала прощения. Не находила, каждый раз натыкаясь на ледяную стену молчания, равнодушия, застывшего в глазах обвинения. Он будто никогда не давал ей и шанса на то, чтобы ей можно было попытаться себя оправдать! Никогда. Или она просто не замечала этого? Молчала, терпела, сносила обиды и презрение в синих глазах, забывая о том, что одно лишь слово, единственная попытка что-то изменить, исправить, могла бы им помочь.

Так значит, в этом она виновата перед ним? В том, что не попыталась, не решилась, не смогла?..

А он? Что делал он все эти годы? Пытался ли, как не делала этого она? Решался, делал шаг навстречу? Или так же, как и она, убегал в прошлое, прячась в нем под одеялом из былых ошибок и заблуждений?!

И имел ли он право сейчас обвинять одну лишь ее в том, что их жизнь рухнула? Не просто ломалась, рассыпаясь на части песочным замком, но рухнула. Давно уже оказалась под обломками сожалений и обид!

За это он наказывал ее сейчас? За то, что она так же, как и он, оказалась неспособной спасти то, что еще жило в них, что еще искрилось, поблескивало еле-еле под слоем пыли и свинцом прежних ошибок?!

Но как он посмел... как смог решиться на подобное? Уничтожил карой без вины виноватую женщину!?

Она никогда и подумать не могла, что от него можно ожидать подобного. Никогда за

эти годы он не поднимал на нее руку. Даже выходя из себя, он держал под контролем свои чувства, не разбрасываясь ими направо и налево. Холодая сдержанность, равно как и горящая невозмутимость, приводили ее в ужас.

Но в день, когда он сорвался... Она поняла, осознала, приняла, как данность, что совершенно его не знала. Чем он дышит, чем живет, что скрывает за маской, надетой на лицо для того, чтобы скрыть истину.

И в тот день она так же поняла, что не сможет находиться рядом с этим незнакомцем. Чужой мужчина, посторонний, безликая оболочка из противоречий, скрывающая в себе клочок оголенных нервов. И когда ему дали выход, он убил самое дорогое, что у него было. Неосознанно, глупо, бесконтрольно, слепо убил.

Болезненным узлом связало внутренности, задрожало в груди сердце, ладони стали холодными, почти ледяными, и девушка, сжав их в кулаки, свернулась комочком в углу, чтобы согреться.

Воспоминания обдавали арктическим холодом, от которого невозможно было спастись. Нигде.

Роковой день, горящий в душе огнем невыплаканных слез. Последующие четыре, обжигающие тихой правдой, которая резала и кромсала, выворачивая ее наизнанку, выжигая на ее теле очередной рубец зла.

Она никогда не думала, что Максим сможет дойти до этого. Перешагнуть черту, перейти грань, пасть в бездну из непощения и невозможности вернуть все на круги своя! Но вырвавшийся из клетки зверь был агрессивен, дик и неуправляем. Он жаждал крови, расплаты, отмщения. Он был взбешен и почти безумен, его ревность убивала в ней все прощения, которые заранее приготовило ее сердце. Он раздавил их. Шаг... И все уже решено. Жребий брошен, Рубикон перейден, и осталось только сожалеть о том, что они сделать так и не успели. Уничтожали, кляли, убивали, проклинали и ненавидели. Но не смогли — просто любить. Так и не смогли простить, понять, принять, сменить презрение и жалость на нежность и страсть. Упустили шанс.

И сейчас расплачивались за это. Она — здесь, свернувшись калачиком на жестком диване, в далекой, затерявшейся где-то на карте деревеньке, подавленная, измотанная, раненая в сердце, уничтоженная своей любовью. И он... Где он сейчас? Что с ним?.. Нет! Ее это больше не касается. У нее теперь новая жизнь, без боли и слез, без круговерти потерь и разочарований, без горьких потерянностей, невыполненных обещаний и всепрощений. Новая жизнь... без него. Потому что в тот день, когда любимый превратился во врага, показал ей иное лицо, которого она никогда не видела; когда переступил черту, став зверем и дикарем, растоптав ее любовь, надежду, веру; когда перечеркнул все то, что было, пусть и с оттенками горечи, в их жизни, она, наконец, осознала, что так больше продолжаться не может. Не теперь. Никогда больше.

Лена знала, что он злится из-за того, что она общается с Андреем, будь его воля, он бы вычеркнул Порошина из ее жизни, из воспоминаний, но чтобы дойти до подобной дерзости, наглости, предательства!..

Она никогда и подумать не смела, что Андрей... друг, станет точкой разрыва, точкой невозврата, смерти.

Это было преступление. Это было убийство. Это было тем, чего она никогда не смогла бы ему простить.

Она так и не могла в это поверить, с трудом все осознавала в течение нескольких дней.

Четыре дня боли, страха, осознания, безграничного терпения, которое с каждым мгновением все ближе подводило ее к краю.

Первые минуты после насилия она помнила плохо. Слышала, как стучало в груди сердце, как билась в висках кровь, ощущала дрожь пальцев рук и ног, они словно онемели, ничего не видела перед собой. Всего на мгновение, но в голове мелькнула мысль — а не умерла ли она? Но нет, она жила. Словно назло, вопреки, несмотря ни на что. Продолжала жить теперь и с этой болью в сердце. Болью от предательства.

Как замороженная, она поднялась с постели, глядя в одинокую пустоту, и ничего не видя перед собой.

А когда Максим попытался дотронуться до нее, прижаться к ней вновь, притянуть к себе... она словно сошла с ума в одно мгновение. Билась дикой кошкой, вырывалась, будто безумная, кричала и сжималась. А когда заперлась от мужа в ванной комнате, думала, что разлетится на части. Прямо тогда, в ту самую минуту, мгновенно и на осколки, на части, на мельчайшие частички мироздания. Ее крошило, трясло, терзало, ломало и изматывало, но она продолжала дышать.

Да, она продолжала дышать этой болью внутри себя, которая пронзила ее сердце острием ножа.

А он так и не коснулся ее больше в тот день. Он пытался достучаться до нее, звал, умолял открыть дверь и поговорить. Но она, сначала молчащая, вымотанная, растоптанная и измученная, потом закричала, едва ли не завывла волчицей на чужака, ворвавшегося в ее маленький мир, где она сходила с ума и медленно умирала на обломках собственной сломанной судьбы.

А через четыре дня она убежала от него, никому ничего не сказав, не посоветовавшись, не рассказав о произошедшей трагедии. Собрала вещи, деньги, сама собралась по кусочкам, разбросанным на ветру, и отправилась в новую жизнь. Где не было его.

И сейчас, истерзанная, раненая птица, вырвавшаяся из золотой клетки, кроме боли и потерянности, она ощущала что-то еще. Ноющее, сковывающее, неприятное и вязкое... чувство разлуки. С надеждой. С мечтой. С обреченной любовью. Которая всегда — всегда! — воплощалась в нем одном.

И вдруг в зияющей темноте, в звонкой тишине, разрываемой лишь ее собственным частым дыханием, Лена услышала... это. Собственное имя. Кричащее, надрывающееся, хрипящее, стон, мольба, просьба, зов.

Дернувшись, девушка стремительно распахнула глаза и приподнялась на своем ложе. Огляделась, чувствуя, как тревожно сильно, быстро забилося ее сердце. Сплотнув, осторожно сползла с дивана и медленно, нерасторопно подошла к окошку, застывшему над потолком.

Посмотрела вверх, на луну, именно в этот момент поравнявшуюся с ней и словно заглянувшую в душу.

Сердце забилося еще сильнее, словно захваченное в плен хронометра. Монотонно, размеренно, остро.

— Где ты?.. — прошептала она, коснувшись ставшими вмиг горячими пальцами холода оголенной стены.

Как замороженная, смотрит на светящийся серебристый шаг, повисший над небом, почти не дышит. А в висках вновь и вновь, как удары молота, стучит... ее имя. Лена. Снова и снова, раз за разом. Не переставая.

— Ле-е-ена-а-а!!! — еще один раз, последний, громко, яростно, с болью, из последних

сил. Его голос...

И от этого звука она вздрагивает, отскакивает от стены, с колотящимся во всем теле нервной дрожью сердцем смотрит вверх. Беззвучность и немая пустота окутывают, словно шалью. Она замирает лишь на мгновение, чтобы через краткий миг сорваться с места и кинуться на диван, забиться в угол, укрыться одеялом с головой, дышать часто-часто, умолять сердце не стучать так громко, просить память не играть с нею больше. И не спать. Почти до самого утра.

Эта ночь была особенно темной, почти черной, безлунной. Небо, заволоченное тяжелыми свинцовыми тучами с самого утра, так и не разгладилось, оставаясь все таким же мрачным и серым, что и прежде.

Засунув руки в карманы брюк, Максим, едва держась на ногах от выпитого в этот день спиртного, облокотившись о дверной косяк, чтобы не упасть, смотрел в окно. Дождь колотился о стекло, бился, рвался внутрь, вынуждал спустить стихию в тепло комнаты. Пустой, одинокой комнаты.

Какая пугающая пустота. Какое звенящее одиночество. Какая горящая огнем боль, сжавшая его сердце.

Какая бессмысленная жизнь. Стала теперь. Без нее.

Пошатываясь, сжимая дрожавшими, почти онемевшими пальцами бутылку, мужчина подошел к окну.

— Где ты?.. — прошептал он пьяным, но отчетливым шепотом. — Где?..

Что-то сдавило в этот миг его грудь, сжимало тискамаи, холодило ладони, обездвиживало конечности.

Нарывал и гноился внутри него невысказанный вслух ее ответ.

Наклонившись к полу, он задышал отчаяннее, более рвано, учащенно, словно бы ему не хватало воздуха.

Стиснув зубы, выругался пьяным матом и прислонился горячим лбом к подоконнику, сжав его рукой.

— Где ты?.. — вновь повторил он, с трудом поднимаясь на ноги и вглядываясь в жужжащую за окном тьму.

Мрачная, безлюдная ночь отвечала ему немым молчанием и волчьим завыванием ветра.

Вся жизнь перевернулась вверх дном. Сам он ее перевернул? Или кто-то сделал это за него?

Мозг отказывался подчиняться ему, не разыскивал под грудой пережитых лет причины, не строил следствия, не выискивал ошибки и не планировал, как можно их исправить.

Не сейчас, когда все внутри него разрывается от дикого желания узнать, что с ней. Где она...

Голова кружилась. От выпитого алкоголя, который он машинально, скорее автоматически, по инерции, загонял в себя остаток дня, налегая на бутылку с новой силой. Он никогда так много не пил. Последний раз, наверное, пять лет назад, когда сделал еще один шаг в пропасть, встав на путь разрушения себя. И ее тоже.

А сегодня... не сдержался снова. Напился. Но сейчас, как много лет назад, он не чувствовал облегчения. Наоборот, вся сила вины, предательства, раскаяния и глухого отчаяния открыто предстала перед ним.

Вся тяжесть содеянного давила на него, прессовала, топтала и убивала. Как он убивал ее

все эти годы.

Он не верил, что она ушла. Очень долгое время не верил. А потом, оказавшись один в пустой квартире, наедине со своими рокочущими в голове мыслями, разъедавшими его кислотой, вдруг понял, осознал.

Ушла. От него ушла. Сбежала, ничего не сказав, никого не предупредив. Прокляла его. Не простила.

— Ле-е-ена-а-а!!! — закричал он, срывая голос, сильно, громко, с отчаянием в голосе. — Ле-е-ена-а-а!.. — почувствовав собственное бессилие, прислонился спиной к стене и медленно скатился по ней вниз, опускаясь на колени и зажимая горящие огнем щеки холодом ладоней и стеклом бутылки.

Голос сорвался, сбилось дыхание, сердцебиение будто замерло. Он задыхался, сознание помутилось.

— Лена!.. — надрывно повторил он, не поднимая глаз. — Вернись...

И в глухой тишине комнаты, зачарованно слушавшие собственное мерное, монотонное тиканье, часы, на мгновение замерли, прислушиваясь к одному-единственному слову, которое сорвалось с его губ в ту ночь:

— Прости...

Но часы не могли ему помочь. И повернуть время вспять тоже не могли.

Пришел черед платить за прошлые ошибки, искупая свою вину, ища оправдания и вымаливая прощение.

Но Максим не был уверен в том, что у него есть время на то, чтобы сделать это.

Утро было мрачным и пасмурным, что совсем ее не смутило. Началось оно с дождя, пронзительного, резкого, громко стучащего в маленькое окошко ее коморки. Она слышала и завывание ветра, и рокочущий звук дождевых капель, рвущихся внутрь, и шелест листвы, бьющейся в стекло с грозными порывами ветра.

Коморка была мрачной, казалось, полностью погруженной в сырость и серость октября, совсем пустой и одинокой, не выдавшей собой присутствия в ней постороннего человека.

Лена проснулась с острым чувством беспокойства, которое будто щупальцами вцепилось в нее и не отпускало, но с ощущением необъяснимой внутренней силы, способности здраво мыслить и воспринимать окружающий мир. Будто что-то... отпустило, ушло, растворилось, исчезло. Нет, не до конца, но словно бы сдерживалось, не давило, не мучило, не било вновь и вновь стрелами в обнаженную грудь.

Лена думала, будет хуже. После почти бессонной ночи, наполненной тихими воспоминаниями, которые хотелось забыть, выбросить из памяти, растоптать, уничтожить, она думала, что не сможет избавиться от чувства пустоты и разъедающей боли. Смогла. Оказывается, она сильная, раз выжила даже сейчас, в этом проявлении собственного безумия.

Обрывками томились в ней воспоминания того, что произошло, когда она еще была там, с ним, где-то далеко, в той, другой жизни, но было не больно, грустно и обидно, да, но боль не тяжелила ее сердце. Будто отступила, расползлась, рассыпалась, решила оставить ее в покое. Сжалилась над ней.

Предательство Максима, казавшееся невыносимым вчера, когда мозг разрывался от воспоминаний и ощущений, словно она возвратилась вновь в тот день и час, в свою квартиру, оставленная наедине со своим личным зверем, сейчас... ушло. Какое странное

чувство облегчения, надежды, веры разлилось внутри нее горячим теплом. И сердце не рвалось на куски, будто отпущенное, свободно взметнувшееся ввысь, на небо.

Лена не могла объяснить, что случилось. Откуда это невозможное, невероятное чувство свободы? Ведь еще вчера она так переживала! Она пыталась спрятаться в самой себе, не вспоминать, чтобы не тревожить душу невыносимостью и болью, она убегала все дни после того, как Максим над ней надругался, она считала, что так ей будет легче со всем справиться. Ведь именно мысли о том, что произошло, жгли ее, а она так устала от ран! Она будто приказала мозгу заблокировать память. Поставила запрет на возврат в прошлое, потому что знала, что ничего, кроме боли, ее там не ждет.

Но вчера... она расслабилась, она забылась, она уступила. Слишком много всего накопилось в ней, это требовало выхода, всплеска эмоций, взрыва. И равнодушное ледяное молчание ее бытия, ее существования вчера красочно вспыхнуло и взорвалось в ней потоком неконтролируемых эмоций и чувств.

Она вспоминала все по деталям, будто по крупичкам собирая все, что произошло. Не хотела, но сознание против ее воли выхватывало из памяти именно те часы, те мгновения, которые стали в результате роковыми, изменившими все, и поделившими ее жизнь на «до» и «после». Мгновения предательства, боли, разоблачения, обмана, отчуждения и острого ледяного равнодушия и безразличия ко всему. Ко всему. Даже к тому, кто все это с ней совершил.

Как странно, но даже после того, что он сделал, Лена Максима не ненавидела. Она просто его не простила. Сказала себе, что подобное не прощают, никто — и не она тоже, а потому, спрятавшись под саван своих мыслей и рухнувших надежд, испытывала к нему лишь... отчуждение, разочарование, обиду. Боль. Да, боль тоже была, она ее резала и кромсала. От предательства. От невозможности даже представить, что подобное могло произойти с ней. С ними. Что он смог, осмелился поднять на нее руку. Он ее предал, вот что он сделал. Не тогда предал, когда изменял ей в течение пяти лет, и не тогда, когда все годы брака молчаливо лелеял в себе свою боль и винил в том, в чем она не была одна виноватой. И не тогда был виноват, когда помогал ей себя разрушать, превращая в ничто, убивая в ней все живое и светлое, обрубая на корню малейшие попытки спастись не только самой, но спасти и его тоже, спасти хоть что-то из того, что еще не было сожжено и попрано. Но он не позволил ей ничего исправить. Он ее предал.

Наверное, именно в такие моменты понимаешь, что такое истинное предательство.

Измены, прежняя боль, сокрушительная обида, горькое разочарование и целенаправленное уничтожение уже не кажутся предательством вообще. Это лишь прелюдия. Мишура, ложь, фальшь, мелочь в сравнении с тем, что ей еще приходится пережить. И это ты уже не в состоянии вынести, пережить, простить. Ты уже не можешь с этим смириться, это принять, на это закрыть глаза. Потому что подобное не прощается.

Да, ты его не ненавидишь, ты по-прежнему, как мазохистка, снова и снова убеждаешься в том, что даже за это ты не можешь его ненавидеть. Но и отношения подобного к себе больше не потерпишь. Хватит. Натерпелась, настрадалась. Пора отпустить прошлое. Отпустить себя, позволить себе стать свободной и взлететь. Пора начать все сначала. Одной. Без него. Да, да — без него. С ним ты задыхаешься, будто жадно хватаешь ртом воздух, но не чувствуешь насыщения. Это убивает тебя. Он убивает тебя. И ты убегаешь. Туда, где его не будет. Где не будет болеть, кровоточить, гноиться, разрушаться и умирать. Там, где ты не заставишь себя простить и принять. Там, где ты изменишься по-настоящему. Просто

перевернешь свой маленький рациональный мир вверх дном и начнешь жить так, как можешь, как умеешь. Но без него. Забыв о том, что он когда-то был тебе воздухом, центром твоего мироздания, эпицентром твоей сути.

И тогда ты начинаешь отпускать прошлое. Просто выбрасываешь из памяти, переворачиваешь страницу в книге судьбы и начинаешь жить так, как хочешь ты, а не так, как тебе наказал жить он.

Без него будет трудно, кто же спорит? Но с ним — еще тяжелее. Ей нужно, ей необходимо пройти этот путь самой, от начала и до конца. Чтобы очиститься, чтобы выздороветь, чтобы возродиться из пепла, чтобы потом, спустя время, она смогла осознать: а сможет ли она без него?

И тем толчком, возобладавшем эффектом взорвавшейся бомбы стала прошедшая почти бессонная ночь.

И его голос в ночной тишине, в мрачной темноте и пустом одиночестве.

Ей казалось, что она сошла с ума. Вчера. Когда услышала этот голос. Даже не голос, а скорее — зов. Зов о помощи, мольба, призыв. Страстный, хриплый, надрывающий голос... зверя, хищника. Ее мужа. Резкий, обессиленный, скованный болью и гортанным стоном безнадежности. Он звал ее. Он просил, он умолял.

А на утро она проснулась с ощущением собственной власти и обезоруживающей силы.

Было ли странным то, что она слышала ночью? Возможно ли и нужно ли видеть в этом знак? Или знака нет, и она себе все это просто придумала? Она сошла с ума, поэтому и слышит его голос в темноте?! Но зов был так громок, так силен, так отчаян, так... ощутим. Словно горячие руки сомкнулись на ней рваными объятьями, касаясь обнаженной кожи тлеющими угольками, все еще вызывающими в ней боль. Она словно чувствовала... его. Он витал в воздухе, невесомый, но ощутимый, невидимый, но осязаемый. Свой, родной.

Она сошла с ума, поэтому стала подвержена галлюцинациям?!

А если предположить, что ему сейчас так же больно, как и ей, хотя ему по определению не может быть так же больно? И все же, какова вероятность того, что это окажется правдой?..

Лена покачала головой. Нет, этого не может быть.

Но почему же тогда у нее складывало ощущение, что ему плохо?! Она будто чувствовала его боль. Через время, расстояние, пространство. Она читала о подобном в книгах, но никогда в это не верила. А теперь... ей казалось, что она безумна. Такого просто не бывает. А если и бывает, то... не с ней.

И все же, слабое и ранимое ощущение того, что он страдает где-то там, на другом конце страны, плотно прикрыв за собой дверь, затаилось в глубинах сердца, души и сознания. Чтобы потом молча заявить о себе.

Проснувшись, Лена поднялась, аккуратно заправила постель и, приведя себя в порядок, вышла из своей коморки. Отправившись в глубь магазина, попутно искала место, где можно было бы умыться, но, не найдя его, вернулась назад в свою комнатку. Оставалось ждать прихода хозяина, что она смиренно и делала.

Николай Иванович нагрел, когда не было еще и семи. Лена услышала, как звякнули засовы, скрип открывающейся двери, а потом, громко выругавшись, в магазин зашел тот, кого она ждала.

Она вздрогнула, когда услышала, что быстрые шаги направились в ее сторону, а через минуту дверца в ее комнатку была распахнута настежь.

— Уже проснулась? — вместо приветствия выговорил Николай Иванович, с неверием и подозрением глядя на нее. — Это хорошо, терпеть не могу лежебок, — поморщившись, заявил он. — Да и проку от них нет.

— Я рано сегодня проснулась, — сказала Лена, поднимаясь с диванчика и подходя к нему. — А где мне можно было бы... умыться? — смущенно спросила она, отчего-то стыдясь подобной откровенности.

Мужчина окинул ее быстрым взглядом, нахмурился, поджал губы.

— А по мне и так хорошо, — пожал плечами, сказал он. — Но раз хочешь, пошли. Отведу тебя, — и вышел из комнаты, даже не проверив, следует ли за ним девушка. Лена последовала. — Скоро Тамарка придет, — так и не повернувшись к ней лицом, бросил Николай, — она никогда не опаздывает. С ней познакомитесь.

— Хорошо, — следуя за ним, проронила Лена.

— Хорошо, хорошо, — задумчиво проговорил тот, видимо погруженный в свои мысли. — Вот, — указал он на раковину с ракушкой. — Здесь можешь привести себя в... — он запнулся, — ну, в общем, давай не долго, чтобы мне не пришлось тебя ждать.

Лена кивнула, а Николай, смерив ее беглым взглядом и тяжело вздохнув, вышел из комнатки.

Когда Лена привела себя в порядок, то поспешила назад, где уже раздавались громкие голоса. Один принадлежал Николаю, а вот второй незнакомке. Очевидно, той, которую хозяин называл Тамарой.

Лена осторожно вышла в комнату, привлекая к себе внимание, и тихо поздоровалась.

— А, это ты, — обернулся к ней Николай, будто чем-то озадаченный и немного взволнованный. — Лена, это Тамара, — кивнул он в сторону застывшей у прилавка женщины, и Лена мгновенно перевела взгляд на нее. — Сменщица твоя, — он посмотрел на Тамару и высказал: — Ты покажи ей тут все, да не обижай, — погрозил он пальцем, — а то я тебя знаю!

Женщина громко и вызывающе фыркнула, скривившись, а Николай вновь нахмурился.

Лена бегло осмотрела новую знакомую. Высокая, плотная, но не толстая, с темными, почти черными волосами, собранными сзади в конский хвост. Подбородок гордо вздернут, глаза прищурены и изучающе смотрят на нее, пристально, оценивающе. Руки скрещены на груди, а правая нога монотонно отстукивает на полу какой-то ритм. Не слишком дружелюбная улыбка, скорее, дерзкая и вызывающая, чем открытая, растянула ее полные губы, а на лице выражение насмешки и полной расслабленности.

Лена повела плечами, вздрогнув от ее осмотра, и сама отвела взгляд на Николая. А тот поспешил уйти.

— Ну, вы тут познакомьтесь пока, — заявил он, подходя к двери, будто ждал удобного случая сбежать, — а я пойду, бумаги проверю. Да тебя, — кивнул он в сторону Лены, — нужно устроить.

И скрылся в дверях. Лена, не успев слова сказать, осталась одна, наедине с незнакомой, недружелюбно настроенной по отношению к ней женщиной. Обе стояли и молчали, будто не зная, с чего начать разговор. А когда Лена посмотрела на нее, та вдруг, неожиданно для девушки, широко улыбнулась.

— Ты на меня не смотри волком, — усмехнувшись, сказала Тамара, подходя к Лене и рассматривая ту с ног до головы. — У меня принцип: не бить детей, — губы ее иронично скривились. — А ты выглядишь, как маленькая девочка, — улыбнувшись не зло, но с укором,

Тамара скрестила руки на груди. — И что же тебя занесло-то сюда, а? Сразу же видно, что городская ты.

Лена пожала плечами. Как бы ей не хотелось ничего объяснять, не хотелось вспоминать, рассказывать.

— Это долгая и... тяжелая история, — пробормотала она, отводя взгляд и хмурясь.

Тамара внимательно на нее посмотрела, а потом спросила проницательно:

— И сколько твоей истории лет? — безразлично пожав плечами, она добавила: — Моей семь было, пока я не выдержала, да и не развелась.

Лена вздрогнула, как удара. Сердце заколотилось в груди, как сумасшедшее, рвано отстукивая избитый ритм обреченности. Наверное, она покраснела, потому что ощутила, что щеки вмиг запыхали.

Неужели по ней все можно прочитать?! Неужели окружающим так заметно, что она... сбежала?! Но как, почему, откуда?..

— Так сколько было твоей? — настойчиво повторила Тамара, глядя на девушку сверху вниз.

Лена покачала головой, будто отгоняя от себя мрачные мысли.

— Девять, — проговорила она, тяжело вздохнув. — И я не уверена, что она закончена.

Тамара нахмурилась.

— Что, так плохо все? — с какой-то долей сочувствия осведомилась женщина.

— Смотря как на все посмотреть, — с неохотой выдавила из себя Лена, а потом вдруг настойчиво: — Я бы не хотела об этом говорить. Может быть, займемся делом? — и нервно стиснула руки в замок от нетерпения.

Женщина только хмыкнула, еще раз окинув Лену беглым взглядом.

— Ну, как скажешь, — протянула Тамара, бросив на нее быстрый взгляд. — Пойдем, покажу тебе все.

И Лена послушно потянулась за ней, отчего-то чувствуя, что ее первое впечатление относительно нее, оказалось ошибочным.

Он пытался с этим справиться, честно пытался, но не смог. Жить без нее не представлялось ему возможным. Не теперь. А ей... ей уже не представлялось возможным жить рядом с ним.

Он совершил глупость, самую большую, роковую ошибку. Сможет ли он вымолить за нее прощение у женщины, которая устала прощать? Устала терпеть. Устала оставаться рядом. Вопреки всему, даже себе. А он никогда ведь не ценил этого, как данность, как обязанность с ее стороны, принимая нежность и ласку.

Но у ангелов тоже есть предел. Предел возможностей, сил и чувств, та грань, перешагнув которую, лишаешься малейшего шанса на понимание с их стороны. Неужели он перешагнул ту черту, за которой ничего уже не было, только разрушение, тьма, пустота, одиночество?.. Без нее!? Там — не было мира.

Он совершил не просто преступление, но убийство. Он уничтожил женщину, которая его любила, ту, которой он не был достоин. Он совершил предательство. Предательство высшей пробы, тончайшей резьбы и идеальной огранки. И за каждый миг этого предательства, за каждую частичку боли, что поселилась в душе любимой женщины, ему теперь придется расплачиваться годами оставшейся у него жизни. Молить о прощение, умолять, стоя на коленях, взывать и каяться. Но так и не добиться полного очищения своей

гнилой, погрязшей во грехе сущности.

Как искупить то, что он совершил? Как назвать это, как обозвать? Как вспоминать обо всем без содрогания и дрожи? Как... можно надеяться на то, что его простит она, когда он сам себя простить не в состоянии!? Не смог сейчас, не сможет и потом. Он никогда не забудет выражения ее лица. Непрощение, боль, обида, разочарование и горечь... Наверное, она не поняла, не осознала сразу, что произошло. Да и он тоже не понял этого. Отчаянная мысль мелькнула в его мыслях... Губительная, отрезвляющая мысль.

Это был крах, это был конец. Полное разрушение и уничтожение.

Та самая грань пройдена, черта осталась позади, и мир самоуничтожается, разлетается на осколки, умирает. Тот прежний мир, в котором их было двое. По одному — но двое. А теперь... Одни. Одинокие, раненые птицы в бушующем море страстей и обид, болезненных воспоминаний и отчуждений.

Как забыть то, что память вновь и вновь изымает из твоего подсознания?

Как смириться с потерей? Как простить самого себя? Как вернуть... любовь?

Он ненавидел себя, да, именно так. И был уверен, что Лена тоже его ненавидит. После произошедшего он не настаивал на разговоре, хотя сейчас, оглядываясь назад, понимал, что им нужно было поговорить. Черт побери, неужели прошлый опыт, былые ошибки, совершенные ими много лет назад, пятнавшие их все девять лет, ничему их не научили?! Почему они вновь не поговорили, как и тогда, девять лет назад? Почему вновь наилучшим выходом из положения посчитали бегство? От себя, от проблем и забот, от дурных воспоминаний и безнадежностей? Неужели... так ничему и не научились? Не поняли, не осознали? Опять — в омут с головой, опять — против ветра, опять — молча и наспех. Опять — ошиблись.

Сейчас он понимал, насколько все было неправильным. Тогда ему казалось, что он должен дать ей время на то, чтобы осознать произошедшее, успокоиться, прийти в себя... Словно бы от этого можно было оправиться!? Но он полагал, что просто не имеет права вмешиваться в ее молчание, нарушать горькое уединение, тревожить ее, беспокоить, надоедать разговорами и объяснениями. Ему казалось, что у него еще будет время на то, чтобы сделать это. Глупец! Где оно теперь, это время? Есть ли оно у тебя?!

Как он посмел так поступить с ней? С ней, с женщиной, которую... должен был боготворить!?

Убил, растоптал, предал. И не сыскать ему прощения за то, что он сделал!

Когда осознал, что она ушла, что бросила его... он не поверил. Да и как он мог поверить? Все в нем противилось этому. Где-то внутри него, громко, отчетливо, надрываясь, кричал внутренний голос, он бился в него отчаянными безумными словами, злыми словами — она ушла, исчезла, бросила, нет ее больше. Но он упрямо не слушал его, рвал, метал, разрывался надвое, но искал объяснения, оправдания, причины, ответы. Но не находил. Их просто не оказалось. Все было слишком просто...

Обзвонил всех Лениных подруг, даже тех, с кем она так или иначе пересекалась когда-то, едва не набил морду Порошину, именно его обвиняя во всех смертных грехах. Аня винила Максима на чем свет стоит, орала и грозилась подать на него в суд, а Порошин... он говорил правду. И эта правда резала его ножами. И только вечером, когда, позвонив родителям и узнав, что Лена и им не сообщила, куда направилась, он, понял, что натворил. Нет, не так, — действительно ПОНЯЛ.

И тогда он напился. Сильно. Почти до беспамятства. Крушил все в доме, бросался

вещами, доставал из шкафа ее одежду и вдыхал ее аромат, наслаждаясь каждым мгновением этого маленького счастья. Только оно ему и осталось. Нетронутое и неубитое маленькое наслаждение питаться ее теплотой.

Проснулся он с ощущением того, что мир рухнул. Вокруг полный раздор. Разлад с головой, полнейший. В висках острая едкая боль, в груди — трещина, а вокруг — пустота, окрашенная цветами женской одежды.

Сначала показалось, что все, что произошло вчера, ему приснилось. Ведь не могло это происходить на самом деле? С ним!? И не с ней тоже, не с Леной. Она любила его, она прощала ему все...

И тут в мозг ударило, будто ножом пронзило сердцевину его сущности.

Устала прощать — безвозмездно. Устала любить — безответно. Она просто устала. От него. Или от них. От того ада, в котором они жили все эти годы. Потому и ушла, что устала. Убежала. Не выдержала.

Надорванная пружина, натянувшись до предела, лопнула, взорвалась. А он лишь дал ей толчок.

Ведь она собиралась уйти. Она сама сказала ему об этом. Перед тем, как он... уничтожил ее и себя.

Не это ли разозлило его тогда, вывело из себя? То, что она сказала о том, что все кончено!? Как кончено, почему, за что? С ним покончено?! И как ему с этим жить... без нее? И мысли о Порошине, сжимавшем в объятьях его жену, целовавшим ее губы, которые ему запрещено было даже пальцем касаться, просто убили в ней все человеческое и человеческое, что в нем еще, хоть и на кончике ножа, оставалось. И он превратился в зверя, в хищника, на чью собственность покусились. Он превратился во врага для нее. В один миг накинулся на нее, женщину, которая не ожидала от него подобной дерзости, мерзости, пакости, низости, не достойной мужчины! Но он уже не контролировал себя. Его воображение, возбужденное, воспаленное, кровоточащее уже рисовало перед глазами картинки одна страшнее и ужаснее другой. И на них отражается, как в зеркале, — Лена... Порошин... Страстный поцелуй... Сплетенье тел... И их разрыв!

И он не выдержал. У него помутилось сознание. Он никогда не задумывался над тем, что это такое — помутнение. А тогда, когда ощутил его на себя, — понял, осознал, поверил, — возможно.словно кровавая пелена на овечьем гневом и первобытной яростью лицо, а в глазах безумие, сумасшествие, потерянности, разбитость, неверие, мрак... сплошной мрак. А в ее глазах — будто в насмешку над его чувствами — смех, решительность, неотвратимость, холодность и равнодушие. И где-то там, на заднем плане бытия, который вскоре превратится в главный, — он, соперник, каратель его грехов и ошибок, ее спаситель и избавитель, — от него. Андрей Порошин.

Наверное, в тот момент он и сошел с ума. Не отдавая себе отчета в том, что делает, подчиняясь лишь слепой безудержной маниакальной потребности — завладеть, доказать, привязать, не позволить. И твердить сухими горячими губами — она моя, она моя, она моя... Безумец, скиталец, потерянный человек!..

И уничтожить в тот же миг все, что разрушалось годами. Уничтожить и ее тоже. И себя. Сделать нереальной саму возможности — их будущего вдвоем.

И только тогда, в тот самый миг, когда вся истинность предстает перед глазами во всей своей разрушительной и губительной полноте, осознать, что все кончено. Для нее. А ты...

Ты еще не готов ее отпустить. Ну, как же?.. Как?! И почему, за что?.. Ты искренне не

понимаешь. Хотя нет, ты понимаешь, ты это чувствуешь. Уже тогда, когда смотрел в ее пустые безразличные глаза, безжизненные карие глаза и видя в них не только насильника, но и убийц, ты понимаешь — как, и почему, и зачем. Ты все понимаешь. Просто еще не в состоянии сам себе в этом признаться.

А когда остаешься в комнате, в квартире один, наедине с мыслями, рокочущими мошкаррой в голове, в душе, в сердце, везде, где только ты есть, ты признаешься себе в том, о чем раньше боялся говорить. Боясь, что твои слова обратятся в действия. И среди гула мощных, разъедающий мозг голосов и фраз, ты слышишь лишь одно слово... Монотонно, с постепенно нарастающей звучностью, накатывающее волной, стихией, громкое и острое, колкое и циничное, слово-отрава для тебя... Виновен!..

Виновен, виновен, виновен...

И тогда осознание не только того, что произошло несколько дней назад, терзает тебя, но и то, что ты творил все прожитые бок о бок с любимой женщиной годы. Как мучил, изводил, вынуждал страдать, кричать от боли и задыхаться от крови вместо воздуха. Как сам целенаправленно, систематично и грязно убивал ее, и все, что в ней жило.

И от осознания своей вины ты начинаешь пить, заливаешься алкоголем, будто тот может тебя спасти, выудить из груди и из сердца ненужные воспоминания, растоптать их, заявить, что их вовсе не было. Но, как назло, ты не забываешь. Ты еще острее ощущаешь все, еще ярче видишь картинку, еще разительнее в голове звучит грубый дерзкий смех твоего греха. Он над тобой смеется. Слышишь?.. Он взял над тобой верх. Он выиграл. А ты — поверженный убитый, распятый. Герой? Убийца и предатель!

Ты, так боявшийся проиграть, вдруг признаешь... ты пал, скатился вниз, сдался, проиграл.

И гноящиеся раны твоей попорченной грешной сущности уже не залечит нежность и неприятая когда-то любовь ангела. Потому что ангела ты убил своими руками. Обрезал крылья и заставил падать с небес вместе с собой, с непонятой, не принятой, безумной любовью внутри истерзанной души. С любовью, для которой в твоём сердце, казалось, не нашлось места. А сейчас... оно разрывается от боли. Потому что теперь оно пусто. Не это ли любовь?.. Когда ты понимаешь, что твое сердце замерло, обездвиженное, пораженное, мертвое, пустое... без нее?! Ведь на месте этой пустоты что-то было... Она. Она была! Любовь. И Лена... А теперь нет обоих. Есть только черная дыра, глубокая не заживающая рана.

И он плевал в ту ночь на условности, на собственные принципы, на запреты и правила, которые уже нарушил неоднократно. И он кричал в глухую ночь, звал ее, взывал к ней, молился, смертный грешник. Но не получал ответа. Она молчала. Тихая, безмолвная, спокойно равнодушная и такая далекая теперь. И лишь тишина и завывание ветра вторили его гортанному крику разрушительной силы, которым он убивал себя.

Это отмщение. Ему за то, что сделал. За то, что сотворил с ней, своей женщиной. С тем что он убивал девять лет подряд. И она не простила ему этого. И уже не простит.

Как странно устроена жизнь.

Она устала от него именно тогда, когда он понял, насколько сильно она ему нужна.

Проснувшись, огляделся, будто дезориентированный в пространстве. А в голове бьется спасительная мысль — а, может, это все ему приснилось?

Но нет, не приснилось. Огляделся. Пустая постель, пустая квартира, не слышно шагов... только мертвые часы на стене мерно тикают, отсчитывая его скорую погибель. Без нее. Ведь

ее нигде нет!.. И ничего нет, кроме пустоты и одиночества. И вновь рвется в груди боль, гноится рана, не заживает, умирает...

Все как-то смутно и туманно. Утро. Или уже день? Настойчивые звонки на мобильный и домашний, которые он привычно игнорирует. Серые пятна вместо цветных узоров. Надрывающийся шепот вместо громких голосов. В горле зудит, скрежещет, словно наждаком, — он, наверное, вчера сорвал голос. А в груди — зияющая дыра на том месте, где должно быть сердце.

Стоя под холодными струями воды и глотая их губами, будто пытаюсь насытиться, он постепенно и не сразу приходил в себя. Накрывшее с головой воспоминания, терзания, страдания, боль, осуждение убивало его и вынуждало себя ненавидеть.

Ее больше нет. Нет рядом с ним. Не будет сегодня, не будет завтра, вообще никогда не будет.

Он сам прогнал ее. Не словами, но действиями. И она ушла. Она не откликнулась на зов, не верила клятвам и обещаниям, она не простила и не приняла. В ней умерла надежда.

Запустив пятерню в мокрые волосы, Максим потянул те на себя, до боли, до скрежета зубов, но не отпустил. Виноват, виноват, виноват!.. Опять било в мозг, разъедало его, травило, выворачивало.

Негодяй, подонок, предатель, преступник! Ты никогда не заслуживал этой женщины. А она за что-то тебя любила. Когда-то — любила, уже — не любит. Она ушла. Ты ее не достоин. Ты способен был лишь на то, чтобы убить в ней себя, растоптать и унижить. Ты не способен был на то, чтобы отдавать ей себя так же, как это делала она. Ты не способен был любить ее. Лелеял в себе обиду, боль, предательство, вину?! Но ни разу не спросил — а как жила вместе со всем этим грузом девять лет она, хрупкая, маленькая, одинокая девочка в бушующем мире страстей и разочарований!? Как она не сломалась под гнетом твоей обиды, как перенесла, как... несмотря ни на что, продолжала любить тебя?!

Прикусив губу до крови, Максим наклонил голову вниз, будто задыхаясь. Легкие словно разрывались.

Она его никогда не простит, и будет права. Он не достоин, он не заслужил.

Но неужели все кончено для них? Сейчас?! Вот так — грубо, грязно, пошло, мерзко?!

Неужели он ничего не сделает для того, чтобы... вернуть?.. нет, он не имеет на это права, но, может быть, ему удастся все ей объяснить?.. Может быть, она согласится его выслушать?.. Ему бы только увидеть ее, хоть раз, поговорить...

Глупец. Наивный глупец! Кого ты обманываешь? Себя?! Ты не сможешь «просто поговорить». Ты всегда берешь или все или ничего. Если ты будешь говорить, то лишь для того, чтобы уговорить ее вернуться. Но она... она не вернется к тебе... такому! Извергу, монстру, насильнику.

Струйка крови, коснувшись языка, обдала рот солоноватым привкусом, и Максим поперхнулся.

Вот они — следы его преступления, так рьяно выступившие в нем в доказательство его вины.

И это не закончится. Никогда не закончится. Эта тяжесть, что сковала сердце железными путами, не пройдет. Ей некуда уходить, она останется с ним навсегда...

Когда вышел из душа, впихнув в себя чашку черного кофе без сахара, подошел к телефону, увидел, что пять раз звонили родители. Он не ответил ни на один из звонков. Просто морально не был готов к тому, чтобы разговаривать с ними. Ответил он лишь на

восьмой раз, когда, уставшими глазами вновь увидел на дисплее «Мама».

Волнуется, переживает. А что ему ей сказать? Как все объяснить?! Ведь она начнет спрашивать, что случилось. И что ему ей сказать? Оправдываться или проклинать себя, клеймить позором?.. Он изнасиловал собственную жену, женщину, которая была... чем-то важным, чем-то догорим для него. Чистый ангел, и он испятнал ее своими грязными руками и нелепыми обвинениями.

И сам теперь оказался повинным во всем.

Но отвечать все же пришлось, и Максим тяжело вздохнул, прежде чем ответить на ее звонок.

— Да, мама? — тихо и вымученно выговорил он.

— Максим!?! — взволнованно выкрикнула она в трубку. — Что случилось? Почему ты не подходишь к телефону? Где Лена? Я до нее тоже дозвониться не могу! Что там у вас происходит?!

Максим сильно зажмурился и, не чувствуя губ, выдавил из себя:

— Мам, это долгая история...

— Долгая? — удивилась Лидия Максимовна. — Как долгая?! Пять дней назад все было хорошо! — ее голос сошел до гортанного хриплого стога. — Я Лене звонила, она сказала, что у вас все налаживается!.. Как же?..

Лена сказала, что у них все налаживается. Она так сказала... А он?.. Он просто все испортил в одночасье!

Боль пронзила стрелой, руки сжались в кулаки, а на скулах, сдерживая порыв, заходили желваки.

— Мам, — тихо выдавил он из себя, стараясь говорить сдержанно, — давай я приеду и все... объясню? Это не телефонный разговор.

— Что случилось? — надрывным шепотом выговорила та, а потом громче, срываясь: — Что случилось, Максим?! Что ты натворил?!

Его сердце сжимается, в нем бьется его собственная боль, вперемешку с материнской болью, которую он, казалось, тоже чувствует на себе. Она всегда все чувствовала, всегда все знала. И сейчас знает тоже.

— Я солгу, — тихо и спокойно сказал он, — если скажу, что ничего не случилось. Но... это не телефонный разговор, — повторил он более уверенно. — Я приеду к вам... вечером, после работы, и все объясню.

— Где Лена? — с придыханием спросила Лидия. — Что с ней? С ней что-то случилось? Максим, ответ!?

Если бы он знал, Боже, если бы он знал!..

— С ней все в порядке, — проговорил он, а про себя добавил: «Надеюсь». — После работы, мам. Хорошо?

Настойчивость тона его голоса возымела действие.

— Хорошо, — безнадежно выдавила женщина. — Вечером, да? После работы? — уточнила она.

— Да.

Ничего подобного. Ни о какой работе не может быть и речи! У него другие планы.

Как только он попрощался с матерью, то вдруг, спонтанно и неожиданно принял решение. Оно, словно вспышка, взметнулось в его сознании и подожгло фитиль неиспользованных возможностей.

Он не оставит этого. Он совершил ошибку, значит, ему ее и исправлять.

Начинать нужно было прямо сейчас.

Стремительно одевшись, схватив ключи от машины и, накинув на себя пальто, он решительно выскочил из квартиры, набирая уже знакомый номер.

19 глава

«Словно проклятый факел в сто тысяч свечей,

Ветер в ключья рвет крик: «Ты — одна, нет другой!»

Что искал я — осталось теперь за спиной:

Недопитой любви пересохший ручей»

Елена Горина

Середина ноября встретила их первыми сильными морозами, порывистым ветром и снегом. Здесь, в деревне, ждали зиму с большой неохотой, предчувствуя крепкие морозы и грядущее из-за обильного снега бездорожье, а Лена была рада тому, что белоснежная простыня накрыла природу своим очаровательным колдовским покрывалом, в душе восторгаясь, как ребенок. Когда она так радовалась снегу в последний раз?

Наверное, до приезда сюда, в эту далекую и глубокую провинцию, Лена вообще не знала, что значит радоваться, искренне улыбаться, а сейчас, здесь она ощутила в себе эту способность. Оказывается, она не забыла, как это делать, и терять представившуюся ей возможность не стала. Именно здесь, начав дышать полной грудью, она стала улыбаться каждый день. Сначала натянуто, наверное, даже фальшиво, а потом все искреннее, все дружелюбнее, боле открыто, правдиво, наслаждаясь собственной улыбкой и не считая ее запретным наслаждением. Она могла себе это позволить. Ей никто не запрещал, над ней никто не стоял, указывая, как жить, никто не приказывал, никто не советовал. Она сама принимала решения. Она становилась собой. Одна, среди этих незнакомых, чужих, казалось бы, людей, которые за прошедший месяц стали ей настолько близкими, будто она жила с ними бок о бок много лет.

Почему так бывает в жизни? Многие годы, прожитые под одной крышей с любимым, близким, дорогим человеком, способны сделать вас врагами, а всего месяц с теми, кто был незнакомцем и чужаком, сближает вас настолько, будто вы становитесь близкими друзьями?!

Лена не могла этого объяснить, это, наверное, и не поддавалось объяснению. Просто для нее вдруг стало так. Ей стал близок Николай Иванович, ворчливый, грубоватый и жестковатый начальник. Он никогда на нее не кричал, может, боялся, что она расплчется? Всегда ей все доходчиво, цельно и полно разъяснял. Лена стала замечать, что он ее будто опекает, защищая. Старался даже не выражаться при ней матом, а если с языка и срывалось что-то матерное, он тут же извинялся, смущался и выходил, махнув на все рукой.

— У него дочка почти твоего возраста, — объяснила Лене как-то Тамара. — Вот он, наверное, в тебе ее видит.

Дочку Николая Лена никогда не встречала, но удивилась тому, что дочь он растил один, без жены. Та, как поговаривали в деревне, сбежала от него с каким-то залетным

москвичом, да так в деревню и не вернулась. Ветреная была, глупая, бесхарактерная кукушка, бросившая свою малышку на верного мужа. А тот позлился, попереживал, напивался, говорят, до беспамятства, а потом... дочку стал воспитывать. За раз как-то решил, что на нем ответственность лежит, и Марьянку свою он в обиду никому не даст.

Он был золотой души человеком, грубоватым, да, но все-таки честным и справедливым. Никто в деревне про него ничего плохого сказать не мог, всем подскажет, всем поможет. Поворчит, поругается, поколотит, кого надо, но все сделает, как надо. Такой он был человек.

Чуть больше недели Лена провела в коморке внутри магазина, ни на что не жалуясь, и спрашивая у людей, а не сдает ли кто-то в деревне домик или комнатку. Помочь ей никто не мог, свободных домов, пригодных для жилья зимой, которая уже дышала в спину, в деревне не было. А Лена думала о том, что ей придется перебираться из коморки в город, чтобы там снять комнатку, потому что оставаться здесь зимой не представлялось возможным. Но проблема решилась сама собой. Точнее, с участием ее начальника.

Очень многое изменилось, когда Николай Иванович, нашел для нее домик для жилья.

— Слушай-ка, Лена, — сказал ей как-то Николай Иванович, — поди-ка сюда. Тебе ж дом нужен был, да?

Лена удивленно посмотрела на него, вытирая руки о фартук. Поправила съехавший на лоб чепец.

— Да, нужен, — тихо сказала она. — Мне бы хоть маленький, любой!.. — она уже почти не верила в то, что сможет обосноваться в деревне, и собиралась в выходной день ехать на поиски жилья в город.

— Да знаю я, что любой, — задумчиво покачал он головой и, потирая подбородок, сказал: — Думал я об этом. Ты ж в кладовке-то замерзнешь, зима скоро, а у нас там что, только обогреватель? — покачал он головой. — Я ж тебя со свету сживать не собираюсь, — он улыбнулся, не грубо, но смешливо, — пока, — добавил он скоро.

Лена улыбнулась ему в ответ, но промолчала. Такой у него был юмор, она привыкла, хоть и не сразу.

— Так вот, — вмиг став серьезным, продолжил мужчина, — поговорил я с женщиной одной насчет тебя. Ниной Викторовной звать, — строго сказал он, глядя на Лену снизу вверх. — У нее тут дом стоит, пустует, она сама в город перебралась, к дочке младшей, там и больница рядом, а у нее с почками что-то. А дом-то и остался тут, он хоть маленький, но зато кирпичный и с водопроводом, что у нас, сама понимаешь, редкость, — мужчина покачал головой. — Это ей сын организовал, он у нее в Москве шишка какая-то влиятельная.

Лена изумленно смотрела на Николая, не зная, что сказать. И как благодарить, какие слова подобрать для того, чтобы объяснить, как сильно она признательна. Она не знала.

— А я... не помешаю? — не веря своему счастью, проронила она, с надеждой глядя на начальника.

— Да кому ты там помешаешь? — отмахнулся тот. — Там же не живет никто.

Сглотнув внезапно подступивший к горлу ком, Лена улыбнулась.

— Я с Нинкой поговорил, — продолжил Николай, — она мне разрешила действовать от своего имени. Сказала только, — оглядев Лену с ног до головы, промычал мужчина, — чтобы девка была нормальная. Ну, ты, как я погляжу, вроде, нормальная... так что, жить можно.

— А когда?.. Когда я смогу переехать? — не сдерживая радости, спросила девушка.

— Да хоть сегодня, — каркнул Николай. — Зайдешь ко мне после работы, я тебе ключи

отдам и провожу.

— Спасибо вам, — пробормотала Лена, готова я в тот же миг расплакаться от счастья и броситься ему на шею. — Спасибо большое, вы мне очень помогли...

— Да ладно тебе, — сдвинув брови, выдавил из себя Николай, поднимаясь с ящика, на котором сидел. — Ничего я такого и не сделал. Дом даже не мой, чтобы тебе меня благодарить! Как Нинка приедет сюда, вот ее и поблагодаришь. А меня-то зачем? Я-то что? Я постороннее лицо, — он отбросил в урну сигарету и скривился. — Вот еще, благодарить меня! — усмехнулся мужчина и, выходя, бросил: — Зайди, не забудь!

Лена не успела ему ничего сказать, он уже скрылся за дверью.

А когда она вернулась за прилавок, Тамара уже, улыбаясь, в чем состоял их разговор.

— Что это, Ленк, — покосилась на нее Тамара, — Иваныч тебе домик организовал?

— Да, — проговорила девушка, — организовал.

— Это он может, — поддакнула женщина, — его тут каждая собака знает. Что он ни попросит, все на помощь бегут, если что надо.

— А ты не бежишь? — осторожно спросила Лена, глядя на нее с подозрением.

Она уже давно заметила, что между Тамарой и Николаем установились какие-то странные отношения. Они вроде бы и не любили друг друга, язвили постоянно, огрызались, но... что-то проскальзывало между ними, какая-то искра, огонек. И в том, как он смотрел на нее, даже в том, как он ей грозил уволить, а она колко отвечала, что пусть только попробует, и хохотала без устали, было нечто... романтическое.

— А мне-то что бежать? — смутившись, проронила Тамара с гордо вскинутым подбородком. — Ну, его!

Да нет, про себя подумала Лена, не «ну». И она пообещала себе выяснить, что между ними не так.

Домик, в который она переехала, Лене очень понравился. Да и как он мог не понравиться? После темной и маленькой магазинной бытовки этот маленький домик в одну комнатку казался Лене шикарным.

Одна большая комната, кухня, комната поменьше, ванная и туалет совместные. Очень мило, тихо, уютно, а, главное, спокойно. Она ощутила это спокойствие сразу же, как только вошла. Оно повеяло на нее теплым воздухом затопленной печки. Несмотря на то, что в доме было проведено отопление, Нина Викторовна, как объяснил девушке Николай, печку ломать не стала. И Лена искренне порадовалась этому.

Умиротворение, тепло, спокойствие... Это был почти рай для нее! Ее личный, персональный рай.

— Я отопление включил, — заявил Николай, — потом покажу тебе, как им пользоваться, не знаешь, небось.

Лена не знала, а потому с благодарностью приняла помощь начальника.

А, оставшись одна, поняла, как мало надо человеку для счастья. Если бы только его настоящее не омрачало прошлое, от которого сбежать, как она не пыталась, было невозможно.

И она осознала это с каждым новым днем, прожитым в деревне. Она сравнивала эти дни с теми, что проводила в городе, с Максимом. И понимала, насколько эти две ее жизни отличаются друг от друга!

Она уже почти привыкла к тому, как сложилась ее жизнь. Вдали от городской суеты и неугомонности, гула и грохота не просто дышалось, но даже думалось иначе. И Лена

заметила за собой, что вспоминает о том, что с ней произошло... иначе глядя на все. Нет, не стоит питать иллюзий и надеяться на то, что она забыла, что простила, что смирилась, что готова была кинуть назад, лишь бы избавиться себя от этой непростой, непривычной, немного нелогичной, совершенно иной для нее жизни. Но здесь она ощущала себя живой. Да, именно здесь она жила. По-настоящему раскрывалась, как человек, как личность. Она и это стала замечать за собой. Никто не давил на нее, не прессовал, все будто находилось рядом сторонними наблюдателями, следившими за тем, как она справляется. И она справлялась.

Она даже на себя стала смотреть иначе. А той прежней Лене дивилась. Какой же ненастоящей, неживой она была. Казалось, только здесь она смогла найти себя. Нет, конечно, дело было не в том, что ее призвание состояло в том, чтобы стоять за прилавком магазина, помогать грузчикам, принимать товар, оставаться на пересчет или ревизию, изматывая не только глаза, но и нервы, когда обнаруживалась недостача, нет. Но она обретала себя в том, что стала сама принимать решения, сама отвечать за свои слова и поступки, сама говорить «да» и «нет», не ожидая осуждения и не вздрагивая от малейшего прикосновения к своей руке. Она стала быть, стала жить, стала собой. Точнее, еще не стала... становилась, она целенаправленно шла к тому, чтобы обрести себя в полной мере. Ничто не меняется сразу, всему нужно свое время. И Лена знала, что на то, чтобы найти себя в этом сумасшедшем, унизившем и наказавшем ее мире, ей придется пройти не одно испытание, перешагнуть через прежнюю себя не один раз, а постоянно придется перешагивать. Это был словно бег с препятствиями. Бег к новой жизни с высокими барьерами, выстроенными каменной стеной на ее пути из воспоминаний, ошибок, сожалений, обид и печалей.

Она приказала себе не сдаваться. В тот день, когда услышала чей-то трепещущий, режущий гортанный крик, она поклялась себе, что не сдастся, не остановится на полпути. Что-то в тот миг переменялось. Нет, она не менялась. Эта была все та же Лена. Но Лена.. словно решившая что-то для себя.

Нет возврата в прошлое. Нет прежней жизни. Нет прежней ее. Точка невозврата пройдена, назад пути нет и не будет. В то прошлое, которое она оставила позади себя, она не вернется. Этой, новой Лене, которой она стремилась стать, вырасти до нее, не нужна такая жизнь. В новой жизни — она хозяйка судьбы.

За тот почти месяц, что она находилась в деревне, она чувствовала в себе перемены. Наверное, окружающим они не казались откровенными, для них она была все той же хрупкой, ранимой маленькой женщиной, совершившей невероятную глупость и переехавшую из города в их глухомань.

Но они не понимали, они не знали всей правды.

Всем было известно, что она ушла от мужа. По какой причине жители сошлись на этом, Лена не знала, но Тамара ей как-то объяснила, что люди такое чувствуют, а деревенские, у которых каждый день это битва не только с самим собой, но и с человеком, живущим по соседству. Они все друг о друге знали.

— Ты им только фразу скажи, — усмехалась Тамара, — а они за тебя уже продолжат.

Сначала Лена удивлялась, а потом привыкла. Здесь не было фальши. Здесь люди были откровенны и чисты. Они говорили, что думают, в лицо, а не шептались за спиной, тебе в глаза ядовито улыбаясь и скрывая за улыбкой кинжал. Конечно, у них были недостатки, как и у всех, но девушке они казались настолько искренними, что в сравнение с городскими жителями они не шли.

Она будто заряжалась их энергией. Они были сильными, все — были сильными, духом, телом, чувствами. И она тоже становилась сильной рядом с ними.

Тамара ей помогала, очень, особенно вначале, а потом стала отходить на задний план.

Лена, наверное, могла не без уверенности сказать, что они подружились, притянувшись друг к другу, как две противоположности. Тамара была сильной женщиной. Лена узнала, что она развелась с мужем лет десять назад, а теперь одна растила дочь Катю, которая порой забегала в магазин, рассказать матери об оценках и просто поделиться новостями. Жили они вчетвером, с родителями Тамары, в большом доме, который отстроил ее отец, а мужа после развода Тамара больше не видела, он уехал из их деревни, сначала в другой поселок, потом в город на заработки. Нашел там, наверное, кого-то, а потому и пропал. Лет пять как она о нем ничего не слышала, и признавалась, что не особо желает что-то узнавать. Они разошлись.

Она часто насадала на Лену, спрашивая у той и выведывая, почему она променяла город на деревню. Но Лена никогда не сдавалась. До того дня, когда все изменилось. Окончательно изменилось.

— Вот ты чего от мужика своего сбежала? — допытывалась Тамара. — Бил тебя?

Лена обычно качала головой или пожимала плечами, не желая отвечать. И в этот раз тоже.

— Да ладно тебе, — отмахивалась подруга, — все бабы одинаковые. Сначала терпят, терпят, а потом раз... и все, перестают терпеть. У меня ж так же было, — призналась она. — Мой меня лупил, не сильно, правда, но лупил. Так я ему в ответ однажды как лупанула, он чуть через окно не выпал, — рассмеялась Тамара. — Не ожидают мужики от нас такого, понимаешь? Особенно, если я пять лет, пока с ним жила, ему позволяла себя лупить. Привычка вторая натура, слышала такое? — взглянула она на Лену. — Привыкают они к тому, что мы сдачи дать не можем, а все терпим, терпим, терпим... А вот я думаю иногда, если бы я тогда ему сказала, пусть только попробует меня двинуть еще раз, конкретно так сказала, с чувством, что бы тогда было? — он задумчиво покачала головой. — Жила бы я с ним сейчас? Я же любому мужику могла по роже съездить, — откровенно призналась женщина, — а своему не могла. Словно руки отнимались. Сильная я была? Вроде бы, да. А со своим... эх... все как-то не то. Ведь, когда замуж выходила, то я его любила. А сейчас? Люблю?.. — Тамара нахмурилась. — Не, не люблю, наверное. Странная вообще это штука, любовь. Ты согласна?..

Лена ошарашенно смотрела на нее.

— Да, — сглотнув, задумчиво пробормотала она. — Да...

А что было бы, если бы она не терпела все эти годы? Девять лет. Если бы возмутилась, воспротивилась, начала протестовать? Если бы не молчала, стала кричать в попытке достучаться до него, обвиняла и его тоже в том, что произошло? Если бы она хоть попробовала не упиваться своей болью, а вытянуть его на разговор? Им-то, может быть, и нужно-то было — просто поговорить!? По душам, открыто, откровенно, начистоту, не скрываясь и не шифруясь. Высказать все свои недовольства, банально взять листок и написать, кто и в чем был не прав, чтобы... проанализировать, понять, вникнуть в суть, осознать. Неужели можно было не доводить все до крайней точки разрушения? Неужели можно было все исправить и не вгонять друг друга в тот ад, который медленно, но губительно воздействовал на них, разрушая их?!

Неужели именно тогда она совершила ошибку?.. Роковую ошибку, изменившую все и перечеркнувшую все ее мечты и надежды на счастливое будущее?! Вот эта...

незначительность?! Ее... молчание!?

Лена, изумленно уставившись в пол, вдруг почувствовала головокружение и легкий подступ тошноты к горлу, желудок скрутило узлом, в ноги подкосились. Как-то тяжело дышать, и дурно, дурно... В голове звенит, виски пульсируют от избытка крови, а перед глазами казавшаяся зловещей темная вуаль.

Лена перегнулась пополам, наклонившись вниз всем телом. Сразу вспомнила, что она сегодня съела. На завтрак отварила себе кашу, запила чаем. Отчего же сейчас создается ощущение, что ее теперь вывернет от всего съеденного?! Как же плохо-то...

— Эй, Ленка, ты чего? — подскочила к ней тут же Тамара. — Плохо, что ли? Голова кружится? Живот болит?

— Да как-то... нехорошо мне, — пробормотала Лена, поднимая на ее извиняющийся взгляд.

— Та-ак, — протянула женщина, усаживая подругу на стул. — Ты что ела сегодня?

— Кашу варила, — проговорила та, ощущая, как от одного лишь упоминания об этом, у нее перед глазами стали вырисовываться кровавые круги. — А еще чай пила... — тошнота подкрадывалась незаметно, накатывая на нее волнами. — Отравилась, может? — проговорила Лена заплетающимся языком.

— Кашей?! — возмущенно воскликнула Тамара, глядя на подругу.

Лена промолчала, понимая нелепость этого предположения.

— Эй, девчат, а вы где все? — послышался у дверей мужской басистый голос. — Куда подевались-то?

— Закрыто у нас! — рявкнула Тамара, бросив раздраженный взгляд в сторону двери.

— Случилось, что ли, что? — послышалось в ответ любопытствующее восклицание. — Может, помочь?..

— Без тебя справимся, Семеныч! — крикнула Тамара в ответ. — Вот же, не отвяжется теперь, — посмотрела на Лену, тяжело вздохнув. — Пойду-ка обслужу его, ты тут пока посиди, может, отойдет?

Лена нашла в себе силы кивнуть, а Тамара, чертыхаясь себе под нос, скрылась.

— Ну, и чего тебе? — грубовато поинтересовалась она. — Сигарет? Хлеба? Пуд соли?!

— Тамарка, Тамарка, — защищаясь, выдавил мужчина, — ты чего?..

— Ничего, — огрызнулась она. — Давай говори, чего тебе надо! Настроение у меня плохое, что не видишь?!

Лена с трудом растянула губы в улыбке. Тамара есть Тамара. Сильная женщина, немного грубоватая, но добрая, никогда не бросающая слова на ветер. Жесткая и, наверное, бескомпромиссная, но отчаянная и верная. Многие ее считали резкой, да и Лене она такой поначалу казалась. Но это был золотой души человек, которому просто не досталось когда-то больше тепла, чем он того заслуживал.

Тамара очень помогала ей, когда Лена начинала работать в магазине. И именно тогда, наверное, они сдружились. Грубость и бескомпромиссность не смогла устоять перед ранимостью и хрупкостью.

Работа не всегда была тяжелой, скорее, муторной и трудоемкой. И в первый день отстоять на ногах весь день для Лены оказалось не совсем посильной задачей. Казалось бы, ну кто может прийти в их магазин в такой маленькой деревушке, как эта? Но нет, приходили. Сначала Лена подумала, что всему виной она — чужачка, горожанка, незнакомка, на которую просто грех не взглянуть одним глазком. Даже Тамарка смотрела на

нее косо и, шурясь, словно говоря, что посетители пришли к ним по ее душу. И Лена, всем улыбаясь и всех приветствуя, вскоре поняла, как сильно у нее болят ноги. В тот день ей повезло сидеть всего пару раз, потому что каждые пять минут кто-то да забегал за какой-нибудь мелочью.

Работа ее спасала, даже, наверное, не работа, сколько общение. С Тамарой, с ворчливым Николаем, с покупателями, которые, к ее удивлению, уже через несколько дней стали ласково называть ее «Леночка».

Лена отметила, что здесь отношение к людям было совсем иным.

— Ну, Леночка, мне буханочку хлеба, как всегда, — говорили они, — да сахарку сегодня.

— А соль-то у вас закончилась, Леночка. Надо бы заказать...

— А вот эти конфеты я что-то не видела, как они, Леночка? А-то надо бы купить, попробовать...

— И маслица мне, маслица, Леночка. А-то решила рыбу жарить, мой карасей поймал, на мою голову, а масла-то и нету! Думаю, ну, у девчонок наших будет, пойду, схожу, все равно ведь недалеко!..

И Лена радовалась, она была счастлива, она жила полной жизнью, той, о которой и мечтать не смела.

Она справлялась. На работе, в окружении людей, которых почти уже считала своими друзьями. Они давали ей понять, что она нужна. Что она хоть немного, самую малость, но любима! И этого ей хватало.

А дома, когда она переехала к Нине Викторовне, было тяжело. Она боялась возвращаться туда, несмотря на то, что дом ей очень нравился. Она боялась одиноких ночей и рвущих надвое мыслей.

Они кружились в ней, давили, раздражали своим жужжанием, но не переставали ее мучить.

Она вновь и вновь возвращалась в прошлое. Туда, на месяц назад, когда все рухнуло. Она не могла об этом не думать. Она не искала ему оправданий, их невозможно было найти. Он взбесился, он обезумел, вот что она о нем тогда узнала. Это была его обратная сторона, а она была не готова видеть это в нем. На место апатии и разочарованию пришло какое-то дикое равнодушие, а потом — грубое и жестокое откровение, что все к этому и шло. И невольно в мысли врывались обрывочные воспоминания того, что девять лет назад, там, где был исток зла. Всего того, что потом медленно и целенаправленно стало уничтожать их.

Этого нельзя было исправить, изменить, переиграть, вернуться в тот момент, когда еще можно было что-то сделать. Взрыв все равно произошел бы рано или поздно. Бомба замедленного действия неминуемо должна была взорваться, уничтожая все то, что было между ними.

Она была виновата в этом или он? Оба!

Она провоцировала его своим поведением, безграничным терпением, когда он ждал от нее протеста, молчанием, когда ей нужно было кричать. А он провоцировал ее изменами, обвинениями и болью.

Как все просто. Как все страшно... просто. До боли, до сорванного дыхания, до изнеможения.

Какая обыденная истина, черт побери! Всего пара слов, действий, движений, касаний, и не было бы ада!

Ведь не все было так плохо. Она думала еще, что можно все исправить... Все еще может быть, если... но молчаливое согласие, что все так, как должно быть, убивало ее, и его тоже убивало. Молчание... почему они молчали?! Ведь если бы поговорили, нашли в себе силы... Но они предпочли оставить все, как есть.

Первый год их совместной жизни сменялся вторым, а второй третьим... Они ждали перемен, они хотели их и, возможно, к ним стремились, но так и не смогли что-либо изменить... Четвертый год, пятый... Потом пришла привычка... Зависимость друг от друга... И стало поздно разговаривать.

Если сначала было больно, — вспоминать о том, что было, анализировать, ворошить прошлое, — то потом стало уже стыдно, неловко. Не нужно, лишнее. Привыкли, смирились, устоялись. Застыли, обездвиженные, почти мертвые.

Два безумца, два глупца!

Им нужно было просто поговорить, но они не сделали и это. Вместо этого он хотел избавиться от боли в объятьях других женщин, доказать себе и Лене, что не любит ее, что ему не может быть больно, что он справится и без нее... Но... Всегда, словно в доказательство своей лжи самому себе, возвращался к ней...

А она терпела его измены и прощала... Молчаливо сносила все его предательства, одно за другим.

Идиотка! Она тогда была не права, как же она была не права! От нее требовалась лишь малость, чуть-чуть действия, лишнего слова, поступка, выражения своих мыслей, а не накручивания и немого согласия с тем, что происходило. Разрушение, крах, гибель. Из-за нее?.. Нет. Разве одна она во всем виновата? Разве она лелеяла в себе обиду и боль, разве она кидалась неслышимыми обвинениями и проклятиями, разве она защищала свою независимость, боясь признаться себе в том, что на этот раз — проиграла, влюбилась!?

Но она — молчала, когда нужно было говорить, терпела, когда нужно было закатить скандал, сносила обиды, когда нужно было бить словами и поступками. Она тоже виновата. Аморфная и недвижимая, будто скованная по рукам и ногам цепями, неживая, инертная. А Максиму нужен был взрыв. Он влюбился в живость. Ведь тогда, девять лет назад, в самом начале пути, она знала, она чувствовала, что он любит. Да, он никогда в этом не признавался, но она ощущала в нем эту любовь. И он бы признался, он бы сказал, если бы она все тогда не разрушила своей ложью, и если бы он не уничтожил в себе собственную вину.

А сейчас... они расстались. Они распались. На атомы, нейроны, на миллиарды пылинок и частичек.

Он — где-то там, один, дышит, живет, работает. Вспоминает ли о ней? Сходит ли с ума от чувства вины?

А она — здесь, тоже одна, дышит тем же воздухом, живет, работает. Не ненавидит, но и простить не может, просто не имеет права. Еще не готова. Вспоминает о нем, о них каждый день. Сходит с ума от боли.

Она уже почти привыкла. Нет, она, конечно же, себя обманывала, она ничуть не привыкла. Без него, как и с ним, было трудно. И очень тяжело поначалу, особенно, когда она жила в коморке в магазине и холодными одинокими ночами в полутьме сводила себя с ума мыслями и воспоминаниями. Потом стало еще сложнее, наедине со своими мыслями, ощущениями, откровениями и порывами. Это калечило ее, но вместе с тем, вырывая из нее, измученной и распятой, истину, правду, очистительную ошибку.

Как смело, как больно, но вместе с тем, как действительно было это очищение! Оставаясь собой, она будто становилась иной, новым человеком. Той же самой Леной, на первый взгляд, но той потерявшейся в себе Леной, которую убили, похоронили в боли и вине, необоснованно, грубо, не давая права жить.

И сейчас эта Лена будто возрождалась, постепенно, медленно, нерешительно, но поднималась с колен.

Иногда она винила себя в том, что скрылась из города, никому ничего не сказав. Она должна была сообщить о том, где находится, хоть кому-нибудь! Но так и не смогла заявить о себе.

Она знала, что Максим начнет искать ее. А она не готова была к тому, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. Она не окрепла еще, не оправилась, не выросла настолько, чтобы суметь противостоять ему. Еще нет.

Какой она видела свою дальнейшую жизнь?.. Этот вопрос пугал ее, когда она, оставаясь одна, боялась думать. Она не могла ответить однозначно. Сейчас — еще не была готова. Но была уверена, что сможет, — со временем. Время расставит все на свои места, поможет ей понять, принять и признать себя.

И, если это сможет сделать и Максим, может быть, у них еще будет общее будущее?..

Но она обычно отгоняла от себя подобные мысли. Пустые мысли сейчас, ненужные, бесполезные... Не сейчас, еще слишком рано. Потом, она подумает об этом потом, а сейчас она просто еще не готова.

Сидя за небольшим круглым столом напротив окна, Лена, читавшая до этого момента книгу, вдруг, будто почувствовав что-то, как толчок, как удар в грудь, подняла глаза и застыла.

Снег. Легкий, воздушный, почти невесомый. Кружился в свете последних солнечных лучиков уходящей осени и, искрясь и переливаясь, медленно и неспешно, почти вальяжно, ложился на промерзлую землю.

Лена улыбнулась, искренне, живо, с чувством, а потом, сама не зная почему, рассмеялась. Зажав рот ладошкой, как маленький ребенок, она наклонилась на локтях вперед, всматриваясь в снежную завесу.

Какая легкость, какая свежесть, какое... странное чувство. И сердце будто стучит громче, отчетливее, яростнее и вместе с тем спокойнее. Будто ничто его больше не тревожит, будто этот снег, чистый, легкий, благородный, принес с собой долгожданный покой, умиротворение и таинственную святость. Вселявшую в нее надежду на то, что все у нее будет хорошо.

Вот, наконец, и пришла долгожданная зима. Несмотря на то, что календарь уныло показывал ему едва перевалившее за середину ноябрьское число, Максим считал, что зима с этого дня завладеет городом и не пустит больше осень в границы своей власти. Навалившись серо-белым пятном на город, на крыши домов, лавочки и скверы, заполонив собою городские улицы и парковые аллеи, надев на макушки деревьев свой привычный головной убор, снег, будто доказывал свое превосходство над всем миром. Свою незыблемость и несокрушимость. Унылый, вязкий, холодный и беспечно равнодушный серо-белый городской снег.

Максим поежился, и привычно бросил взгляд на настенные часы. За окном уже было темно, только снег, выхваченный из темноты неярким светом ламп, горящих в его кабинете

и отбрасывавших свое сияние на стекло, неторопливо кружился в наступающей тьме, укутывая в город в пальто из колких снежинок.

Уныло глядя на погруженный в вечерние сумерки город, Максим, засунув руки в карманы брюк, хмурился. Лицо его было задумчивым и усталым, глаза, привычно сощурившись, покраснели от работы.

Когда он в последний раз нормально высыпался или отдыхал? Когда его это волновало в последний раз?

Сухие губы дрогнули и изогнулись в некое подобии улыбки, когда снежинки, прилипая к влажному стеклу, стали медленно сползать вниз, превращаясь в сгусток причудливого узора.

Задумчиво переведя взгляд на кружившийся за окном снег, мужчина приподнял голову вверх.

Интересно, у нее сейчас такая же зима, как и у него? И думает ли она об этом дне, как о начале зимы?

Интересно, как она там?.. Где-то там, где нет его? Где быть его не может?.. Вспоминает ли о нем? Или забыла? Нет, нет, забыть не могла! То, что между ними было, забыть невозможно. Наверное, она его клянет последними словами, презирает, винит... ненавидит!? Такое ничтожество, как он, можно лишь ненавидеть.

Сглотнув, мужчина стиснул зубы и нахмурился. Сколько раз он уже обвинил себя в том, что сотворит?! Он сбился со счета, этому не стоило веси подсчет. И это не забывается. Он не забыл. Ни на мгновение.

Увидев в стекле собственное отражение, сейчас, на фоне мрачной вечерней тьмы казавшееся особенно отчетливым и демоническим, Максим поморщился, скривился и стремительно повернулся к стеклу спиной. Тяжело задышал, прикрыв глаза, ощущая, как забилося в груди сердце, ударяясь в виски потоком крови.

Тяжелыми шагами подошел к столу и сел в кресло, повернувшись к окну спиной.

За почти месяц, что прошел с момента ее исчезновения, Максим так и не узнал ничего о том, где Лена могла скрываться. Даже возможного местонахождения он не знал. И сходил с ума от неизвестности.

Воркутов делал свою работу хорошо, он был в этом уверен, вот только результатов он не наблюдал. И это бесило. Как она могла скрыться так быстро? И исчезнуть так неожиданно? Будто в воду канула.

Когда тогда, в октябре, Максим позвонил ему, детектив согласился встретиться без расспросов.

— Кого-то опять нужно проверить? — сухо поинтересовался он, увидев Максима.

Они встретились на том же самом месте, что и прежде, и Максим приподнялся мужчине навстречу.

— Не совсем, — ответил он сдержанно. — Моя жена пропала. Я прошу вас найти ее.

— Вы обращались в милицию?

— Я не думаю, что это стоит выносить в общественность, — откомментировал он. — Я прошу вас найти ее.

Воркутов, отстраненно огляделся по сторонам, а потом, нахмурившись, спросил, не глядя на него:

— Исчезновение вашей жены как-то связано с теми фотографиями, что я вам передал?

Максим с силой втянул в себя воздух.

— Думаю, что самое непосредственное.

— Понятно, — сухо и образно ответил детектив.

Что-то едкое и острое давило на него сверху, будто обвинение. Еще одно, со стороны чужого человека!..

— Так вы возьметесь за это дело? — настойчиво допрашивал его Максим.

— Почему вы выбрали меня? — напрямик спросил тот. — Потому что я хорошо выполнил свою прошлую работу? Так, видно, не очень и хорошо, раз вы теперь ко мне обращаетесь с подобной... просьбой.

— Я прошу вас мне помочь, — твердо сказал Максим, — потому уверен, что вы найдете Лену. Вот и все.

На этом они и сошлись. Воркутов получил всю необходимую себе и известную Максиму информацию и обещал держать того в курсе дела. Но с того момента дело почти не сдвинулось с мертвой точки. Было установлено только, что Лена вызывала такси в день своего исчезновения, но водитель, который должен был везти ее по указанному адресу, заявил, что девушку эту не забирал, что она отменила вызов. И след на этом обрывался. Вот уже почти месяц они узнавали какие-то мелочи, маленькие зацепки, клочки и кусочки информации, склеивая из всего, что обнаружили, общую картину произошедшего. И Воркутов сделал вывод, что Лена, вероятнее всего, уехала из города по железной дороге, или же поймав частника. А это означало лишь то, что теперь искать ее, это словно искать иголку в стоге сена. Не нереально, но сложно.

И неизвестность, окутавшая его с того дня будто саваном, вперемешку с виной, раскаянием и болью, сводили Максима с ума. Окружение не приносило облегчения его измотанным нервам и распятой душе, а, казалось, только сильнее давило на незажившие раны, хватаясь грязными ручонками за больное и рваное.

Родители его тоже винили. Не словом, хотя и для слов в первые дни этого ада хватило и сил, и желания.

Он почти не разговаривал с ними о том, что произошло между ним и Леной, коротко и довольно-таки сухо поведал об ее уходе, не вдаваясь, конечно же, в детали. Упомянув лишь о сильной ссоре между ними.

Он помнил тот первый день, тот ужасный день, когда прочитал обвинение в их глазах, впервые.

Казалось, его сердце разорвется от ненависти к себе, от разочарования, которое испытали отец и мать.

— Максим, — выговорила мама, едва сдерживая слезы, — что между вами произошло? Где теперь Лена?

А он не мог вымолвить ни слова. Застыл ступором напротив матери, на отца боялся даже взглянуть, стоял, будто контуженный, замороженно глядя в пространство. А сердце все стучит, не остановится.

— Мам, она... ушла, — пробормотал он тогда, пряча глаза.

— Куда ушла? — спросила мама.

— К подруге, что ли? — поинтересовался отец.

— Мы так переживали, — тихо проговорила мать, — думали, что-то случилось. Она в порядке?

— Я не знаю, — надрывным шепотом выдавил Максим из себя. — Не знаю, где она, и что с ней...

И в тот момент он понял, что тишина может оглушить. Вот так, просто. Ни звука, — полная тишина.

— Что случилось?! — уже громче, с нотками истерии воскликнула мама, подскочив к нему. — Что ты?..

И он поднял на нее глаза, полные боли, покаяния, потерянности, ненависти к себе и отчаяния, глухого, разъедающего его отчаяния. Этот взгляд и сказал им все, что сам Максим никогда не смог бы произнести.

Лидия Максимовна глухо охнула, прикрыв рот ладошкой, и пораженная, застыла, потрясенно глядя на сына. А потом вдруг резко притянула его к себе, такого большого, высокого, мужественного, и заплакала.

Максим порывисто ее обнял, наклоняясь к ней, вдыхая запах волос, материнского тепла, защищенности, уюта и какой-то детской уверенности в том, что мама не даст в обиду, в ее объятьях все будет хорошо.

Отец в тот день не сказал ему больше ни слова. Он потом не обвинял его, но осуждения взгляда больнее резало Колесникова-младшего, чем вызывающе-откровенные слова обвинения.

В ту ночь он остался ночевать в доме родителей, не спал всю ночь, проснулся засветло и уехал.

Мысли еще более острые и болезненные, чем прежде, давили на него своей свинцовой тяжестью.

Как у таких людей, как его родители, мог вырасти сын такой мерзавец? Такой негодяй, моральный урод, неспособный не просто на то, чтобы признаться в любви любимой женщине, но на то, чтобы любить!? Ведь мама, отец... они так любили друг друга! Они его любили, растили в ласке, нежности, все той же любви, которую переносили на единственного сына, конечно, были запреты, строгости и наказания, но всегда по делу, никогда просто так. Так почему же он вырос таким монстром?! Неужели он не мог научиться любить по тому примеру, который видел перед собой каждый день?! Откуда в нем эта апатия, болезнь, боязнь любить, довериться кому-то? Откуда в нем столько горечи, боли, злобы, словно не выброшенной во вне из глубин души еще с детства?

Он боялся любить, быть любимым, боялся казаться слабым, наверное, вот в чем дело. Он всегда и во всем должен был быть первым, а для этого нужно было быть сильным. А любовь, привязанность к кому-либо, как болезнь, разрушала силу, делала его слабаком, любого победителя превращая в проигравшего.

Он чурался этого чувства, всегда, еще с юности. А потом как-то забылось, отлегло, ушло, забылось. Его стали окружать женщины, недостойные любви, ласки и внимания, фарфоровые куколки, которых можно было заменить одну на другую. Они ничем друг от друга не отличались. И они были недостойны любви.

Но вот появилась она. Лена. И она перевернула весь его устоявшийся мир вверх дном. Перечеркнула все то, что он планировал, о чем мечтал, во что верил. Она просто разрушила его мир своим появлением в его размеренной, устроенной на годы вперед, распланированной жизни. Она внесла в него новые чувства и ощущения, те, которые он осмеливался испытывать только к родителям. Нежность, ласку, преданность, верность, любовь... Он не принимал их раньше, убегал от них, чурался, боялся выуживать из себя то, что считал достоянием слабака.

Этим чувствам не было места в его рациональном, отточенном, омертвленном,

бездушном мире пустого существования.

А когда пришла Лена, что-то взорвалось в нем. И он понял — это конец. Конец его силы, его первенства, его лидерства, его бесчувственности, апатии ко всему. Это конец всего, во что он верил и чему поклонялся.

И он убегал. От себя, от нее, от них... От того, что могло бы между ними быть. От чувств убегал, от любви. Но она убила его своим смирением, своей нежностью, своей живостью и энергией.

Она цвела для него, она родилась для него, она предназначалась лишь ему.

И когда он это понял, он решился. Быть с ней, чувствовать с ней, любить ее... Он не умел, почему-то не научился этому у родителей, но готов был научиться, пожертвовать ради нее своим временем, терпением, нервами, потому что знал, что так легко ему с этим не справиться. Но он верил в то, что они справятся.

Но он не успел научиться. Не успел полюбить и прочувствовать всю святость, всю живость и цельность того, что происходило между ними. Не успел научиться любить ее так, как она того заслуживала.

И остались лишь оборванные, надрезанные, поломанные иллюзии и мечты о том, каким бы он мог стать рядом с ней. Но не стал. Из-за того, что произошло. Из-за ее беременности.

Считал ли он ее предательством? Да. Считает ли он ее предательством сейчас?.. Наверное, нет.

У него было время на то, чтобы подумать. Чтобы разобраться в том, что произошло. В том, чтобы увериться, каким он был негодяем. Каждый новый день без нее — будто доказательство его вины перед ней. И перед собой тоже. Он себя все эти годы обманывал. Наивный глупец! Повесил на нее ярлык, пытаюсь отмазаться, скрыть следы своего преступления, обвиняя во всем лишь ее одну! Негодяй, подонок. Не это ли низость, подлость, трусость, не достойная сильного человека, каковым он себя считал?!

Он был виноват в равной степени, как она. Но тогда он почему-то решил закрыть на это глаза, упиваясь собственными чувствами, ощущениями, болью и отчаянием, которые привнесло в его жизнь ее мнимое предательство. Но виноват он был так же, как она. Как поздно он это осознал! Как же поздно!..

А вокруг с ее исчезновением творилось черте что. Хаос, беспредел, бардак, круговерть событий, чисел и людей, с которыми он не желал иметь ничего общего. И ему казалось, что в каждом взгляде, направленном на него — обвинение, злость, брошенный в него камнем упрек. Неоспоримая истина из ошибок и слез.

Несколько раз он встречался с Порошиным. Первая встреча едва не закончилась не просто дракой, но настоящей бойней. Максим тогда был сильно не в себе, на взводе, легко воспламеняемый от малейшего неправильно и не вовремя сказанного слова, а Порошин, словно видя его состояние, только подливал масла в огонь.

— Колесников, — сухо поздоровался Андрей.

— Порошин, — столь же сухо ответил Максим, не пожимая протянутой ему руки.

Злость клокотала в груди, готовая вот-вот рвануть через край и опалить противника огненной лавой.

— Как Лена? — колко осведомился Андрей. — Нашлась?

— Не твое дело, — сквозь зубы выдавил Максим тогда. Уйти отсюда, уйти от греха подальше. Он и так еле сдерживается оттого, чтобы не накинуться на этого увальня с кулаками и не расквасить ему физиономию.

— Это мое дело, — с акцентом заявил вдруг Порошин, и глаза Максима сузились, превратившись в точки. — Лена ушла от тебя, Колесников, не долог час, скоро на развод подаст, поэтому все, что с ней происходит, касается меня так же, как и тебя, если не больше!

— Ты совсем охренел?! — прошипел Максим, нависая над соперником ледяной скалой. — Она моя жена, ты забыл?!

— Руки убери, — совершенно спокойно выдохнул Андрей, пытаясь отстраниться, но Максим был в ярости и лишь сильнее сжимал его за грудки. — Лена мне дорога, для тебя это не секрет, и если она уйдет от тебя, в чем я сейчас ничуть не сомневаюсь, ибо ты полный псих, — Максим дернулся, хватка усилилась, а Порошин продолжал гнуть свою линию: — То я, если только буду ей нужен, окажусь рядом...

— Не смей приближаться к моей жене, понял?! — взревел Максим так, будто его резанули ножом.

— Твоего разрешения, что ли, нужно спросить? — едко осведомился Андрей. — Сейчас, разбежался! Ты ее не особо спрашивал, когда превращал ее в куклу, которой удобно было управлять...

И тогда он не выдержал. Кулак сам, против его воли взметнулся вверх, смачно опустившись на лицо Андрея. Тот дернулся, ошарашенный, изумленный, не ожидавший подобного, покачнулся, едва устояв на ногах, а потом, отстранившись, посмотрел в лицо нависшего над ним безумца.

— Ты что?.. — осипшим вмиг голосом выдавил он, ощущая во рту привкус крови. — С ума сошел?..

— Не смей говорить о моей жене! — процедил Максим сквозь зубы. — Не думать о ней, не подходить к ней!..

— Сначала найди ее! — грубо перебил его Андрей и, ожидая удара со стороны Максима, резко отстранился.

— Я тебя урою, если ты хоть на шаг к ней приблизишься! — угрожал Максим, надвигаясь на Порошина.

— Неудивительно, что она тебя бросила! — говорил тот. — От такого мерзавца нужно бежать со всех ног!

И тогда Максим перестал себя сдерживать. Андрей тоже. Они избивали друг друга так, будто от этого зависела их жизнь. Сколько всего было сказано, сколько выброшено слов, злых, грубых, правдивых.

Их разнял Петя, сначала ошарашенный от увиденного, а потом ринувшийся их разнимать.

— Твою ж мать! — матерился он в голос. — Вы что, с ума посходили?! Какого хрена?! А ну, хватит! Брейк! — и с силой стал оттаскивать Максима от Андрея, который уже тоже не стеснялся в выражениях. — Отпусти его, я сказал! Максим!..

— Еще раз я тебя рядом с ней увижу!.. — орал Максим, вырываясь из рук Петра.

— Еще не раз увидишь, будь уверен! — кричал в ответ Андрей, и Максим начинал вновь заводиться.

Они расстались еще более злейшими и лютыми врагами, чем были до этого. Если такое было возможно.

А мир вокруг продолжал вешать на него ярлыки, бирки, кидаться обвинениями в его адрес, забрасывать камнями и правдой, которая не просто колола, но выкалывала ему глаза.

Аня настойчиво звонила первые две недели. Стабильно, каждый день, утром, днем и вечером. Говорила, какой он козел, полное ничтожество и ублюдок. А он устало с ней

соглашался, слушал ее не более минуты, а потом молча, не прощаясь, отключался.

Его обвиняли почти все, хотя лишь немногие... да что там, почти никто!.. не был осведомлен о том, что произошло между ним и Леной перед тем, как она исчезла. Казалось, мир сошел с ума, перевернулся, пал, накренившись, и потянул его за собой в темные глубины неизвестности и пустоты. А в глаза смотрит боль, презрение, собственная слабость, бессилие перед неотвратимыми обстоятельствами.

Вина полностью лежала на нем. На сердце, в душе, в каждой клеточке его плоти, впитавшись в кровь.

И ему казалось, что весь мир видел эту вину на его лице, читал в глазах, в позах, в движениях...

— И что, она просто так взяла и ушла? — допытывался у него Петя, недоверчиво качая головой. — И ни записки, ни адреса, вообще ничего? А причины какие? Что, — изумленно говорил он, — просто собрала сумку и поминай, как звали?! Да не может этого быть! — и, подозрительно глядя на Максима, бормотал: — Что-то ты темнишь, друг мой, что-то темнишь.

Максим молчал. Что он мог ответить на такое заявление? Она убежала, потому что он ее изнасиловал?! Да ему тут же психушку вызовут и лечение организуют с личным медицинским персоналом!

А вокруг — лица, пустые, чужие, бледные и, казалось, мрачные лица с упреком, с приговором в глазах.

Все изменилось для него, в его жизни, вообще — изменилось. словно стрелки часов повернули вспять.

Он никогда не спешил возвращаться домой. У него почти не было дома. Умер в тот миг, когда Лена ушла. Вместе с ними умер, превратившись в пустую и холодную каменную крепость, ледяное изваяние из гранита, склеп, а не теплое и уютное семейное гнездышко, каким было, когда они еще были живы.

Пару раз в неделю приходила нанятая матерью домработница, убиралась, готовила что-то... будто он мог дотронуться до еды и что-то проглотить!? Мама, конечно, настаивала, что сама будет приезжать, но разве ему это было нужно? Чтобы видеть ее бледное лицо и светлые глаза с горящим внутри упреком и осуждением?! Разве ему не хватает собственного осуждения, чтобы проглядывать его еще и в глазах своей матери?! Он отказался от ее предложения. Он даже ей не рассказывал того, что произошло на самом деле в тот роковой день, но знал — она догадывается. И от этого становилось еще хуже и больнее. Как-то острее ощущалась потеря, утрата, горе, пустота и одиночество.

А сейчас, глядя в пространство серых стен собственного кабинета, о котором он мечтал, которого он добился... вот все, чего он желал! Почему же сейчас ему все то не нужно?! Его необходимо что-то совсем иное, что-то, что когда-то казалось безумием и будто испытанием ему свыше. Сейчас, не он с горечью и негодованием понимал, что нужно возвращаться в свое унылое и пустынное домище, чтобы переночевать. С тех пор, как пропала Лена, он только ночевал там, проводя все свое время на работе.

Медленно и неспешно оделся, прошелся пару раз по кабинету, бросил быстрый взгляд на фотографию в рамке... Лена. Улыбнулся грустно и устало, испрашивая прощения, обещая не убивать ее снова. Но ее глаза молчали, улыбаясь ему в лицо, Максиму казалось, — хохотали над его болью и одиночеством, к которому он стремился и которого, наконец, достиг. Рад ли ты теперь?! Скажи, рад?!

Сдвинув брови и поджав губы, мужчина резко хлопнул выключателем и поспешил вниз. Выскочил из здания и, подняв воротник своего пальто, спасаясь от порывов ледяного ветра, смешанного со снегом, быстрыми шагами направился к стоянке, на ходу застегивая пуговицы.

Добраться бы до машины, там можно будет сойти с ума еще раз. Там никто не увидит его состояния...

— Здравствуй, Максик, — прошептал женский голосок возле его уха, заставив его остановиться.

Темнота, лишь свет фонарей на стоянке освещает худенькую женскую фигурку, закутанную в шаль.

Лица. Он узнает ее. По запаху, а не только по голосу. У нее отвратительные духи с привкусом цитрусов. Он ненавидит этот аромат с некоторых пор.

Оборачивается к ней с мраморным лицом, сдвинув брови и равнодушно разглядывая девушку.

— Лица? — сухо выговорил он. Не хотелось разговаривать, хотелось послать ее к черту.

— Ты еще помнишь, как меня зовут? — иронично скривила губки девушка. — Меня это радует, — она подошла ближе и остановилась в паре шагов, глядя на него снизу вверх.

Максим поджал губы, чувствуя, как в нем поднимается волна отвращения.

Он промолчал, втянув плечи и сжав кулаки в карманах пальто, и отвел взгляд.

— Я слышала про твою жену, — проговорила Лица, высокомерно вскинув подбородок. — Ушла? Узнала о том, какой ты... любвеобильный?

— Это все, что ты хотела узнать? — мрачно осведомился он сквозь зубы. — Я спешу.

Она подошла к нему еще ближе и, погладив рукой, облаченной в тонкую перчатку, проговорила:

— Может быть, ты подумаешь о том, что мы могли бы сделать, пока твоей жены нет?

Он резко отшатнулся, пронзая ее презрением.

— Нет, не могли бы, — коротко, сквозь зубы.

— Нет?.. — то, как она ошарашена, написано у нее на лице.

— У меня нет на тебя времени, — резко выговорил он. — Как и на других таких же, как ты.

— Раньше ты говорил иначе, — с горечью проговорила Лица.

— Раньше многое было иначе, — бросил он, отстраняясь от нее и направляясь к машине. — Прощай, Лица.

— И что же, — крикнула она ему вслед, — ты даже не проводишь девушку до дома?!

Он даже не обернулся.

— Прощай, — сказал он, как отрезал, и скрылся в салоне автомобиля.

— Козел!.. — услышал он себе вслед, но даже не бросил в ее сторону единого взгляда. — Козел, ты, Максик!..

А он, заводя машину и вжимая педаль газа в пол, мечтал лишь о том, чтобы скорее уехать отсюда. От нее, от своего постыдного и неправильно прошлого, где еще одна ошибка напоминала ему о том, как он виноват перед Леной.

Как он мог терпеть ее, Лику? Ее и еще десятки других женщин, которые побывали в его постели за последние четыре года?! Как он мог выносить их рядом с собой, касаться их, спать рядом, заниматься с ними сексом, а на самом деле просто-напросто тр***ть. А потом возвращаться к ней, в ее постель, в ее объятия?! Как он мог?..

Уронив голову на руль, он тяжело и часто задышал.

Как она выносила это?! Как мирилась?! Ведь она знала о том, что он ей изменяет. Всегда знала, все пять лет. Наверное, с самого первого дня, когда он ей изменил. С той девчонкой из бара. Как сейчас помнил, что у нее были откровенного каштаново-красного цвета волосы, от нее несло дорогими женскими сигаретами, запах которых не приглушал даже аромат свежих духов.

Его передернуло от омерзения. К ней. И к самому себе.

Кто бы мог подумать, что когда-то это казалось ему нормальным!?

Измены, как протест. Как утверждение своей полной независимости от нее, от Лены. И полная капитуляция после каждой новой девицы, которая Леной не была и не могла излечить его души.

Измены, как избавление. От боли, от терзаний, от мук, на которые он обрек и себя, и ее. Избавиться от наваждения и видеть ее перед глазами вновь и вновь? Доказать себе, что может и без нее, и пасть ниц перед непостижимой истиной?! Перед истиной, которую писал не он! Не ему ее и исправлять!..

Измены, как попытка выговориться? Сказать то, что не удавалось сказать все эти годы? Чем это было для него?! Достучаться до Лены, привести ее в чувство, заставить говорить, поднять голову, возмутиться, закричать... Доказать себе, что его боль не так сильна, что она уже прошла и ничего для него не значит, он хотел обмануть себя изменами, подумав, что они вылечат его от любви к Лене, от зависимости к ней... Ведь он не должен испытывать боль, если не любит... И он хотел убедить себя в том, что действительно не любит... Но все равно любил, измены не помогали... Какой-то порочной любовью он ее любил.

Мошकारа надоедливых жужжащих вопросов, бьющихся в его мозг, просто убивали его.

Он мотался по городу почти всю ночь, рассекая автостраду, пару раз выезжал за границу, стоял на обочине, откинувшись на сиденье и закрыв глаза. А как только закрывал... видел ее. Светящуюся улыбкой для него одного. А потом... вмиг — слезы, боль, отчаяние, осуждение, обида... И она его уже не простит!..

Домой он вернулся лишь в половине первого ночи, разъезжал по городу, останавливаясь на набережной, у цветочных магазинов... Ему казалось, что сейчас он без сомнения смог бы выбрать для нее правильный букет цветов, просто почувствовать, какие именно ей нравятся и не сбрасывать выбор на постороннего человека, которая и понятия не имеет о том, какая у него жена!

Его любимая женщина.

Как жаль, что понял он это слишком поздно...

Унизил ее не только обвинениями в том, в чем она не была виновата, но и изменами.

Если бы она изменила ему, он бы узнал об этом... И он был уверен, что разорвал бы соперника на части. Ему была противна даже мысль о том, что Лена может находиться в объятьях другого мужчины.

А она... она терпела. Как смогла? Как вытерпела?! Не укорила и не обвинила?! Он ждал от нее взрыва, каких-то эмоций, проявления чувств, а не просто равнодушного и холодного преклонения, он хотел ее маленького взрыва, но не гибели!.. И сам попал под обстрел. И лишь затянул их в ад еще сильнее.

Измены, одна за другой... Сначала редкие, а потом более частые, начинающиеся и прекращающиеся, как давно заученный и приведенный в исполнение план. А потом — какая-то слепая одержимость.

Пронзая своей фигурой пустоту и темноту квартиры, он заходил в каждую комнату, будто ища что-то.

И не было ей объяснения, не было оправдания, не было иллюзорных попыток все исправить. Это был конец... Конец всего. И его тоже.

Тяжело вздохнув, Максим подошел к кровати и опустился на нее, низко наклонив голову.

В такие минуты, наедине с собой, когда у тебя есть время подумать, изуечить себя потоком бессвязных мыслей, ты начинаешь понимать, что такое отчаяние. Липкое, вязкое, влажное, грязное отчаяние. От которого ты никогда не отмоешь руки, как и от того, что ты натворил...

5 лет назад

В конечном счете, его достало все. Работа, окружение, семья, Лена... Даже она. А может, она в первую очередь. Как-то все навалилось, давило, прессинговало, он разрывался на части, просто летел вниз, самоуничтожаясь и не понимая причин, по которым вся его жизнь сошла с ума. И он сходил с ума вместе с ней. Целенаправленно, размеренно, отточенными, выверенными движениями.

Нет, он не строил иллюзий относительно их брака, по крайней мере, когда женился на ней — не строил. Она была для него предательницей и изменницей, она изменила ему со своими подлыми и коварными умыслами, которые на него направила. Предала не только его самого, но и все то, что он готов был ей предложить. Свою хрупкую, уязвимую, еще не окрепшую, болезненную любовь. Она начала зарождать в нем, начинала оживлять его оледеневшее сердце к жизни, к чувствам, к мироощущениям. Он учился любить постепенно, медленно и несмело, но учился. Она помогала ему в этом. А потом... предала.

Да, она была для него предательницей в тот миг. Она совершила преступление, именно таким виделось ему ее действие, ее подлость, обман, даже грубость. От нее, именно от нее, он подобного не ждал. От кого угодно!.. Но ей он верил. Он почти никому в этой жизни не верил, а когда она его обманула, когда тоже уподобилась тем, кого он презирал за ложь и фальшь, он разочаровался в ней, в жизни... В том, что в этом мире есть хоть что-либо, что неспособно на предательство и высшую степень подлости.

Когда он стал привыкать к тому, что у него будет ребенок, он даже думал о том, что что-то в их жизни и наладится. Ребенок, он же способен спасти семью? Разве нет? Конечно, глупость, истина, в которой он отчаянно сомневался даже тогда, но почему-то в глубине души надеялся на то, что малыш сможет что-то изменить в их отношениях. И он стал привыкать, мириться, смотреть на детей, невольно заглядываясь на матерей и папаш, гуляющих со своими чадами, он даже стал присматриваться к детским игрушкам, когда проезжал мимо красочных и разноцветных витрин магазинов. Он привыкал к этой мысли постепенно.

Он не хотел становиться отцом. Он боялся. Ответственность, нарушение спокойствия и привычного хода вещей — полный крах всего, о чем он грезил. Его планы, мечты, уверения, надежды...

Почему ему тогда не захотелось подумать и понять, что он смог бы и с ребенком, и с женой так же прекрасно существовать, как если бы их у него не было?.. Почему он об этом тогда не задумался?..

А когда он однажды проснулся утром и осознал, в полной мере осознал, что у него будет малыш... Представил его, своего, именно своего ребенка на руках и удивился тому чувству, которое мысленно испытал. И он воспрянул духом. Он пытался это скрывать от Лены, но знал, что она догадывается. Да и как можно было ей этого не заметить? Казалось, она всегда читала его, как открытую книгу.

И, когда он стал верить в то, что все еще может быть, что, может быть, он сможет даже перешагнуть через себя, смириться, принять и простить ее. Попытаться... начать все сначала...

И в этот момент все рухнуло окончательно. Лена потеряла ребенка, их малыша, уже живое существо.

Никто не знал и даже не догадывался, как ему было больно! Он маскировался, шифровался, строил из себя сильного и сдержанного, стойкого и волевого, а на самом деле так же медленно и неотвратно умирал, как и Лена.

Четыре месяца... Разве можно привязаться к кому-то так сильно всего за четыре месяца?! А он смог. Привязаться, смириться, полюбить... Открыть себя для другого человека. И потерять его в тот же миг.

Какая злая ирония судьбы, какая низкая высшая подлость и несправедливость! Словно кара, наказание.

И тогда начался настоящий кошмар. Он замкнулся в себе так же, как это сделала и она. И когда Лена не выдержала, когда лопнула струна, надорвалась пружина, раскрутилась спираль, когда Лена едва не сошла с ума от горя, решив покончить с собой, он тоже сломался. Он тоже не выдержал. И он сдался. Всего на краткий миг он тогда признался ей в том, в чем даже себе признаваться отказывался. В том, что любит ее. А после этого — ни разу. Спрятав свои чувства глубоко внутри себя, гноиться, крошиться, разрушаться.

И он уже не ждал чудес, он в них не верил. Не с ними, не для них, не в их жизни. Раненый, но живой, дышащий и ощущающий все, что происходит вокруг, но так и не сумевший сделать что-то для того, чтобы спастись самому и спасти ее. Просто обездвиженный настолько, будто мертвец... Погибающий грешник.

Он не хотел детей, он их боялся. Он боялся того, что может чувствовать к ним. И того, что не выдержит больше, не переживет кошмара, который перенес в тот миг, когда умер его ребенок, если тот повторится.

И они медленно, но уверенно ринулись в бурю страстей, в мрачный водоворот, в адскую воронку, которая, казалось, сильнее закручивалась для них, сжимая их плотным кольцом в горячем обруче из боли.

Они жили, как жили все. С виду — благополучная, цельная, правильная, идеальная семья. А изнутри — семья, покрытая незаживающими ранами, кровоточащими порезами, гноющимися рубцами. Одна сплошная рана, проникшая уже в самую глубину их сущности, ввевшаяся в кровь.

Может быть, и можно было что-то изменить. Если бы они пытались сделать это! Но им было проще, легче не обращать на это внимания. Не смирились, не забыли, не вспоминали, но знали, что помнят. Оба.

И он в какой-то момент не выдержал, сорвался, взбесился. Будто нож вонзили в грудь по самую рукоять. Ему надоело это мрачное, унылое, мертвое состояние покоя и апатии, в котором они жили. Лена, лелея свою боль, вину, превращаясь в тонкую и безликую тень самой себя. А он, предаваясь собственным огорчениям о потерянном счастье, о

возмутительности ее лжи, им же придуманной, и поиску оправданий своим действиям. Вся эта серость, однообразие, как большое пятно, на душе, на сердце, разъедающее их.

Они медленно угасали, медленно умирали друг у друга на глазах. Он хотел говорить, хотел чувства, взрыва, эмоций, проникновений, даже криков и упреков в свой адрес, лишь бы только не это раболопское снесение всех его незрелых и нездоровых мыслей.

Но она не хотела понимать, кричать, протестовать, не желала рушить то, что у них было, отказывалась говорить. И попытки объяснить ей, что у них ничего не было, с самого начала, никогда не увенчивались успехом. Она не слушала, не говорила, но молчала и терпела весь тот ад, в который медленно превращалась их жизнь.

И в какой-то момент все рухнуло, накалилась до предела тетива лука и разорвалась.

Он не смог этого больше выносить. Мозг отказывался принимать рациональные, отточенные, взвешенные решения, и он решил сделать то, что собирался сделать пять лет назад. Он решил развестись.

Это было наилучшим выходом из ситуации. Разойтись, бросить вызов судьбе и посмотреть, сведет ли она их вновь. У них бы все получилось, если бы тогда он ушел, если смог ее отпустить. Но он так и не смог. Не смог... И то, что в нем так же надрывно билось это опустошающее, выворачивающее наизнанку чувство собственной неуправляемости, неспособность просто бросить Лену, уйти от нее, бесило, напрягало, обнажало все его защитные реакции, пытавшиеся доказать, что сделать это, ему под силу.

И в результате это вылилось в проявление еще одной ошибки, грубой, жесткой, жестокой, неожиданной даже для него самого. Ошибки не достойной его, той, которой была не достойна она.

После работы он заскочил в тот клуб. Не помнил, как тот назывался, да и важно ли это в тот момент, когда решается твоя судьба? Тебе хочется просто напиться, забыться, отключиться, не думать. Пристроился за барной стойкой и стал пить, один стаканчик за другим, снова и снова, не обращая внимания на изумление бармена и косые взгляды в свою сторону. Хотелось напиться до потери сознания, чтобы забыть, не вспоминать, испить до дна печали и невзгоды и ни о чем не думать. Вообще ни о чем. А особенно о том, что дома, скорее всего, волнуясь за него, сходя с ума от неизвестности, потому что он отключил телефон, его ждет Лена.

Он терялся в своих чувствах. Он словно был зависим от нее. Он хотел от нее уйти, ведь понимал, что так будет правильно, верно, логично. Он должен. Так лучше! Для нее — лучше тоже. Он убивал ее, она убивала себя. Они друг друга убивали!.. И он понимал, что так будет лучше, правильнее и разумнее, но... Но не мог ее просто так отпустить. Что-то не пускало, не давало уйти и отпустить. Что-то сжимало сердце при одной лишь мысли о том, что завтра он проснется, а ее уже не будет рядом. Паранойя, зависимость, одержимость?

Он рвал на себе волосы, пытаясь разгадать эту тайну, но не находил ответа. Как загнанный зверь, ищущий свободы и видящий выход, он стремился вдохнуть поток свежего воздуха, который его ждал за чертой, за гранью, но не мог выбежать... не мог оставить в клетке что-то важное, ценное, дорогое... Не мог!

Нужна была причина. Веская, основательная, чтобы объясниться, оправдаться... И он нашел ее.

Наверное, у него тогда помутился рассудок, иначе как объяснить тот факт, что он, развернувшись, стал откровенно разглядывать сидящую рядом девушку. Шикарная. Высокая, красивая, волосы вызывающего каштаново-красного цвета, длинными прядями спадают на

плечи. Раскосые глаза и полные губы.

Девушка медленно затянулась сигаретой, глядя на него, и выпустила изо рта колечком легкий дымок.

Что-то билось в его голове, терзая мозг. Вырывалось из горла сдавленными вздохами. Металось внутри.

Он не мог отпустить Лену, и это его бесило.

Незнакомка наклонилась вперед и, не произнося ни слова, мягко и иронично ему улыбнулась.

Его мозг почти взорвался, в груди грохотало сердце, а в висках настойчиво и удушливо бился пульс.

Как кто-то посмел занять в его жизнь столь весомое положение?!

Так не может дальше продолжаться. Что-то должно поменяться. Сейчас... Сейчас!..

Доказать себе в первую очередь, ей, всему миру, что он не зависит от нее! Что сможет ее отпустить, если захочет. Она не так сильно привязала его к себе, как может показаться. Он сильный, разве нет? Он — победитель, а победители не сдаются и не поигрывают. Не пасуют и падают вниз со своего Олимпа.

И, когда девушка пронзила его выразительным взглядом из-под опущенных ресниц, он сдался.

Может быть, она окажется... другой? Заменит ему жену?.. Сможет доказать ложность его подозрений?..

Она ничего ему не говорит, ни слова, но он видит все в ее глазах, прищуренных, наглых, серо-голубых.

И уже нет повода сдерживаться, лгать самому себе, прятаться, рваться из клетки. Да и куда? Зачем?

Откинувшись на спинку стула, он смотрит прямо на нее, глаза в глаза. Обводит взглядом ее губы.

— Я женат, — откровенно признается он ей вместо приветствия. — И разводиться не собираюсь.

Она проводит язычком по губе, соблазнительно улыбается. Он понимает, что это его не трогает, ничуть.

— Думаешь, — говорит она с хрипотцой, — это меня должно остановить?

И это тоже очень многое для него решает. Его тоже уже ничто не останавливает. Да и что могло бы сейчас его остановить? Взрыв, землетрясение, пожар?.. Только собственная смерть. Но он не умер. Он погибал оставшиеся годы, самоуничтожаясь и убивая ту, которая была ему дороже всех на свете.

Не говоря лишних слов, он поднялся, выхватив сигарету из тонких пальчиков, затушил ее, бросил:

— Пошли, — и потянул незнакомку за собой.

Она зазывно и плотоядно ему улыбнулась, подчинившись, и решительно двинулась за ним.

Рванули в гостиницу. Наскоро заказанный номер. Начали раздеваться уже на входе.

Он набрасывается на нее, как зверь, как хищник. Изголодавшийся, ненасытный, бесчувственный зверь.

Это ни на что не было похоже, даже на секс. Он рвет, как измученный, вымотанный, изголодавшийся зверь. Рвет на ней одежду, обнажая грудь, терзает соски, скручивая их

пальцами, выпивая ее до дна, тараня ее рот поцелуями. Рвет себя надвое, остатками измученной души понимая, что именно сейчас творит. Рвет с прежней жизнью, казавшейся ему адским пепелищем. А потом, стремительно стянув с нее трусики, наверное, даже порвав их, просто вонзается в нее без предупреждения. Жестко, резко, бескомпромиссно, не давая и мгновения на то, чтобы опомниться. И начинает двигаться, как безумный, врываясь в нее снова и снова, и ощущая на оголенных участках спины ее ногти. Ее крики, стоны, всхлипы, судорожно подхваченные движения. Ее удовлетворение он читает по глазам, по с силой сжатым ногам, обвившим его торс, по обмякшему вмиг телу. Свое удовлетворение он нашел с трудом.

Распрощались так же скоро, как и познакомились. Хотя, даже не познакомились толком. Он не узнал ее имени, ему это было не нужно. Она оставила ему номер телефона, который он в тот же день выбросил.

И, когда мчался по ночным улицам домой, неуправляемый и еще немного пьяный, осознание того, что произошло, не давало ему дышать, срывая вздох за вздохом. Но он понимал, что это было... помрачение.

Обвинял ли он себя за это? Да, вначале обвинял. А потом... уже нет.

Он не искал оправданий, их не было, а потому принимал все, как должность. У него просто не было иного выхода. Ему нужно было или отпустить ее, или начать жить по-другому. И он сделал свой выбор.

Он не смог ее отпустить, никогда не мог... А потому, зная, что поступает бесчестно, подло, мерзко, как эгоист, как отъявленный мерзавец, все равно не смог дать им еще один шанс на то, чтобы спастись.

И он возвращался к ней. Всегда. И в ту первую ночь своего греха — тоже.

Она ждала его, как ждала всегда. Встретила у дверей, в ночной сорочке, встревоженная, помятая.

— Где ты был?.. — спросила она, рассматривая его лицо. — Я ужин приготовила, думала, ты вернешься раньше, но ты... — она вдруг запнулась, взглянула на него с изумлением в глазах. — Ты что, пьян?!

Да, он был пьян. Он напился, потому что ему претило все, что с ним происходило. Он хотел свободы, он хотел освобождения от зависимости, от этой каторги, от... нее. Но не мог освободиться. Не мог уйти!

— Я спать пойду, — выдавил он из себя еле-еле. — В душ, а потом... спать.

И, когда он скрылся из виду, она не пошла за ним. Не тронулась с места, изумленно глядя ему в спину, и вдыхая чужой аромат на его теле. Едкий цитрусовый аромат, на который у нее была аллергия.

И с этого все началось. С той первой женщины. И продолжалось на протяжении многих лет. После пяти лет брака, который она не смогли спасти, а лишь уничтожили, наступили новые четыре года измен. Не изменений, который были им нужны, как воздух, просто необходимы, но именно — измен. Его измен, не только ей, но и самому себе. Да, он отвратительно, мерзко, подло изменял и себе с того дня. Предатель!..

Они не смогли ничего изменить. Им нужно было разойтись. Необходимо было расставить. Именно в тот момент, когда он принял такое решение — пытаться искать ей замену. Если он тогда не понимал, что творит, и слепо верил в то, что такая замена найдется, то она-то, она, должна была возмутиться, воспротивиться, кричать, что есть сил, о том, что не отдаст своего мужчину другим женщина, у нее и только у нее имеются права на него!

Почему она этого не сделала тогда? Ведь он ждал. Он ждал от нее какого-то движения, действия, взрыва, бунта, хоть какого-то проявления чувств, кроме слепого повиновения и упования на то, что она виновата, а значит, должна расплачиваться за свою вину.

Почему она тогда не задумалась, что он тоже виноват? В своих изменах, в том, что винил ее, в том, сбросил все на нее, в том, что даже не попытался понять, принять ее мысли и ощущения. Ему было удобнее от нее отмахнуться, подавить ее, а она не могла кричать и биться в истерике, возмущаясь тому, что творилось вокруг нее.

И они молчаливо сдались. Оба тогда проиграли в игре, которую предложила им жизнь.

Просто замолчали однажды, решив, что им не о чем разговаривать, и... успокоились. Продолжая медленно умирать, гнить, превращаться в ничто и превращать в ничто все то, что их окружало.

Он забывался в своих изменах и бесплотных попытках найти Лене замену. Меняя женщин одну за другой, постепенно, не сразу наращивая темп, ускоряясь, как наркоман, которому не хватает уже прежней дозы, ища все больше и больше нового, неизведанного, неопробованного.

Может, эта?.. А, может, эта? Или вон та? Хоть кто-нибудь из них, Боже, да будет способен заменить ему ее на время?! Способен не был. Никто из них. Ни разу за все четыре года измен.

Он никогда никому не позволял занимать в своей жизни главенствующее место, он всегда был хозяином положения, победителем во всем и всегда. Но когда появилась она, весь мир его будто рухнул. Он готов был смириться с этим, принять, простить ей это постороннее вмешательство. Любви он готов был это простить. Предательству — он не способен был простить ничего.

Им нужно было разойтись. Просто развестись, или же, не разводясь, просто найти точку отступления и разойтись в разные стороны, со своими проблемами, заботами, невзгодами, восприятиями и обидами. Ей нужно было уйти от него. А ему нужно было ее отпустить. Но они остались умирать на руинах замка под названием «семья», который уже ничто не могло в тот момент спасти.

И спустя годы ошибок прозрение нашло на обоих.

Только вот... сможет ли это хоть что-то сейчас для них решить?..

20 глава

«Я ждал тебя... Часы ползли уныло,

Как старые, докучные враги...

Всю ночь меня будил твой голос милый

И чьи-то слышались шаги...»

Алексей Апухтин

Не прошло и нескольких дней с момента заподозренного ею плохого самочувствия, как начались новые боли и неприятности. Голова кружилась, по утрам начинало тошнить, а от запаха еды просто воротило.

Лена очень часто стала плохо себя чувствовать, но каждое утро пыталась уверять себя в том, что просто отравилась. Ничего особенного, серьезного, просто съела что-то не то, все пройдет, завтра, послезавтра...

Но не проходило. Ни через день, ни через два, ни через три.

Она боялась думать о том, что крутилось в голове надоедливый роем маленьких рокочущих мошек.

Этого не может быть. И не будет. Не с ней.

Просыпаясь по утрам от странного ощущения, она долго лежала в постели, вынуждая себя подниматься, а потом уговаривала себя позавтракать. Ведь нужно, ей целый день на ногах стоять! Оттого у нее и частые головокружения, и тошнота, и плохое самочувствие. Просто смена обстановки, воздух, окружение, работа, опять же, с утра до вечера. Нужно привыкнуть, устояться, разрабататься... И все пройдет.

Она гнала от себя более острые мысли, более правдоподобные и истинные мысли, те, которые не могли уложиться в ее голове, а потому она и старалась не думать об этом. Не хотела беречь старые раны.

Она уговаривала себя, что все пройдет. Нужно только время. Она привыкнет, станет сильной. Сможет, тогда и с самочувствием у нее все наладится. Обязательно...

Она уговаривала себя так до того дня, пока ее состояние не заметила Тамара.

Лене тогда внезапно стало плохо, в глазах вдруг замелькали мошки, заискрилось, загорелось и начало гаснуть, будто кто-то щелкнул выключателем. Она едва не упала, шатаясь, прислонившись к стене и закрыв глаза. Сквозь приоткрытые губы вырывалось сбившееся частое дыхание.

Тамара подскочила к ней, схватив за плечо, привлекая к себе внимание.

И тогда уходить от правды, заглянувшей в лицо, уже не имело смысла.

— Эй, Лена, — потрясла ее она, — Лена! А ну-ка присядь, давай, давай! — усаживая ее на табурет, говорила подруга, критическим взглядом осматривая бледность ее лица.

— Все хорошо, — пробормотала Лена, закрыв глаза и тяжело дыша. — Сейчас пройдет.

Я посижу только немного, — попыталась улыбнуться, но улыбка вышло вымученной.

Тамара покачала головой, глядя на нее из-под сдвинутых к переносице бровей.

— Слушай, Лен, — подозрительно сощурившись, проговорила она, — а ты, случайно, не беременна?

Лена застыла, подняла на Тамару затравленный взгляд. Беременна? Она? И мысленно подчитала, когда у нее должны были начаться критические дни. И не начались. Она чуть было не задохнулась.

— Так, — удержала ее от падения Тамара, — спокойно. Сиди, пока сидится. Что, подсчитала?

Лена посмотрела на нее и удрученно кивнула.

Как Тамара смогла так быстро догадаться о том, о чем она думала? Она не смела, не думала, вот так...

— И что насчитала? — напрямик спросила женщина, хмурясь все сильнее.

— Задержка, — выдавила Лена из себя, — уже... две недели.

Тамара, казалось, была удивлена. Брови ее подскочили к корням волос, а губы скривились.

— Мда, подруга, — покачала та головой, — и как ты не заметила этого?

— Не знаю, — изумленным шепотом пробормотала девушка, отводя глаза. — Как-то все... навалилось и...

— Тебе тест нужно купить, на беременность, — пояснила она. — Ой, да не смотри ты на меня так! Что, я что-то новое или неизвестное тебе сказала? Америку, что ли, открываю? Тест сделаешь, потом к врачу если что. Хотя, — насупилась она, — к врачу по любому нужно, раз такая задержка. Сегодня купишь, на перерыве, я тут, если что, сама справлюсь. А потом будешь решать, — строго посмотрела на нее. — Сойдет?

Лена зачарованно кивнула. Она боялась даже думать о том, что может быть беременна. Да и не могло этого быть. Не могло, ведь правда? Она с Максимом... месяц назад... и... Боже!..

Что же ей делать, если подозрения окажутся верными? Что?! Как быть, как мириться, как... жить?..

На перерыве сходила в аптеку, причем женщина-продавец смотрела на нее так, будто Лена покупает цианистый калий или взрывчатку, а не тест на беременность, и Лена поняла, что эта новость вскоре станет достоянием этого дня и многих последующих. За считанные часы.

Сердце стучало в груди, как безумное, как оно вообще могло биться так сильно?! А на губах застыло собственное дрожащее дыхание, поверхностное и липкое.

Она передумала все на свете, столько мыслей, как разумных, так и совершенно безумных, вертелись в ее голове, просто разрывая мозг. Она уже даже думать устала. Ей хотелось лишь одного — отдохнуть. От всего, что произошло в ее жизни за последний месяц. Она едва привыкла к тому, что теперь сама строит свою жизнь, как вдруг поняла, что за считанные минуты ее судьба может вновь перевернуться. Вернув ее к тому, от кого она убегала. А она еще не окрепла, еще не выросла морально, не стала сильной... Еще рано, а он... И она... Что сейчас можно решить? Она не сможет вернуться сейчас. Она даже не знает, какой видит свою будущую жизнь, и есть ли в ней место ему — человеку, которого она когда-то любила больше жизни!? А любить ли сейчас?.. Верит ли в возможность того, что может его любить?..

Мысли разрывались в ее голове кроваво-красным фейерверком из звезд, и она уже не могла думать.

Нужно убедиться, увериться, увидеть своими глазами... А потом уже решать.

А если все это ложь? Просто домыслы и нелепые догадки? Ведь такое бывает, женский организм непредсказуем, просто гормональный сбой, ведь она так много стресса пережила в последнее время! Просто что-то сбилось, пошло не так, сломались ее биологические часы, остановились... но пойдут снова!..

А если ее догадки и предположения верны? Что тогда? Как быть в этом случае?!

Всем сердцем желая малыша, она боялась узнать о том, что вскоре станет мамой. Сердце трепетало в предвкушении, но и болезненно сжималось от одной лишь мысли о том, что это означает.

Ребенок. Ее малыш. Ее и Максима.

Она боялась думать и о том, как прореагировал бы Максим, узнай он эту новость. Это тоже страшило.

Наверное, снова ее осуждал бы, искал оправдания тому, что сделал, отчитывал ее и упрекал? А она... она бы не позволила, она не сдалась бы и не отдала своего малыша на растерзание безумцу. Отцу... Но он не хотел, он не желал быть отцом! Он чурался этого, не хотел, противился. Он кричал о том, что у них не будет ребенка, что он не допустит, не позволит... А она? Не отдаст! Теперь — не отдаст.

Дома долго не решалась сделать тест. С утра, на голодный желудок. Не спала почти всю ночь, ворочаясь с боку на бок и думая о том, что делать. Если окажется, что у нее будет малыш... А если не будет?..

Не стоит себя обманывать. Будет. Она чувствовала это уже давно. Просто себе не признавалась, не хотела верить в то, что могло оказаться лишь напрасными надеждами. Не хотела рушить иллюзии.

Она чувствовала его, ощущала в себе зародившуюся новую жизнь. Как странно, ему всего-то месяц, и не может она знать наверняка, а она — знала. Положив руку себе на живот, она начинала его поглаживать, нежно, елеяно, едва касаясь пальцами кожи. Сердце грохотало в ушах, громко, настойчиво, сильно. И она улыбалась, с благоговением, с надеждой, с нежностью и без страха. У нее теперь будет смысл жизни...

А снег медленно таял, превращаясь в жуткий, колкий ливень, хлеставший в стекла острыми стрелами.

На утро поднялась с постели и сделала то, что так боялась делать. Вновь стало страшно, даже руки задрожали. Положила полоску на полку и вышла из комнаты. Забралась в кресло и, поджав под себя ноги, стала смотреть в окно. На то, как дождевые капли, монотонно стуча в стекло, превращали ее наичистейший белый снег в причудливые холодно-острые узоры из слез.

Было холодно и зябко. Как странно. В доме тепло и уютно, потрескивают дрова в печи, а внутри у нее будто мороз, обдает холодом кожу, превращая ее в ледяную корку, покрывшуюся дрожью.

Максим называл ее лягушкой за то, что она постоянно мерзла. Спала порой в паре шерстяных носков.

Она никогда не злилась на него за это, прощала подобное к себе обращение. И сейчас не обиделась бы. Ей нужна была поддержка, внимание, забота, хоть какое-то участие. Но могла ли она ожидать его от мужа?

Переборов страх, в глубине души уже зная, что все для нее решено, Лена вошла в ванную.

И когда увидела то, что там было, заплакала, не сдержавшись, прижимая руку ко рту, чтобы не зарыдать. Заветные две полоски на тонкой линеечке. Как свидетельство, как знамение, как данность. Ей — свыше. За то, что она пережила? За боль и страдания, за обиды и разочарования, за горести и печали? За того малыша, которого она потеряла девять лет назад!? Ее маленькое чудо, произошедшее в буре страстей и обид.

Мир вспыхнул сотнями, тысячами, миллионами разноцветных огней. Зажегся, взвился змеем, вспылал.

Беременна. У нее будет ребенок.

Обхватив себя руками, поежилась. Сильно зажмурилась, сжимая полоску в руках.

Невозможно! То есть, возможно, конечно, но... так неожиданно, так сразу... Не вовремя!

И вся истинность, вся реальность, вся обнаженная откровенность предстала вдруг перед ней.

Как теперь быть, как теперь жить?! Она не думала, не рассчитывала... Одна. Она одна была. А он...

Боже, будто мир перевернулся. Она не ожидала, была не готова, не мечтала, не думала, что так... сразу, непредвиденно, быстро, словно ударом в грудь. И это странное чувство внутри... Радость и печаль одновременно, искреннее счастье, граничащее с безграничной апатией, одухотворение и потерянности.

Она была не готова к этому! Она так хотела детей, но оказалась неподготовленной к тому, чтобы стать матерью. Она убежал от мужа, от того мира, в котором раньше существовала! Боже, она ведь одна в целом мире! Одна на всей планете. Она ни к кому обратиться не может, ей и поделиться-то своей новостью ни с кем нельзя. У нее есть только она сама, но что она сможет сделать для своего малыша?.. Слабая женщина в этом жестоком, сильном мире... Дом, семья, окружение, помощь, поддержка. У нее почти ничего нет. Одна.

Она даже не знает, радоваться ли ей?.. О, Боже, что за мысли?! Радоваться, конечно, радоваться! В ней зреет малыш, ее маленькое чудо, живое существо, ребенок...

А потом вдруг взрывается в памяти обрывками событий и дат.

Когда именно был зачат ее малыш. Середина октября. Ее побег. Ее последний день в доме Максима.

Руки, обнимавшая живот, начинают дрожать, а потом и вовсе трясутся. Ребенок, зачатый в день насилия. Что это? Чудо? Насмешка? Знак? Очищение или новое падение? Ее личное счастье или ее погибель?..

Максим так не хотел детей, он их боялся. А она, она так мечтала, желала, хотела!.. А сейчас не знала, как ей быть. Все смешалось, завертелось, закружилось вокруг, поглощая ее в водоворот чувств и ощущений.

Она никогда его не бросит, своего малыша. Никогда его не оставит, всегда будет рядом, что бы ни было.

Успокойся, родной мой, и не плачь, мамочка с тобой!..

Ноябрь... Смерть ее первого малыша. Ноябрь... рождение новой жизни в ней.

Она заплакала, чувствуя, как щекочут переносицу слезы и катятся по щекам к губам, оседая на языке.

Сотни роющихся мыслей смешались в ней, перебивая друг друга, они толкались и

игрались в ее голове, вырываясь вперед, доказывая свою правду, на чем-то настаивая, в чем-то упрекая, негодуя и мирясь.

Малыш, ее ребенок — как благословение, как подарок небес. И ни в коем случае не стоит вспоминать о том, что стало причиной его зарождения. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Малыш не виноват в том, что сотворили его родители. И он никогда не узнает боли, обиды, разочарования. Она никогда не покажет ему ничего кроме любви, нежности, ласки... Он — ее маленькое чудо, подарок, то, что Максим оставил ей...

Но как отреагирует Максим, если узнает?.. Вновь обвинит ее в том, что она специально все подстроила?!

Ощущая, что ноги стали ватными, почти недвижимыми, Лена подошла к креслу и села, опустив голову вниз, чувствуя подступ тошноты и головокружения. Задыхалась чаще, успокаиваясь, закрыла глаза.

Неужели история девятилетней давности повторится с ними?! И малыш, ни в чем не повинный малыш, опять останется в стороне?! Он опять станет виновником ссоры, обмана, предательства, многих лет ада?!

Сердце ее рвалось на кусочки, оно трепетало, болело и ныло, нестерпимо, словно чувствовало что-то, но молчало. А в груди все обрывалось, словно неумело слепленная ниточка, которая когда-то порвалась.

И как же она сможет дальше работаться в магазине, поднимать тяжести, если придется?! Как она сможет рисковать жизнью своего малыша снова?! И как сказать Николаю Ивановичу о том, что она беременна?.. Но она не может рисковать, никогда больше... Еще одной потери она просто не переживет, не вынесет!..

Но как же она сможет его подвести?.. Ведь она обещала, что не уйдет...

Мысли били ее снова и снова, пинались, колотили, настойчиво стучало в глубины ее сердца. А она не могла решить, как быть дальше.

В результате она вернулась к прежней жизни. Просто делала вид, что ничего не случилось. Никто не знал, о том, что она ждет ребенка, хотя, возможно, многие и догадывались, учитывая покупку ею теста на беременность в аптеке. Но никто из их покупателей не подавал виду, что что-то между ними изменилось, и никто, пусть даже косвенно, не намекал на ее интересное положение. О нем знала лишь Тамара, но она обещала молчать до тех пор, пока Лена сама не решит огласить этот факт.

Работали в прежнем режиме, и Лена заметила за собой, что постоянно теперь при любом случае трогала свой еще плоский живот, нежно поглаживая его, просто проводя рукой. Она уже любила свое чудо!..

А мучивший ее вопрос о том, как рассказать обо всем Николаю Ивановичу, вдруг решился сам собой.

Они с Тамарой должны были принимать товар, привезли много ящиков с продуктами, а грузчиков, как всегда, не хватало, поэтому Лене и Тамаре приходилось самим таскать в магазин доставленное. В общем-то, делать это им было не в новинку, но не сейчас, когда Лена каждым биением сердца теперь чувствовала ответственность за то человечка, который зрел внутри нее. В тот день Лена, даже опасаясь, что может надорваться, по глупости согласилась подружке помочь разгружать товар. Подошедший к ним Николай, хотел их отругать за это и даже приоткрыл рот, чтобы разразиться поучительной тирадой, но не успел. Лена, вдруг осознав, что не может донести всю тяжесть, резко отпустила ящик с продуктами, и тот, громыхая, рухнул на пол. Послышался звук битого стекла, внутри что-то

разбилось.

Вскрикнув, девушка отскочила в сторону и, зажав рот рукой, с ужасом наблюдала за тем, как на нее надвигается Николай Иванович. И лицо ее не выражало ничего хорошего.

И все нервное состояние, преследовавшее ее в эти дни, вырвалось из-под контроля, будто прорвалась плотина, сдерживающая все страдание, сомнение, страх, невыплаканные слезы, боль... Смешавшись с тем, что она ощущала с того дня, как приехала в деревню, все, сгустившись, собравшись в один большой комок, теперь рвалось из нее потоком несвязный фраз и истерических ноток в голосе. Истерика.

И Лена, не объясняясь, зажав рот рукой, кинулась прочь. Кровь молотилась в ушах, давила на нее, била, а сердце так гроыхало в ушах, на губах, в голове, что становилось трудно дышать.

Она не знала, куда бежала, и как смогла добежать до каких-то ящиков, когда, рухнув на них, ощутила позывы к рвоте и опасную темноту, повисшую на глазах. Давление крови в висках медленно убивало.

Николай нашел ее в кладовке, и, увидев, что она рыдает, сжавшись комочком, не сдерживаясь, бросился к ней с ужасом, застывшим в глазах.

— Ты чего реवेशь, дуреха? — вскрикивает он, кидаясь к ней, и не понимая причину ее слез иначе. — Ну, подумай, уронила, что же теперь, реветь из-за этого надо?!

А Лена начинает заходиться рыданиями еще сильнее и отчаяннее. Даже не пытаясь что-либо объяснить.

— Эй, ты чего?.. — изумленно выдыхает начальник. — Может, заболела? Или что?.. — присаживается рядом с ней на ящики и легонько трогает за плечо.

А она не может говорить, из груди рвутся не слова, но рыдания, одно за другим.

Николай удивленно смотрит на нее и, легонько тронув девушку за плечо, спрашивает:

— Лена, ты чего? Может, случилось что-то, а? — брови его сходятся. — Ты только скажи, и я...

— Я не смогу на вас больше работать, — прорыдала Лена, не глядя на него, боясь на него смотреть.

Он же, наоборот, прожигает ее взглядом и не понимает.

— Чего это? Из-за того, что случилось? — он удивлен. — Да забудь ты, ну с кем не бывает!?

Лена отрицательно замотала головой.

— Нет, не поэтому, — выговорила она сквозь рыдания.

— А почему тогда? — уставился он на нее.

Лена посмотрела на него. Как она не хотела его разочаровывать. Как не хотела!..

— Я не могу тяжести поднимать... У меня ребенок будет... — всхлипнув, она прикрыла глаза. — У меня уже был выкидыш, я не могу... не могу больше рисковать! Понимаете?! — голос ее сорвался. Сама она находилась на грани истерики. — Я не могу больше рисковать... Не могу, — шептала она, как заклинание.

А Николай, смотрел на нее, долго, пристально, кажется, даже не удивившись, а потом прижал ее к себе.

— Ну, что ты, что ты? — похлопывая ее по спине, пробормотал Николай. — Все образуется, не плачь ты.

— Я так не хотела вас подвести, — прорыдала Лена. — Я не хотела, но так получилось. Я несколько дней назад узнала!.. Понимаете?.. Я думала, что справлюсь, что смогу, но...

но... — и вновь заплакала в кулачок.

— Да ладно тебе, не реви! — воскликнул Николай, отшатнувшись от девушки. — Не ты первая, не ты последняя, чего реветь-то?!

— Но я вас подвела... — хмыкнув носом, пробормотала Лена.

— Ну и ладно, — махнул он рукой. — Придумаем что-нибудь... А ты пока это... возвращайся за прилавок, я Тамарке скажу, чтобы она товар принимала, — окинул ее быстрым взглядом. — Слезы утри и не реви больше!

Всхлипнув, Лена кивнула, а Николай, задумчиво качая головой, удалился, громко стучая сапогами.

Лена вытерла слезы, хотя так и не смогла избавиться от предательских красных пятен, выступивших на лице, и вернулась к работе. Как теперь быть?.. Ее теперь уволят за непригодностью? Или она сама уйдет, чтобы не мешаться? А как дальше жить? Платить за жилье, питаться, да и зима уже через пару дней!

Что ей делать?.. Одной!?

Но увольнять ее никто не собирался, о чем Николай Иванович поспешил сообщить на следующий день. Более того, он ее несказанно удивил, заведя разговор, которого она от него никак не ждала.

— Слушай, Лена, — начал Николай с ходу, как только ее увидел, — а пойдешь в столовую работать? Правда, в городе она, эта столовая, — почесав подбородок, сказал он, — там завод у нас есть, вот при нем столовая. Им повар нужен был, вроде. Там дочка моя работает... Пойдешь? Ты ж у нас повар по специальности? А?

Лена уставилась на него. Ее не увольняют?.. Или хотят, чтобы она сама ушла таким образом?..

— Я... я, конечно, пойду... — пробормотала она. — А вы меня выгоняете?.. — едва разлепила губы она.

Мужчина, казалось, удивился, уставившись на нее широко раскрытыми глазами.

— Нет, конечно! Ты хороший работник, и нравишься ты мне, — почесав подбородок, признался он. — Но ты же сама сказала, что не можешь больше на меня работать... — он запнулся. — Ну, в положении и все такое...

Лена смущенно отвела взгляд. Почему-то под его взглядом ей становилось неловко.

— А если я с Тамарой договорюсь? — проговорила девушка. — И она согласится одна товар принимать? — она посмотрела ему в глаза. — Тогда можно я останусь?

— Хм... Ну, если так... — задумчиво выговорил он. — Мне-то даже лучше, и искать никого не надо и тебя уже знают здесь. Только что Тамара скажет? — поморщился он. — Она баба с характером, сама же знаешь!

— Я поговорю с ней, можно? — осторожно проговорила Лена, зная, что Тамара не откажет.

А Николай, сделавший акцент на этом разрешении, которое она у него спрашивала, вдруг разозлился.

— А почему ты у меня спрашиваешь? — нахмурился он, поджимая губы и начиная пятиться. — Говори, если хочешь, я-то тут причем?! Я ни причем, сами с этим разбирайтесь!..

Лена лишь улыбнулась сквозь слезы. Она-то понимала причем, отлично понимала.

Она видела те отношения, что развилась между ее подругой и начальником. Они вздорили, ругались, бросали друг на друга негодующие взгляды, но стоило им остаться

одним... что-то начинало искривляться, проскальзывая змейкой в маленьком пространстве на расстоянии вытянутой руки, когда они стояли рядом.

И сколько бы они не пытались это скрывать, вуалируя чувства под масками равнодушия и беспечности, скрыть очевидное было очень сложно. И Лена видела и легкие прикосновения, и жар глаз, и шептание губ. Что-то было между ними. Что-то сильное, чему они не хотели сдаваться, уступая и смиряясь. Оба чересчур упертые, упрямые, чтобы сдаваться! Но рано ли, поздно ли, плотина не выдержит и прорвется, и хлынет поток.

Но Лена не хотела вмешиваться в их жизнь, она слишком сильно была поглощена своей, такой трудной, непонятной, наверное, неправильной и удручающей.

Перед ней по-прежнему стояло много вопросов, и ни на один она не могла найти однозначного ответа.

Как быть? Рассказывать ли Максиму о том, что он станет отцом? Но какой реакции ждать на свои слова? Не осудит ли он, не обвинит ли, как девять лет назад?.. И как пережить новый удар судьбы, разговор с ним, а, может быть, и встречу? Как?! Или не рассказывать ни о чем?.. Но это неправильно, это нечестно. Он отец, пусть и не хотел малыша, он должен знать!.. Или не должен?.. Что это решит для них? Может быть, она вовсе ему не нужна? Может, он уже подал на развод, отпустил ее, нашел себе новую жену?.. И если она сейчас скажет ему, что беременна, это все разрушит...

Но, с другой стороны, как она может промолчать?! Будет осуждать себя, винить, корить — опять?! Нет.

Душераздирающие внутренние стоны рвали ее сердце в клочья. Она терялась, падала, не находила... Ее терзали противоречия и нелогичности, несовпадения и прошлые ошибки. Оборачиваясь назад, она видела все, словно со стороны, а потому боялась совершить новые. Она боялась сделать все не так, как нужно, боялась опять ошибиться, а потом... потом вновь, как и девять лет назад, расплачиваться за них!

Нужно было сделать правильный выбор. Но сейчас все было слишком субъективно, слишком часто она еще вспоминала, не забыв, слишком часто болело сердце, слишком часто она была... не собой.

С решением этой проблемы неожиданно помогла Тамара. Ее персональный ангел-хранитель.

Казалось, она видит и замечает все, даже то, что другие заметить или увидеть были не в состоянии.

— Думаешь, сказать ему или нет? — будто читая ее мысли, поинтересовалась она у Лены, застав.

Лена удивленно вскинула на нее покрасневшие глаза. Тут же потупилась, смущенно покраснев.

— Да я же вижу, — без злобы проговорила подруга. — Я ж такое тоже пережила, у самой вон дочка без отца растет. Я-то своему сказала тогда, а что толку? — Тамара равнодушно и как-то беспечно пожала плечами. — А ему-то что? Что было, что не было. Лишние проблемы на голову. А я тогда и решила, что сама буду воспитывать, — она нахмурилась. — Только сложно это. Да и неправильно. У ребенка отец должен быть в равной степени, как и мать. Не дело это, когда девка, а уж тем более, пацан без отца растет! Не дело. Я тогда своему сказала, так он рукой помахал и только открытки на дни рождения и присылал, пока и про них не забыл... — она замолчала, а потом вдруг спросила: — А твой что? Так же отреагирует?

Даже, наверное, хуже...

— Он не хотел детей, — тихо проговорила девушка.

— Нуу, не хотел, — протянула женщина, — а, может, он из тех, кто их боится просто? Вон, как у Динки, я тебе не рассказывала? — и Лена отрицательно покачала головой. — У Динки муж был... то есть как был, он у нее и сейчас есть. Сын у них сейчас растет и дочка, — поведала Тамара. — Муж ее, Вовка, такой весь из себя гусак, главарь, лидер, и все у него ладится, и все получается. А детей не хотел, — заявила Тамара. — А Динка хотела, очень хотела. Ну, мало ли что он не хочет, подумала она. Не хочет — заставим, как говорится! — рассмеялась Тамара. — Ну, вот она забеременела, без спроса мужа, думала, что тот привыкнет, смирится, да и все образуется у них. Ан нет, не образовалось. Вовка-то как узнал о том, что папашкой станет, так чуть ее со свету не сжил. И грозил, и ругался, и предательницей называл, и лгуньей. Даже аборт предложил делать, — поморщилась женщина. — А Динка ни в какую! Какой аборт, ей уже за тридцатник тогда было! Она отказалась, а Вовка от нее и смотался, — присвистнула Тамара. — Ну, Динка попереживала, погрустила, на развод даже подала, а когда сына-то родила... Вовка к ней с цветами, прости, помилуй, был не прав. Но Динка у нас баба умная и гордая, она сразу не сдалась. Пришлось Вовке ее поуламывать. Ну, ничего, сдалась. Кто перед ним устоит? — хихикнула она. — Вот сына теперь растят, а через два года она ему еще и девчонку подарила, так тот рад, себя не помнит. А когда-то детей не хотел! — хлопнула она глазами. — Так что, если есть возможность, нужно сообщить. А то момент упустишь и все... Поезда, они, знаешь, не всегда на место отправления возвращаются. В одну сторону, да и все. Ищи ветра в поле.

Лена долго думала над словами подруги. Слишком много сути было в них, правды, истинности. Но и страх будто сковал ее поперек так, что не вырваться, скрутил прутьями и удерживал в своих тисках.

Сообщить Максиму о малыше. Но как?... Какие слова подобрать? Что он скажет? Какотреагирует? Да и как заговорить? После почти двух месяцев глухого молчания?!

Сообщить новость и просто... исчезнуть? Ведь она была еще не готова к тому, чтобы вернуться — нет! И к тому, чтобы просто встретиться с ним, тоже была не готова. А он будет настаивать, умолять, просить...

А ей останется только сдать? Вернуться лишь для того, чтобы потом сломаться?! Погибнуть окончательно? Нет. Не сейчас. Она еще не сильна духом, не выросла, не окрепла, слабая и безвольная. Выращенная в парнике орхидея еще не готова была встретиться с холодом морозных зим.

Но и молчание было неправильным решением проблемы. Он должен был знать, Тамара права. Не только она должна принимать решение, но и он тоже. Она должна хотя бы сказать ему, чтобы он был осведомлен. Ей необязательно с ним видеться, встречаться, долго разговаривать или слушать его уговоры вернуться или же упреки и новые обвинения. Она может просто позвонить ему, сказать новость и... исчезнуть вновь.

Подло, неправильно, мерзко? Но не ему рассуждать о подлости и мерзости в ее сторону!

И она решилась. Неожиданно, спонтанно, твердо. Дрожащими руками набрала его номер.

Сердце разрывалось от собственного биения в такт каждому короткому гудку телефона.

Поднял не сразу, а она дрожала, стискивая зубы и глубоко вдыхая теплый воздух, пропитанный испугом и ожиданием.

— Да? — голос, от которого ее всегда бросало в дрожь. Она не слышала его почти два

месяца!.. Такой знакомый, родной, но вместе с тем... будто чужой, какой-то отстраненный, не свой...

А она молчала. Заранее заготовленные слова вдруг ушли, оставив место одинокой немой пустоте.

— Вам что заниматься нечем?! — рычит Максим в трубку, не сдерживаясь. А у нее сильнее стучит сердце.

Злится. Она до сих пор помнит, как он злится... И, как дышит, тоже помнит, и как говорит...

Дрожит все, даже душа, надорванная и брошенная к ногам.

— Максим... — выдавила из себя она, наконец, и, тяжело вздохнула, — это я... Лена.

Он так и не узнал, где она. Воркутов не давал ответов. Почти два месяца без нее. Пятьдесят два дня без нее, превратившиеся в вереницу слившихся в одно вечное монотонное мгновение минут и секунд. Немое, мрачное давление на его психику и нервы от потерянности, неизбежности рока, бессмысленности своего существования и желтой болезни в его душе. Без права переиграть, повторить или удержаться на плаву.

Без права начать мечтать или просто подумать о том, что все еще может... повториться или стать иным.

Когда Воркутов, после почти двух месяцев поисков сказал, что круг сужается, Максиму показалось, что это был его круг, и сужался он вокруг него, именно его завербовывая в свой капкан, в свои сети и пути.

— Надежды нет? — сухими губами, ощущая горечь на языке, спросил он детектива.

— Есть. Но очень слабая, — ответил тот. — Продолжать поиски?

— Да, — коротко и лаконично.

— Это потребует дополнительных затрат...

— Хорошо. Я оплачу, — перебил Максим, заглядывая мужчине в глаза. — Если вы обещаете, что найдете ее.

Прямой пристальный взгляд впился в него уколом острой боли.

— Найду.

Максим коротко кивнул, отворачиваясь к окну. Значит, так тому и быть.

Как долго еще продлится его персональная пытка? Как много времени отвел ему некто свыше, чтобы понять, принять, смириться, вытерпеть... и не сойти с ума?.. Есть ли у него хоть малый, хоть ничтожный шанс на то, что у них с Леной есть будущее? Расплывчатое, неопределенное, не выстроенное и не понятое еще ими двоими, но есть?.. Каков шанс на то, что она простит его, а он простит сам себя?..

Время способно было расставить все по своим местам. Но время сейчас играло не за него, а против.

Он почти с ума сходил от неизвестности, потерянности, едкой безнадежности. Он не находил себе места в квартире, он часами разъезжал по городу, не желая возвращаться в пустую одиночную камеру с личным надзирателем. Воспоминаниями и размышлениями. Они сводили его с ума, делали почти безумным.

Как он мог допустить, чтобы это случилось с ними? Этот разрыв, крах, полное уничтожение?

А делал ли он хоть что-то для того, чтобы сохранить то, что между ними было?!

Боже, какое глубокое, острое, убивающее чувство безысходности и неотвратимости!

Наверное, именно в такие моменты люди и сходят с ума, наедине со своими самотерзаниями, тревогами и мыслями, никем не понятыми и не принятыми, никем не выслушанные и просто забытые. В такие минуты понимаешь, что у тишины есть звук, а у безвкусыя — пряный, но острый вкус металла, и все это монотонно давит на тебя.

Если бы он чуть раньше заметил, чуть раньше осознал, увидел, понял... Если бы он чуть раньше заставил себя прислушаться к голосу разума, совести, собственного сердца, которое всегда знало гораздо больше, чем он сам! Все могло бы быть иначе. Могло бы быть!.. Но не стало...

Почему он был таким слепцом, таким идиотом?! Может, это болезнь?.. Отклонение от нормы ведь и есть ненормальность, а он — абсолютно точно ненормален. И теперь пропитан заболеванием до кончика пальца.

Как ему теперь жить без нее? Мир без нее превратился в какой-то сплошной комок, клубок нервов, боли, невозможности и запятнанной совести. Все казалось блеклым, безжизненным, пустым и просто не нежным. Зачем ему нужен был этот мир без нее?! А как он важничал, гордо вскинув подбородок, заявлял, что может без нее обойтись! Как гордился своей выдержкой, силой воли, демонстрируя всем лавровый венок!

Кому теперь нужен твой венок, твои победы, выдержка и сила воли? Без нее — ты можешь ответить, что все это для тебя значит? Так ли много, как ты думал?.. Совершенное ничто.

Он не знал, что ему делать. Он не знал, как жить дальше. Единственное, что он хотел сейчас — найти Лену, узнать, как она, где, что с ней. Хотя бы эти элементарные вещи. Кажется, ему было бы достаточно просто услышать ее голос, чтобы вновь стать счастливым.

В его голове все смешалось, будто распоролось швы, выпустив изнутри все спрятанные там чувства.

Он не представлял, что будет делать, когда ее найдет, он не заглядывал так далеко. Он лишь ощущал в себе потребность узнать, что с ней. Поговорить с ней? А если она не захочет с ним разговаривать?!

Он не знал, что будет делать, если она вдруг окажется рядом. Извиняться? Глупо. Оправдываться? Бессмысленно. Просить прощения и покаяния? Поверит ли?.. Но знал, что больше ее не отпустит. И не допустит, чтобы она захотела от него уйти. Он надеялся, он верил, что у него все получится. Ради нее.

Какой он видел свою дальнейшую жизнь?.. Как сложно думать об этом, когда ее нет рядом. Ведь он не видел своей жизни без нее. Она рядом — это было неизменным, основополагающим, а все остальное — ложь, фальшь, мишура, шелуха. Главное, чтобы она была с ним, а потом... потом он просто начнет жить сначала.

Любил ли он ее? Любил. Признался ли себе в этом? Признался. Смирился ли с любовью? Смирился.

Но поверит ли она ему после того, что пережила по его вине? Он сомневался в этом. Наверное, такое не прощают. Не тому, кто убивал тебя на протяжении девяти лет, а потом выстрелил контрольным в голову.

Как он пришел к тому, что любит ее? Очень просто, ему никогда могло бы показаться, что все может быть настолько просто. Когда начинаешь заглядывать в себя, искать причины, выуживать на поверхность ошибки, недочеты, неправильности и нелогичности, как это делал Максим, ты находишь внутри себя то, что там было всегда. Молчало, таилось, пряталось, пылилось, не показывалось, испуганное, зажатое, маленькое, смирившееся со

своей ненадобностью и, казалось, ненужностью. А теперь, найденное тобой, будто обретшее новое дыхание, получившее новую жизнь, новый толчок к развитию, вспорхнувшее к небу.

Любовь к Лене всегда была в нем. Она просто не раскрывалась, таилась, завуалированная за масками лжи, лицемерия, презрения, обмана и фальши, почти уничтоженная, превращенная в ничто, но все еще еле дышащая, живая, хоть и едва разлепившая губы, чтобы заявить о себе робким, но твердым голоском.

И он пал перед ней на колени. Перед этой любовью — непонятой, загубленной, не принятой им, забытой, разбитой, попранной, ущемленной в правах и изломанной болью и прошлыми обидами.

Он открыл ей поток свежего воздуха. И она, воспарив к небесам, вспылала в нем, возрожденная, как феникс, из пепла, загубленная, но не убитая, не поработанная, а лишь затравленная непониманием.

Он не учился любить, но любовь горела в нем, такая, какой была, какой родилась. И он любил теперь, открыто, цельно, всей своей сущностью любил, всем своим существом. И не боялся больше признаваться себе и всему окружающему миру в том, что любит. Не считая это больше падением или слабостью.

Это было признанием силы, воли, победы. Над самим собой и своими предрассудками.

И, как жаль, что для того, чтобы понять это, признаться в этом даже себе — в первую очередь, себе! — ему пришлось пройти такой тернистый и болезненный путь. К озарению, возрождению, восстановлению.

Почему для того, что понять, как тебе дорог человек, тебе нужно его потерять?! Почему нельзя осознать всего раньше, почему нужно сотворить преступление, пойти на крайности, совершить ошибку, одну за другой, лишь для того, чтобы понять обыденную истину!?

Как нелогичен, несправедлив и жесток этот мир! Особенно, если вернуть потерянное тебе не удастся...

На работе Максим был извергом, это заметила и секретарша, и Петя, и партнеры. Он не срывал ни на ком свою злость, он был сдержан, хладнокровен, жестко апатичен и цинично меркантилен. Цеплялся к каждой мелочи, на все обращал внимание, держался открыто отстраненно и рассудочно, поражая хлестким спокойствием и пустотой взгляда.

— Ты будто робот, — сказал ему как-то Петя. — С тех пор как Лена ушла...

— Хочешь уволиться? — сухо перебил его Максим. — Заявление мне на стол. Буду отчислять тебе дивиденды каждый месяц, так что в накладе не останешься.

— Ты что? — уставился на него друг. — Совсем свихнулся?

— А на что похоже? — пронзил его тот ледяным взглядом.

— Тебе честно? — грубо спрашивает Петр. — Или приукрасить?

— Как есть.

— Я искренне хочу, чтобы Лена нашлась, — помолчав, сказал мужчина.

— Потому что не хочешь дивиденды каждый месяц? — иронично поинтересовался Максим.

— Потому что хочу, чтобы ледяная глыба, которая сейчас сидит в кресле, вернула мне друга!

Но ледяная глыба друга ему не вернула. Ледяная глыба не могла изменить реальное положение вещей. А оно было таковым, что только лед и сталь голоса, взгляда, действия его и спасала. Иначе он бы давно умер.

Он уже почти не надеялся на то, что что-то может измениться, а потом... потом Лена

позвонила сама.

Он сидел в своем кабинете, изучая принесенные Мариной документы, он уже замотал бедную девушку, и, когда зазвонил мобильный телефон, привычно, не глядя на дисплей, нажал «Принять вызов».

Ему не ответили сразу. Будто издевались. А у него уже давно было не то настроение, чтобы шутить.

И тогда... ему ответили ее голосом.

Он подумал, что ослышался. Нет, не может быть... Ему кажется. Он, наверное, все же сошел с ума.

Но, отрицая любые возможности того, что ее голос ему кажется, он слышит подтверждение этого.

И ему кажется, что мир мгновенно из черно-белого превратился в разноцветный, вспыхнув миллионами различных красок и цветов. В глазах появились косые полосы, а в ушах — шум из жужжащих звуков.

Он молчит. Долго. Не зная, что сказать. Чувствуя, что с языка не рвутся слова, те самые слова, которые он мечтал ей сказать. Извиниться, умолять, просить прощения, обещать... Сейчас, вместо них — тишина.

А потом его вдруг прорывает. Он пытается сказать хоть-то.

— Лена?! — почти кричит, срывается на крик против воли, хотя и обещал себе, что будет сдержаннее с ней. Он учился этому, черт побери! — Лена... это ты?.. — пытается совладать с голосом он. — Ты?..

А она дышит в трубку, тоже, будто не может произнести ни слова. Как ему приятно слышать ее дыхание.

— Да, это я.

И его сердце начинает биться где-то в горле. Ладони, вспотев, начинают болеть. Он вскакивает с кресла.

Так много нужно сказать, но из горла вырывается лишь учащенное дыхание и шипящий хрип.

— Где ты?.. — выдыхает он, а потом признается. — Я искал тебя... Как ты? Что с тобой?!

Он желает получить ответы на свои вопросы, но Лена сдержанно молчит. И он понимает: не имеет он права требовать от нее. Не заслужил, потерял это право, которого когда-то был удостоен. Уже не для него.

Она продолжает молчать, и только что-то шипит в телефоне, и он боится, что связь оборвется. Но тоже молчит, опасаясь давить на нее, отпугнуть. Хотя рвется, бьется изнутри его боль, просьба, мольба!..

А Лена, тяжело вздохнув, отвечает:

— Со мной все хорошо, — ему кажется, что это звучит очень сдержанно и отстраненно. Изменилась...

Эти слова давят ему на нервы, режут вены, пуская кровь, а в горле вместо тысячи заветных слов — вновь лишь застывший на губах стон и сиплый хрип.

Ему кажется, он умирает в это самое мгновение. А Лена продолжает...

— Максим, — как-то иначе звучит теперь его имя в ее устах. Или ему кажется? — Я подумала, что должна сказать тебе... — молчит, а ему кажется, что мир сейчас расколется надвое, и один из осколков убьет его, распоров грудь. И убивает, почти... — Я беременна.

Эти слова оглушают. В прямом смысле. Он больше ничего не слышит.

Она, кажется, говорит что-то еще? Или ему кажется, что говорит? Может, он все это себе придумал?

А мир продолжает кружиться вокруг него под безумные, нарастающие с каждой минутой звуки вальса.

— Что?.. — хрипит его голос, такой чужой и неизвестный.

Она клеймит его словами вновь и вновь.

— У меня... то есть, у нас, — тут же поправляется она, и он дрожит, — будет ребенок.

Он замечает ее оговорку, только ее и замечает среди других сказанных ею слов. И это возрождает в его сердце надежду. Она еще не выбросила его из своей жизни! Она сказала «у нас»... И он чувствует, как что-то большое, сильное накрывает его с головой. Наверное, счастье, окрыленное, наивысшее... А потом...

Беременна. Она беременна. Лена беременна. Ему приходится не один раз повторить это про себя, чтобы осознать смысл того, что это означает. У нее будет ребенок. Ребенок от него.

И он начинает понимать, что такое ступор из слов. И совсем не то ему нужно было бы сказать, но...

— Как мне... найти тебя? — спросил он, чувствуя, что голос дрожит, но ничего не в силах с этим поделать.

Она молчит чуть больше, чем он рассчитывал, а потом ударяет его словами.

— Не нужно меня искать, я не вернусь, — запнувшись, заявила: — Я просто подумала, что должна...

И что-то в нем не выдерживает. Он гневается, он злится, он в бешенстве. Маска холодной сдержанности падает, и он выходит из себя.

— Сообщить мне эту новость и вновь исчезнуть?! — взорвался он. И тут же пожалел о вспышке, а Лена замерла. — Прости... — выдавил он тихо. — Прости, что сорвался... Я просто... возмущен твоим решением!..

— А я, — тихо проговорила она, но голос ее звучит настолько твердо, что отдается в его ушах гонгом, — я возмущена твоим!

И он понимает, что ему нечего ей возразить. Она ударила по больному, как бил он все эти годы.

Так вот какая она, эта боль, что съедает тебя изнутри, когда любимый человек режет тебя словами!?

— Мне нужно идти, — проговорила она вдруг, и он даже не успевает возмутиться — как, уже, так быстро?! — Я телефон одолжила, чтобы тебе позвонить... Я подумала, что ты должен знать. Ведь это и твой ребенок...

— Прости меня! — вырывается гортанный всхлип из глубин его души.

— Не ищи меня, — сказала она вместо ответа. — Я не могу сейчас... — запнулась, помолчала. — Не сейчас!

— Лена, — пробормотал он, чувствуя, что нить, что связала их, вот-вот разорвется. И не желая ее обрывать.

— Прощай, Максим, — произносит она решительно.

— Лена! — звал он ее, а она не могла заставить себя повесить трубку. — Лена, пожалуйста!.. Да что же это?! Не уходи вновь, не исчезай!.. Скажи, где ты! Я приеду за тобой. У нас все теперь будет иначе...

— Не будет, — тихо, но уверенно проговорила она. — Прощай...

— Нет! — выкрикнул он. — Нет, Лена!.. Лена, пожалуйста!..

Но она уже отключилась. Не услышав, не дослушав, устав слушать его.

Он стал отчаянно нажимать на кнопки, выискивая нужный номер. Перезвонил.

— Лена!..

Но на том конце — чужой, посторонний, не свой и не родной женский голос.

— Вы ошиблись номером, — и резкий сбой сигнала.

Он пробует еще раз, и еще, и еще, и еще... До тех пор, пока монотонный голос в телефоне не сообщает ему о том, что абонент выключен или находится вне зоны действия сети. Связь окончательно прерывается.

Он падает, в прямом смысле, падает в кресло, схватившись за волосы и потянув те на себя. Не больно. Ничего уже не больно, после того, что он испытал сейчас. Она была так близко, но вместе с тем так далеко.

Своя чужая женщина...

Он не верил, что услышал ее голос. Снова, казалось, через столетия, услышал, как он звучит. Когда-то ему казалось, что просто услышать ее голос, ему будет достаточно? Нет. Недостаточно. Ему нужно больше, гораздо больше! Видеть, слышать, ощущать ее. Знать, что она принадлежит ему... Нет. Так неправильно! По-прежнему знать, что она любит его. И этого, казалось, ему будет достаточно, чтобы быть счастливым.

Она позвонила, она сама ему позвонила! А он уже думал, что никогда больше... не услышит... ее...

И вдруг, будто гром среди ясного неба, — она позвонила не просто так. Для того чтобы сообщить ему... кое-что. Сообщить и исчезнуть. Снова. Новость, сенсацию, то, о чем он и подумать не мог. Потому что боялся, потому что не представлял, что это возможно для него. После того, первого раза...

Он тогда едва привык к этой мысли — стать отцом. По-настоящему стать отцом, а не просто поставить имя в паспорте в колонке детей. Воспитывать, обучать, следить за тем, как растет, как плачет, как смеется, как сердится, как радуется... Как бежит к тебе навстречу, когда ты приходишь с работы и хныкает, если ты не хочешь утром взять его с собой. И везде, где бы ты не был, — он. Твой ребенок, твой малыш. Повсюду. В мыслях, в действиях, в поступках, в словах... Везде, где есть ты, теперь есть и он. Потому что он — это ты.

Как можно было смириться с этим?

Он станет отцом. По-настоящему, не в шутку. Как тогда, девять лет назад... чуть было не стал.

Но как умерить пыл, как вынуть страх из сердца и из души? Как признаться себе, что ты... боишься?! Ему — тому, кто всегда был лидером, а значит, чурался этих злобных чувств!? Как... полюбить? И не просто сказать, что любишь, слова — ничего не значат, а действительно любить.

Сколько нужно времени на то, что принять, чтобы смириться, чтобы порадоваться?..

Ему понадобилось почти две недели, чтобы успокоиться и свыкнуться с одной лишь мыслью, что у него будет малыш. Как тогда, девять лет назад, чуть не стало... А от воспоминаний опять становилось горько. Не больно, нет, боли не было, но горечь, грусть, печаль — остались и жили в нем все это время, подпитывая страх. Страх о том, что когда-нибудь это может повториться. Причем боязнь именно того, что это может повториться так, как и девять лет назад. И будет больно, грустно, горько, обидно. И страшно!..

Не поэтому ли он так противился, когда Лена просила его о ребенке? Она так настаивала, так желала, а он был против, коротко и ясно давая понять, что не пойдет на это снова, обрубая на корню все ее попытки его уговорить. Он никогда не пошел бы на это. Он был в этом уверен. Не сейчас. Через время, может быть, если бы Лена вернулась, но не сейчас. Это должно было быть обдуманное, взвешенное, рациональное и обоюдное решение. Нельзя было делать все спонтанно, стремительно, наобум. Ему нужно было смириться, привыкнуть, признаться себе в том, что он готов взять на себя такую ответственность, что способен быть отцом кому-то. Но не так... резко, ударом в грудь, обухом топора по голове, до изнеможения и смерти!

Он ощущал себя смертельно раненым сейчас. Не просто в грудь, но в самое сердце!..

Его не спрашивали, его поставили перед фактом!

Черт побери, какое мерзкое, отвратительное ощущение дежавю! Словно это уже где-то было, будто где-то там, в другой жизни, где были другие они. Но все повторилось вновь, как по замкнутому кругу, по часовой стрелке, апатично, меланхолично и центробежно, возвращаясь раз за разом в одну и ту же точку, с которой все начиналось. И как же противно, как неприятно было от чувства этой... пройденности!

Но в том, что случилось сейчас, он никого не винил. Вот в чем была разница! Недоумевал, негодовал, был шокирован, изумлен, раздосадован и немного разочарован, но... не считал сейчас никого ни правым, ни виноватым. Это не вина вовсе. Это был просто факт, неоспоримый, неприглядный и удушающий факт.

У него будет ребенок. У него будет малыш. Он станет отцом.

Он негодовал, сходил с ума, ходил, как в воду опущенный, будто заторможенный. Осознавал, пытаясь привыкнуть к этой мысли, снова негодовал и вновь успокаивался, в задумчивости проводил много часов, просто глядя в окно на то, как снег кружится в воздухе и хлопьями падает на землю.

Стал ловить себя на мысли, что все чаще смотрит на детские площадки. Выглядывает во двор, чтобы увидеть, как дети резвятся в снегу, играя в снежки. Все, будто стговорившись, нарочно подбрасывали ему почву для размышлений и навязчивых мыслей. И он невольно все чаще и чаще стал им поддаваться.

И везде — дети. Куда бы он ни шел. На стоянке, на лавочке в сквере, на пешеходном переходе, около магазина, во дворе, на таблоидах вдоль дорог, на витринах магазина — детские игрушки.

И Максим стал постепенно осознавать, что среди вот таких же улыбающихся ребят, может быть и его малыш! У него могут быть его волосы, или глаза такого же, как у него цвета, он будет забавно дрыгать ножками, если он посадит его на плечи. Так же, как дрыгают ножками те дети, которых он видел на плечах папаш, гуляющих в парке. Он может держать его за руку или катать в коляске, а малыш будет тянуть к нему ручки, зная, где ему будет комфортнее и уютнее. И он бы смирился, подхватил его руки...

Почему это уже не стало казаться ему столь ужасным?.. Что изменилось? Или что изменило его?.. Он стал иначе смотреть на это, под другим углом?.. Или просто иначе? Но так не бывает!.. Или бывает?.. Да и не так это ужасно — быть отцом, иметь своего ребенка! Ведь он уже однажды свыкся с этой мыслью, свыкся настолько, что едва не умер от боли, когда потерял его! Разве не может это повториться вновь?.. Через страх, недоверие, ошибки, боязнь!? Неужели он не справится с этим?.. Он — сильный, волевой мужчина!..

И потом, будто уверившись в том, что терять ему нечего, Максим стал заходить в

детские магазины, рассматривая игрушки и подбирая кроватку, обои в детскую, кресло-качалку для Лены... Подарки...

Совсем забыв о том, что он лишился право делать это, когда уничтожил свою любовь.

21 глава

«Пойми хоть раз, что в этой жизни шумной,

Чтоб быть с тобой, — я каждый миг ловлю.

Что я люблю, люблю тебя безумно...

Как жизнь, как счастье люблю!..»

Алексей Апухтин

Начало декабря в деревне было морозным и туманным. Снег шел, не переставая, будто извиняясь за то, что, выпав в ноябре, потом стремительно и неожиданно растаял, а потому сугробы были огромными. Снег покрывал дома белоснежной простыней, погружая город в морозную зимнюю сказку, окаймленную разрисованными инеем деревьями. Автобусы стояли, застревая в снегу, и не двигались дальше поворота на город, а поэтому на пару дней, пока из центра не пригнали очистительную технику, деревня оказалась изолированной от остального мира.

— Вот так каждую зиму, — ворчал Николай, — хоть раз кто подумал головой, как люди зимой по бездорожью до города добираться будут!? Хоть кто заикнулся о том, чтоб нам дорогу сделать нужно!? Да только толку, воз и ныне там, — махнув рукой, безнадежно говорил он.

— Это он каждую зиму так ворчит, — пробубнила Тамара, глядя вслед Николаю.

— А ты давно на него работаешь? — спросила Лена.

Тамара пожала плечами.

— Да года два уже будет, а что? — она подозрительно сощурилась. — Просто так интересуешься?

— Просто так, — кивнула Лена. — Мне интересно, почему вы... так относитесь друг к другу?

— Как? — нахмурилась Тамара. — Нормальные у нас с ним отношения.

— Мне кажется, что вы слишком часто ссоритесь... — и почему такое ощущение, что она навязывается?

— Да нет, как обычно, — беспечно проговорила Тамара. — Что не так-то?

Лена смущенно потупилась, вот не хотела же она вмешиваться в их жизнь. А вон как получилось!

— Просто мне показалось, что Николай... Иванович к тебе теплые чувства испытывает.

— Кто?! Николай?! — удивилась Тамара, а потом вдруг расхохоталась. — Да ничего подобного!

Лена обиженно поджала губы.

— Ну, значит, показалось, — пробормотала она. — Только это все равно видно, скрывай, не скрывай...

Тамара посмотрела на нее без смеха в глазах и промолчала. А Лена ощущала себя неловко.

Ей не стоило вмешивать. Какое ей дело? Никакого. Тамара стала ей подругой, а Николай почти заменил отца, но что это меняло для нее? Для них? Как смотреть на свою жизнь теперь, после того, как она почти нашла себя? Вот-вот, и отыщется тот последний ключик, который открывает двери в ее счастливое будущее. Но где он?.. И что будет, когда она отворит ранее запертую дверцу? Что найдет за ней?!

Как она видела свою жизнь в дальнейшем, свое будущее? Слишком много перемен. От них голова шла кругом, и мысли о том, как быть, как правильно поступить, как не ошибиться, терзали ее каждый день. И каждый раз она пыталась отложить их на следующий день. Но понимала, что таким образом лишь убегает от себя. Разве можно что-то решить, стать в чем-то уверенной, когда ты не можешь решиться даже на то, чтобы подумать, как будешь жить завтра? С новой собой. Со своим ребенком. С Максимом... или без него?.. Даже этого ты еще не решила, не определилась окончательно. Ведь не ошибиться так трудно! И боязнь совершить эту ошибку, может быть, роковую, которая однажды уже сломала тебе жизнь, страшно.

Пройти через все снова, врезаться в одну и ту же стену из каменных глыб, покрытых льдом, нельзя. И поэтому нужно взвешенно принимать решения, обдумывать, рассуждать, отрешиться от того, что было, и посмотреть на то, что у тебя уже есть, или на что еще будет... И что тебе это даст. Ведь не так и мало!..

Но думать или не думать это не вопрос, вопрос в том, как быстро она решит для себя, кем быть и с кем.

Когда она позвонила ему, ее сердце едва не выпрыгнуло из груди, так сильно оно билось. Так необычно, так непривычно, так... ново и странно — разговаривать с ним по телефону, снова. После почти двух месяцев глухого молчания и неизвестности. словно совершаешь нечто запретное, не опробованное, но нужное.

Оказывается, он искал ее. Значит, у него никого нет? Или он обманул ее?.. Нет, его голос не лгал, она знала, она чувствовала, что его слова — чисты и прозрачны, как хрусталь. Он не лжет. Он искал.

А она была сильной. Она была настойчивой и непреклонной. Она смогла ему возразить, протестовать. Она заявила о себе, как о женщине, которая уже не станет преклоняться, которая устала болеть им. Стоп!

Но устала ли?.. Ведь, когда слышала его голос, такой до боли знакомый, родной, но будто бы чужой, далекий... что-то надломилось в ней. Все это так знакомо, так близко, рядом, кажется, что Максим рядом. Через мгновение войдет в комнату, подойдет к ней и обнимет со спины, оберегая и не давая в обиду.

Все это было так явно, так ощутимо, так... реально, что Лена на один краткий миг пала в объятия заблуждения и поверила ему. Поверила в то, что он... изменился?.. Правильно ли произносить это слово? Уместно ли? Верно ли оно?! По отношению к Максиму, — верно ли? Ведь он тот человек, который не поменяется, тот человек, который не привык даже подстраиваться под кого-то, всегда руководствуясь лишь своим мнением!? Он не мог измениться. Не... ради нее... Или же?..

Но если нет, то откуда такое удивительное чувство... нежности, легкости, мягкости?..

Он хотел приехать к ней, он хотел найти ее. Зачем? Для того, чтобы доказать себе и всем вокруг, что он и это может, — вернуть домой пропавшую жену и указать той на место,

которое она должна занимать? Или же мужчина, который... скучает, который ждет ее возвращения, и надеется на то лучшее, что еще может быть между ними?! Так же, как и она, наивно и простодушно надеется на чудо?..

Надеется ли она?.. Получается, да, надеется. И это значит, что она не может без него? Все равно везде ищет с ним встречи, во всем видит лишь его и хочет к нему вернуться? Зная, что только он, сумевший когда-то ее погубить, теперь способен ее исцелить и возродить к жизни? Ее лекарство от болезни, таблетка, наркотик. И ей нужно его принимать, чтобы не чахнуть?..

Но она научилась жить без него. И продолжает учиться. Да, это сложно. Да, приходится начинать с нуля и порой ломать себя для того, чтобы доказать себе, в первую очередь, что что-то из себя представляешь. Что ты не пустышка и не кукла, не марионетка, которой можно указать на место, но цельная личность!

Да, она не может ему противостоять. Пока еще не может... Не поэтому ли она так скоро попрощалась с ним? Потому что была уверена, — еще мгновение, предательское мгновение ее слабости, и она сдастся. Она вновь падет перед ним, расскажет, где находится, как ее искать... И выльет на него поток слез и обид, не дававший ей покоя все эти долгие дни. Тишина и каменные стены — плохие слушатели. Она хотела участия.

Когда они прощались, она не думала, она не рассчитывала, она не догадывалась о том, что будет ждать того момента, когда сможет позвонить ему вновь. Она не собиралась, она не хотела. Нужно было оставить все, как есть, но она не смогла. Она сразу ему сказала, что им не о чем разговаривать. Да и что нового они могут рассказать друг другу, да и стоит ли это слушать? Зачем? Слова причинят им новую боль.

Но что-то нестерпимо влекло к нему, звало, молило, изнутри будто приказывало ощутить его вновь.

Наверное, она совершала еще одну ошибку, но не могла себя остановить. Услышав его голос, такой свой, но вместе с тем будто чужой, она растерялась. Она не ожидала. Она забыла, какое воздействие он на нее оказывал. Да, он испытывал ее на прочность долгие годы, медленно разрушал в ней то, что сейчас она старательно пыталась строить. И она бы хотела его не прощать за то, что он сделал, но уже — простила! Что-то уловила она в нем, совсем иное, новое, не признанное ею ранее. Усталость, холодность, сдержанное спокойствие и сталь? Словно бы... трепещущая внутри боль?! Но нет, она ошиблась. Ей просто показалось.

Или не показалось?.. Может быть, еще возможно для нее... верить в чудо? Искать его и находить?..

И она вновь попросила у Тамары телефон, чтобы позвонить мужу. Да, отговаривала себя, отказывалась, убеждалась в том, что совершает опрометчивый поступок, даже не зная, уместен ли он сейчас, но все равно не отказывалась оттого, чтобы сделать это. Ей нужно было увериться, узнать, убедиться, доказать.

Он ответил почти сразу, будто ждал ее звонка. А она опять не знала, что сказать, поэтому и молчала.

Зато он ее узнал. Его тихий гортанный вздох, частое дыхание, она все это слышит, а потом...

— Ты позвонила? — неуверенно проговорил он. — Я очень рад.

Он узнал, что это она... Откуда? Как? Догадался?.. Записал номер телефона?.. Запомнил?..

— Я подумала, — проговорила она, — что... мы плохо окончили наш разговор в последний раз.

— Ты его окончила, — напомнил муж сдержанно. — Я хотел поговорить.

— Да, ты прав, — подтвердила она. — Я думала, что наш разговор... окончен, и нам больше нечего обсудить.

— Я так не считал, — тихо сказал Максим, а потом так же тихо: — Где ты сейчас?

Закрыв глаза, откинулась на спинку кресла, сжала ладонями подлокотники.

— Я не скажу... — выдавила она из себя. — Я не могу сказать, ты это знаешь.

Она услышала, как он втянул в себя воздух через рот. Глубоко, медленно, а потом выдохнул.

— Хорошо. Как скажешь, — ответил он, соглашаясь с ней. Смирился?.. Не может быть! Прежний Максим настоял бы на том, чтобы она призналась, где находился. Прежний Максим ринулся бы ее разыскивать. Прежний Максим, тот, которого она знала раньше, не оставил бы это просто так. И он не опустил бы ее. Он бы психовал, он бы злился, он бы показал, как недоволен. А этот Максим... он ее удивлял, он был другим.

— Я не знала, звонить тебе или нет, — проговорила Лена, собравшись с мыслями.

— Я рад, что ты позвонила. Я думал, что забыл... как звучит твой голос, — признался он, запнувшись. — Но нет, помню. Я узнаю тебя по вздоху, наверное, если ты будешь молчать...

И она вновь чуть не сорвалась. Что-то коснулось переносицы, липкое, скользкое, а в горле — острый ком.

— Мне нужно идти, — пробормотала она неуверенно, тихо. Нужно было уходить, чтобы осмыслить, чтобы удостовериться в том, что это не сон, что все, услышанное ею, не плод ее воображения.

— Уже? — удивился Максим. — Не уходи! — попросил он. — Поговори со мной... о чем-нибудь.

— О чем?

— Обо всем! Я понял, что... — как стыдно, как горько произносить эти слова! — Я тебя почти не знаю.

Но она понимает, что не готова. Не готова к нему такому! Она не ожидала, она не надеялась, что такое для нее когда-нибудь станет возможно. А сейчас... так трудно собраться с мыслями, принять неожиданную реальность, поверить в нее! И сказать себе, что да, это не сон, это происходит с ней. И он — такой. Другой, изменившийся, будто бы... преобразенный, но все-таки — она чувствовала — по-прежнему свой. И к такому своему ей еще нужно было привыкнуть.

— Я не могу, — закрыв глаза, прошептала Лена. — Не могу сейчас...

И он, сдержанно вздохнув, не возразил, не упрекнул, не стал настаивать. Он смирился.

— Ты позвонишь еще? — спросил он у нее.

Как хочется сказать «да», но гордость, совесть, сила воли, твердость духа — все в ней противилось этому.

— Я не знаю, — ответила Лена, сжимая телефон дрожащими пальцами. — Может быть...

Он вновь не стал возражать.

— Я буду ждать, хорошо?

— Хорошо, — проронила она едва слышно, дрожащими пальцами удерживая телефон.

И отключилась.

Как же это было сложно! Всего пять минут, даже меньше, а она чувствует себя так, словно пробежала марафонскую дистанцию, гарантирующую ей выживание в этом мире. Но она выжила! Она не проиграла.

Слабая маленькая женщина, которая стала сильной вопреки всему. Даже, казалось, самой себе. И видеть в себе силу, волю, начинавшую взрослеть и подниматься с колен личность, было прекрасно. Будто жизнь вновь начала свое движение вокруг нее, почувствовав перемены. И она ощущала в себе что-то новое, что-то стабильное, правильное, даже немного дерзкое. То, чему раньше не давала хода, что заглушала в себе. Но сдержать сейчас не смогла. Она выросла, становилась крепче и отважнее, самостоятельнее и разумнее, мудрее и рассудочнее. Ошибка — это всегда урок. Неправильно выбранный путь — это всегда возможность понять, как следовало поступить, исправить содеянное. Ведь нет ничего невозможного, если верить в себя.

А если рядом будет находиться тот, кто поможет тебе встать на ноги? Если он не будет крушить, ломать, бить и уничтожать, как раньше? Если он встанет на твою сторону, на защиту твоих интересов, мыслей, чувств? Если ему не все равно, как раньше, знать, что ты думаешь и как хочешь поступить? Если рядом с тобой будет такой человек, то станешь цельной и самостоятельной намного быстрее. Потому что ощутишь в себе теперь не только внутреннюю силу, но и собственную значимость. Как для себя, так и для него.

Как странно Максим себя вел. Как необычно, как чуждо и... правильно!? С таким Максимом ей хотелось разговаривать! И это страшно — потому что необычно и неожиданно. Или не страшно?.. Он не давил, он не пенал, он не укорял и не винил. Он просто... слушал ее! Возможно ли? С ним ли? С ней ли?

И через пять дней она позвонила ему вновь. Чтобы расставить все точки над «и», убедиться, увериться...

Он был рад ее звонку, он его ждал, она почувствовала. Что-то волнительное было в том разговоре, что-то волшебное, будто какая-то невидимая сила свела их в одной точке, вынуждая столкнуться.

Или, может быть, дело в том, что Максим тогда упомянул о ребенке?.. Впервые упомянул о нем?..

Она думала, что ее сердце остановится. И дрожь тела пронзала насквозь, вводила в оцепенение.

— Я забыл тебе сказать, — проговорил Максим вдруг, — о ребенке...

— Да?.. — все дрожит даже у нее внутри. Что он скажет? Обвинит, упрекнет, рассердится? Не похоже...

— С тобой все хорошо? — спрашивает он быстро, будто передумав что-то говорить. — С тобой и... с ним?

— Да, хорошо. Я ходила в больницу, — ответила Лена. — Врач сказала, что плод развивается без отклонений.

Он молчит, будто не знает, что сказать. И надо бы, ведь это шанс, может, последний — кто знает? Но Максим молчит. А в груди все трясется, болит, колется.

— Я, наверное, не могу просить тебя об этом, — спокойно, почти сдержанно проговорил он, наконец, — но я бы хотел сам иногда звонить тебе. Ты мне позволишь?

Он спросил у нее... разрешения?.. Да что же это!? Неужели?..

— Мм... да, конечно, — выдавила из себя Лена ошарашенно. — Только, когда я куплю

мобильный...

Он тяжело выдохнул, она услышала его вздох. Вспомнил о чем-то или осудил за что-то?.. Но промолчал.

Как странно, слышать в нем вот такую непроницаемую, холодную, почти отстраненную сдержанность.

Как-то это не вязалось в ее представлении с тем Максимом, которого она знала. Каким он и был!.. Или не был?.. Как все запуталось! Как все изменилось... Или она изменилась? Или он?.. Или они оба?!

— Лена?.. — окликнул ее муж. — Ты... сообщишь мне номер своего мобильного?

— Да, сообщу, — ответила она. — Как только куплю его.

Замолчали. Будто не знали, что еще могут сказать друг другу. Натянутая струна, острая, как лезвие. Но отчего-то не колющая и не режущая их сейчас. Мягкое, спокойное молчание. А потом...

— А когда ты теперь... позвонишь мне в следующий раз? — осторожно поинтересовался он после паузы.

— Я не знаю, — откровенно призналась девушка. — Как получится.

— Понимаю, — сдержанно выговорил он. — Завтра? Послезавтра?..

— Не знаю, Максим, — честно повторила Лена, прикрыв глаза. — Это же не мой телефон, я не могу...

— Хорошо, я тебя понял, — перебил он ее немного грубовато, а потом добавил уже мягче: — Прости меня.

— За что? — искренне удивилась она.

— За то, что сорвался сейчас, — ответил он. — Я иногда не могу... сдержаться. Потому что ты далеко, а я... здесь. И вообще, все так запуталось. Я хочу иногда слышать твой голос, чтобы не было так... тяжело.

Чтобы не было так больно, подумала она. Без него было больно, именно так. Как и с ним раньше — было больно, а сейчас... спокойно, легко, надежно. Будто душа прощалась с печалью и не лила больше слез.

— Я позвоню, Максим, — твердо выдыхает Лена.

— Я буду ждать, — так же твердо отвечает он.

И они сдерживают свои обещания.

То, что раньше было лишь данностью для нее, справедливым и честным решением, необходимостью, постепенно превратилось в нечто большее, важное и... светлое. Они стали созваниваться все чаще, сократив временное расстояние до одного дня, а потом и вовсе до нескольких часов. Не сразу, постепенно привыкая друг к другу и такому общению между собой. Оно казалось странным — общаются, как чужие! Будто и не знакомы друг с другом, а на самом-то деле их связывают девять лет брака!.. Но... это не важно сейчас. Есть только он, есть только она. Мужчина и женщина, предназначенные друг другу судьбой, получившие еще один шанс на то, чтобы узнать самих себя, обнажая перед другим свою душу, свою печаль.

Когда Лена купила телефон, и ей больше не пришлось одалживать тот у Тамары, она сообщила Максиму новый номер, который был радушно предоставлен ей все той же Тамарой, чтобы Лена «деньги не тратила зря», и муж стал звонить ей сам. Не часто, всегда интересуясь, когда он может это сделать. И только позже — звонил без предупреждения. Как раньше, да только не совсем так, иначе — по-другому.

Они разговаривали не долго, сначала по несколько минут, пять, семь, десять,

пятнадцать... Медленно, постепенно, последовательно увеличивая продолжительность своих бесед. Разговаривали всегда ни о чем, и обо всем одновременно. О друг друге — но, не касаясь того, что было когда-то совместным или знакомым, уже известным. Они негласно, с молчаливого согласия друг друга решили, что прошлое — это запретная тема. Они общались, как незнакомцы, которые внезапно ошиблись номером и завели настолько замечательный разговор, что так и не смогли его оборвать. Узнавали друг друга, искали достоинства и недостатки, сначала стесняясь раскрываться, а потом делая это все чаще и откровеннее. Сближаясь.

Лена рассказала ему о том, что нашла дом, устроилась на работу — никаких причин, никаких следствий, только голые факты, без оглядки в прошлое. Для начала. На это еще будет время. Главное — не спешить. Главное — не потерять то, что они нашли с таким трудом. Главное — не упустить шанс, один из миллиона.

Максим рассказал ей о том, что его компания развивается, они заключили контракт и партнерское соглашение, и хотя Лена была далека от всего этого, поняла, что для Максима этот факт был важен.

И как-то легко становилось на душе и на сердце от их общения, от взаимного понимания, от чувств.

Она почти светилась, глаза ее сверкали, а на губах всегда легкая полуулыбка. Изменилась, повзрослела.

— Что же ты, — спрашивала ее Тамара, — помирилась со своим? Простила его?

— Почему ты так решила? — смущенно проронила Лена.

— Да потому что телефон купила, — пожалала плечами та, изогнув бровь, — трындишь по нему, небось, вечерами, — она улыбнулась. — Да и глаза у тебя посветлели. Будто в тебя жизнь кто-то вдохнул заново.

Вместо ответа Лена лишь улыбнулась ей. Глаза ее, действительно, стали блестеть.

Месяц общения с Максимом сделал свое дело. Они стали... ближе, будто сроднились. Два потерявшихся во времени, но нашедших друг друга одиноких сердца. Бившиеся когда-то в унисон, но сбившие дыхание.

То, что сейчас происходило между ними, нельзя было никак назвать, этому просто не было названия.

Максим уступил, он сдался, он поддался ее словам, просьбам, уговорам. Хотя, разве уговаривала ли она его?! Он сам — сам! — предложил ей это. Он не настаивал, не давил, не приказывал, он... просил. Он говорил, он слушал, он прислушивался к тому, что говорила она. Он был ей другом.

Волшебно... Но загадывать она боялась. Мечты имеют обыкновение рушиться.

Утром Нового года, когда он ей позвонил, Лена едва проснулась. Лежа в постели, она смотрела в окно и кружащиеся там снежинки. Сладко зевнув, потянула за телефоном, а, услышав его голос, улыбнулась.

— Ты не спишь? — тихо поинтересовался он и тут же: — Не спишь, я чувствую... Как давно проснулась?

— Угадай, — прошептала она ему. — Угадаешь?

— Ммм... часа два назад? — предположил он. — Ты сначала лежала с закрытыми глазами, думая о том, что еще сможешь поваляться в постели, — он хмыкнул, продолжая, — а потом, осознав, что заснуть не удастся, долго лежала, глядя в окно, — он помолчал, а потом добавил: — У тебя, наверное, идет снег. Крупный, легкий и такой пушистый, как

вага, — ее сердце стало сжиматься. — И ты смотрела на него и думала, как хорошо было бы сейчас выйти на улицу и покружиться под ним, поднять голову к небу и танцевать, пока голов не закружится... Так? — выдохнул он.

— Как ты узнал?.. — с придыханием спросила Лена, ощущая, как стучит ее сердце.

— Я делал то же самое... — признался он шепотом, откровенно, а потом: — Мне жаль, что я сейчас не могу быть рядом с тобой...

Что-то нестерпимо сдавило грудь, Лена приподнялась на подушках.

— Максим, пожалуйста...

— Я не настаиваю!.. — быстро заявил он. — Просто... все так непривычно, нелепо, и неуютно. Меня родители к себе пригласили на Новый год. А я... с тобой хочу побыть. Это первый Новый год без тебя, — сказал он тихо, а потом без паузы: — Хочешь подарок?..

— Хочу, — заявила она вдруг.

— Подойди к окну.

— Что там? — с интересом и любопытством она приподнялась.

— Подойди, — настойчиво повторил Максим.

И Лена подчинилась. Медленно поднялась, подошла к окну и... застыла. Укутанная шалью из снега, зима, будто улыбалась. Все сверкало, светилось, искрилось на солнце, играясь бриллиантами из снежинок.

— Видишь?.. — услышала она его голос. Она видела!.. — Эта зима для тебя, — прошептал Максим интимно. — Ты видишь это? — проговорил он с нежностью. — Чувствуешь... это?

Она чувствовала. Да! Связь... Ниточка, не порванная, не обожженная, настоящая. Будто он здесь. Рядом с ней. Она чувствовала его, ощущала кожей, слышала, видела, хранила в сердце и никогда не забывала!..

Коснувшись пальцами морозного стекла, она прислонилась к нему горячим лбом. Сердце затрепетало и приподнялось, задрожало где-то в горле и сорвалось с губ прерывистым вздохом. Слезы коснулись глаз.

Он рядом с ней. Он рядом. Он с ней. Она не одна...

— С Новым годом, моя милая, — проговорил Максим с нежностью.

И счастливее Нового года не было ни у одного из них.

Они словно заново узнавали друг друга. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем...

Как странно, ты вроде бы знаешь этого человека, все о нем знаешь, абсолютно все. Но вот сейчас вдруг понимаешь... нет, ты ничего, совершенно ничего о нем не знаешь! Открываешь что-то новое, необычное, то, о чем ранее даже спросить постеснялся бы. А сейчас — это норма, это данность, это нормальность.

И познавать этого знакомого незнакомца заново, оказывается, так... интересно, так трепетно. И вот ты уже ждешь нового дня, нового телефонного звонка, нового разговора. С трепетом, благоговением, нежностью. Это становится почти потребностью.

И ты понимаешь — здесь ты настоящий, и она — тоже настоящая. Нет лжи, фальши, обид и негодований, недоговоренности или спешки. Ты уже не боишься совершить ошибку. Потому что понимаешь, что нужно сказать, когда, как. И кажется, что вот сейчас, здесь, с тобой — он настоящий, такой, каким он должен быть, но каким не был раньше. А причин было много, и обсуждать их не имело смысла. А сейчас становится просто неуместным.

Один месяц сменяет другой так стремительно, так хаотично, так неожиданно, а ты не считаешь, ты уже потерял счет дням и числам. Другое для тебя сейчас важно. А остальное — пустое.

Все кажется таким ярким, озаренным, светлым, будто бы дарованным свыше. Живым и настоящим. И, кажется, что менять ничего не нужно, все правильно, все так, как и должно быть. Закономерно и верно.

Но вдруг, в начале марта... на его стол падает листок с указанием ее адреса и местоположения.

Он нашел ее. Воркутов ее нашел. Он нашел Лену. Максим теперь знает, где она находится!..

Он уже и не надеялся. Когда Воркутов вычислил номера, с которых звонила Лена, у него появился шанс, пусть маленький, но шанс. Оказалось, что с помощью номеров они определили лишь, что симкарты была куплены одна во Владимирской, а другая в Калужской областях, а откуда был произведен звонок, установить так и не удалось. Но Воркутов продолжал поиски. До этого самого... заветного числа.

И теперь что-то давит изнутри, будто сердце рвется, желая что-то сказать. Не позволяй себе разрушить то, что было построено всего несколько месяцев назад, неокрепшее, хрупкое, ранимое, боязливое! Не рань!

Маленькая деревушка, затерявшаяся в Калужской области. Он даже не запомнил ее названия. Лишь одна мысль билась в нем надорванными струнами души — она здесь, она рядом, ему остается лишь протянуть к ней руку, и он ощутит... шелковистость кожи, запах волос, дрожь тела.

Ему остается сделать лишь пару шагов ей навстречу! Вот она... уже так близко. Рядом с ним.

И он не должен упустить свой шанс!..

Он гнал автомобиль на не допустимой скорости, но ему было плевать на все. В сердце расцвело что-то большое и светлое, накалился до предела красный огненный шар, готовый вот-вот взорваться в нем и ослепить своим сиянием. Как это непривычно, как это странно, как это... приятно, — чувствовать себя по-настоящему счастливым! И, кажется, что ничего в жизни тебе уже не надо. Все у тебя есть. Она есть, а значит, есть уже и целый мир.

При въезде в деревню пришлось сбавить скорость, потому что дороги здесь практически не было. Но он смиренно терпел бездорожье, и старенькие домишки с пологими крышами, и поросшие многочисленными кустарниками обочины, и даже разглядывающих его местных жителей. Он рвался к ней. Он стремился. Он бежал. Он ждал встречи, он жаждал ее. Он был в нетерпении и предвкушении.

Она, конечно же, будет его ругать. Скажет, что она еще не готова, будет отказываться, упираться, даже упрямиться... Как чудно, раньше подобное проявление упрямства с ее стороны, его разозлило бы, а теперь... оно ему даже нравилось. Что-то в нем было особенное, чистое, детское и непосредственное, только ее. И он любил в ней проявление этого упрямства, ее умение быть собой. Он ждал этого. Но сейчас, он знал, что не станет слушать. Он просто соберет ее вещи и...

И что? Посадит в машину, запихнет на сиденье насильно?! И чего добьется этим? Только новой волны разочарования и обиды с ее стороны. Он снова причинит ей боль, а ведь он обещал... себе обещал, ей обещал, что больше никогда, ни за что... А сейчас что же? Обманет? Плюнет на свое обещание, в конце концов, сколько он уже их не исполнил?!

Максим резко ударил по тормозам. Машина замерла на месте, будто приросшая к земле.

Нельзя так. Он не может. Он не может снова предать ее доверие, унизиться до того, чтобы обмануть ее, предать — опять. Это низко, подло, недостойно. Она не достойна того, что он поступал с ней так! После того, что случилось, она заслужила право на то, чтобы выбирать кто, где, когда, с кем... Она должна решать, а не он должен решать за нее! Это неправильно, это опять возврат к прошлому, в прошлое. Но туда хода уже нет и быть не должно. Там больно, так холодно, так бездушно и одиноко. Так пустота.

Максим откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, сжимая ладони в кулаки.

Как же он хотел обнять ее! Как ему страстно хотелось заключить ее в объятия, прижать к себе, туда, где отчаянно и нестерпимо больно билось сердце в грудь. Может быть, она его услышит, этот стук? И поймет, как он страдал без нее?.. Он жаждал сейчас быть с ней. Он желал увидеть, как в ней зреет их малыш. Разве это преступление? Разве он предлагает что-то нереальное, недейственное, непомерное и невообразимое?!

Он просто хочет быть рядом с женщиной, которую любит. И на это ему нужно спросить разрешения?

Какая ирония судьбы, какая злость, какая грубость! Какая мучительно-прекрасная справедливость! Она бьет ему в лицо фактами, уверениями, правдой, неоспоримой истиной... и он верит. Он не возражает.

Все правильно. Так и должно быть. Он теперь не может, не имеет права решать, как им жить. Он должен смириться с тем, что у него есть. А есть у него не так и мало! У него есть Лена. Это — все для него. Да, она есть вдали, на другом конце страны, в другой области, в каком-то захолустье, лишь по телефону каждый день, но... она есть! Ведь раньше у него и этого не было! Но она дала ему еще один шанс, она позволила себе переступить через себя и довериться ему вновь, открыть перед ним душу, обнажиться. А он... неужели сейчас он просто так возьмет и растопчет такой выстрадавший, болезненный, слабый шанс на доверие?!

Нет. Никогда!

Он не сможет так обмануть ее, так предать ее. Не сможет... И не станет этого делать.

Раскрыв глаза, Максим с грустью в глазах уставился в окно.

Она сказала: еще не время. Значит, не время. Она сказала: нужно подождать. И он будет ждать. Она сказала: ей нужно окрепнуть, вырасти, стать сильной, найти себя. И он подождет, он выдержит, он поймет. Он не подведет ее. Она с ним. Да, она с ним, и никуда не уходит. Просто... не там же, где и он, просто... немного дальше. Но все же — рядом, близко, вот здесь... он держит ее за руку, ощущает кожу, жар ладоней, аромат волос и сладость губ. Такая красивая, такая желанная, такая... его.

Ему нужно немного подождать. Не спешить, не торопиться... Воспользоваться вторым шансом.

И, наблюдая за ней, вышедшей из магазина, он мог лишь замороженно следить за тем, как она, улыбаясь, шла к нему навстречу, как поглаживала свой округлый живот, поправляла волосы, облепившие лицо... А он мог лишь смотреть на нее, с замиранием сердца следить за ее движением, слушать свое неровное, частое дыхание, и проклинать себя за слабость. Он хотел сорваться с места, кинуться к ней, заявить о себе, все внутри него рвалось к ней, родной, любимой, нежной женщине!.. Но он понимал, что не имеет права ее удерживать около себя насильно. Он не может предавать ее доверие. Если он потеряет его сейчас, то уже никогда не восполнит этот пробел. Она не даст ему еще один шанс. Он бывает всего один. И

его он уже использовал.

И тогда, сжимая руль побелевшими руками, стискивая до боли зубы, удерживая себя от прыжка к ней, он просто резко надавил на газ, стремительно развернулся и уехал.

Теперь он не допустит ошибку, отдаст ей то, что не отдал. Он восполнит пустоту, пробел, темное место собственной истории. Он не будет слепо брать. Он станет отдавать.

Когда Лена позвонила ему в следующий раз, Максим не сказал ей о том, что знает, где она скрывается. Не считал это уместным или правильным. Зачем ее тревожить? Зачем беспокоить? Пусть все остается так, как и было. Ведь было все не так и плохо, все было очень даже хорошо. И разрушать их маленький рай, их семейную идиллию своими откровениями и разрушительными признаниями, которые, действительно, все могли сломать... Он не был готов пожертвовать этим. Такую жертву принести он не мог.

И все же с того дня что-то изменилось. Может быть, она что-то почувствовала, ощутила, увидела? Но их разговоры стали отдавать горечью. Горечью, печалью, болью и обидами. Они стали вспоминать прошлое. С прощением, с пониманием, с доверием, с искренним желанием в сердце и душе, понять, когда же они ошиблись, когда совершили ту роковую ошибку и позволили себе так низко упасть. ием, с понимаем, с доверием. щением, с понимаем, с доверием. ы стали отдавать горечью. Горечью, рушить то, что было построено

Но разве можно было сказать, что они были так несчастны? Не совсем так. В их жизни были и светлые моменты. Пусть их было мало, намного меньше, чем плохих, омраченных обидами, болью и недомолвками, но ведь были! Значит, они еще смогут воплотиться в других, повториться, восполниться.

И они, будто исчерпав лимит светлой радости, перешли к обсуждению того, что давило на них грузом ответственности и терзало душу. О том, что происходило между ними все эти года, и почему, и как они до этого дошли, и как ошиблись, и почему. И как сделать так, чтобы не допустить этого в будущем...

Рано или поздно они пришли бы к этому. Зачеркнуть прошлое, просто забыть его было невозможно. Им нужно было простить. Понять, принять, осознать до конца, найти истину и решить все для себя.

И так же, как до некоторого времени они не разговаривали о том, что происходило с ними в течение девяти лет, когда они убивали друг друга, они не разговаривали и о том, что произошло в тот роковой день.

Но каждый из них знал, что поговорить придется. Рано или поздно, но придется. Лопнет зажатая между пальцев струна, расколется мир надвое, порвется, рухнет. Не избежать. И не сбежать, как много лет назад, от разговора. Придется расставить все точки над «и». Понять и простить? Или же забыть и отпустить?

Но они должны решить, они должны решиться. На что-то. Потому что не будет будущего у тех, кто не понял до конца своего прошлого и не разобрался с ним. Оно напомнит о себе. Обязательно ударит прямо в сердце, и тогда будет еще больнее, еще острее, еще ощутимее.

Она чувствовала, что грядет взрыв, и почти оказалась к нему неподготовленной. Они говорили до этого, много говорили о том, почему, зачем, как и кто. Как горько, как тяжело осознавать, что твое счастье было положено на кон разменной монетой непониманию, осуждению, молчанию и обиде! От осознания того, что они оба заблуждались, оба были друг для друга мучителями и жертвами одновременно, было больно. Ведь так много можно было бы исправить, если бы они смогли решиться на обычный разговор!? Просто поговорить,

отважиться, пойти на это, облегчить свою совесть. Но они не сделали этого. Из-за глупости, боязни оказаться непонятыми, или банально привыкнув к тому, что было, и все рухнуло, не успев взойти.

Два глупца, два безумца, два грешника!.. Которые теперь по капле, по крупице, по частичке собирали в чашу горечи воедино все свои ошибки, обиды и недоговоренности. Чтобы понять, простить, отпустить.

Когда он позвонил ей, она кусала губы. Сердце стучало в груди, как заведенные часы, бойко и резко.

Их разговоры приносили успокоение, понимание, осознание того, что творилось у них в душах, и все же для того, чтобы принять эти факты было не достаточно разговора. Нужно было время. Оно помогало им.

И когда позвонил Максим... это было последней каплей, последней частичкой, последним толчком.

— Я должен попросить у тебя прощения, — начал он, кусая губы. И Лена задержала дыхание.

— За что?.. — проговорила она сухими губами, будто чувствуя его напряжение.

— За то, что... произошло тогда, — выдавил он из себя. — Когда я тебя... — сердце застучало, заревело, почти взбесилось, колотясь в грудную клетку. — Я просто... я не знаю, — признался он, — я искал объяснения, даже оправдания тому, что натворил, но... — горький, едкий смешок, который скользит по ее обнаженным нервам и обдаёт их разрядом в сотни вольт. — Нет объяснений, и оправданий тем более! Я не знаю, что на меня...

— Максим, не нужно... — попросила его Лена.

— Нет, я должен сказать! — упрямо повторил он. — Я виноват перед тобой. Да, виноват. И не только в том, что сделал тогда, но и в том, что... происходило с нами все эти годы... Я так виноват, Боже!.. Я уже сотни раз обдумал все, решая, анализируя, вспоминая... Я никогда так ни о чем думал, веришь?.. — он вновь горько улыбнулся. — Я вел себя, как последний мерзавец!..

— Нет, нет!.. Я тоже была виновата, Максим. Не стоит винить лишь себя.

— Но я виноват! И не хотел замечать очевидного, просто закрыл на все глаза, думал, что так надо. Что ты виновата, одна ты, а на самом деле... — он едва не сорвался, тихо выругавшись. — Я предатель, Лена. Ты не должна была любить меня...

— Ты не прав!..

— Помнишь нашу первую встречу?.. — вместо ответа спросил он. — Помнишь то кафе? Я до сих пор помню, какое на тебе в тот день было платье. И как развевались твои волосы, и как стучали каблочки твоих босоножек... А еще помню тот день, когда мы познакомились. И когда ты меня коснулась своей рукой... Я тогда пропал. Я еще не понимал этого, только потом понял. Но да, я пропал уже тогда. Ты была такая... нежная, чистая... Моя ангел! — благоговейно выдохнул он. — Но я недостоин тебя! Никогда не был достоин!

— Я думаю, что сама сделала этот выбор...

Но он продолжал, казалось, даже не слушая, что она пытается возразить.

— Ты не могла... ты не должна была меня любить. Почему ты любила, Лена? За что? — спросил он гортанно. — Если вначале любила просто вопреки, то потом... когда мы ежедневно жили в аду, как ты могла любить меня даже тогда?!

— Ты стал частью меня, — прошептала девушка. — Будто вросся в меня, стал мною. И я уже не могла представить, что тебя не будет рядом, — призналась она. — Одна подобная

мысль меня убивала.

— Но ведь я был мерзавцем! Негодяем. Я был недостойн...

— Я сделала свой выбор! — отрезала она. — Как и ты сделал свой. Ведь ты остался со мной, когда мог уйти. Когда я потеряла нашего малыша, — промолвила она, — ты мог бросить меня, ведь тебя ничто не удерживало.

— Я тогда хотел развестись, — тихо проговорил он надрывно. — Я хотел с тобой развестись... Но не смог. Когда увидел тебя в снегу, тогда... в парке. Я не смог тебя оставить. Понял, что... не смогу уйти.

— Я не знала этого, — изумленно прошептала она.

— Я тебе не говорил. Зачем? — он вновь горько хмыкнул. А потом тихо, почти неслышно: — Я скучаю без тебя. Очень скучаю и хочу, чтобы ты вернулась, — и, не позволяя ей говорить, добавил: — Но я знаю, что ты еще не готова. Ты должна... понять, осознать, кто ты есть. Я слишком давил на тебя, да?.. Я подожду.

И она молчит, долго молчит, и он начинает переживать, хотя не произносит ни слова, чтобы поторопить.

Дрожат его нервы, струны его души, он сам дрожит...

— Ты изменился, — проговорила она после молчания.

— Нет, — коротко бросил он.

— Я чувствую...

— Нет, Лена, — возразил он вновь, — я вовсе не изменился. Я все такой же, каким был. Тиран, деспот, негодяй, собственник... Я просто кое-что понял, и...

— И?..

— Я не хочу терять ни единой возможности вновь увидеть улыбку на твоих губах.

И она расплакалась в этот момент. Самый трогательный, самый нежный момент в своей жизни.

— Лена?.. — словно что-то ощутив, сказал Максим. — Лена?..

— Со мной все в порядке.

— Ты плачешь?.. — хрипло спросил он, ощущая горечь на языке. — Почему?..

— Я хочу встретиться с тобой, — тихо призналась она. — Очень хочу!..

И ему кажется, что сердце начинает колотить грудь с такой силой, с какой молот бьется о наковальню. Бешено, рьяно, резко, отдаваясь в ушах эхом собственного грохота.

— Правда? — может лишь спросить он, сжимая телефон в руках.

— Да.

— Я очень рад. Я очень рада, дорогая!..

И долгожданный день встречи стал торопливо отсчитывать часы и минуты до полного воссоединения двух заблудших душ в бушующем мире потерь и обретений. Не сразу, постепенно, осторожно и неспешно, боясь спугнуть, они шли к тому, чтобы быть вместе. Через боль, страх, неуверенность, сомнения и обиды. Зачеркивая прошлое, начиная жить настоящим, глядя в то светлое будущее, которое им виделось.

Они договорились встретиться в сквере в половине второго. И часы, казалось, замерли, словно не спеша, давая им шанс на то, чтобы подумать, решить, окончательно прийти к обоюдному и верному решению.

Из деревни ее отпускать не хотели. Особенно противились Николай Иванович и Тамара, конечно же. Но и держать ее при себе насильно никто не собирался. Они погудели,

поворчали на пару, поохали и ринулись собирать ее в путь. Собирали долго, изощренно и со вкусом. А Николай все пенял на то, что такой работницы ему больше не найти. Лене это льстило, она улыбалась, хотя и понимала, что это лесть. Но так хотелось почувствовать это — свою нужность, значимость, заботу со стороны другого человека. Того, кто помог ей в трудный момент, кто протянул руку помощи, кто не бросил, кто боролся за нее настоящую так же рьяно и отчаянно, как делала она сама. И к этим людям Лена питала нежность, благодарность... любовь.

Они помогли ей обрести себя. Они вытащили ее из болота, в которое превратилась ее жизнь. Помогли ей поднять на ноги и по-новому взглянуть на себя, поверить в свои силы и возможности. Обрести себя.

Кстати, Лена оказалась права. Николай и Тамара, «присмотревшись» друг к другу, вскоре стали чаще видеться и общаться наедине. А к моменту, когда Лена собралась уезжать, Тамара с дочкой уже переехала к нему. Два ворчуна, два столкновения... нашли друг друга.

Какая удивительная, просто невероятная эта штука — жизнь!.. Чей-то уход — это всегда чье-то начало.

Поглаживая свой округлый живот, Лена, улыбаясь, смотрела в окно. Ее тоже ждало новое начало...

В этом было что-то щемящее и волнительное — возвращаться в родной город так, будто приезжаешь в чужой. Встречает он тебя по-особому, дружелюбно улыбается зеленой листвой и яркими лучами майского солнца. Светит тебе в лицо своей яркостью, цветом и светом, блестит и... будто благословляет.

Начало мая было по-летнему теплым, даже жарким, поэтому Лена накинула на себя легкое платьице в синий цветочек и надела босоножки на плоской подошве. Она никогда так не волновалась. Когда уезжала отсюда, волнение было иным, смешанным со страхом, неверием в то, что произошло, с сомнениями о том, что с ней будет дальше, с болью и ложью, сомкнувшимся вокруг нее плотным кольцом. Она убегала от Максима тогда, не зная, вернется ли назад, сможет ли переступить через это. Ей тогда казалось, что нет, не сможет, не перешагнет, не простит. А сейчас... все внутри нее трепетало, расцветало, пело... ждало. Этой встречи, с этой мужчиной. Только с ним. Она жила для него, она дышала для него. И вместе с ним.

Она увидела его сразу. Сидит на лавочке и смотрит в землю, нетерпеливо постукивая носком туфли.

Все замирает в ней, сердце трясется, руки начинают дрожать, а в висках тупая боль от стука крови.

Она просто стоит и смотрит на него, не двигается. Кажется, ей хватает этого ничтожного мгновения на то, чтобы понять, что и он тоже волнуется. А она замирает, с гроыхающим в ушах сердцем, и смотрит.

А он, будто что-то почувствовав, вдруг поднимает взгляд вверх. Неуверенный, беспокойный, взволнованный. И в его глазах целая гамма чувств! Радость, неверие, восторг, чувственность, нежность, легкая грусть, надежда и... любовь. Да, она видит ее. Ее, о которой не смела уже и мечтать. Она там, внутри него, горит, пылает, светится, раскаляет до предела накаленные нервы, чувства, мысли, желания.

Она забывает о том, что нужно дышать, как это делать. В ушах — гул, а перед глазами — он. Ее мужчина.

Его лицо озаряет несмелая улыбка. Он медленно поднимается и движется к ней.

Медленно, осторожно, боясь испугать. Останавливается и смотрит прямо ей в глаза, читает по ним ее нерешительность и испуг.

— Привет, — тихо срывается с его губ.

А Лена смотрит на него и не верит в то, что именно он стоит перед ней. Изменился. Похудел, осунулся, глаза уставшие, но смотрят твердо, даже решительно. Такой... свой, родной, милый, любимый. Рядом с ней!

— Привет.

Его внимательный и немного удивленный взгляд скользит по ее огромному животу.

— Ты такая... большая, — неуверенно улыбнувшись, говорит он и поднимает взгляд на ее лицо. И она видит в этих синих глазах... не осуждение, не разочарование, не злость или раздражение. Но восхищение!

— Да, большая, — улыбнувшись ему в ответ, проговорила Лена, поглаживая свой живот.

Замолчали. Просто смотрели друг на друга не в силах произнести ни слова. Казалось, что слова им не нужны. Им хватает и единого взгляда, чтобы все понять. Единение сердца — одного на двоих.

— Я подготовил детскую, — тихо выговорил он. — Мой тебе подарок, — улынулся. — Надеюсь, понравится.

Она удивлена, изумлена, поражена... Но пытается не показать виду, как ошарашена его заявлением.

— Уверена, что понравится, — отвечает девушка.

Он кивает, не отводя от нее глаз. Осматривает ее медленно, неспешно, с нежностью.

Но она видит, что ему хочется совсем иного. Его глаза горят. Он жаждет схватить ее в объятия и прижать к себе. Но он держится, из последних сил, но держится. А потом он пронзает ее нежностью слов.

— Пойдем... домой? — неуверенно говорит он, протягивая ей руку. Будто боясь спугнуть, причинить боль, обидеть. — Пойдем?..

И мир начинает кружиться вокруг нее. Кажется, что все пройдено, все пережито и выстрадано — только ради этого единого мгновения! Того единственного мгновения, которое решает все.

Она зачарованно протягивает ему свою ладонь. И, когда их руки соединяются, обжигая кожу миллиардами звездных искр, она понимает... вот она та самая нить, что связала их когда-то, теперь соединила их вновь. Нить судьбы, нить мироздания, нить, которую не смогли оборвать девять лет боли. Но смогли сделать крепче почти девять месяцев свободного плавания. Чтобы понять единственную истину, ту, которую им нужно было принять, как данность. Вместе. Отныне и навсегда.

И она говорит шепотом, глядя ему в глаза:

— Пойдем домой, — чувствует, как глаз касается щекощущая боль от слез. — Я очень этого хочу.

Он смотрит на нее, будто не верит тому, что слышит. А потом в одно мгновение прижимает ее к себе. Хватает в объятия, нервно, спешно, стремительно, но с нежностью и благоговением.

Уткнувшись носом в ее волосы, целует виски, щеки, вдыхает неповторимый аромат ее кожи.

И понимает, что не достоин ее. Этой сильной женщины. Но она выбрала его. Она любит его. И никто не изменит этого. Он попал в зависимость, да. Но кто сказал, что быть

пленником любви — плохо?

В нем все дрожит, рвется изнутри. И он уже не может сдерживать наплыв чувств и ощущений.

— Скажи мне, — тихо проговорил он, — что не уйдешь больше. Пожалуйста, скажи!..

Закрыв глаза и прижавшись к нему всем телом, она выдыхает:

— Никогда.

Его сердце резко бьется под ее ухом, она слышит его биение.

— Я люблю тебя, — слышит она его хриплый стон. — Боже, мне нужно было сотни, тысячи раз говорить тебе это!.. Я люблю тебя...

Волшебный клубок начинает раскручиваться, по одной ниточке, соединяющей их сердца и души...

— Я верю тебе, — тихо проговорила она, не раскрывая глаз. — Я верю... и люблю!..

И он, стиснув ее в объятьях, счастливо вздохнул, ощутив, наконец, как тяжесть стремительно покидает его сердце.

Все будет хорошо. Теперь все у них будет хорошо. Не сразу, постепенно, но будет. Ничто не меняется мгновенно, на некоторые изменения могут уйти годы. Но если рядом есть любящий человек, тебе есть, к чему стремиться, ради кого жить и дышать.

Ты научишься терпеть, мириться, забывать, принимать, прощать. Но ты всегда будешь уверен в том, что не один. Что ты любишь, и что любят тебя.

Будет сложно. Будет очень сложно, никто не обещает тебе легкий путь. Но ты справишься, ты сможешь пройти этот путь. Потому что идти по нему ты теперь не будешь в одиночку.

Вместе. Только вместе. Отныне — и навсегда...

22 глава

«Не отрекаются любя.

Ведь жизнь кончается не завтра...»

Вероника Тушнова

Это было странное чувство — вновь возвращаться в родной дом. Он был для нее родным, а потом вмиг стал чужим. В одно мгновение из радушного домочадца превратившись во врага. Родные когда-то стены больше не грели, от них не веяло теплом и уютom. Это были хмурые, превращенные в глыбы льда колонны.

Едва она открыла дверь, на нее подуло прохладой, несмотря на то, что на улице было жарко. А потом — быстрый бег воспоминаний, окольцовывавший ее все больше с каждым новым взглядом.

Дом и для Максима когда-то стал тюрьмой. Без нее — нигде не было спасения, а холодные стены не обволакивали теплом и не ласкали по ночам. Здесь все было пропитано ими — девятью годами прожитого.

Он наблюдал за ней, когда Лена зашла в квартиру. И застыла в двери, будто боясь ступить дальше.

Сердце его сжалось. Она боялась, опасалась вернуться сюда, потому что здесь все напоминало, все било по больному, все калечило и не жалело память, надрывая ее и, будто издеваясь. И это было страшно!..

А ему так хотелось ее защитить, уберечь, обезопасить, сделать для нее хоть что-то, чтобы она начала улыбаться для него. И просто так — улыбаться. Он должен был сделать так, чтобы воспоминания не давили, чтобы сдались, чтобы ушли и забылись. Чтобы они, простив друг друга и себя, смогли их отпустить.

Он подошел к ней сзади, осторожно, едва ступая по паласу, и наклонился, лаская теплом дыхания.

— Не бойся, — проговорил он, коснувшись ее руки, — здесь больше не будет страшно. Я обещаю...

Лена подняла на него глаза, темно-карие, немного испуганные и будто замороженные.

Как много можно было в них прочесть! Максим застыл, пораженный. Вера, надежда, доверие, грусть, облегчение, испуг, неуверенность, но твердость, тихий гортанный крик... Она взывала к нему, она его звала. Чтобы он помог ей со всем этим справиться!

И он не мог не откликнуться на ее немой зов. Как раньше — уже не будет. Он не будет глухим слепцом, он увидит и услышит, если ей понадобится его помощь, и придет к ней. Всегда.

Он лишь крепче сжал ее руку, погладив тыльную сторону ладони большим пальцем. Как приятно вновь касаться ее, ощущать ее нежность, трепет, любовь!.. Он улыбнулся, глядя на нее.

— Здесь больше никогда не будет больно, — проговорил он, поднимая ее руку к своим

губам и целуя кожу. — Ты мне веришь?

И она верила. Ей хотелось верить, ей хотелось быть уверенной в завтрашнем дне, в нем, в самой себе!

А ему хотелось подарить ей эту веру, надежду, уверенность. Надежность. Любовь. Все то, что он не отважился подарить ей ранее. То, на что он был когда-то не способен, то, к чему он тогда не был готов. От чего убегал, прятался, сокрушался и винил... всех, кроме себя. А теперь — какая ирония! — винил только себя.

— Пойдем в детскую? — тихо предложил он, глядя прямо ей в глаза. Она никогда не узнает, что тяжесть его сердца еще не исчезла окончательно. Она никогда не почувствует. Он не позволит ей грустить из-за этого.

— Да, — благоговейно прошептала она, сжимая его руку. — Я очень хочу на нее взглянуть.

— Пойдем, — улыбнулся он, потянув ее за собой. — И ты увидишь наш маленький рай, — пообещал он ей.

И когда она застыла в дверях, замерла, ошарашенная, изумленная, будто убитая и воскресшая, он понял, что для того, чтобы увидеть это счастье в глазах любимой женщины, ты сделаешь, что угодно!

— Она великолепна, — прошептала Лена, заходя внутрь, подходя к кровати, касаясь ручки кресла-качалки.

Максим улыбнулся, ощущая щемящую радость в груди. Прислонился плечом к дверному косяку и даже не двигался, с восторгом и очарованием наблюдая за своей женой. Как она была счастлива!..

Он именно потому и начал делать детскую, не для того, чтобы успокоиться, найти себе занятие или просто произвести на нее хорошее впечатление, а потому, что чувствовал — ей это нужно. Это важно.

И он подбирал обои, мебель, колыбельку и кроватку, даже пуховое одеяло с медвежатами, и неоновые лампочки в виде звезд на потолок. Картинки в рамках, шторы, кресла и игрушки. Наверное, у него был пунктик на игрушках, а, может, ему их не додали в детстве, но в комнате не было места, где бы не находилась какой-нибудь пушистой, жужжащей или звенящей малютки. Он не знал, зачем покупает так много, но не мог себя остановить. Как только проезжал мимо детского универмага, останавливался и бродил по отделам, выбирая какую-нибудь интересную вещь. И все с изумлением смотрели ему вслед.

Его малыша еще не было на свете, а он уже привязался к нему. Как-то незаметно для него ребенок стал так же важен, как и для Лены. Он будто чувствовал его скорое появление и волновался в предвкушении.

Когда Лена была далеко, он чувствовал эту ниточку, эту связь, что будто соединяла его с малышом через нее, а когда она вернулась, ощущение связанности, сближенности, сердечной теплоты лишь усилилось. Он мог долго смотреть на ее живот, ничего не делая, лишь улыбаясь, просто представляя, каким он будет — их малыш. И чувствовал себя в такие моменты почти полностью счастливым. Что-то в этом было волшебное, магическое, чудесное. Будто чудо, действительно, спустилось с небес.

Но он чувствовал ее переживания, ощущал ее дискомфорт и легкую неуверенность в том, а там ли она находится, где должна. Видел в грустных глазах, на губах, тронутых легкой улыбкой, чувствовал сердцем, которое нестерпимо болело каждый раз, когда смотрел на нее

и видел, как она вздрагивает.

Она так и не смогла избавиться от воспоминаний. В спальню зашла не сразу, а спустя несколько часов. А когда зашла... застыла на пороге, замерла, с изумлением глядя на новую кровать с высокой деревянной спинкой, стоящую по центру, а не в углу, как раньше. И на новые темно-синие гардины, не казавшиеся холодными. И на комод, и на шкаф, и на туалетный столик, поменявшие свое местоположение.

— Максим?.. — сорвавшимся голосом прохрипела она, ощущая сухость на языке.

Он медленно подошел к ней со спины и легко приобнял за плечи.

— Нам не нужны дурные воспоминания, — прошептал он. — И их не будет...

Но несмотря на произошедшие перемены, первые дни после возвращения Лена ходила тенью, сама не своя, улыбаясь с грустью, наверное, просто потому, что не хотела его расстраивать. Но ей было нестерпимо больно. Даже несмотря на то, что она его простила.

И он ощущал в себе необходимость, потребность помочь ей, себе, помочь им обрести себя. Построить на руинах прошлого из сожалений, боли, обид, недомолвок и непонимания новый мир. Новую семью.

Они должны были с этим справиться. Вместе, вдвоем. Ведь теперь им не придется биться о стену, мечтая получить ответ. Они теперь не будут одни. Никогда. И вместе они справятся со всем.

Они так никому и не сказали, почему Лена ушла. Никто так и не узнал правды. Они не считали себя обязанными перед кем-то отчитываться. Они оба были носителями этой тайны, этой трагедии, этой вины, обоюдной и медленно уходившей в прошлое. Родители Максима приехали к ним на следующий день после того, как Лена вернулась. Улыбались, много говорили, ни о чем тактично не расспрашивали, дивились ее большому животу и спрашивали, когда ожидать столь замечательного события. Друзья и знакомые как-то молча пронесли через себя новость о Ленином возвращении, не вмешиваясь в их частную жизнь и от души поздравляя их с предстоящим пополнением в семье.

Казалось, что все изменилось. Они стали жить по-другому, иначе, не так, как раньше. Но возврата к прошлому не было и быть не могло. Это был пройденный этап, и возвращения на этот тернистый путь был невозможен. Но и отойти полностью от того, что они пережили, они почему-то не могли.

Максим чувствовал, что им нужны перемены. Чувствовала это и Лена.

— Красивые шторы, — тихо проговорила она как-то вечером, глядя на темно-желтые гардины на большом окне. — Ты, наверное, не помнишь, как я их покупала? — она легко улыбнулась. — Буквально вырвала их из рук одной грозной дамочки. Они мне так понравились, — с грустью сказала она, и улыбка ее стала медленно гаснуть. — Я думала, тебе тоже понравятся. А ты... не оценил их тогда. Даже, наверное, не заметил перемен.

И ему вдруг стало стыдно. Какой незначительный, казалось бы, эпизод... Ну, подумаешь, шторы!? То же самое, что сменить обои или постелить новый палас. Но нет, и в этом была своя суть, своя правда, истина и закономерность. Это тоже было важно. И этой важности они раньше не замечали!.. В мелочах тоже была суть, своя святость, глубина, значимость. Из-за мелочей, накапливающихся и собирающихся, рушилось все.

Никогда не стоило закрывать глаза на мелочи. А они закрывали. Хотя... кто обвинит их в этом, когда даже на то, чтобы распахнуть глаза и посмотреть на свою жизнь, им пришлось прождать девять лет!?

И сейчас, глядя на погрустневшие глаза жены, Максим огляделся по сторонам. Все та

же жизнь, грязная и пошлая, посрамленная и неочищенная, ненавистная и томительная, смотрела на него, хохоча в лицо.

Все здесь напоминало о том, как они жили раньше. Все кричало о боли, неверии, осуждениях, обидах, об утраченных иллюзиях, которые они питали к своей жизни. О том, что это место когда-то было превращено в клетку, из которой, казалось, по-прежнему нет спасения.

Все здесь напоминало им о прошлом. О том прошлом, от которого они убегали. О прошлом, которое они хотели изменить, изменившись сами. И какая грубая ирония судьбы была в том, что они собственноручно заперли себя в стены этого прошлого. Оно будто обволокло их со всех сторон, окружило, затмило собою все, что выглядывало сквозь щелочку окна. И везде — только недоверие, страх, боль, отчаяние, осуждение, непонимание...

Собственная клетка из болезненных воспоминаний, кровоточащих ран и гноящихся рубцов!

Тяжело вздохнув и стремительно поднявшись, Максим подошел к Лене и сжал ее ладонь.

— Хочешь, — проговорил он, — завтра пойдем выбирать новые шторы?

Она посмотрела на него с непониманием.

— Что? Шторы?..

— Ну да, — просто пожал он плечами. — И обои тоже. Какие ты хочешь? — посмотрел он на нее. — А на подоконники можем поставить цветы. Помнишь, — улыбнулся он ей, заглядывая в глаза, — ты всегда хотела? И диван сменим, — скривился Максим, — сколько ему уже лет, на свалку давно пора...

— Мы его купили два года назад, — проронила Лена, начиная улыбаться ему в ответ. И так светло, тепло!..

— Я же говорю, — пора на свалку! — махнул он на него рукой. — Ты согласна?

Она улыбается, сначала неуверенно, несмело, а потом губы ее растягиваются в откровенной улыбке, она понимает, что это означает, все это изменение. Для нее, для него, для них и их общего будущего без оглядки на то, как было раньше. Потому что это им совершенно не нужно сейчас. У них есть настоящее, и они будут строить будущее именно на нем! На том хрупком, недолгом, чувствительном, но радужном настоящем, которое они смогли построить, переступив через предательство, боль и свои ошибки.

— Я хочу зеленые шторы, — сжимая его ладони, прошептала она. — А обои... пусть будут терракотовыми.

— И оранжевый диван, — выдает вдруг Максим.

— Оранжевый? — ее брови подскакиваю вверх, а улыбка не сходит с лица, освещая его.

— А что? — усмехается он. — Очень даже ничего будет, — он хмурится. — Или нет?..

Лена наклоняется и нерешительно касается его щеки пальцами. Проводит по гладко выбритой коже.

— Оранжевый, значит, оранжевый, — выдыхает она, а Максим, сглотнув, прижимается к ее руке сильнее.

— Я хочу, чтобы мы начали нашу жизнь с чистого листа, — говорит он тихо. — Просто перечеркнули то, что было, и начали жизнь с начала. С самого начала, — подчеркивает он. — И наш малыш, — он нежно касается ее огромного живота, — должен родиться с ощущением тепла, доброты, света и любви. А то, что было, оставим в прошлом. Оно не достойно даже воспоминания.

Он посмотрел на нее, Лена плакала. Слезы катились по ее щекам, а он, испугавшись, схватил ее за руку, прижался губами к ее губам, стал снимать соленые капли, испивая ее боль, забирая ее себе. Ей нельзя!..

— Ну, что ты, родная, — шепчут его ставшие вмиг сухими губы, — что ты?.. Не плачь, не плачь... Все будет хорошо, веришь? — он целует ее щеки, виски, нос, подбородок, отстранившись, заглядывает в глаза: — Ну, если так хочешь, можем купить и не оранжевый диван, мне не столь важно в принципе...

И Лена, не сдержавшись, начинает смеяться сквозь слезы.

А он сидит, будто пораженный, и смотрит на нее. Дышит часто-часто, в висках гудит, ревет, бьется.

Она смеется. Она вновь смеется для него. Улыбается. Как тогда, много лет назад, в прошлой жизни. Он вновь увидел ее улыбку, и сердце зашлось от нежности и тепла. Оказывается, в жизни не бывает ничего более важно, кроме вот этих моментов лилейной нежности и тепла.

Стремительно наклонившись к ней, он шепчет ей в висок:

— Я люблю тебя, — и не боится уже говорить это. — Люблю!..

Не боится давать, не боится признаваться, он уже ничего не боится, — потому что она, наконец, рядом с ним. И он чувствует ее. Каждой своей клеточкой, каждой частичкой своей души, каждым биением сердца ощущает ее дыхание, и каждым новым вдохом дышит с ней и для нее. Она для него — весь мир.

Этого не объяснить словами, не показать на пальцах, не разъяснить не посвященному, это нужно прочувствовать. Это нужно найти в себе, ощутить этот трепет, эту дрожь — одну на двоих, различить невидимую нить, что связывает людские судьбы. Различить, признать, принять и не надорвать ее, не разрушить связь. Не идти против течения, а смириться. И тогда восторг будет наивысшим.

Такое чувство!.. Его не описать словами. Будто полет, словно паришь в высоте небес, над облаками, окрыленный, одухотворенный... возрожденный?.. Из пепла. Из пыли. Из ничего. Из пустоты и одиночества. Никогда не имевший ничего, а сейчас обретший все, о чем и мечтать не смел. Полный, цельный, нужный, что-то из себя представляющий. Так низко павший, но нашедший в себе силы подняться с колен и воспарить к небесам. Против течения, против ветра, против всех, против себя и судьбы, которая пыталась развести их в разные стороны так же усердно и рьяно, как когда-то желала их свести. Против законов природы, которые тоже восставали против них. Не сдавшийся, не проигравший, не сдавшийся, а продолжавший бороться. И выигравший главный приз всей своей жизни — любовь. Только она стоило того, чтобы так рисковать. Только она, только то, что было между ними сейчас. Нежность, ласка, притяжение не только тел, но и душ, страсть и чувственность, доверие и понимание. Во всем этом — сама жизнь!..

Такое странное ощущение... будто весь мир принадлежит тебе. Он там, где-то внизу, а ты паришь, ты летаешь, держась за руки с той, которая стала тебе всех дороже.

И ничем не объяснить этого чувства — оно не объяснимо. И никак его не нарисовать — картина написана райскими красками. И не увидеть — это подвластно лишь избранным.

Это — само чувство, вся суть того, что есть в мире. Восторг, трепет, радость, щедрость, — сияющее, безграничное счастье. Единения не только тел, но и душ. Бесконечный полет в самую вечность.

И в такие моменты понимаешь, как порой не важны все эти мелочи жизни, которые

когда-то казались наиважнейшими. Все это лишь мусор, мишура, ложь. А главный приз?.. Ты получил его. Он у тебя в руках, ты держишь его на ладони. Только не отпускай, не дай ему уйти! Потому что если он впорхнет бабочкой и улетит, то больше не вернется. Держи его, сожми в руке, и он останется с тобой навсегда...

Они купили новые шторы, зеленые, как и хотела Лена. И диван — оранжевый, как хотел Максим. Совершенно не вписавшиеся в обстановку, никак друг с другом не сочетающиеся, но... отчего-то любимые и бесценные. Их совместное детище, как кошка или собака. Дорогое, сокровенное, важное. Общее. Они сделали это вместе, не в одиночку, как когда-то, в той, другой жизни, — здесь они были одним целым. Они были цельными и сильными, справившимися со всем и вставшими с колен после потрясений и бед.

Конечно, они не сразу пришли к этому. Жить вместе под одной крышей сейчас было непривычно, ново, даже немного страшно. Поначалу. Будто привыкаешь, осматриваешься, оцениваешь обстановку, детали, людей, которые находятся рядом. Заново узнаешь его — самого важного и дорогого для тебя человека. Да, ты его знаешь, и все же — он другой. И это перемена не столько поражает и удивляет, сколько побеждает к открытию, притягивает, привлекает, вызывает глубочайший интерес. Тревожит, волнует, влечет.

И такой свой незнакомец становится частью твоей жизни. Оказывается, он всегда был этой частью...

Они были несмелыми, даже немного неловкими, но прощали это друг другу. Вначале, казалось, даже смущались, когда, просыпаясь, обнаруживали друг друга в одной постели. Не странно ли?.. Но в этом и была суть, в этом было всё. Они узнавали друг друга так, словно никогда и не были знакомы, словно два человека, случайно столкнувшиеся в этом мире, решившие во что бы то ни стало бороться за свою любовь.

Не сразу, легкой поступью, короткими шажками, мерно и неспешно они двигались к намеченной цели...

Не это ли называется вторым шансом? Тем самым, что позволяет начать жить сначала, действительно, с чистого листа, перевернув исписанную растекшимися чернилами страницу?! Не в этом ли видна рука судьбы, решившей дать им этот шанс — переиграть жизнь, одну возможность прожить ее сначала. С самого начала. Снова влюбиться друг в друга. Снова встречаться в кафе и гулять по улицам города, сетуя на внезапно начавшийся теплый дождь и скрываться под зонтом. Снова улыбаться, глядя на игравшее в лужах солнце, смеяться над шуткой, услышанной или произнесенной. Просто жить. Заново жить и растворяться в этом новом, знакомом, но таком... другом любимом человеке! Не это ли чудо? Не это ли благодать? Не это ли благословение небес? Высшая данность, дар за годы пустоты и одиночества, тьмы и туманности?..

А теперь... ты просыпаешься утром и видишь ее рядом с собой. Она еще спит, прижавшись к тебе еще ночью, будто ища поддержки, заботы, внимания, неосознанно потянувшись к тебе. И это вызывает на лице не просто улыбку, но, кажется, улыбается даже душа, осветленная, освещенная, пронизанная внутренним светом твоей сущности. И ты смотришь на нее, твою родную, любимую женщину, и замираешь. Кажется, на мгновение даже дышать перестаешь, так сильно бьется сердце в груди, его биение будто срывается с губ. А она улыбается во сне. Поджав под себя ладошку, улыбается для тебя. И все внутри расцветает. Ты тоже улыбаешься, просто потому что на сердце легко. А ты уже и забыл, что значит ощущать эту легкость.

И когда Лена, будто почувствовав твое пробуждение, поморщившись, открывает глаза и

сонно смотрит на тебя... все внутри переворачивается.

— Привет, — шепчут ее губы и несмело раздвигаются в приветливой улыбке вновь.

— Привет, — наклонившись к ней, не сдерживаешься и мягко касаешься большим пальцем нижней губы. Легко целуешь ее в губы, шепчешь в приоткрытый рот: — С добрым утром...

И она, сначала удивленно распахнув глаза, вдруг расслабляется, принимает ласку и тепло.

— С добрым утром, — шепчет она в ответ и возвращает тебе невесомый поцелуй в уголок губ.

И эта нежность окрыляет. Она, по истине, великолепна. Как-то ново, непривычно, незнакомо, но так... чувственно, любовно, душевно. Ради этого можно перевернуть весь мир!.. И мир ради этого тоже может для тебя перевернуться...

Казавшийся пустым и холодным, дом превращается в наполненный любовью, заботой и светом приют для заблудшей души. Где его ждала она, такая родная, такая своя, такая нужная, необходимая, важная. Вся его жизнь! И он стремится теперь в эту крепость, в свой преображенный дом, в круг семейного очага и уюта. Он уже не ночует на работе, не колесит по ночному городу в попытке убежать от себя, в бесплодной попытке найти что-то, давно потерянное и забытое. Он это уже нашел. Она ждет его дома, скучает и любит.

Нетерпеливо сидит в офисе, думая о ней, смотрит на фотографию в рамке, улыбаясь, и не выдерживает, набирает ее номер. Эх, может, не стоит?.. Опять он словно навязывается, давит на нее, выпытывает. Может, она занята, а, может, вовсе не хочет с ним разговаривать?.. Но нет, когда она отвечает, в ее голосе, таком родном, таком мягком и немного хриплом, звучит лишь радость. И он чувствует ее улыбку сердцем.

— Привет, — начинает она первой. И он чувствует, он ощущает. Она с ним, она рядом.

— Привет, — отвечает он ей и, сам того не замечая, тоже начинает улыбаться, откидываясь в кресло.

— Я тоже хотела тебе позвонить, — признается Лена, будто сознаваясь в чем-то интимном.

— Правда? — он почему-то рад этому факту, как ребенок бывает рад долгожданному подарку.

— Я хочу купить новый палас. Помнишь, тот, который мы видели в прошлый вторник?

— Это тот, в клеточку? — удивляется Максим, просто наслаждаясь звуком ее голоса. И плевал он на палас.

— Нет, — смеется она, — он ромбами. Коричневый, в синие ромбы, а не в клетку.

И ему плевать уже, клетка там или ромбы, какая разница, когда она не просто улыбается, но смеется?!

Мир за окном сияет с полной силой, ослепляя его своим сиянием. А Максим ощущает себя счастливым, слушая ее звонкий голосок.

Неудивительно, что после полугода общения по телефону, свое настоящее общение рядом друг с другом они начали именно с телефонных разговоров. И они не казались утомительными, мучительными, вязкими или душными, какими были в той, другой жизни, они не были отрывочно короткими и глухо монотонными. Сейчас в них было все — чувства, эмоции, страсть, накал, трепет, восторг, нежность, любовь!.. Все, что они не додали друг другу в прежней жизни, они воплощали в этих беседах. А, непосредственно находясь рядом, они сначала еще стеснялись показывать истинные чувства, робко, несмело, шаг за шагом

подходя и к этому откровению, к этому открытию, к этой незримой зыбкой черте, которую они должны были перешагнуть. Вдвоем.

Порой ему казалось, что он не сможет сказать ей то, что чувствует, то, что испытывает по отношению к ней, просто не найдет слов, будет смущаться, лепетать, как подросток, но он старался. И у него получалось.

Да, было сложно, даже тяжело в первые дни, но потом... он стал внимательнее, откровеннее, смелее. Он смотрел на нее и мог произнести нежность или ласково коснуться ее выбившихся из косички волос. Ему нравилось наблюдать за ней. Он, наверное, стал влюбляться в нее вновь. Любить ее еще сильнее. Но иначе. Ему доставляло удовольствие просто ее присутствие рядом с ним. Пусть даже не видеть ее, не слышать, но знать, что она рядом — в другой комнате, прилегла отдохнуть, читает книгу, смотрит телевизор. Но с ним. Чувствовать ее, ощущать каждой клеточкой трепет, благородную дрожь души. Это все, что ему было надо.

Лена тоже вначале смущалась показывать свои чувства, как и Максим, она действовала неуверенно, но решительно, постепенно, но настойчиво, маленькими шажками приближаясь к черту, за которой он стал бы ей по истине родным. Он чувствовал исходившую от нее теплоту, силу, живость, желание стать к нему еще ближе, чем она уже была. И она робко и несмело раскрывалась перед ним.

Однажды она, решившись, встретила его с работы, разрывая тем самым нить отчуждения, что могла бы вновь между ними повиснуть. Он вышел из здания, решительно направившись в сторону стоянки, а она — идет навстречу, улыбается, светится, горят огнем ее глаза цвета топленого шоколада. А он... он изумлен, он ошарашен. Он не ожидал, но все внутри него встрепенулось, вспорхнуло, взметнулось ввысь, воспарило к небесам. Застыл, врос в землю и едва не рухнул, как подкошенный, на сухой асфальт.

— Лена?.. — он даже не знает, что еще сказать, кроме ее имени, произнесенного с придыханием, хрипотцой.

— Я гуляла неподалеку, — проговорила она, подходя к нему. — Мне полезен свежий воздух. И вот решила прийти к тебе, подумала, что все равно недалеко, — она беспечно пожалала плечами, а потом взглянула на него с легкой неуверенностью и сомнением. — Ты не против?..

— Нет, нет, что ты!?! — он рад, он безумно, он безмерно рад, он счастлив! Он берет ее за руку. — Я рад, что ты пришла, — проговорил он тихо, целуя ее в щеку, а потом медленно спускаясь к губам. — Пойдем, посидим где-нибудь? — предложил импульсивно, спонтанно, даже и не думал об этом вначале. Он хотел напрямик отправиться домой, но сейчас... его дом был рядом с ним.

— Прекрасная мысль, — улыбнулась Лена, сжимая рукой его локоть. — Суши? Французская кухня? Кафе?..

Он смотрит на нее и не верит. Она... шутит? Она... дразнит его? Не может быть!.. Но это не может почудиться, и эти изогнутые брови, линия губ, блестящие глаза.

— Суши, — предлагает он. — Я помню, что ты от них без ума.

Он помнит?.. Лена удивлена. Она упомянула это всего лишь раз, и то вскользь, несколько месяцев назад, по телефону. А он запомнил?.. Она посмотрела на него и, любуясь его профилем, выговорила:

— Спасибо.

Он промолчал, он ничего не ответил, но его глаза сказали все.

Они постепенно доходили до того, от чего были далеки все эти годы. Они будто заново учились разговаривать друг с другом, обо всем. О глупостях, пустяках, полнейшей бессмыслице и ерунде, но, как ни странно, именно в этих разговорах ни о чем ощущая себя наиболее полными, целыми, глубокими. И, как символично, они теперь очень редко молчали, будто выговаривая все то, что не было ими сказано прежде. Но, если молчали, то это было легкое, воздушное, невесомое молчание. То молчание, когда не нужно слов, хватает и взгляда, прикосновения, подрагивания губ или улыбки.

Он любил смотреть на нее, когда она думала, что он занят работой, погруженный в сводки, числа, договора. Забирая большую часть работы на дом, он, действительно, рассчитывал поработать. Но редко у него это получалось. Он всегда отвлекался на нее. Он будто не мог поверить, что она рядом. Что она с ним теперь и никогда его не бросит. Это все еще казалось робким и хрупким счастьем. Как и их отношение друг к другу было нежным, робким, несмелым, благоговейным.

Однажды, когда Максим уже привычно забрал домой оставшуюся часть работы и сидел в гостиной, погруженный в ноутбук, Лена тихонько и непривередливо заглянула к нему со спины, будто желая о чем-то спросить, а потом доверчиво положила подбородок ему на плечо и тихо поинтересовалась:

— Много работы?

Он вздрогнул от звука ее голоса. Как приятно ощущать на себе ее тепло, слышать ее дыхание...

— Да... — тихо проговорил он. — Хотим заключить контракт с «РосЛейдом», но не уверены, что потянем их заказы, — он боялся даже шевелиться, не рискуя спугнуть ее.

Ему так нравилось ощущать ее рядом с собой, так близко, настолько!..

Она промолчала, погружая их в блаженную, кристально чистую тишину, наполненную глубиной чувств.

— Я пирог приготовила, — сказала девушка спустя минуту, две или целую вечность, и приподняла голову с его плеча, а ему захотелось возразить на это кощунственное по отношению к нему движение. — Хочешь?

— Хочу, — прошептал он, поворачиваясь к ней лицом, заглядывая в родные карие глаза.

Лена смотрела на него пристально, внимательно, долго, будто изучая, а потом вдруг стремительно потянулась и коснулась губами его щеки, мягко проведя по коже, на которой тут же остался жаркий след.

Сердце его заколотилось в груди с удвоенной силой. Он отложил ноутбук в сторону, улыбаясь ей, и, легко коснувшись ее щеки подушечками пальцев, наклонился и поцеловал ее в губы.

— Разве так целуют любимую жену? — с притворной обидой и легкой дерзостью проговорила девушка.

А он застыл, не веря. Сердце билось в груди, как пойманная птичка. Да она заигрывает с ним!..

— А как? — прохрипел он внезапно севшим голосом, шепотом, не отрывая взгляда от ее глаз.

— Вот так, — с придыханием прошептала она в ответ ему в губы. И ответила на поцелуй, немного дерзко, страстно, но нежно, почти задохнувшись от счастья, ласки и любви, толкнувшись в сердце из ее души.

В тот день о приготовленном ею пироге они так и не вспомнили...

Они, не сговариваясь, стали делать друг другу маленькие подарки, мелочь, может быть, глупость, но глупость такая приятная. Особенно, когда видишь восторг и изумление в любимых глазах. Раньше он редко дарил ей цветы, а сейчас, будто устанавливая традицию, делал это каждые три дня. Это необязательно были шикарные букеты, но порой даже маленький букетик из садовых ромашек вызывал в ней умиление. Так однажды она подарила ему записную книгу, шутливо сетуя на то, что он совсем позабыл о работе после ее возвращения, а он подарил ей большую «кубическую» рамку для фотографий из стекла, дразнясь и говоря, что скоро у них появится возможность заполнить ее новыми фотографиями.

Он наслаждался теми отношениями, которые были между ними. Он действительно был счастлив! Он радовался обычным случайностям, мелочам, пустякам, ерунде и глупости, на которую кто-то мог бы не обратить бы внимания. Он научился радоваться вместе с ней!.. Она научила его быть счастливым.

И несмотря ни на что, что-то по-прежнему было не так. Что-то не давало ему покоя. Что?.. Казалось, все хорошо, они стали семьей. Настоящей. Той, о которой можно было бы мечтать. Но Максим ощущал в воздухе веяние чего-то... переменного, словно бы неправильного, нелогичного, что-то, чему он не мог дать объяснения. И это его терзало. Рвало душу в клочья, билось в нем подступающей к сердцу болью, и давило, давило, давило... Прижимало, прессовало и вынуждало мучиться от неизвестной, но такой ощутимой... несовершенности. Будто чего-то еще не было им сделано, не было доведено до конца, будто что-то было выполнено, исполнено лишь наполовину. Что это? Он не знал. И неизвестность не столько раздражала, сколько пугала. Неизвестность была страшнее подступающей трагедии, которую ощущаешь каждой клеточкой кожи, потому что кажется, будто она впиталась в тебя, и ты уже пахнешь ею, ее отравляющей неизбежностью и ядовитой неотвратимостью. И это что-то медленно, вяло, иронично смеясь и наращивая темп, приближается, давит, будоражит кровь, вводит в состояние ступора. И все внутри тебя немеет.

Этому нет объяснения. Ты понимаешь, что это, лишь тогда, когда оно врывается в твою жизнь без предупреждения в открытые настежь двери, которые ты не успел закрыть. И только тогда громкая истина открывается тебе. И, кажется, тонкая грань лежит между тем, что у тебя есть, и чего у тебя не было.

Какая мучительная неприятность, откровенная жестокость и грубое кощунство!..

Почему мир состоит из противоречий, противостояний, сопротивлений и упущенных возможностей!? Какая подлость, какая несправедливость! Кажется, все хорошо, ты счастлив, но в один прекрасный момент ты понимаешь, что это счастье зыбко, мнимо, пространственно. И новой всему то, что ты так настойчиво ищешь, но не можешь найти этому даже определения.

Рождение ребенка было запланировано на начало июля. Максим с Леной прошли обследование, и хотя врач заверил их, что все в порядке, что плод развивается отлично, и никаких нарушений нет, за Леной был установлен особое наблюдение, так как первая беременность у нее прервалась выкидышем.

Лена не узнавала, кто у нее будет, еще, когда жила в деревне, наблюдаясь в городе у местного гинеколога, решила, что не станет узнавать пол ребенка. Это будет подарок. Максим не настаивал, он был просто рад видеть ее улыбку и знать, что она означает — Лена счастлива. А о большем он и мечтать не мог.

Наверное, он боялся. Он бы никогда не признался в этом, ни себе, ни Лене, но он боялся родов. И с каждым новым днем, приближающим его к заветному моменту, он переживал все сильнее. И беспокоился. Что-то с каждым днем подступало, надавливало, рвало душу в ключья, и он не мог дышать.

Может быть, он зря перестроил гостевую комнату под детскую? Плохая это примета!..

Но не только это пугало его, и не от этого он чувствовал боль. Здесь было что-то иное. Пугающее.

Потом он понял, в чем было дело. И откуда взялось то странное, трепещущее чувство неопределенности, неосознанности, неизвестности, которое приводило его в ужас и порой бросало в колкую дрожь.

Он даже понял потом, как это чувство называлось. И от него некуда было деться. Оно вставало на его пути всякий раз, как только он разгонялся, желая убежать и спрятаться. Холодное, острое, жуткое и опасное чувство. Непрощение. Самого себя. Перед самим собой. И перед ней тоже. За то, что он натворил.

Он так и не простил себя. Не смог, как ни старался. Хотя, наверное, он и не старался, он просто закрывал на него глаза. Вначале ему было важно, чтобы его простила Лена. Только в этом он видел смысл своей жизни. А когда она сделала это, когда смогла, когда решилась, когда простила... Все остальное стало неважным для него. Но собственное непрощение коршуном нависло над ним, ожидая добычу, стояло рядом, дышало в затылок, хохотало и дичилось, упиваясь собственной властью над ним. И не отступало.

Все вокруг напоминало ему о том, что он сделал. И хотя они сменили обстановку, поменяли почти все, что могло бы им напомнить о том прошлом, в которое им не было возвращения, все, все на его пути было словно бы пришедшим из этой жизни, где он был виноват. Из той жизни, где ему не было прощения.

Непрощение било его и кромсало, а он не мог сдерживать его напор. И не знал, сколько должно пройти времени, прежде чем он начнет видеть в себе не мучителя, а защитника. И он боялся, что не успеет пройти этот путь. Боялся, что не выдержит и опять разрушит то, что они с Леной строили с таким трудом.

А в ночь с девятнадцатого на двадцатое июня произошло непредвиденное.

И это действительно поделило его жизнь на «до» и «после».

Все началось ночью. Он проснулся оттого, что кто-то будто толкал его в спину, а в затылке нестерпимо кололо. Собственное сбившееся грубое дыхание поверх приоткрытых губ и холодный пот, сковавший тело кольцом. И это ужасающее, мерзкое чувство пустоты. Он снова был один.

Резко сел в постели, оглянулся. Лены не было рядом с ним. Сердце забилося сильнее.

— Лена!.. — крик замер на губах, резкий, острый, надрывающийся крик. Вскочил с постели. — Лена!?

Метался по комнате, как безумный. Ушла? Оставила его?.. Снова?! Нет, не могла... У них все началось налаживаться. Все было иначе, не так, как раньше... Что-то не так! Непокойно на душе, в сердце, внутри.

Застыл на месте, как вкопанный. Кровь стучала в висках, пульс бился в ушах. В глазах безумие и страх. И лишь поток лихорадочных мыслей в голове и бессмысленных движений по комнате.

— Лена!?! — вновь крикнул он, разрывая криком тишину и темноту мрачной ночи.

И тихий, хриплый, едва слышимый ответ из кухни...

— Я здесь...

Метнулся туда, что есть сил. В груди — скованная болью рана, рвет его на части. В мыслях лишь одно: что-то случилось! Успеть, не опоздать, лишь бы вовремя... И страшно! Так страшно, что от страха трясутся руки. Ворвался в комнату и застыл в дверях, с ужасом глядя на свою девочку, скорчившуюся от боли. И ее глаза, смотрящие ему в душу, разрывают его.

— Пожалуйста, Максим, — выговорила Лена умоляюще, судорожно дыша. — Пожалуйста, спаси его... — зарыдала, держась за живот и морщась от боли. — О Боже!.. Схватки, я чувствую... Ох...

Он кинулся к ней. Трясущимися руками коснулся ее щек, стараясь не смотреть вниз. То, чего он так боялся, чего он ждал, как кары за свои грехи, то, что могло воскресить его или же погубить окончательно!..

— Что... что случилось? Как?.. Еще ведь рано!.. — как безумный шептал он, боясь касаться ее пальцами, и лишь вода руками по воздуху. — Лена...

— Больно, — пожаловалась она, корчась от спазмов. — Я встала воды попить, — прошептала она, держась за живот. — А потом... это... я думала, что схватки ложные, бывало уже... ох... такое. А сейчас... сейчас... — и едва не задохнулась от новой, пронзившей ее боли. — В больницу нужно... срочно!..

Еще рано!.. Боже, еще рано. Тридцать пять недель всего!.. Как же так?..

Его начинает охватывать ужас.

Досрочные роды. Раньше он только читал об этом и смотрел по телевизору, и то впопыхах.

— Так, все будет хорошо, — прошептал он, надеясь, что голос звучит уверенно, твердо. — Все будет хорошо, — вскочил на ноги, метнулся к двери и, застыв около нее, вновь подскочил к Лене. — Держись, родная, держись, моя милая, — целуя ее щеки, шептал он. — Я сейчас... Я сейчас...

Наскоро оделся, первые попавшиеся джинсы, помятая рубашка. Дрожащими руками — полотенце из ящика, вещи для Лены. Метнулся назад к ней, на подкосившихся ногах встал на колени, одел ее, бережно укутывая, подхватывая за руки и приподнимая со стула.

— Вот так, милая, — склонился он к ней, — держись за меня, держись!..

— Спаси его, Максим!.. — говорила она хриплым шепотом, будто его не слыша. — Пожалуйста, спаси его...

Боже, неужели все повторяется сначала?.. Нет, нет, нет! Не может быть! Они справятся, черт возьми!..

Зажмурившись, отбросив прочь сомнения, неуверенность, страх, собственное осуждение, сулившее ему скорой расплатой, Максим попытался взять себя в руки.

— Спасем, конечно, спасем, родная!.. — удерживая ее под локоть, сказал он. — Все будет хорошо.

— Мы не можем снова его потерять, — рыдала Лена, корчась от боли, — не можем!.. Максим!..

— Хватайся за меня, держись, — велел он ей, подхватывая ее на руки. — Вот так, вот так, родная...

И со своей ношей направился вниз, осторожно перешагивая через ступеньки. Посадил жену в машину, стремительно обошел автомобиль и сел за руль.

— Как ты, родная? — в голове дрожь, он чувствует ее языком.

— Больно... — пожаловалась Лена. — Ведь еще рано, — в ее голосе слышатся истеричные нотки. — Почему сегодня? Еще рано... — и заплакала, не сдерживаясь, прикрывая живот рукой, будто защищая свое чадо.

Максим, стиснув зубы, резко нажал на газ и рванул вперед по ночной автостраде навстречу сияющим огням и крошечной тьме городских переулков и дорог. Больница встретила его глухой и зыбкой тишиной, и это немое молчание пугало так же, как и оглушало. Подхватывая Лену на руки, ужаснулся.

— Лена?.. — позвал ее, оглядываясь назад.

— Да...

— Держись, моя милая, — твердил он, скорее, себе, чем ей. — Держись, уже скоро!..

Да что же это?! Он зажмурился, стиснул зубы так сильно, что на скулах заходили желваки. Это его кара. За то, что он сделал. И она хочет забрать у него самое дорогое. Не получит!..

Что есть сил, он помчался в здание больницы, привлекая к себе внимание. Щеки горели, по телу стекал пот, а внутри — холодно, зябко, мерзко и скользко. Вокруг какая-то вереница людей, белых халатов и запаха лекарств, дышащих ему в лицо.

Лену положили на каталку, а Максим, нависнув над ней, судорожно шептал, что все будет хорошо. Скорее, себя уговаривая, чем ее.

— Сколько недель?.. — спросил врач, бегом направляясь к нему.

— Тридцать пять, — прошептал Максим сухими губами. — Нам еще не нужно... Нам рано... Почему?..

— Досрочные роды, — сказал он медсестре, не отвечая Максиму. — В родильную ее!..

— Пойдите, а как же?.. — он не понимает, что происходит.

Будто в другой жизни, не в его жизни. Трезвонящий гул голосов, шум, глухой крик, смешались в один запахи крови и нашатыря, едкий, проникающий на язык вкус собственного бессилия.

Он видит ее глаза, потемневшие, широко раскрытые, и гортанный крик, выкрикивающий его имя.

И она скрывается за тяжелой дверью, будто умоляя его глазами и вздохом не уходить, остаться с ней.

И Максим остался стоять посреди коридора, зачарованно глядя ей вслед.

В голове сотни мыслей, сомнений, осуждений, упреков, проклятий. И ощущение собственной вины, ошибки, непорочности давит еще сильнее, теперь уже не просто бьет, но убивает его.

Если с ней что-нибудь случится, он никогда себе этого не простит! Никогда. Он и сейчас себе ничего еще не простил. А после... если вдруг... Нет, нет, не думать об этом!.. Она сможет, она у него сильная, она справится!.. Но час расплаты был близок — вот он, смотрит ему в глаза холодными глазами равнодушия и, цинично усмехаясь, хохочет в лицо, остро режет ножом по самому дорогому, по самому родному.

И Максим, прижавшись к стене, начинает медленно оседать по ней вниз.

Как он пережил эту ночь, он сказать затруднялся. Он думал, что умер, распался, и больше нет его. Но кара продолжала над ним смеяться, он все еще был, жил, терпел, мучился, страдал и падал, умирая.

Это были несколько часов ада, превратившиеся в кошмар, который сковал его даже

изнутри.

А когда к нему вышла медсестра, коротко заявив:

— Колесников! У вас девочка, поздравляю!.. Две шестьсот, сорок три.

Он думал, что сердце его разорвется от чувств.

Девочка?.. Девочка. Его крошка. И, наверное, похожа на Лену!..

— Я... я рад... — попробовал улыбнуться он и застыл. — А Лена?.. Как она? Она видела дочку?..

— Не могу сказать, этой информацией обладает лишь врач, — коротко и почти равнодушно бросила та.

— Но как же?.. — произносит он перед тем, как дверь перед ним вновь закрывается.

И он опять остается без единого ответа на свои вопросы, а оттого мучается еще сильнее.

Ему, действительно, казалось, что это была самая длинная ночь в его жизни, или она, действительно, такой была? Он позвонил родителям, и те приехали с утра, когда он, уже измучивший себя сомнениями и переживаниями, едва стоял на ногах от стресса. Домой заехал на полчаса, не более, охладил горячий мозг под ледяными струями воды, переделся и метнулся назад в больницу.

Но о Лене ему так никто ничего и не сказал. Вокруг все молчали. А часы сменяли один час другим.

Когда в коридоре появились родители, он поднялся со стула, измученный и вымотанный.

— Сыночек, — кинулась к нему мать и, повиснув на его шее, разрыдалась. — Я так рада за вас. Так рада!

— Поздравляю, сын, — пожал ему руку отец. — Как себя чувствует Лена?

— Я не знаю, — пробормотал он заплетающимся языком. — Мне не говорят...

— Как не говорят? — нахмурился отец.

— А девочка? — осведомилась Лидия Максимовна.

— Я ее видел, крепкая, здоровенькая, — прошептал Максим с нежностью. — И, кажется, похожа на Лену. Отец, — обратился он к тому без паузы, — это нормально, что мне еще не сказали, как она?

— Вообще-то, — поджал губы он, — ненормально. Ты узнал, в чем дело?..

— Я ни до кого не могу достучаться, — выговорил он, сводя брови. — Всем будто плевать!..

— Нужно выяснить, что случилось... — сказал Александр Игоревич и двинулся в сторону двери. — Я попробую узнать, может, меня тут еще не забыли... — и скрылся за дверью.

Появился он минут через двадцать, хмурясь, сведя брови, сосредоточенно глядя в пространство. Вид мрачный и неутешительный, в поднятых на Максима глазах — печаль и... сожаление.

— Что с ней? — подскочил к нему Максим почти вплотную. — Как Лена?!

— Ей пришлось делать кесарево сечение, — ответил тот, бросая взгляды на сына и жену.

— Не понял... — нахмурился Максим, перебив его. — Это как?

— Досрочные роды, — посмотрел Александр Колесников на него. — У нее обнаружили тазовое предлежание плода. Необходимо было срочно кесарить...

Максим застыл, будто пораженный. Кажется, что отец разговаривал с ним на другом

языке. Эти слова — лишь слова, пустые и бессмысленные, а главное так и не было высказано.

— Когда я смогу увидеть Лену!? — спросил он хрипло и, закрыв глаза, сильно зажмурившись, выдавил: — Это все, что я хочу сейчас знать.

— Действие наркоза должно прекратиться уже через пару часов, — сказал отец. — Нам нужно подождать.

Тяжело вздохнув, Максим опустил на стул и прислонился к стене. Закрыв глаза. Когда все это закончится?.. Когда же?! Он желал лишь одного — увидеть ее, свою родную, нежную, любимую девочку. Знать, что она здорова, что с ней все в порядке. Видеть, как она ему улыбается, и задышаться от счастья, когда она коснется его щеки губами и скользнет вдоль губ. Чувствовать биение ее сердца, слушать его по ночам и просыпаться от того, что она проснулась раньше него...

Когда все это вернется к нему?! Он привык, он устоялся, он ждал... ее возвращения. Он ждал, когда лучик света вновь озарит своим сиянием его темную, не прощенную душу.

Но один час сменил другой, он сходил с ума от тревоги. Будто что-то изнутри жжет его, выжигает на сердце какие-то знаки, а он, слепец, их не замечает. И бьет, и калечит, и вынуждает его падать вниз. Опять.

А еще через час в дверях показывается врач, медленно приближаясь к ним. Останавливается напротив Максима и, глядя ему в лицо, сообщает:

— К сожалению, произошло непредвиденное...

И все внутри него обрывается. В ушах глухая тишина стремительно сменяется режущим слух криком.

— Что случилось?.. — хрипит его голос вопрос.

— Мы не можем вывести вашу жену из-под действия общего наркоза, — сдержанно ответил врач. — Такое бывает, правда, и не часто. Обычно хватает нескольких часов для того, чтобы человек очнулся, но сейчас...

— Что с ней?.. — перебил его Максим, подскочив к нему почти впритык.

— Она без сознания, в реанимации, — сказал мужчина. — Врачи наблюдают за ней и пытаются привести в чувство. Сколько это займет времени, я не знаю. Ее организм...

— Когда я смогу ее увидеть? — резко перебил его Максим вновь и кинулся к двери. — Где она?!

Врач с силой удержал его за руку, но Максим вырвался из захвата.

— Послушайте, — стараясь сохранять спокойствие, заявил врач, — вам нужно успокоиться. Такое случается, мы держим ситуацию под контролем...

— Вы издеваетесь? — не выдержал Максим, кидаясь вперед. — Где она? Я хочу ее видеть. Покажите мне ее. Где она?! Я хочу к своей жене! Пустите меня к ней сейчас же!.. Я требую, черт побери!..

— Она в реанимации, мы не можем...

— Мне плевать! — взорвался мужчина, бросаясь к двери. — Я хочу ее видеть, я хочу знать, что с ней все в порядке. Вы сказали, что угрозы нет, что она выдержит, справится! — говорил он, как помешанный. — Мы наблюдались, мы кучу обследований прошли, ничего выявлено не было, и дочка родилась...

— Ваша дочь в полном порядке, — перебил его доктор. — Это здоровенькая...

— Что с Леной?! — выдавил он из себя сквозь зубы. — Что с ней?!

— Вы не...

— Сын, — услышал он позади себя голос отца и почувствовал на своем плече его ладонь, — она без сознания. Отходит от действия наркоза, — пояснил он и, заглядывая в обезумевшие синие глаза Максима, добавил: — Обычно на это уходит несколько часов. К утру она должна была уже очнуться, но... ее организм, видимо, не перенес действия обезболивающего. Она все еще без сознания.

На языке вертится лишь один вопрос. Но он боится произносить его вслух. Сглотнув, решается.

— Она жива? — и чувствует, что распадается на части.

— Конечно, жива! — восклицает отец. — Но не может сейчас порадоваться вашему счастью. К сожалению.

И тут до него доходит. Действительно доходит. Вся истина, вся душераздирающая правда перед ним.

— Это я виноват?.. — прошептал он, запинаясь. — Я? Потому что не доставил ее раньше?..

— Вы ни в чем не виноваты, не вините себя, — уговаривал врач.

— Когда я смогу ее увидеть?

— Она в реанимации, к ней никого не допускают, мы ограничились прием...

— Я ее муж! — заорал Максим. — Вы не можете!..

— Мне очень жаль, — сдержанно перебил его мужчина, — но вы сможете увидеть ее только тогда, когда ее состояние нормализуется. Сейчас же прошу вас только ждать.

Но Максим его уже не слышал. Он не слушал. Все слилось в один большой и глухой гул из тишины.

Лена, его Леночка... Там, в реанимации, одна... и он ничем не может ей помочь!

Те часы, что были потом, он помнил смутно. Длинный коридор, люди в белых халатах, запах лекарств и смерти. Он старался об этом не думать, но думал постоянно, — это он во всем виноват, это отмщение ему за все грехи, за вину, которую он повесил на любимую женщину, как клеймо. За девять лет зла, боли и горя.

Это его кара. Она нашла его здесь, около двери в больничный покой, которая разделяла его и ее.

Он просил о помощи, он молился о том, чтобы ему был дарован еще один шанс на то, чтобы увидеть ее, держать за руку, ощущать биение ее сердца. Ведь не может это продолжаться вечно.

Он чуть не сошел с ума, выжидая того момента, когда ему сообщат, что она очнулась, что зовет его, что просит дать ей на руки их малышку. Но он ждал напрасно. Она так и не очнулась.

А он стоял перед стеклом детского отделения, где лежала его дочка, закрыв глаза и причмокивая губками, и смотрел на нее с умилением, с раздирающей грудь нежностью, любовью, привязанностью к этому крошечному существу. Благоговейный трепет сковывает внутренности при виде нее, такое чувство, что ты смотришь на нее, а видишь — всю свою жизнь. И теперь все в этой жизни — для нее, ради нее, вместе с ней. Его малышка. Егс крошка. Появилась на свет, ворвалась в его жизнь, вонзившись в него миллионами тонких иголочек. Такая маленькая, почти крошечная, сморщенная, красненькая, забавная. Бесценный комочек, подарок, чудо, его дочь. Частичка его плоти, частичка ее плоти... Такая красивая, чистая, непорочная. Его ангел!..

И так похожа на маму!..

Осколок кинжала, грозно скалясь и злорадствуя, вонзился прямо в сердце. Ведь Лена так и не увидела их крошку. Не коснулась ее рукой, не ощутила эту удивительную чувственную связь, эту нежность, заботу, желание защищать и оберегать от всего мира. Потому что весь мир теперь сосредоточен в ней.

В этой маленькой, хрупкой, ранимой, самой дорогой для него девочке!..

А Леночка, его родная, любимая... Она где-то там. Его не пускают к ней!.. Неужели не понимают, что он сходит с ума, что грудь сжимает так, будто парализует, ударяет разрядом в сотни вольт. И все в нем кипит, дрожит, болит, бежит куда-то... К ней! Только к ней. Увидеть, обнять, прижать к себе, защищать, оберегать, успокаивать, гладить по волосам, вдыхая их аромат, и чувствовать в своих руках маленькое тело.

Это все, о чем он просит. Просто быть с ней рядом в этот сложный, этот невыносимо жестокий момент! Когда ей больно, страшно, одиноко. Так же, как и ему...

И тогда он просто не выдержал. Не смог больше выносить монотонности, серости, белой неизбежности, завуалированной за масками врачебных халатов. Он медленно сходил с ума. Его просили не ждать, ехать домой, успокоиться, отдохнуть — он провел без сна все это время! Но он посылал всех к черту и проклинал все на свете. Как они не могут понять?! Как они не понимают?! Это он — он! — виноват в том, что случилось. Если бы он успел, если бы он не губил то, что у него было, если бы он мог повернуть время вспять и начать жизнь сначала... Все было бы по-другому!

Каким глубоким было его отчаяние, знал только он. Точнее, ему казалось, что это так. Его горе заметили все, оно было написано у него на лице. В глазах с таящейся там пустотой, в линии губ, напряженной и тонкой, как ниточка, в складочках, залегших на лбу, даже в том, как он качал головой, бессильно, вяло.

Ему стало тесно. В груди, в душе, в мыслях и чувствах. В доме, где они были счастливы блаженные два месяца! Дом особенно давил на него. Потому что ровно так, как он очистил их жизнь, он и напоминал ему о том, что не оказалось забытым и погребенным в дальнем углу подсознания.

Он не выдержал этой давящей тяжести, скованности, тесноты и окольцованности в тиски. Он бежал. Он не знал — куда, лишь бы куда-нибудь. Туда, где он сможет вдохнуть полной грудью, задышать нормально, насладиться воздухом, где он сможет хоть немного освободиться, стать собой хоть на час. Туда, где не будет давления и осуждения, острого отчаяния и ощущения полнейшего бессилия. Где он сможет быть.

Утро было прохладным, пасмурным, накрапывал мелкий, противный дождь. Небо заволочли свинцовые тучи, готовые вот-вот рвануть на землю косыми струями промозглого колкого ливня.

Он не знал, куда идет. Просто шел и все. Наугад, наобум, вперед, лишь бы вперед и не останавливаться. Все быстрее и быстрее, ускоряясь, превращая шаги в торопливый и стремительный бег. Бег от себя.

Оглянулся... и замер. Парк. самый парк. Ее парк. Частичка ее души была здесь. Витала между лавочек и кустарников, проходила этими тропками, терялась в малиннике и шелестела осенней листвой.

Может быть, она сидела здесь?.. На этой самой лавочке?..

Тяжело дыша и замороженно глядя на кованую лавку, он подошел к ней и присел на край.

Поднял глаза вверх и удивленно нахмурился. Вдали, уныло и мрачно возвышаясь из-за

верхушек тонких деревьев серыми, будто выцветшими куполами и черными острыми крестами, одиноко стоял храм. Старый, безликий, не живой, свинцово-дымчатые купола которого на фоне пасмурного неба казались особенного мрачными и тоскливыми. Какой понурый вид, какая тоска и беспросветная мгла!.. Какое унылое зрелище!..

«Странно как-то, промелькнуло в мыслях, не видел его никогда». Или просто не обращал внимания?.. Да и какая в общем-то разница?! Стоит и стоит, ему-то какое дело? Грязный, нелюдимый, сырой, пустой храм.

Наклонив голову вниз, он сдерживался оттого, чтобы не закричать. Громко, надрывно, во весь голос. От безысходности. Здесь она отчего-то ощущалась еще острее, еще жестче прижимала его к ногтю роковой ошибки и болезненной вины. Как можно дать так много... и тут же отнять все это?! Разом. Сразу и всё!?

Плата, кара, отмщение, искупление греха... Но какой ценой!.. Какой ценой?!

Почему, получая что-то, мы обязаны отдать что-то взамен?! Почему?! У него теперь есть дочка, его кровиночка, его родная, его плоть и кровь, его маленькая девочка. Он видел ее, она такая красивая у него! Она похожа на маму. А вот Лену он не видел. И боялся, он очень боялся, что не дожидется момента, когда...

— Сынок, случилось что-то? — услышал он рядом с собой мужской голос. — Может, помочь чем нужно?

И Максим вздрогнул от этого голоса. Вполне себе дружелюбный, спокойный, участливый, от него веяло теплом, добротой, сочувствием. Невидимой, но ощутимой помощью.

Но ему хотелось побыть одному. Наедине со своей болью, со своей виной, со своей ошибкой. Это ему наказание за грех, что Лена не приходит в себя. Если кто-то там наверху и есть, то Он, видимо, решил над ним посмеяться!..

Мужчина поднял голову на подошедшего к нему человека и невольно в изумлении распахнул глаза. Невысокий, худенький, пожилой, на вид, уже больше шестидесяти, а может, и семидесяти. Облачен в длинную черную одежду, названия которой Максиму на ум не пришло.

Священник, что ли?.. Или, как там его правильно называют? Батюшка!..

— Ничего не случилось, — тихо ответил Максим, уныло опустив голову. А потом вдруг неожиданно, сам от себя не ожидая: — Жена родила несколько часов назад... девочку, — тяжело вздохнув, добавил он. — Вот...

— С девочкой что-то? — участливо спросил незнакомец.

— Нет, — с дрожь в голосе сказал Максим. И опять это чувство — безысходность и отчаяние. — С женой...

— И что же, ты себя теперь винишь?

Мужчина тяжело вздохнул. Больше никто и не был виноват...

— Я во многом перед ней виноват, — выговорил он с болью в голосе.

— И за это себя не прощаешь?

Максим промолчал. Уныло смотрел в сторону и будто его не слышал.

— Неужели, правда, есть там Кто-то, — он приподнял глаза вверх. — Тогда почему Он не слышит? — разговаривая, будто с самим собой, выдавил он из себя. — Ладно я, со мной все ясно, — махнул он рукой, — я так перед ней виноват, но она... она ведь — ангел!..

— Всем будет дано прощение, — сказал он. — Главное, чтобы покаяние шло от сердца. А ты в Бога веришь?

— Нет, не верю, — ответил мужчина.

— А Он в тебя верит... — мягко, но настойчиво проговорил он и отошел. — Помни об этом.

Максим стремительно поднял глаза вверх, следя за тем, как он удаляется. И вдруг, мужчина застыл, обернулся к нему, глаза его потеплели, Максиму показалось, в них блеснули огоньки. Или почудилось?..

— Я помолюсь за вас, — обещает батюшка с участием. — Как зовут твою жену?

Он с сомнением посмотрел на него. Неужели, и правда?.. А если так, то тогда... Да нет глупости все это. А если не глупости?! Что, если действительно..? И Леночка там одна, совсем одна, и он не может ей помочь!.. Если уж не для него, он не заслужил подобного, так пусть хотя бы для нее!..

И с его губ срывается тихое:

— Лена... Елена.

— Хорошее имя, — удовлетворенно кивнул мужчина. — Светлое. Я помолюсь. А твое имя?

— А за меня не надо, за нее... лучше. Чтобы она поправилась, — странно дрожит голос, будто оседает.

— Вы семья, вы одно целое, нельзя отдельно, — сказал батюшка. — Молясь за тебя, я буду молиться и за нее тоже. Ты ведь хочешь, чтобы она поправилась?.. — напрямик спросил он.

И Максим сдался окончательно. Это для нее, только для нее. Он ни на что не претендует, просто не имеет права претендовать! А вот она... его светлая Леночка, она достойна лучшего. Ей нужна помощь...

— Максим, — тихо выдавил он из себя, глядя на батюшку уныло и печально.

— Величайший, — проговорил тот. — Я помолюсь за вас, — обещает он и, тепло улыбнувшись, уходит.

Максим провожал его глазами, почти не дыша. Какой странный человек! Откуда только такие берутся?

Дано ли ему прощение, имеет ли кто-то власть, настолько сильную, чтобы его простить, сможет ли он сам себя простить?.. Поднимется ли рука, шевельнется ли сердце, сможет ли душа, истерзанная, убитая сделать это и... покаявшись, сыскать милость Божью?..

Покачав головой, Максим повернулся в другую сторону, сцепив руки в замок.

И вдруг... что это?.. Будто слепит, светит в глаза. Не может быть!.. Прямо перед его глазами... тот самый храм. Старый, облупившийся, серый... под лучами внезапно выступившего из туч солнца, преображается. И солнечные лучи, озаряя купола своим сиянием, будто бросают на них золотистую вуаль, и те, гордо ее приняв, один за другим, по очереди, начинают окрашиваться в золотой цвет, волнообразно, играючи, перепрыгивая с одного на другой, сверкая и переливаясь. Светятся, искрятся, сияют, золотятся на солнце, вспыхивают огненным жаром, озаряются свечением. И пылают, горят, оставляя в облаке расступившихся туч вокруг себя ажурную светло-желтую обводку, точно небесный нимб.

А Максим смотрит и не верит. Еще недавно, казавшиеся такими мрачными, бледными, мрачными и безжизненными, сейчас сверкают, слепят, сияют. Прощают. Его. За все его прощают.

Что-то дрожит внутри него, и тоже, словно пылает. Сердце стучит, заглушает иные звуки. Рвется из вне.

Проходит несколько трясущихся секунд, прежде чем он понимает, что это раздается звонок телефона.

А он все смотрит на золотистое полотно, раскинувшееся перед глазами, и не может поверить.

Дрожащими руками достает из кармана телефон, не глядя на дисплей, отвечает.

— Да?..

— Максим? — голос отца, взволнованный, нетерпеливый.

И что-то трещит, рвется, расплывается, уходит... Он уже почти его не чувствует. Исчезает, проходит...

— Что-то случилось? — подскакивает со скамейки. — С Леной?..

— Лена очнулась, — говорит отец с чувством. — Она очнулась!..

И мир начинает сужаться. Так не бывает... Не бывает!.. Он не верит, нет, не может быть...

Грудь сдавливает рвущееся изнутри чувство светлого счастья. Освобождения, очищения, свободы.

Непрощение разрывается, рушится, убегает с позором.

И он начинает верить!..

В больнице он заходит в палату неслышно, боясь спугнуть. Лена лежит, прикрыв веки, но, будто почувствовав его приближение, распахнула глаза. Удивленно замерла, посмотрела на него.

— Максим?.. — пробормотала она едва слышно, несмело улыбнулась.

И что-то в этот миг прорвалось в нем, треснуло, брызнуло. Он наклонился к ней.

— Ты вернулась... — прошептал он, касаясь ее щеки пальцами. — О, Боже, ты вернулась...

— Что ты здесь делаешь?.. — произнесла она изумленно.

— Люблю тебя, — пробормотал он, чувствуя, что глаз касается что-то липкое.

Сморгнул. — Люблю тебя!

Она кивнула, счастливо улыбнулась и прикрыла глаза.

— И я люблю тебя, родной мой, — шепчут ее сухие губы. — И я тебя люблю...

С трепещущим сердцем он закрывает глаза и сжимает ее в объятьях легко, елейно.

И слова становятся ненужными. Очищение тела, очищение души... они чувствовали сердцем.

Эпилог

Три года спустя

Лена часто приходила сюда. Уединенный уголок старого городского парка, словно спрятанный от посторонних глаз заросшими кустами орешника и малины, утешал и успокаивал в отличие от неугомонной суеты и толкотни большого города. Нелюдимый, пустой, заброшенный.

Теперь он не казался ей таким. Не брошенный — просто забытый. Не пустой — просто уединенный.

Старый, неухоженный, выцветший под сенью долголетних кустарников, которые видели его историю.

Сколько лет он здесь?.. Сколько еще простоит? Сколько нового узнает, интересного увидит, свидетелем каких событий станет?..

Лена улыбнулась, поправляя светлые пряди длинных волос, упавших на лицо.

Этот парк помнил и ее историю тоже. Не поэтому ли она так любила это место?.. Здесь было спокойно. Несмотря ни на что, всегда было спокойно, умиротворение закутывало в пуховое одеяло, защищая. Всегда.

Много лет назад этот парк видел ее радость, потом боль, отчаяние, печаль, потерянность и разбитость. Он видел, как она медленно себя убивала на протяжении многих лет, он молча и смиренно наблюдал за тем, как она саморазрушалась, но, наверное, именно благодаря ему, немому слушателю и помощнику, она тогда и не сошла с ума. Не разрушила себя окончательно, победила, выстояла. Нашла себя.

И теперь он вновь видел лишь ее улыбку.

Она и сейчас улыбалась, откинувшись на спинку скамейки, закинув ногу на ногу, и с восторгом в глазах наблюдая за тем, как дочь резвилась на аллее. Маленькая забияка, синеглазая негодница с золотистыми волосами, ей все ни по чем. Она собирала кленовые листочки, бегала вокруг матери, подкрадывалась со спины, весело хохотала и вновь выбегала на аллею, шикая на голубей и гоняя их в разные стороны.

Ее малышка. Ее отрада, ее счастье, частичка ее сути. Подарок, благословение небес, Божья милость — Анна, Анечка, Нюта...

— Нюта!.. — воскликнула она, глядя на то, как дочь, подбрасывая вверх опавшие кленовые листья, задорно смеется и, не удержавшись на ногах, падает в багряно-золотистую листву.

Улыбаясь, Лена подскакивает со скамейки и бежит к ней, протягивая вперед руки.

— Ну, — грозит она дочери пальчиком, — что мы теперь папе скажем?

Дочь улыбается, широко и открыто. А в синих глазах искрятся смешинки.

— А мы не скажем, — невинно хлопает ресничками. Подниматься с земли она и не думает, сидит и хохочет, легонько отмахиваясь от светлых кудряшек, застилавших глаза.

Лена только качает головой, подходит к дочери и поднимает ее на ноги.

— Простудишься еще, — пожурила она. — Как весной. Папу как волноваться заставила, помнишь?..

— Она не нарочно, — послышался со спины удовлетворенный мужской голос. И Лена, резко обернувшись, удивленно улыбнулась. Максим. — Ведь правда, крошка? — спрашивает он у дочери, подмигивая ей.

— Папа!.. — вместо ответа восклицает Анечка и тут же бросается к нему, протягивая вперед ручонки.

— Она знает, что ей от тебя нужно, — смеясь, замечает Лена. — Я не думала, что ты освободишься так рано.

Подхватывая дочку на руки и кружа ее в воздухе под заразительный детский смех, Максим улыбается.

— Я ушел раньше. Надоело сидеть в четырех стенах, когда вы тут без меня гуляете, — он опускает Анечку на землю, и та, схватив его за руку, тянется к материнской ладони, чтобы соединиться руками и с ней.

Лена целует мужа в щеку, затем легким поцелуем в губы.

— Я рада, что ты пришел, — прошептала она ему, заглядывая в глаза.

— Я тоже, — шепчет он в ответ. И это так. Он рад.

Эти три года многое изменили. Этот парк, когда-то едва не погубивший самое дорогое для него, вновь стал ему родным, подарил надежду, вселил в него веру. И, когда-то не любивший это место всеми фибрами своей души, Максим стал трепетно и нежно к нему относиться. То, что произошло в день, когда его жизнь перевернулась, было знаком, знамением, проявлением высшего благ, прощения — ему. Откровение...

— Смотрите, крестный!.. — закричала вдруг малышка, дернувшись из рук родителей и кинувшись куда-то к приближавшемуся к ним невысокому человеку в черной одежде.

Лена и Максим одновременно обернулись, с улыбками наблюдая, как дочь обнимает мужчину за ноги.

— Ну, — рассмеялся он, — как поживает моя крестница? — улыбается он ей, направляясь к Колесниковым.

— А мы с мамой и папой гуляем! — поведала девочка, схватив мужчину за руку. — Смотрите, какой у меня букетик из листочков, — указала она скамейку. — Нравится? Хотите, я вам подарю? Я себе еще сделаю!..

Мужчина улыбнулся, поблагодарил за подарок и подошел к Лене и Максиму, остановившись напротив, поздоровался. Переглянувшись, те тепло ему улыбнулись.

Они не забыли. Ни он не забыл, ни она. Что было тогда три года назад. Судьба, иначе это было не назвать. Судьба, предзнаменование, благословение, воля судьбы. Сама судьба, Божья милость и благодать.

Ведь три года прошло с того дня, как они крестили Анюту, а казалось, что перед глазами промелькнула вся жизнь, целая вечность в едином мгновении! И всего одно мгновение, изменившее вечность для них.

Крестили Анечку в местном храме, в том самом, который находился недалеко от парка, с золотыми куполами, которые своим сиянием когда-то подарили Максиму не только прощение, но и веру в то, что в жизни не бывает случайностей, подарившие ему нечто гораздо более важное, чем прощение — а очищение души. И именно этот храм казался мужчине особенным, величественным, освященным и божественным.

В крестные выбрали Аню, лучшую Ленину подругу, а вот на место крестного кандидатур не нашлось. Максим никого из своих знакомых не считал достойным того, чтобы быть вторым отцом своей дочери, а потому, сойдясь на том, что у Нюты будет лишь

крестная, они направились в храм.

И именно там произошло, по истине, еще чудо. Еще один знак, еще одно знамение.

И как после этого можно было не поверить в судьбу? В очищение, в возвышенное, в светлое?!

Их встретил отец Георгий, улыбнулся, поприветствовал, просил пройти в зал... И Максим, к своему изумлению, застыв в нерешительности, узнал в нем того самого батюшку, который встретился ему в парке, того, кто обещал ему светлое будущее, искупление всех грехов и прощение. Тот, кто не солгал и исполнил обещанное!..

— Вы?.. — выдохнул Максим, зачарованно глядя на него.

— Максим, — поприветствовал его тот, улыбнулся, и улыбка шла от сердца. — Я рад, что у вас все хорошо, — бросил быстрый взгляд на Лену и малышку, которая, распахнув глазки, взирала на него с огромным интересом и даже не кричала. — Я так понимаю, это Лена? — тихо спросил он, поприветствовав ее, и взглянул на крошку, застывшую на руках крестной матери. — А девочка?.. Как решили назвать?

— Анечка, — выдавил Максим из себя, чувствуя, как хрипло звучит его голос. — Анна...

Отец Георгий удовлетворенно улыбнулся.

— Милость Божья, — проговорил он. — Хорошее имя, очень хорошее. А где же крестный для девочки?

Максим смутился, опустив голову, покачал головой.

— Его не будет, — тихо произнес он, чувствуя себя смущенным, — только крестная...

Батюшка нахмурился.

— Как не будет? — удивился он. — Не порядок. У малышки должны быть оба родителя.

— Я не могу доверить свою дочь недостойному человеку, — проговорил Максим. — Я слишком ее люблю.

Отец Георгий задумчиво покачал головой, с пониманием кивнул, а потом заявил:

— Ну, ничего, — сказал он решительно, — я буду ее крестным. Если вы находите меня достойным, конечно.

И что-то начинает щемить в груди, сердце колотится сильно-сильно, в груди поднимается горячая волна.

— Я буду вам... благодарен, — выдыхает он с удивлением. — От души, от сердца!.. — и не знает, что еще сказать, как выразить всю глубину тех чувств, что нахлынули на него. — Спасибо!..

— Значит, на том и решим, — согласился батюшка.

И в тот день Анечка обрела своего духовного покровителя, наставника, друга.

А Максим понял, что ничего в этой жизни не происходит случайно. Цикличность и замкнутость — это лишь еще один повод судьбы дать нам возможность, чтобы что-то пересмотреть, переиграть, попробовать начать жить заново, посмотреть на ошибки со стороны и исправить их, или же полностью изменить свою прежнюю жизнь. Это был шанс. И он есть у всех. Нужно лишь увидеть его в случайности и не отпустить.

И сейчас, глядя на отца Георгия, вспоминая все случившееся, свою прошлую боль, неуверенность, страхи, прокручивая в памяти все события трехлетней давности, Максим понимал, насколько сильна порой бывает судьба. Порой она ломает, бьет, крушит, специально сталкивает противоположности, будто играя, смотрит на то, что будет, подобно ребенку. Но на самом деле — это проверка на прочность, это возможность выявить будет ли

у вас еще один шанс на то, чтобы что-то изменить. Бороться за счастье, не отступать, не сдаваться, идти до конца... и победить. Обрести самую высшую ценность бытия.

Максим и Лена справились с этим. Они победили, они сражались до конца, они боролись за свою не принятую, не понятую когда-то любовь, они страдали и терпели, мирились и прощали. Но всегда — любили.

И они вынесли из всего произошедшего свои уроки. Они поняли, они приняли, они нашли в себе силы на то, чтобы доказать, что они достойны. И были вознаграждены за это вторым шансом на счастье.

И не упустили его.

Когда отец Георгий покинул он, пожелав счастья и благополучия, в душе Максима внезапно будто что-то встрепенулось, вспорхнуло, возродилось. И, заглушая поток иных бессвязных мыслей, настойчиво звучала одна. Он улыбнулся.

Бросив задумчивый взгляд на играющуюся с листьями Ньюту, он посмотрел на Лену.

— Лен, слушай, я тут подумал... — Максим откровенно смущен, и она это видит.

— Что?.. — подбадривает она его, поглаживая по плечу.

Муж накрывает ее ладошку своей ручищей и нервно сжимает.

— Я тут подумал, что... — и опять запнулся, словно собирается сказать глупость.

— Что? — настойчиво спрашивает Лена, уже откровенно улыбаясь.

— Может, мы это... — сплотив, смотрит ей прямо в глаза, — второго ребенка родим,

а?

И у нее в прямом смысле слова чуть ли не отваливается челюсть.

— Второго?.. — изумленно выдыхает девушка. Вот чего она от него точно не ожидала.

— Я все продумал, — начинает уговаривать Максим. — Я дом присмотрел, — признался он, — на окраине, правда, но зато там свежий воздух, а вам с Ньютой он полезен будет! Я дом уже осмотрел, — заявил он, — хотел сюрприз сделать, ты же всегда мечтала о собственном доме, — потупился. — Большой, двухэтажный. Там есть одна комната, такая светлая, просторная, я думаю, мы ее под детскую отведем! Да и игрушек у нас много, деньги на воспитание есть, да и желание тоже! Разве нет?.. — он смотрит в ее изумленное лицо, читает на нем целую гамму чувств от недоумения до восторга. А потом выдает категоричный аргумент. — И к тому же, мне нужна будет помощь, чтобы отгонять от Ньюты надоедливых поклонников, когда она вырастет, — он по-доброму насупился. — Неужели ты сбросишь все это на меня одного? Ей нужен защитник.

Кажется, Лена изумлена, и не может вымолвить ни слова. Но смысл сказанного окрыляет.

— А если будет девочка?.. — улыбаясь, спрашивает Лена.

— Девочка?.. — кажется, он озадачен.

— Да, девочка, — поддакивает Лена, откровенно над ним подтрунивая. Это раньше она опасалась, а потом привыкла. — Что тогда делать будем?

— Растить, — изумленно говорит он, будто это и так само собой разумеющейся факт. — Что же еще?!

И Лена начинает откровенно смеяться.

А Максим искренне не понимает ее веселья.

— Почему ты смеешься? — произносит он. — Я, конечно, понимаю, что не имею права настаивать, все-таки вынашивать малыша придется тебе, но все же...

Лена аккуратно прикрывает его рот ладошкой. А потом, глядя на него, говорит:

— Это будет мальчик, — улыбается она. — Я уверена, — смотрит в его изумленные синие глаза и шепчет: — У нас будет еще один малыш.

Он не верит, до последнего ей не верит, а потом вдруг резко отстраняется, смотрит на нее пристально и неожиданно подхватывает на руки, прижимая к себе.

— Отпусти, Максим!.. — изумленно выдыхает девушка.

— Нет, — открыто улыбается он. — Теперь — точно нет, и не мечтай.

И Лена, рассмеявшись, понимает, что ей нечего ему возразить.

Это было полное единение. Мыслей, чувств, мироощущений, тел и душ. Принятие жизни такой, какая она есть, со всеми ее недостатками, проблемами, ошибками, былыми обидами и сомнениями, а не попытка построить ее такой, какой они хотели бы ее видеть.

Они прошли долгий путь к этому счастью. Через боль, обиду, непонимание, сомнения, недоверие и страх. Но они прошли этот путь вместе. Пусть, иногда не держась за руки, но важно лишь то, что сейчас они идут в ногу, смотрят в одном направлении, видят одно будущее на двоих и держат ладонь в ладони.

Так стало не сразу. Но стало. Потому что когда-то они не сдались, не уступили, не ушли, не смогли разорвать ту ниточку, что их связала. Не позволили ей порваться. Переступили через себя, свои ошибки и обиды, простив, приняв... любя друг друга. И телом, и душой...

Больше книг на сайте — Knigolub.net